

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

СТАНОВЛЕНИЕ,
РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СКОТОВОДЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВ

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию
со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина
10–12 ноября 2020 г.
Санкт-Петербург

Анатолий Максимилианович
Мандельштам
(11.08.1920 — 08.09.1983)

Игорь Николаевич
Хлопин
(07.06.1930 — 07.12.1994)

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

STATE HERMITAGE

PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
(THE KUNSTKAMERA) OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ANCIENT AND MEDIEVAL CULTURES OF CENTRAL ASIA
(THE FORMATION, DEVELOPMENT AND INTERACTION
OF URBANIZED AND CATTLE-BREEDING SOCIETIES)**

*Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 100th birth anniversary
of Doktor Nauk in Historical Sciences Anatolii M. Mandelstam and the 90th birth anniversary
of Doktor Nauk in Historical Sciences Igor' N. Khlopin*

10–12 November 2020, St. Petersburg

St. Petersburg
2020

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ (СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ)**

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Манделъштама
и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина*

10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2020

Организация конференции и издание сборника ее материалов осуществлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–09–22011

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия: В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов (отв. редакторы),
В. А. Алёшкин, М. Е. Килуновская, О. В. Сычева

Рецензенты: д. и. н. Е. М. Колпаков, д. и. н. И. Л. Тихонов

Программный комитет конференции: акад. РАН, д. и. н. М. Б. Пиотровский (Гос. Эрмитаж, сопредседатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, сопредседатель); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, зам. сопредседателей); акад. РАН, д. и. н. В. И. Молодин (Институт археологии и этнографии СО РАН); акад. АН Республики Узбекистан, д. и. н. Э. В. Ртвеладзе (Институт искусствознания АН Республики Узбекистан); чл.-корр. РАН, д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН); чл.-корр. РАН, д. и. н. Н. В. Полосьмак (Институт археологии и этнографии СО РАН); д. и. н. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); д. и. н. А. В. Седов (Музей народов Востока); д. и. н. К. С. Ташбаева (Институт истории, археологии и этнологии НАН Кыргызской Республики); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж)

Организационный комитет конференции: к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. М. Е. Килуновская (ИИМК РАН, зам. председателя); О. В. Сычева (ИИМК РАН, отв. секретарь); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН), к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН); к. и. н. Вл. А. Семенов (ИИМК РАН); к. и. н. Ю. Г. Кутимов (ИИМК РАН); Е. О. Стоянов (ИИМК РАН); к. ф. н. П. Б. Лурье (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. В. Омельченко (Гос. Эрмитаж); к. и. н. А. И. Торгоев (Гос. Эрмитаж); К. В. Чугунов (Гос. Эрмитаж)

Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). — СПб.: ИИМК РАН, 2020. — 308 с., ил.

ISBN 978-5-907298-09-5

DOI 10.31600/978-5-907298-09-5

ОТ ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Так уж получилось, что настоящая конференция, чествующая юбилейные даты крупнейших отечественных археологов, А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина, проходит в исключительно неблагоприятных условиях по причине новой вспышки всемирной эпидемии COVID-19, из-за чего мы вынуждены провести ее в т. н. гибридном режиме — очно и online. Но как бы ни трудно нам всем сейчас было, каждый из нас отчетливо понимает, что жизнь должна продолжаться, в том числе и научная. Собственно, наша конференция и призвана послужить своего рода доказательством этого жизнеутверждающего тезиса.

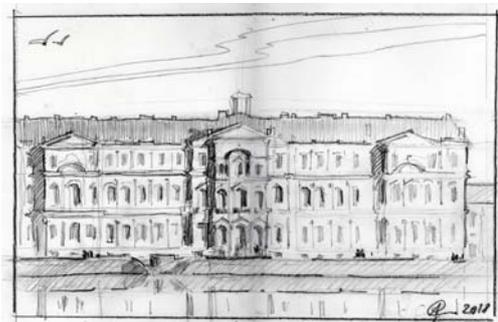
В Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН в последние два десятка лет сложилась добрая традиция отмечать памятные даты ушедших из жизни выдающихся его сотрудников проведением представительных международных научных форумов. Так, в 2002 и 2012 гг. были проведены конференции, посвященные 100- и 110-летнему юбилеям Михаила Петровича Грязнова, в 2004 г. — конференция в честь 100-летия со дня рождения Александра Марковича Беленицкого, в 2010 г. — конференция, посвященная 100-летию Александра Натановича Бернштама, в прошлом, 2019 г. — конференция в честь 90-летия Вадима Михайловича Массона. Теперь же мы отмечаем юбилейные даты двух других наших выдающихся коллег, Анатолия Максимилиановича Мандельштама и Игоря Николаевича Хлопина, и выражаем надежду на то, что эта замечательная традиция сохранится в нашем Отделе и в будущем.

Данный сборник материалов нашей конференции структурно построен в полном соответствии с тематикой ее заседаний. В рамках главной темы — развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ Центральной Азии и ее соседей от первобытной древности до средневековья — книга состоит из четырех разделов: первый посвящен личностям наших юбиляров и их вкладу в изучение археологии и древней истории Центральной Азии, второй, третий и четвертый разделы включают в себя новейшие разработки означенной проблематики в хронологическом порядке: второй раздел — в области первобытной археологии (от неолита до эпохи бронзы), третий — раннего железного века и античности, четвертый — средних веков.

Мы сердечно благодарим всех тех наших коллег из России и стран ближнего и дальнего зарубежья, кто откликнулся на наше приглашение и в той или иной форме принял участие в конференции в честь юбилеев А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина.

РАЗДЕЛ I

Вклад А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина
в изучение археологии и древней истории Центральной Азии

PART I

Contributions of Anatolii M. Mandel'shtam and Igor' N. Khlopin
to the study of archeology and ancient history of Central Asia

АНАТОЛИЙ МАКСИМИЛИАНОВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ (1920–1983)¹

Ю. Г. Кутимов²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ANATOLII M. MANDEL'SHTAM (1920–1983)

Yurii G. Kutimov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-7-10

Ключевые слова: А. М. Мандельштам, биография, полевая археология, Средняя Азия, Южная Сибирь, бронзовый век, ранние кочевники, кушанская проблема.

Keywords: Anatolii M. Mandel'shtam, biography, field archaeology, Central Asia, Southern Siberia, Bronze Age, early nomads, Kushan problem.

Анатолий Максимилианович Мандельштам родился 11 августа 1920 г. в Воронеже в семье молодых медицинских работников. Его отец, Максимилиан Эмильевич Мандельштам, 1886 г. р., родом из Николаева, в год рождения сына закончил медицинский факультет Воронежского университета. Через год, в 1921 г., семья переехала в Петроград, где в 1924 г. М. Э. Мандельштам защищает диссертацию на степень доктора медицины. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. М. Э. Мандельштам возглавлял кафедру патологической анатомии в Ленинградском стоматологическом институте. Скончался Максимилиан Эмильевич в январе 1942 г. в блокадном Ленинграде. Мать, Вера Петровна, родилась в 1903 г. в селе Великое Старорусского уезда Новгородской губернии, работала лаборантом в различных медицинских учреждениях Ленинграда.

В 1930–1937 гг. Анатолий Мандельштам учится в средней школе № 16. В 1937 г. он поступает на экстернат исторического факультета Ленинградского государственного университета, в 1938 г. переходит на стационарное отделение и в августе 1941 г. оканчивает истфак по специальности «историк-археолог». Существенное влияние на формирование научных интересов А. М. Мандельштама в годы учебы оказали А. Н. Бернштам, благодаря которому молодой студент занялся изучением раннекочевнических культур и кушанской проблематикой, а также А. Ю. Якубовский.

После окончания университета в 1941 г. А. М. Мандельштам был отправлен на работу в Сталинабад, в Республиканский музей при Таджикском филиале АН СССР. В мае 1942 г.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0001-8267-1809; e-mail: yuriuz@rambler.ru.

Рис. 1. А. М. Мандельштам, 1970-е гг.
Fig. 1. Anatolii M. Mandel'shtam, 1970s

он призван на действительную военную службу, которая проходила в различных регионах Средней Азии, Узбекистане и Туркменистане. Демобилизовавшись в июне 1946 г., А. М. Мандельштам возвращается в Ленинград с целью поступления в аспирантуру. Успешно сдав вступительные экзамены, в июле 1948 г. он был зачислен в аспирантуру ЛОИИМК АН СССР по специальности «История и археология Средней Азии раннефеодального периода», его научным руководителем назначен А. Ю. Якубовский. Тема кандидатской диссертации А. М. Мандельштама — «Сложение таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье». В работе рассматривались вопросы этногенеза таджикской народности в контексте согдийско-тюркских этнокультурных взаимоотношений. Кандидатская диссертация была успешно защищена в декабре 1951 г., а основные результаты работы опубликованы в журнале «Советская археология» в 1954 г. (Мандельштам 1954а).

После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации А. М. Мандельштам был принят на должность младшего научного

сотрудника в Сектор археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии (далее — ИИАЭ) АН Таджикской ССР с одновременным исполнением обязанностей ученого секретаря Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. В ИИАЭ АН Таджикской ССР А. М. Мандельштам проработал четыре года. В июле 1956 г. он был принят на работу в ЛОИИМК АН СССР. Более тридцати лет научной деятельности А. М. Мандельштама, включая годы обучения в аспирантуре и работы в качестве научного сотрудника, были связаны с Сектором археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР, где он трудился до конца жизни.

География экспедиционных исследований А. М. Мандельштама была весьма обширна: в разные годы он работал в Таджикистане, Туркменистане и Южной Сибири, проводил полевые работы в Сталинградской и Астраханской областях, Актюбинской области Казахстана, Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР.

В 1940–50-е гг. экспедиционная деятельность А. М. Мандельштама была связана с Таджикистаном. Здесь он стал одним из активных участников Таджикской археологической экспедиции А. Ю. Якубовского, сперва в качестве лаборанта Пенджикентского отряда, а затем как руководитель археологических отрядов, исследовавших различные регионы республики.

В 1952–1953 гг. А. М. Мандельштам руководит работами Верхнезеравшанского отряда в долине Нижней Матчи и Верхнего Зеравшана, где были проведены обследования ряда средневековых памятников (Мандельштам 1954б; 1956а). В 1952 г. он принимает участие (в 1953 г. — как руководитель) в работах Кафирниганского отряда в Кобадиянском оазисе на юге Таджикистана, задача которых заключалась в изучении памятников раннегородского типа, начатом М. М. Дьяконовым (Мандельштам 1954в; Мандельштам, Певзнер 1958). В 1954 г. А. М. Мандельштам, возглавляя совместно с Н. Н. Негматовым Кайрак-Кумский отряд, проводит исследования в Ленинабадской области Таджикистана, в зоне строительства Кайрак-Кумского водохранилища (Мандельштам, Негматов 1956). Осенью 1954 г.

и весной 1955 г. он руководит работами Каратегинского отряда, специально созданного для обследования археологических памятников малоизученной долины реки Сурхоб (Мандельштам 1956а; 1956г). В 1955–1959 гг. А. М. Мандельштам возглавляет работы Кобадиянского отряда в Бишкентской долине, расположенной между хребтами Бабатаг и Аруктау на юго-западе Таджикистана. Здесь им были изучены курганные могильники раннекочевнического типа античного времени: Аруктауский, Тулхарский и Коккумский. Результаты раскопок курганных могильников Бишкентской долины были обобщены в двух монографиях (Мандельштам 1966а; 1975). Здесь же, в Бишкентской долине, А. М. Мандельштам исследовал археологические комплексы бронзового века — в первую очередь, ранний Тулхарский могильник (Мандельштам 1968).

В 1960–1964 гг. экспедиционная деятельность А. М. Мандельштама была связана с Туркменистаном. Основная задача этих работ состояла в выявлении и изучении памятников кочевнического населения античного и раннесредневекового времени, исторически связанных с греко-бактрийской, кушанской и парфянской эпохами Северной Бактрии и Северной Парфии. В эти годы А. М. Мандельштам проводит археологические работы в Юго-Восточном Туркменистане, на правом берегу Амударьи, где им был обследован курганный могильник Бабашов, материалы которого дополнили исследования аналогичных памятников Северной Бактрии, раскопанных ранее в Бишкентской долине (Мандельштам 1967а; 1975). Широкие археологические работы были проведены также в южных и северо-западных районах Туркменистана, где были исследованы ряд кочевнических могильников парфянского времени, а также открыты археологические комплексы срубного типа эпохи поздней бронзы (Мандельштам 1963; 1966б; 1967б).

Начиная с 1965 г. А. М. Мандельштам возглавляет полевые работы II-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции на территории Тувы, где исследует памятники афанасьевского и окуневского типа, а в 1968–1983 гг. он проводит раскопки одного из самых значительных памятников скифского и гунно-сарматского времени — могильного поля Аймырлыг.

В 1973 г. А. М. Мандельштам защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии», в которой им были систематизированы материалы многолетних раскопок, и на основе исследований памятников Таджикистана и Туркменистана рассмотрены различные актуальные проблемы изучения археологических комплексов эпохи бронзы и античного времени южных районов Средней Азии. Из более чем 120 опубликованных работ А. М. Мандельштама почти 90, включая четыре монографии, посвящены изучению различных аспектов древней истории и археологии Средней Азии — от эпохи бронзы до средневековья.

Архивные материалы

Мандельштам А. М. Личное дело аспиранта ЛОИИМК АН СССР // НАИИМК. РО. Ф. 35. Оп. 4. Д. 26.

Мандельштам А. М. Личное дело научного сотрудника ЛОИИМК АН СССР // НАИИМК. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 410.

Литература

Мандельштам 1954а — Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье // СА. 1954. Т. 20. С. 57–99.

Мандельштам 1954б — Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Верхнезравшанского отряда в 1953 г. // ДАНТаджССР. 1954. Вып. 11. С. 31–38 (АРТ. Вып. 1).

Мандельштам 1954в — Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. // ДАНТаджССР. 1954. Вып. 11. С. 61–68 (АРТ. Вып. 1).

Мандельштам 1956а — Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Каратегинского отряда в 1954 г. // АРТ. 1956. Вып. 2. С. 69–76.

- Мандельштам 1956б — *Мандельштам А. М.* Раскопки на Батур-тепе // АРТ. 1956. Вып. 3. С. 57–60.
- Мандельштам 1956в — *Мандельштам А. М.* О работах Кобаданского отряда в 1955 г. // АРТ. 1956. Вып. 3. С. 71–74.
- Мандельштам 1956г — *Мандельштам А. М.* О работах Каратегинского отряда в 1955 г. // АРТ. 1956. Вып. 3. С. 87–92.
- Мандельштам 1963 — *Мандельштам А. М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху // ИАНТуркмССР. СОН. 1963. № 2. С. 27–33.
- Мандельштам 1966а — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966. (ТТАЭ. Т. V; МИА. № 136).
- Мандельштам 1966б — *Мандельштам А. М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 105–108.
- Мандельштам 1967а — *Мандельштам А. М.* Археологическая разведка в Чаршангинском районе // ИАНТуркмССР. СОН. 1967. № 1. С. 21–31.
- Мандельштам 1967б — *Мандельштам А. М.* Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 61–65.
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники бронзового века в Южном Таджикистане. Л., 1968 (ТТАЭ. Т. VI; МИА. № 145).
- Мандельштам 1975 — *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975 (ТТАЭ. Т. VII).
- Мандельштам, Негматов 1956 — *Мандельштам А. М., Негматов Н. Н.* Предварительный отчет о работах Кайрак-Кумского отряда в 1954 г. // АРТ. 1956. Вып. 2. С. 43–50.
- Мандельштам, Певзнер 1958 — *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. 1958. № 66. С. 290–324 (ТТАЭ. Т. III).

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ХЛОПИН И ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

В. А. Алёкшин²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

IGOR' N. KHLOPIN AND THE PREHISTORIC ARCHEOLOGY OF CENTRAL ASIA

Vadim A. Alyokshin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-10-14

Ключевые слова: *И. Н. Хлопин, научная биография, энеолит, бронзовый век, Юго-Восточный и Юго-Западный Туркменистан, Дашлыджи-депе, Ялангач-депе, могильники Пархай I, II и Сумбар I, II.*

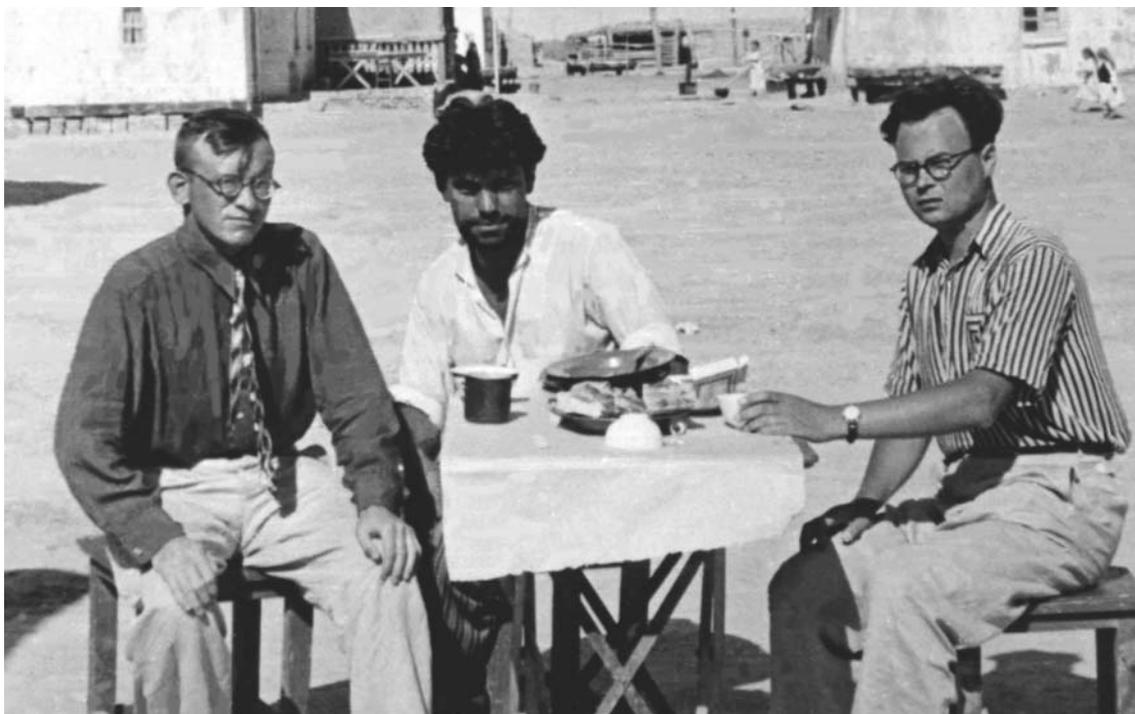
Keywords: *Igor' N. Khlopin, scholarly biography, Eneolithic, Bronze Age, South-East and South-West Turkmenistan, Dashlydzhi-Depe, Yalangach-Depe, burial grounds Parkhai I, II and Sumbar I, II.*

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0002-9224-6037; valyokshin1@yandex.ru.

Крупнейший исследователь первобытных древностей Южного Туркменистана Игорь Николаевич Хлопин родился в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) 7 июня 1930 г. в семье, в которой уже два поколения мужчин посвятили свою жизнь медицине. Его отец, Николай Григорьевич, и дед, Григорий Витальевич, были известнейшими отечественными специалистами в различных областях медицинской науки. Игорь Николаевич прервал эту традицию, выбрав в качестве специальности такую романтическую и, быть может, не слишком рациональную сферу знаний, как археология. Выбор этот был сделан им еще в подростковом возрасте. В неопубликованных мемуарах академика патологоанатома В. Г. Гаршина упоминается Игорь Хлопин, сын его друга Н. Г. Хлопина, возвратившегося в 1944 г. вместе с семьей из Самарканда, где они проживали в эвакуации. В. Г. Гаршин сообщает, что он подобрал старинные монеты для подарка Игорю, который буквально бредил в эту пору древностями Востока. Возможно, что интерес к прошлому зародился у мальчика именно в Самарканде, где современность гармонично переплеталась с минувшим, где в центре современного города находится площадь Регистан, на которой высятся несколько мечетей XV–XVII вв., а в других районах города располагались гробница Гур-Эмир, мечеть Биби Ханым (начало XV в.) и знаменитый некрополь Шахи-Зинда, сокровищница средневековой восточной архитектуры (XIV–XV вв.).

По возвращении в Ленинград Игорь окончил в 1948 г. среднюю школу № 107, в которой он начал учиться еще до войны в 1939 г. Затем юноша в соответствии со своими сложившимися профессиональными интересами поступил на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Здесь он вскоре заинтересовался более ранними древностями, чем средневековые артефакты Самарканда. Университетский диплом молодого выпускника кафедры «Сравнительная характеристика энеолитических культур Ирана и Туркмении» не только получил оценку «отлично», но и привлек внимание специалистов ЛОИИМК АН СССР в области первобытной восточной археологии.

Рис. 1. Выдающиеся исследователи первобытных древностей Центральной Азии (слева направо): В. М. Массон, В. И. Сарияниди и И. Н. Хлопин (Южный Туркменистан, вторая половина 1950-х гг.)

Fig. 1. Outstanding researchers of the Prehistoric antiquities of Central Asia (from left to right): Vadim M. Masson, Viktor I. Sarianidi and Igor' N. Khlopin (Southern Turkmenistan, second half of the 1950s)

Рис. 2. И. Н. Хлопин, 1970-е гг.
Fig. 2. Igor' N. Khlopin, 1970s

Полевую археологическую практику Игорь Николаевич проходил в новостроечной Волго-Донской (1949 г.) и Кармирблурской (1950–1952 гг.) экспедициях, причем последняя из них, которой руководил член-корр. АН АрмССР Б. Б. Пиотровский, занималась исследованием именно восточных (закавказских урартских) древностей. В июне 1953 г. И. Н. Хлопин успешно завершил университетское образование, получив по диплому специальность историк-археолог.

После окончания высшей школы молодому специалисту пришлось поработать младшим научным сотрудником Артиллерийского исторического музея Главного артиллерийского управления Министерства обороны СССР в отделе феодальной артиллерии. Полученные навыки в области полевой археологии Игорь Николаевич с успехом применил на новом месте службы, организовав в 1953 г. раскопки Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря.

Однако он никогда не упускал из виду своей главной задачи: вернуться к исследованиям древностей Центральной Азии. 3 апреля 1954 г. кафедра археологии ЛГУ, учитывая успехи И. Н. Хлопина как студента, рекомендовала его в заочную аспирантуру ЛОИИМК, куда он поступил 25 октября того же года по специальности «первобытная археология». Научным руководителем молодого аспиранта назначили член-корр. АН Армянской ССР Б. Б. Пиотровского. Диссертационная тема И. Н. Хлопина «Культуры Ирана III–II тыс. до н. э. и их связь с культурой Южной Туркмении» была утверждена на заседании Ученого Совета института 20 апреля 1955 г.

1 декабря 1956 г. молодой специалист был переведен в очную аспирантуру с изменением 17 января 1957 г. темы диссертационного исследования на «Культура племен Южной Туркмении раннего энеолита». 26 ноября 1958 г. он успешно завершил обучение в аспирантуре и 1 декабря того же года был зачислен в штат ЛОИИМК АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Игорь Николаевич стал членом группы, приступившей к разработке принципиально нового для ЛОИИМК (с 1958 г. — ЛОИА АН СССР) направления: археология раннеземледельческих обществ южных областей Центральной Азии.

Еще будучи аспирантом, молодой исследователь участвовал, начиная с 1955 г., в работах Каракумского отряда Института, раскапывая такие поселения Геоксюрского оазиса как Дашлыджи-депе, Ялангач-депе и Муллали-депе. Обработав все эти материалы, Игорь Николаевич в деталях изучил стандарты местной энеолитической культуры, на базе которых впоследствии сформировалась культура бронзового века подгорной полосы Копетдага. В 1968 г. ученый с успехом защитил кандидатскую диссертацию «Племена раннего энеолита Южной Туркмении». Результаты работ И. Н. Хлопина в области археологии энеолита Южного Туркменистана были опубликованы им в большой статье (Хлопин 1960), двух сводах археологических источников (Хлопин 1963; 1969) и книге (Хлопин 1964).

В 1967 г. И. Н. Хлопин возглавлял Каракумский и Намазгинский отряды, проводя исследования на так называемой Вышке поселения Намазга-депе, где он раскапывал культурные отложения, датирующиеся поздним бронзовым веком. Результаты этих работ позволили по-новому осветить не только быт древних земледельцев Южного Туркменистана, но и получить информацию о проникновении в этот регион пастушеских племен из далеких северных областей. В 1970 г. И. Н. Хлопин стал старшим научным сотрудником.

С 1969 г. ученый приступил к «стиранию» белых пятен в археологии Юго-Западного Туркменистана. Вначале он исследовал поселение культуры архаического Дахистана Пархай-депе (1969, 1972 гг.), а затем открыл в долине р. Сумбар могильники эпохи энеолита и бронзового века Сумбар I, II и Пархай I, II, раскопки которых были осуществлены им в 1972–1986 гг. и 1988–1993 гг., причем с 1974 г. экспедиция, которой руководил Игорь Николаевич, получила название Сумбарской. Материалы раскопок могильника Сумбар I позволили автору выделить сумбарскую археологическую культуру. Ее погребальные комплексы были опубликованы в монографии (Хлопин 1983). Основные положения этой книги легли в основу защищенной им в 1984 г. докторской диссертации. Спустя два года после защиты Игорь Николаевич становится ведущим научным сотрудником Отдела.

Не менее значительны успехи И. Н. Хлопина, полученные им при раскопках могильника Пархай II. Последние годы жизни он обрабатывал коллекции этого памятника для публикации, подготавливал обширный иллюстративный материал, но полностью завершить свой капитальный труд исследователю помешала смерть, случившаяся 7 декабря 1994 г. Несколько лет спустя сотрудники его экспедиции Е. В. Бобровская и В. А. Завьялов, ныне ушедшие из жизни, а также Л. И. Хлопина и А. В. Громов подготовили к печати и издали две монографии, в которых описаны погребальные комплексы этого уникального древнего кладбища (Хлопин 1997; 2002). После выхода в свет этих монографий вклад И. Н. Хлопина в решение фундаментальных проблем первобытной археологии Центральной Азии стал еще рельефнее.

Ученый имел весьма разносторонние интересы. Помимо указанных выше исследовательских тем он неоднократно обращался к интерпретации иранской мифологии, вопросам индоевропеистики, проблемам становления различных форм хозяйства, задачам интерпретации общественного строя древнеземледельческих племен Центральной Азии. Его научные труды

Рис. 3. И. Н. Хлопин на раскопках могильника Сумбар II, Юго-Западный Туркменистан (1993 г.)
Fig. 3. Igor' N. Khlopin at the excavations of the Sumbar II burial ground, Southwestern Turkmenistan (1993)

были по достоинству оценены зарубежными коллегами и публиковались в Великобритании, Голландии, Австрии, Германии, Иране, США. В 1984 г. И. Н. Хлопин был избран членом-корреспондентом Германского Археологического Института.

Своими научными разработками он охотно делился с молодежью на лекциях по археологии Центральной Азии, курс которой читал на кафедре археологии ЛГУ в течение 10 лет (с 1971 г. по 1980 г.).

Игорь Николаевич внес большой вклад в среднеазиатскую археологию. Являясь одним из первопроходцев в этой области, он всегда акцентировал внимание на местных корнях открытых им археологических культур, не забывая, конечно, выявлять и взаимодействие древних обитателей Южного Туркменистана с племенами, обитавшими в других областях земледельческой ойкумены. Разумеется, время идет вперед. Мы получаем новые материалы и разрабатываем новые подходы к их изучению, что позволяет определять устаревшие положения в работах наших предшественников. В этом и состоит цель науки вообще и этой конференции в частности: по достоинству оценить заслуги наших юбиляров и сделать шаг вперед в решении тех проблем, которые они изучали при жизни.

Литература

- Хлопин 1960 — Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т 10. С. 134–163.
- Хлопин 1963 — Хлопин И. Н. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л., 1963 (САИ. Вып. БЗ–8. Ч. 1).
- Хлопин 1964 — Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений. Опыт исторического анализа. М.; Л., 1964.
- Хлопин 1969 — Хлопин И. Н. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л., 1969 (САИ. Вып. БЗ–8. Ч. 3).
- Хлопин 1983 — Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопин 1997 — Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997.
- Хлопин 2002 — Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНАТОЛИИ МАКСИМИЛИАНОВИЧЕ МАНДЕЛЬШТАМЕ

Б. Б. Овчинникова¹

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

FROM REMINISCENCES ABOUT ANATOLII M. MANDEL'SHTAM

Bronislava B. Ovchinnikova

Ural Federal University named after Boris N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-14-19

Ключевые слова: А. М. Мандельштам, Саяно-Тувинская археологическая экспедиция, могильник Аймырлыг.

Keywords: Anatolii M. Mandel'shtam, Sayan-Tuvinian archaeological expedition, Aymyrlyg burial ground.

¹ ORCID: 0000-0002-5028-1352; bovchinnikova@mail.ru.

Минуло более полувека... Но никогда не забуду свой первый саяно-тувинский экспедиционный сезон. Еще весной 1966 г. на конференции я получила приглашение от начальника Саяно-Тувинской археологической экспедиции (СТЭАН) Александра Даниловича Грача принять участие в раскопках древнетюркских курганов на Енисее. Сразу после выпускных экзаменов в Уральском госуниверситете в конце июня я отправилась в Туву.

Путь был долгим. Сначала поездом из Свердловска до Абакана, а затем на попутных машинах через Саяны в Туву. Необычайная красота гор притягивала к себе, однако вместе с тем экстремальные ощущения такого путешествия пришлось испытать в полной мере. Когда я наконец добралась до экспедиционной базы в городе Кызыле (ул. Советская, д. 20), меня поразило полное затишье на ее территории: во дворе находилась лишь одна экспедиционная машина и возле нее стояли двое мужчин. Один из них — высокий, худой, с мрачным лицом (как я узнала позже, это был Анатолий Максимилианович Мандельштам, имя которого мне было знакомо лишь по публикациям, но вот увидела я его впервые), второй — шофер автобазы АН СССР Анатолий Сергеевич Гиляров. На вопрос: «Кто я и откуда», ответила: «Я — Слава из Свердловска». Они не просто удивились, скорее даже опешили, т. к. получив телеграмму, ожидали, что приезжает мужчина.

Узнав, что я прибыла по приглашению А. Д. Грача, мне предложили (не без иронии) подождать его на базе недели две-три, так как приехать за мной начальнику экспедиции, отряд которого располагался на другом берегу, помешал разлив Енисея. Такое известие меня повергло в отчаяние — свободного времени у меня было всего лишь месяц: к 1 августа я должна была уже прибыть по месту распределения и приступить к работе. Прodelать такой путь и ... Объяснив ситуацию, я ожидала решения от А. М. Мандельштама, однако его равнодушное пожатие плечами не обещало ничего хорошего. Помог А. С. Гиляров, который принял активное участие в выяснении подробностей: как я добралась... и зачем приехала... Он сообщил мне, что на базе они ждали прибытия археолога из Казахстана К. А. Акишева (друга Анатолия Максимилиановича), но тот прислал известие, что сможет приехать лишь в августе, а, значит, в июле место оставалось свободным. После переговоров шофера с А. М. Мандельштамом было принято решение взять меня в отряд археологом. С этого и началось мое знакомство с Анатолием Максимилиановичем.

Лагерь второго отряда СТЭАН, которым руководил Анатолий Максимилианович, располагался на берегу Енисея. Ближайшим населенным пунктом был город Шагонар. По приезде в отряд оказалось, что в его составе, кроме меня, еще три девушки: Наташа и Надя (поварихи) — местные школьницы, а также чертежница Лина — ленинградская студентка Академии художеств; остальные — мужской состав: шофер, художники и более десятка учащихся школ-интернатов Тувинской АССР из молодежного лагеря «Аныяк Тыва» («Молодая Тува») при СТЭАН.

И хотя с археологическими раскопками я была знакома — специализация по археологии и четыре полевых сезона Уральской экспедиции за плечами — здесь все оказалось в новинку... В первую очередь, раем мне показались условия проживания: отдельная палатка с раскладушкой и спальным мешком-пуховиком! Такую роскошь в 1960-е гг. могла позволить себе только престижная археологическая экспедиция, которой и была Саяно-Тувинская, — ведь работы велись в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС!

На следующий день с ватагой местных мальчишек и чертежницей Линой нас высадили десантом на объект. Памятники, на которых предстояло работать, как выяснилось, тоже отличались от уральских — как по внешнему виду, так и по методике раскопок. Это была группа небольших по диаметру курганных насыпей, представляющих собой задернованные мелким колючим кустарником развалы камней, а не земляные насыпи, как на Среднем Урале. Задание состояло в том, чтобы их полностью расчистить. Я поняла, что это необходимо для выявления размера и истинной формы наземных сооружений. Организовав работу местных ребят по расчистке, в процессе которой шло обучение меня тувинскому языку через мелодичные национальные песни, мы, как оказалось, перевыполнили план, чем

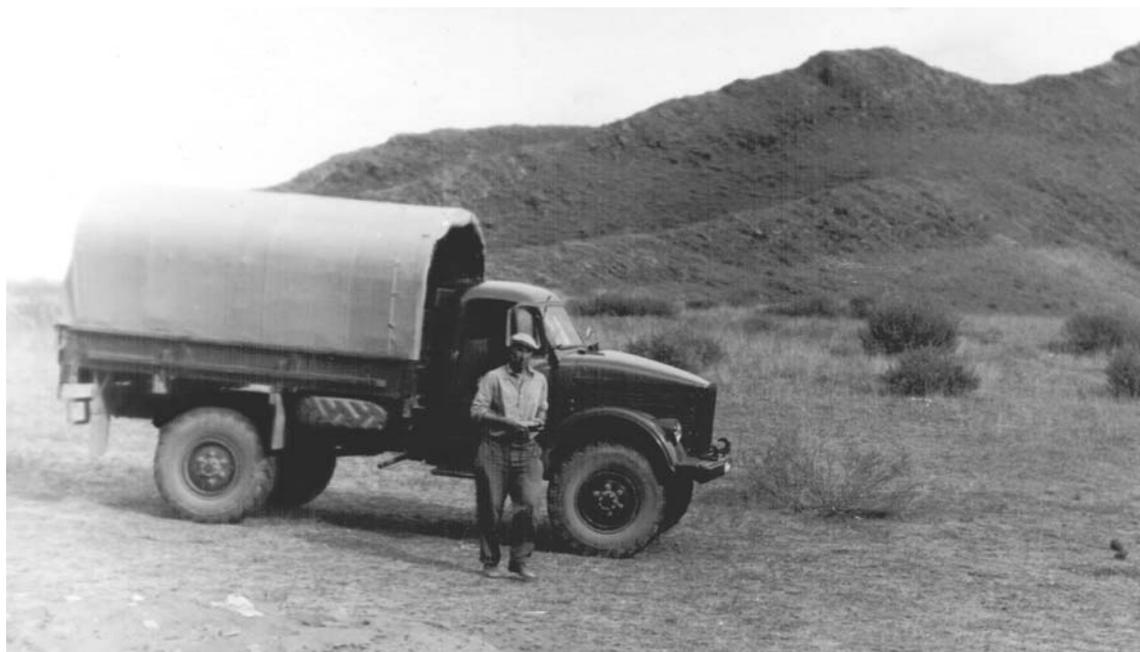

Рис. 1. Аймырлыг, 1966 г.
Fig. 1. Aymyrlyg, 1966

чрезвычайно удивили вернувшегося на объект начальника. Можно сказать, что мое «крещение» как археолога в отряде А. М. Мандельштама состоялось!

А вокруг нас саянские пейзажи, сравнимые только с этюдами Рериха: журчащий шум могучей реки Енисей, небо во весь горизонт с висящими звездами, завораживающие очертания гор. Особенное впечатление своим видом из палатки производила священная гора Хайыракан («Медведь-гора»), известная по легендам и преданиям. Все было бы хорошо, если бы не предупреждение местных ребятишек о присутствии в этих краях ядовитых змей и тарантулов... С последними мне раньше не приходилось сталкиваться, и я понятия не имела, как они выглядят вживую. Мне пообещали при случае их показать, но предупредили: «Но при этом помни: не наступать и не препятствовать их продвижению!»

И вот такой случай настал... Прошло три-четыре дня моего пребывания в лагере, и в выходной день А. М. Мандельштам объявил сбор древесины для топлива. Приехав на место, где вода уже начала отступать в свои берега, мы дружной командой отправились вдоль Енисея. И вдруг, через какое-то время слышу окрик ребят: «Осторожно, смотри: вот они — тарантулы!». Тут я увидела идущих (скорее даже бегущих) друг за другом прямо на меня двух тарантулов (тогда они мне показались огромными — с мой кулак!). Помня, что нельзя стоять у них на пути, я резко отпрыгнула в сторону на старую доску, но сразу поняла, что приземлилась неудачно: как выяснилось, на торчащий в доске ржавый гвоздь. Мои легкие кеды меня не спасли — выдернув ногу я ощутила хлюпанье чего-то липкого... Признаться в том, что произошло, было как-то неудобно — я еще только начала знакомиться с отрядом. Узнав от Нади, что совсем рядом стоит лагерь пятого отряда (руководитель Ю. И. Трифонов), я прошла к ним. В лагере находилась лишь повариха, у которой я и попросила бинт. Промыв в Енисее ступню и плотно перебинтовав ее, продолжила дальше собирать древесину. Когда мы вернулись в лагерь, нога уже распухла, и краснота стремительно стала подниматься вверх от щиколотки... Понимая всю серьезность ситуации, мне пришлось сообщить о случившемся А. М. Мандельштаму (далее — А. М.). Несмотря на вечер, меня срочно повезли в больницу города Шагонар. После осмотра у молодого местного врача А. М. спросил, что тот собирается предпринять, и услышал вердикт: «если что — ампутирuem!» И тут последовала моментальная реакция Мандельштама: резко открыв

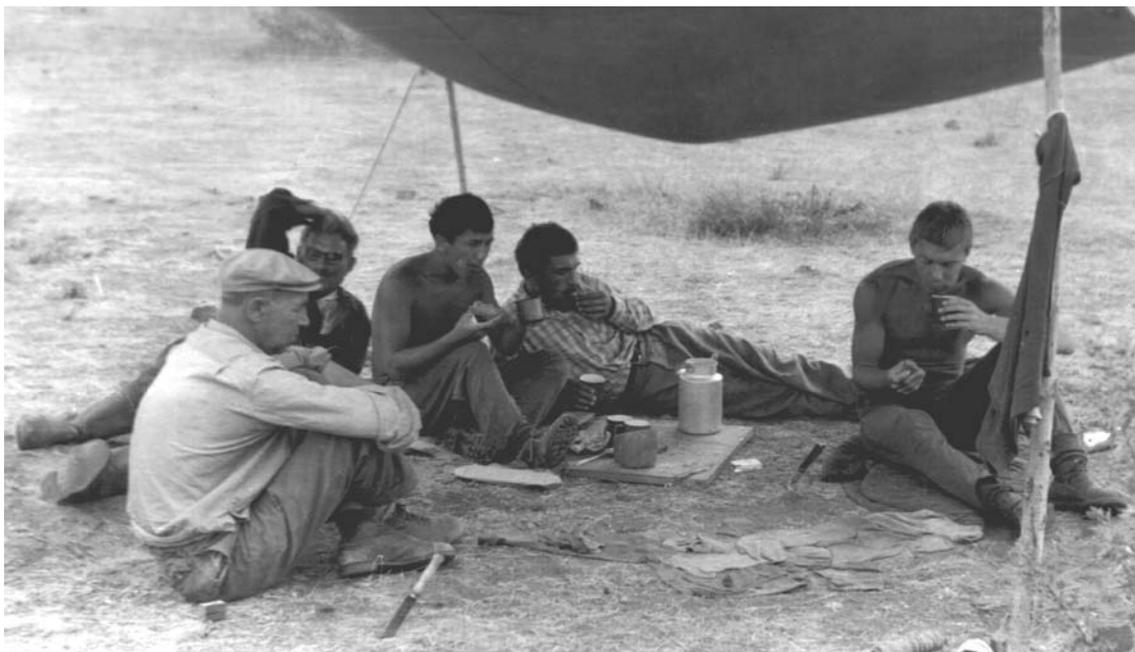

Рис. 2. Аймырлыг, 1966 г.
Fig. 2. Aymyrlyg, 1966

шкафчики, в которых находились медикаменты, он быстро что-то взял и, повернувшись ко мне, скомандовал: «Обратно в машину! Как-никак мои предки — медики. Справлюсь...» По возвращении в лагерь он обработал мне ногу «по военно-полевым условиям». Терпела. Через два дня встала... Сейчас даже подумать боюсь о том, какой бедой мог обернуться мой «побег» от тарантулов, не приди тогда мне на помощь Анатолий Максимилианович.

Через неделю после случившегося на моторной лодке за мной приехал А. Д. Грач. Его удивил мой отказ перейти к нему в отряд — причину тогда я так и не сказала. Правда, кулуарно Грач заметил, что навряд ли мне будет комфортно у А. М., ведь в Институте он известен как женоненавистник! Такие слухи, действительно, ходили и в экспедиции. Тем не менее, это не помешало мне остаться и после первого полевого сезона в Туве продолжить дальнейшую работу в составе второго отряда СТЭАН.

Все те годы (1966–1982), работая с А. М., я поражалась его несуетности, дальновидности, широте и глубине исследовательского диапазона, меня восхищало общее признание его как знатока древних и современных языков, а еще — его уважительное, а порой даже и опекуновское отношение к сотрудникам экспедиции. Некоторые из них (бывшие лаборанты СТЭАН) и сегодня помнят его помощь либо с работой, либо с жильем.

В 1970-е гг. я столкнулась с тем, как своим советом А. М. мог подсказать научное направление в выборе темы, выделить нужный ее акцент. Причем все это делалось деликатно и предельно осторожно. Так, в начале нашей совместной работы в урочище Аймырлыг (1970 г.) не без участия А. М. постепенно определялся выбор и моей дальнейшей научной темы.

Могильник Аймырлыг располагался вблизи Саянского ущелья Енисея, на левом берегу реки Чаа-Холь, в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР. Планомерные раскопки памятника позволили считать его самым масштабным археологическим объектом в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. Как позже отмечал А. М., хронологические рамки для всего могильного поля оказались очень широкими — от эпохи бронзы до нового времени. На определенном этапе потребовалась их дифференциация по периодам. В связи с этим Анатолий Максимилианович и предложил мне «изучение курганов древнетюркского и более позднего периодов» (Мандельштам 1983: 26) на данном памятнике. Началось все

Рис. 3. Аймырлыг, 1982 г.
Fig. 3. Aymyrlyg, 1982

с раскопок в 1970 г. тюркского кургана № 52 в группе VIII, в процессе изучения которого я применила методику послойной зачистки внутренней площадки в кольце основы наземного сооружения. В результате мне удалось выявить конструкцию сооружения могилы для человека с конями, где погребенный покоился не просто за разделительной стенкой из каменных плит, установленных торцом (как это было зафиксировано ранее коллегами), а в подбое, который подпирали эти плиты (Овчинникова 2013: 119–120, табл. VI–VII). А. М. оценил такой подход к вскрытию поздних памятников и окончательно доверил мне раскопки не только древнетюркских памятников на Аймырлыге.

В следующем полевом сезоне (1971 г.) А. М. отвел меня в долину Даг-Аразы, считавшуюся южной оконечностью могильного поля Аймырлыг. Здесь компактно располагались курганные насыпи, содержавшие, по его предположению, захоронения древнетюркского времени. «Вот Вам и “Тюркский рай”! Принимайте». Именно этот могильник он позже обозначил как Аймырлыг 3, а мы его еще долго так и называли: «Тюркский рай». Только со временем он официально стал именоваться могильник Даг-Аразы (Овчинникова 1990: 15), чтобы не вносить путаницу с увеличивающейся нумерацией объектов.

Осенью того же года был заключен Договор о научном сотрудничестве между ЛОИА АН СССР и кафедрой истории СССР (досоветского периода) Уральского государственного университета (Свердловск, ныне — Екатеринбург), преподавателем которой я являлась. Уже летом 1972 г. группа наших студентов под моим руководством и в составе отряда А. М. Мандельштама начала проводить самостоятельные археологические раскопки на объектах¹: кроме тюркских памятников на могильнике Аймырлыг 1, нами также были проведены работы на площадках могильников Аймырлыг 2 и Аймырлыг 3 (Даг-Аразы), а с 1980 г., одновременно сотрудничая с отрядом по изучению петроглифов в Саянском каньоне Енисея, руководимым М. А. Дэвлет, на «Тропе Чингиз-хана».

Но все полевые сезоны 1972–1982 гг. мы стояли одним лагерем со вторым отрядом СТЭАН, всегда ощущая поддержку А. М. как надежного старшего руководителя.

¹ Работы проводились по Открытым листам, выданным Полевым Комитетом Института археологии АН СССР на имя Овчинниковой Б. Б. в период 1972–1981 гг.

Память часто не удерживает конкретику минувшего, но при этом удивительным образом оставляет в воспоминаниях эмоциональное сопровождение событий. И это то, что ни при каких обстоятельствах уже не может исчезнуть. Так и мое знакомство и сотрудничество с Анатолием Максимилиановичем Мандельштамом навсегда осталось в памяти.

Литература

- Мандельштам 1983 — Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 25–33.
- Овчинникова 1990 — Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.
- Овчинникова 2013 — Овчинникова Б. Б. Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., 2013. С. 115–138.

ВСПОМИНАЯ АЙМЫРЛЫГСКИЕ РАЗГОВОРЫ С А. М. МАНДЕЛЬШТАМОМ

Я. В. Васильков¹

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

REMEMBERING THE AYMYRLYG TALKS WITH ANATOLII M. MANDEL'SHTAM

Yaroslav V. Vassilkov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-19-21

Ключевые слова: А. М. Мандельштам, Средняя Азия, Южная Сибирь, Саяны, Алтай, Гиндукуш, Гималаи, миграции, неизвестные письменности, петроглифы, «музыкальные» зеркала.

Keywords: Anatolii M. Mandel'shtam, Central Asia, South Siberia, Sayan mountains, Altai, Hindukush, Himalayas, migrations, unknown scripts, petroglyphs, «musical» mirrors.

За несколько полевых сезонов, проведенных мною во втором отряде СТЭАН, который возглавлял Анатолий Максимилианович Мандельштам (далее — А. М.), я не помню, чтобы он вел с сотрудниками в лагере беседы об археологии и науке вообще. Тем сильнее было мое удивление, когда он удостоил меня, тогда еще молодого и никакими достижениями не отмеченного индолога, несколькими короткими разговорами на научные темы. Позднее я осознал, что причина здесь была исключительно в моей специальности. Индия всегда была в фокусе научных интересов А. М. Название одной из его монографий — «Кочевники на пути в Индию» (М., 1966) — могло бы служить обозначением темы не только этой, но и многих других его работ (особенно если добавить к понятию «кочевники» другое: «мобильные скотоводы»). Памятники культуры эпохи поздней бронзы в долине реки Бишкент в Южном Таджикистане (1700–1500 гг. до н. э.) достаточно убедительно были сопоставлены

¹ ORCID: 0000-0001-5508-5900; e-mail: yavass011@gmail.com.

А. М. с культурой ведийских индоариев. Наряду с родственной культурой Свата (или «культурой могильников Гандхары»), бишкентская культура признается сейчас одной из наиболее достоверно идентифицируемых вех на пути протоиндоариев в Индию. В Таласской долине (Кыргызстан) А. М. исследовал погребения восточных скифов — саков, впоследствии появившихся в Индии и сыгравших значительную роль в индийской истории под именем шака. Раскопанные им курганные могильники II–I вв. до н. э. в Северной Бактрии (совр. Южном Таджикистане и Юго-Восточном Туркменистане) пролили свет на предысторию еще одних кочевых завоевателей Индии — кушан.

В 1965 г. А. М. перенес свои полевые исследования из Средней Азии в Южную Сибирь, но Индия по-прежнему оставалась объектом его пристального внимания. Меня, например, совершенно поразил его интерес к житийным и легендарным источникам о деятельности в Индии апостола Фомы. Через Библиотеку Академии наук он узнал, что в библиотеке одного католического монастыря в Нидерландах есть экземпляр очень редкой книги об апостоле Фоме, опубликованной в Индии (*Zaleski L. M. The Apostle St. Thomas in India: History, Tradition and Legend. Mangalore, 1912*). В книге содержались переводы как сирийского жития апостола Фомы, так и местных индийских преданий о нем. Благодаря любезности моего голландского друга, профессора-слависта А. Барентсена, сделавшего в монастыре ксерокопию книги, А. М. смог использовать ее в своей исследовательской работе, что впоследствии сделала и сириолог из Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Е. Н. Мещерская в своей монографии «Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды)» (М., 1990).

Когда мы с коллегой-индологом, В. Г. Эрманом, расчистив погребение в монгун-тайгинском кургане, сложенном из крупных камней, радостно продемонстрировали А. М. единственную находку — продолговатую каменную бусину (а эти погребения, как я понял, обычно безынвентарны), то он сказал нам, что курганы монгун-тайгинского типа известны и в горных районах северной Индии, и что вообще между областями Саяно-Алтая и Гиндукуша/Гималаев издревле и на протяжении многих веков существовали разного рода связи. В те годы К. Йеттмар нашел на скалах в верховьях Инда первые «маскоиды» окуневского типа и петроглифы в «зверином стиле». Впоследствии находки подобных изображений были сделаны и в других районах современного Пакистана и северной Индии. Вообще с тех пор едва ли не с каждым годом слова А. М. получали в моих глазах все больше подтверждений и направляли к выводу о том, что горные системы, лежащие между евразийской степью/пустыней и равнинами Южной Азии, никогда не являлись непроходимым барьером, а служили, скорее, мостом для торговых, культурных связей и даже миграций значительных групп населения. Иначе трудно было бы объяснить, например, то, что в период «зрелой» Индской цивилизации на протяжении нескольких веков в Восточной Бактрии, на южном берегу Амударьи, т. е. по ту сторону Гиндукуша, существовал хараппский город-колония Шортугай, контролировавший бадахшанское месторождение лазурита.

В 1977 г. на основном раскопе в Аймырлыге, в гуннском погребении был найден берестяной туюсок с процарапанной надписью из нескольких знаков неизвестного письма. Чуть позже к ней добавились еще две надписи на туюсках. Знаки, на первый взгляд, напоминали много более позднюю тюркскую рунику, но, как выяснилось, были ближе к знакам письма на серебряной чаше из сакского кургана Иссык в Казахстане (публикация К. А. Акишева). Тем же, или очень сходным письмом, выполнены и некоторые другие недешифрованные надписи с территории Центральной Азии и современного Афганистана, среди которых выделяется одна из версий трилингвы раннекушанского времени (I в. до н. э.) из Дешт-е Навур в центральном Афганистане. Две другие версии написаны на бактрийском языке (местным письмом, производным от греческого) и на пракрите (письмом кхароштхи). Последнее свидетельствует о том, что ко времени создания трилингвы северо-западные области Индии уже входили в состав Кушанского государства. В родстве с «иссыкским» письмом, возможно, состоит еще одна недешифрованная письменность —

кохи, использовавшаяся, наряду с кхароштли, в Гандхаре. Таким образом, от найденных в Туве тусков со знаками письма ниточка протянулась до северо-западных рубежей исторической Индии.

Не раз приходилось мне убеждаться в реальности древних контактов между Индией и Саяно-Алтаем. Я давно слежу за тем, как постепенно растет число обнаруживаемых в сакских и сарматских курганах на Алтае и на Южном Урале индийских художественных «зеркал-погремушек» («музыкальных зеркал») из высокооловянистой бронзы (санскритское *камса*, *камсья*) с изображениями в архаическом домаурийском или раннемаурийском стиле. Я рад, что в свое время, предложив детальную и непротиворечивую интерпретацию изображений на зеркале из Рогозики в связи с индийским сказочным сюжетом, смог доказать индийское происхождение «музыкальных» зеркал. Недавно эта тема получила интересное продолжение в связи с находкой в составе Казымского клада (Приобье) серии бронзовых дисков, одна из сторон которых как бы имитирует дизайн тыльной стороны «зеркал-погремушек», с рельефными валиками и изображениями в центре. Но если в одном случае гравированное изображение в центре имитирует обычную композицию зеркал и даже воспроизводит (без особого успеха) индийские одежды женских персонажей, то на некоторых других дисках изображение представляет собой композицию, образованную фигурками лошадей, гравированными в очень своеобразном стиле. Вероятно, когда зеркала-погремушки из Индии перестали поступать в степь, некая культура-посредник взяла на себя труд заместить пользующийся спросом в скифо-сарматском мире товар своими имитациями. Сказать об этой культуре можно только то, что она, во-первых, по уровню развития ремесленных технологий, хоть и уступала Индии, но превосходила степняков; а, во-вторых, это была, очевидно, коневодческая культура. Поэтому искать ее следовало бы, наверное, в землях, известных развитием в них коневодства и прилегавших к Индии, — в таких, к примеру, как Камбоджа (в эллинистическое время — Арахосия) — область с ираноязычным населением на территории совр. Афганистана (с центром в районе Кандагара), откуда в Индию поставляли лучших коней.

В 2001 г. участников международной научной конференции в Абакане, в том числе и меня, в ходе культурной программы познакомили с достопримечательностью Музея-заповедника «Казановка» — скалой с петроглифами. На ней привлекало внимание, прежде всего, тонко гравированное изображение индийского магического символа *нандинада* (опубликовано Н. А. Боковенко). Частично перекрывающие его грубые шаманские изображения гуннского времени позволяют датировать этот символ, попавший в Саяны, возможно, вместе с каким-то индийцем, приблизительно I в. н. э.

Известна находка в могильнике пазырыкской культуры Ак-Алаха-3 на Алтае индийской женской шелковой рубахи III в. до н. э. (раскопки Н. В. Полосьмак). Из регионов южной Сибири Алтай вообще теснее всего связан с Индией. В фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа хранится металлическая статуэтка персонажа с гротескными чертами лица, держащего в обеих руках непонятные предметы. За ней закрепилось название «Чудской рудокоп»; полагали, что это изображение древнего алтайского рудокопа со своими инструментами. В действительности это индийская статуэтка одного из воплощений бога Вишну — Ваманы (Карлика) с атрибутами, одним из которых непременно является зонт (представлен на статуэтке; атрибут в другой руке поврежден). По несколько гротескному стилю, характерному для кашмирской школы, и по составу металла (латунь) статуэтка может быть датирована VI–VIII вв. н. э.

Не сомневаюсь в том, что мой многолетний интерес к связям культур Евразийской степи и горных областей юга России с Индией, как и тяга к поиску новых свидетельств таких связей, восходит к тем давним разговорам с А. М. Мандельштамом. Вот так это бывает, когда встречаешься в жизни с подлинно большим ученым. Вроде бы что-то было сказано вскользь, даже, может быть, на время забыто. Но потом ты оглядываешься назад и видишь, что давно уже шел по подсказанной тебе дорожке.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А. М. МАНДЕЛЬШТАМА В БИШКЕНТСКОЙ ДОЛИНЕ ТАДЖИКИСТАНА¹

Ю. Г. Кутимов²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS BY ANATOLII M. MANDELSHTAM IN THE BISHKENT VALLEY OF TAJIKISTAN

Yurii G. Kutimov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-22-24

Ключевые слова: А. М. Мандельштам, полевая археология, Бишкентская долина, Таджикистан, бронзовый век, ранние кочевники.

Keywords: Anatolii M. Mandel'shtam, field archaeology, Bishkent valley, Tajikistan, Bronze Age, early nomads.

В 1955–1959 гг. в составе Таджикской археологической экспедиции А. М. Мандельштам руководил работами Кобадиянского отряда в маловодной и малонаселенной Бишкентской долине, расположенной между хребтами Бабатаг и Аруктау, западнее низовьев реки Кафирниган, в юго-западной части Таджикистана. Можно без преувеличения сказать, что эти пять лет работ А. М. Мандельштама в Бишкентской долине составляют одну из самых значительных страниц его научной деятельности и являются существенным вкладом в археологию Средней Азии.

В северной части Бишкентской долины А. М. Мандельштамом были раскопаны три крупных курганных могильника — Аруктауский, Тулхарский и Коккумский, в которых были исследованы более 400 захоронений кочевнического типа античного времени, датируемых II в. до н. э. — I в. н. э. Раскопки этих памятников позволили А. М. Мандельштаму вывести проблему изучения кочевников в Бактрии, история которых была известна главным образом по немногочисленным и противоречивым письменным источникам, на новый научный уровень. На материалах раскопок кочевнических памятников Бишкентской долины А. М. Мандельштамом в новом качестве были рассмотрены актуальные проблемы древней истории юга Средней Азии: этническая история кочевников региона, роль номадов в крушении Греко-Бактрийского царства, происхождение кушан, создание Кушанского государства на территории Бактрии и т. д. — весь блок научных вопросов, объединяемых под общим названием «кушанская проблема». Результаты раскопок курганных могильников раннекочевнического типа Бишкентской долины легли в основу двух монографий (Мандельштам 1966; 1975), которые до настоящего времени входят в число наиболее авторитетных научных трудов по кушанской проблематике.

Еще одним важным результатом полевых работ А. М. Мандельштама в Бишкентской долине является открытие и исследование археологических комплексов бронзового века,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0001-8267-1809; e-mail: yuriuz@rambler.ru.

прежде практически неизвестные на территории Таджикистана. Исследование Раннего Тулхарского могильника эпохи поздней бронзы в Бишкентской долине положило начало систематическому изучению памятников бронзового века в Таджикистане, которое активно осуществлялось уже в 1970-е — 1980-е гг.

Отличительной чертой могильника Ранний Тулхар в ряду других памятников бронзового века Средней Азии является разнообразие и вариативность похоронного обряда, особенно погребальных конструкций. А. М. Мандельштам выделил здесь четыре типа могильных сооружений: ямы со спуском, ямы с углублением в южной части, катакомбы, каменные оградки с ямой внутри. Погребенные в могилах лежали скорченно, мужчины — преимущественно на правом, женщины — на левом боку. В ямах с углублением в южной части погребения совершены по обряду трупосожжения. В ямах со спуском имеются своеобразные миниатюрные очаги, в ямах с углублением в южной части на полу выложены каменные свастики. Погребальный инвентарь представлен керамической посудой (лепной и гончарной), а также большим количеством металлических изделий — бронзовыми ножами, кинжалами, бритвами, теслом, зеркалами без ручек, булавками, наконечником стрелы. Своеобразие могильника, а также полное отсутствие в те годы известных археологических комплексов аналогичного типа позволили А. М. Мандельштаму отметить существенное отличие погребального обряда могильника Ранний Тулхар от других памятников эпохи бронзы Средней Азии и выделить на основе этих материалов бишкентскую культуру позднего бронзового века. Исследователь датировал могильник серединой — второй половиной II тыс. до н. э. и оставил вопрос о происхождении бишкентской культуры открытым, хотя предположительно связывал ее появление со степными племенами, а этнически определил носителей бишкентских традиций как индоиранцев. Итоги раскопок археологических комплексов бронзового века Бишкентской долины были подведены А. М. Мандельштамом в монографии, вышедшей в 1968 г. (Мандельштам 1968).

В последующие годы, благодаря широко развернутым раскопкам памятников бронзового века в Таджикистане, Южном Узбекистане и Северном Афганистане были выявлены археологические комплексы, исследования которых позволили разработать детальную картину культуругенеза в эпоху бронзы на территории Древней Бактрии. В 1960-е гг. в южной части Вахшской долины Таджикистана были выявлены курганные могильники вахшской культуры, во многом близкие по материальной культуре и погребальному обряду памятникам Бишкентской долины. В 1970-е — 1980-е гг. в Южном Узбекистане и Северном Афганистане были открыты новые центры обитания древнеземледельческого населения эпохи поздней бронзы, представленные памятниками сапаллинской и дашлинской культур, родственные в культурном отношении памятникам оседло-земледельческого типа Южного Туркменистана и Северо-Восточного Ирана. Во II тыс. до н. э. отдельные группы древнеземледельческих племен с территории Северного Афганистана и Южного Узбекистана постепенно осваивают внутренние районы Таджикистана, при этом некоторые из них меняют образ жизни с оседлого на мобильный, а тип хозяйствования — с земледелия на скотоводство. В это же время на территории Таджикистана отмечается распространение племен степной бронзы андроновского типа, которые вступают в активные контакты с местным оседлым населением. Культурное взаимодействие различных групп населения на территории Таджикистана привело к формированию комплексов смешанного типа, наиболее характерным из которых является могильник Ранний Тулхар в Бишкентской долине, исследованный А. М. Мандельштамом одним из первых в ряду подобных археологических памятников.

Полевые исследования в Бишкентской долине, проведенные А. М. Мандельштамом во второй половине 1950-х гг., заложили основу систематического научного изучения памятников Таджикистана — как эпохи бронзы, так и культуры ранних кочевников Северной Бактрии античного времени.

Литература

- Мандельштам 1966 — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966 (ГТАЭ. Т. V; МИА. № 136).
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники бронзового века в Южном Таджикистане. Л., 1968 (ГТАЭ. Т. VI; МИА № 145).
- Мандельштам 1975 — *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975 (ГТАЭ. Т. VII).

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ ОБ ИСТОРИИ УСУНЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ САКСКОЙ И УСУНЬСКОЙ КУЛЬТУР)

К. И. Ташбаева¹

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Дж. Джамгерчинова НАН Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан

ANATOLII M. MANDEL'SHTAM ABOUT THE HISTORY OF THE WUSUN IN CENTRAL ASIA (ON THE PROBLEM OF THE CHRONOLOGY AND INTERRELATIONS OF THE SAKA AND WUSUN CULTURES)

Kadicha I. Tashbaeva

Begimaly Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-24-26

Ключевые слова: А. М. Мандельштам, саки, усунь, сако-усуньская культура, грунтовые могилы, письменные источники, миграция.

Keywords: A. M. Mandel'shtam, Saka, Wusun, Saka-Wusun culture, ground graves, written sources, migration.

А. М. Мандельштам принадлежал к той плеяде видных советских археологов, которые имели также хорошие востоковедческие знания, прекрасно владели восточными языками и умели работать с древними письменными источниками. Кроме немецкого и английского языков, он хорошо знал арабский, который изучал с помощью носителя языка, а также, видимо, понимал персидский и ориентировался в китайских источниках: в своих работах он уделял много внимания анализу письменных свидетельств на этих языках. Нередко он разбирает труды европейских ученых, посвященные тем или иным проблемам древней истории Востока, принимая или опровергая их переводы и интерпретации письменных источников.

При интерпретации археологических памятников А. М. Мандельштам неизменно уделял внимание их сопоставлению с данными письменных источников. Почти все памятники, изученные им, были отождествлены с конкретными племенами древности или событиями тех времен.

А. М. Мандельштам одним из первых обратил внимание на несоответствие данных письменных источников принятому в центральноазиатской археологии понятию «сако-усуньская культура».

¹ ORCID: 0000-0001-5913-9929; e-mail: kadichaty@gmail.com.

С известными по китайским письменным источникам племенами усуней еще в 1929 г. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов отождествили первые раскопанные курганные памятники на территории Кыргызстана (Воеводский, Грязнов 1938). В начале 1940-х гг. А. Н. Бернштам выделил сакский круг памятников, содержавших предметы так называемой скифо-сакской триады, что явилось значительным событием в археологии Центральной Азии в целом. В то же время Бернштам обратил внимание на общие элементы планиграфии могильников, погребального обряда и керамических сосудов сакской и усуньской культур. Это послужило основой для принятия им концепции автохтонного развития культуры усуней из среды сакской культурной общности. Временем стыковки или трансформации сакской культуры в усуньскую он считал рубеж IV–III вв. до н. э. или III в. до н. э. (Бернштам 1949; 1952), тем самым поставив под сомнение сообщение письменных источников о первоначальной территории и истории усуней. Этот постулат был прочно принят в центральноазиатской археологии, и с тех пор считалось, что эти две культуры почти одинаковы и, более того, являются двумя стадиями одной единой культуры (Акишев, Кушаев 1963; История... 1984).

Из китайских же источников известно, что первоначальным местом обитания усуней были восточные окраины Восточного Туркестана и что их передвижение в северо-восточные районы Центральной Азии произошло во второй половине III в. до н. э. (Бичурин 1950). Эти же источники сообщают, что в середине II в. до н. э. на территории Тянь-Шаня и Семиречья еще обитали племена саков.

А. М. Мандельштам уделял особое внимание истории усуней и посвятил этой проблеме несколько работ. С присущей ему скрупулезностью он проанализировал сообщения письменных источников и доказал достоверность их сообщений о первоначальной истории усуней и дате передвижения их на запад (Мандельштам 1975; 1977; 1978; 1996), что впоследствии оказалось подтверждено и рядом работ современных востоковедов.

Тем самым верхние хронологические рамки культуры саков в Центральной Азии должны быть расширены до середины II в. до н. э. — времени передвижения усуней на территорию Тянь-Шаня и Семиречья — или даже до первых веков нашей эры, так как приход новых племен не мог вызвать полной ассимиляции местного населения, часть которого продолжала обитать на своих прежних местах.

Кроме того, в «Исторических записках» Сыма Цяня имеется свидетельство о том, что усунь, проживая рядом с гуннами, имели с ними одинаковые обычаи и обряды (Ханзу жазмалары... 2004). Важно, что отмечается общность обычаев и обрядов, на что исследователи фактически не обращали внимания, а не кочевой образ жизни. В таком случае, погребальный обряд, один из главных обрядов кочевников, мог быть одинаковым или очень близким у усуней и гуннов. А к гуннскому времени относятся памятники с захоронениями в подбоях и катакомбах с почти одинаковым набором вещей. Значит с усунями, скорее всего, надо связывать памятники другого типа, несколько отличающиеся от сакских грунтовых могил.

Анализ многочисленных археологических материалов с территории Кыргызстана с захоронениями в грунтовых могилах, подтвердил их принадлежность сакской культурной общности. Существующие же некоторые отличия в наборе сопроводительного инвентаря отражают не хронологические, а локальные особенности памятников культуры (Ташбаева 2011).

Литература

- Акишев, Кушаев 1963 — Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Бернштам 1949 — Бернштам А. Н. Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. Т. 11. С. 337–384.
- Бернштам 1952 — Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).

- Бичурин 1950 — Бичурин Н. Я. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Центральной Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л., 1950.
- Воеводский, Грязнов 1938 — Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские памятники на территории Киргизской ССР // ВДИ. 1938. № 3. С. 162–179.
- История... 1984 — История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Фрунзе, 1984.
- Мандельштам 1975 — Мандельштам А. М. О некоторых восточных аспектах хронологии ранних кочевников Центральной Азии и Казахстана // Ранние кочевники Центральной Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 17–19.
- Мандельштам 1977 — Мандельштам А. М. Ранние кочевники в древней истории Средней Азии // *Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique: Leurs relations à la lumière des documents archéologiques*. Paris, 22–24 mars 1976. Paris, 1977. P. 215–223 (Colloques Internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique. N° 567).
- Мандельштам 1978 — Мандельштам А. М. К восточным аспектам истории ранних кочевников Центральной Азии и Казахстана // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 19–25.
- Мандельштам 1996 — Мандельштам А. М. Заметки об археологических памятниках усуней // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С. 93–103.
- Ташбаева 2011 — Ташбаева К. И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н. э.). Бишкек, 2011.
- Ханзу жазмалары... 2004 — Ханзу жазмаларындагы кыргыздар. Шинжан, 2004.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ В ТРУДАХ А. М. МАНДЕЛЬШТАМА И И. Н. ХЛОПИНА¹

В. П. Никоноров²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

WESTERN CENTRAL ASIA OF THE ANTIQUE EPOCH IN THE WORKS BY ANATOLII M. MANDEL'SHTAM AND IGOR' N. KHLOPIN

Valerii P. Nikonorov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-26-31

Ключевые слова: А. М. Мандельштам, И. Н. Хлопин, Средняя Азия, античная эпоха, Ахемениды, Александр Македонский, Парфия, Бактрия, кушаны.

Keywords: Anatolii M. Mandel'shtam, Igor' N. Khlopin, western Central Asia, Antique epoch, Achaemenids, Alexander the Great, Parthia, Bactria, Kushans.

Одним из основных направлений научного творчества Анатолия Максимилиановича Мандельштама (далее — А. М.) было связано с изучением археологии и истории Средней Азии (т. е. западной части Центральной Азии) в античную эпоху. Значительное влияние на формирование интереса его к этой тематике оказали А. Н. Бернштам и, очевидно, М. М. Дьяконов. В 1948–1951 гг. А. М. учился в аспирантуре при ЛОИИМК АН СССР, где под руководством

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0003-3487-944X; e-mail: vpnikonorov@mail.ru.

А. Ю. Якубовского подготовил и защитил в 1951 г. кандидатскую диссертацию, которая была посвящена вопросам этногенеза таджикского народа. Ее основные положения были изложены в обстоятельной статье, опубликованной через три года в журнале «Советская археология» (Мандельштам 1954а). В своей кандидатской диссертации А. М. активно привлекал известные к тому времени археологические материалы античной поры из Согда. Через три года вышла в свет его первая монография «Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.», в которой он, в частности, тщательно проанализировал данные античной письменной традиции по истории этого обширного региона (Мандельштам 1957).

Первым местом полевых исследований А. М. стал Таджикистан. После аспирантуры и до июня 1956 г. он работал научным сотрудником в ИИАЭ АН Таджикской ССР и одновременно ученым секретарем Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, после чего был принят на работу в ЛОИИМК АН СССР, где он проработал в качестве сотрудника Сектора археологии Средней Азии и Кавказа до самой своей смерти в 1983 г. В течение этого времени он вел раскопки в Таджикистане, Туркменистане, Туве и других регионах СССР, где изучал памятники от первобытной эпохи до средневековья. С точки зрения темы настоящего доклада особенно важны его раскопки в 1955–1959 гг. курганных могильников античного времени — Тулхарского, Аруктауского и Коккумском в Бишкентской долине в Юго-Западном Таджикистане, которые он связал с кочевниками, принявшими участие в разгроме Греко-Бактрии и основании впоследствии Кушанской империи. Предварительные результаты этих раскопок он опубликовал в ряде статей (Мандельштам 1956; 1959а; 1959б; 1959в; 1961а; 1961в; 1964; 1966а; 1968; 1974; 1992; Mandel'shtam 1969; Mandel'shtam 1970), а подвел итог этим своим исследованиям в двух капитальных монографиях (Мандельштам 1966г; 1975б).

А. М. также изучал в Южном Таджикистане и городища античного времени — Кей-Кобад Шах, Хан-Газа и др. (Мандельштам 1954в; 1961в; Мандельштам, Певзнер 1958). Следует особо подчеркнуть, что он был блестящим археологом-полевиком, раскопки которого на памятниках разного типа с методической точки зрения всегда были безупречны, а с опубликованными им материалами раскопок, благодаря их точной фиксации и описаниям, очень легко работать.

В 1960–1964 гг. А. М. перенес свою экспедиционную деятельность в Туркменистан. В частности, он проводил раскопки в юго-восточной части республики — на курганном могильнике Бабашов (на правом берегу Амударьи) (Мандельштам 1975б: 64–130), оставленный кочевниками, родственными тем номадам, чьи некрополи последних веков до н. э. — первых веков н. э. А. М. исследовал ранее в Бишкентской долине Таджикистана. Кроме того, он также работал на северо-западе и юге Туркменистана, где изучал погребальные памятники массагетов на некрополях Гек-Даг II и Джанак II в Восточном Прикаспии (Мандельштам 1976) и номадов парфянского периода на Мешрепитахтинском и Пархайском могильниках, расположенных соответственно в Ходжакалинской долине и на правом берегу Сумбара (Мандельштам 1963; 1971).

В 1973 г. А. М. защитил в Москве докторскую диссертацию на тему «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии», в которой продемонстрировал высочайший

Рис. 1. А. М. Мандельштам, 1970-е гг.
Fig. 1. Anatolii M. Mandel'shtam, 1970s

научный уровень не только как археолог, но и как историк. В ней он систематизировал материалы своих многолетних раскопок в Таджикистане и Туркменистане на памятниках, датированных в самом широком хронологическом диапазоне — от эпохи бронзы до поздней античности (Мандельштам 1972а; 1972б). Труд этот был для своего времени, по сути, пионерским, да и до сих пор остается непревзойденным. Во второй его части, посвященной античной эпохе, автор детально и на основе прекрасного знания археологических и письменных источников исследовал роль кочевников апарно-дахского и кушано-юечжийского круга в истории зарождения и развития мощных государственных образований в пределах Центральной Азии и Среднего Востока в эллинистический и позднеантичный периоды — соответственно Парфянской и Кушанской империй. На основе глубокого анализа добытых им археологических материалов А. М. пришел к важнейшему выводу о том, что кочевые завоеватели, вторгнувшиеся около середины III в. до н. э. в Северную Парфию и в последней трети II в. до н. э. в Северную Бактрию, не пытались уничтожить или подрывать хозяйственную основу коренного земледельческого населения, а наоборот, стремились сохранить ее в новых исторических условиях. Сами же номады, заимствовав многое из материальной культуры земледельцев, продолжали сохранять свой этнографический облик и традиционный образ жизни. Такое сосуществование двух экономических укладов в дальнейшем только расширялось, что должно было самым благоприятным образом отразиться на процессах как становления, так и укрепления Парфянского и Кушанского государств.

Как известно, с 1965 по 1983 гг. А. М. работал главным образом в Туве в качестве начальника 2-го отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР, изучая там памятники афанасьевской и окуневской культур, а также один из самых значительных и интересных объектов скифского и гунно-сарматского периодов в Южной Сибири — могильный комплекс Аймырлыг. Тем не менее, он не оставил свои занятия вопросами, связанными с ролью и местом ранних кочевников в древней истории Средней Азии, о чем свидетельствует целый ряд его публикаций, освещающих разные аспекты данной проблематики, которые вышли в свет уже после защиты А. М. докторской диссертации (Мандельштам 1975а; 1977; 1978а; 1978б; 1984; Мандельштам, Горбунова 1992).

Помимо разработки основных проблем истории и культуры кочевников западной части Центральной Азии и их взаимоотношений с местным оседло-земледельческим населением в античную эпоху, перу А. М. принадлежит несколько статей по более частным вопросам, специально посвященных предкушанскому и кушанскому монетным чеканам Бактрии (Мандельштам 1961б; 1966б; 1966в), а также истории двух кочевых народов, до сих пор остающихся для ученых загадочными — усуней, сыгравших важную роль в событиях, приведших к серьезным политическим изменениям в Центральной Азии и на Среднем Востоке во II–I вв. до н. э. (Мандельштам 1983; 1996), и кидаритов, представлявших собой значительную военно-политическую силу в землях индо-иранского пограничья в IV–V вв. н. э. (Мандельштам 1958а).

Вдобавок, А. М. неоднократно выступал в союзных и республиканских научных изданиях с рецензиями и обзорами публикаций материалов и результатов раскопок французских коллег на памятниках античного и раннесредневекового времени в Афганистане (Мандельштам 1954б; 1958б; 1959г; 1966д; 1966е).

В отличие от А. М., Игорь Николаевич Хлопин (далее — И. Х.) свою научную деятельность связал в основном с изучением первобытных древностей Южного Туркменистана. Однако с конца 1960-х гг. он начал довольно активно интересоваться проблемами истории и исторической географии западной Центральной Азии от эпохи Ахеменидов до раннего средневековья, тогда как вопросов античной археологии этого региона он почти не касался, разве что за исключением двух публикаций кочевнических погребений скифского и парфянского времени в Сумбарской долине (Хлопин 1975г; 1979а). Среди главных научных интересов И. Х. в этом новом для него научном направлении следует назвать следующие:

историческая география империи Ахеменидов по данным античной письменной традиции и древнеперсидских надписей (Хлопин 1969б; Хлопин 1971б; 1974; Хлопин 1975б; Хлопин 1975в; Khlorin 1971; 1973; 1974); хронология и маршрут среднеазиатского похода Александра Македонского (Хлопин 1971а; 1972; Хлопин 1979б; 1982; Khlorin 1980/1981). Кроме того, И. Х. опубликовал три статьи, в которых предложил: свою реконструкцию древнего маршрута через территорию Парфянской империи, зафиксированного в «Парфянских стоянках» Исидора Харакского, в соответствии с данными археологии и современных географических карт (Khlorin 1977); новый (исторический) подход к анализу парфянского пласта топонимики Южного Туркменистана (Хлопин 1969а) и кушанской ономастики (Хлопин 1975а). Некоторые из этих работ вошли в книгу, изданную в 1983 г. в Ашхабаде под названием «Историческая география южных областей Средней Азии (Античность и раннее средневековье)» (Хлопин 1983), которая по своей тематике до сих пор не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Рис. 2. И. Н. Хлопин, первая половина 1970-х гг.
Fig. 2. Igor' N. Khlorin, first half of the 1970s

Литература

- Мандельштам 1954а — *Мандельштам А. М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА. 1954. В. XX. С. 57–99.
- Мандельштам 1954б — *Мандельштам А. М.* О некоторых результатах работ Французской археологической миссии в Афганистане // СА. 1954. Т. XXI. С. 415–429.
- Мандельштам 1954в — *Мандельштам А. М.* Предварительный отчет о раскопках Кафирниганского отряда в 1953 г. // ДАНТаджССР. 1954. Вып. 11. С. 61–68.
- Мандельштам 1956 — *Мандельштам А. М.* О работах Кобаданского отряда в 1955 г. // АРТ в 1955 году. 1956. С. 71–74 (ТАНТаджССР. Т. LXIII).
- Мандельштам 1957 — *Мандельштам А. М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957 (ТАНТаджССР. Т. LIII).
- Мандельштам 1958а — *Мандельштам А. М.* К вопросу о кидаритах // КСИЭ. 1958. Вып. XXX. С. 66–72.
- Мандельштам 1958б — *Мандельштам А. М.* Рец. на кн.: *Curiel R., Schlumberger D.* Trésors monétaires d'Afghanistan. Paris, 1953 (MDAFA. Т. XIV) // ЭВ. 1958. Вып. XII. С. 121–124.
- Мандельштам 1959а — *Мандельштам А. М.* Археологические работы 1956 г. в Бишкентской долине // АРТ. 1959. Вып. IV (1956 г.). С. 63–72 (ТАНТаджССР. Т. XCI).
- Мандельштам 1959б — *Мандельштам А. М.* Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г. // АРТ. 1959. Вып. V (1957 г.) С. 131–151 (ТАНТаджССР. Т. CIII).
- Мандельштам 1959в — *Мандельштам А. М.* Могильник Арук-тау в Бишкентской долине (Южный Таджикистан) // КСИИМК. 1959. Вып. 76. С. 73–82.
- Мандельштам 1959г — *Мандельштам А. М.* Рец. на кн.: *Gardin J.-C.* Céramiques de Bactres. Paris, 1957 (MDAFA. Т. XV) // СА. 1959. № 2. С. 278–281.

- Мандельштам 1961а — *Мандельштам А. М.* Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г. // АРТ. 1961. Вып. VI (1958 год). С. 49–58 (ТАНТаджССР. Т. XXVII).
- Мандельштам 1961б — *Мандельштам А. М.* Об одном обеле «Герая» // ЭВ. 1961. Вып. XIV. С. 53–54.
- Мандельштам 1961в — *Мандельштам А. М.* Хан-Газа (Из результатов работ Кафирниганского отряда ТАЭ в 1958–1959 гг.) // АРТ. 1961. Вып. VII (1959 год). С. 63–72 (ТАНТаджССР. Т. XXXI).
- Мандельштам 1963 — *Мандельштам А. М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху // ИАНТуркмССР. СОН. 1963. № 2. С. 27–33.
- Мандельштам 1964 — *Мандельштам А. М.* К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения) // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 23–28.
- Мандельштам 1966а — *Мандельштам А. М.* К вопросу об особенностях расположения памятников кочевого населения в Северной Бактрии // СРИКМ. 1966. Вып. IV. С. 22–28.
- Мандельштам 1966б — *Мандельштам А. М.* К предкушанскому чекану Бактрии // ЭВ. 1966. Вып. XVII. С. 85–91.
- Мандельштам 1966в — *Мандельштам А. М.* К хронологии медных кушанских монет // ЭВ. 1966. Вып. XVII. С. 121–123.
- Мандельштам 1966г — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966г (МИА. № 136; ТТАЭ. Т. V).
- Мандельштам 1966д — *Мандельштам А. М.* К О сборнике по археологии Афганистана [рец. на кн.: *Hackin J., Carl J., Meunier J.* Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940) / Avec des études de R. Ghirshman et J.-C. Gardin. Paris, 1959 (MDAFA. Т. VIII)] // СРИКМ. 1966. Вып. IV. С. 170–176.
- Мандельштам 1966е — *Мандельштам А. М.* Рец. на кн.: *Dagens B., Le Berre M., Schlumberger D.* Monuments préislamiques d'Afghanistan. Paris, 1964 (MDAFA. Т. XIX) // ВДИ. 1966. № 2. С. 205–207.
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Некоторые вопросы ранней истории кушан в свете археологических данных // Проблемы археологии Средней Азии: ТДС к Совещанию по археологии Средней Азии (1–7 апреля 1968 г.). Л., 1968. С. 67–69.
- Мандельштам 1971 — *Мандельштам А. М.* Мешрепитахтинский могильник // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 66–72.
- Мандельштам, А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Т. 1–2: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук (07.575 — Археология). М.; Л., 1972а.
- Мандельштам 1972 — *Мандельштам А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: АДД. М.; Л., 1972б.
- Мандельштам 1974 — *Мандельштам А. М.* Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // ЦАКЭ. Т. I. 1974. С. 190–197.
- Мандельштам 1975а — *Мандельштам А. М.* О некоторых восточных аспектах хронологии ранних кочевников Центральной Азии и Казахстана // Ранние кочевники Центральной Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 17–19.
- Мандельштам 1975б — *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975 (ТТАЭ. Т. VII).
- Мандельштам 1976 — *Мандельштам А. М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 21–26.
- Мандельштам 1977 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники в древней истории Средней Азии // Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique: Leurs relations à la lumière des documents archéologiques. Paris, 22–24 mars 1976. Paris, 1977. P. 215–223 (Colloques Internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique. № 567).
- Мандельштам 1978а — *Мандельштам А. М.* К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 19–25.
- Мандельштам 1978б — *Мандельштам А. М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 133–141.

- Мандельштам 1983 — *Мандельштам А. М.* Заметки об археологических памятниках усуней // ТД Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». 3–6 июня 1983 г. Вып. 1. Л., 1983. С. 46–48.
- Мандельштам 1984 — *Мандельштам А. М.* Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 173–177.
- Мандельштам 1992 — *Мандельштам А. М.* Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // СПАЧ. 1992. С. 107–115.
- Мандельштам 1996 — *Мандельштам А. М.* Заметки об археологических памятниках усуней // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С. 93–103.
- Мандельштам, Горбунова 1992 — *Мандельштам А. М., Горбунова Н. Г.* Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках // СПАЧ. 1992. С. 13–21.
- Мандельштам, Певзнер 1958 — *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. 1958. № 66. С. 290–324 (ТТАЭ. Т. III).
- Хлопин 1969а — *Хлопин И. Н.* Парфянский пласт в топонимике Туркменистана (к методике изучения) // ПТ. 1969. № 1. С. 25–27.
- Хлопин 1969б — *Хлопин И. Н.* Этнография державы Ахеменидов по Геродоту // СНВ. 1969. Вып. VIII. С. 278–291.
- Хлопин 1971а — *Хлопин И. Н.* Александр Македонский в Маргиане // Кlio. 1971. Bd. 53. С. 157–160.
- Хлопин 1971б — *Хлопин И. Н.* Пактии Геродота и их локализация // V Всесоюзная сессия по Древнему Востоку. 6–9 апреля 1971 г.: ТД. Тбилиси, 1971. С. 119–121.
- Хлопин 1972 — *Хлопин И. Н.* Александр Македонский в Маргиане // Античность и современность: К 80-летию Федора Александровича Петровского. М., 1972. С. 187–190.
- Хлопин 1974 — *Хлопин И. Н.* Бактрийский поход Кира II // АоF-I. 1974. С. 207–216.
- Хлопин 1975а — *Хлопин И. Н.* Исторический подход к кушанской ономастике // ЦАКЭ. Т. II. 1975. С. 173–175.
- Хлопин 1975б — *Хлопин И. Н.* К локализации пактиев Геродота // АоF-III. 1975. С. 47–54.
- Хлопин 1975в — *Хлопин И. Н.* К толкованию DB. I. 15–17 // АОр. 1975. Vol. 43. С. 342–345.
- Хлопин 1975г — *Хлопин И. Н.* Погребения скифского времени в долине Сумбара // УСА. 1975. Вып. 3. С. 51–53.
- Хлопин 1979а — *Хлопин И. Н.* Античные погребения на среднем течении Сумбара // ИАНТуркмССР. СОН. 1979. № 3. С. 75–82.
- Хлопин 1979б — *Хлопин И. Н.* Хронология похода Александра Македонского в Среднюю Азию // Вопросы истории. М., 1979. № 2. С. 95–104.
- Хлопин 1982 — *Хлопин И. Н.* Маршрут азиатского похода Александра Великого // IA. 1982. Vol. XVII. С. 105–129.
- Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Историческая география южных областей Средней Азии (Античность и раннее средневековье). Ашхабад, 1983.
- Khlopin 1971 — *Khlopin I. N.* Zur Lösung des Rätsels des Akas-Flusses (Herod. III. 117) // OLP. 1971. 2. S. 137–152.
- Khlopin 1973 — *Khlopin I. N.* Zur DPe-Inschrift ZZ. 13–15 // OLP. 1973. 4. S. 113–119.
- Khlopin 1974 — *Khlopin I. N.* About the Behistun Inscription, I, 15–17 // OLP. 1974. 5. P. 15–19.
- Khlopin 1977 — *Khlopin I. N.* Die Reiseroute Isidors von Charax und die Oberen Satrapien Parthiens // IA. Vol. XII. 1977. S. 117–165.
- Khlopin 1980/1981 — *Khlopin I. N.* Die Chronologie und Dynamik des Feldzuges Alexanders des Großen nach Mittelasien // Ancient Society. Leuven, 1980/1981. Vol. 11/12. S. 151–172.
- Mandelštam 1969 — *Mandelštam A. M.* Archäologische Bemerkungen zum Kuschan-Problem // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben: Festschrift für Franz Altheim zum 6. 10. 1968. Bd. I. Berlin, 1969. S. 525–534.
- Mandelštam 1970 — *Mandelštam A. M.* Archaeological data on the origin and early history of the Kushans // Kushan Studies in U. S. S. R.: Papers presented by the Soviet Scholars at the UNESCO Conference on History, Archaeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period, Dushanbe 1968. Calcutta, 1970. P. 165–166 (Soviet Indology Series. No. 3).

РАЗДЕЛ II

Центральная Азия и соседние регионы Евразии
в первобытную эпоху (неолит — бронзовый век)

PART II

Central Asia and neighbouring regions of Eurasia
in the Prehistoric era (Neolithic — Bronze Age)

**КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА,
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ИРАНА И ЮГО-ВОСТОЧНОГО
ТУРКМЕНИСТАНА В ПЕРИОД ЮЗТ-II (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
РАСКОПОК И. Н. ХЛОПИНА НА МОГИЛЬНИКЕ ПАРХАЙ II)¹**

В. А. Алёкшин²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

**CULTURAL CONTACTS OF SOUTHWESTERN TURKMENISTAN,
NORTHEASTERN IRAN AND SOUTHEASTERN TURKMENISTAN
IN THE SWT-II PERIOD (ACCORDING TO THE RESULTS
OF IGOR' N. KHLOPIN'S EXCAVATIONS AT THE PARKHAY II
BURIAL GROUND)**

Vadim A. Alyokshin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-33-37

Ключевые слова: *Центральная Азия, Юго-Западный Туркменистан, Юго-Восточный Туркменистан, Северо-Восточный Иран, бронзовый век, Пархай II, Челоу, Тепе Гиссар, Гонур-депе.*

Keywords: *Central Asia, Southwestern Turkmenistan, Southeastern Turkmenistan, Northeastern Iran, Bronze Age, Parkhay II, Chalow, Tepe Hissar, Gonur-Depe.*

В 1977–1991 гг. Сумбарская экспедиция под руководством ведущего научного сотрудника Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР (с 1992 г. — ИИМК РАН) доктора исторических наук И. Н. Хлопина исследовала могильник Пархай II, относящийся к эпохе энеолита (периоды ЮЗТ-VII–V) и бронзового века (периоды ЮЗТ-IV–I). Раскопки погребений этого большого некрополя впервые поставили на твердую почву изучение древнеземледельческой культуры Юго-Западного Туркменистана, результаты исследования которой стали фундаментальным вкладом И. Н. Хлопина в решение актуальных проблем первобытной археологии Центральной Азии.

Просматривая публикации погребальных комплексов могильника Пархай II, я обратил внимание на камеру № 262 (период ЮЗТ-II), погребальный инвентарь которой

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

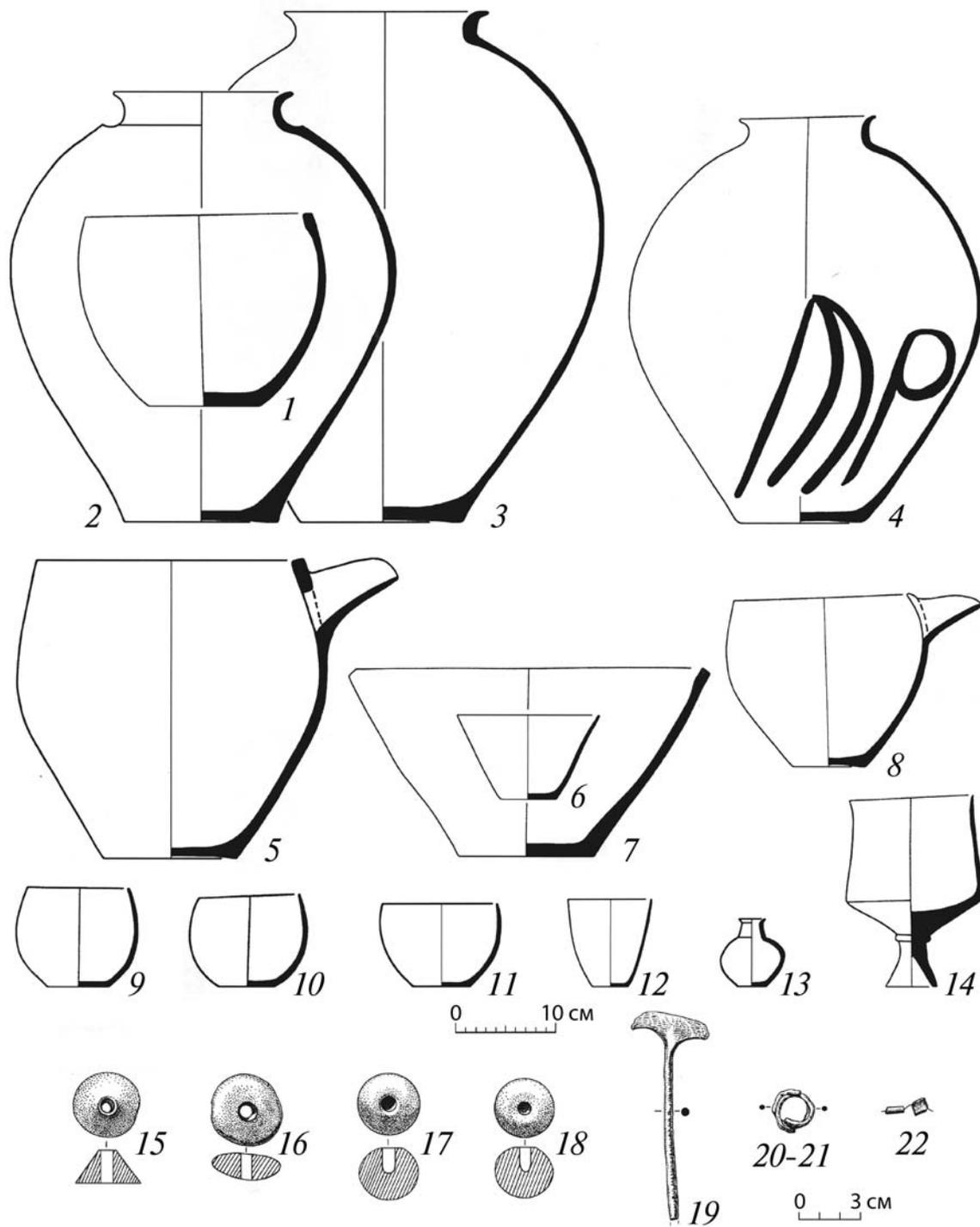
² ORCID: 0000-0002-9224-6037; e-mail: valyokshin1@yandex.ru.

включал ряд артефактов (рис. 1, 4, 14, 17–19), на первый взгляд, несвойственных культуре населения, оставившего указанный могильник (Хлопин 2002: 64–65, 302, табл. 102; 303, табл. 103; 304, табл. 104). Поэтому я предположил, что эти вещи свидетельствуют о культурных контактах обитателей долины Сумбара с земледельцами центральной и восточной областей Южного Туркменистана. Однако детальный анализ упомянутых изделий показал, что такое мнение нуждается в существенной корректировке.

За исключением небольшого миниатюрного сосуда (рис. 1, 13), аналогии которому мне не удалось подобрать, и кубка (рис. 1, 14), вся остальная глиняная посуда, представленная в камере № 262, являет собой типичный набор керамики, характерной для периода ЮЗТ-II, хотя наличие орнамента (рис. 1, 4), нанесенного черной краской на нижнюю часть тулова узкогорлой хумчи (Хлопин 2002: 64, 68), также нужно исключить из числа признаков, присущих керамическому комплексу рассматриваемого периода. Расписные орнаменты на глиняной посуде среднего и позднего бронзового века выявлены лишь на некоторых сосудах, обнаруженных при исследовании погребений № 3200 и 3900 Царского могильника Гонур-депе в Мургабском оазисе на юго-востоке Туркменистана (Дубова 2004: 269, рис. 24; Сарияниди, Дубова 2010: 147, рис. 2, 2), и на керамике, связанной с отложениями слоев Гиссар IIIВ (Schmidt 1937: pl. XXXIX, H5008) и IIIС на северо-востоке Ирана (Schmidt 1937: pl. XLIII, H3312, H3305).

В рассматриваемом погребении могильника Пархай II обнаружены также два так называемых каменных наворачия, (рис. 1, 17, 18), характерной особенностью которых является наличие не просверленного до конца центрального отверстия (Хлопин 2002: 65, 70). Диаметр этих изделий составляет около 3 см, а их высота колеблется, как правило, от 1,5 до 2,5 см, тогда как диаметр отверстия варьируется от 0,6 до 1 см. Данные артефакты, по мнению Л. Б. Кирчо, служили орудиями прядения или ткачества, а также могли использоваться в качестве наворшией престижных или культовых предметов (Кирчо 2005: 389). Такие поделки, имеющие, как и в камере № 262, уплощенно-сферическую форму (Кирчо 2005: 389), в большом количестве встречаются в культурных отложениях поселений эпохи энеолита и раннего бронзового века, локализованных в южных областях центрального и восточного Туркменистана (Алёкшин 2011: 121, рис. 1, 40–42). Однако позднее, в среднем бронзовом веке, как показывают данные стратиграфии Алтын-депе, доминируют усеченно-конические наворачия (Алёкшин 2011: 121, рис. 1, 46–49). Иная картина фиксируется в Северо-Восточном Иране. Здесь, как свидетельствуют материалы раскопок Тепе Гиссар, уплощенно-сферические наворачия представлены в течение всех изученных периодов (I–III) существования памятника от энеолита до позднего бронзового века (Гиссар IIIС), причем в данном регионе эти артефакты появляются еще в V тыс. до н. э. (Алёкшин 2011: 123, 124, рис. 2, 13).

В камере № 262 найдено также металлическое изделие с обломанным концом (рис. 1, 19). И. Н. Хлопин именует его ковровым ножом (Хлопин 2002: 65, 70), хотя форма этого артефакта, имеющего наворачие в виде широкой и невысокой лопаточки и обломанный утолщенный конец, не оставляет сомнений в том, что он являлся косметическим стержнем (длина сохранившейся части составляет 10 см). Еще одна такая же поделка с меньшим наворачием выявлена в камере № 45 могильника Пархай II периода ЮЗТ-II (Хлопин 2002: 63, 70). Единичные находки стержней с подобным или очень близким по форме наворачием представлены в различных памятниках Центральной Азии (Хапуз-депе, Улуг-депе, Гонур-депе) и Среднего Востока (Тепе Яхья IVС, Шортугай II, Мундигак IV, 1, Шахри-Соخته IV) и датируются от начала III тыс. до н. э. до первой четверти II тыс. до н. э. (Алёкшин 2010: 35, 38–39; Бендесу-Суармьенто 2010: 527, рис. 18, в *центре*, 530; Salvatori, Tosi 2005: 288, 290; Sajjadi et al. 2003: 34, *grave 1408 a–b*, 77–78, fig. 36 с, *type 5*), тогда как в Северо-Восточном Иране (Шах-тепе IIа) выявлено три таких стержня, которые относятся к поздней части (а) отложений слоя II (Arne 1945: 83–84, 129, 298, fig. 646а, 301),

Рис. 1. Могильник Пархай II (период ЮЗТ-II), погребальный инвентарь камеры № 262: 1-14 — сосуды; 15, 16 — пряслица; 17, 18 — «навершия»; 19 — косметический стержень; 20, 21 — спиральные проволочные кольца для волос; 22 — белые известняковые (цилиндрическая и ромбовидная) бусины; 1-14 — керамика, 15-18, 22 — камень, 19-21 — металл (по: Хлопин 2002: табл. 103, 104)

Fig. 1. Parkhay II burial ground (SWT-II period), grave goods from Chamber no. 262: 1-14 — vessels; 15, 16 — spindle whorls; 17, 18 — «pommels»; 19 — cosmetic bar; 20, 21 — spiral wire rings for hair; 22 — white limestone beads (cylindrical and rhomboid); 1-14 — pottery; 15-18, 22 — stone; 19-21 — metal (after: Хлопин 2002: табл. 103, 104)

синхронных отчасти напластованиям слоя Гиссар IIIВ, отчасти — отложениям слоя Гиссар IIIС.

В камере № 262 обнаружен также кубок на ножке (рис. 1, 14). Происхождение этой формы сосудов, видимо, связано с развитием керамического производства в Тепе Гиссар, где расписные изделия такого рода встречаются в отложениях энеолитических слоев IA–IIA (Алёшкин 2019: 33), а нерасписные — в напластованиях слоя IIIС (Schmidt 1937: Pl. XLIII: H3304). В бронзовом веке Южного Туркменистана кубки, аналогичные сосуду из камеры № 262, получили широкое распространение в синхронных ранним отложениям слоя Намазга VI керамических комплексах восточной (Масимов 1979: 119, 120, рис. 5, 26; Сарияниди 1990: 11, 207, табл. II, 15), реже центральной (Щетенко 1979: 124, рис. 31, 5, 6) областей названного ареала. Следует, однако, подчеркнуть, что к настоящему времени имеется информация о наборах погребального инвентаря из захоронений могильника, оставленного обитателями поселения Челоу в Северо-Восточном Иране. В некоторых погребениях этого кладбища выявлена керамика, в том числе и анализируемые кубки (Vahdati et al. 2019: 191, fig. 10, d, 11, o), которая характерна для ранних отложений слоя Намазга VI в Мургабском оазисе. Таким образом, кубок из камеры № 262 могильника Пархай II мог происходить либо из Центрального и Юго-Восточного Туркменистана, либо из Северо-Восточного Ирана.

Итак, наличие росписи на хумче, двух каменных «наверший» и металлического косметического стержня из камеры № 262 могильника Пархай II свидетельствует о культурных связях обитателей долины Сумбара с населением Северо-Восточного Ирана, причем эти контакты синхронны отложениям слоя Гиссар IIIС.

Находка кубка на ножке в камере № 262 предполагает вероятность контактов земледельцев долины Сумбара не только с населением Северо-Восточного Ирана, но и с обитателями Мургабского оазиса Туркменистана, причем не исключено, что какая-то часть последних могла продвигаться из мест своего обитания в Северный Хорасан. Эти события также происходили во время, соответствующее отложениям слоя Гиссар IIIС и ранним напластованиям слоя Намазга VI. Следовательно, период ЮЗТ-II нужно синхронизировать с вышеуказанными напластованиями и датировать концом III тыс. до н. э. — первой четвертью II тыс. до н. э. (Dyson, Lawn 1989: 143).

Литература

- Алёшкин 2010 — Алёшкин В. А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Древние культуры Евразии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 34–43.
- Алёшкин 2011 — Алёшкин В. А. Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе // ЗИИМК. 2011. Вып. 6. С. 119–132.
- Алёшкин 2019 — Алёшкин В. А. Дата запустения древнеземледельческого центра Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана // ДВЕЦАЮС-1. 2019. С. 32–35.
- Бендесу-Суармьенто 2010 — Бендесу-Суармьенто Х. Погребальный обряд и человеческие останки из городища бронзового века Улуг-депе в Туркменистане // ТМАЭ. 2010. Т. 3. С. 513–535.
- Дубова 2004 — Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // ТМАЭ. 2004. Т. 1. С. 254–281.
- Кирчо 2005 — Кирчо Л. Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Алёшкин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 347–421 (ТИИМК. Т. 16).
- Масимов 1979 — Масимов И. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1. С. 111–131.

- Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди, Дубова 2010 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура // ТМАЭ. 2010. Т. 3. С. 144–171.
- Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002 (ТЮТАКЭ. Т. 21).
- Щетенко 1979 — *Щетенко А. Я.* Шабалинский комплекс эпохи бронзы // УСА. 1979. Вып. 4. С. 84–85, 124.
- Arne 1945 — *Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran. Reports from the scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Stockholm, 1945 (The Sino-Swedish Expedition. Publication 27. VII. Archaeology. 5).
- Dyson, Lawn 1989 — *Dyson R. H., Lawn B.* Key Stratigraphic and Radiocarbon Elements for the 1976 Hesâr Sequence // Tappeh Hesâr. Report of the Restudy Project, 1976. Firenze, 1989. P. 143.
- Sajjadi et al. 2003 — *Sajjadi S. M. S. (with contributions by F. Foruzanfar, R. Shirazi and S. Baghestani).* Excavations at Shahr-i Sokhta. First Preliminary Report on the Excavations of the Graveyard, 1997–2000 // Iran. 2003. Vol. 41. P. 21–97.
- Salvatori, Tosi 2005 — *Salvatori S., Tosi M.* Shahr-i Sokhta revised Sequence // South Asian Archaeology 2001. Paris, 2005. P. 281–292.
- Schmidt 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.
- Vahdati et al. 2019 — *Vahdati A. A., Biscione R., La Farina L., Mashkour M., Tengberg M., Fatni H., Mohaseb A.* Preliminary report on the first season of excavations at Tepe Chalow. New GKC (BMAC) finds in the plain of Jajarm, NE Iran // The Iranian Plateau during the Bronze Age. Development of urbanisation, production and trade. Lyon, 2019. P. 179–200.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КОСМЕТИЧЕСКИЕ СТЕРЖНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАМАНБАБА (ЮЖНЫЙ УЗБЕКИСТАН)¹

В. А. Алёкшин²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

COSMETIC METAL BARS FROM THE ZAMANBABA BURIAL GROUND (SOUTHERN UZBEKISTAN)

Vadim A. Alyokshin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-37-41

Ключевые слова: Центральная Азия, Юго-Восточный Туркменистан, Южный Узбекистан, Юго-Западный Таджикистан, Северо-Западный Афганистан, Юго-Западный Пакистан, бронзовый век, могильник Заманбаба, металлические косметические стержни.

Keywords: Central Asia, Southeastern Turkmenistan, South Uzbekistan, Southwestern Tajikistan, Northwestern Afghanistan, Southwestern Pakistan, Bronze Age, Zamanbaba burial ground, cosmetic metal bars.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0002-9224-6037; e-mail: valyokshin1@yandex.ru.

В начале 1950-х и в первой половине 1960-х гг. сотрудники Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР при обследовании южных районов центральной части республики обнаружили вблизи Гуджайли, высохшего русла одной из протоков древней дельты Зеравшана, могильник Заманбаба, а также два поселения: Заманбаба 1 и Заманбаба 2. Анализ археологических материалов, добытых в результате раскопок этих памятников, позволил узбекским специалистам выделить культуру Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 117–170). Чтобы ее датировать, нужно выяснить время бытования характерных для данной культуры категорий археологического материала, а затем определить время ее существования, ориентируясь на самый узкий из полученных хронологических интервалов.

Рассмотрю в этой связи металлические косметические стержни с навершием в виде лопаточки, противоположный конец которых, как правило, оформлен в форме каплевидного утолщения. Эти предметы имеют южное «земледельческое» происхождение (Алѣкшин 2010: 80). Целые экземпляры таких изделий обнаружены при исследовании могильника Заманбаба, причем в погребении № 13 зафиксированы две поделки (рис. 1, 2, 3), а в захоронениях № 33, 21, 17 — по одной (рис. 1, 1, 14, 15). Фрагменты таких же артефактов встречаются в погребениях № 1, 3, 5, 15, 18, 23. Еще два обломка аналогичной поделки найдены в верхней части культурного слоя поселения Заманбаба 1 (Гулямов и др. 1966: 120–121, 123–125, 134, 159–160, табл. V, 4; XVI, 1–5, 10–11, 13–16; XVI, 27).

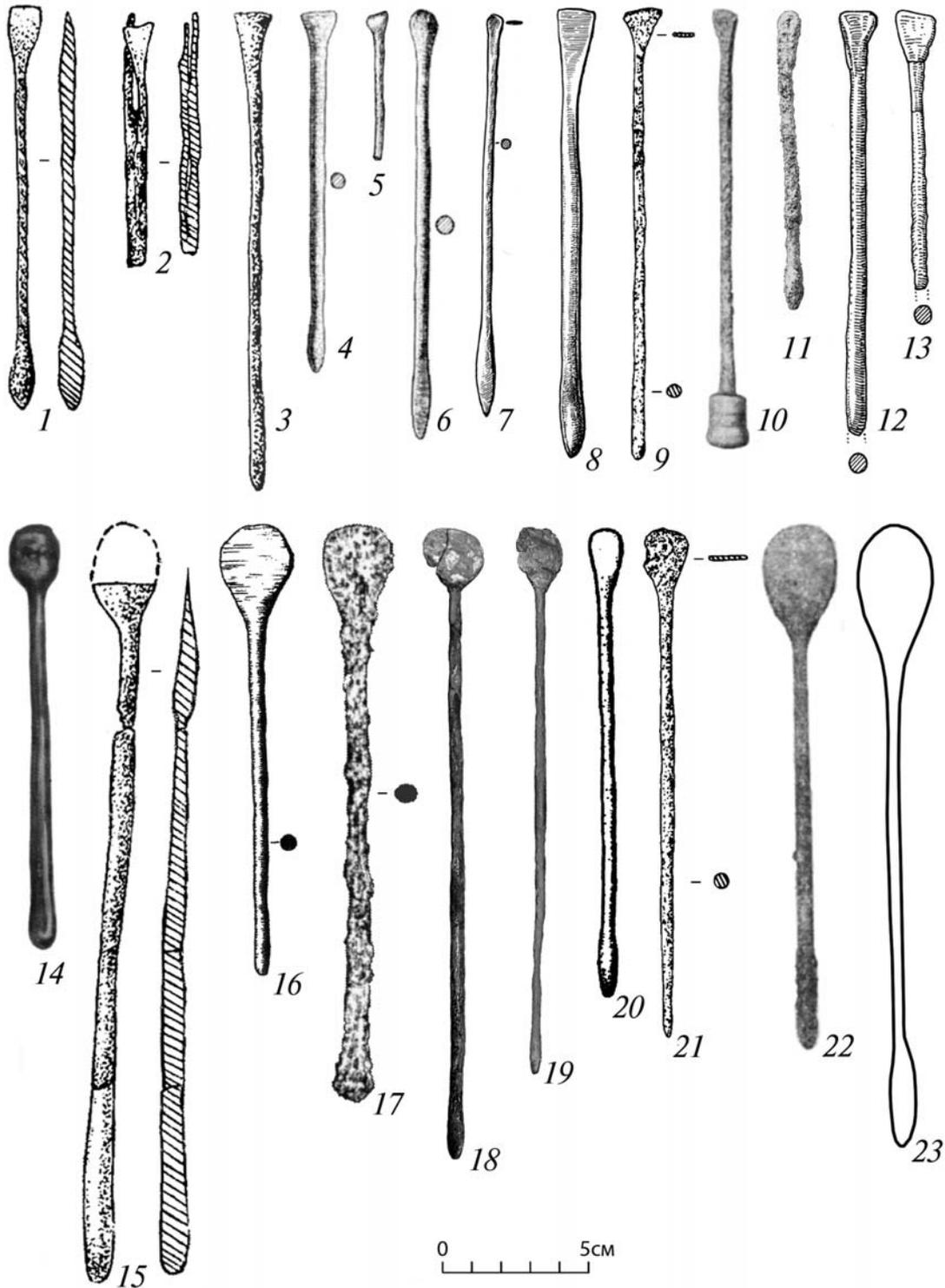
Три косметических стержня из могильника Заманбаба имеют миниатюрное лопаточковидное навершие (рис. 1, 1–3), пропорции которого наиболее близки навершиям косметических стержней обнаруженных при раскопках памятников Северо-Западного Афганистана: Дашлы 3 (рис. 1, 4–8), Шортугай IV (рис. 1, 9), в одном случае (рис. 1, 10) изделие происходит из грабительских раскопок могильника указанного региона (Алѣкшин 2010: 38–39; Сарияниди 1979: 26, рис. 2, *второй слева*). Аналогичный артефакт (рис. 1, 11) найден при раскопках могильника в Юго-Западном Пакистане, расположенного к югу от памятника Мергар 1 и относящегося к периоду Мергар VIII, который соответствует ранним отложениям слоя Намазга VI (рубеж III и II тыс. до н. э.) (Jarrige et al. 1995: 286–288, 311, fig. 6, 23b). Две поделки с типологически близким навершием (рис. 1, 12–13) были найдены в Юго-Западном Таджикистане при раскопках Раннего Тулхарского могильника (Алѣкшин 2010: 39–40). В целом все указанные аналогии относятся к временному интервалу от конца III тыс. до н. э. до третьей четверти II тыс. до н. э.

⇒

Рис. 1. Металлические косметические стержни бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока (1–13 — с навершием в виде миниатюрной лопаточки; 14–23 — с овальным навершием; 19 — без масштаба); Южный Узбекистан: 1–3, 14–15 — Заманбаба (по: Гулямов и др. 1966: табл. XVI, 10, 11, 14, 18; V, 4); Северо-Западный Афганистан: 4–8 — Дашлы 3 (по: Сарияниди 1976: рис. 49, 78; 51, 1, 4; 1984: рис. 18, 4, 14); 9, 21 — Шортугай IV (по: Francfort et al. 1989: Pl. 76, 9, 10; XXXIX, 1a, 1d); 10, 22–23 — грабительские раскопки могильников бронзового века (по: Сарияниди 1979: рис. 2, *второй слева*; 1977: рис. 44, *четвертый слева*; Amiet 1977: fig. 18, 6); Юго-Западный Пакистан: 11 — Мергар VIII (по: Jarrige et al. 1995: fig. 6. 23 b, *слева*); Юго-Западный Таджикистан: 12–13 — ранний Тулхарский могильник (по: Мандельштам 1968: табл. VIII, 3, 4); 16–17 — могильник Фархор (по: Bobomulloev et al. 2017: fig. 18, 5; 26, 1); Южный Казахстан: 18–19 — Бугуньский могильник; Юго-Восточный Туркменистан: 20 — Тахтабазарский могильник (по: Удеумурадов 1994: рис. 2, 2)

Fig. 1. Bronze Age cosmetic metal bars from Central Asia and Middle East (1–13 — with the pommel in the form of a miniature spatula; 14–23 — with the oval pommel; 19 — without scale); South Uzbekistan: 1–3, 14–15 — Zamanbaba (after: Гулямов и др. 1966: табл. XVI, 10, 11, 14, 18; V, 4.); Northwestern Afghanistan: 4–8 — Dashly 3 (after: Сарияниди 1976: рис. 49, 78; 51, 1, 4; 1984: рис. 18, 4, 14); 9, 21 — Shortugay IV (after: Francfort et al. 1989: Pl. 76, 9, 10; XXXIX, 1a, 1d); 10, 22–23 — grave robbery of the Bronze Age burials (after: Сарияниди 1979: рис. 2, *second from the left*; 1977: рис. 44, *fourth from the left*; Amiet 1977: fig. 18, 6); Southwestern Pakistan: 11 — Mehrgarh VIII (after: Jarrige et al. 1995: fig. 6. 23b, *the left*); Southwestern Tajikistan: 12–13 — early Tulkhar burial ground (after: Мандельштам 1968: табл. VIII, 3, 4); 16–17 — Farkhor burial ground (after: Bobomulloev et al. 2017: fig. 18, 5; 26, 1); South Kazakhstan: 18–19 — Bugun' burial ground; Southeastern Turkmenistan: 20 — Takhtabazar burial ground (after: Удеумурадов 1994: рис. 2, 2)

Два косметических стержня из могильника Заманбаба имеют овальное навершие (рис. 1, 14–15). Изделия с такими навершиями были выявлены при раскопках могильника раннего бронзового века Фархор на Юго-Западе Таджикистана (рис. 1, 16, 17). Эти поделки обнаружены в погребениях № 19 и 34, причем в первом из двух указанных захоронений стержень находился совместно с так называемым каменным светильником (Бобомуллоев и др. 2017: 47, 67, рис. 12, 1; Bobomulloev et al. 2017: 72, 104, fig. 18, 6; Приложение 1... 2017: 135, *второй*

ряд сверху, слева)¹, который типологически близок артефакту, найденному на поселении Алтын-депе (Юго-Восточный Туркменистан) в погребении № 828, синхронному строительному горизонту Алтын 8, самому раннему напластованию слоя Намазга IV (Алёкшин, Кирчо 2005: 69; Кирчо 2005а: табл. 132А, 2; Кирчо 2005б: 333, 343, табл. XIX). Поскольку упомянутые захоронения Фархора, содержавшие идентичные косметические стержни, концентрируются, не перекрывая друг друга, в южной части раскопов 6 и 6А (Bobomulloev et al. 2017: 99, fig. 12), полагаю, что все эти могилы относятся к одному времени, синхронному ранним отложениям слоя Намазга IV в Южном Туркменистане.

Косметический стержень с овальным навершием найден на севере Афганистана в Шортугае, в отложениях периода IV (рис. 1, 21), относящихся к началу II тыс. до н. э. (Francfort et al. 1989a: 148–149, 153, tabl. 52; Francfort et al. 1989b: Pl. 76: 10, XXXIX: 1d). Еще два аналогичных изделия (рис. 1, 22–23) обнаружены при грабительских раскопках могильников бронзового века на северо-западе Афганистана (Сарианиди 1977: 85, рис. 44: четвертый слева; Amiet 1977: 114, fig. 18, б).

За пределами Юго-Западного Таджикистана и Северо-Западного Афганистана подобный артефакт был выявлен при исследовании Тахтабазарского могильника на юго-востоке Туркменистана (рис. 1, 20). Это изделие синхронно поздним отложениям слоя Намазга V (Алёкшин 2010: 35) и может быть датировано рубежом III и II тыс. до н. э. Два экземпляра рассматриваемых стержней обнаружены также при исследовании Бугуньского могильника вблизи Шымкента на юге Казахстана². Один из них (рис. 1, 18) найден совместно с глиняным сосудом, выполненным в традициях ямной культуры, а другой (рис. 1, 19) — в традициях алакульской.

Таким образом, металлические косметические стержни с овальным навершием датируются в Центральной Азии и на Среднем Востоке от конца первой четверти III тыс. до н. э. до конца первой четверти II тыс. до н. э. Следовательно, косметические стержни с навершиями обеих форм существовали в широком временном диапазоне, и поэтому не могут датировать культуру Заманбаба в узких хронологических рамках.

Анализируемые в настоящей работе артефакты изготовлены на северо-западе Афганистана и на юго-западе Таджикистана. Из этих регионов они попадали в другие области Центральной Азии, прежде всего в ареал культуры Заманбаба и далее на запад (Тахтабазарский могильник, Мургабский оазис Туркменистана) и север (Южный Казахстан, Бугуньский могильник).

Литература

- Алёкшин 2010 — Алёкшин В. А. Датировка могильника Заманбаба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы международной конференции. Самарканд, 7–8 сентября 2009 г. Самарканд; Ташкент, 2010. С. 80–89.
- Алёкшин, Кирчо 2005 — Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б. Каталог погребений Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Алёкшин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 11–78 (ГИИМК. Т. 16).
- Бобомуллоев и др. 2017 — Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Результаты исследования могильника Фархор — памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана весной 2014 г. // МФАЭ. 2017. Вып. 1. С. 42–67.
- Гулямов и др. 1966 — Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966 (Труды Махандарьинского отряда Узбекистанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. 1).

¹ В настоящее время установлено, что эти изделия, снабженные специально подогнанными крышками, служили для приготовления (смешивания) косметических средств (Кирчо 2018: 25–26).

² Подробнее эти еще неопубликованные находки из Бугуньского могильника будут рассмотрены мною в совместной работе с автором раскопок упомянутого памятника А. Н. Подушкиным, археологом из Казахстана.

- Кирчо 2005а — Кирчо Л. Б. Иллюстрации // Кирчо Л. Б., Алёшкин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 1. Табл. 1–165 (ТИИМК. Т. 16).
- Кирчо 2005б — Кирчо Л. Б. Общая характеристика погребений Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Алёшкин В. А. Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 324–346 (ТИИМК. Т. 16).
- Кирчо 2018 — Кирчо Л. Б. О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 20–27.
- Мандельштам 1968 — Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА. № 145).
- Приложение 1... 2017 — Приложение 1. Некрополь Фархор. Погребения с сопровождающим инвентарем // МФАЭ. 2017. Вып. 1. С. 116–136.
- Сарианиди 1976 — Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // ДБ. 1976. [Вып. 1.] С. 21–86.
- Сарианиди 1977 — Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- Сарианиди 1979 — Сарианиди В. И. К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.
- Сарианиди 1984 — Сарианиди В. И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы 3 // ДБ. 1984. Вып. 3. С. 5–31.
- Удеумурадов 1994 — Удеумурадов Б. Н. Древние земледельцы Южной Маргианы // АВ. 1994. № 3. С. 69–74.
- Amiet 1977 — Amiet P. Bactriane Proto-Historique // Syria. Paris, 1977. Т. 54, fasc. 1–2. P. 89–121.
- Bobomulloev et al. 2017 — Bobomulloev S., Vinogradova N. M., Bobomulloev B. (with contributions by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the burial ground of Farkhor, the middle Bronze Age monument in the south of Tajikistan // МФАЭ. 2017. Вып. 1. С. 68–115.
- Francfort et al. 1989 a, b — Francfort H.-P. Avec des contributions de Boisset Ch., Buchet L., Desse J., Echallier J., Kermorvant A., Willcox G. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique. Paris, 1989. Vol. 1–2. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. 2).
- Jarrige et al. 1995 — Jarrige C., Jarrige J. F., Meadow R. H., Quivron G. Mehrgarh. Field Reports of Eleven Seasons of Excavations in Kachi District, Balochistan by the French Archaeological Mission to Pakistan. Karachi, 1995.

КЕРАМИКА ПЕРИОДА ПЕРЕХОДА ОТ РАННЕГО К РАЗВИТОМУ ЭНЕОЛИТУ В ПОДГОРНОЙ ПОЛОСЕ КОПЕТДАГА — НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ РАСКОПОК ЙЫЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ¹

Ф. Ш. Аминов², Е. К. Блохин³, Н. Ф. Соловьёва⁴

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

CERAMICS OF THE TRANSITION PERIOD FROM THE EARLY TO THE DEVELOPED ENEOLITHIC IN THE KOPET DAGH PIEDMONT — NEW EVIDENCE FROM EXCAVATIONS AT ILGYNLY-DEPE

Firuz Sh. Aminov, Egor K. Blokhin, Natal'ya F. Solov'yova

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² ORCID: 0000-0001-9043-8396; e-mail: firuzaminov@gmail.com.

³ ORCID: 0000-0002-8190-7741; e-mail: jegor.blochin@gmail.com.

⁴ ORCID: 0000-0003-3664-5890; email: nfs56@mail.ru.

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-41-44

Ключевые слова: Южный Туркменистан, энеолит, Йылгынлы-депе, керамика, ремесло.
Keywords: South Turkmenistan, Eneolithic, Ilygynly-Depe, ceramics, craft.

Изучение керамического комплекса лежит в основе современных хронологических построений в первобытной археологии Средней Азии. При этом комплексная работа по исследованию керамики периода раннего энеолита подгорной полосы Южного Туркменистана, начатая И. Н. Хлопиным на материалах Дашлыджи-депе (Хлопин 1960: 134–224), так и не была возобновлена. Эта задача представляется тем более важной, что уже при публикации материалов Дашлыджи-депе, И. Н. Хлопин наметил специфические особенности и тенденции в развитии локальных традиций для восточной части подгорной полосы и высказал идеи, которые настоятельно требуют дальнейшего развития с учетом новых археологических данных.

Настоящая работа представляет результаты анализа керамического комплекса строительного горизонта VII раскопа 3 раннеземледельческого поселения Йылгынлы-депе в подгорной полосе Копет-дага. По относительной хронологии — это самый конец эпохи раннего энеолита (период Намазга I по Б. А. Куфтину и В. М. Массону) и переход к развитому энеолиту.

Основная задача при изучении керамического комплекса горизонта VII состояла в создании типологии форм сосудов, изучении орнаментов, анализе встречаемости типов орнаментов на типах керамики, а также в сравнении рассматриваемых материалов с керамикой из более поздних слоев Йылгынлы-депе и с синхронной керамикой ближайших памятников.

Вся керамика поселения лепная, высокого качества. Преобладает светлоглиняная и красноглиняная, изредка встречается сероглиняная посуда. Столовая посуда в основном покрыта красным, коричневым или светлым ангобом. Основная часть тонкостенных сосудов и небольшая часть толстостенных имеют лощение разного качества. Весь керамический комплекс традиционно делится на три функциональные категории.

Тарная посуда — крупные толстостенные сосуды для хранения. В эту категорию входят хумы, хумчи, корчаги, тагора (тазики). Некоторые из них сформованы ленточным способом. Тесто очень рыхлое с большими включениями крупного шамота и соломы (растений). Обжиг часто слабый, неравномерный.

Кухонная посуда — сосуды для приготовления пищи. В данную категорию включены котлы, горшки и большие миски со следами кухонного использования.

Столовая посуда — чаши, чашки (пиалы), горшки, блюда, миски (маленького размера) и «блюдца» — небольшие сосуды, стенки которых располагаются почти горизонтально.

В науке уже существует общая классификация керамики данного периода. Однако, большое разнообразие обнаруженных фрагментов посуды предполагает наличие у членов общины большого количества форм посуды. Соответственно, необходима более дробная классификация, которая, возможно, позволит выявить новые типы сосудов. Так, например, столовые миски и чаши дают большой разброс размеров и, вероятно, к выделенной ранее категории чаш нужно добавить подкатегорию чашки (пиалы), поскольку они отличаются друг от друга габаритами и функцией.

Большинство образцов расписной керамики горизонта VII раскопа 3 покрывали красным, коричневым (разных оттенков) и светлым ангобом, поверх которого наносился орнамент. В результате исследования выявлено 26 типов расписных геометрических орнаментов, которые наносили черной (реже — коричневой) краской до обжига. Орнаментирована

обычно верхняя половина внешней поверхности сосуда, внутри украшены только некоторые большие миски. Основным элементом орнамента являются треугольники (контурные, силуэтные, с сетчатым заполнением), ромбы и зигзаги. Сводная таблица орнаментов всего комплекса приведена на рис. 1.

Наиболее часто встречающиеся типы орнаментов на чашах, чашках и горшках — тонкие горизонтальные параллельные линии (от двух и более линий), и горизонтальные ленты из соединенных контурных треугольников (от одной до пяти лент), располагающиеся под венчиком на внешней поверхности сосуда.

Следующие по распространенности типы орнаментов — зигзаги и шевроны. Они характерны для тарных и столовых мисок. Некоторые миски декорированы с двух сторон.

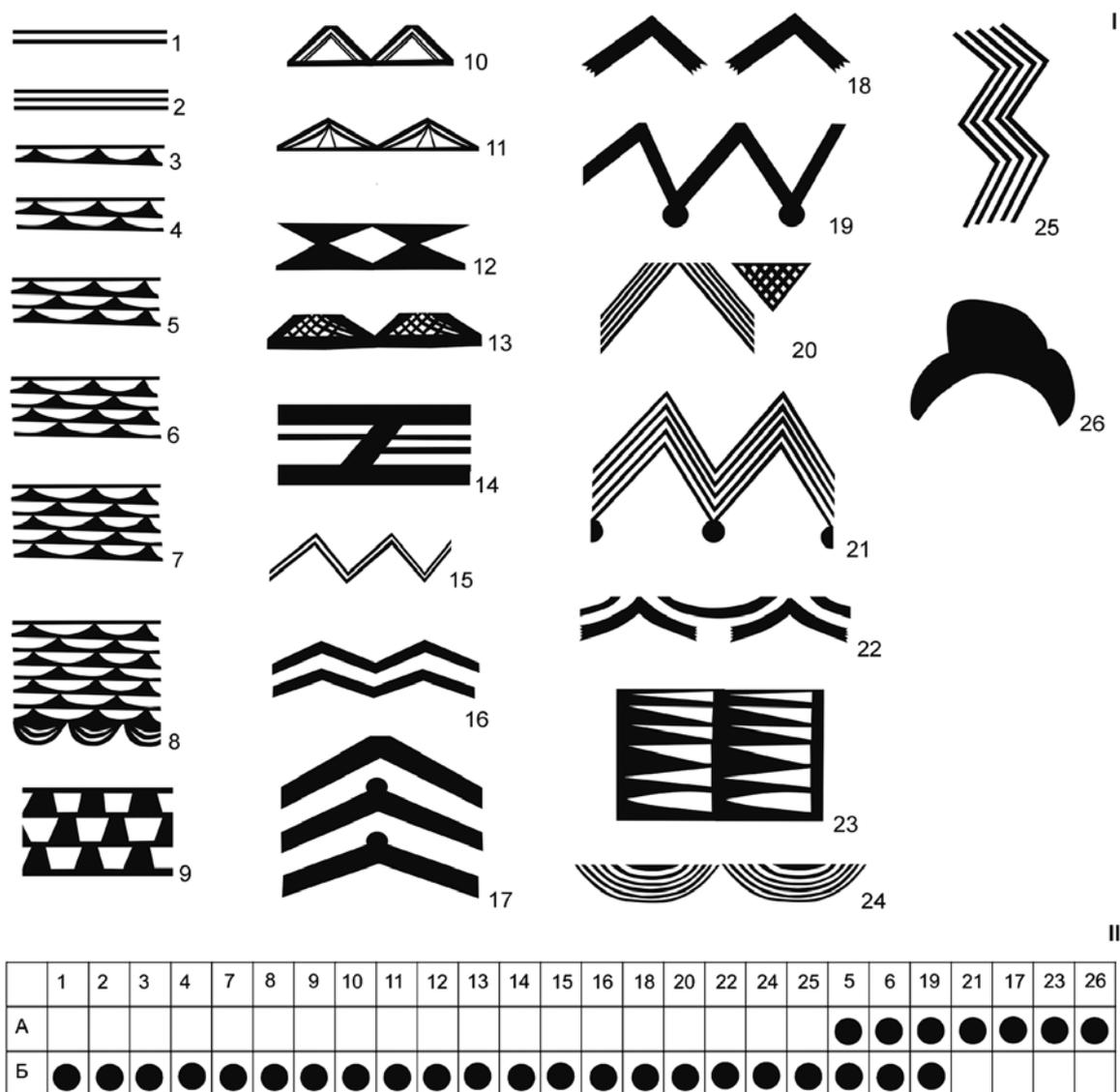

Рис. 1. Йылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт VII: I — типы орнаментов на керамике периода Намазга I; II — встречаемость типов орнаментов на хозяйственных (тарных) сосудах (А) и столовой посуде (Б)

Fig. 1. Ilygynly-Depe, excavation area 3, horizon VII: I — ornament types on ceramics of the Namazga I period; II — occurrence of ornament types on household (container) and table vessels

Весь облик керамики горизонта VII поселения Йылгынлы-депе свидетельствует, что это продукт ремесленного производства. Наличие четко выделенных, однообразных и стандартизированных форм и орнаментов, тяготеющих к определенным формам сосудов, предполагает существование групп профессиональных мастеров, специализирующихся на изготовлении керамики. При этом, совершенно не обязательно видеть в таких группах прообраз ремесленной мастерской или экономической структуры, связанной с товарным производством, понятым в стадийном смысле. Вероятно, речь может идти о постоянных, сложившихся группах, регулярно практикующих производство керамики и владеющих устоявшимися техническими приемами и изобразительными канонами.

Литература

Хлопин 1960 — Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // ТЮТАКЭ. 1960. Т. 7. С. 134–224.

СВЯЗИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАХИЧЕВАНИ СО СРЕДНИМ ВОСТОКОМ

В. Б. Бахшалиев¹

Нахичеванское отделение НАН Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

LINKS OF THE NEOLITHIC CULTURE OF NAKHICHTVAN WITH THE MIDDLE EAST

Veli B. Bakhshaliyev

Nakhchivan Branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhchivan, Azerbaijan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-44-46

Ключевые слова: Южный Кавказ, Северо-Западный Иран, поздний неолит, Кюльтепе I, Карабах, Нахичевань.

Keywords: Southern Caucasus, Northwestern Iran, Late Neolithic, Kultepe I, Karabakh, Nakhchivan.

Исследованиями 2013–2019 гг. на территории Нахичевани выявлены новые неолитические памятники. При этом совместная археологическая экспедиция Нахичеванского отделения НАН Азербайджана с сотрудниками Центра Национальных научных исследований Франции показала, что нижние слои поселения Кюльтепе I относятся к неолитическому периоду. Однако в памятниках Южного Кавказа, в том числе и в Кюльтепе I, не выявлен слой докерамического неолита. Поэтому некоторые исследователи пришли к выводу, что неолит Южного Кавказа пришел сюда в готовом виде, а другие предположили, что неолит Южного Кавказа возник на почве местной мезолитической культуры. Анализ угля из нижних горизонтов показал, что жизнь в неолитическом поселении Кюльтепе I существовала в 6400–5200 гг. до н. э. Неолитический слой поселения разделяется на два этапа. При этом первый этап характеризуется домами типа полуземлянок. Подобная архитектура выявлена также в неолитических памятниках Северо-Западного Ирана

¹ ORCID: 0000-0002-4914-3016; e-mail: velibahshaliyev@mail.ru.

и Восточной Анатолии. Нашими исследованиями установлено, что поселение Кюльтепе I является самым древним памятником эпохи неолита на Южном Кавказе. Можно сказать, что полуземлянки поселения Кюльтепе I являются древнейшими образцами подобной архитектуры. Второй слой характеризуется круглыми в плане помещениями с прямоугольными пристройками. Подобная архитектура характерна также для других памятников Южного Кавказа и для памятников халафской культуры. Большая часть археологических материалов из раскопок поселения Кюльтепе I представлены керамикой. Несмотря на то,

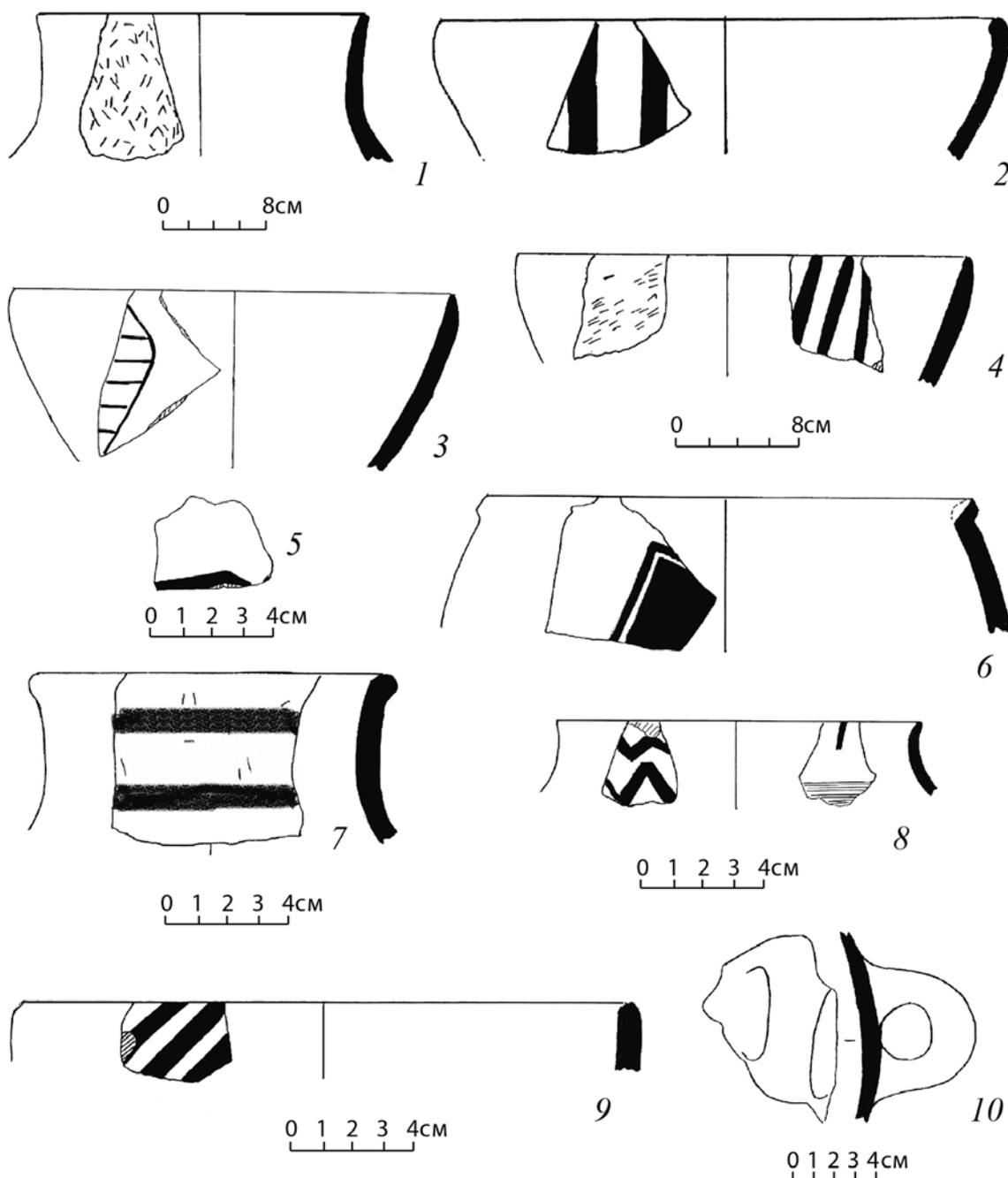

Рис. 1. Неолитическая керамика поселения Халадж
 Fig. 1. Neolithic pottery from the site of Khalaj

что некоторые керамические изделия имеют близкие параллели в неолитических памятниках Ближнего Востока, формовка сосудов отличается своеобразными особенностями, что, по нашему мнению, связано с самобытным развитием и местными традициями. При этом следует отметить, что изящно изготовленная расписная керамика, выявленная в нижнем горизонте второго слоя Кюльтепе I, свидетельствует о развитии взаимоотношений с ближневосточными странами.

Исследования показывают, что во второй половине VI тыс. до н. э. поселенцы Нахичевани имели активные связи со странами Среднего Востока. Об этом свидетельствует керамика поселения Халадж, которое расположено на левом берегу Аракса в Шарурском районе. Керамика эпохи позднего неолита изготовлена в основном с примесью соломы и обожжена до красного цвета. Черноглиняная керамика представлена только двумя экземплярами. Большинство красноглиняных изделий покрыто красной краской. Часть керамики, покрытой красной краской, залощена, но не расписана (рис. 1, 1). Керамические изделия второй группы расписаны черной краской по залощенной поверхности, покрытой красной краской (рис. 1, 2–4, 6–9). Следует отметить, что некоторые экземпляры расписной керамики изготовлены с примесью мелкозернистого песка. Встречаются и обломки сосудов, расписанных прямо по неокрашенной поверхности. Роспись состоит из прямых и волнистых линий. Орнаментальные мотивы расписной керамики Халаджа отличаются от росписи керамики энеолитического периода Гей Тепе и Яныг Тепе. Однако в этих памятниках орнаментация также нанесена по ангобу. Расписная керамика Халаджа отличается и от расписной посуды Техута и Тилкитепе. При этом роспись сосудов Халаджа в определенной степени близка орнаментации керамики памятников Мильской степи, в особенности керамике Кебирли (Нариманов 1987: 40, рис. 37). Керамика Кебирли, как и керамика Халаджа, расписана по ангобу. Более близкие параллели орнаментальным мотивам керамики Халаджа известны из неолитического слоя поселения Дава Гез (Abedi 2017: 69–87), расположенного к северу от озера Урмия. Керамические изделия Дава Гез изготовлены из глины с примесью соломы и покрыты красным ангобом. Керамика Халаджа и Дава Гез по технике изготовления и орнаментации почти идентична. Неолитический слой поселения Дава Гез датируется 5400–5000 гг. до н. э. (Abedi 2017: 73).

Во второй половине VI тыс. до н. э. в неолитической культуре Нахичевани и равнинного Карабаха появляются общие особенности. Часть керамики неолитических поселений Карабаха имеет тисненый орнамент. Исследование поселения Нахичеваньтепе показывает, что подобная керамика также характерна для керамики неолитического периода этого поселения. Как известно, керамика с вдавленным орнаментом характерна для культуры Дальма Тепе в Северо-Западном Иране (Иранский Азербайджан). Несомненно, что генезис этой культуры, которая не имеет корней в культурах Месопотамии и Ирана, связан с Южным Кавказом, в особенности — с Азербайджаном. По-видимому, связи между южными регионами Азербайджана и бассейном озера Урмия способствовали формированию культуры Дальма Тепе.

Литература

- Нариманов 1987 — Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческого-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987.
- Abedi 2017 — Abedi A. Iranian Azerbaijan Pathway from the Zagros to the Caucasus, Anatolia and Northern Mesopotamia: Dava Göz, a New Neolithic and Chalcolithic Site in NW Iran // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2017. No. 17/1. P. 69–87.

СВЯЗИ КУЛЬТУР ПЕРИОДА СРЕДНЕГО ЭНЕОЛИТА НАХИЧЕВАНИ СО СРЕДНИМ ВОСТОКОМ

Э. В. Бахшалиев¹

Нахичеванское отделение НАН Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

LINKS OF THE MIDDLE ENEOLITHIC CULTURES OF NAKHICHEVAN WITH THE MIDDLE EAST

Elmar V. Bakhshaliyev

*Nakhchivan Branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhchivan,
Azerbaijan*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-47-49

Ключевые слова: Южный Кавказ, Нахичевань, средний энеолит, поселение Бюловкая, расписная керамика.

Keywords: Southern Caucasus, Nakhchivan, Middle Eneolithic, Bulövkaya settlement, painted ceramics.

Археологическими исследованиями, проводившимися на территории Нахичевани с 2010 г. в долинах рек Нахичеваньчай, Сирабчай и Кахабчай, выявлено свыше 23 энеолитических памятников (Бахшалиев 2015: 136–137). Часть этих памятников относится к периоду среднего энеолита: поселения Нахичеваньтепе, Учан Агыл, Узун Оба и Бюловкая. Выяснено, что жители этих поселений занимались земледелием и отгонным скотоводством. При этом привлекает внимание поселение Бюловкая, расположенное на берегу речки на юго-западе села Гейнюк Бабекского района. Керамику этого поселения можно разделить на четыре группы. К первой группе относится неорнаментированная посуда. Вторая группа представлена керамикой с рельефным орнаментом. Третью группу составляет посуда, украшенная тисненым орнаментом по рельефному поясу. Четвертая группа керамических изделий расписана черной или коричневой краской. В изготовлении неорнаментированной керамики, в сосудах с сосковидным выступом, а также на керамике, украшенной отпечатками пальцев по рельефному поясу, прослеживаются традиции позднего неолита и раннего энеолита Нахичевани. По сравнению с другими памятниками среднего энеолита, в поселении Бюловкая выявлено большее разнообразие орнаментации расписной керамики. Одна из групп керамических изделий включает посуду, украшенную рядами треугольников, расположенных друг над другом. Эти треугольники заполнены черной краской (рис. 1, 2). Подобная орнаментация хорошо известна на керамике памятников культуры Далма Тепе (Hamlin 1975: fig. 4, D; Вахшалиев et al. 2018: Şəkil 46, 4). В неолитических памятниках Месопотамии и Северо-Западного Ирана прямых параллелей такой орнаментации нет. Однако на керамике халафской, хассунской и самаррской культур встречаются близкие мотивы. Поэтому можно считать, что подобная орнаментация сформировалась на основе месопотамских традиций.

Еще одна группа керамических сосудов украшена вертикальными параллельными линиями, заштрихованными и сетчатыми треугольниками (рис. 1, 1, 4). Подобная орнаментация хорошо известна на памятниках Северо-Западного Ирана: Хаджи-Фируз (Voigt 1983: fig. 92, 1), Далма Тепе (Hamlin 1975: fig. 4, A, F) и Лавин Тепе (Hejebri et al. 2012: fig. 8).

¹ ORCID: 0000-0003-3360-0961; e-mail: elmarbaxsaliyev91@gmail.com.

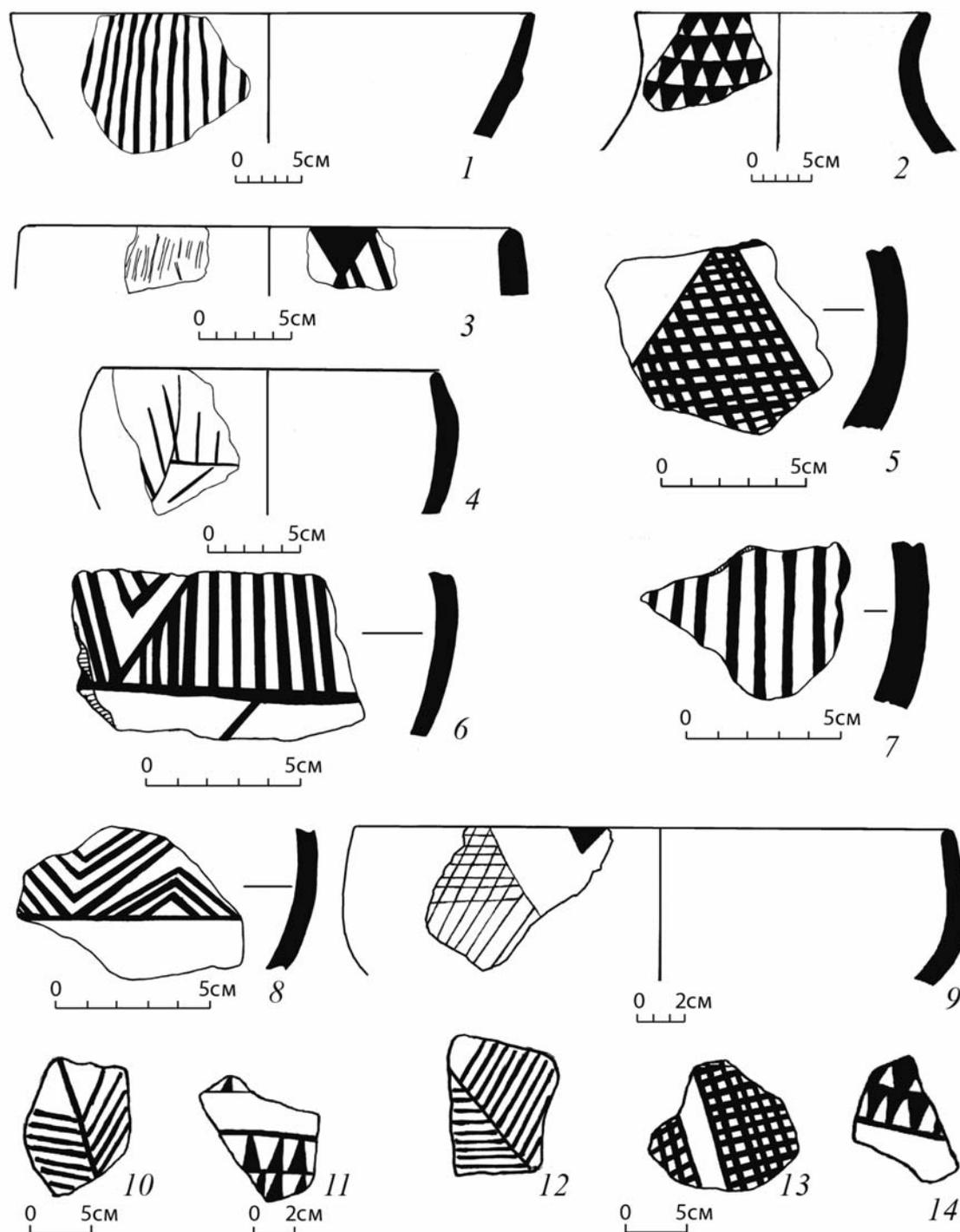

Рис. 1. Расписная керамика поселения Бюловкая
 Fig. 1. Painted pottery from the site of Bulövkaaya

Представлены также мотивы рисунков в виде колоса (рис. 1, 10, 12). Подобная орнаментация известна из Умм Дабагия (Mellaart 1975: fig. 80), Хаджи-Фируз (Voigt 1983: fig. 97, d), а также из Далма Тепе (Henrikson 1983: fig. 102, 5).

Хотя некоторые элементы орнамента представлены на керамике неолитических памятников, расписные мотивы сосудов из Бюловкая характерны в основном для памятников Северо-Западного Ирана, которые датируются серединой V тыс. до н. э. Эта датировка

подтверждается также радиоуглеродными анализами из поселений Учан Агыл и Узун Оба, расположенных на территории Нахичевани. Для поселения Учан Агыл получены две даты: 4690–4450 гг. до н. э. и 4497–4344 гг. до н. э. Образец угля из поселения Узун Оба дал дату 4620–4370 гг. до н. э.

Исследование памятников периода среднего энеолита, в том числе и поселения Бюловкая, имеет важное значение для изучения процесса формирования и развития энеолитических культур Южного Кавказа и Ближнего Востока. Хотя некоторые памятники Северо-Западного Ирана, а также поселение Джульфа Кюльтепе исследователями отнесены к культуре Далма Тепе, в этих поселениях керамика с тисненым орнаментом типа Далма Тепе не выявлена. Мы полагаем, что во второй половине V тыс. до н. э. в Северо-Западном Иране и южных районах Азербайджана, в том числе и Нахичевани, формировалась новая археологическая культура. Надеемся, что дальнейшие исследования будут способствовать разрешению вопросов, связанных с генезисом и развитием этой культуры.

Литература

- Бахшалиев 2015 — *Бахшалиев В. Б.* Новые материалы неолита и энеолита из Нахчывана // РА. 2015. № 2. С. 136–145.
- Baxşəliyev et al. 2018 — *Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Həşimova T., Mehbalıyev K., Baxşəliyev E.* Naхçıvan tərə уəşayış yerində arхеoloji tədqiqatlar. Naхçıvan, 2018.
- Hamlin 1975 — *Hamlin C.* Dalma Tepe // Iran. 1975. Vol. 13. P. 111–127.
- Hejebri et al. 2012 — *Hejebri N., Binandeh A., Nestani J., Vahdati N. H.* Excavation at Lavin Tepe Northwest Iran // *Ancient Near Eastern Studies*. 2012. Vol. 40. P. 95–117.
- Henrikson 1983 — *Henrikson E. F.* Ceramic styles and cultural interaction in the Early and Middle Chalcolithic of the Central Zagros, İran: A Thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of philosophy in the University of Toronto. Toronto, 1983.
- Mellaart 1975 — *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1975.
- Voigt 1983 — *Voigt M. M.* Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia, 1983.

МИФ О НЫРЯЛЬЩИКЕ ЗА ЗЕМЛЕЙ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ?

Ю. Е. Березкин¹

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

THE MYTH ABOUT A DRIVER FOR THE DRY LAND IN THE EURASIAN STEPPES?

Yurii E. Beryozkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-49-52

Ключевые слова: мифология Евразии, Центральная Азия, карачаевцы, ногойцы, нырятьщик за землей.

Keywords: Eurasian mythology, Central Asia, Karachays, Nogais, diver for dry land.

¹ ORCID: 0000-0001-6001-7339; e-mail: berezkin1@gmail.com.

Туркестан — единственный регион Евразии, где не зафиксированы мифы творения, хотя они здесь наверняка существовали. Далее изложены доводы в пользу того, что азиатские степи входили в область распространения мифа о нырятьщике за землей (A811, A812 в международном указателе мотивов).

Начнем с евразийского сюжета сотворения человека. Он представлен в южных и северных вариантах (Березкин 2012: 144–150, рис. 1). В типичных южных (в основном от Индии до Кавказа) лошадь пытается уничтожить человеческие фигуры, а собака ее отгоняет (рис. 1, 2). В северных (от Балтики и Карпат до Монголии и Тихого океана) злой дух приходит испортить творение, собака его пропускает (рис. 1, 3). На промежуточных территориях у киргизов есть вариант, близкий к южному: лошадь пыталась уничтожить творение и наказана (Поярков 1900: 11). Одна северная версия записана в Казахстане (Ивановский 1891: 250). Южная версия, но с заменой лошади на корову, представлена у ойратов (Скородумова 2003: 51–52). Для Синьцзяна данных нет.

Эта история создания человека сцеплена с мифом о доставании земли из-под вод океана или из нижнего мира (рис. 1, 4). В Южной Азии один сюжет продолжает другой у качари, бирхор, мундари, санталов и ораонов, а на севере — у восточных славян, коми, мордвы, чувашей, чулымских тюрков, алтайцев, телеутов, челканцев, шорцев, хакасов, бурят, халха-монголов, ненцев, манси, селькупов и западных эвенков. Однако в степях, в упомянутых выше казахской, киргизской и ойратской традициях сюжет создания человека представлен отдельно, о создании земли там нет ни слова.

Между тем — о чем, кстати, малоизвестно — в двух тюркских традициях Северного Кавказа миф о нырятьщике зафиксирован. В варианте карачаевцев (Каракетов 1995: 64–67) посреди моря лежал дракон, на его темени Ала-Къяз и Къара-Къяз свили гнездо. «Къяз» — «гусь», «къара» — «черный». «Ала» автор публикации переводит как «алый», однако «алому» соответствует тюркское «ал», тогда как «ала» — «пестрый», а далее «светлый» (благодарю А. В. Дыбо за консультацию). Следовательно, гуси противопоставлены как светлый и темный. Один из гусей нырял и не достиг дна, но после того, как оба провели под водой долгий срок, они вынырнули покрытые грязью. Соскоблив ее с перьев, Къарт-Чоппа сделал лепешку и положил на тело дракона. На этом рассказ обрывается, но речь явно идет о создании суши.

Гуси не приносят землю со дна в клюве, а просто вымазались в грязи. Что-то подобное есть в древнеиндийских источниках (Васильков 2006: 251–253): погружившийся в воды вепрь выныривает, отряхивается, и с его клыков слетают комки глины. Среди современных народов Южной Азии аналогичный вариант записан у дравидов и мунда Средней Индии — койя, мариа, бондо. У манси сын Нуми-Торума посылает двух гагар нырять за землей. Первая вынырнула через без семи месяцев семь лет, вторая — через семь лет, отряхнулась — и появилась земля (Kannisto 1951: 2–9). У челканцев Бог жил на небе и послал лебедя принести воды. Когда тот нырял за водой, к его клюву пристало немного земли. Он ее сдул и упавшие на море крупинки образовали сушу (Радлов 1989: 211). Районы, где записаны варианты, согласно которым земля прилипает к телу нырятьщика, а не принесена им намеренно, расположены в разных направлениях от казахской степи. Если данные варианты друг с другом исторически связаны, то маловероятно, чтобы в самой степи подобного мифа никогда не было.

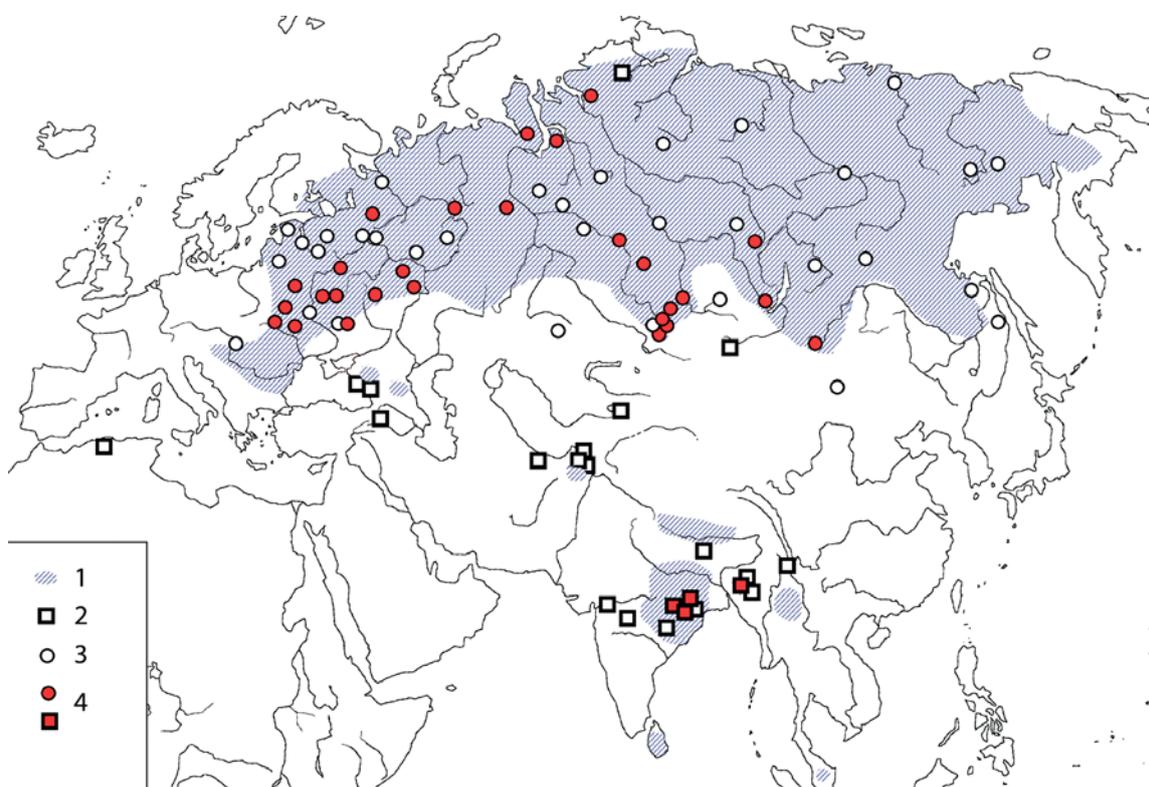
Ногайский текст записан в 1975 г. У богини Умай две птицы — Ак-Ку («белая лебедь») и Кара-Бапий («черная утка»). Кара-Бапий то плавала по воде, то ныряла. Однажды она ощутила на дне ил и песок, стала вытаскивать их на поверхность и соорудила гнездо, которое сделалось сушей. Сотворив землю, Кара-Бапий нырнула в нижний мир, получив имя Эрке-хан (Капаев 2012: 30, 226).

Противопоставление по цвету двух птиц (белый/черный) аналогично такому же у карачаевцев. Эта подробность отсутствует в других вариантах «нырятьщика», что подтверждает аутентичность тюркских текстов с Кавказа. С другой стороны, весь сюжет соответствует обычным сибирским (Напольских 1991; 2011).

Ногайцы — ближайšie родственники казахов, их языки и фольклор похожи (Мамедов 2016: 310). Во времена Золотой Орды ногайцы могли заимствовать миф у татар или башкир, но проще предположить, что сюжет был известен всем тюркам кыпчакской ветви. Был ли он знаком дотюркскому населению?

«Ныряльщик» есть в трех регионах: это Сибирь с Восточной Европой, Северная Америка и Южная Азия. Сибирские истоки сюжета в Америке очевидны. Отношение южноазиатских вариантов к сибирским оставалось неясным. Если признать сохранившиеся на Кавказе тюркские версии фрагментами некогда широко распространенного в степях мифа, то перенос его оттуда в Южную Азию не удивителен. Индия никогда не была источником миграционных потоков, но неоднократно — их реципиентом. Эксклюзивные параллели между версиями «ныряльщика» на Юго-Востоке США и в Южной Азии (ныряют не птицы, а беспозвоночные) невозможно объяснить прямыми контактами — скорее это реликты раннего состояния, сохранившиеся в наиболее удаленных от первичного центра районах распространения сюжета.

Сказанное дополняет наш тезис касательно Центральной Азии как важнейшего центра формирования сюжетов фольклора и мифологии (Березкин 2018: 36–44).

Рис. 1. Ареалы распространения мифологических сюжетов. Условные обозначения: 1 — «ныряльщик» — добывание суши со дна океана или из нижнего мира (евразийские ареалы); 2 — южный вариант сюжета создания человека и попытки уничтожить творение; 3 — северный вариант того же сюжета; 4 — «ныряльщик» и рассказ о создании человека в южном либо северном варианте сочетаются в едином повествовании

Fig. 1. Areas of mythological plots' distribution. Conventional symbols: 1 — «diver» — getting the dry land from the ocean's bottom or from the lower world; 2 — tsouthern version of the plot about the creation of man and the attempt to destroy the creature (Eurasian areas); 3 — northern version of the same plot; 4 — «diver» and the northern or southern versions of the plot about the creation of man combine in a single narrative

Литература

- Березкин 2012 — *Березкин Ю. Е.* Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология евразийской степи // АЭАЕ. 2012. № 4. С. 144–155.
- Березкин 2018 — *Березкин Ю. Е.* Сибирь и Центральная Азия как инновационный регион (материалы фольклора) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 33–51.
- Васильков 2006 — *Васильков Я. В.* Страничка мифологического бестиария: отряхивающийся вепрь // Культура Аравии в азиатском контексте. СПб., 2006. С. 250–262.
- Ивановский 1891 — *Ивановский А. А.* К вопросу о дуалистических поверьях о мироздании // ЭО. 1891. № 9. С. 250–252.
- Капаев 2012 — *Капаев И. С.* Ногайские мифы, легенды и поверья. М., 2012.
- Каракетов 1995 — *Каракетов М. Д.* Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995.
- Мамедов 2016 — *Мамедов Н. Т.* Лиро-эпическая поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сылу» (ногайский и казахский варианты) // Ногайцы: XXI век: Материалы 2-й Междунар. Научно-практ. конф. Черкесск, 2016. С. 310–313.
- Напольских 1991 — *Напольских В. В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М., 1991.
- Напольских 2011 — *Напольских В. В.* Миф о нырянии за землей (А812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для...»: К 75-летию Ю. Б. Симченко. М., 2011. С. 215–272.
- Поярков 1900 — *Поярков Ф. В.* Кара-киргизские легенды, сказки и верования // Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1900 г. Верный, 1900. С. 1–42.
- Радлов 1989 — *Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Скородумова 2003 — *Скородумова Л. Г.* Сказки и мифы Монголии. Улаанбаатар, 2003.
- Kannisto 1951 — *Kannisto A.* Wogulische Volksdichtung. Bd. 1. Helsinki, 1951.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА МУСТАФОТЕПА В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ЗЕРАВШАН

*Н. М. Виноградова¹, **Ш. Ф. Курбанов², **С. Бобомуллоев³

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

**Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана, Душанбе, Таджикистан

PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF THE MUSTAFOTEPE BURIAL GROUND IN THE UPPER REACHES OF THE ZERAVSHAN RIVER

*Natal'ya M. Vinogradova, **Sharof F. Kurbanov, **Saidmurod Bobomulloev

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-52-55

Ключивые слова: могильник Мустафотепа, долина Зеравшана, хронология, Саразм, могильник, бусины, стрелы.

Keywords: Mustafotepe burial ground, Zeravshan river valley, chronology, Sarazm, burial ground, beads, arrows.

¹ ORCID: 0000-0003-1628-7037; e-mail: nat-vinogradova@mail.ru.

² ORCID: 0000-0001-6451-5933; e-mail: kurbanov-muzey@mail.ru.

³ e-mail: bobomulloev_said@mail.ru.

Могильник Мустафотепа находится на лессовом холме, возвышающимся над надпойменной террасой¹, в 1,5 км к юго-западу от древнего поселения Саразм и примерно в 70 м от поселения античного времени Мустафотепа.

В 2014 г. на могильнике Ш. Курбановым был заложен раскоп № 1 размерами 8 × 6 м (рис. 1). Здесь были найдены два погребения. В первом захоронении открыт скелет в сильно скорченном положении и разрозненные кости других погребенных. Около затылочной части черепа найден скребок из черного кремня, рядом обнаружен фрагмент тонкостенного мраморного сосуда, характерный для каменных сосудов поселения Саразм (Исаков 1991: рис. 53, 1–11). У шейных позвонков была найдена шестигранная бусина из сердолика. Второе погребение было полностью разрушено в древности, и погребальный инвентарь отсутствовал (Каримова и др. 2019: 84–86).

Весной 2019 г. С. Бобомулловым это погребение было еще раз расчищено и найдены следы лазурита. Кроме того, восточнее раскопа № 1 был заложен новый раскоп № 2 (6 × 5 м) и открыто еще три погребения (рис. 1). Погребение № 4 (детское) находилось на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности. В погребальной яме обнаружено всего несколько косточек, инвентарь отсутствовал. Два других захоронения расчищены на глубине 1,3 м (№ 3) и 1,7 м (№ 5). Над погребениями и рядом были открыты скопления камней. Контуры могильных ям точно не прослеживаются, все кости разбросаны, трудно определить их анатомический порядок. В погребении № 3 антропологический материал представлен костями нижних и верхних конечностей². По этим костям определяется как женский, так и мужской пол погребенных, на основании чего можно предположить, что в могиле находились два скелета. В погребении № 5 костный материал представлен черепом ребенка и костями двух взрослых людей. Все погребения — безынвентарные.

Осенью 2019 г. к западу от раскопа 1 был заложен раскоп № 3 (6 × 6 м; см. рис. 1). Здесь на глубине 1,5 м от современной дневной поверхности было открыто только одно погребение № 6 катакомбного типа. Овально-вытянутая погребальная яма имела размеры 2,5 × 1,2 м и глубину 1,5 м. В камеру вела входная яма, вход в которую заложен камнями. Погребение, скорее всего, было ограблено. Здесь найдены сильно фрагментированные берцовые и бедренные кости, фрагменты черепа, фаланги пальцев, позвонки, зубы двух взрослых и одного подростка. Из погребального инвентаря обнаружены мелкие фрагменты керамики, несколько округлых бусин из золота и сердолика, шестигранные бусины из сердолика, бусины из алебаstra и кремневые наконечники стрел (рис. 2). В заполнении погребения 6 было найдено несколько каменных орудий. Все эти находки имеют аналогии среди инвентаря поселения Саразм. Среди керамического материала можно выделить небольшой обломок венчика лепного сосуда с росписью черной краской. На внешней поверхности сохранился красный лощеный ангоб. Подобная монохромная керамика встречается в слоях поселения Саразм периодов СМЗ I–II (Исаков 1991: 77–78; табл. IV). Из других предметов, найденных в погребении № 6, интерес представляют шестигранные бусы из сердолика (Раззоков А. 2008: рис. 33, 1, 3) и кремневые наконечники стрел со струйчатой ретушью (там же: рис. 9, 1–10)³. Все находки из этого погребения, исходя из радиоуглеродной датировки поселения Саразм (Раззоков Ф. 2016: 159–161), могут быть датированы эпохой энеолита и ранней бронзы (конец IV — вторая половина III тыс. до н. э.).

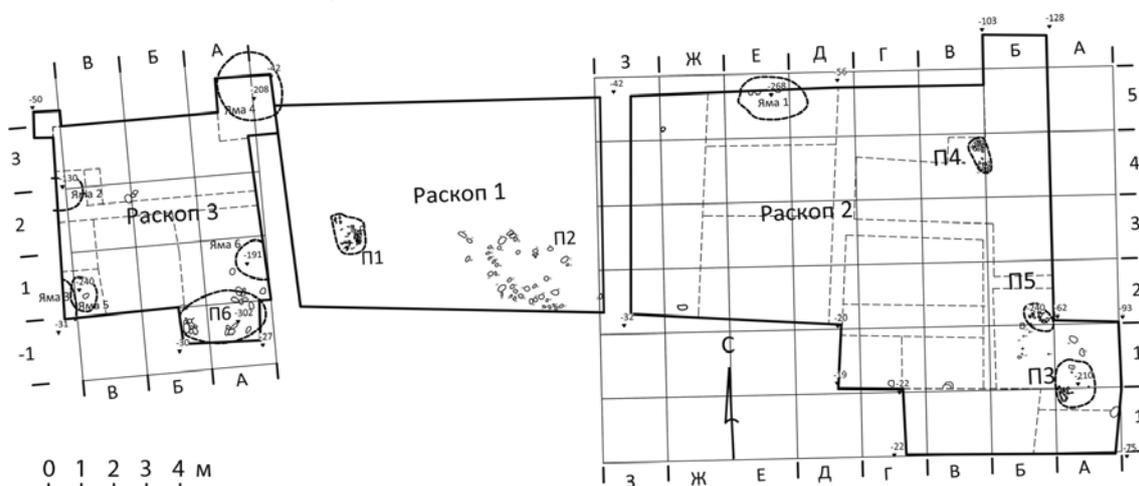
¹ Высота 948 м, координаты ± 4, 39°29'45.50»С, 67°27'01.37»В.

² Антропологические исследования и сбор материала в поле произведен сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана М. Н. Наврузбековым.

³ По мнению Н. А. Аванесовой, предварительный анализ кремневых наконечников (по технико-типологическим признакам) позволяет полагать, что они ранние, с архаичными элементами неолитических традиций. У них тщательно выделяется перо, но отсутствует черешок, насад округлен и заужен. Типологически близкие наконечники стрел известны в культуре Заманбаба (Гулямов и др. 1966: табл. XIX, 1–8, 11–15).

Мустафотепа 2019

Сводный план 1, 2 и 3 раскопов

Рис. 1. Могильник Мустафотепа, общий план раскопов № 1, 2 и 3
Fig. 1. Mustafotepe burial ground, general plan of 1, 2 and 3 excavation areas

Рис. 2. Могильник Мустафотепа, раскоп 3, наконечники стрел и бусины из погребения № 6
Fig. 2. Mustafotepe burial ground, excavation area 3, arrowheads and beads from burial no. 6

Пока еще трудно сделать вывод, что найден некрополь Саразма. Это лишь единичные находки, и только дальнейшие раскопки погребальных комплексов могут подтвердить существование могильника Саразма на возвышенности Мустафотепа.

Литература

- Гулямов и др. 1966 — Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966.
 Исаков 1991 — Исаков А. И. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983). Душанбе, 1991.
 Каримова и др. 2019 — Каримова Г. З., Курбанов О. Х., Отабоев О. Х. Отчет о раскопках могильника бронзового века Мустафотепа в 2014 г. // АРТ. 2019. Вып. 40. С. 81–87.

Раззоков А. 2008 — *Раззоков А.* Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). Душанбе, 2008.

Раззоков Ф. 2016 — *Раззоков Ф.* Строительные комплексы древнеземледельческого комплекса Саразм в IV–III тыс. до н. э. СПб., 2016.

СВЯЗИ ПОЛИХРОМНОЙ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ КЫЗКАЛА С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ

Т. С. Гашимова¹

Нахичеванское отделение НАН Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

RELATIONS OF POLYCHROME PAINTED CERAMICS FROM THE SETTLEMENT OF KIZKALA WITH THE NEAR EAST

Turan S. Hashimova

Nakhchivan Branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Nakhchivan, Azerbaijan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-55-57

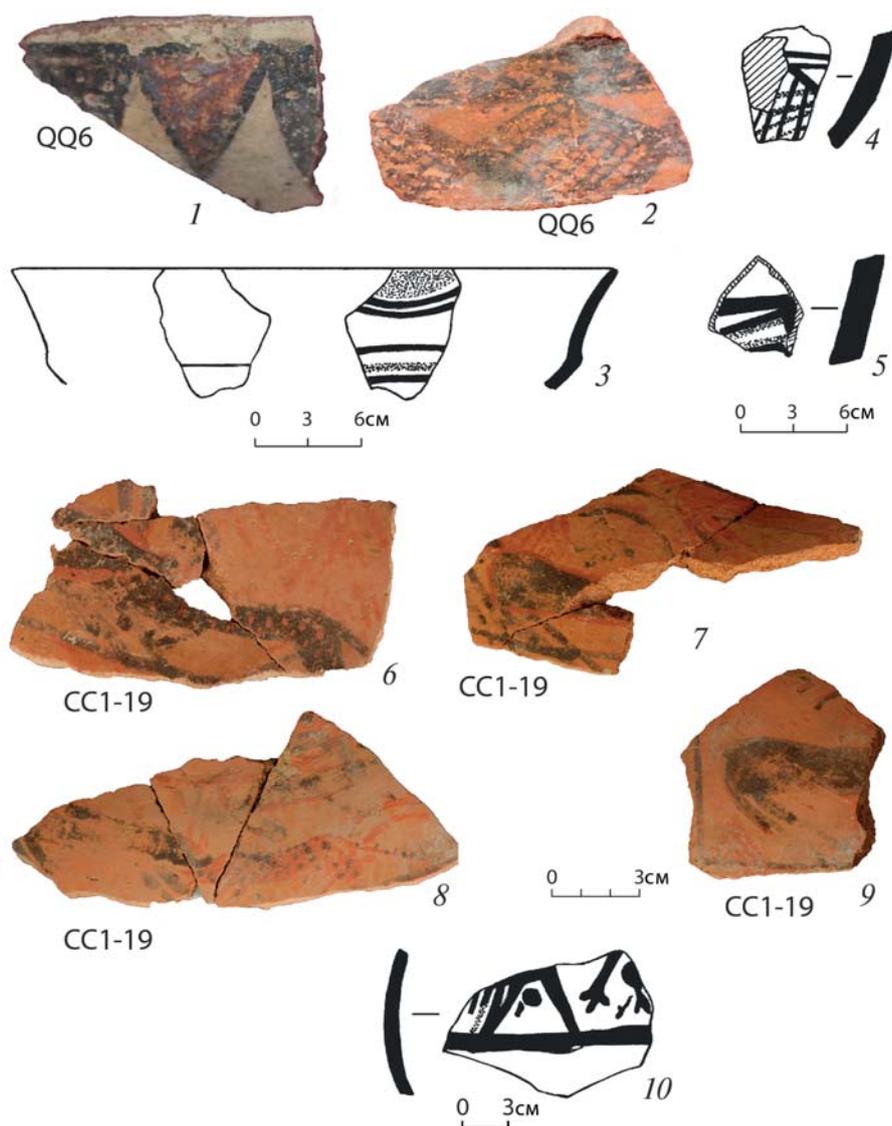
Ключевые слова: Южный Кавказ, Ближний Восток, Нахичевань, Кызкала, период средней бронзы, расписная керамика.

Keywords: Southern Caucasus, Middle East, Nakhchivan, Kizkala, Middle Bronze Age, painted ceramics.

Древнее поселение Кызкала расположено вблизи села Диза Шарурского района Нахичевани. В 2014–2016 гг. на этом памятнике были проведены раскопки совместной археологической экспедицией Азербайджанской Республики и США под руководством В. Бахшалиева, Л. Риствета и Х. Гопника. В результате этих работ была установлена стратиграфия поселения, позволяющая датировать отдельные периоды культуры расписной керамики, которая была распространена на большей части Южного Кавказа и Ближнего Востока. Как известно, о датировке полихромной расписной керамики этого региона высказывались противоречивые суждения. В археологической литературе предлагалась лишь общая датировка этой керамики, что не позволяет определить хронологию отдельных этапов ее развития. В определенной степени такое положение было обусловлено отсутствием радиоуглеродных датировок. Полихромная расписная керамика, происходящая из надежно датированных строительных горизонтов, позволяет определить время появления такой керамики в памятниках Южного Кавказа и Ближнего Востока.

Керамические изделия поселения Кызкала в основном красноглиняные. Среди них выделяются монохромные и полихромные расписные сосуды. Полихромные расписные сосуды малочисленны и отличаются от всех остальных. По орнаментации полихромную керамику можно разделить на две группы. К первой относятся сосуды, украшенные геометрическими рисунками, нанесенными черной и красной красками на белый или кремовый фон. Обломки таких керамических изделий единичны и орнаментация их различна. Роспись одного из фрагментов нанесена на белый фон и представляет собой горизонтальный бордюр из смежных треугольников, направленных вершинами вниз. Треугольники поочередно заполнены черной или красной сетками (рис 1, 1). Аналогичные мотивы росписи керамик представлены на Кюльтепе II, в коллекциях музеев Вани Ахлат.

¹ ORCID: 0000-0002-5724-0975; e-mail: turanheshimova@mail.ru.

Рис. 1. Поселение Кызкала, расписная полихромная керамика
Fig. 1. Settlement of Kızkala, painted polychrome ceramics

Второй фрагмент керамики расписан по желтому фону смежными ромбами, заполненными сетчатым орнаментом, нанесенным красной и черной красками (рис. 1, 2). Подобные мотивы широко распространены на керамике Южного Кавказа и Ближнего Востока и представлены на поселениях Кюльтепе I, Шахтахты, Кызылбурун, Каратепе, в слое VIВ Хафтантепе, в слое D Гей Тепе, в слое IVD Динкатепе, а также в коллекции музеев Казиянтепа, Вана и Диярбакыра. Ряд других фрагментов полихромной керамики также орнаментированы по желтому фону красными и черными линиями (рис. 1, 3–5).

Вторая группа (5 экз.) объединяет расписную керамику, украшенную геометрическими мотивами и изображениями животных. На поверхности двух фрагментов изображен леопард. Рисунки сохранились не полностью, однако видно, что один из леопардов нарисован черной краской с красными пятнами внутри контура туловища. Выше изображения леопарда видны геометрические линии (рис. 1, 6). На втором фрагменте леопард изображен красной краской с черными пятнами внутри контура. Выше леопарда также изображено животное, но определить его вид невозможно: рисунок сохранился очень плохо (рис. 1, 8). Оба животных представлены в прыжке. Аналогичные изображения известны на керамике из слоя VIВ поселения

Хафтавантепе. На третьем обломке керамики изображены две косули. Контуры изображений обведены красной краской, а внутренняя часть заполнена черным (рис. 1, 7). Четвертый фрагмент украшен изображением косули, выполненным черной краской, и дополнен заштрихованным красным треугольником (рис. 1, 9). Керамика с изображениями животных представлена в Кюльтепе II, Шахтахты, в слое VIB Хафтавантепе, а также в коллекциях музеев Казиянтепа и Вана. Пятый фрагмент сохранился очень плохо. На рисунке видны только ноги животного. Изображения животных с такими ногами встречаются на петроглифах Гемигая, на керамике Кызылбуруни и слоя VIB поселения Хафтавантепе.

Для датировки керамики важное значение имеют материалы стратифицированных поселений Нахичевани и бассейна озера Урмия. Слой VIB поселения Хафтавантепе с расписной полихромной керамикой на основании ¹⁴C анализов датирован ок. 1772 г. до н. э., а на поселении Кюльтепе II — ок. 1800 г. до н. э. Слой поселения Кюльтепе I, содержащий керамику с полихромной росписью, на основе сравнительных анализов датирован ок. 1900–1700 гг. до н. э., а полихромная керамика поселения Динкатепе датирована ок. 1600–1450 гг. до н. э. Полихромная керамика поселения Кызкала аналогична керамике Хафтавантепе VIB, Гей Тепе D и Динкатепе IVD. По мнению Т. Б. Брауна, полихромные сосуды с изображениями животных на Ближнем Востоке широко распространились ок. 1500 г. до н. э.

Изучение поселения Кызкала показывает, что расписная керамика с полихромными геометрическими орнаментами появилась раньше, чем сосуды, украшенные изображениями животных. Анализы угля из среднего горизонта бронзового века Кызкала, где найдена керамика с геометрическими полихромными рисунками, дали даты ок. 1620–1504 гг. до н. э. и ок. 1640–1510 гг. до н. э. Анализ угля из горизонта этого же поселения с керамикой, украшенной полихромными изображениями животных, дал дату ок. 1451–1301 гг. до н. э.¹

Таким образом, керамика с полихромными рисунками животных и людей встречена на позднем этапе культуры средней бронзы. На поселении Кюльтепе II найден фрагмент полихромной керамики с изображением мифологических животных. По-видимому, эта керамика отражала также идеологические представления людей того времени. Исследования показывают, что производство расписной полихромной керамики находилось на высоком уровне.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СЛОЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ

Е. А. Гордеева²

Институт истории Академии наук Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

MIGRATION PROCESSES AND THE FORMATION OF THE IDEOLOGICAL WORLDVIEW OF THE CENTRAL ASIAN SOCIETY IN ANTIQUITY

Elena A. Gordeeva

Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-57-59

Ключевые слова: Евразия, Средняя Азия, бронзовый век, раннежелезный век, миграционные процессы, погребальный обряд, кочевники.

Keywords: Eurasia, Central Asia, Bronze Age, Early Iron Age, migration processes, funeral rite, nomads.

¹ Результаты радиоуглеродных анализов предоставлены мне руководителями раскопок, которым выражаю благодарность за возможность написания этой статьи.

² ORCID: 4181-1840-2200-9468; e-mail: helena-gordeeva@inbox.ru.

Миграционные процессы, происходившие на евразийском континенте с глубокой древности, сыграли немаловажную роль в формировании идеологии и мировоззрения обществ Средней Азии. Свидетельством данных изменений является погребальный обряд, который раскрывает основы мировосприятия общества Средней Азии в дописьменный период истории. Известно, что зоной распространения производящего хозяйства (скотоводство) в Средней Азии к концу III–II тыс. до н. э. стал север региона. С точки зрения В. А. Алекшина, «северные районы Средней Азии были открыты для культурного влияния со стороны населения южных и юго-западных районов Казахстана, Южного Урала, Нижнего Поволжья» (Алекшин 1989: 152). Погребальный обряд могильника Тумек-Кичиджик демонстрирует культурное влияние более северных степных районов: покойный лежит в вытянутом положении, на подсыпке красной краски, с украшениями. Подобного погребального обряда на юге Средней Азии в неолите не наблюдается. Кельтеминарский погребальный обряд схож с обрядом из могильника днепро-донецкой культуры Украины (Телегин 1966: 3–13) и могильника Съезжее в Поволжье (Васильев, Матвеева 1979: 147–166).

Для культуры Заманбаба также характерен ряд специфически степных черт: погребения в катакомбах, наличие в могилах красной краски, древесного угля и меловой подсыпки. Как считает В. А. Алекшин, «погребальный обряд культуры Заманбаба находит близкие параллели в культурах катакомбного времени степной зоны. Катакомбный обряд погребения мог проникнуть в Среднюю Азию из степной зоны, либо сложиться здесь под ее влиянием» (Алекшин 1989: 153). Формирование заманбабинской культуры, с его точки зрения, возможно, происходило на кельтеминарской основе (Алекшин 1989: 154).

Степное население, проникшее в долины Таджикистана, в дальнейшем участвовало в сложении бишкентско-вахшской скотоводческой культуры. По мнению В. А. Алекшина, «другая же часть степных племен смешалась с земледельческими племенами Саразма, что в итоге привело к формированию на юге Средней Азии сапаллинской культуры с катакомбным обрядом погребения умерших» (Алекшин 1989: 154). А. А. Аскарлов, напротив, считал, что «наиболее вероятным исходным центром для сложения культуры Сапалли послужил южно-туркменский очаг цивилизации» (Лунина 1986: 14). Ко второй половине II тыс. до н. э. происходит наступление на территорию Средней Азии степных (пастушеских) племен, связанных с культурами андроновско-срубного круга.

Кроме того, важно отметить, что во многих регионах степной Евразии во второй половине V в. до н. э. наблюдаются изменения в погребальном обряде. Связано это также с миграционными процессами кочевых и полукочевых племен. Появление в Южном Приуралье погребений с южной ориентацией покойного связано с приходом кочевников из Восточного Туркестана (Таиров 2004: 126–127). Этнокультурные процессы, происходившие в степях Южного Урала, оказали определенное влияние на общество Южного Приаралья и Устюрта в V–IV вв. до н. э. Для Устюрта в этот период характерны курганные погребения с каменными ящиками на древнем горизонте (Ягодин 1986: 47). В целом, период культуры подкурганых погребений на горизонте относится к V–II вв. до н. э. Известно, что она принадлежит скотоводческим племенам, которые использовали плато Устюрт и расположенные рядом территории как пастбищные и зимовочные районы, а летом уходили в степи Южного Приуралья (Таиров 2006: 73). Присутствие южноуральских кочевников на Устюрте усиливается с начала IV в. до н. э. В целом, в основе тесных связей между кочевниками Южного Приуралья и Древнего Хорезма лежит «сарматский кочевой цикл» или пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона (Ягодин 1979: 37; 1982: 78). На рубеже IV–III вв. до н. э. из Устюрта в левобережный Хорезм проникают ранние сарматы Южного Урала, которые являются носителями прохоровской культуры (Вайнберг 1997: 43; 1999: 161–163, 247).

Таким образом, миграционные процессы повлияли не только на экономические, политические процессы древнего общества Евразии, но также и на его духовные и мировоззрен-

ческие особенности. Погребальный обряд, который отражает веру в бессмертие души, веру в существование в потустороннем мире, отражает культ мертвых и культ предков и, как известно, помогает раскрывать идеологическое представление общества.

Литература

- Алексин 1989 — Алексин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 150–157.
- Вайнберг 1997 — Вайнберг Б. И. Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО. 1997. № 1. С. 23–43.
- Вайнберг 1999 — Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М., 1999.
- Васильев, Матвеева 1979 — Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
- Лунина 1986 — Лунина С. Б. Археология Средней Азии: Учебное пособие. Ташкент, 1986.
- Таиров 2004 — Таиров А. Д. О трансформации погребальной обрядности в раннепрохоровское время // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II рег. научно-практ. конф. М., 2004. С. 126–129.
- Таиров 2006 — Таиров А. Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V–IV в. до н. э. // РА. 2006. № 1. С. 71–78.
- Телегин 1966 — Телегин Д. Я. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место // СА. 1966. № 1. С. 3–13.
- Ягодин 1979 — Ягодин В. Н. Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана: ТД Всесоюзного научного совещания. М., 1979. С. 37.
- Ягодин 1982 — Ягодин В. Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Барнияз на Устюрте // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. 1. С. 39–81.
- Ягодин 1986 — Ягодин В. Н. Устюрт и Приаральская дельта (некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // ОНУ. 1986. № 11. С. 46–52.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ПЛЕМЕН ЭПОХИ БРОНЗЫ ХАНТАУСКОГО ТРАНЗИТНОГО КОРИДОРА

А. А. Горячев¹, Т. А. Егорова²

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

FUNERAL TRADITIONS OF THE BRONZE AGE TRIBES OF THE KHANTAU TRANSIT CORRIDOR

A. A. Goryachev, T. A. Egorova

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-59-65

Ключевые слова: Хантауский транзитный коридор, эпоха бронзы, андроновская общность, алакульско-атасуская культура, федоровско-нуринская культура, погребальные конструкции, обряд захоронения, вещевой материал.

Keywords: Khantau transit corridor, Bronze Age, Andronovo community, Alakul'-Atasu culture, Fedorovka-Nura culture, burial constructions, funeral rite, grave goods.

¹ ORCID: 0000-0001-6952-5567; e-mail: aga.2805@mail.ru.

² ORCID: 0000-0002-8914-0936; e-mail: ega.0108@mail.ru.

Хантауский транзитный коридор проходит по территории Киндыктаско-Шу-Илейских возвышенностей и западных отрогов Заилийского Алатау (рис. 1, 1). В эпоху палеометалла важным фактором развития региона являлось наличие Хантауского и Киндыктаского месторождений цветных металлов, где выявлены древние горные выработки (Берденов 1998: 188). Географическое положение коридора на границе степей Центрального Казахстана и Северного Притяньшанья предопределило его важную коммуникативную роль в развитии древних культур эпохи бронзы.

Изучение могильников бронзового века в регионе, начавшееся с конца 1950-х гг., активно продолжилось в 1980–1990-х гг. исследованиями серии ключевых памятников в урочищах Тамгалы и Ой-Джайляу (Максимова 1961; Марьяшев, Горячев 1993; Рогожинский 1999). Дальнейшие исследования могильников на рубеже XX–XXI вв. позволили провести их культурно-хронологическую атрибуцию и выявить особенности погребального обряда (Горячев 2013). Результаты последних исследований материалов из более 230 захоронений значительно увеличили объем данных по проблематике, что позволяет систематизировать заново сведения о погребальных традициях древнего населения.

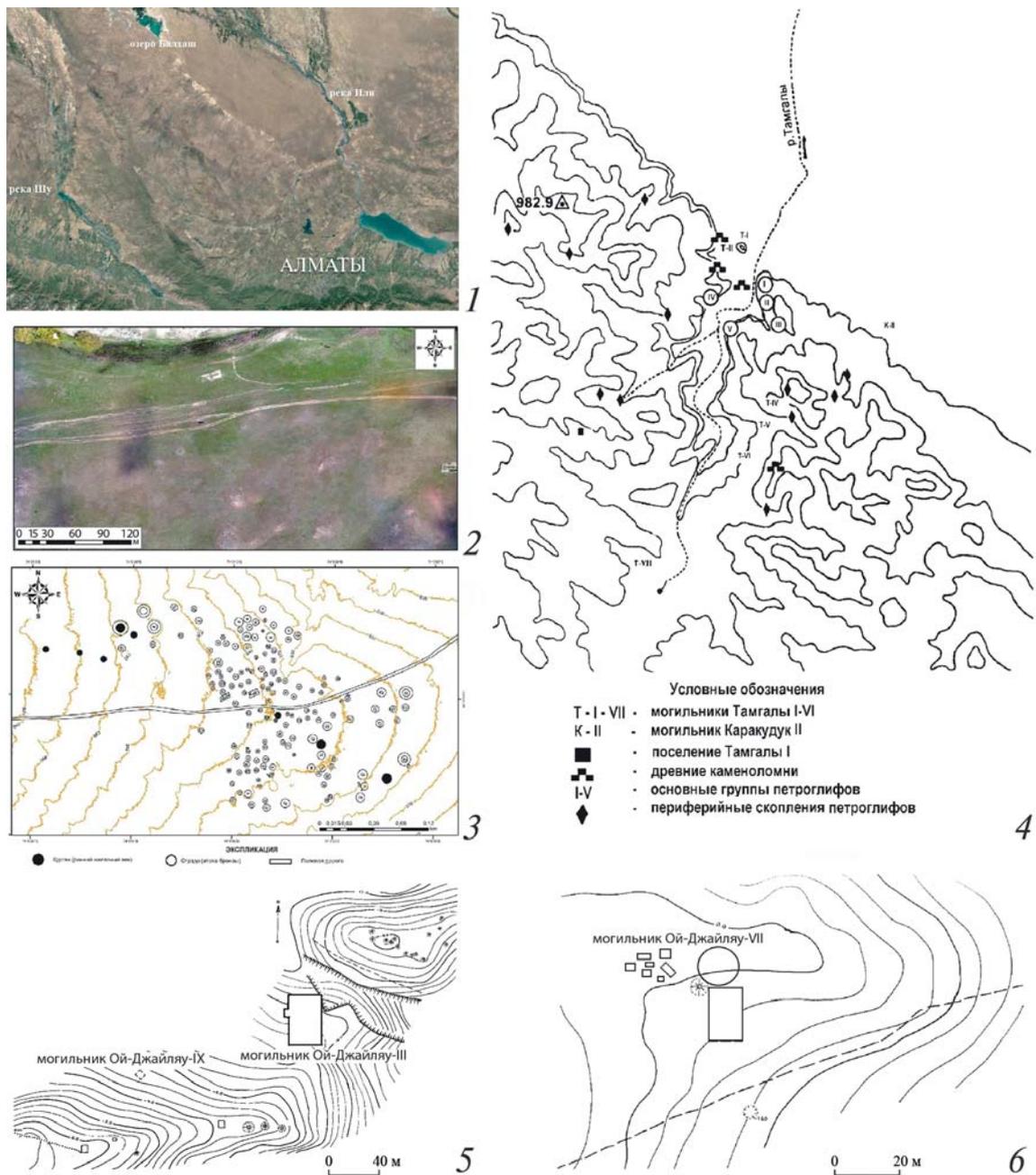
Могильники эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора найдены на выходе из ущелий по берегам рек и ручьев. Внутри горных ущелий и урочищ они занимают территории небольших возвышенностей (рис. 1, 2–6). В 1–2 км от могильников в устьях горных ущелий или у истоков горных родников, близ скальных групп с петроглифами фиксируются поселения.

В структуре исследованных памятников отмечаются различные виды надмогильных погребальных сооружений — цепочки и группы каменных прямоугольных или квадратных оград, а также курганы-ограды. Первые два вида конструкций, как правило, обнаруживаются в пределах одного могильника (Ой-Джайляу-III, Мадьярсай-I, Тамгалы-VI). Серии каменных оград образуют и отдельные кладбища (Ой-Джайляу-IX, Унгирли-I, Анрахай-I, Тамгалы-I и II). Курганы-ограды содержат сооружения с коллективными (Каракудук) или индивидуальными захоронениями (Тамгалы-IV). Все виды конструкций известны на комплексах Ой-Джайляу-VII хребта Киндыктас и Кожабала-I гор Хантау (рис. 2, 1–12). Погребальные камеры представлены в основном прямоугольными каменными ящиками, цистами и их вариациями (рис. 2, 13–21).

Захоронения этого периода отличаются разнообразием: скорченные труположения на левом боку, головой на запад и частичная или полная кремация (рис. 2, 13–19). Символические погребения в каменных ящиках (кенотафы) встречены только в крупных могильниках, где они занимают центральное положение. Захоронения детей производили по обряду труположения без строгой ориентировки головой на запад. Парные захоронения найдены как в спаренных каменных ящиках (до трех), так и при погребении в одной могиле двух индивидуумов по обряду труположения. Отмечены случаи совместного захоронения по обрядам кремации и ингумации (Кожабала-I, Мадьярсай-I). Подобные традиции известны в федоровских комплексах Центрального Казахстана и Семиречья (Кадырбаев 1974: 36–37, табл. 1; Гасс, Горячев 2016: рис. 13).

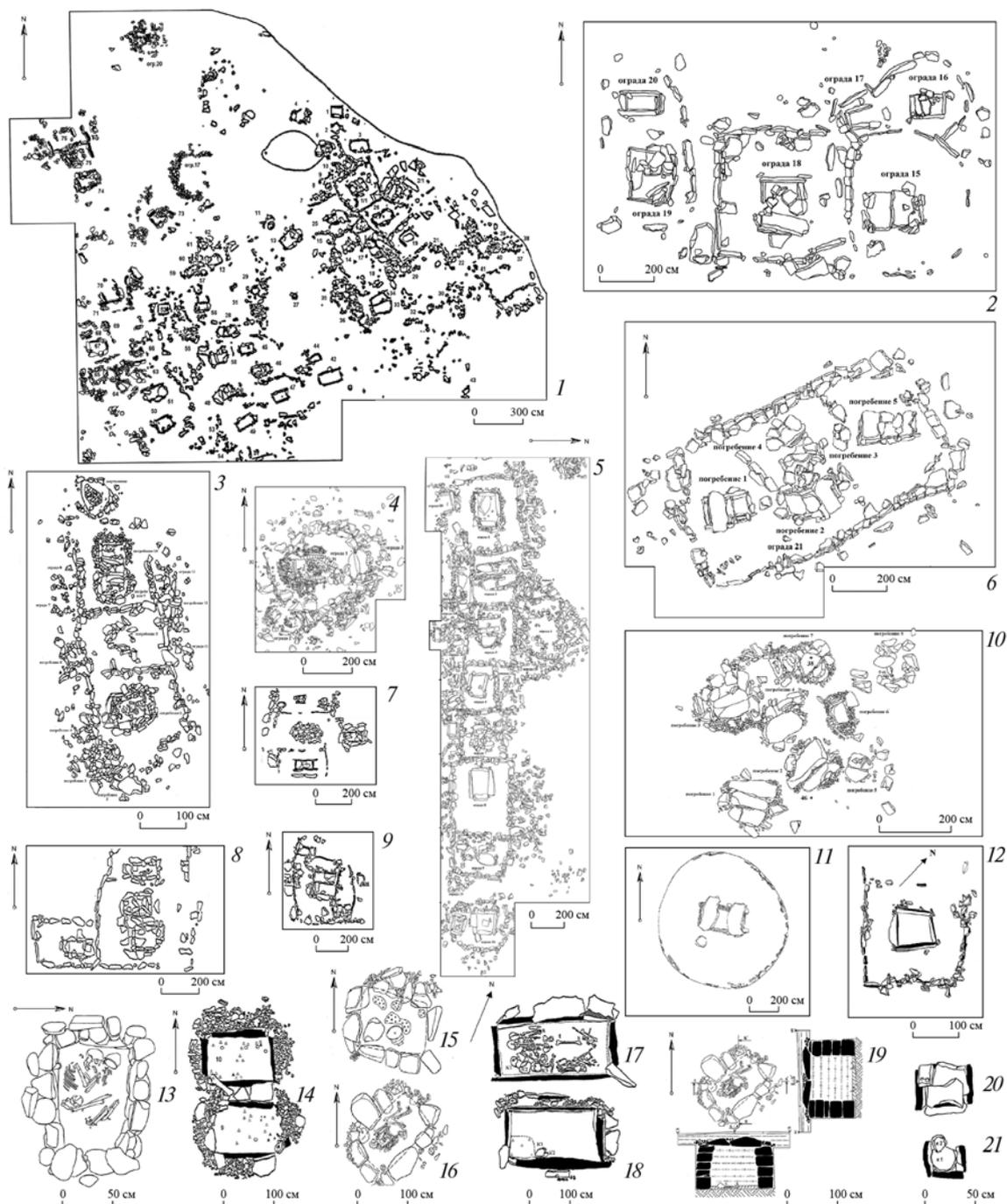
Обязательным материалом в захоронениях взрослых и детей эпохи бронзы данного региона была керамическая посуда горшковидной и баночной форм (от 1 до 3 сосудов). Около 5 % ее орнаментировано зигзагообразными линиями, горизонтальными «елочками», «уточками», рядами треугольников, меандрами, каннелюрами и насечками (рис. 3). Среди сопровождающего инвентаря в погребениях представлены бронзовые браслеты, серьги с растробом, подвески различных форм, обоймы, накладки, нашивные бляшки различной конфигурации, наконечник копья, бритва, иглы, нитки бронзовых и пастовых бус (рис. 4). Часть подвесок плакирована золотой фольгой (рис. 4, 29–43, 45, 46).

Анализ погребальных традиций эпохи бронзы в Хантауском регионе показывает развитие смешанных алакульско-атасуских и федоровско-нуринских культурных традиций

Рис. 1. Могильники эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора: 1 — территория Хантауского транзитного коридора, вид из космоса; 2 — Мад'ярсай-I (аэрофото); 3 — Кожабала-I; 4 — археологический комплекс урочища Тамгалы (по: Рогожинский 1999); 5 — Ой-Джайляу-III и IX; 6 — Ой-Джайляу-VII

Fig. 1. Bronze Age burial grounds of the Khantau transit corridor: 1 — territory of the Khantau transit corridor, view from space; 2 — Mad'yarsai-I (aerial photo); 3 — Kozhabala-I; 4 — archaeological of the Tamgaly tract; 5 — Oi-Dzhailyau-III and IX; 6 — Oi-Dzhailyau-VII

Рис. 2. Погребальные конструкции могильников эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора: 1, 15–18 — Ой-Джайляу-III; 2, 6, 11 — Кожабала-I; 3, 4, 10, 19 — Ой-Джайляу-VII; 5 — Мадьярсай-I; 7–9 — урочище Тамгалы; 12, 20, 21 — Ой-Джайляу-IX; 13 — Каргалы-I (по: Мотов 2007)

Fig. 2. Funerary constructions of Bronze Age burial grounds of the Khantau transit corridor: 1, 15–18 — Oi-Dzhailyau-III; 2, 6, 11 — Kozhabala-I; 3, 4, 10, 19 — Oi-Dzhailyau-VII; 5 — Mad'yarsai-I; 7–9 — Tamgaly tract; 12, 20, 21 — Oi-Dzhailyau-IX; 13 — Kargaly-I (after: Mотов 2007)

андроновской общности XX/XIX–XIV/XIII вв. до н. э. (Гасс, Горячев 2016: табл. 2). Возникновение и существование погребальных комплексов связаны с процессом массовых миграций алакульского населения Центрального Казахстана, вызванных развитием Киндыктаского и Хантауского горно-металлургических центров. В результате на начальном этапе (XX/XIX–XVI вв. до н. э.) алакульские компоненты в погребальном обряде являлись доминирующими. Смешение с коренным населением привело к более значительному влиянию на позднем этапе (XV–XIV/XIII вв. до н. э.) фёдоровских культурных традиций.

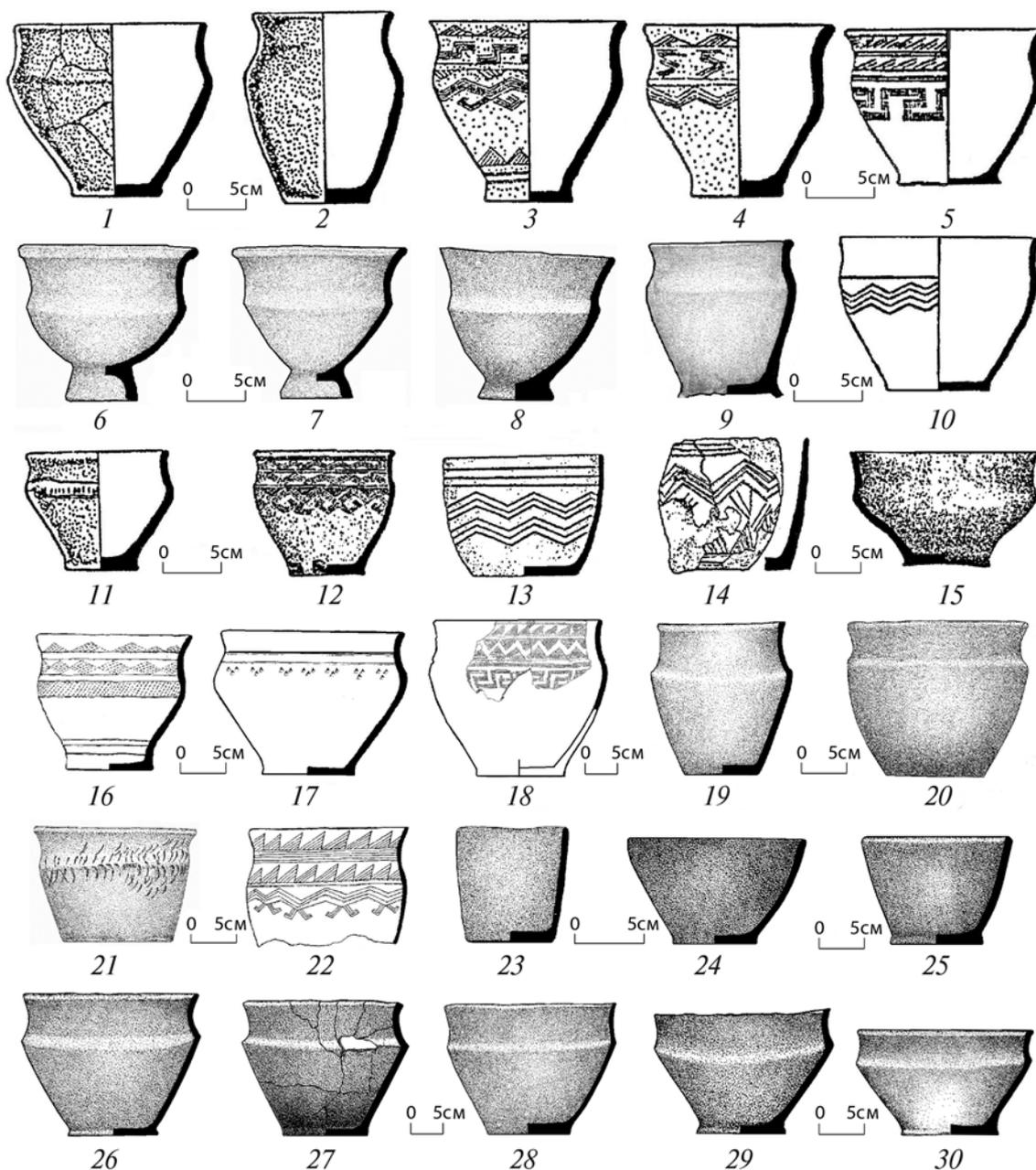
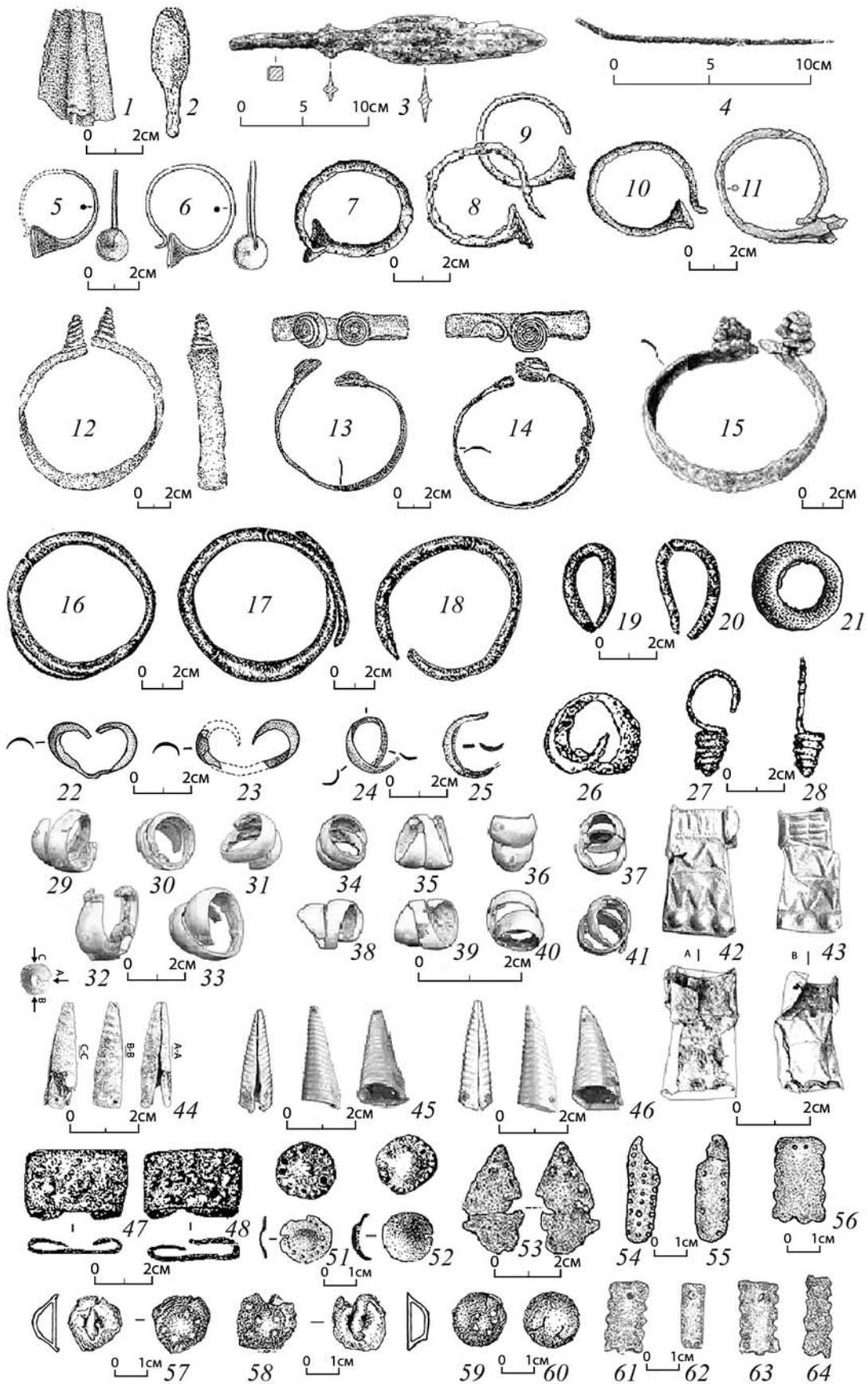

Рис. 3. Керамическая посуда из могильников эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора: 1–5, 10, 11 — Ой-Джайляу-III; 6–9 — Ой-Джайляу-VII; 12–15 — урочище Тамгалы; 16–23 — Кожабала-I; 24–30 — Мадьярсай-I

Fig. 3. Ceramic pottery from Bronze Age burial grounds of the Khantau transit corridor: 1–5, 10, 11 — Oi-Dzhailyau-III; 6–9 — Oi-Dzhailyau-VII; 12–15 — Tamgaly tract; 16–23 — Kozhabala-I; 24–30 — Mad'yarsai-I

Рис. 4. Бронзовые изделия из могильников эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора: 1, 12, 23, 53–56, 61–64 — Кожабала-I; 2, 8, 9, 21, 26–28, 51, 52 — урочище Тамгалы; 3, 4, 11, 15, 29–46 — Мадьярсай-I; 5, 6, 13, 14, 22, 24, 25 — Ой-Джайляу-III; 7, 10, 16–20, 47–50 — Каргалы-I (по: Мотов 2007); 57–60 — Ой-Джайляу-VII

Fig. 4. Bronze products from Bronze Age burial grounds of the Khantau transit corridor: 1, 12, 23, 53–56, 61–64 — Kozhabala-I; 2, 8, 9, 21, 26–28, 51, 52 — Tamgaly tract; 3, 4, 11, 15, 29–46 — Mad'yarsai-I; 5, 6, 13, 14, 22, 24, 25 — Oi-Dzhailyau-III; 7, 10, 16–20, 47–50 — Kargaly-I (after: Мотов 2007); 57–60 — Ой-Джайляу-VII

Литература

- Берденов 1998 — Берденов С. А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 180–190.
- Гасс, Горячев 2016 — Гасс А., Горячев А. А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // ВНСбГУ. Серия: история, филология. 2016. Т. 15/5: Археология и этнография. С. 85–123.
- Горячев 2013 — Горячев А. А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН Республики Казахстан. СОГН. 2013. № 3. С. 3–28.
- Кадырбаев 1974 — Кадырбаев М. К. Могильник Жыланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 24–45.
- Максимова 1961 — Максимова А. Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата, 1961. Т. 12. С. 62–71.
- Марьяшев, Горячев 1993 — Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–19.
- Мотов 2007 — Мотов Ю. А. Могильник эпохи бронзы Каргалы-I // История и археология Семиречья. Алматы, 2007. Вып. 3. С. 80–87.
- Рогожинский 1999 — Рогожинский А. Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы, 1999. С. 7–43.

НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

А. В. Громов¹

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

POPULATIONS OF SOUTHWESTERN TURKMENISTAN IN THE ENEOLITHIC AND BRONZE AGES

Andrei V. Gromov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-65-68

Ключевые слова: энеолит, эпоха бронзы, Туркменистан, Пархай, Сумбар, физическая антропология.

Keywords: Chalcolithic, Bronze age, Turkmenistan, Parkhai, Sumbar, physical anthropology.

¹ ORCID 0000-0002-3263-3801; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru.

В результате многолетних работ Сумбарской экспедиции ЛОИА АН СССР и ЮТАКЭ АН Туркменской ССР под руководством И. Н. Хлопина в долине реки Сумбар (Юго-Западный Туркменистан) были полностью раскопаны могильники Пархай I, II и Сумбар I, II (Хлопин 1983; 1997; 2002). По материалам раскопок выделены последовательные культурно-исторические комплексы (периоды) энеолита (ЮЗТ-VII, ЮЗТ-VI и ЮЗТ-V) и бронзы (ЮЗТ-IV, ЮЗТ-III, ЮЗТ-II и ЮЗТ-I). Имеющиеся на данный момент в нашем распоряжении краниометрические материалы позволяют сформировать серии из всех отдельных комплексов, кроме ЮЗТ-VI у мужчин и ЮЗТ-VII у женщин. Подобное культурно-хронологическое деление оказалось возможным осуществить также с материалами еще двух крупных среднеазиатских могильников — Джаркутана 4А и Сапаллитепа (Ходжайов и др. 2001). Это позволяет сравнить масштабы хронологической изменчивости населения Юго-Западного Туркменистана на фоне таковой в двух вышеуказанных могильниках и краниометрических параметров ряда синхронных азиатских серий. Для этого привлечены данные по следующим группам: Геоксюр, Кара-депе, Алтын-депе, Бустан 7, Гонур-депе, Дальверзинтепа, Буткара, Тимаргарха, Тепе-Гиссар, Хасанлу, Кокча 3, Тигровая Балка, Ранний Тулхар (источники см. Громов 2004). Для канонического анализа с помощью программы Ю. К. Чистова 1994 г. использовались 19 краниометрических признаков (табл. 1).

У мужчин первые два канонических вектора (КВ) описывают 36,6 % изменчивости. Значения КВ I сильнее всего скоррелированы с длиной основания черепа, дакриальной

Таблица 1

Коэффициенты корреляции значений первых трех канонических векторов с исходными краниометрическими признаками

Table 1

Correlation coefficients of the meanings of the first three canonical vectors with the original craniometric characteristics

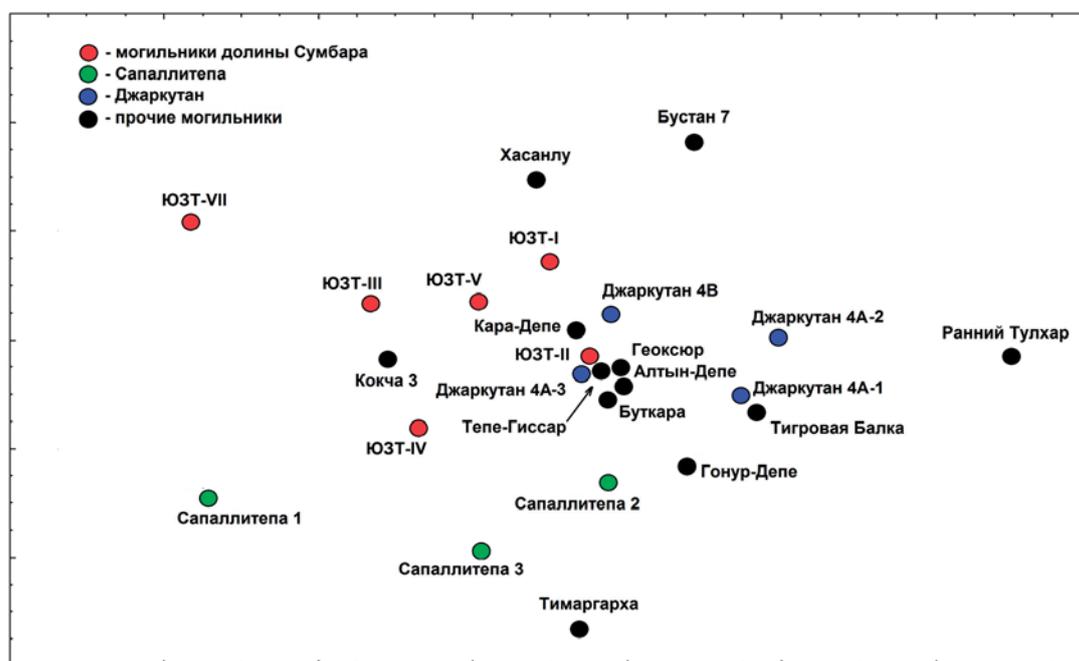
№ по Мартину и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		I КВ	II КВ	III КВ	I КВ	II КВ	III КВ
1	Продольный диаметр	0.407	0.077	0.280	-0.055	-0.064	0.689
8	Поперечный диаметр	-0.104	0.107	0.526	-0.084	0.214	0.336
17	Высотный диаметр	0.097	0.286	0.575	0.069	-0.005	-0.247
5	Длина основания черепа	0.666	0.040	-0.069	-0.476	0.668	-0.057
9	Наименьшая ширина лба	-0.074	-0.218	0.287	-0.067	0.278	0.477
45	Скуловая ширина	0.307	-0.407	0.610	0.238	0.156	0.047
48	Верхняя высота лица	0.499	-0.161	0.363	0.175	0.240	0.307
55	Высота носа	-0.065	0.045	-0.385	-0.025	0.351	0.286
54	Ширина носа	0.352	-0.021	0.166	-0.566	-0.129	0.026
51	Ширина орбиты от mf	0.488	0.315	0.290	-0.173	0.158	0.423
52	Высота орбиты	0.179	-0.221	-0.247	0.163	-0.137	-0.232
77	Назомаллярный угол	-0.301	0.466	0.439	0.554	0.170	-0.178
$\angle zm'$	Зигомаксиллярный угол	-0.234	0.357	0.460	0.710	0.449	0.134
dc	Дакриальная ширина	-0.356	0.312	0.376	-0.057	0.465	0.620
ds	Дакриальная высота	-0.647	-0.408	0.141	-0.195	0.602	-0.177
sc	Симотическая ширина	-0.337	0.064	0.178	-0.312	0.127	0.414
ss	Симотическая высота	0.127	-0.467	0.022	-0.392	-0.156	0.040
72	Общий лицевой угол	0.671	0.176	-0.048	-0.822	0.103	0.129
75(1)	Угол выступания носа	0.226	0.200	0.000	-0.504	-0.144	0.320
Доля в общей дисперсии (%)		20.58	16.05	11.18	18.95	15.76	9.99

Примечание: статистически значимые коэффициенты корреляции выделены жирным шрифтом.

высотой и общим лицевым углом (табл. 1). КВ II определяется прежде всего скуловым диаметром, назомаллярным углом, дакриальной и симотической высотами. У женщин на первые два КВ приходится 34,6 % изменчивости. В КВ I, как и у мужчин, максимальный коэффициент корреляции имеет общий лицевой угол, а также зигомаксиллярный угол, в КВ II — длина основания черепа и дакриальная высота. Нетрудно заметить, что, несмотря на различное сочетание значимо скоррелированных признаков в первых двух векторах у мужчин и женщин, сам набор признаков в значительной степени совпадает.

В работе 2004 г. автором было отмечено отличие серий обоего пола периода ЮЗТ-IV от прочих групп энеолита — бронзы юго-запада Туркменистана (Громов 2004). Наиболее вероятной причиной этого я счел состав серии, происходившей из нескольких крупных погребальных камер, где могли быть захоронены родственники. Увеличение доступного для изучения краниологического материала позволило проверить достоверность этих отличий. С целью экономии места представлены графические результаты анализа только мужских серий (рис. 1). И действительно, в новом варианте анализа отличия серии ЮЗТ-IV от прочих групп из долины реки Сумбар уже не бросаются в глаза. Все указанные серии группируются в левой части графика. Расположение групп из Сапаллитепа и Джаркутана 4А также свидетельствует о том, что, несмотря на культурно-хронологические различия, морфологически население указанных областей менялось мало. Женские серии демонстрируют в целом сходные закономерности распределения групп в пространстве первых двух канонических векторов. На основании результатов данных анализов можно сделать вывод, что, по крайней мере, земледельческое население Средней Азии эпохи энеолита и бронзы отличалось невысокой подвижностью.

КВ II

Рис. 1. Расположение мужских серий в пространстве первого и второго канонических векторов в результате анализа 19 краниометрических признаков

Fig. 1. Position of male series in the space of the first and second canonical vectors as a result of analyzing 19 craniometric characteristics

Литература

- Громов 2004 — Громов А. В. Древнее население долины реки Сумбар (Юго-Западный Туркменистан) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. СПб., 2004. С. 8–20.
- Хлопин 1983 — Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопин 1997 — Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997.
- Хлопин 2002 — Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.
- Ходжайов и др. 2011 — Ходжайов Т. К., Мустафакулов С. И., Ходжайова Г. К. Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. М., 2011.

НАСЕЛЕНИЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ ПО ДАННЫМ ОСТЕОМЕТРИИ¹

* А. В. Громов², ** Н. И. Лазаретова³

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

**Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

THE OKUNEV CULTURE POPULATION OF THE MINUSINSK BASIN ACCORDING TO OSTEOMETRIC DATA

* Andrei V. Gromov, ** Natal'ya I. Lazaretova

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

**Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-68-70

Ключевые слова: Минусинская котловина, окуневская культура, палеоантропология, остеометрия.

Keywords: Minusinsk basin, Okunev culture, paleoanthropology, osteometry.

Окуневская археологическая культура — интереснейшее, хорошо узнаваемое явление эпохи бронзы Минусинской котловины и Центральной Азии в целом, привлекающее внимание разных специалистов, в том числе и антропологов. Объектом палеоантропологических исследований выступали в основном краниологические серии этой культуры, в то время как посткраниальным скелетам уделялось недостаточное внимание. Целью данной работы является анализ территориально-хронологической изменчивости костей посткраниальных скелетов из погребальных памятников окуневской культуры. Авторами измерены длинные кости из могильников Уйбат III, Уйбат V, Уйбат-Чарков, Уйбат-Батень, Верхний Аскиз I, Красный Камень, Итколь I и Итколь II. Полученный материал сгруппирован с использованием схемы И. П. Лазаретова (Лазаретов 2019), насчитывающей пять «хронологических горизонтов» (от ранних к поздним): уйбатский, тасхазинский, лебязинский, черновский и разлиевский.

С помощью канонического анализа мужские и женские серии окуневской культуры были проанализированы по семи остеометрическим признакам (табл. 1). Использована программа И. А. Гончарова MultiCan 2013 г.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² ORCID: 0000-0002-3263-3801; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0002-4055-9656; e-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции значений первых трех канонических векторов
с исходными остеометрическими признаками

Table 1

Correlation coefficients of the meanings of the first three canonical vectors
with the original osteometric characteristics

Признак	Мужчины			Женщины		
	КВ I	КВ II	КВ III	КВ I	КВ II	КВ III
Наибольшая длина плечевой кости	0.474	-0.645	-0.486	0.312	-0.229	-0.470
Наименьший диаметр середины диафиза плечевой кости	0.615	-0.709	-0.012	-0.105	0.683	0.691
Наибольшая длина лучевой кости	0.404	-0.494	-0.452	0.829	-0.331	-0.181
Наибольшая длина бедренной кости	0.255	-0.388	0.616	0.412	-0.362	-0.192
Поперечный диаметр середины диафиза бедренной кости	0.619	-0.580	0.512	-0.339	0.783	0.415
Полная длина большой берцовой кости	0.870	0.015	-0.084	0.788	0.357	-0.188
Сагиттальный диаметр большой берцовой кости на уровне f. nutricium	0.064	-0.193	0.325	0.038	0.494	0.823
% изменчивости	40.1	29.7	18.6	55.3	31.0	8.6

У мужчин первые два канонических вектора (КВ) описывают 69,8 % изменчивости. Значения КВ I сильнее всего скоррелированы с длиной большой берцовой кости, в несколько меньшей степени — с диаметрами диафизов плечевой и бедренной костей. КВ II определяется в первую очередь размерами плечевой кости. У женщин на первые два КВ приходится 86,3 % изменчивости. В КВ I, как и у мужчин, максимальный коэффициент корреляции имеет длина большой берцовой кости, а кроме нее — длина лучевой кости, т. е. длины дистальных сегментов обеих конечностей. В КВ II — диаметры диафизов плечевой и бедренной костей, у мужчин «проявившиеся» в КВ I.

У мужчин (рис. 1) на положительном полюсе КВ I располагаются ранние уйбатские, тасхазинская и лебяжинская серии (исключение составляют скелеты из ранних могил Итколя II). Также можно отметить, что серии из Итколя II, наиболее разнообразные хронологически, тем не менее достаточно сходны между собой, что предполагает преемственность населения этого района в окуневское время.

Женские серии (рис. 2) демонстрируют в целом сходные закономерности распределения в поле графика. На положительном полюсе КВ I также располагаются ранние уйбатская, тасхазинская и лебяжинская серии, но здесь исключение составляет Уйбат-Чарков, а уйбатская серия из Итколя II находится в правой части графика. Однако по КВ II обе уйбатские серии занимают примерно равное положение. Черновские группы находятся в поле отрицательных значений как КВ I, так и КВ II, располагаясь довольно компактно, по сравнению с ранними группами. Здесь, в отличие от мужчин, не наблюдается сходства серий из Итколя II разных этапов. Это не должно нас удивлять, учитывая особенности формирования мужской и женской частей окуневской популяции (Громов 1997).

Литература

- Громов 1997 — Громов А. В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 301–345.
- Лазаретов 2019 — Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4. С. 15–50.

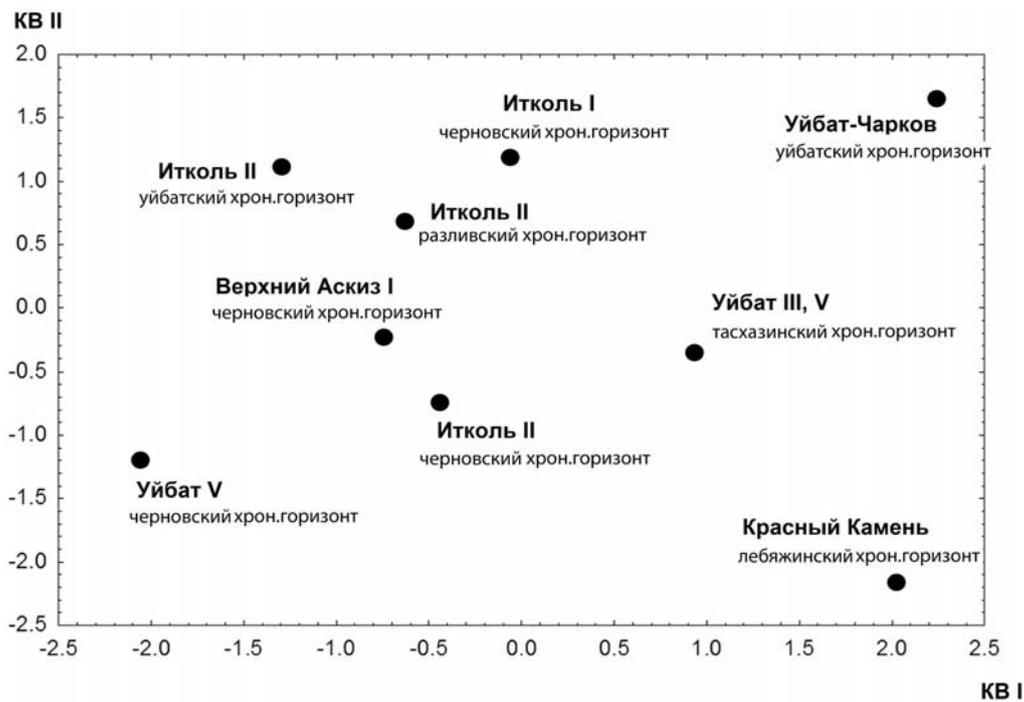

Рис. 1. Расположение мужских серий в пространстве первого и второго канонических векторов в результате анализа семи остеометрических признаков

Fig. 1. Position of male groups in the space of the first and second canonical vectors as a result of analyzing seven osteometric characteristics

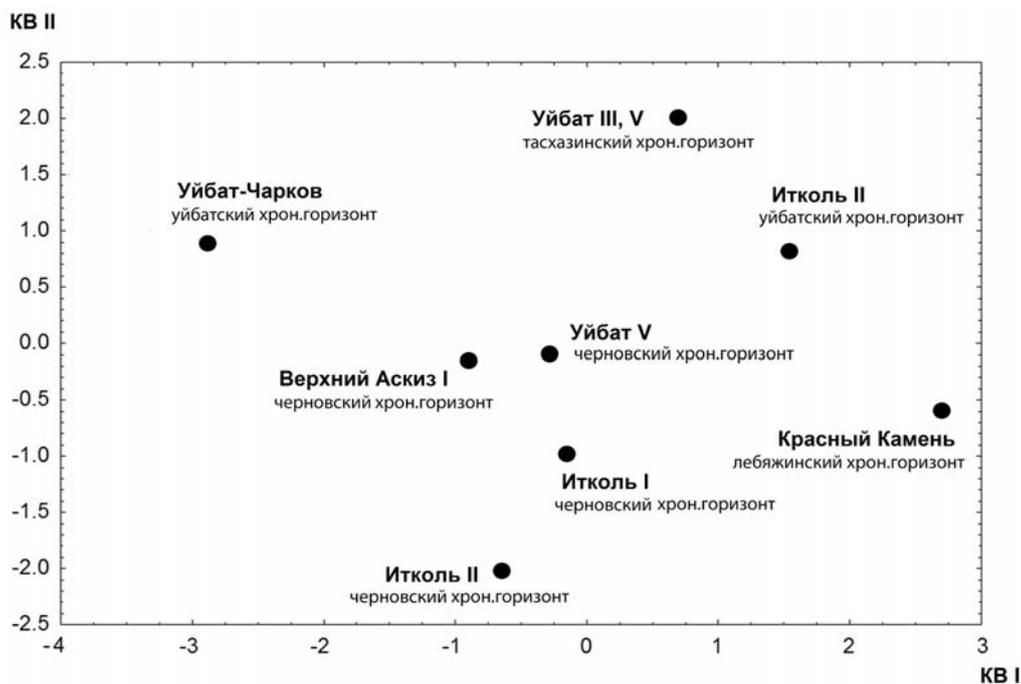

Рис. 2. Расположение женских серий в пространстве первого и второго канонических векторов в результате анализа семи остеометрических признаков

Fig. 2. Position of female groups in the space of the first and second canonical vectors as a result of analyzing seven osteometric characteristics

МИНИАТЮРНЫЕ КОЛОНКИ БМАК: ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ¹

*С. П. Грушин², **Н. А. Дубова³, ***А. В. Фрибус⁴

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

***Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

MINIATURE COLUMNS OF BMAC: THEIR MORPHOLOGICAL PECULIARITIES AND POSSIBLE PURPOSE

*Sergei P. Grushin, **Nadezhda A. Dubova, ***Aleksii V. Fribus,

*Altai State University, Barnaul, Russia

**Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

***Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-70-74

Ключевые слова: Гонур-депе, Туркменистан, эпоха бронзы, ритуалы, каменные изделия.

Keywords: Gonur Depe, Turkmenistan, Bronze Age, rituals, stone items.

Особые предметы, благодаря своей форме и неясному назначению получившие название «миниатюрные колонки», впервые были встречены на известном иранском памятнике Тепе Гиссар (северо-восток Ирана, около города Дамган). Именно Э. Шмидт, автор раскопок, и ввел данный термин в научный оборот. Он отметил наличие желобов (или борозд) на обеих базах этих предметов, а также их совмещение в некоторых случаях с таковыми на боковых поверхностях. Подчеркивалось также, что обычно они были найдены вместе с каменными дисками (или «гирями»). Наличие и характер желобов позволило Э. Шмидту предположить, что эти объекты обычно использовались горизонтально, возможно, подвешивались на веревках в качестве грузов (Schmidt 1937: 216, 218), удивляясь, правда, что колонка Н 3257 имеет сложное мозаичное украшение, которое не согласуется с такой интерпретацией их применения (Schmidt 1937: 311). В той же работе он неоднократно подчеркивает, что колонки — один из характерных признаков (даже «направляющий образ» — guide specimen) слоя Гиссар IIIС. Е. В. Антонова считает более вероятным, что колонки служили основаниями для дисков, а вместе они представляли собой своеобразные столики (Антонова 2020: 182). Поводом для такого предположения являются, по-видимому, ритуальные каменные сосуды типа «тарелок на ножке» (Schmidt 1937: 213, fig. 124). С Гонур-депе происходят как небольшой каменный составной сосуд (Сарианиди 2002: 131), так и большое серебряное изделие сходной формы, состоящие также из двух частей (ножки и «тарелки») из тайника гробницы 3220.

Совершенно другой точки зрения придерживаются Н. Бороффка и Е. Н. Сава (Boroffka, Sava 1998: 66–77; 94–95), составившие подробный каталог опубликованных миниатюрных

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082 и в соответствии с Соглашением о совместных исследованиях между Институтом этнологии и антропологии РАН и Министерством культуры Туркменистана.

² ORCID: 0000-0002-5404-6632; e-mail: gsp142@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0002-4340-1037; e-mail: dubova_n@mail.ru.

⁴ ORCID: 0000-0003-3208-0319; e-mail: fribus@list.ru.

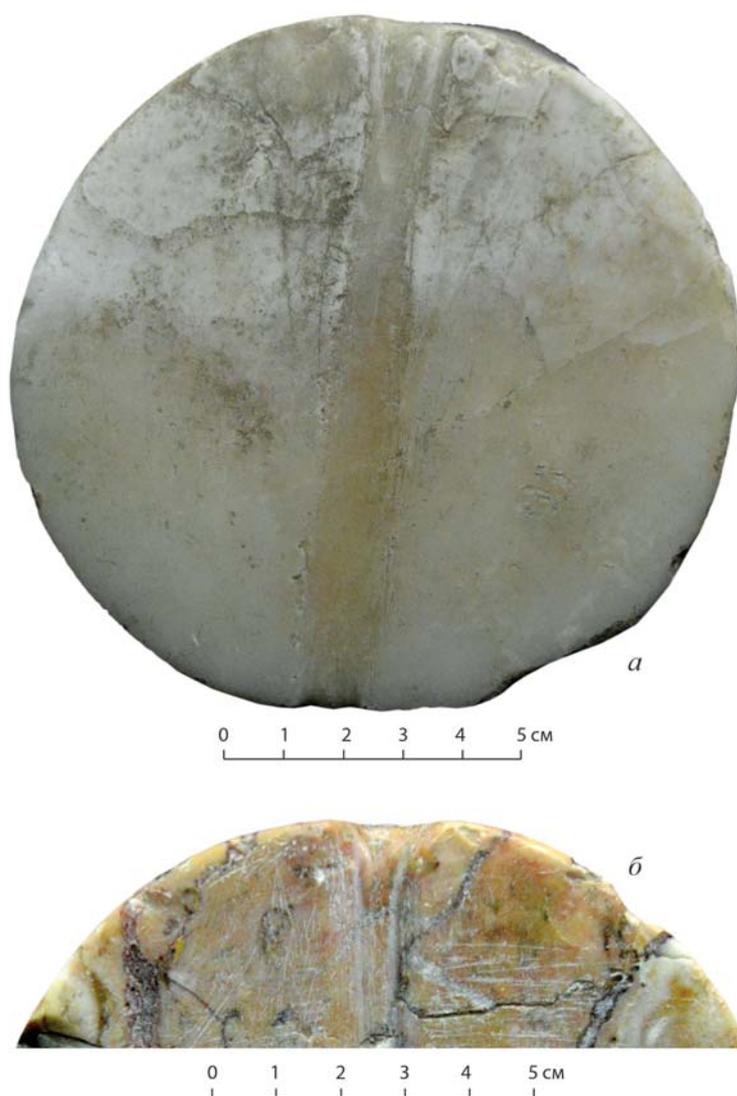
колонок с территории Евразии. Они выделяют пять их типов и рассматривают территории их распространения. Авторы полагают, что многие предметы, часть которых имеет форму фаллоса (обозначаемые также как «песты» или «скипетры»), вне зависимости от размера и деталей формы, являются сходными по назначению и маркируют социальный статус владельца.

В. А. Алекшин также обращает внимание, что «посохи», «гири» и «колонки» находятся в самых богатых могилах, принадлежавших верхушке общества. По его мнению, они представляют собой набор предметов, служивших для выполнения какого-то единого, возможного культового процесса, где «колонка» была своего рода алтарем, перед другими перечисленными предметами совершались некие действия (Алекшин 1979: 82).

При составлении Каталога крупных каменных предметов, найденных в Маргиане и хранящихся ныне в Туркменистане, в Марыйском историко-краеведческом музее и в крупнейших музеях Ашхабада (Дубова и др. 2019: 51–53), производилось их подробное фотографирование, описание и изучение, включая типологические, технологические и трасологические исследования (Терехина, Скакун 2019: 73–75; Terekhina et al. 2019: 100). Это позволило получить значительно более точную информацию об этих изделиях. Всего на данный момент основная информация собрана по 148 колонкам (95 целых предметов) и их фрагментам (53 экз.). Подавляющая часть их происходит с Гонур-депе (70,9 %) и Тоголок-21 (8,1 %). Сходное их число происходит из погребений (51 экз., 35,7 %) и помещений (46 экз., 32,2 %; из них 17 экз. найдены на Тоголок-21); остальные (в основном фрагменты) — подъемный материал (Дубова и др. 2019: 52). Эти сведения опровергают нередко высказываемое мнение, что практически все колонки являются частью погребальных приношений.

Вся поверхность колонок отполирована. Только на трех изделиях (одно — из погр. 1912, второе — в верхнем слое царского некрополя Гонура и еще одно происходит с Аджикуи) желоба отсутствовали на обоих основаниях. Н. Н. Скакун и В. В. Терехиной (Skakun, Terekhina 2020) описан ряд их вариантов. Эти желоба продолжают на всем протяжении боковых поверхностей только в 41 случае (на 25 колонках, в основном представленных фрагментами, это определить было невозможно). Вместо боковых желобов в 31 случае отмечаются царапины, в 7 — шероховатости, в 6 — потертости, а еще в трех — лощение по полировке. Чаще всего боковые желоба имеются с обеих сторон.

Особое внимание обращают на себя два факта: 1) к одному или к обоим краям ширина желобов увеличивается; 2) внутренняя поверхность желобов в отдельных случаях бывает гладкой (сохранена полировка), но значительно чаще несет следы более или менее глубоких царапин (рис. 1). Наиболее важно, что на ряде колонок верхний и нижний желоба на всем своем протяжении имеют внутри одно или два значительные углубления, которые чаще всего находятся у боков желобов (рис. 1). Это углубления всегда округлые, и можно предполагать, что они образовались в результате трения кожаного ремня или жилы. Нередко эти углубления заходят как на края баз, так и на часть боковой поверхности (иногда на 50 мм и даже более). Это позволяет поддержать точку зрения Э. Шмидта, что колонки использовали в горизонтальном положении, а не в качестве вертикального стола или алтарика. Учитывая, что отмеченные углубления с одной стороны колонки чаще выражены значительно сильнее, чем с другой, можно предполагать, что имело место некое «подвешивание» их на каких-то ремнях или жилах не полностью в горизонтальном положении, а под углом. Но вряд ли они выполняли функцию утяжелителей, так как на многих изделиях имеются серии намеренных сколов по краям баз, сознательно и в определенном порядке нанесенные на боковые поверхности царапины и др. целенаправленные повреждения, в чем при хозяйственном использовании нет необходимости. Не будем забывать также, что ряд колонок (особенно в иранском Джирофте) богато украшен резьбой и инкрустациями.

Рис. 1. Фрагменты баз миниатюрных колонок и желобов на них: а — Тоголок-1, помещение 21; б — Дворец Северного Гонура

Fig. 1. Fragments of the miniature column bases and grooves on them: a — Togolok-1, room 21; б — North Gonur Palace

Литература

- Алекшин 1979 — Алекшин В. А. Могила знатного горожанина на Алтын-депе // УСА. 1979. Вып. 4. С. 81–82.
- Антонова 2020 — Антонова Е. В. Бактрия и Маргиана на Древнем Востоке. Очерки. М., 2020.
- Дубова и др. 2019 — Дубова Н. А., Фрибус А. В., Грушин С. П., Сатаев Р. М., Турик В. Г. Крупные каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм // ДВЕЦАЮС-1. 2019. С. 51–53.
- Терехина, Скакун 2019 — Терехина В. В., Скакун Н. Н. Значение камнеобрабатывающего производства в эпоху бронзы (по материалам (Гонур-Депе, Южный Туркменистан) // Геоархеология и археологическая минералогия-2019: Материалы VI Всероссийской молодежной научной школы с международным участием им. В. В. Зайкова. Миасс; Екатеринбург, 2019. С. 73–75.
- Boroffka, Sava 1998 — Boroffka N., Sava E. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens // AMIT. 1998. Bd. 30. S. 17–113.
- Schmidt 1937 — Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.

Skakun, Terekhina 2020 — *Skakun N. N., Terekhina V. V.* Manufacturing technology of stone «columns» from the Bronze Age site Gonur Depe (Southern Turkmenistan) // *Journal of Lithic Studies*. 2020 (in print).

Terekhina et al. 2019 — *Terekhina V. V., Skakun N. N., Agakhanova V. A.* Manufacturing technology of stone miniature columns from Gonur-Depe Bronze Age site (Southern Turkmenistan) // 12th International Symposium on Knappable Materials. Budapest, 2019. P. 100.

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СПЛАВОВ ДВУХ СТАТУСНЫХ ПРЕДМЕТОВ С ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН)¹

*Н. А. Дубова², **А. А. Тишкин³

**Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*

***Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF ALLOYS OF TWO STATUS ITEMS FROM GONUR-DEPE (TURKMENISTAN)

*Nadezhda A. Dubova, **Aleksei A. Tishkin

**Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

***Altai State University, Barnaul, Russia*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-74-77

Ключевые слова: эпоха бронзы, БМАК, Центральная Азия, сплавы на основе меди, погребальные обряды, статусные изделия.

Keywords: Bronze Age, BMAC, Central Asia, copper-based alloys, funeral customs, status items.

Анализу состава металлических изделий из Маргианы эпохи бронзы, в том числе обнаруженных на Гонур-депе (2300–1500 гг. до н. э.), в настоящее время посвящено несколько работ (Терехова 1990; Terehova 1981; Kraus 2015; 2016). В них приводятся обобщенные сведения о разнообразии таких данных по всем категориям предметов. Однако важны определения отдельных находок, позволяющие выявить специфику их производства (Тишкин и др. 2019: 83–86). При проведении очередной серии исследований ранее не изучавшихся изделий с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра наше внимание привлекла часть артефактов, характеризующаяся особым качеством сплава. В первую очередь это касалось ряда особо искусно сделанных металлических печатей, а также нескольких статусных предметов. Здесь рассматриваются только два из них: массивный наконечник копья и так называемый жезл (или «гарпун») из цисты № 3280 (рис. 1, 2, 3), исследованной на Гонур-депе.

Непотревоженное погребение (могила размерами 165 × 120 см, глубиной 50 см) мужчины 35–40 лет и подростка 7–8 лет с богатыми приношениями располагалось на восточном краю раскопа № 9, за пределами всех выявленных помещений (Дубова 2011: 53–55). Кости ног мужчины и мальчика упирались в скелеты барана и двух собак разных пород, туши которых были уложены у южной стенки цисты.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082, а также при частичной финансовой поддержке РНФ, проект № 16-18-10033. Все работы в Туркменистане проводятся в соответствии с Соглашением о совместных исследованиях между Институтом этнологии и антропологии РАН и Министерством культуры Туркменистана.

² ORCID: 0000-0002-4340-1037; e-mail: dubova_n@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0002-7769-136X; e-mail: tishkin210@mail.ru

Между сосудами, сильно выдаваясь острием в северную часть цисты, на полу лежал наконечник копья золотистого цвета длиной 45 см (рис. 1, 2). Боевая часть этого предмета вооружения представлена плоским (но с продольным рифлением) листовидным пером, которое крепилось на длинном четырехгранном упоре, имеющем с каждой стороны по желобку и переходящем в сужающийся черен с загнутым концом для фиксации (рис. 1, 2). Расстояние от закругленного острия копья до коленей погребенного мужчины составило около 150 см. Остатки округлого и длинного древка достаточно четко прослеживались на полу. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что вдоль тела мужчины лежало целое копьё (или большая часть его) соответствующей длины.

Жезл («гарпун»), также золотистого цвета, лежал на правом предплечье того же мужчины, вдоль его грудной клетки (рис. 1, 1). Изделие (рис. 1, 3) имело частично сохранившуюся деревянную ручку, которая была обернута в 1,5 оборота тонким металлическим листом. Сверху на ручку надет серебряный набалдашник, сбоку которого сохранились два круглых углубления. Кроме того, в месте соединения металлических деталей находились тонкие (диаметром 1–1,5 мм) серебряные «нити», сильно переплетенные и спаявшиеся между собой, что не позволяет определить их первоначальное назначение или особенности декора¹. Левая рука мужчины не перекрывала «гарпун», а лежала параллельно ему (рис. 1, 1). В 5 см к западу от вершины этого «гарпуна» находился еще один жезл (длиной не менее 25, но не более 50 см). Он был деревянный, с бронзовым четырехзубым навершием. Около бедренных костей мужчины на полу найдены четыре кремневых наконечника стрел, а напротив таза, вдоль западной стенки цисты — каменная миниатюрная колонка, в дно которой упирались кости ног одной из собак. Богатство погребальных приношений и присутствие среди них перечисленных предметов свидетельствует о высоком социальном (возможно, военном) статусе умершего мужчины (Дубова 2011: 56–57).

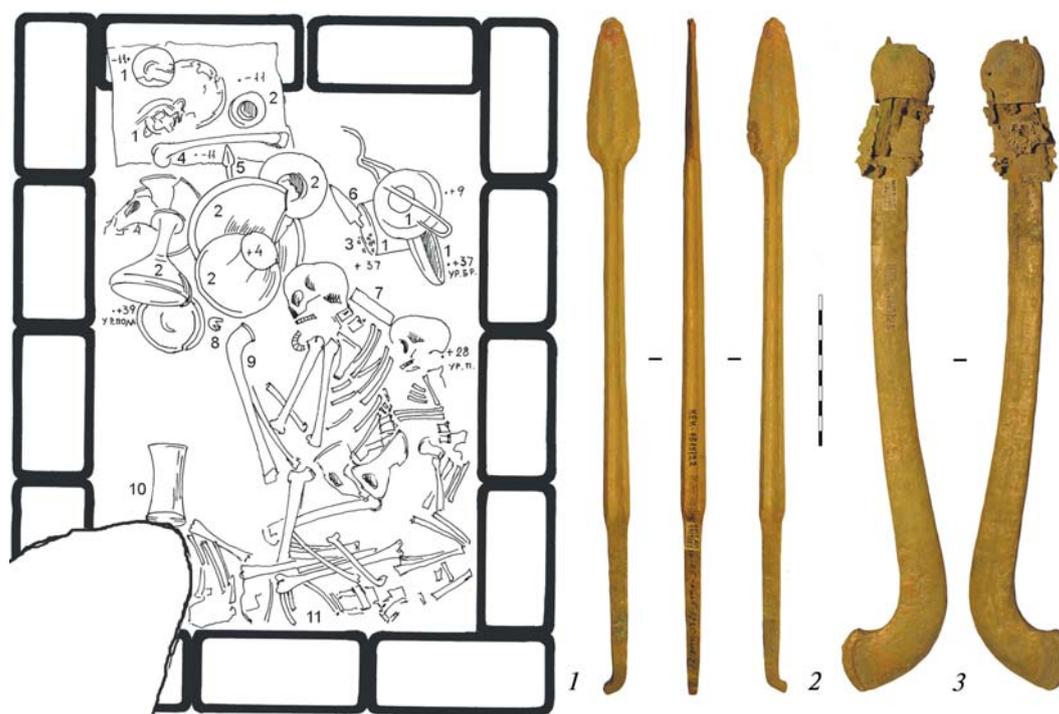
Необходимо отметить, что на Гонур-депе боевое оружие представлено всего двумя схожими наконечниками копий (второй происходит из цисты № 2900 — см. Дубова 2004: 256–257, рис. 4; Sarianidi 2007: 148, fig. 13). Имеется еще некоторое число бронзовых ножей, но они могли быть связаны и с бытовой деятельностью. На Гонур-депе также известны скопления округлых и овальных глиняных изделий, в некоторых случаях интерпретируемых как ядра для пращи. Но наличие среди них предметов с одним уплощенным краем, присутствие сквозных отверстий и воткнутых мелких фрагментов керамики, скорее всего, опровергает эту точку зрения. Иными словами, можно утверждать, что оружие на Гонур-депе фактически отсутствует. Поэтому крупные наконечники копий вполне могут интерпретироваться как предметы, обозначавшие определенный статус носителя.

Изогнутый жезл («гарпун», «серповидный меч») являлся в Месопотамии атрибутом божества. На Гонур-депе найдены три таких предмета. Два других находились в захоронении трех баранов № 3130. На других памятниках Маргианы они неизвестны.

Для погребения из цисты № 3280 получена радиоуглеродная дата (AMS — 3768 ± 45 BP; 2338–2034 до н. э. по 2δ Cal) (Fontugne et al. 2021: 870).

Для получения необходимых сведений о составе сплава наконечника копья и жезла (рис. 1, 2, 3) использовался портативный спектрометр «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом). Прибор предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии в изделиях из цветных металлов и сплавов, а также для выявления состава руд, шлаков, жидких и порошковых проб. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа «Аналитическая», адаптированная для изучения соответствующих археологических находок. Оба изделия в настоящее время экспонируются в Государственном музее Туркменистана (Ашхабад).

¹ Нельзя полностью исключить, что этот, очень напоминающий филигрань, серебряный декор является частью другого, не сохранившегося предмета, лежавшего рядом.

Рис. 1. Гонур-депе, циста № 3280: 1 — план-схема погребения в цисте (1 — бронзовые сосуды; 2 — керамические сосуды; 3 — ожерелье из полудрагоценных камней с серебряной подвеской в форме двух соколов; 4 — бедренная кость человека из другого (разрушенного) погребения; 5–9 — бронзовые предметы: 5 — наконечник копья; 6 — нож; 7 — пластина; 8 — навершие жезла; 9 — жезл («гарпун»); 10 — каменная миниатюрная колонка; 11 — скелеты двух собак и барана); 2 — бронзовый наконечник копья; 3 — бронзовый жезл («гарпун»)

Fig. 1. Gonur Depe, cyst no. 3280: 1 — scheme of a burial within the cyst (1 — bronze vessels; 2 — ceramic vessels; 3 — necklace made of semiprecious stones with a silver pendant in the form of two falcons; 4 — human thigh-bone from another (destroyed) burial; 5–9 — bronze items: 5 — spearhead; 6 — knife; 7 — slab; 8 — wand pommel; 9 — wand («harpoon»); 10 — stone miniature column; 11 — skeletons of two dogs and of a ram); 2 — bronze spearhead; 3 — bronze wand («harpoon»)

Сначала указанным прибором дважды в разных местах тестировалась поверхность копья без снятия окислов и патины. Зафиксированы следующие показатели: **перо:** Cu (медь) — 74,7 %; Sn (олово) — 23,34 %; Pb (свинец) — 0,69 %; Ni (никель) — 0,49 %; As (мышьяк) — 0,48 %; Fe (железо) — 0,3 %; **упор:** Cu — 67,82 %; Sn — 29,22 %; Pb — 1,12 %; As — 0,75 %; Ni — 0,62 %; Fe — 0,47 %.

Затем исследовался участок на черене изделия, где с помощью реставрационного оборудования механически были удалены поверхностные окислы. Получены три схожих поэлементных ряда, которые в количественном отношении скорректировали продемонстрированные выше определения:

- Cu — 74,34 %; Sn — 23,8 %; Pb — 0,68 %; As — 0,47 %; Ni — 0,44 %; Fe — 0,27 %;
- Cu — 73,58 %; Sn — 24,34 %; Pb — 0,71 %; As — 0,52 %; Ni — 0,45 %; Fe — 0,4 %;
- Cu — 75,6 %; Sn — 23,37 %; As — 0,36 %; Pb — 0,35 %; Fe — 0,32 %.

Все перечисленные данные указывают на медно-оловянный (бронзовый) сплав, в котором имеются рудные примеси (свинец, мышьяк, никель и железо).

Аналогично сначала тестировалась поверхность в центре жезла (или «гарпуна») без удаления окислов и патины. Получены показатели, сходные с предыдущими: Cu — 71,69 %; S — 26,8 %; Pb — 0,58 %; Fe — 0,54 %; As — 0,34 %; Ni — 0,05 %. Затем дважды в разных местах исследовался участок на изгибе верхней части, где также реставрационным оборудованием снимались следы коррозии. Получены следующие результаты:

— Cu — 72,69 %; Sn — 26,11 %; Pb — 0,54 %; Fe — 0,37 %; As — 0,29 %;
— Cu — 73,34 %; Sn — 25,18 %; Pb — 0,6 %; Fe — 0,49 %; As — 0,3 %; Ni — 0,08 %.

Эти данные также отражают медно-оловянный (бронзовый) сплав со следами свинца, железа, мышьяка и никеля.

Продемонстрированные заключения рентгенофлуоресцентного анализа указывают, что жители Гонур-депе могли владеть технологией получения высококачественной оловянной бронзы, но использовали ее для производства «престижных» вещей. Не стоит полностью исключать, что такие изделия могли быть сделаны за пределами Маргианы. Для подтверждения этих выводов потребуются продолжение исследований изделий из цветных металлов — как из Маргианы, так и с сопредельных территорий.

Литература

- Дубова 2011 — Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур-депе (Туркменистан) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 47–57.
- Сарианиди 1976 — Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлийского оазиса // ДБ. 1976. [Вып. 1.] С. 21–86.
- Терехова 1990 — Терехова Н. Н. Обработка металлов в древней Маргиане // Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 177–202.
- Тишкин и др. 2019 — Тишкин А. А., Дубова Н. А., Серёгин Н. Н. Рентгенофлуоресцентный анализ металлических зеркал из археологического комплекса Гонур-депе (Туркменистан) // ДВЕЦАЮС-1. С. 83–86.
- Fontugne et al. 2021 — Fontugne M., Zajtseva G. I., Lyonnet B., Dubova N. A., Burova N. D. Radiocarbon dates related to the BMAC/Oxus Civilization // The World of Oxus Civilization. Appendix. London; New York, 2021. P. 863–911.
- Kraus 2015 — Kraus S. Untersuchungen an prähistorischen Metallfunden aus Gonur Depe, Turkmenistan // Archäometrie und Denkmalpflege 2015: Jahrestagung an der Johannes-Gutenberg-Universität Mainz. Bochum, 2015. P. 201–203 (METALLA. Sonderheft 7).
- Kraus 2016 — Kraus S. Metallurgical Investigations in Gonur Depe, Turkmenistan // ТМАЭ. 2016. Т. 6. С. 257–264.
- Terekhova 1981 — Terekhova N. N. The History of Metalworking Production Among the Ancient Agriculturalists of Southern Turkmenia // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. Armonk; New York, 1981. P. 313–324.

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТЫН-ДЕПЕ И ЮГО-ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В КОНЦЕ IV–III тыс. до н. э.¹

Л. Б. Кирчо²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

CONTACTS OF THE POPULATION OF ALTYN-DEPE AND SOUTHWESTERN TURKMENISTAN IN THE LATE 4TH — 3RD MILLENNIUM BC

Lyubov' B. Kircho

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0002-6131-1393; e-mail: l_kirtcho@mail.ru.

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-77-82

Ключевые слова: *И. Н. Хлопин, поздний энеолит, бронзовый век, Южный Туркменистан, культурная область, Алтын-депе, Кара-депе, Ак-депе, Пархай II.*

Keywords: *Igor' N. Khlopin, Late Eneolithic, Bronze Age, Southern Turkmenistan, cultural region, Altyn-Depe, Kara-Depe, Ak-Depe, Parkhai II.*

Открытие и изучение памятников эпохи неолита — палеометалла на юго-западе Средней Азии является одним из важнейших достижений советской археологической науки XX в. На территории Южного Туркменистана, а, вернее, всего Северного Хорасана находился один из очагов древнеземледельческих культур, историческое развитие которого привело к появлению в последней трети III тыс. до н. э. крупных раннегородских центров эпохи бронзы.

Исследования Б. А. Куфтина, В. М. Массона, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопина, материалы раскопок памятников Южного Туркменистана А. А. Марущенко и И. С. Масимовым, а также разведки и раскопки французских, американских, итальянских и иранских археологов на территории Северо-Восточного Ирана позволяют выделить по крайней мере две культурно-исторические области — восточную и западную. Восточная область включает памятники Юго-Восточного Туркменистана, центральной части северной подгорной зоны Копетдага, верховьев и среднего течения реки Атрек с характерной расписной посудой эпохи энеолита и ранней бронзы (периоды Намазга I–IV) и нерасписной светлоангобирванной посудой средней бронзы (период Намазга V). В западной области находятся памятники долины Сумбара, низовьев Атрека и Горганской равнины Юго-Восточного Прикаспия, наиболее яркой отличительной особенностью культуры которых является так называемая серая керамика. В Южном Туркменистане граница этих областей проходила в районе Ашхабадского оазиса.

Для восточной области основой периодизации и характеристики археологических комплексов эпохи энеолита и бронзы остается периодизация Б. А. Куфтина, базирующаяся на стратиграфии крупнейшего в Южном Туркменистане поселения Намазга-депе (периоды Намазга I–VI), уточненная и детализированная многолетними исследованиями памятников Геокюрского оазиса и Кара-депе (итоги изучения памятников эпохи энеолита 1950–1960-х гг. и основную библиографию по этому вопросу до 1981 г. см. Массон 1982), Северного холма Анау (Курбансахатов 1987), частично Ак-депе (Сарияниди 1976; Кирчо 1999; 2014), Алтын-депе (Массон 1981; Масимов 1976; Кирчо и др. 2008; Особенности... 2001; Хронология... 2005; Удеумурадов 1993; Kircho 2019), Илгынлы-депе (Березкин, Соловьева 1998; Массон, Кирчо 1999; Соловьева 2008; 2019) и древней дельты реки Мургаб (Массон 1959; Сарияниди 1990; 2002; 2008; Sarianidi 2007).

Для западной области периодизация и характеристика основных этапов развития от раннего энеолита до поздней бронзы (периоды ЮЗТ VII–I) создана Игорем Николаевичем Хлопиным на основе открытия и систематических исследований могильников Пархай I–II и Сумбар I–II в долине реки Сумбар. Подчеркнем, что сумбарские могильники на сегодняшний день остаются наиболее полно опубликованными памятниками в Южном Туркменистане (Хлопин 1983; 1997; 2002)¹.

Изучение материалов Алтын-депе периодов позднего энеолита — средней бронзы показало, что хотя это поселение и могильники долины реки Сумбар находятся на расстоянии свыше 500 км друг от друга по прямой, тем не менее можно предполагать — на определенных этапах развития — как некоторые культурные взаимодействия Юго-

¹ После безвременной кончины И. Н. Хлопина материалы его исследований (Хлопин 1997; 2002) были подготовлены к печати Л. И. Хлопиной, А. В. Грозовым, В. А. Завьяловым и Е. В. Бобровской.

Восточного и Юго-Западного Туркменистана, так и прямые контакты населения Алтын-депе и долины реки Сумбар.

Как уже отмечал сам И. Н. Хлопин (Хлопин 1997: 115), к числу таких находок относятся миниатюрные медные булавки-гвоздики, весьма характерные для погребений периодов ЮЗТ VI и V развитого и позднего энеолита. Одна из которых была обнаружена в погребальной камере А на поселении Геоксюр 1 (Сарианиди 1965: рис. 11, 10), а вторая найдена в 2014 г. в культурном слое горизонта Алтын 13 (Кирчо 2017: рис. 2, 11) времени раннего Намазга III, синхронизируемом нами с горизонтом 1 поселения Геоксюр 1 (там же: 46). Интересно также, что в камере 182 могильника Пархай II самого конца периода развитого энеолита ЮЗТ VI найден миниатюрный медный косметический стержень с навершием в виде петли и утолщением на нижнем конце, предположительно описанный И. Н. Хлопиным как подвеска (Хлопин 1997: 110, табл. 53, 3). Единственный косметический стержень с навершием в виде петли был найден в погребении 28 раскопа 4 Илгынлы-депе (Kircho 2020: fig. 1, 51) раннегеоксюрского времени или периода позднего Намазга II и относится к самым ранним на территории Южного Туркменистана. В последних веках IV тыс. до н. э. косметический стержень представлен только на Мундигаке периода II, 3 (Casal 1961: Fig. 139, 4), а для Юго-Западной Туркмении такие изделия нехарактерны и, скорее, свидетельствуют о синхронности появления таких предметов в разных регионах Южного Туркменистана. Аналогично обстоит дело и с единственным в сумбарских могильниках гипсовым (алебастровым) косметическим сосудом периода ЮЗТ V (Хлопин 1997: 70, табл. 68, 2)¹. Косметические сосуды из гипса появляются в начале периода позднего энеолита на Алтын-депе, Кара-депе и Геоксюре 1 практически одновременно, причем на Алтын-депе выявлены технология и места их изготовления (Кирчо и др. 2008: 164, рис. 28). Однако конические косметические сосуды на этих поселениях не представлены. Возможно, сосуд из камеры 19 могильника Пархай II представлял собой сосуд не для хранения, а для смешивания косметики.

Второй и, предположительно, третий (с обломанным нижним концом) медные косметические стержни с серповидными навершиями находились в камерах 45 и 262 могильника Пархай II конца периода средней бронзы ЮЗТ II и описаны И. Н. Хлопиным как ковровые ножи (Хлопин 2002: 63, 65, табл. 94, 2; 103, 4). Аналогичный косметический стержень с четко оформленным серповидным навершием найден на раскопе Вышки Алтын-депе (Кирчо 2001: рис. 7, 9). В это время (последние века III тыс. до н. э.) в Южном Туркменистане резко усиливаются контакты и передвижения разных групп населения, идет массовое освоение древней дельты Мургаба.

Единственное металлическое изделие Алтын-депе, являющееся прямым импортом из Юго-Западного Туркменистана — это биспиральная щитковая булавка из низкокачественного серебра (Ag = 22 %), найденная на груди девочки-подростка (погр. 736) самого начала ранней бронзы (период раннего Намазга IV) (Кирчо 2005: 401, рис. 4, 4) и полностью аналогичная таким булавкам из погребений могильника Пархай II периодов ЮЗТ V–IV (см. напр.: Хлопин 1997: табл. 74, 2; 2002: табл. 13, 4). Однако необходимо учитывать, что металлические изделия могли служить и предметом многоступенчатого обмена.

Но наиболее массово контакты населения Алтын-депе и западной культурной области прослеживаются по материалам керамики. Отдельные фрагменты сероглиняной лощеной посуды (в основном обломки полусферических чаш, чаш с прямыми стенками и биконических сосудов — по терминологии И. Н. Хлопина), изготовленной из однородной глины с очень мелким неорганическим отощителем или без видимых примесей и, как правило, с лощеной наружной поверхностью, представлены на Алтын-депе, начиная

¹ Подробнее об этом сосуде см. работу С.-Дж. Симпсона в настоящем сборнике.

с 13 строительного горизонта (Кирчо 2017: рис. 4, 29). Напомним, что одна из первых работ И. Н. Хлопина была посвящена публикации материалов начального этапа изучения Кара-депе на раскопе 3, где исследовались культурные слои периода Намазга III, и именно им была дана первая характеристика сероглиняной керамики Кара-депе (Хлопин 1959: 46, рис. 18). В помещении 18 11 строительного горизонта раскопа 5 Алтын-депе времени среднего Намазга III среди других сосудов, специально размещенных на полу помещения перед его ритуальным (?) разрушением, обнаружен и сероглиняный горшок с лощеной светло-серой поверхностью (Кирчо и др. 2008: 36, табл. 104, 5). Горшок был намеренно разбит, а его обломки разложены в двух местах.

В погребениях на Алтын-депе сероглиняные сосуды обнаружены по крайней мере трижды. В захоронении женщины (погр. 607) времени среднего Намазга IV найдена сероглиняная биконическая миска на низкой подцилиндрической ножке (ваза — по терминологии И. Н. Хлопина) с коническим основанием и ручкой-упором под венчиком (Кирчо 2005: 352, рис. 5, 34), аналогии формы которой имеются на Ак-депе (Кирчо 1999: рис. 12, 10; 18, 13). Близкие по форме емкости и наличию ручки-упора сосуды обнаружены и в камерах 8 и 13 периода ранней бронзы ЮЗТ IV (Хлопин 2002: табл. 7, 11; 14, 7). Этот сосуд из Алтын-депе, явно импортный, происходит из западной области, однако точного соответствия в материалах Юго-Западного Туркменистана не имеет. Кроме того, черноглиняная полусферическая чаша (Ганялин 1967: 209, рис. 2, 7) находилась в инвентаре двойного захоронения времени Намазга IV (погр. 2) вместе с каменным «светильником». Такие сосуды (чаша сферическая круглодонная — по терминологии И. Н. Хлопина) являлись одной из самых распространенных форм керамики. И наконец, необходимо упомянуть сероглиняный «графин» (Ганялин 1967: 217, рис. 5, 2) из так называемого клада 1 (вероятнее всего, разрушенного захоронения) периода средней бронзы (времени позднего Намазга V), близкая аналогия форме которого представлен на Тепе Гиссар в погребении СН 75 X-9 периода Гиссар IIIВ (Schmidt 1937: Tabl. XXXVII, N 3841). При этом сосуд из Тепе Гиссар имеет темно-серую лощеную поверхность (Ibid: 379), а сосуд из «клада» 1 Алтын-депе — также лощеный, но светло-серый. В то же время в поздних напластованиях периода средней бронзы на Алтын-депе найдена и целая серия обломков чернолощенных сероглиняных сосудов. Таким образом, в материалах восточной области на территории Южного Туркменистана, по крайней мере начиная с периода позднего энеолита, представлена столовая сероглиняная керамика, характерная для западной области. Однако в инвентаре погребений сумбарских могильников конца IV–III тыс. до н. э. как расписной, так и нерасписной светлоглиняной столовой посуды из Юго-Восточного и Центрального регионов Южного Туркменистана не обнаружено. Следовательно, контакты населения были преимущественно односторонними, в направлении с запада на восток.

Здесь необходимо небольшое отступление, посвященное вопросам технологии изготовления керамики. Сам Игорь Николаевич дал довольно поэтическое обоснование появлению так называемой серой посуды в самом раннем комплексе периода ЮЗТ VII (ранний энеолит) в Юго-Западном Туркменистане (Хлопин 2002: 27). То, что серый цвет приобретает посуда при восстановительном (бескислородном) обжиге, хорошо известно по этнографическим данным. Однако, к сожалению, при публикации материалов сумбарских могильников, кроме общего описания технологии изготовления — использование мелкого органического (шерсти) и минерального (гипс, известняк) отощителя, формовка сосудов из одного куска глины методом «наковальни и лопаточки», следы от срезания излишков глины ножом и заглаживание внутренней поверхности орудием типа щетки (там же: 26) — конкретного описания сосудов не приводится. Например, не указаны наличие и характер лощения, одинаков ли был цвет теста и поверхности и т. п. Наши наблюдения над серой керамикой Кара-депе, Алтын-депе и Ак-депе позволяют наметить разные технологические группы сероглиняных сосудов. Так, посуда могла иметь серое

тесто и серую поверхность, как лощеную, так и нелощеную. Лощение могло быть сплошным, полосчатым или сетчатым. В то же время значительная часть сероглиняных орнаментированных и неорнаментированных сосудов на Кара-депе и Ак-депе имели почти черную или просто черную поверхность. Технологически разный цвет теста и поверхности определялся более высокой степенью науглероживания поверхности, что достигалось за счет обмазывания сосуда тонким слоем жира или втиранием его при лощении. Учитывая небольшое количество каменных и костяных лощил в орудийном комплексе Алтын-депе периодов позднего энеолита — ранней бронзы и широкое распространение лощения не только сероглиняных, но и светлоглиняных сосудов, можно предполагать, что сплошное заглаживание поверхности сосуда производили с помощью куска кожи. Возможно, что для лощения сероглиняной керамики с черной поверхностью использовали кожу с остатками жира. Среди сероглиняной керамики Юго-Западного Туркменистана III тыс. до н. э. преобладала керамика с серой или светло-серой поверхностью. Сосуды с темно-серой или черной поверхностью представлены в периоды ЮЗТ IV и, особенно ЮЗТ V в гораздо меньшем количестве (Хлопин 2002: 29–41, 56–61). Из систематизированного описания керамических комплексов не всегда ясно наличие или отсутствие лощения на сосудах. Кроме того, на разных памятниках разными орудиями наносили и углубленный (процарапанный) орнамент. В период позднего энеолита на Кара-депе представлена керамика, углубленный орнамент которой выполнен острым предметом типа иглы или шила. На Ак-депе же орнаменты периода ранней бронзы процарапаны как шилом, так и гребенкой с 2–7 зубцами (Кирчо 1999: 98). Представляется, что более детальные технологические исследования сероглиняной керамики Алтын-депе, Кара-депе, Ак-депе и могильников долины Сумбара — возможно, с применением современных технических методов — помогут определить единство или разнообразие технологии их изготовления и центров производства. Учитывая фактическую недоступность археологических материалов в современном Туркменистане и то, что коллекции вышеперечисленных памятников находятся в Санкт-Петербурге, подобного рода исследования представляются весьма перспективными.

Литература

- Березкин, Соловьева 1998 — Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.
- Ганялин 1967 — Ганялин А. Ф. Раскопки 1959–1961 гг. на Алтын-Тепе // СА. 1967. № 4. С. 207–219.
- Кирчо 1999 — Кирчо Л. Б. К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе). СПб., 1999 (АИ. Вып. 60).
- Кирчо 2005 — Кирчо Л. Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. С. 347–421 (ТГИИМК. Т. 16).
- Кирчо 2014 — Кирчо Л. Б. Стратиграфия и относительная хронология поселения эпохи энеолита — бронзы Ак-депе в Ашхабаде (по материалам раскопок А. А. Марущенко и наблюдений и разработок А. А. Ляпина) // ЗИИМК. 2014. № 10. С. 132–146.
- Кирчо 2017 — Кирчо Л. Б. К датировке геоксюрского комплекса (новые данные из Алтын-депе в Южной Туркмении) // ЗИИМК. 2017. № 16. С. 35–49.
- Кирчо и др. 2008 — Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.
- Курбансахатов 1987 — Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад, 1987.
- Масимов 1976 — Масимов И. С. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.

- Массон 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА. № 73).
- Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981 (ТЮТАКЭ. Т. 18).
- Массон 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982. С. 9–92 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. [Т. 4]).
- Массон, Кирчо 1999 — *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // РА. 1999. № 2. С. 61–76.
- Особенности... 2001 — Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001 (МЮТАКЭ. Вып. 5).
- Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965 (САИ. Вып. Б3–8. Ч. 4).
- Сарианиди 1976 — *Сарианиди В. И.* Южный Туркменистан в эпоху бронзы // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976. С. 82–111.
- Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди 2008 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
- Соловьева 2008 — *Соловьева Н. Ф.* Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб., 2008.
- Соловьева 2019 — *Соловьёва Н. Ф.* Обжигательные печи Йылгынлы-депе периода раннего энеолита // ЗИИМК. 2019. № 20. С. 147–162.
- Удеумурадов 1993 — *Удеумурадов Б. Н.* Алтын-депе и Маргиана. Связи, хронология, происхождение. Ашхабад, 1993.
- Хлопин 1959 — *Хлопин И. Н.* Верхний слой поселения Кара-депе // КСИИМК. 1959. Вып. 76. С. 43–49.
- Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопин 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997 (ТЮТАКЭ. Т. 20).
- Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002 (ТЮТАКЭ. Т. 21).
- Хронология... 2005 — Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005 (ТИИМК. Т. 16).
- Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1961. Vol. 1–2.
- Kircho 2019 — *Kircho L. B.* Altyn-Depe. The Formation of the Earliest Urban Centre in Central Asia // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Wiesbaden, 2019. P. 9–27.
- Kircho 2020 — *Kircho L. B.* Cultural transmissions and the formation of the Silk Road directions in Central Asia in the second half of the 4th — the beginning of the 2nd mill. BC / *Кирчо Л. Б.* Культурные трансляции и формирование направлений Великого шелкового пути в Средней Азии во второй половине IV — начале II тыс. до н. э. // Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges / Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. Internationale Fachtagung für die Archäologie des Kaukasus und Humboldt-Kolleg (5. — 8. Oktober 2015, Sankt Petersburg) / Международная научная конференция по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). Berlin, 2020. P. 281–310 (AIT. Bd. 19).
- Sarianidi 2007 — *Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur. Athens, 2007.
- Schmidt 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937 (Publications of the Iranian Section of the University Museum).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КАТАКОМБНОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСЕДЛОГО И КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ¹

А. В. Кияшко²

Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE SPREAD OF THE CATACOMB FUNERAL RITE IN THE PROCESS OF INTERACTION BETWEEN THE SEDENTARY AND NOMADIC POPULATIONS OF EURASIA IN THE BRONZE AGE

Aleksei V. Kiyashko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-83-85

Ключевые слова: *бронзовый век, катакомбный погребальный обряд, склеп, дольмен, оседлое и кочевое население Евразии.*

Keywords: *Bronze Age, catacomb burial rite, burial vault, dolmen, sedentary and nomadic populations of Eurasia.*

Контакты степного населения Юго-Восточной Европы с оседлым земледельческим миром начались еще в период Триполья в V тыс. до н. э. Однако в полной мере это взаимодействие развернулось в эпоху кавказского культурогенеза, после формирования в IV тыс. до н. э. в степях Предкавказья майкопской культуры. Ее носители внедрили целый ряд культурных стандартов, свойственных оседлому земледельческому населению более южных территорий (Средняя Азия, Закавказье, Ближний Восток): это сооружение наземных турлучных построек, социально стратифицированный погребальный обряд, высококачественная металлическая и глиняная посуда, разнообразный бронзовый инвентарь и т. д. В III тыс. до н. э. развитие степных культур протекало в рамках кавказского культурогенеза. Очагом формирования новых традиций стал блок дольменной, новотитаровской культур, а также ямных, катакомбных и северокавказских культурных групп.

Технология металлообработки, сложившаяся на Северном Кавказе в майкопско-новосвободненское время, распространилась в ареале названных культур и получила стимул к дальнейшему развитию.

В обрядовой сфере это влияние ознаменовалось практикой многократных погребений в одном склепе, свойственной оседлым обществам. Хорошо известны склепы энеолита — ранней бронзы Юго-Западной Туркмении в могильниках Пархай I и II (Хлопин 1997: 35–36, 52, 66, 99; 2002: 43). На Северо-Восточном Кавказе этот обычай проявился в катакомбах-склепах Великента (Магомедов 2000: 32–33, рис. 9), а на Северо-Западном — в мегалитических дольменных постройках (Марковин 1978: 227–231, рис. 118; Рысин 1997: 86). Общими признаками названных склеповых сооружений были их бескурганый характер и расположение возле крупных земледельческих поселений. В Юго-Восточном Прикаспии это поселение эпохи позднего энеолита — ранней бронзы (период ЮЗТ-V и ЮЗТ-IV: первая половина — середина III тыс. до н. э.), расположенное между Пархайскими могильниками (Хлопин 2002: 10–11, рис. 3).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00469 А «Культурно-историческое развитие Тамани и Восточного Крыма в конце III — начале I тыс. до н. э. в свете археологических открытий XXI века».

² ORCID: 0000-0002-4833-3459; e-mail: volgodon5@mail.ru.

Катакомбы-склепы приморского Дагестана, хотя и выделены Р. Г. Магомедовым в особую великентскую группу памятников, но сопоставлены им с близрасположенными I и II Великентскими поселениями куро-аракской культуры. Прежде всего, речь идет о ранней группе катакомб-склепов, которая датируется первой половиной III тыс. до н. э. (Магомедов 2000: 98–107).

Наиболее крупные скопления дольменов Северо-Западного Кавказа у станций Даховская и Новосвободная также располагались вблизи долговременных поселений — соответственно, Дегуакско-Даховское и Старчаки (Рысин 1997: 90). Это предполагает высокую плотность населения культуры строителей дольменов (далее — КСД, по М. Б. Рысину) и определенную степень оседлости ее носителей. Тем более что в исследованных дольменах встречено, как правило, по 4–6 погребений, и каждый памятник мог служить семейной или родовой усыпальницей. По мнению исследователя, КСД сменяет памятники новосвободненского типа (Рысин 1997: 108–109), а новейшие радиоуглеродные даты подкурганых гробниц Новосвободной — около 3000 г. до н. э. (Трифонов 2019: 111). Следовательно, КСД датируется, по меньшей мере, первой половиной III тыс. до н. э.

В степном поясе Восточной Европы охарактеризованная выше южная традиция устройства семейно-родовых склепов сформировала на позднем субстрате обряд раннекатакомбной культуры Северо-Восточного Приазовья, будущей классической донецкой катакомбной культуры (Кияшко 1979: 49–50; Кияшко 1999: 177; Братченко 2001: 72; Стеганцева 2010: 123–136). Все перечисленные авторы находят в устройстве ранних катакомб Приазовья конструктивные элементы и приемы сооружения каменного дольмена, только воспроизведенные в суглинке. Воздействие КСД на раннекатакомбную культуру отмечено также в керамическом комплексе и металлообработке.

В течение первой половины III тыс. до н. э. катакомбный обряд распространился в ареале степей и лесостепей вплоть до Днепра и даже Поднестровья на западе и Поволжья — на востоке. Но обычай подкурганых вскрываемых и пополняемых катакомб-склепов практически не вышел за пределы первоначальной приазовской прародины и быстро трансформировался в традицию устройства катакомб и подбоев с одноразовыми захоронениями. Эта тенденция, загадочным пока образом, аналогична динамике изменения склепового обряда на территории Юго-Западной Туркмении. Там наблюдается подобный (хотя более затяжной по времени) процесс эволюции от коллективных склепов Пархая к одиночным захоронениям в катакомбах Сумбара (Хлопин 1983: 63).

Впрочем, устройство степных катакомб в курганах и их особая планировка в подкурганном пространстве, возможно, объясняют такую трансформацию катакомбного ритуала (Чечина 2018: 81–82). По всей вероятности, вскрываемая и пополняемая семейно-родовая катакомба-склеп в качестве впускного погребения в позднем кургане сменяется обычаем подкурганной группировки погребений родственников в одноразовых катакомбах. Очевидно, сам курган становится в этом случае общим склепом для этих погребений.

Наблюдается чрезвычайно быстрый отказ от многоразовых катакомб-склепов в степи, в отличие от их устойчивого сохранения (Великент) или плавной эволюции (Пархай-Сумбар, обряд КСД) в других регионах. Это связано с привнесенным и чуждым для мобильных скотоводов Восточной Европы характером склеповой традиции, распространявшейся с юга из центров древней оседлости вслед за технологическим влиянием в сфере металлургии.

Литература

- Братченко 2001 — Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. 1–2. Луганськ, 2001.
- Кияшко 1999 — Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

- Кияшко 1979 — *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 49–50.
- Магомедов 2000 — *Магомедов Р. Г.* Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000.
- Марковин 1978 — *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Рысин 1997 — *Рысин М. Б.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997. С. 85–123.
- Стеганцева 2010 — *Стеганцева В. Я.* Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 123–136.
- Трифонов 2019 — *Трифонов В. А.* Погребальные сооружения майкопской культуры в контексте связей Кавказа и Передней Азии в IV тыс. до н. э. // ДВЕЦАЮС-1. С. 110–112.
- Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопин 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997 (ТЮТАКЭ. Т. 20).
- Хлопин 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западной Туркмении. СПб., 2002 (ТЮТАКЭ. Т. 21).
- Чечина 2018 — *Чечина А. Ю.* Особенности формирования подкурганного пространства в период средней бронзы на территории Правобережья Нижнего Дона // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. М., 2018. С. 81–83.

ПРЯСЛИЦА И «НАВЕРШИЯ» ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО НАМАЗГА I ИЗ РАСКОПОК ЙЫЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ¹

Е. В. Кузина², Е. К. Блохин³, Н. Ф. Соловьева⁴

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

SPINDLE WHORLS AND «POMMELS» OF THE LATE NAMAZGA I PERIOD FROM EXCAVATIONS AT ILGYNLY-DEPE

Ekaterina V. Kuzina, Egor K. Blokhin, Natal'ya F. Solov'yova

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-85-88

Ключевые слова: Южный Туркменистан, энеолит, Йылгынлы-депе, пряслица, изготовление тканей.

Keywords: Southern Turkmenistan, Eneolithic, Ilgynly-Depe, spindle whorls, textile production.

Исследование древнего ремесла и лежащих в его основе производственных процессов — один из немногих надежных и методологически обоснованных путей изучения

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² ORCID: 0000-0002-6889-1634; e-mail: katarina.panic1992@gmail.com.

³ ORCID: 0000-0002-8190-7741; jegor.blochin@gmail.com.

⁴ ORCID: 0000-0003-3664-5890; e-mail: nfs56@mail.ru.

экономики ранних обществ. Особое место здесь занимает изучение процесса изготовления тканей, поскольку ткань является одним из важнейших инструментов конструирования социальной и персональной идентичности в любом обществе (Mazāre 2014: 31–32). Однако, у археолога, исследующего первобытные памятники Центральной Азии, почти нет шансов столкнуться с сохранившимися остатками тканей, и практически единственным материалом, по которому можно реконструировать древние технологические процессы в изготовлении тканей, оказываются сделанные из прочных материалов детали инструментов.

Пряслица и «наверший» являются одной из самых массовых категорий находок на всех памятниках ранних земледельцев в Южном Туркменистане. Современная дискуссия по поводу инструментов обработки волокна для изготовления нитей и тканей этой поры не выработала единых критериев выделения пряслиц, как функциональной единицы (Andersson Strand 2012: 33; Kossowska-Janik 2016: 110), а на материале рассматриваемого региона на эту проблему накладывается вопрос определения функциональной принадлежности так называемых «наверший». Характер статистического распределения форм и орнаментов внутри всей категории анализируемых находок практически идентичен соответствующим распределениям отдельно внутри группы пряслиц и группы «наверший», что дает основание считать, что носители культуры, использовавшей эти вещи в своем быту, придавали им идентичную форму и украшали идентичным орнаментом, поскольку воспринимали их как предметы одного круга, по крайней мере, как что-то очень близкое по своей смысловой нагрузке. Интерпретация, подразумевающая общую сферу их использования, была ранее высказана в литературе (Кирчо 2008: 107). В настоящей работе авторы рассматривают пряслица и «наверший» совместно, как предметы, связанные с изготовлением тканей.

В работе анализируется коллекция пряслиц и «наверший», полученная при исследовании VII строительного горизонта раннеземледельческого поселения Йылгынлы-депе, расположенного в микрорегионе Меана–Чаача подгорной полосы Копетдага в Южном Туркменистане. В рамках относительной хронологии региона этот горизонт относится к концу периода раннего энеолита (Намазга I) — эпохе важных перемен в жизни раннеземледельческих обществ. На исследуемом поселении с наступлением развитого энеолита они проявляются в заметном изменении основ мясного рациона питания (Каспаров 2019: 30–31), смене керамического комплекса и появлении особой архитектурной единицы — культовых комплексов (Соловьева 2019: 148).

Общее количество пряслиц и «наверший», обнаруженных в VII горизонте Йылгынлы-депе, составляет 225 экз., из которых 222 изготовлены из глины (214 — терракотовые, остальные — из необожженной глины), а еще три изделия сделаны из камня. 175 предметов сохранились достаточно хорошо, чтобы однозначно определить их форму. Статистика по формам всех изделий представлена в табл. 1 и рис. 1.

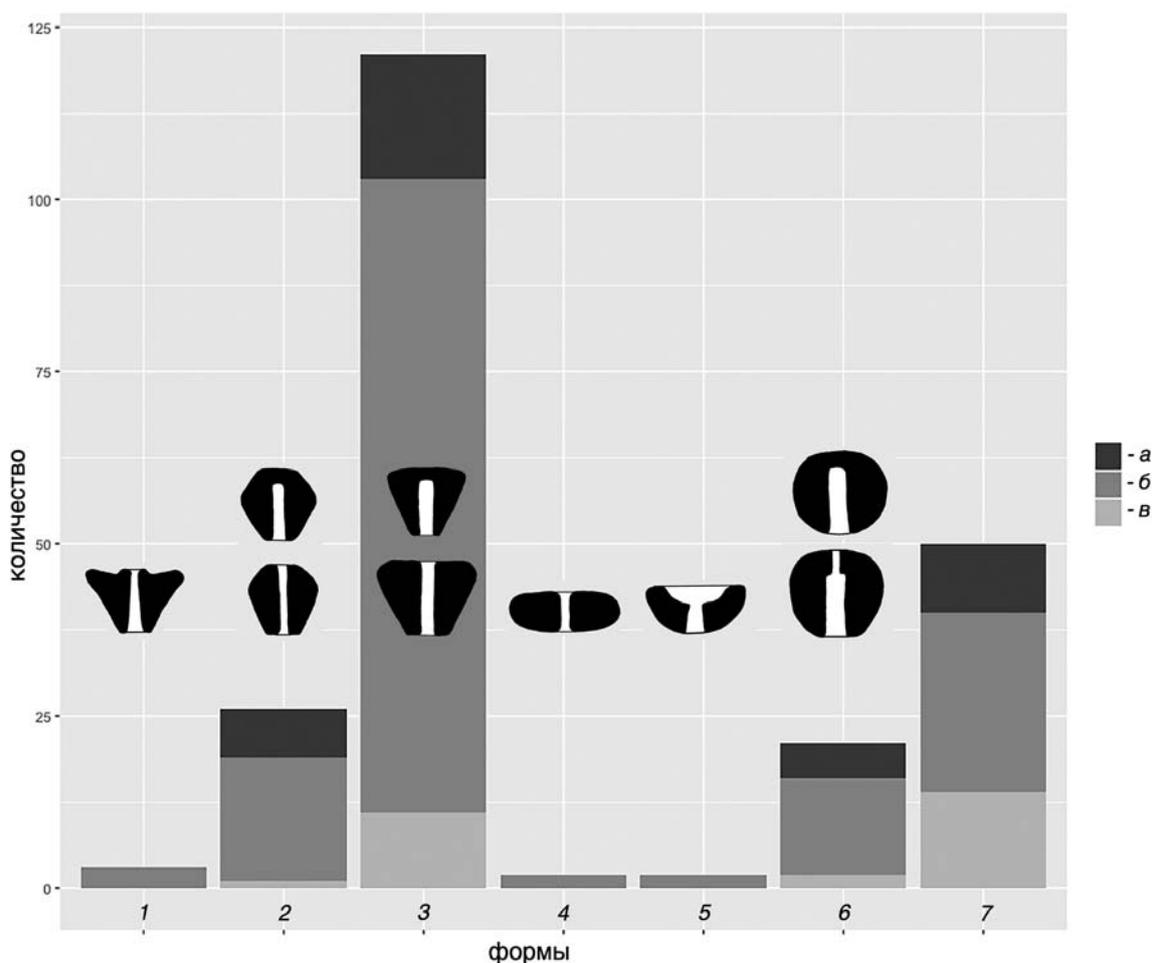
Таблица 1

Распределение форм пряслиц и «наверший» в горизонте VII Йылгынлы-депе

Table 1

Distribution of forms of spindle whorls and «pommels» in the VIIth horizon of Ilgynly-Depe

Формы	Кол-во	%
Конические	121	69
Биконические	26	15
Сферические	21	12
Полусферические	2	1
Дисковидные	2	1
Колоколообразные	3	2

Рис. 1. Йылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт VII, количественное распределение форм пряслиц и «наверший»: 1 — колоколовидные; 2 — биконические; 3 — конические; 4 — дисковидные; 5 — полу-сферические; 6 — сферические; 7 — неопределимой формы; а — навершия, б — пряслица, в — неопределимые

Fig. 1. Ilygnly-Depe, excavation area 3, horizon VII, quantitative distribution of shapes of spindle whorls and «pommels»: 1 — bell-like; 2 — biconical; 3 — conical; 4 — disc-like; 5 — hemispherical; 6 — spherical; 7 — of indefinable shape; а — «pommels», б — spindle whorls, в — indefinable

Основная часть изделий (143 экз.) орнаментирована. Орнамент в виде вертикальных полос, между которыми располагаются контурные круги, нанесен на один предмет черной краской после обжига, остальные 142 экз. орнаментированы методом оттиска, прочерчивания, вдавлений или защипов до обжига по сырому тесту. Такие орнаменты наносились либо палочкой, либо специальным инструментом, либо ногтевыми вдавлениями или пальцевыми защипами. Чаще всего орнамент наносился от основания до верха изделия и представлял собой линии разной длины и направленности. Зачастую орнамент был ограничен сплошной горизонтальной линией, прочерченной у основания (или же и у основания, и у верхнего отверстия). Реже украшали лишь часть поверхности стенок изделия. Все разнообразие орнаментов пряслиц и «наверший» Йылгынлы-депе можно условно разделить на несколько основных групп, опираясь на характерные элементы, образующие орнамент. Основные типы встреченных орнаментов объединены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение типов орнамента пряслиц и «наверший» в горизонте VII Йылгынлы-депе

Table 2

Distribution of types of ornaments of spindle whorls and «pommels» in the VIIth horizon of Ilgynly-Depe

Орнамент	Кол-во	%
Зигзагообразный (косые линии)	56	39
Горизонтальные линии	52	37
Столбики из горизонтальных линий	18	13
Защипы и вдавления	13	9
Вертикальные линии	3	2

Преобладающие формы пряслиц и «наверший» достаточно типичны для этого времени. По материалам Алтын-депе Т. А. Шаровская (Шаровская 2003: 319) отмечает исключительно конические пряслица для раннего энеолита, а появление других форм относит к более позднему времени. Однако изученные материалы Йылгынлы-депе демонстрируют бытование всех основных форм пряслиц, известных в раннеземледельческих общинах региона уже в период раннего энеолита, пусть и в ограниченных масштабах.

В целом, по сравнению с более поздними слоями, в VII горизонте доля пряслиц в общем количестве всех индивидуальных находок значительно уменьшается: так, если в слоях развитого энеолита она колеблется от 30 % (в более ранних горизонтах) до 40 % (в более поздних), то в VII горизонте она равна скромным 16,16 %. Принимая во внимание, что основная масса находок из раскопок Йылгынлы-депе получена из открытых контекстов, сформировавшихся в значительной мере в результате случайного перемещения материала внутри поселения, на основании проведенного анализа можно предположить существенно меньшую интенсивность прядения в раннеэнеолитической общине Йылгынлы, в сравнении с общиной поселка периода развитого энеолита.

Литература

- Каспаров 2019 — Каспаров А. К. «Святылище» Илгынлы-депе. Рацион питания и хозяйство привилегированных обитателей поселения по остеологическим данным // ДВЕЦАЮС-1. С. 30–32.
- Кирчо 2008 — Кирчо Л. Б. Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху энеолита // Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008. С. 72–134 (ТИИМК. Т. 28).
- Соловьева 2019 — Соловьева Н. Ф. Обжигательные печи Йылгынлы-депе периода раннего энеолита // ЗИИМК. 2019. № 20. С. 147–162.
- Шаровская 2003 — Шаровская Т. А. Типолого-технологический анализ пряслиц и наверший эпохи энеолита из поселения Алтын-депе // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб., 2003. С. 319–322.
- Andersson Strand 2012 — Andersson Strand E. The Textile Chaîne Opératoire: Using a Multidisciplinary Approach to Textile Archaeology with a Focus on the Ancient Near East // Paléorient. 2012. Vol. 38/1. P. 21–40.
- Kossowska-Janik 2016 — Kossowska-Janik D. M. Cotton and Wool: Textile Economy in the Serakhs Oasis during the Late Sasanian Period, the Case of Spindle Whorls from Gurukly Depe (Turkmenistan) // Ethnobiology Letters. 2016. Vol. 7/1. P. 107–116.
- Mazăre 2014 — Mazăre P. Investigating Neolithic and Copper Age Textile Production in Transylvania (Romania). Applied Methods and Results // Prehistoric, Ancient Near Eastern and Aegean Textiles and Dress: an Interdisciplinary Anthology. Oxford, 2014. P. 1–42 (Ancient textile series. Vol. 18).

СВЯЗИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАХИЧЕВАНИ С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ

З. К. Кулиева¹

Нахичеванское отделение НАН Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

RELATIONS OF THE ENEOLITHIC CULTURE OF NAKHICHEVAN WITH THE NEAR EAST

Zeyneb K. Quliyeva

Nakhchivan Branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhchivan, Azerbaijan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-89-91

Ключевые слова: *Нахичевань, Южный Кавказ, Ближний Восток, энеолитическая культура.*

Keywords: *Nakhchivan, Southern Caucasus, Near East, Eneolithic culture.*

Изучение взаимосвязи древних земледельческих культур Южного Кавказа и Ближнего Востока — одна из актуальных проблем науки о древности. Исследование новых памятников, недавно выявленных в Нахичевани, показывает, что эти отношения стали интенсивнее в период энеолита. С этой точки зрения энеолитическая культура Нахичевани важна для изучения связей Южного Кавказа и Ближнего Востока.

Изучение энеолита Нахичевани началось во второй половине XX в. В этот период материалы, относящиеся к периоду энеолита, были обнаружены в основном на поселении Овчулартепеси и (частично) в Садараке. В XXI в. археологические исследования стали более интенсивными. Десятки новых памятников были зарегистрированы в результате исследований, проведенных местными и международными археологическими экспедициями. Эти памятники свидетельствуют о существовании в Нахичевани культуры раннего (5000–4600 гг. до н. э.), среднего (4600–4400 гг. до н. э.) и позднего (4000–3600 гг. до н. э.) энеолита. Каждый период, имея свои особенности, отражает также некоторые элементы ближневосточных культур.

Хотя ранний этап энеолита характеризуется полуземлянками, а средний этап — прямоугольными глинобитными домами, их керамика относится к типу Далматепе и имеет одинаковые особенности (Вахъәлиев et al. 2018: 12–16). Такая керамика была найдена в основном в Нахичевантепе, в небольшом количестве — в Учан-Агиле и Узун Оба. Особенности культуры Далматепе отражены в посуде с тисненым и нанесенным краской орнаментом, изготовленной из глины с небольшой примесью соломы и песка (рис. 1, 1–3). Посуда с тисненым орнаментом представлена образцами с отпечатками ногтя, пальца, а также гребенчатыми и треугольными орнаментами.

Расписная посуда изготовлена более качественно, некоторые образцы окрашены и отполированы изнутри или с широкими красными линиями на поверхности, а на другие нанесен геометрический орнамент. В период раннего энеолита такие орнаменты наносили коричневой краской непосредственно на поверхность керамики (рис. 1, 1), а на среднем этапе поверхность керамики расписывалась черным цветом по красному фону (рис. 1, 2). Керамика далматепинского типа, которая в широком ассортименте выявлена в культуре раннего и среднего энеолита Нахичевани, отражает тесные связи, установившиеся в этот период с бассейном озера Урмия и Северной Месопотамией. Как известно, глиняная посуда

¹ ORCID: 0000-0001-8282-5898; e-mail: zeyneb.quliyeva.70@mail.ru.

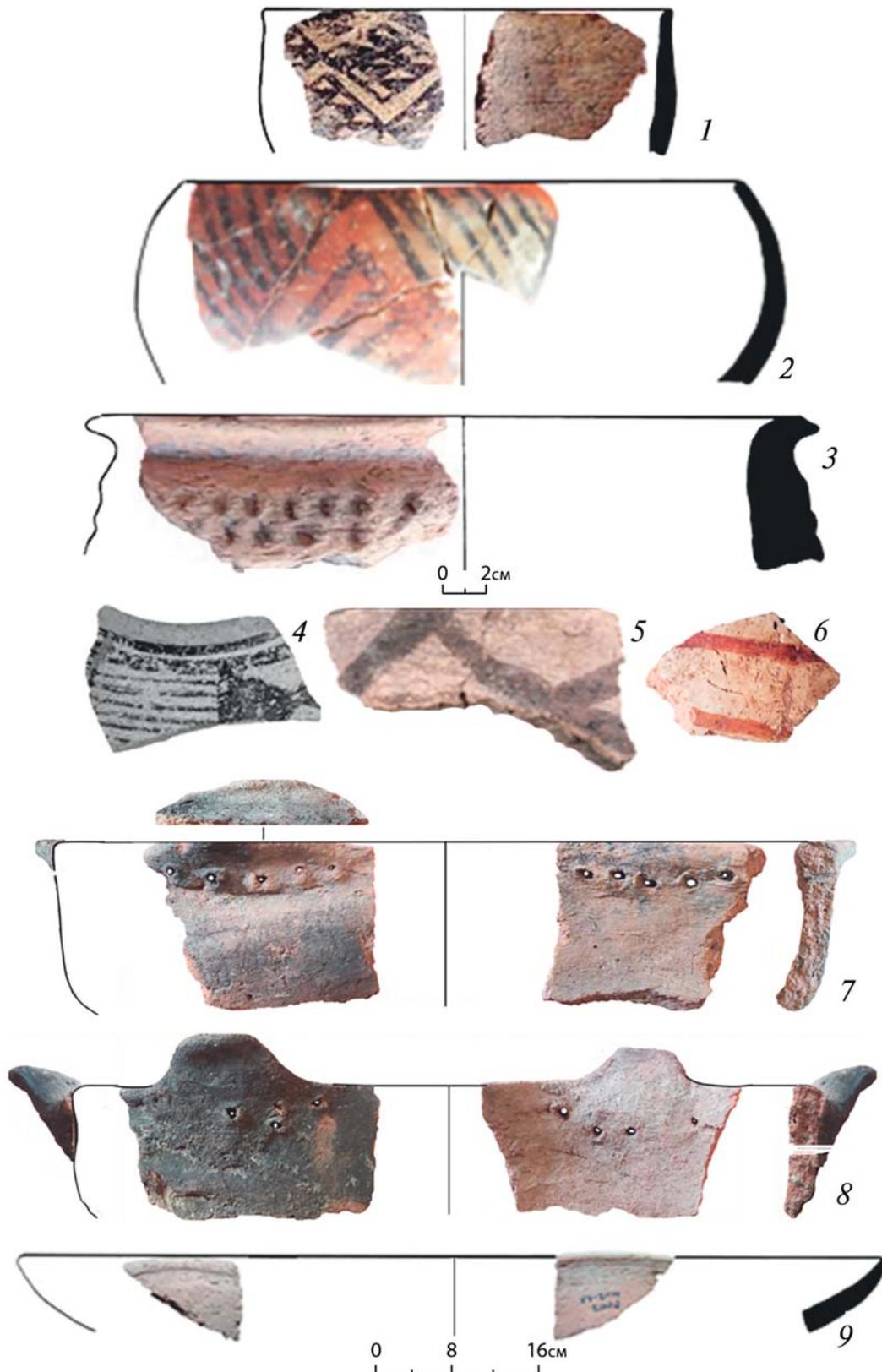

Рис. 1. Энеолитическая керамика Нахичевани: 1-3 — Нахичеваньтепе; 4, 5 — Овчулартепеси; 6-9 — Ени Йол

Fig. 1. Eneolithic pottery of Nakhichevan: 1-3 — Nakhichevanterpe; 4, 5 — Ovchulartepesi; 6-9 — Yeni Yol

типа Далматепе была обнаружена во время исследований в горах Загрос. Позже этот тип керамики был найден более чем в сотне поселений в долине Кангавар, включая Шех-Габи, Чога Маран и Гордин тепе (Abedi 2017: 80). В Месопотамии этот тип керамики отмечен в памятниках Джабаль, Керкук, Телль Абад, Кейт Касим, Йоргантепе на территории Ирака (Henrickson, Vitali 1987: 39–40).

Связь с Ближним Востоком прослеживается и в памятниках позднеэнеолитической культуры Нахичевани. В ней выделяются три этапа. Этап I (4400–4200 гг. до н. э.), который прослеживается в Овчулартепеси, представлен прямоугольными полужемлянками; этап II (4200–4000 гг. до н. э.) — многокомнатными домами, построенными из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Керамика обоих этапов отражает особенности культуры Овчулартепеси: она изготовлена из глины с примесью соломы, ее поверхность украшена рельефным и гребенчатым орнаментом, а небольшое количество экземпляров имеет также орнамент, нанесенный краской. Некоторые из образцов с расписным орнаментом отражают особенности убейдской культуры (рис. 1, 4). Влияние этой культуры прослежено и в погребальных обрядах овчулартепинской культуры. Аналоги детских кувшинных погребений, зарегистрированных в Овчулартепеси, встречались в памятниках культуры Лейлатепе (Нариманов 1987: рис. 43, 46) и в памятниках убейдского типа Ближнего Востока и Анатолии (Esin 2000: 83).

Находки, относящиеся к третьему этапу (4000–3600 гг. до н. э.), представлены материалами из Зириджли, Ени Йол и Шорсу. Архитектура этого периода — круглые, иногда прямоугольные полужемлянки и прямоугольные постройки (глинобитные или из сырцового кирпича). Некоторые образцы керамики имеют примесь соломы, а их формы характерны для культуры Овчулартепеси, а другая часть сосудов, с примесью соломы и песка, отражает особенности культуры Лейлатепе (рис. 1, 7–9). Как известно, культура Лейлатепе связана с убейдской и урукской культурами, распространявшимися на север от Месопотамии. Влияние этих культур проявлялось также в сосудах типа подноса или корыта. К концу позднего энеолита сосуды типа корыта распространились на обширных территориях от Южного Кавказа до Месопотамии.

Таким образом, связи Нахичевани с Ближним Востоком на раннем и среднем этапах энеолита были хорошо развиты. В этот период Нахичевань являлась одним из основных центров культуры Далматепе, которая распространилась из бассейна Урмии на территорию Ирака. Присутствие следов убейдской и урукской культур в позднеэнеолитической культуре Нахичевани отражает взаимоотношения между Южным Кавказом, Урмийской котловиной и Восточной Анатолией. Влияние культур Ближнего Востока на Южный Кавказ было результатом культурных и экономических связей между этими регионами. Они развивались благодаря богатым источникам сырья (обсидиановые и медные рудники) на Южном Кавказе.

Литература

- Нариманов 1987 — Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тысячелетия до н. э.). Баку, 1987.
- Abedi 2017 — Abedi A. Iranian Azerbaijan Pathway from the Zagros to the Caucasus, Anatolia and Northern Mesopotamia: Dava Göz, a New Neolithic and Chalcolithic Site in NW Iran // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2017. No. 17/1. P. 69–87.
- Baxşəliyev et al. 2018 — Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Həşimova T., Mehbalıyev K., Baxşəliyev E. Naxçıvan tərəyə yaşayış yerində arxeoloji tədqiqatlar. Naxçıvan, 2018.
- Esin 2000 — Esin U. Aşıklı Höyük Kurtrma Kazıları // *Türkiye Arkeolojisi ve İstanbul Üniversitesi* (1932–1999). Ankara, 2000. S. 20–29.
- Henrickson, Vitali 1987 — Henrickson E. F., Vitali V. The Dalma Tradition: Prehistoric Inter-Regional Cultural Integration Highland Western Iran // *Paleorient*. 1987. Vol. 13/2. P. 37–45.

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР (В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ)

Э. А. Мурадова¹

Национальное Управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан

ON THE PROBLEM OF THE INTERACTION OF CULTURES (IN THE LIGHT OF NEW DATA)

Ejegul A. Muradova

National Office of Turkmenistan for the Protection, Study and Restoration of Monuments of History and Culture, Ministry of Culture of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-92-93

Ключевые слова: Юго-Западный Туркменистан, Сумбар, Атрек, Чендыр, Мисриан, поздний бронзовый век, ранний железный век, сумбарская культура, культура архаического Дахистана.

Keywords: Southwestern Turkmenistan, Sumbar, Atrek, Chendyr, Misrian, Late Bronze Age, Early Iron Age, Sumbar culture, culture of Archaic Dahistan.

Широкомасштабные археологические исследования XXI в. привели к пересмотру устоявшихся научных положений и обновлению концепции древней истории туркменского народа. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа, находящиеся в Сумбарской долине, планомерно исследовались с 1968 по 1991 гг. И. Н. Хлопиным и Л. И. Хлопиной. Археологические исследования И. Н. Хлопина позволили проследить последовательное развитие культур, каждая из которых характеризует и освещает определенный исторический период. Систематические раскопки на могильниках Сумбар I, Сумбар II, Пархай I и Пархай II имели существенное значение для решения вопросов культурогенеза.

И. Н. Хлопин, рассматривая происхождение культуры архаического Дахистана, опираясь на исследования сумбарской культуры и полученные материалы Пархайдепе. Сумбарские могильники, открытые в Юго-Западном Туркменистане, ранее синхронизировались с культурой архаического Дахистана. В результате работ, проведенных в 1970–1980-х гг., была пересмотрена хронология сумбарской культуры, которую теперь стали относить к позднебронзовому веку. Различия же в культурных комплексах архаического Дахистана и сумбарской культуры стали объяснять их хронологическим несовпадением. Культура архаического Дахистана была омоложена, и хронологические рамки ее были определены 1000–650 гг. до н. э.

С целью заполнения лакуны в археологическом изучении долины Чендыра, осенью 2014 г. было осуществлено целенаправленное рекогносцировочное обследование этого историко-культурного ландшафта. Были обследованы и нанесены на карту все памятники, находящиеся в долине Чендыра, хронологически датируемые II–I тыс. до н. э., IV–VII и IX–XII вв. н. э. Впервые исследован археологический материал, документально подтвердивший наличие памятников в Чендырской долине, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку. Аналогичные памятники (Мадаудепе, Тангсикыльджа, Чыглыкдепе, Изаткули, Геокчикдепе, поселения Бенгуванского оазиса) расположены на Мисрианской и Чатской равнинах. Выявление и изучение материалов раннего железного века на многослойных

¹ ORCID: 0000-0002-4715-3317; e-mail: bezegli2017@gmail.com.

памятниках долины Чендыра расширяет ареал распространения культуры архаического Дахистана, генетические истоки которой уходят в культуры долины Сумбара и Чендыра. Судя по материальной культуре памятников с серой керамикой в Юго-Западном Туркменистане, следует говорить о сложившейся на этой территории устойчивой культурной и этнической общности.

Археологические исследования долин Сумбара, Чендыра и Атрека свидетельствуют о непрерывной преемственной линии развития исторического процесса в регионе, культурных взаимодействий и миграциях. В нижних культурных слоях Изат-кули найдена керамика, аналогичная керамике сумбарской культуры. По-видимому, в конце II тыс. до н. э. на Мисрианской и Чатской равнинах поселилась часть населения, мигрировавшая с Сумбара и Чендыра. Это население двинулось в новые плодородные оазисы, где они построили плотины на реке Атрек, провели сеть ирригационных каналов. Осваивая новые земли, они научились строить сооружения из сырцового кирпича. Так возникли небольшие (Тилькидепе, Едиджедепе, поселения Бенгуванского оазиса) и крупные поселения (Мадаудеде, Изаткули, Тангсикыльджа и Чыглыкдепе) с выделенным центральным укреплением, культовые монументальные строения (Геокчикдепе). Происходил процесс постепенного формирования и развития урбанизированных структур, характеризующий эпоху раннего железа.

Распространение керамики архаического Дахистана следует связывать с миграцией части дахистанских племен из Мисрианской и Чатской равнин, далее Чендырской и Сумбарской долин на восток, в подгорную полосу Копетдага. Археологические свидетельства этой миграции найдены на Гриндепе, Чингиздепе, Чиледепе, Конегала (Беорме), Хырлыдепе, Гаррыкяриз, Парыздепе.

В раннежелезном веке на территории Туркменистана, являющейся одним из важных узлов культурогенеза, наблюдается эпохальная смена культурных стандартов и эталонов. Юго-Западный Туркменистан стал одним из основных звеньев этого процесса, сыграв существенную роль в интеграции культур Прикаспийского региона.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАМЯТНИКОВ ОКУНЕВСКОГО ТИПА ВЕРХНЕГО ЕНИСЕЯ¹

А. В. Поляков²

*Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН, Абакан,
Санкт-Петербург, Россия*

ON THE PECULIARITIES OF OKUNEV-TYPE MONUMENTS OF THE UPPER YENISEI

Andrei V. Polyakov

*Southern Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian
Academy of Sciences, Abakan, St. Petersburg, Russia*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-93-96

Ключевые слова: *Верхний Енисей, Минусинские котловины, эпоха бронзы, окуневская культура.*

Keywords: *Upper Yenisey, Minusinsk Basin, Bronze Age, Okunev culture.*

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие».

² ORCID: 0000-0002-3418-2469; e-mail: poliakov@yandex.ru.

Эпоха бронзы Верхнего Енисея в силу объективных причин изучена довольно слабо в сравнении с материалами соседних Минусинских котловин. Это является следствием небольшого числа раскопанных памятников, что особенно ярко проявляется на примере объектов, синхронных окуневской культуре. Если в Минусинских котловинах число изученных погребений приближается к 700, то захоронений этого времени с Верхнего Енисея известно не более двух десятков, и практически все они сконцентрированы на могильном поле Аймырлыг (Стамбульник, Чугунов 2006: 292–302). Один из важных вопросов, встающих при их изучении: насколько они идентичны Минусинским материалам и возможна ли их синхронизация с уже подробно исследованной хронологической схемой окуневской культуры (Поляков, Лазаретов 2019: 192–195)?

Анализ погребального обряда известных захоронений окуневского времени могильного поля Аймырлыг показывает очень интересную картину. Все погребения совершены в одном положении: скорчено, на правом боку. Как известно, «визитной карточкой» окуневской культуры является совершенно иное положение тела — на спине, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. В то же время в небольшом числе погребений положение на боку все-таки встречается (20 зафиксированных случаев из почти 700 могил — чуть более 3 %). При этом все они представлены исключительно в ранних курганах уйбатского этапа окуневской культуры.

Другая особенность — ориентировка погребенных. Для курганов окуневской культуры Минусинских котловин характерна довольно сложная схема размещения погребений в рамках ограды (Поляков 2017а: 337–338). При этом основным направлением является ЗЮЗ, куда обращено головой большинство погребенных. Иные ориентировки представлены значительно реже. В случае с памятниками окуневского типа Верхнего Енисея наблюдается совсем иная направленность. Только одна могила (погребение XIII-5) может рассматриваться, как ориентированная на запад. Все остальные ориентированы в северный сектор с небольшими отклонениями к СЗ или СВ. Хорошая сохранность погребений не оставляет сомнений, что это не случайно. Иная ориентировка погребений является важным отличием, демонстрирующим особенность этих материалов. Интересно отметить, что ориентировка головой в СЗ направлении характерна и для более поздних памятников монгунтайгинского типа. Вероятно, это является региональной особенностью.

Большинство обнаруженных артефактов действительно находит аналогии в материалах окуневской культуры. Металлические ножи и шилья, диски с отверстиями, игольник являются характерными предметами, неоднократно обнаруженными в погребениях. Несколько сложнее ситуация с керамическими сосудами. Как правильно отмечают исследователи, неповторимость каждого из них является важной особенностью окуневской культуры. Поэтому попытки поиска полных аналогий бесперспективны. Действительно, большинство признаков и элементов по отдельности несложно найти среди окуневской керамики. Однако, если оценивать ситуацию в комплексе, складывается парадоксальная ситуация. На сосудах с Верхнего Енисея в комплексе представлены признаки, которые обычно не встречаются совместно на окуневской посуде. Часть из них характерна для раннего (уйбатского) этапа культуры, например «жемчужник», в то же время мы наблюдаем использование в орнаментации зубчатого штампа — признак более поздний, свойственный посуде черновского этапа.

Развивая эту тему, следует отметить, что памятники окуневского типа Тувы в целом характеризуются смешанностью признаков, свойственных разным этапам окуневской культуры. Как уже отмечалось, положение тела на правом боку характерно исключительно для уйбатского этапа, а оформление могилы в виде каменного ящика — для более позднего черновского. На Верхнем Енисее оба эти признака сочетаются во всех исследованных захоронениях. В этой связи очень интересным было бы получение объективных радиоуглеродных дат, которые позволили бы сопоставить эти памятники с хорошо разработанной хронологической колонкой датировок окуневской культуры (Поляков 2017б: 65–68).

Отдельно необходимо остановиться на значительной серии каменных сосудов, которые были обнаружены в захоронениях Верхнего Енисея. Первоначально проводились аналогии

с известным случаем в материалах елунинской культуры (Стамбульник, Чугунов 2006: 302). Однако продолжающиеся исследования продемонстрировали, что каменные сосуды являются важной характерной чертой чемурчекских памятников, выделенных А. А. Ковалевым (Ковалев 2012: рис. 9, 11). Таким образом, этот признак скорее указывает на связь памятников окуневского типа Тувы с относительно южными регионами. Находясь территориально между ареалами окуневской и чемурчекской культур, тувинские памятники демонстрируют смешение их признаков.

Это наблюдение можно распространить и на ритуальные площадки. Наиболее многочисленные и детально проработанные из них зафиксированы для памятников чемурчекской культуры (Тишкин и др. 2012: 107–114; Ковалев и др. 2015: рис. 3–20). Совсем недавно была изучена аналогичная, прекрасно сохранившаяся площадка на территории Тувы (Лазаретов, Поляков 2017: 183–184; 2018: 83–88). Несколько ранее схожие конструкции были выявлены и на памятниках окуневской культуры (Поляков 2010: 77–80, рис. 1; 2014: 480). Однако следует признать, что в последней они получают наибольшее развитие уже ближе к финалу.

Подводя итог можно констатировать, что материалы Верхнего Енисея имеют ряд вполне ощутимых отличий, которые не позволяют включать их непосредственно в состав окуневской культуры. Это самостоятельная группа населения, обладающая набором особенных признаков в инвентаре и погребальном обряде. Кроме того, антропологи отмечают и морфологическое отличие черепов из погребений эпохи бронзы могильника Аймырлыг (Гохман 1980: 23–29). Ситуация во многом схожа с той, которая складывалась при выделении каракольской культуры Алтая. Первоначально эти памятники также рассматривались, как часть окуневской культуры (Кубарев 1986: 102–104). Однако в ходе дальнейшего осмысления они получили самостоятельный статус (Кубарев 2009).

В связи с громоздкостью термина «памятники окуневского типа Верхнего Енисея» В. В. Бобровым предпринималась попытка выделить чаахольскую археологическую культуру (Бобров 1987: 80–83). Однако этот термин пока в научной литературе в силу ряда причин не закрепился. Основная проблема связана с тем, что фактически все материалы представлены одним памятником — погребениями могильного поля Аймырлыг, а все иные свидетельства проживания населения этого периода очень отрывочны и не дают достаточного для описания культуры массива данных. Кроме того, сам термин «чаахольская» не связан, как это принято, с конкретным эпонимным памятником. Остается надеяться, что в ходе дальнейших раскопок будет обнаружен достаточно представительный могильник этого периода, который позволит уже гораздо более обосновано подходить к вопросу выделения самостоятельной археологической культуры.

Литература

- Бобров 1987 — Бобров В. В. Некоторые аспекты смены археологических культур // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 80–83.
- Гохман 1980 — Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. С. 5–34.
- Ковалев 2012 — Ковалев А. А. Чемурчекский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // Чемурчекский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб., 2012. С. 32–55.
- Ковалев и др. 2015 — Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Грушин С. П., Тишкин А. А., Ожередов Ю. И. Чемурчекские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. СПб., 2015. С. 100–141.
- Кубарев 1986 — Кубарев В. Д. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 102–104.

- Кубарев 2009 — *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.
- Лазаретов, Поляков 2017 — *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* О раскопках могильника Красная Горка-15 в 2015 г. // БИИМК. 2017. № 6. С. 183–184.
- Лазаретов, Поляков 2018 — *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Святилище раннего бронзового века в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 83–93.
- Поляков 2010 — *Поляков А. В.* Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Материалы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 75–80.
- Поляков 2014 — *Поляков А. В.* Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) ВАС в Казани. 2014 г. Т. I. Казань, 2014. С. 478–481.
- Поляков 2017а — *Поляков А. В.* Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе. Т. I. Барнаул, 2017. С. 337–339.
- Поляков 2017б — *Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры // ЗИИМК. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков, Лазаретов 2019 — *Поляков А. В., Лазаретов И. П.* Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб., 2019. С. 188–202.
- Стамбульник, Чугунов 2006 — *Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 292–302.
- Тишкин и др. 2012 — *Тишкин А. А., Грушин С. П., Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д.* Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012. С. 104–114.

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КЛЕПАНЫХ КОТЛОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЕВРАЗИИ

Е. Н. Сава¹, Т. Г. Сорочяну²

Национальный музей истории Молдавии, Кишинев, Молдова

THE WESTERN BORDER OF THE DISTRIBUTION OF RIVETED CAULDRONS IN BRONZE AGE EURASIA

Eugen N. Sava, Tudor G. Soroceanu

National Museum of History of Moldova, Kishinev, Moldova

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-96-99

Ключевые слова: эпоха бронзы, Восточные Карпаты, Северный Кавказ, Южный Урал, Восточный Казахстан, клепаные котлы.

Keywords: Bronze Age, Eastern Carpathians, Northern Caucasus, Southern Urals, Eastern Kazakhstan, riveted cauldrons.

Проблема возникновения и последующего распространения различных категорий и типов металлических сосудов на пространстве между Восточными Карпатами и Восточным Казахстаном является предметом многолетней дискуссии. О распространении метал-

¹ ORCID: 0000 0002-2811-4208; e-mail: savamd2014@gmail.com.

² ORCID: 000-0002-8601-7254; e-mail: tudor_soroceanu@gmx.de.

лических сосудов, обозначаемых как «клепанные котлы», еще в начале — середине XX столетия писали Н. Макаренко (Makarenko 1930: 22–48) и В. Антонец (Antoniewicz 1934: 191–196; 1945: 97–110; 1958: 57–78), которые считали, что металлические сосуды, находимые в Евразии, связаны с «торговыми путями» итальянского и дунайского направления. Клепанные котлы, отчасти с картами их распространения, рассматривались в работах А. И. Тереножкина (Terenožkin 1962: 272–277; Тереножкин: 218–223), А. М. Лескова (Leskov 1981: passim), В. С. Бочкарева (Бочкарёв 1972: 63–68; Бочкарёв 2010: 185–208), В. В. Отрощенко (Отрощенко 1997: 16–17; Отрощенко, Тупчиенко 2003: 116–123; Отрощенко, Тупчиенко 2005: 176–188; Гошко, Агапов, Отрощенко 2018: passim), С. В. Демиденко (Демиденко 2005: passim). В то же время комплексные всесторонние исследования по данной теме отсутствуют, равно как и карта распространения других категорий металлических сосудов; соответственно, отсутствует и общий обзор предполагаемых перемещений клепанных котлов в различные периоды — как с запада на восток, так и с востока на запад.

Более 230 металлических сосудов, известных в эпоху средней и поздней бронзы между Восточными Карпатами, Северным Кавказом, Южным Уралом и Восточным Казахстаном, не сравнимы по своему количеству с находками металлических сосудов, например, западнее Карпат или же из региона Центрального Подунавья. Однако можно сделать вывод, что плотность распространения металлических сосудов в эпоху бронзы между Восточными Карпатами и Восточным Казахстаном как минимум в 15 раз меньше, чем к западу от Карпат.

Можно заметить, что вне зависимости от хронологического периода, определенные территории более богаты металлическими сосудами, относящимися к группе клепанных котлов. Это регионы между Карпатами и Поднепровьем, Северный Кавказ, а также Южно-Уральская и Восточно-Казахстанская зоны.

Наибольшая концентрация находок клепанных котлов прослеживается в районе Среднего Поднепровья. Такая локализация, характерная для относительно небольшой территории и на протяжении как минимум 800 лет, — от ранней фазы срубной культуры вплоть до позднесабатиновского периода, пока не может быть объяснена ни культурно-хронологическими, ни металлургическими факторами, особенно с учетом того, что в этом регионе имеются более поздние, как восточные, так и западные, импортированные изделия.

На Северном Кавказе несмотря на имеющиеся перерывы, существование металлических сосудов, в том числе и клепанных котлов, прослеживается в течение длительного времени — от майкопской культуры до средней и поздней бронзы (конец III — начало II тыс. до н. э.). Появление и развитие клепанных сосудов в этом регионе насчитывает по меньшей мере 2500-летнюю историю — от клепаной металлической посуды майкопской культуры до финала бронзового века и поздних находок из Жемталы.

Пристального внимания заслуживает концентрация находок металлических сосудов на территории Казахстана, особенно в его восточной части. Сосуды относятся к двум временным диапазонам: раннему (первая половина II тыс. до н. э.) и позднему (от середины II тыс. до начала I тыс. до н. э.). Ранняя группа по времени, территории, типологии и культурной принадлежности является более однородной и может быть в значительной степени связана с андроновской культурой; сосуды поздней группы, напротив, относятся к разным хронологическим горизонтам внутри обозначенного периода.

Для того, чтобы иметь возможность обобщить фактическую динамику распространения клепанных котлов, необходимо попытаться реконструировать, насколько это возможно, основные пути их распространения и попытаться определить, каким образом такая металлическая посуда попадала из определенного региона (без изменений или же с определенными изменениями) в другой регион или в другую культурную среду. Основную территорию этого первоначального распространения следует искать в восточной части (предположительно, между Доном и Уралом).

Расширение ареала на запад позволяет принципиально выявить две основные ветви одного и того же пути — северную и южную. Северный путь отмечается до полтавского

и черкасского регионов лишь экземпляром из Борисоглебска, а далее — на Среднем Днепре — локализуется группа из нескольких предметов; эта главная ветвь заканчивается, по имеющимся на сегодня данным, в Подолье. Южный путь имеет схожее направление, где нужно отметить и самые южные находки (например, Суворовская станица, Старо-Михайловская станица, Батарейка), которые, если не маркируют какой-то специальный путь, явно относятся к южной основной ветви распространения котлов. Северная и южная основные ветви сближаются друг с другом примерно в Среднем Поднепровье, вновь разделяясь между Днестром и Карпатами.

Основное расширение ареала распространения сосудов на запад позволяет определить три направления: одно пролегает из Южной Бессарабии вдоль Валахии, с конечной точкой, определяемой в настоящее время кладом Месич (Сербия), в составе которого обнаружена ручка от клепаного котла. Второе направление начинается также от южной основной ветви в южной части Бессарабии, но ведет на юго-восток, вплоть до Южного Подунавья.

Третье направление пока определяется очень слабо, но предположительно на его существование указывает находка бронзового днища клепаного сосуда из Санок (Польша), в нескольких километрах к востоку от верхне-днестровского скопления находок. Эта находка важна, так как она позволяет говорить о распространении клепаных котлов к западу, на самом северо-западном участке ареала исследования.

Каковой была форма и существовавшие пути «передачи» в западные регионы таких изделий, как клепаные котлы восточного происхождения, определить на данном этапе исследования очень сложно. Происходило ли это благодаря странствующим ремесленникам и «заказам» на изготовление такой утвари в различных географических регионах, или же это осуществлялось в виде обмена или, например, даров (от племени к племени) — установить не представляется возможным.

Литература

- Бочкарёв 2010 — *Бочкарёв В. С.* О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // В.С. Бочкарёв, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010. С. 185–208.
- Бочкарёв 1972 — *Бочкарёв В. С.* Киммерійські казани // Археологія. 1972. № 5. С. 63–68.
- Гошко, Агапов, Отрощенко 2018 — *Гошко Т. Ю., Агапов С. А., Отрощенко В. В.* Металеві казани з великого степу за доби пізньої бронзи. Киев, 2018.
- Демиденко 2005 — *Демиденко С. В.* К вопросу о происхождении клепаных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 2005. С. 93–103.
- Отрощенко 1997 — *Отрощенко В. В.* До питання про класифікацію та культурну належність клепаних казанів // Проблеми історії та археології України. До 140-річчя з дня народження академіка Дмитра Івановича Багалія. Тези доповідей наукової конференції 16–18 квітня 1997 року. Харків, 1997. С. 16–17.
- Отрощенко, Тупчієнко 2003 — *Отрощенко В. В., Тупчієнко М. П.* Бронзові клепані казани та донецький гірничо-металургійний центр // Проблеми гірничої археології (доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ, 2003. С. 116–123.
- Отрощенко, Тупчієнко 2005 — *Отрощенко В. В., Тупчієнко М. П.* Проблема бронзових клепаних казанів і Донецький гірничо-металургійний центр // Проблеми гірничої археології (доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). с. Новозванівка, Попаснянського р-ну, Луганської області, 21–25 липня 2003 р. Алчевськ, 2005. С. 176–188.
- Тереножкин 1982 — *Тереножкин А. И.* Ягорлыцкий котел // СА. 1982. № 2. С. 218–223.
- Antoniewicz 1934 — *Antoniewicz Wł.* Vase en bronze de Volhynie // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1934. Vol. IX. P. 191–196.
- Antoniewicz 1945 — *Antoniewicz Wł.* Un Vase métallique de Podolie // Festschrift Tallgren. Finska Fornn. 1945. Vol. 45. С. 97–110.

- Antoniewicz 1958 — *Antoniewicz Wł.* Les chaudières préscythiques en bronze // *Archaeologia Polona*. 1958. No. 1. P. 57–78.
- Leskov 1981 — *Leskov A. M.* Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen). München, 1981 (Prähistorische Bronzefunde. Vol. XX. No. 5).
- Makarenko 1930 — *Makarenko N.* La civilisation des Scythes et Hallstatt // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. No. V. P. 22–48.
- Terenožkin 1962 — *Terenožkin A. I.* Der Bronzekessel des Odessaer Museums // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* (Festschrift Franz Hančar zum siebzigsten Geburtstag). 1962. No. 92. S. 272–277.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

И. А. Савко¹

Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Барнаул, Россия; Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

ON THE FORMATION OF ANDRONOVO (FEDOROVO) CULTURE MONUMENTS IN EASTERN KAZAKHSTAN

Ilia A. Savko

Barnaul laboratory of Southern Siberian Archaeology and Ethnography, Institut of archaeology and ethnography of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Barnaul, Russia; Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-99-101

Ключевые слова: андроновская культура, федоровская культура, Восточный Казахстан, Верхнее Прииртышье.

Keywords: *Andronovo culture, Fedorovo culture, Eastern Kazakhstan, Upper Irtysh.*

Историография вопроса формирования памятников андроновской (федоровской) культуры подробно изложена в монографии Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?» (Кузьмина 1994: 5), которая предполагает сложение федоровских комплексов в Центральном и Восточном Казахстане на местной энеолитической базе (Кузьмина 1994: 245). Близкую по взглядам позицию занимают Н. А и А. А. Ткачевы, которые вслед за С. С. Черниковым находят истоки федоровской культуры в переходе усть-буконьских комплексов ранней бронзы Восточного Казахстана в канайскую (федоровскую) культуру (Ткачева, Ткачев 2008: 245–250, 287). Однако теория автохтонного формирования андроновских памятников Верхнего Прииртышья вызывает на сегодняшний день ряд сомнений у исследователей по целому ряду позиций.

Во-первых, это преувеличение роли усть-буконьских комплексов — в действительности довольно малочисленных. Так, один из опорных памятников усть-буконьского этапа — ограда № 9 могильника Канай — относится к более раннему времени и отождествляется с чемурчекской культурой (Ковалев, Мерц 2015: 223). Сходство с усть-

¹ ORCID: 0000-0002-7463-7333; e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru.

буконьской керамикой можно найти как в вишневецкой культуре Зауралья, так и в бытовой недекорированной посуде андроновской культуры (Стефанов, Корочкова 2006: 134–136).

Во-вторых, в эпоху ранней бронзы на территории Верхнего Прииртышья формируются отличные от андроновских комплексы. В этот период в Прииртышье и Сарыарке существовала елунинская культура, прошедшая в своем развитии ряд этапов, а также алкабекская группа памятников, очень часто соотносимая с чемурчекской культурой Монголии (Мерц 2017: 209–210). Кроме них в равнинной части правобережного Прииртышья параллельно с елунинской культурой существовали носители керамики чемарского и одиновокрохалевского типов.

В-третьих, хронологическое членение этапов канайской (раннефедоровской) миграции с Верхнего Прииртышья не подтверждается как на западе (в Зауралье), где отсутствуют реальные факты давления раннефедоровского населения на петровцев с востока (Виноградов 2011: 142), так и на востоке, где главным маркером второй волны миграции являются серьги с раструбом, найденные в более ранних по хронологии могильниках первой четверти II тыс. до н. э. — Рублево VIII в Обь-Иртышском междуречье (Папин 2015: 137), Кызылбулак I в Восточном Семиречье (Гасс, Горячев 2016: 112–113), а также Адуньцяюлу (могила № 4) в Синьцзяне (Jia et al. 2017: 630).

В-четвертых, отметим первоначальное появление в регионе петровских (раннеалакульских) древностей, более ранних по сравнению с федоровскими. В Павлодарском Прииртышье на могильнике Кырыкунгир получены более ранние, чем федоровские материалы петровского типа. Первая волна андроновской миграции для Барабинской степи связана с проникновением на восток коллективов петровской культуры (Молодин 2011: 59). На Алтае наличие петровских компонентов подтверждается краниологическим, одонтологическим анализами и технико-технологическим анализом керамики наиболее раннего андроновского могильника Алтая — Рублево VIII (Гутков и др. 2014: 33; Зубова и др. 2017: 329). По-видимому, на роль синташтинско-петровского компонента в формировании федоровской культуры может указывать генетическое сходство андроновцев Западной Сибири с синташтинским населением Южного Урала (Allentoft et al. 2015: 169).

Таким образом, теория формирования андроновских памятников на основе местного населения ранней бронзы Верхнего Прииртышья не подтверждается новейшими исследованиями, согласно которым в эпоху развитой бронзы на этой территории происходит радикальная смена населения и облика материальной культуры, что стало результатом прихода разных групп андроновских мигрантов.

Литература

- Виноградов 2011 — Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск, 2011.
- Гасс, Горячев 2016 — Гасс А., Горячев А. А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // ВНСбГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15/5: Археология и этнография. С. 85–123.
- Гутков и др. 2015 — Гутков А. И. Папин В. В., Федорук О. А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014. С. 311–320.
- Зубова и др. 2017 — Зубова А. В., Кишкурно М. С., Поздняков Д. В. Одонтологическая характеристика андроновского населения степного Алтая по материалам могильника Рублево VIII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. С. 326–330.
- Ковалев, Мерц 2015 — Ковалев А. А., Мерц И. В. Ограда № 9 могильника близ бывшего аула Канай в Восточном Казахстане (по архивным источникам) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в цен-

- тральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб., 2015. С. 215–227.
- Кузьмина 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Мерц 2017 — *Мерц И. В.* Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы. Барнаул, 2017.
- Молодин, 2011 — *Молодин В. И.* Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 58–69.
- Папин 2015 — *Папин Д. В.* Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // ВКГУ. 2015. Вып. 2/6. С. 135–138.
- Стефанов, Корочкова 2006 — *Стефанов В. И., Корочкова О. Н.* Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006.
- Ткачева, Ткачев 2008 — *Ткачева Н. А., Ткачев А. А.* Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008.
- Allentoft et al. 2015 — *Allentoft M. E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. P. 167–172.
- Jia et al. 2017 — *Jia P. W. et al.* Adunqiaolu: new evidence for the Andronovo in Xinjiang, China // Antiquity. 2017. Vol. 91 (No. 357). P. 621–639.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ¹

*Р. М. Сатаев², **Л. В. Сатаева³, *Н. А. Дубова⁴

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

**Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

THE NATURAL CONDITIONS OF ANCIENT MARGIANA

*Robert M. Sataev, **Liliya V. Sataeva, *Nadezhda A. Dubova

*Institute of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-101-103

Ключевые слова: Туркменистан, бронзовый век, Каракумы, река Мургаб, археоботанические и зооархеологические данные.

Keywords: Turkmenistan, Bronze Age, Karakum Desert, Murghab River, archaeobotanical and zooarchaeological data.

Памятники Древней Маргианы расположены в юго-восточных Каракумах, вдоль высохших рукавов древнего русла реки Мургаб.

В отношении динамики природных условий на юге Средней Азии существуют две основные точки зрения. Согласно первой, поддерживавшейся Г. Н. Лисициной, на протяжении тысячелетий в регионе сохранялся аридный климат, не претерпевший значительных изменений. Возможность колебаний климата в отдельные периоды не исключалась, но они укладывались в рамки общей аридности (Лисицина 1978: 191).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» №18-09-40082.

² ORCID: 0000-0001-9980-3345; e-mail: rob-sataev@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0001-5108-0889; e-mail: lvsataeva@mail.ru.

⁴ ORCID: 0000-0002-4340-1037; e-mail: dubova_n@mail.ru.

В соответствии с другой точкой зрения, в регионе происходили глубокие изменения природно-климатической обстановки, выразившиеся в периодической смене теплого и влажного климата на жаркий и сухой (Долуханов 1987: 8–19). Запустение жизни на большинстве поселений (Анау, Алтын-депе, Намазга-депе) связывается с наступлением на рубеже III–II тыс. до н. э. ксеротермического максимума (Сарианиди 1990: 99–100). Так, результаты палинологического анализа отложений Алтын-депе говорят, что строительный горизонт Алтын I (середина периода средней бронзы, около 2100–2000 г. до н. э.) образовался в условиях экологического стресса, вызванного дефицитом водообеспеченности (Левковская, Кирчо 2004: 89–90). В целом, большинство исследователей предполагает существование на рубеже III–II тыс. до н. э. на обсуждаемой территории экстрааридной обстановки, которая никак не могла способствовать развитию здесь производящей экономики.

Однако вопрос о природно-климатических условиях, существовавших в Южном Туркменистане в конце III — начале II тыс. до н. э., нельзя считать до конца решенным. В противоположность приведенному выше мнению, наши исследования, проводимые на Гонур-депе, указывают на сравнительно благоприятную обстановку в Гонурском оазисе в это время. Разнообразный археологический материал (в том числе биоархеологический), происходящий из раскопок памятника, свидетельствует, что именно на границе III и II тыс. до н. э. протогородской центр пережил свой расцвет. Здесь в значительном объеме возделывались пшеницы и ячмень, а также бобовые. Выращивались садовые и бахчевые культуры. Кроме того зерна пшеницы и ячменя имеют сравнительно крупные размеры и пропорции, характерные для злаков, культивируемых в условиях достаточного влагообеспечения (Sataev, Sataeva 2014: 371–372). Население разводило восемь видов домашних животных, среди которых был и требовательный к кормам крупный рогатый скот (Сатаев, Сатаева 2013: 63–64; Сатаев, 2016: 74–80). Все это может свидетельствовать о том, что функционирование оазиса обеспечивалось достаточным наполнением реки Мургаб.

На окружающей Гонур-депе территории произрастали саксаул (*Haloxylon sp.*), кустарниковые солянки (*Salsola sp.*), джугун (*Calligonum*), тамариск (*Tamarix sp.*), ива (*Salix sp.*), тополь (*Populus sp.*) (Sataev, Sataeva 2014: 371–372). Последние три вида можно отнести к сравнительно влаголюбивым, входящим в состав тугайных лесов. Запасы древесины были более значительными, чем в настоящее время, о чем свидетельствуют мощные зольно-угольные отложения, образованные выбросами из печей и очагов.

В археоботаническом материале (возможно происходящем из навоза животных) с территории Дворца Гонура обнаружены семена горчицы полевой (*Sinapis arvensis*), лапчатки (*Potentilla sp.*), манжетки обыкновенной (*Alchimilla vulgaris*), горошка (*Visia sp.*), незабудки полевой и мелкоцветковой (*Myosotis arvensis*, *M. micrantha*), ясменника (*Asperula sp.*) (Sataev, Sataeva 2014: 371–372). Все эти виды (кроме манжетки, не произрастающей ныне на территории Туркменистана) и в настоящее время встречаются в основном на Копетдаге и Балхане в поймах рек.

Хотя информации о диких животных, обитавших на окружающей территории немного, все же можно говорить, что местная фауна была богаче современной (Сатаев 2016: 174–175).

Таким образом, наши данные позволяют сделать заключение, что климат в период функционирования протогородского центра был вполне благоприятным для развития сельского хозяйства. По-видимому, обстановка, которую можно оценить как экстрааридную, установилась на обсуждаемой территории только к середине II тыс. до н. э., когда к XVII–XV вв. до н. э. основное русло реки Мургаб окончательно сместилось на запад (пересохла прежние рукава и протоки), и территория оазиса пришла в запустение.

Литература

Долуханов 1987 — Долуханов П. М. Палеоэкологические условия на территории Средней Азии в позднем плейстоцене и голоцене // ИБМАИКЦА. 1987. Вып. 12. С. 8–19.

- Левковская, Кирчо 2004 — *Левковская Г. М., Кирчо Л. Б.* К вопросу о палеоэкологии Южного Туркменистана в III тыс. до н. э. (Предварительная палинологическая характеристика отложений Алтын-депе) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита — бронзы). СПб., 2004. С. 87–91.
- Лисицына 1983 — *Лисицына Г. Н.* Становление орошаемого земледелия в Южной Туркмении. Опыт исторического анализа материалов комплексных исследований на юге СССР и Ближнем Востоке. М., 1978.
- Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сатаев 2016 — *Сатаев Р. М.* Животные в культуре Древней Маргианы. М., 2016.
- Сатаев, Сатаева 2013 — *Сатаев Р. М., Сатаева Л. В.* Исторические предпосылки разведения крупного рогатого скота в аридных условиях юга Средней Азии // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2013. № 1 (25). С. 62–65.
- Sataev, Sataeva 2014 — *Sataev R., Sataeva L.* Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan) // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Wiesbaden, 2014. P. 369–372.

НОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАМЕННОГО КОНИЧЕСКОГО СОСУДА ИЗ РАСКОПОК И. Н. ХЛОПИНА В ПАРХАЕ II (ПОГРЕБЕНИЕ 19)

С.-Дж. Симпсон¹

Британский музей, Лондон, Великобритания

A NEW IDENTIFICATION FOR THE CONICAL STONE CONTAINER FROM THE EXCAVATIONS BY IGOR N. KHLOPIN AT PARKHAI II (GRAVE 19)

St John Simpson

The British Museum, London, Great Britain

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-103-105

Ключевые слова: Пархай II, долина Сумбара, Северо-Западный Туркменистан, косметический сосуд.

Keywords: Parkhai II, Sumbar valley, Southwestern Turkmenistan, cosmetic container.

Тщательные раскопки, проведенные И. Н. Хлопиным в Сумбарской долине на юго-западе Туркменистана, имеют решающее значение для понимания культурных связей и носительской хронологии Юго-Западной Центральной Азии, Ирана и Афганистана. В настоящем докладе подвергается пересмотру предмет, обнаруженный возле головы 18-летней женщины, захороненной в III тыс. до н. э. в групповой камере 19 могильника Пархай II (рис. 1, 1). Он представляет собой полый усеченный конус, высотой 70 мм и диаметром 32 мм (рис. 1, 2). Это артефакт описан как алебастровый конический сосудик, но его функция так и не была специально рассмотрена в заключительном отчете И. Н. Хлопина о раскопках некрополя Пархай II (Хлопин 1997: 70, 162, табл. 68, 2).

Похожие объекты были найдены в Мундигаке в Афганистане, и их интерпретировали как ручки для лучковых сверл, использовавшихся при изготовлении бус (Casal 1961: 234, 236, fig. 134, 25; 135, 11, 11b). Эта интерпретация была поддержана и в отношении экземпляров, обнаруженных в Шахри-Сохте на юго-востоке Ирана (Tosi 1969: 373, fig. 41a–d, r–t,

¹ ORCID: 0000-0001-9884-7637; e-mail: ssimpson@britishmuseum.org.

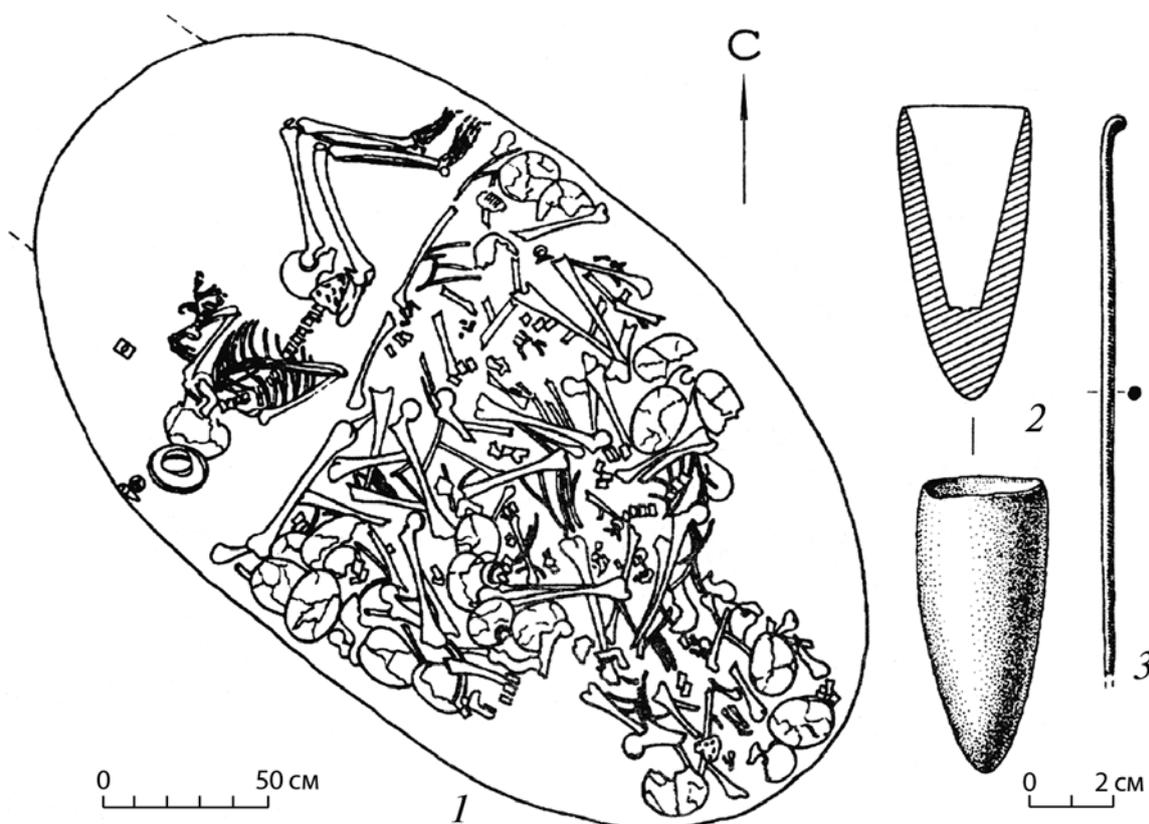

Рис. 1. Пархай II, камера 19, нижний ярус: 1 — план; 2 — конический косметический сосуд (по: Хлопин 1997: табл. 68, 1, 2)

Fig. 1. Parkhai II, Grave 19, lower level: 1 — plan; 2 — conical cosmetic container (after: Хлопин 1997: табл. 68, 1, 2)

237, 254–256; Sajjadi 2003: 81–85, fig. 40, table 8). Другие экземпляры происходят из Фархора и Кантуртгута-2 в Южном Таджикистане (Виноградова, Кутимов 2018: 113, 122, 123, рис. 5, 15, 16), а также из Алтын-депе (Masson 1988: pl. XLI; Kircho 1992: fig. 20, 1), Гонур-депе и Тоголок 21 в Южном Туркменистане, причем глава раскопок на двух последних памятниках определил их как фаллические символы (Сарианиди 1990: табл. LXXX–LXXXII; Sarianidi 2006: 278, fig. 126). Сообщалось о находках таких же артефактов и в районе Джирофта в Юго-Восточном Иране (Madjidzadeh 2003: 146, 205). Эти изделия могут быть связаны с серией медных реплик, выявленных в ходе раскопок на Тепе Гиссар в Северном Иране, которые описываются как «необычные толстые стержневидные “гвозди” с широкими вогнутыми шляпками» (Schmidt 1933: 377, pl. CIVa). Открытие еще одного подобного предмета V тыс. до н. э. на поселении Тепе Загех близ Казвина на севере Ирана позволяет предположить, что данный вид материальных объектов имеет длительную историю (Gnoli et al. 2001: 26, cat. 33).

Существуют различные гипотезы относительно их функционального предназначения. Так, М.-Э. Поттье сообщает, что видела четыре таких изделия в продаже на кабульском базаре, и все они содержали грязный черный осадок (Pottier 1984: 38–39, 98, fig. 37, pl. XXXI, no. 261–264). Два из них были приобретены Лувром, и их содержимое описывается как мелкий черный порошок (Amiet 1977: 99–101, fig. 9). Похожие остатки были также отмечены для образцов, найденных в Мундигаке и Шахри-Сохте, причем анализ показал, что они имели в своем составе свинец (Pottier 1984: 39). С тех пор их обычно интерпретируют как подсвечники, следуя предположению В. И. Сарианиди, который продемонстрировал, как

перфорированные крышки могли удерживать вертикальные фитили (Sarianidi 1986: pl. 49). Более того, другие исследователи сообщают, что некоторые из экземпляров из Шахри-Сохте даже содержали «фитиль ... внутри полости», и, исходя из этого, рассуждали о роли огня и света в верованиях древних иранцев (Jarrige, Hassan 1989: 160). Впрочем, по мнению У. Франке, «можно, однако, утверждать, что без дополнительной поддержки они легко опрокидываются, и что на ободке или корпусе не видно следов их использования и износа» (Franke 2008: 35).

Наиболее вероятным объяснением функционального предназначения рассматриваемых предметов кажется следующее: они попросту были еще одной формой косметического флакона, используемой наряду с более искусно изготовленными сосудами из медного сплава и декорированного хлорита. Выявленный в них темный осадок представляет собой остатки косметики, а отверстие в крышке было предназначено для лопаточки-аппликатора. Такой же вывод был сделан и производителем раскопок в Шахри-Сохте, который назвал эти находки «бутылками», но пришел к выводу, что «они слишком малы», чтобы служить в качестве ламп, и вместо этого «они определенно использовались как емкости для косметических веществ» (Sajjadi 2003: 81). Почти все они изготовлены из прожилкового кальцита и, скорее всего, в Юго-Восточном Иране, где было налажено производство сосудов из этого материала*.

Литература

- Виноградова, Кутимов 2018 — Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М., 2018.
- Сарианиди 1990 — Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Хлопин 1997 — Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997.
- Amiet 1977 — Amiet P. La Bactriane proto-historique // Syria. 1977. Vol. 54. P. 89–121.
- Casal 1961 — Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. Vol. 1–2. Paris, 1961.
- Franke 2008 — Franke U. Prehistory: Beyond Alexander the Great // National Museum Herat — Areia Antiqua through Time. Berlin, 2008. P. 28–37.
- Gnoli et al. 2001 — Gnoli Gh. et al. Antica Persia. I tesori del Museo Nazionale di Tehran e la ricerca italiana in Iran. Rome, 2001.
- Jarrige and Hassan 1989 — Jarrige J.-F., Hassan M. U. Funerary Complexes in Baluchistan at the end of the Third Millennium in the Light of recent Discoveries at Mehrgarh and Quetta // South Asian Archaeology 1985. Riverdale, 1989. P. 150–166.
- Kircho 1992 — Kircho L. The Local Roots of Namazga V Culture // South Asian Archaeology 1989. Madison, 1992. P. 161–166.
- Madjidzadeh 2003 — Madjidzadeh Y. Jiroft: The Earliest Oriental Civilisation. Tehran, 2003.
- Masson 1988 — Masson V. M. Altyn-depe. Philadelphia, 1988.
- Pottier 1984 — Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze. Paris, 1984.
- Sajjadi 2003 — Sajjadi S. M. S. Excavations at Shahr-i Sokhta. First Preliminary Report on the Excavations of the Graveyard 1997–2000 // Iran. 2003. Vol. 41. P. 21–97.
- Sarianidi 1986 — Sarianidi V. I. Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig, 1986.
- Sarianidi 2006 — Sarianidi V. I. A Tsar's Necropolis in the Kara Kum Desert // Art and Archaeology of Afghanistan. Leiden, 2006. P. 95–101.
- Schmidt 1933 — Schmidt E. F. Tepe Hissar Excavations 1931 // The Museum Journal. 1933. No. 23. P. 323–483.
- Tosi 1969 — Tosi M. Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, September–December 1968 // East and West. 1969. Vol. 19. P. 283–386.

* Перевел с англ. В. П. Никонов.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КАМЕННЫХ КОЛОНОК ИЗ ГОНУР-ДЕПЕ (ЮЖНАЯ ТУРКМЕНИЯ)¹

*Н. Н. Скакун², **В. В. Терехина³

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

**Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

TYPOLOGICAL CLASSIFICATION OF STONE COLUMNS FROM GONUR-DEPE (SOUTHERN TURKMENISTAN)

*Natalia N. Skakun, **Vera V. Terekhina

*Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

**Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-106-109

Ключевые слова: Гонур-депе, Южная Туркмения, эпоха бронзы, каменные колонки, типология.

Keywords: Gonur-Depe, Southern Turkmenistan, Bronze Age, stone columns, typology.

Среди разнообразных каменных изделий, известных по материалам памятников эпохи бронзы южных областей Средней Азии, Ирана, Афганистана и Пакистана, выделяются колонки, посохи и диски, мастерски изготовленные из различных пород мягкого камня (Массон 1981; Сарияниди 1990; 2002; Schmidt 1937; Pottier 1984; Amiet 1986; Dales 1972; 1976; Boroffka, Sava 1998 и др.).

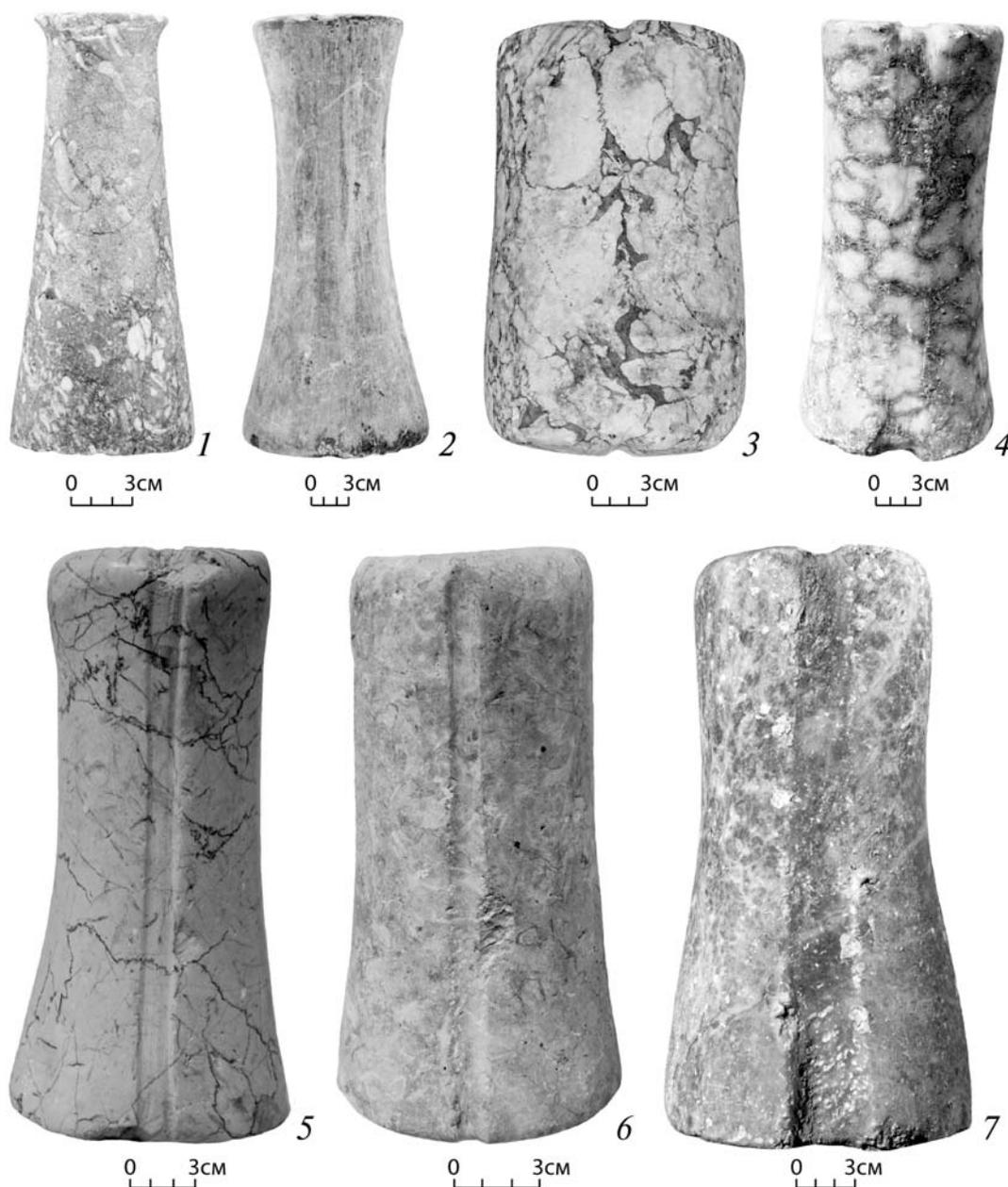
Многие из них происходят из разрушенных археологических объектов, но находки других в погребальных комплексах и культовых помещениях *in situ*, как, например, в «святилище» поселения Алтын-депе в Туркмении, свидетельствуют об их сакральном характере (Массон 1981). К сожалению, до сих пор типологическая классификация этих предметов не разработана, несмотря на их уникальность, широкую известность, публикацию их изображений в статьях и монографических изданиях. Это обстоятельство существенно затрудняет проведение объективного сравнительного анализа данных артефактов из разных археологических объектов.

Одной из задач комплексных исследований богатейшей коллекции колонок, посохов и дисков, обнаруженных в ходе раскопок поселения Гонур-депе в Южной Туркмении (Сарияниди 1990; 2002) является их типологический анализ. Так, на основе всесторонней морфологической характеристики колонок составлена подробная классификация (35 экз.) (Skakun, Terekhina 2020; Terekhina, Skakun 2021). В тип-листе учитываются форма, пропорции (соотношение высоты колонки и диаметров оснований), расположение канавок-желобов (на основаниях и тулове), оформление верхнего основания, а также вес. Исследованные колонки, формой тулова напоминающие шахматную ладью, разделяются на усеченно-конические, среди которых имеются также экземпляры со шляпковидным верхним основанием (рис. 1, 1), биконические (рис. 1, 2), цилиндрические (рис. 1, 3); выделяются также изделия переходной формы от цилиндрических к биконическим — подцилиндрические (рис. 1, 4). Высота

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082.

² ORCID: 0000-0003-0579-3022; e-mail: skakunnatalia@yandex.ru.

³ ORCID: 0000-0002-7065-8284; e-mail: terehinavera@mail.ru.

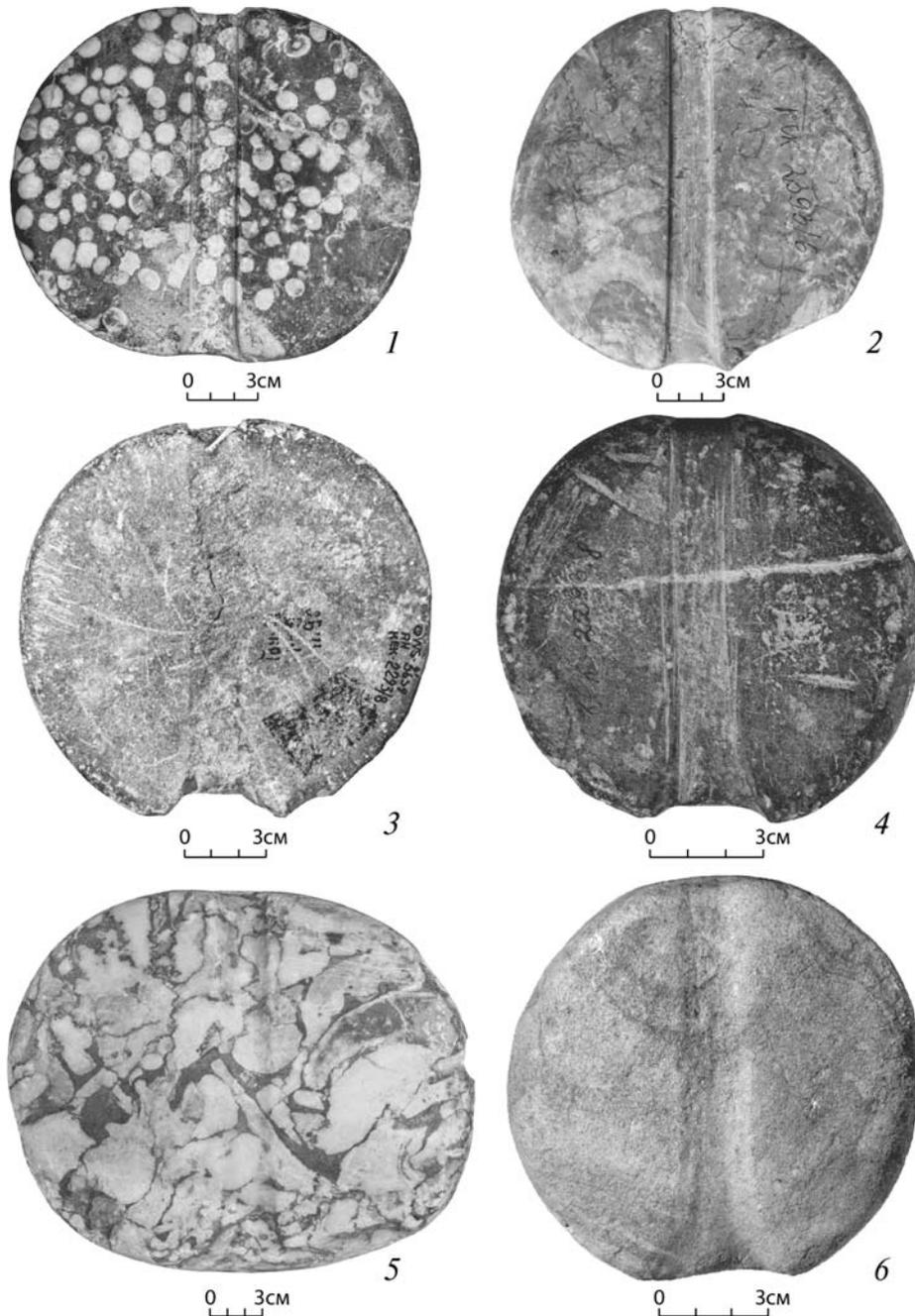

Рис. 1. Типы колонок из Гонур-депе: 1 — усеченно-коническая; 2 — биконическая; 3 — цилиндрическая; 4 — подцилиндрическая; 5–7 — типы желобов на тулове колонок из Гонур-депе (5 — узкий с П-образным профилем; 6 — узкий с U-образным профилем; 7 — широкий с П-образным профилем)

Fig. 1. Types of columns from Gonur-Depe: 1 — truncated-conical; 2 — biconical; 3 — cylindrical; 4 — sub-cylindrical; 5–7 — types of grooves on bodies of columns from Gonur-Depe (5 — narrow groove with П-shaped profile; 6 — narrow groove with U-shaped profile; 7 — wide groove with П-shaped profile)

колонок варьируется от 16 до 37 см. Основания — плоские, реже — слегка выпуклые, диаметр верхнего, как правило, меньше нижнего. Одной из значимых деталей большинства колонок являются углубленные канавки-желобки, расположенные на основаниях и тулове. Они имеют разную ширину, П-образный или U-образный профили (рис. 1, 5–7; 2). При этом у одних предметов концы желобков нижнего и верхнего оснований, проведенных по их диаметру параллельно друг другу, соединяются двумя желобками, проходящими по всей высоте тулова, у других — желобки оснований соединены желобком тулова только с одного

конца, а с другого вместо желобка имеется хорошо выраженная пролощенная или выпуклая вертикальная полоса. Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии жесткой связи между вариабельностью размеров колонок, местоположением канавок-желобков и разными формами предметов.

Рис. 2. Типы желобов на верхнем и нижнем основаниях колонок из Гонур-депе: 1, 2 — с П-образным профилем и одинаковыми концами; 3, 4 — с П-образным профилем и глубоким трапециевидным оформлением на одном конце; 5, 6 — с U-образным профилем и глубоким трапециевидным оформлением на одном конце

Fig. 2. Main types of grooves on upper and lower bases of columns from Gonur-Depe: 1, 2 — with П-shaped profile and identical ends; 3, 4 — with П-shaped profile and deep trapezoidal extension at one end; 5, 6 — with U-shaped profile and deep trapezoidal extension at one end

Дальнейшие исследования, составление тип-листов для посохов и дисков явится основой для сравнения каменных культовых изделий Гонур-депе с материалами синхронных памятников, расположенных на территории Великого Хорасана. Эти разработки позволят четче охарактеризовать хронологические и культурно-территориальные особенности этих предметов, а также, возможно, определить места их изготовления.

Литература

- Массон 1981 — Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981 (ТЮТАКЭ. Т. 18).
- Сарианиди 1990 — Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди 2002 — Сарианиди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Amiet 1986 — Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris, 1986.
- Boroffka, Sava 1998 — Boroffka N., Sava E. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens // AMIT. 1998. Bd. 30. S. 17–113.
- Dales 1972 — Dales G. F. Prehistoric research in South Afghan Seistan // Afghanistan. 1972. No. 4. P. 14–40.
- Dales 1977 — Dales G. F. Shifting trade patterns between the Iranian Plateau and the Indus Valley in the third millennium B.C. // Le Plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique: leurs relations à la lumière des documents archéologiques: [Actes du colloque,] Paris, 22–24 mars 1976. Paris, 1977. P. 67–78.
- Pottier 1984 — Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du bronze. Paris, 1984.
- Terekhina, Skakun 2021 — Terekhina V. V., Skakun N. N. The Significance of Stone Processing in the Bronze Age (Based on Materials from Gonur Depe, Southern Turkmenistan) // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2019. Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham, 2021. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-48864-2_10 (date of access: 16.10.2020).
- Skakun, Terekhina 2020 — Skakun N., Terekhina V. Manufacturing technology of stone «columns» from the Bronze Age site Gonur Depe (Southern Turkmenistan) // Journal of Lithic Studies (in print).
- Schmidt 1937 — Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937 (Publications of the Iranian Section of the University Museum).

«ТУМБЫ» И ПЕЧИ ЙЫЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ¹

Н. Ф. Соловьева², Е. К. Блохин³

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

«CUPBOARDS» AND OVENS OF ILGYNLY-DEPE

Natal'ya F. Solov'yova, Egor K. Blokhin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-109-116

Ключевые слова: Южный Туркменистан, энеолит, Йылгынлы-депе, архитектура, обряд.

Keywords: South Turkmenistan, Eneolithic, Ilgynly-Depe, architecture, ritual.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² ORCID: 0000-0003-3664-5890; e-mail: nfs56@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0002-8190-7741; jegor.blochin@gmail.com.

Уже почти 25 полевых сезонов проводятся раскопки многослойного раннеземледельческого поселения Йылгынлы-депе в подгорной полосе Копетдага (Соловьева 2019: 148). Велись они с разной интенсивностью и масштабностью — от осторожных проверочных небольших зачинок до огромных по площади планиграфических раскопов, количество и расположение которых менялись со временем. И на протяжении всех сезонов неизменными оставались исследования на стратиграфическом раскопе 3, продолжающиеся и в настоящее время.

Во всех раскопах вскрыты архитектурные остатки одного или двух строительных горизонтов с керамикой ялангачского и раннегеоксюрского типа. И только на раскопе 3 была изучена вся свита культурных напластований: шесть строительных горизонтов, включавших остатки сырцово-архитектуры — периода развитого энеолита (Намазга II) и начато исследование слоев предыдущего периода раннего энеолита (Намазга I).

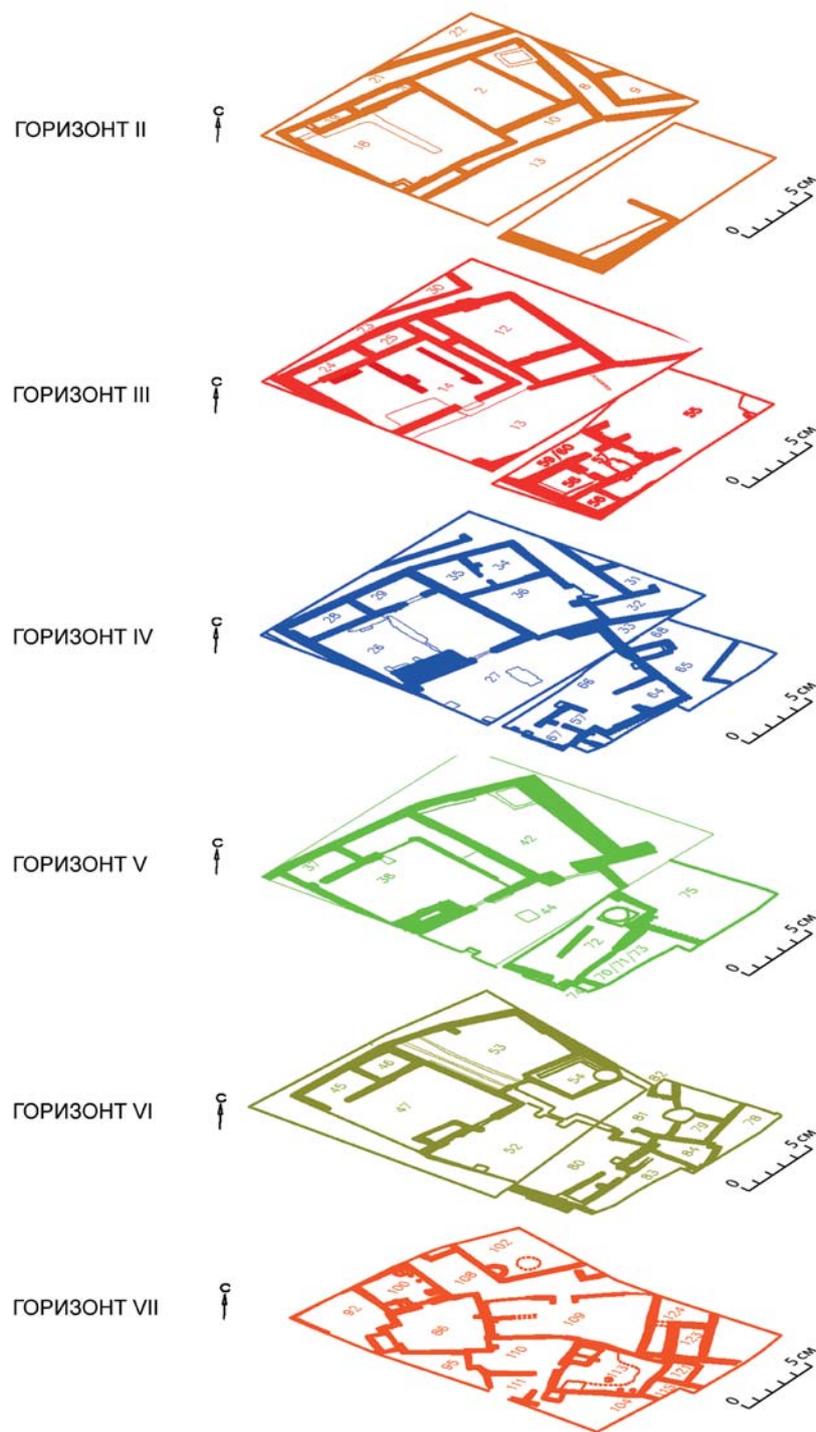
Яркой отличительной особенностью архитектуры Йылгынлы-депе периода развитого энеолита стали культовые комплексы (Соловьева 2005: 5–12), а периода раннего энеолита — мастерская по изготовлению мелкой глиняной пластики (Соловьева 2018: 249–262) (рис. 1).

Когда на раскопе 3 была открыта мастерская строительного горизонта VII, авторы раскопок сразу обратили внимание на то, что несмотря на разное назначение помещений, планировка комнат с печами для обжига (100/VII-3 и 113/VII-3) имела очень много общего с планировкой «святилищ». Это особенно интересно, поскольку мастерская расположена прямо под пирамидой ритуальных строений, которые на протяжении пяти строительных горизонтов возводились одно над другим на том же самом месте (Соловьева 2018: 249). Одному из авторов уже удалось разработать отличительные признаки культовых комплексов (Соловьева 2005: 6–10). Как оказалось, большая часть этих признаков присутствует и в комнатах с печами — мастерской строительного горизонта VII (рис. 2).

Прежде всего обращали на себя внимание такая же, как в «святилищах», особо тщательная отделка интерьера и расположение отдельных предметов внутри помещения. И здесь мы подходим к главному: загадочная прямоугольная сырцовая конструкция с рельефным и цветовым декором, стоявшая в ближнем левом углу «святилищ» VI — начала II строительных горизонтов, названная (за неимением лучшего обозначения) авторами раскопок «тумбой», размерами, формой и декором повторяет расположенные на этом же месте в комнатах мастерской печи.

Сооружение, названное «тумбой», в одной из ранних статей, посвященных культовым комплексам Йылгынлы-депе, охарактеризовано следующим образом: «глухая камера, заполненная обломками сырца и керамикой. Не исключено, что стены тумбы не достигали потолка помещения и постепенно наращивались по мере заполнения этого своеобразного “мусорного ящика”» (Березкин, Соловьева 1998: 87). Вместе с тем встречена, по крайней мере, одна «тумба», которая целиком состояла из мусора (в комплексе 14/III-3), обмазанного с внешней стороны штукатуркой. Ближняя к входу торцовая стена «тумбы» в комплексе 47/VI-3 была сформована из слоев мягкой глины и фрагментов крупных тарных сосудов, а смонтированный в третий снизу ряд кирпичей передней стены целый кухонный горшок несколько не пострадал. Ясно, что обе эти «тумбы» не могли служить опорой перекрытия, равно как не могли быть и очень высокими (например, достигать потолка комнаты): в противном случае горшок в основании не выдержал бы тяжести кладки (Соловьева 2011: 115).

Анализ заполнения «тумб», регулярность кладки их стен и порядок нанесения слоев штукатурки отвергают возможность существования этого сооружения в качестве «открытого мусорного ящика», стены которого наращивались по мере его заполнения. Вероятнее всего, «тумбы» с намеренно поставленными внутрь тарными сосудами (в комплексах 47/VI-3 и 38/V-3), или положенными туда терракотовыми фигурками (в комплексах 26/IV-3 и 15,19/III-4), или фрагментами крупных сосудов, или разбитыми и компактно сложенными тонкостенными сосудами (в комплексах 26/IV-3, 58/IV-5, 10/IV,III-5 и 26/IV,III-5) были закрыты сверху еще во время отделки интерьеров парадных помещений.

Рис. 1. Йылгынлы-депе, раскоп 3, «свита» исследованных культурных напластований
Fig. 1. Ilyynly-Depe, excavation area 3, «suite» of investigated cultural layers

Если считать «тумбы» сооружениями, закрытыми сверху еще при строительстве комплексов (столы предложений? подиумы?), то все содержимое их заполнения должно было быть принесено туда в самом начале строительства (в качестве закладной жертвы, определяющей «свое» пространство?).

«Тумбы» в ранних комплексах горизонтов VI, V и IV, независимо от их величины, имели специфический рельефно-цветовой декор. О наличии декора можно судить, даже

Рис. 2. Ыылгынлы-депе, раскоп 3: 1 — общий вид парадного помещения культового комплекса 26.3 горизонта IV; 2 — помещение 100 горизонта VII

Fig. 2. Ilgynly-Depe, excavation area 3: 1 — general view of Parade room of Cult complex 26.3, Horizon IV; 2 — Room 100, Horizon VII

если штукатурка на тумбе сохранилась всего лишь на 10–15 см от пола. Примерно на такой высоте тумбы во всех комплексах VI, V и IV горизонтов имели рельефное декоративное горизонтальное ребро со скосом внутрь. Поверхность тумбы от пола до ребра была выкрашена в черный цвет. На фасаде тумбы выше ребра были вылеплены два миниатюрных пилястра — ближний к входу треугольный в сечении, дальний — прямоугольный. На хорошо сохранившихся тумбах вертикальные пилястры соединены дугообразным налетом (рис. 3).

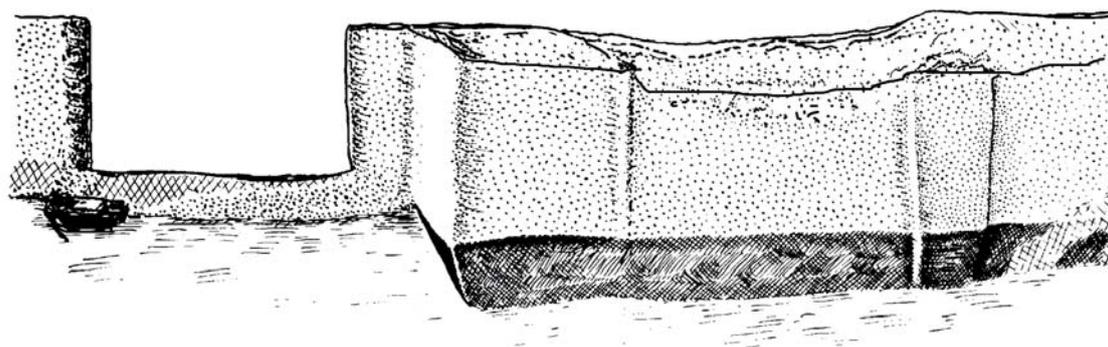

Рис. 3. Йылгынлы-депе, раскоп 3, «тумба» в помещении 38.3 горизонта V: 1 — фотография; 2 — рисунок

Fig. 3. Ilgynly-Depe, excavation area 3, «cupboard» in Room 38.3, Horizon V: 1 — photo; 2 — drawing

Нестандартное заполнение конструкции, вмурованный в основание «тумбы» «святителя» 47/VI-3 кухонный горшок, специфический рельефно-цветовой декор передней стены «тумбы» практически всех «святилищ» горизонтов VI–IV свидетельствуют о высокой семиотической значимости конструкции. Окончательного ответа на вопрос о функциональном назначении «тумб» не получено.

Обратимся теперь к описанию печей для обжига, обнаруженных в мастерской горизонта VII. Напомним, что комнаты, в которых находились эти печи, обладают большинством отличительных признаков «святилищ» Йылгынлы-депе периода развитого энеолита (рис. 4). Двухкамерная печь для обжига поделок находилась слева от входа внутри комнаты 100/VII-3, вплотную к стенам — т. е. на том же месте, где позднее располагались «тумбы». Части указанных стен служили задней и правой торцевой стенами самой печи (специально для печи были сложены лишь фасад и левая торцевая стена). На фасаде и левой торцевой поверхности печи сохранились следы черной краски. Фасад был украшен двумя наклепными, выкрашенными в белый цвет фигурными деталями: ближе к левому углу был вылеплен прямоугольный в сечении, сужающийся в середине пилястр высотой около 30 см с небольшим валикообразным перехватом. По центру фасада находился еще один пилястр сложной конструкции: он состоял из трех выкрашенных в белый цвет деталей в виде полуцилиндров разной высоты, плотно стоящих друг на друге. Края всех трех деталей скруглены таким образом, что создается зрительное восприятие всей конструкции как антропоморфного существа. Справа и слева от этого пилястра на фасаде печи сделаны два печных устья, под которыми поперек фасада вылеплены (по одному с каждой стороны от пилястра) и покрыты белой краской два горизонтальных выпуклых валика ладьевидной формы. Валики зрительно воспринимаются как единое целое с центральным пилястром, это впечатление усиливает белый цвет на фоне черного фасада.

Вторая двухкамерная печь также располагалась слева от входа в комнату 113/VII-3. Конструкция и детали украшения фасада печи аналогичны печи в помещении 100/VII-3. Все стенки печи тщательно оштукатурены и выкрашены так же, как и стены комнаты: тонкий черный плинтус прямо у пола, выше — белый цвет. Фасад печи украшен наклепными рельефными деталями: примерно по центру сделан пилястр аналогичный центральному пилястру на печи в помещении 100/VII-3 из трех полуцилиндров разной высоты со скругленными концами, плотно стоящих друг на друге и выкрашенных в белый цвет. Ближе к левому углу на фасаде вылеплен узкий тонкий прямоугольный в сечении пилястр, сужающийся книзу и не достигающий рельефного ребра плинтуса. Пилястры соединены горизонтальным ладьевидным валиком, расположенным прямо под устьем топки. На валиках и пилястрах отчетливо видны следы белой краски.

Из приведенных выше описаний «тумб» и печей очевидно, что «тумбы» «заместили» печи, утратив полностью их функциональную нагрузку, но, вероятнее всего, сохранив семантическую, чем объясняется наличие нефункционального пространства внутри и сложный рельефно-цветовой декор на фасадах, аналогичный таковому на печах.

Однако ни раскрыть смысловую нагрузку декора, ни объяснить, почему у архитектурного элемента полностью меняется функция в утилитарном плане, но сохраняются отдельные конструктивные особенности и семантическая нагрузка, методами археологии не представляется возможным.

Отметим лишь, что анализ орудий труда, найденных в культовых комплексах Йылгынлы-депе, показал, что каждое «святилище» было связано с определенным видом деятельности. Такая нерасчлененность сакрального и обыденного подтверждает тезис о том, что ритуал составлял основу жизни общества и пронизывал все сферы деятельности человека (Березкин, Соловьева 1996: 117). Соответственно, мы имеем все основания предположить, что комнаты, где происходило «таинство превращения глиняной поделки в терракоту» через обжиг в печи, могли быть почти столь же сакральным местом, как и культовые

Рис. 4. Йылгынлы-депе, раскоп 3, горизонт VII, печи: 1 — в помещении 100; 2 — в помещении 113
 Рис. 4. Ilgynly-Depe, excavation area 3, Horizon VII, ovens: 1 — in Room 100; 2 — in Room 113

комплексы, — не говоря уже о самих печах! Именно поэтому в оформление внутреннего пространства помещений и декорирование печей вкладывался особый смысл, а сам обжиг, вероятно, сопровождался каким-то ритуалом. Представляется вполне вероятным, что позднее, когда потомки работавших в мастерской ремесленников строили «святотилища», обряды требовали наличия в них конструкции, которая семантически замещала печь. Эту миссию и выполняли «тумбы».

Литература

- Березкин, Соловьева 1996 — Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф. Символы власти в акефальном обществе // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 102–118.
- Березкин, Соловьева 1998 — Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.
- Соловьева 2005 — Соловьева Н. Ф. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
- Соловьева 2011 — Соловьева Н. Ф. Исследования поселения Илгынлы-депе // Памятники истории и культуры Туркменистана: научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости. Ашхабад, 2011. С. 101–119.
- Соловьева 2018 — Соловьева Н. Ф. Исследования мастерской по изготовлению мелкой пластики на поселении Йылгынлы-депе в Туркменистане // БИИМК. № 8. С. 248–62.
- Соловьева 2019 — Соловьева Н. Ф. Обжигательные печи Йылгынлы-депе периода раннего энеолита // ЗИИМК. 2019. № 20. С. 147–162.

СИММЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ОРНАМЕНТОВ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Е. Г. Старкова¹

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

SYMMETRIC ANALYSIS AS ONE OF THE METHODS TO STUDY ANCIENT CERAMIC ORNAMENTS

Elena G. Starkova

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-116-119

Ключевые слова: трипольская культура, орнаменты, симметрия, бордюры, розетки, циклические композиции, диэдральные композиции.

Key words: Tripolye culture, ornaments, symmetry, friezes, rosettes, circular compositions, dihedral compositions.

Орнаменты являются одним из наиболее ярких культурных и хронологических маркеров в археологии и этнографии. Помимо традиционных подходов к изучению древних орнаментов, посвященных семантике отдельных элементов и мотивов, а также вопросам построения композиции и «технических» деталей, существует направление, связанное с анализом симметрии в орнаментальных композициях.

¹ ORCID: 0000-0002-1773-1737; e-mail: astarkova2012@yandex.ru

В основе данного исследования лежат базовые работы по симметрии кристаллографов и математиков (Шубников, Копцик 1972; Яблан 2006). Принципы симметрии учитывались при описании этнографических материалов, предметов декоративно-прикладного искусства «скифо-сибирского звериного стиля», керамики энеолита Туркмении и андроновской культуры (Кирчо 1999; Рудковский 2013 и др.).

Начало изучению орнаментов керамики на основе симметрического анализа положила А. Шепард (Shepard 1948). Наиболее результативными разработками в этом направлении являются исследования декора на керамике и текстиле индейцев Центральной и Южной Америки Дороти Уошберн и Дональда Кроу, которыми было установлено, что изменение соотношения типов симметрии связано с перемещением групп населения, изменением их состава, и, соответственно, изменением социальных, экономических и культурных структур в обществе. Таким образом, предпочтение определенных видов симметрии является важным элементом культурной идентичности (Crowe, Washburn 2004; Washburn 2018).

Все построения на плоскости ограничиваются четырьмя вариантами движения: перемещение, двойное вращение, зеркальное отражение, скользящее отражение; на их основе выделено семь типов одномерных орнаментов-бордюров, обозначенных буквенно-цифровыми индексами, изначально принятыми в кристаллографии: $p111$, $p112$, $pm11$, $plg1$, $plm1$, $pmg2$, $pmm2$.

Орнамент в круге или многоугольнике — розетка — строится с применением симметрии вращения и зеркальной симметрии. Розетки могут быть с циклическими композициями C_n (n — порядок вращений) и диэдральными — D_n , где совмещаются симметрия вращения и зеркальная.

Анализ симметрии впервые был применен к орнаментам на керамике трипольской культуры. За основу исследования взяты материалы трипольских памятников начала позднего периода СІ — Попудня, Шипинцы, Каневской локальной группы и финального этапа СІІ — Выхватинцы.

Установлено, что в комплексах этапа СІ присутствует 6 типов симметрии бордюров с преобладанием зеркальной симметрии и симметрии вращения (рис. 1, 1). Среди розеток преобладают циклические композиции (рис. 1, 2). На финальном этапе СІІ значительно увеличивается доля композиций без симметрии и схем с вертикальной зеркальной симметрией. В розетках диэдральные схемы полностью замещают циклические (рис. 1, 3).

Полученные результаты могут свидетельствовать об однородности состава трипольского населения в разных частях ареала, несмотря на определенные локальные различия. Значительная разница в соотношении типов симметрии на финальном этапе может свидетельствовать о кардинальных изменениях в социальной и духовной сфере трипольского общества.

Изучение орнаментальных схем с точки зрения типов симметрии никоим образом не исключает традиционного рассмотрения декора с подробным описанием элементов, мотивов и композиций. Симметрический анализ может быть важным дополнением при комплексном изучении культуры, но такое исследование требует охвата большого количества материала, создания базы данных орнаментов с территориально и хронологически разных комплексов, что может способствовать выявлению не только внутрикультурных взаимосвязей, но и изменений в составе населения и социальных структурах, происходивших на разных временных этапах.

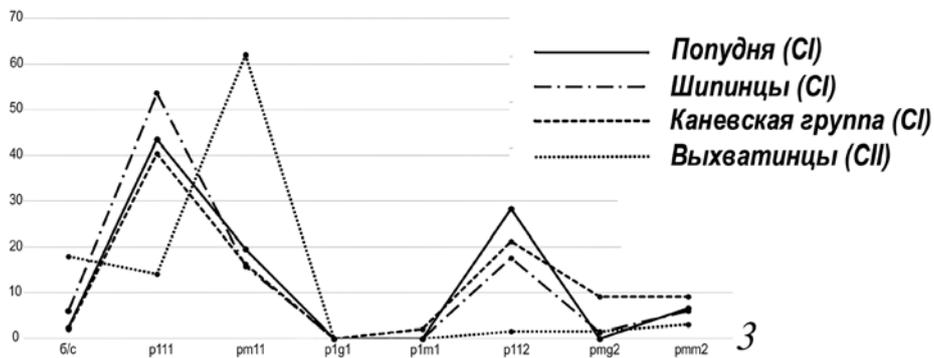
Литература

Кирчо 1999 — Кирчо Л. Б. К изучению позднего энеолита Южного Турменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе). СПб., 1999 (АИ. Вып. 60).

Бордюры

Розетки

Циклические композиции (Cn)		
Диэдральные композиции (Dn)		

Рис. 1. Симметрия в орнаментах трипольской культуры: 1 — симметрия бордюров; 2 — циклические и диэдральные композиции-розетки; 3 — процентное соотношение типов симметрий бордюров на трипольских памятниках Попудня, Шипинцы, Каневская группа, Выхватинцы

Fig. 1. Symmetry in the ornaments of the Tripolye culture: 1 — symmetry of friezes; 2 — cyclical and dihedral compositions-rosettes; 3 — the percentage of the types of symmetries of friezes in Tripolye sites of Popudnya, Shipintsy, Kanev group, Vykhatintsy

- Рудковский 2013 — *Рудковский И. В.* Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы, 2013.
- Шубников, Копцик 1972 — *Шубников А. В., Копцик В. А.* Симметрия в науке и искусстве. М., 1972.
- Яблан 2006 — *Яблан С.* Симметрия, орнамент, модулярность. М.; Ижевск, 2006.
- Shepard 1948 — *Shepard A. O.* The symmetry of abstract design, with specific reference to ceramic decoration. Washington, 1948 (Carnegie Institution of Washington Publication 574).
- Washburn, Crowe 2004 — *Washburn D. K., Crowe D. W.* (ed.). Symmetry Comes of Age. The Role of Pattern in Culture. Seattle; London, 1988.
- Washburn 2018 — *Washburn D. K.* Cognitive archaeology: a symmetry/symmetry-breaking model for the analysis of societies // *Time and Mind*. 2018. Vol. 11/2. P. 121–161.

СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ В ПЕТРОГЛИФАХ САЙМАЛЫ-ТАША

К. И. Ташбаева¹

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан

SUBJECT LINES IN THE PETROGLYPHS OF SAIMALY-TASH

Kadicha I. Tashbaeva

Begimaly Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-119-121

Ключевые слова: Саймалы-Таш, наскальные рисунки, петроглифы, репертуар изображений, колесницы, солярные знаки, ритуальные танцы, сцены охоты, культ плодородия, культ гор.

Keywords: Saimaly-Tash, rock paintings, petroglyphs, image repertoire, chariots, solar signs, ritual dances, hunting scenes, fertility cult, cult of mountains.

Скопление наскальных рисунков Саймалы-Таш — самое крупное не только в Кыргызстане и Центральной Азии, но и во всем мире. Оно представляет собой громадную каменную россыпь, где примерно на 10 тысячах валунов нанесены изображения, причем многих — несколько, даже десятки. Саймалы-Ташу нет равных как по количеству изображений, так и по их сюжетному разнообразию. Даже поверхностное знакомство с этими наскальными изображениями поражает обширностью их тематики.

В целом, петроглифы Саймалы-Таша можно подразделить на четыре крупных блока: изображения людей, изображения животных, тематические изображения и блок разных схем, планов, знаков и т. д. Немало рисунков пока не поддается распознаванию.

Первый блок составляют изображения людей, которых во все времена изображали почти одинаково — рисунки не отличаются реалистичностью. Этот блок можно подразделить на несколько групп: одиночные изображения, изображения групп людей, всадников и др.

Второй блок — изображения различных животных; его, в свою очередь, также можно подразделить на несколько блоков: изображения одиночных животных, групп животных, верениц животных, сцен охоты хищников на травоядных, изображения пресмыкающихся (змей), изображения животных, нехарактерных для фауны Кыргызстана и Центральной

¹ ORCID: 0000-0001-5913-9929: kadichaty@gmail.com.

Азии и др. Изображены различные виды животных, поодиночке или группами, иногда среди горных троп и речек, иногда — в действии (погоня или охота). Различны формы рогов парнокопытных, что свидетельствуют о передаче древним художником разных их видов. Из хищников распознаются волки, барсы, лисицы, медведь, кабаны и др. Изображения животных дают представление о фауне древней Центральной Азии, а их стиль отражает развитие художественного творчества и мифологического сознания людей на протяжении нескольких тысяч лет.

Третий блок — тематические рисунки — состоит из композиций, объединенных какой-либо темой. Часто их сюжеты полисемантны.

1. Наиболее интересная группа — изображения колесниц. На Саймалы-Таше около сотни таких изображений, тогда как в других скоплениях наскальных рисунков можно обнаружить одну, две, три — очень редко несколько колесниц. Бесспорно, это изображения ритуальной езды или гонок на колесницах, но не сцены пахоты.

2. Символы солярного культа. Это многочисленные геометрические фигуры, а также более сложные сюжеты в виде животных или человека, несущих солнце, или «солнцеголовых» фигур людей, а также сцены поклонения солнечным божествам.

3. Интересна группа, изображающая исполнение каких-то обрядов, шаманских ритуальных танцев, охотничьих магических действий.

4. Многочисленные сцены охоты изображают одиночную или групповую охоту лучников на козлов, оленей. Иногда охотники снабжены дубинами или палицевидными предметами. Сцены охоты изображались и в эпоху ранней бронзы, и в эпоху ранних кочевников, и в тюркское время. Конечно, часть рисунков являлась собственно магическими действиями перед самой охотой для успешного его завершения и добычи пропитания.

5. Сюжеты, связанные с культом плодородия. Значительная часть животных и людей представлена в коитусной позе. С идеей плодородия связан и фаллический культ, также широко представленный в Саймалы-Таше. Имеется сюжет, связанный с обрядовым действием фаллического культа.

6. Изображения эротических сцен: сцены соития пар, иногда группы людей, иногда соития людей с животными. Есть сцены «священного брака», иногда в сопровождении символов плодородия — козла или других животных. Эти сюжеты связаны с идеей плодородия и размножения.

7. Батальные сцены. Имеются сюжеты, где пары антропоморфов противостоят друг другу в позе боксирующих; где группы людей выпускают друг в друга стрелы, бьют палицами, дубинами и т. д.

8. Мифологические сюжеты — семь козлов в круге, олень с пронзенным акинаком головой, лабиринты и т. д.

9. Сюжеты, связанные с культом гор. Есть немало рисунков, где изображены одна, две или три зигзагообразные линии. Скорее всего, это изображения гор. Само расположение наскальных рисунков Саймалы-Таша высоко в горах, в труднодоступном и уединенном месте, в сложных климатических условиях, является одним из проявлений этого культа.

Четвертый блок включает множество разных схем, планов, знаков и т. д. Его тоже можно подразделить на несколько групп.

1. Изображения жилищ или стойбищ в виде планов, иногда с людьми и животными рядом.

2. Изображения, где между зигзагообразными линиями расположены разные животные, а иногда и антропоморфы. Скорее всего, это изображения гор, горных речек и троп, где обитают животные и люди, т. е. микроландшафта местности. Этот блок тесно связан с культом гор.

3. Изображения еще не распознанных сюжетов. Присутствует много различных сюжетов, пока не поддающихся интерпретации, а также рисунков в виде каких-то геометрических фигур, линий разных форм и т. п.

Саймалы-Таш — интереснейший памятник, отражающий не только развитие художественного творчества, но и уровень духовной культуры и религиозных воззрений племен охотников и скотоводов, населявших Кыргызстан (и в целом Центральную Азию), почитавших горы, природу, солярно-космические образы и поклонявшихся своим тотемам и божествам. Несомненно, многие рисунки полисемантически. Петроглифы Саймалы-Таша свидетельствуют о богатой и развитой духовной культуре древнего населения региона, о сложности и многогранности его мировоззрения и мироощущения.

РИСУНКИ И ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ ИЗ ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН): ТЕХНИКА НАНЕСЕНИЯ, ИКОНОГРАФИЯ, СЕМАНТИКА¹

* А. В. Фрибус², ** С. П. Грушин³, *** Р. М. Сатаев⁴, *** Н. А. Дубова⁵

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

**Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

***Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

DRAWINGS AND SIGNS ON THE CERAMICS FROM GONUR-DEPE (TURKMENISTAN): APPLICATION TECHNIQUE, ICONOGRAPHY, SEMANTICS

*Aleksei V. Fribus, **Sergei P. Grushin, ***Robert M. Sataev, ***Nadezhda A. Dubova

*Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**Altai State University, Barnaul, Russia

***Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-121-124

Ключевые слова: эпоха бронзы, изображения на керамике, Средняя Азия, БМАК, древнее искусство, ритуал.

Keywords: Bronze Age, images on ceramics, Central Asia, BMAK, ancient art, ritual.

Керамика на Гонур-депе, одном из наиболее крупных и хорошо изученных протогородских центров БМАК, является одной из главных категорий массовых источников. Огромная коллекция фрагментов и целых сосудов происходит как из культурного слоя, так и из многочисленных погребений. Большая часть гонурской посуды представлена высококачественными сосудами, изготовленными на гончарном круге, однако присутствует и так называемая кухонная керамика ручной лепки, иногда с подправкой на круге. Характерная черта керамики БМАК — полное отсутствие орнамента. Лишь изредка встречаются экземпляры, на которых присутствуют сетка или полосы, нанесенные минеральными красителями.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40082.

² ORCID: 0000-0003-3208-0319; e-mail: fribus@list.ru.

³ ORCID: 0000-0002-5404-6632; e-mail: gsp142@mail.ru.

⁴ ORCID: 0000-0001-9980-3345; e-mail: rob-sataev@mail.ru.

⁵ ORCID: 0000-0002-4340-1037; e-mail: dubova_n@mail.ru.

В этой связи особый интерес вызывают целые сосуды и отдельные фрагменты с нанесенными на них изображениями.

Коллекция целых гонурских сосудов и керамических фрагментов с изображениями насчитывает на сегодняшний день несколько сотен экземпляров, большая часть которых хранится в Историко-краеведческом музее Марыйского ваяята (Туркменистан). Ежегодно эта коллекция пополняется новыми, в том числе редкими и уникальными находками (рис. 1). На фоне яркого и разнопланового искусства БМАК, наполненного свидетельствами контактов с высокими цивилизациями Старого Света, изображения на керамике часто отступали на второй план, публиковались лишь наиболее интересные и выразительные находки (Сарианиди 2002: 98–99; 2008: рис. 166 и др.). Тем не менее, такие изображения являются важным самобытным источником, заслуживающим специального исследования, тем более что аналогии им известны лишь на территории Ирана (Lamberg-Karlovsky, Potts 2001: 133).

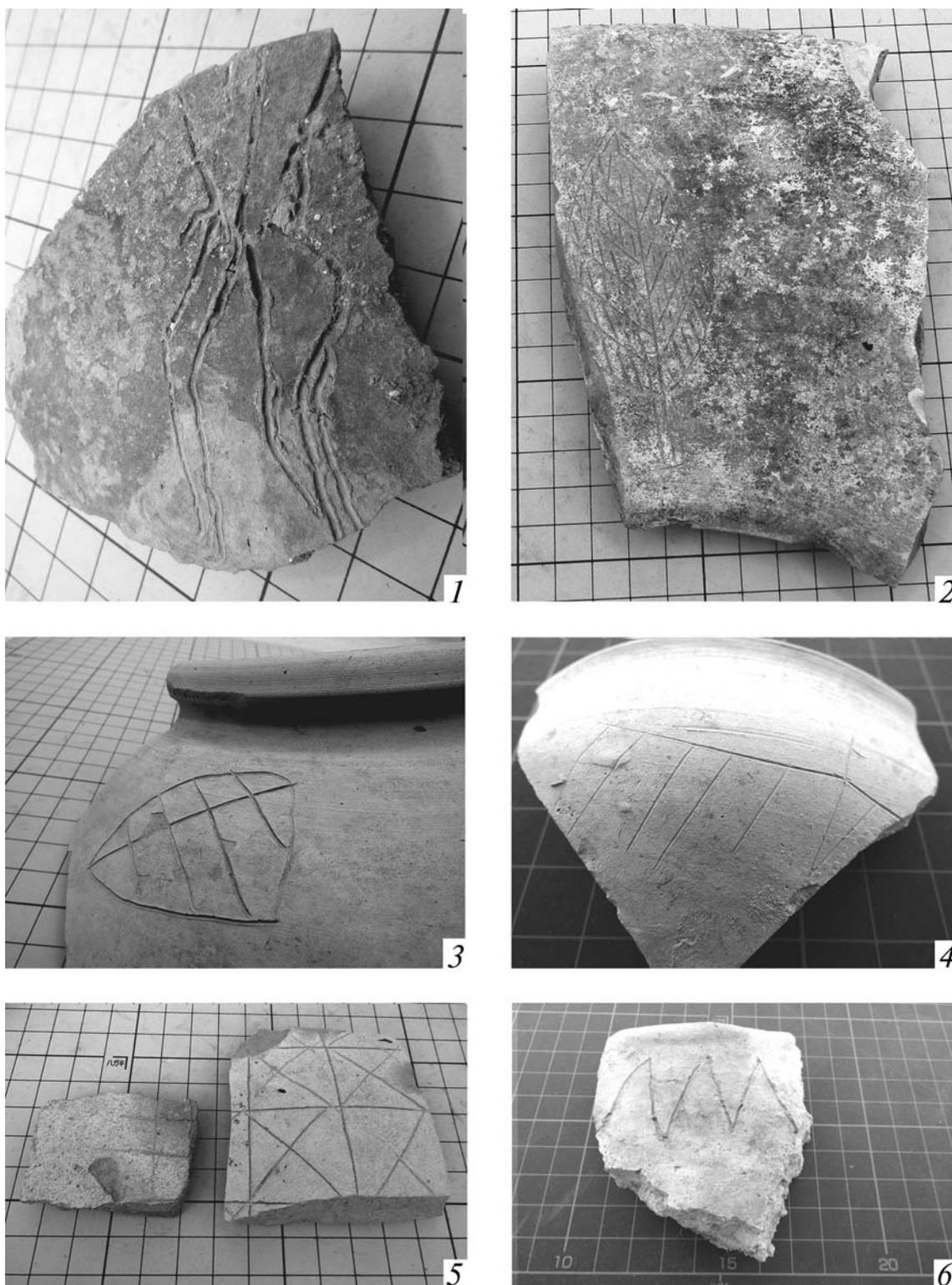
Рисунки и знаки на керамике Гонур-депе не являются граффити. Все они наносились в процессе изготовления сосудов, путем прочерчивания приостренным предметом или штампования по сырой глине перед обжигом. Подобная техника использовалась как для гончарной, так и для лепной керамики. Изображения наносили, как правило, на довольно крупные сосуды. По технике все изображения можно условно разделить на три группы: скульптурные (объемные фигурки на венчике), барельефные (налепы на поверхности сосуда) и контррельефные (углубленные, вырезанные или оттиски штампа по сырой глине). На некоторых сосудах встречается сочетание техник, например, барельефной и контррельефной (распространенный сюжет — козлы, фланкирующие «мировое древо») (Sarianidi 2007: Fig. 15–22).

Сосуды с налепными фигурками по венчику, а также сосуды с комбинированными (рельефно-выпуклыми и контррельефными) композициями, судя по всему, предназначались исключительно для использования в ритуалах (Сарианиди 1990: 44; Антонова 2004: 193). Типичным примером могут служить сосуды с носиками-сливами, «оформленными в виде бычьих голов с изогнутыми рогами и налепными миндалевидными глазами» (Сарианиди 2006: 269), а также сосуды с налепными фигурами «козлов» (в двух случаях — верблюдов), сочетающихся с прочерченным «древом жизни».

В настоящем сообщении основное внимание уделено контррельефным изображениям. Их можно разделить на две группы: предметные (один образ, знак, символ) и орнаментальные (повторение нескольких одинаковых элементов). Композиции среди прочерченных изображений единичны. В качестве примера можно привести лишь «сцену охоты» с изображениями трех вооруженных антропоморфов и трех животных на сосуде из храма Гонура (Сарианиди 2002: 187)¹. Наиболее часто встречающимися мотивами являются фитоморфные (древовидные фигуры, цветы), геометрические (кресты, решетка или сетка с крестами в отдельных ячейках и другие знаки); реже встречаются зооморфные (изображения козлов, верблюдов, змей). Антропоморфные мотивы единичны, а архитектурные (изображение «фасада храма» или так называемый «hut motive», широко представленный на хлоритовых сосудах с территории Ирана) известны пока лишь в одном случае (Фрибус, Грушин 2016: 327–334).

В этом контексте значительный интерес представляет новая находка на раскопе 18 (северо-восток основного комплекса) фрагмента керамики с изображением антропоморфной фигуры. Рисунок сохранился не полностью. Ноги со слегка загнутыми носками стоп (обувь?) показаны в профиль, треугольное туловище — анфас, по периметру туловище украшено «бахромой» (рис. 1, 1).

¹ Представляется, что интерпретировать данный сюжет как «сцену охоты» не совсем верно. Скорее всего, композиция носит сакральный характер, с учетом того, что все антропоморфные персонажи показаны с разным оружием, а животные по экстерьеру могут быть интерпретированы как хищники.

Рис. 1. Вырезанные изображения и знаки на керамике Гонур-депе из раскопок 2018 и 2019 гг.:
1, 4-6 — раскоп 18; 2 — Гонур 20; 3 — раскоп 12

Fig. 1. Carved images and signs on Gonur-Depe ceramics from excavations of 2018 and 2019:
1, 4-6 — excavation area 18; 2 — Gonur 20; 3 — excavation area 12

Вопросы семантики изображений на керамике Гонура заслуживают отдельного рассмотрения. Обращает на себя внимание тот факт, что сосуды с рисунками крайне редко встречаются в погребениях, при этом все известные экземпляры представлены скульптурными или комбинированными изображениями. Таким образом, связь сосудов с прочерченными изображениями и погребальных ритуалов не прослеживается. Вероятнее всего, предназначение таких изображений могло быть различным. Часть их, по всей видимости, связана с ритуальной сферой (изображения людей, животных, растений, архитектурных сооружений). Такие сосуды могли изготавливать непосредственно для совершения определенных ритуалов. Другая часть, представленная геометрическими фигурами и знаками, могла служить маркерами принадлежности или собственности (как личной, так и коллективной) — своеобразными «тамгами». Нельзя исключать, что часть знаков является элементами письменности, хотя цельные тексты на Гонуре пока не обнаружены. При этом некоторые знаки находят параллели с эламским линейным письмом (Клочков 1995: 55).

Литература

- Антонова 2004 — Антонова Е. В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию В. И. Сарияниди. М., 2004. С. 193–201.
- Клочков 1995 — Клочков И. С. Знаки на черепке с Гонура (к вопросу о маргианской письменности) // ВДИ. 1995. № 2 (213). С. 54–60.
- Сарияниди 1990 — Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарияниди 2002 — Сарияниди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарияниди 2006 — Сарияниди В. И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад; М., 2006.
- Сарияниди 2008 — Сарияниди В. И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
- Фрибус, Грушин 2016 — Фрибус А. В., Грушин С. П. Керамический сосуд с изображением «фасада храма» с юго-западной территории (раскоп 12) Гонур-Депе // ТМАЭ. 2016. Т. 6. С. 327–334.
- Lamberg-Karlovsky, Potts 2001 — Lamberg-Karlovsky C. C., Potts D. T. Excavations at Tepe Yahya, Iran: 1967–1975. Cambridge (Mass.), 2001.
- Sarianidi 2007 — Sarianidi V. I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

ЖИЛИЩА МОНДЖУКЛЫ-ДЕПЕ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА НЕОЛИТА И РАННЕГО ЭНЕОЛИТА ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА: АНАЛИЗ ПРЕЕМСТВЕННЫХ ЧЕРТ

И. Хейт¹

Свободный университет Берлина, Институт ближневосточной археологии, Берлин, Германия

DOMESTIC ARCHITECTURE AT MONJUKLY-DEPE IN THE CONTEXT OF NEOLITHIC AND EARLY ENEOLITHIC BUILT SPACE OF SOUTHERN TURKMENISTAN: AN ANALYSIS OF SUCCESSIVE TRAITS

Ilia Heit

Freie Universität Berlin, Institute of Near Eastern Archaeology, Berlin, Germany

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-124-127

¹ ORCID: 0000-0003-4246-6338; e-mail: iliaheit@zedat.fu-berlin.de.

Ключевые слова: *Средняя Азия, Южный Туркменистан, неолит, ранний энеолит, Джейтун, Анау Ia, жилищная архитектура.*

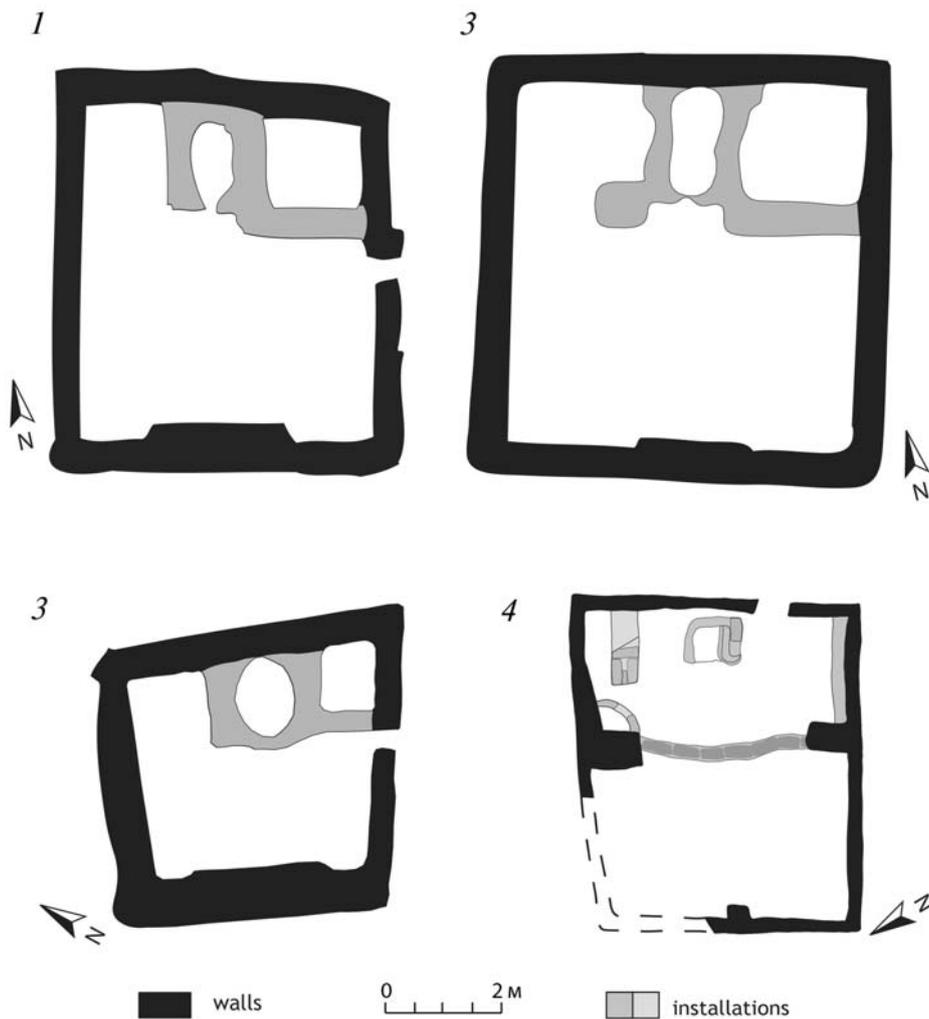
Keywords: *Central Asia, Southern Turkmenistan, Neolithic, Eneolithic, Jeitun, Anau Ia, domestic architecture.*

Период раннего энеолита в предгорье Копетдага нередко рассматривается как один из переломных моментов в историческом развитии региона — ввиду одновременного появления металлургии, изготовления тканей, а также керамики высокого обжига типа Анау Ia, качественно отличающейся от посуды как предыдущего, так и последующего периодов. Этим новшествам часто приписывался заимствованный характер, причем даже предполагалась инфильтрация населения с территории современного Ирана (Сарианиди 1970: 23; Бердыев 1972: 31–32), но высказывались и мнения в пользу последовательного локального развития раннеанануской культуры в целом (Kohl 1984: 71). Казалось бы, такие пертурбации должны были отразиться на различных сферах жизнедеятельности раннеэнеолитического общества и в конечном итоге привести к значительным изменениям в материальной культуре. Для изучения этого вопроса стоит обратиться к материалам памятника Монджуклы-депе (Bernbeck, Pollock 2016: 64–80), верхние слои которого укладываются в пределы второй трети V тыс. до н. э. и на данный момент являются наиболее ранним энеолитическим памятником в Южном Туркменистане.

Особого разрыва в материальном развитии между предшествующим джейтунским временем и ранним энеолитом Монджуклы-депе не наблюдается. В орнаменте керамики, несмотря на использование других технологий в ее изготовлении, помимо ряда новых мотивов, присутствуют также и джейтунские элементы (Schönicke 2019: 325). В погребальном обряде, в котором, возможно, в большей мере отразились бы глубокие культурные изменения, в обоих периодах налицо разнообразие погребальных практик, что говорит скорее об отсутствии строгих традиций на этих этапах (Rol 2019: 219–236). Гораздо строже дело обстоит с организацией жилого пространства. Его изучение перспективно не только ввиду хорошей сохранности саманной архитектуры слоев I–IV, но и в целом представляет большой интерес для исследования изменений в жизненном укладе общества.

В целом для раннеэнеолитического поселения Монджуклы-депе характерна плотная застройка рядами жилых и хозяйственных помещений. Между домами, помимо маленьких дворишков, в верхнем слое находилось обширное пространство, к которому вели две улицы (Bernbeck, Pollock 2016: fig. 7). Раннеджейтунская планировка имеет менее упорядоченный и более рассредоточенный характер. Но параллели с ранним энеолитом появляются уже на среднем и позднем этапе джейтунского времени. Аналогичную линейную планировку имеют жилые помещения верхнего слоя Чопан-депе, между которыми втиснуты узкие пристройки (Бердыев 1968: рис. 1). Планировка третьего слоя Чагыллы-депе с примыкающими друг к другу постройками, незастроенным пространством в середине поселения и ведущими к нему улочками (Бердыев 1966: рис. 2) также напоминает организацию жилого пространства на Монджуклы-депе.

Жилые помещения раннеэнеолитического Монджуклы-депе отличаются высокой степенью стандартизации. Это однокомнатные подквадратные дома с четкими пропорциями, а также прямоугольными и Т-образными пилястрами, размещенными внутри друг против друга (рис. 1, 4). Кроме возможной статической функции подпорки крыши (контрфорс), эти выступающие элементы, по-видимому, имели особое значение в микрокосме жилища. Свидетельством тому служит особая отделка их поверхности разным цветом, а в одном случае — даже антропоморфными и зооморфными росписями (Bernbeck, Pollock 2016: fig. 7), наличие глинобитных контейнеров, пристроенных к бокам пилястров, а также скопление находок в их непосредственной близости. Кроме того, пилястры визуально делили внутреннее помещение на две половины. В одной половине находились вход, очаг и другие

Рис. 1. Примеры жилищ неолита и раннего энеолита предгорья Копетдага: 1 — Джейтун, пом. 7, ранний Джейтун; 2 — Песседжик-депе, пом. 24, средний Джейтун; 3 — Чагыллы-депе, пом. 4/18, поздний Джейтун; 4 — Монджуклы-депе, пом. 10, раннеэнеолитический «горизонт Меана»

Fig. 1. Examples of Neolithic and Early Eneolithic houses in the Kopet Dagh region: 1 — Jeitun, room 7, Early Jeitun; 2 — Pessejik-Depe, room 24, Middle Jeitun; 3 — Chagyly-Depe, room 4/18, Late Jeitun; 4 — Monjukly-Depe, room 10, Early Eneolithic «Meana horizon»

сооружения. Другая половина отличалась более высоким уровнем пола, тщательной отделкой и лучшей сохранностью стен и полов. Интерьер дома зачастую несколько раз перестраивался, расположение сооружений, в том числе очагов, и их формы варьировались, но при этом общая концепция внутреннего пространства на протяжении жизни всего энеолитического поселения оставалась неизменной.

В домах предшествующего джейтунского периода, за исключением одного случая (пом. 10 Чопан-депе), пилястры не найдены. Сходство с монджуклинской архитектурой здесь проявляется не только в форме однокомнатных подквадратных домов, но и в аналогично высокой степени стандартизованности (рис. 1, 1–3). Внутренняя топография джейтунского жилища при этом тоже двухчастна. В одной части дома встроен массивный очаг, расположенный в отличие от монджуклинских очагов всегда строго посередине стены, слева от него — прямоугольное глинобитное возвышение или хозяйственный отсек, к которому примыкает вход в помещение. В другой части дома сооружений, кроме короткого, но широкого выступа, обычно нет. Этот выступ словно противопоставлен расположенному

напротив массивному очагу и, аналогично монджуклинским пилястрам, в ряде случаев особо тщательно отделан. Во внутреннем пространстве джейтунского жилища широкий выступ и очаг образуют центральную ось наподобие попарно расположенным в центре стены дома пилястрам монджуклинских домов.

Таким образом, в жилой архитектуре Монджуклы-депе неолитического и энеолитического времени наблюдается ряд преобладающих черт, свидетельствующих о стабильности представлений о домостроительстве и организации жилого пространства, которое не только структурировало повседневную жизнь обитателей, но и само структурировалось ею. Судя по стандартному облику жилищ, представления эти были довольно нормированными, и их передача от поколения к поколению жителей предгорьев Копетдага обусловила долгое существование общих архитектурных традиций в этом регионе.

Литература

- Бердыев 1966 — Бердыев О. К. Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 3–28.
- Бердыев 1968 — Бердыев О. Изучение памятников эпохи неолита // ҚД. 1968. Вып. 1. С. 9–17.
- Бердыев 1972 — Бердыев О. К. Монджуклы-депе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в южном Туркменистане // ҚД. 1972. Вып. 4. С. 11–34.
- Сарианиди 1970 — Сарианиди В. И. Древние связи южного Туркменистана и северного Ирана // СА. 1970. № 4. С. 19–32.
- Bernbeck, Pollock 2016 — Bernbeck R., Pollock S. Scalar Differences: Temporal Rhythms and Spatial Patterns at Monjukli Depe, Southern Turkmenistan // *Antiquity*. 2016. Vol. 90 (no. 349). P. 64–80.
- Kohl 1984 — Kohl P. L. *Central Asia: Paleolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris, 1984.
- Rol 2019 — Rol N. Dealing with the Dead in Aeneolithic Monjukli Depe: Norms and Handlungsräume in Burial Practices // *Looking closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014*. Leiden, 2019. P. 213–264.
- Schönicke 2019 — Schönicke J. The Pottery from Monjukli Depe and Its Visual Affordance // *Looking closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014*. Leiden, 2019. P. 289–352.

ХРОНОЛОГИЯ ИЗДЕЛИЙ СОСНОВО-МАЗИНСКОГО КЛАДА¹

*Н. И. Шишлина², **А. Ю. Лобода³

*Государственный исторический музей, Москва, Россия

**Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

CHRONOLOGY OF THE ARTEFACTS FROM THE SOSNOVAYA MAZA HOARD

*Natal'ya I. Shishlina, **Anastasiya Yu. Loboda

*State Historical Museum, Moscow, Russia

**National Research Center «Kurchatov Institute», Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-127-130

Ключевые слова: Сосново-Мазинский клад, бронзовый век, металлургия, хронология, радиоуглеродное датирование.

Keywords: Sosnovaya Maza Hoard, Bronze Age, metallurgy, chronology, radiocarbon dating.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «офи_м» № 17-29-04176.

² ORCID: 0000-0001-9638-0156; e-mail: nshishlina@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0003-4926-1140; e-mail: lobodaau@mail.ru.

Клад у села Сосновая Маза, обнаруженный в 1901 г. в Саратовской губернии, состоит из 44 серпов, обломков серпов, обломков кинжалов, кельтов, фрагментов литника и куска металла (Гольмстен 1933; Аванесова 1991; Дергачев, Бочкарев 2002; Малов 2019) (рис. 1, 1). Культурная принадлежность и хронологические интервалы Сосново-Мазинского клада в разное время исследовались В. В. Гольмстен (1933), О. А. Кривцовой-Граковой (1948), Н. А. Аванесовой (1991), В. А. Дергачевым и В. С. Бочкаревым (2002), А. Д. Дегтяревой (2019), Ю. И. Колевым (2008), Н. М. Маловым (2019).

Хронология серпов и самого клада базировалась на хронологии культур финала эпохи бронзы широкого географического ареала — степной зоны Северной Евразии от Балкано-Карпатья до Казахстана, Минусинской котловины и предгорий Тянь-Шаня (Кривцова-Гракова 1948; Аванесова 1991; Дергачев, Бочкарев 2002; Дегтярева и др. 2019). Сам клад относили к срубной культуре (Кривцова-Гракова 1948), а также ивановской (Колев 2008), хвалынской культуре валиковой керамики (Малов 2019), а близкие по типу серпы — к алексеевско-саргаринской культуре (Дегтярева и др. 2019). Таким образом, на основании общей хронологии этих культур и при почти полном отсутствии ^{14}C данных для финала эпохи бронзы восточной части Евразийского степного ареала, клад датировался в достаточно широком интервале: 1500–1200 гг. до н. э. и даже позже (Кривцова-Гракова 1948) (табл. 1).

Таблица 1

Культурная принадлежность и хронологические интервалы Сосново-Мазинского клада, предложенные учеными

Table 1

Cultural belonging and chronological intervals of the Sosnovaya Maza Hoard proposed by researchers

	Кривцова-Гракова 1948	Дегтярева и др. 2019	Колев 2008	Дергачев, Бочкарев 2002	Малов 2019
Культурная принадлежность	2 стадии срубной культуры	Алексеевско-саргаринская культура	Ивановская культура (хвалынская или позднесрубная) Степное Поволжье	Третья фаза позднего бронзового века (культуры с валиковой керамикой; хвалынская (поздне-бронзовая) культура	Хвалынская культура валиковой керамики
Хронологический интервал	Конец 2 — первые века 1 тыс. до н. э.	1500–1300/1200 гг. до н.э. (1500–1000 гг. до н. э.)	1500/1400–1300–1200 гг. до н. э.	1300–1200 гг. до н. э.	1300–1200 гг. до н. э.

Особенности формы и состава металла позволили исследователям выделить сосново-мазинский тип серпов (Дергачев, Бочкарев 2002). Такие серпы найдены на поселениях и в кладах, в основном они распространены в Поволжье и к востоку от Волги (Колев 2008).

Проведенный технологический и последующий сравнительный анализ показали, что серпы из Сосново-Мазинского клада и серпы сосново-мазинского типа сопоставительной выборки из памятников, относимых к блоку культур финала поздней бронзы, относятся к одной технологической традиции (Лобода, Шишлина 2020). Их форма, выступающий бортик, пятка с отверстием, место подвода литника — с носка — показывают, что этапы производства — от подготовки литейной формы до литья и последующей обработки — были схожими. Это позволяет синхронизировать серпы Сосново-Мазинского клада, являющиеся случайной находкой, найденной вне культурного контекста, с серпами, обнаруженными к востоку от места находки клада в черкаскульской и алексеевско-саргаринской культурной среде. Ивановская культура, к которой относят клад из Сосновой Мазы, была непосредственно связана с восточной зоной общности культур валиковой керамики (Колев 2008). Алексеевско-саргаринская культура занимала азиатскую степную и юг лесостепной зоны от Урала до Алтая и предгорий Тянь-Шаня (Дегтярева и др. 2019). К этой культуре относится и поселение Алексеевское в Северном Казахстане, в жилище 4 которого найден серп сосново-мазинского типа (рис. 1, 2).

Рис. 1. 1 — серпы Сосново-Мазинского клада (А 307/9, А307/36, А307/27); 2 — серп из Алексеевского поселения

Fig. 1. 1 — sickles of the Sosnovaya Maza Hoard (A 307/9, A307/36, A307/27); 2 — sickle from the Alekseevskoe settlement

Алексеевское поселение расположено на р. Тобол. На небольшой территории было открыто несколько жилищ типа полуземлянок со столбовыми конструкциями, в жилище 4 был найден бронзовый серп сосново-мазинского типа (Кривцова-Гракова 1948). В отличие от серпов Сосново-Мазинского клада, алексеевско-саргаринский серп найден в закрытом археологическом контексте среди других изделий, в том числе углеродосодержащих костей животных. Из находок этого жилища были отобраны фрагменты костей коровы для ¹⁴С АМС-датирования, которое проводилось в радиоуглеродной лаборатории Познанского университета (Польша). Пробоподготовка образцов проводилась по установленному протоколу, в полученные данные вводилась поправка на изотопное фракционирование (Mook, Plicht 1999), далее проводилась калибровка данных по программе OxCal v.4.2 and the IntCal13 (Bronk Ramsey 2009; Reimer et. al. 2013). Даты представлены в календарных годах (до 1950), с вероятностью 1σ сигма (68,2 %) and 2σ (95,4 %).

Полученная по кости коровы из жилища 4 ¹⁴С дата может быть использована как хронологический репер для серпов сосново-мазинского типа и всего сосново-мазинского клада (табл. 2). Это позволяет сузить временной интервал бытования таких серпов и датировать клад 1400–1300 гг. до н. э.

Таблица 2

Результаты радиоуглеродного датирования образца кости коровы из жилища 4 поселения Алексеевское

Table 2

Results of radiocarbon dating of a cow bone sample from Dwelling 4 of the Alekseevskoe settlement

Лаб. номер	¹⁴ С дата BP	¹⁴ С cal. BC (вероятность)
Poz-112118	3055±30	68,2 % вероятность [1386:1339] 33.7% [1317:1267] 34.5% 95.4 % вероятность [1406: 1230, 95.4

Литература

- Аванесова 1991 — Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Гольмстен 1933 — Гольмстен В. В. «Серпы» из Сосновой Мазы // ПИМК. 1933. № 5–6. С. 32–36.
- Дегтярева и др. 2019 — Дегтярева А. Д., Виноградов Н. Б., Кузьминых С. В., Рассомахин М. А. Металлические изделия алексеевско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего При-тобалья // ВААЭ. 2019. № 4. С. 28–45.
- Дергачев, Бочкарев 2002 — Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.
- Колев 2008 — Колев Ю. И. Ивановская культура позднего бронзового века: основные черты и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 208–240.
- Кривцова-Гракова 1948 — Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. М., 1948. С. 57–164 (ТГИМ. Вып. 17).
- Лобода, Шишлина 2020 — Лобода А. Ю., Шишлина Н. И. Серпы Сосново-Мазинского клада: реконструкция производства и вероятного использования на основе данных метрического и трасологического анализа // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 151–164.
- Малов 2019 — Малов Н. М. Сосново-Мазинский клад // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 2019. Вып. 15. С. 76–104.
- Mook, Plicht 1999 — Mook W. G., Plicht J. van der. Reporting ¹⁴C Activities and Concentrations // Radiocarbon. 1999. Vol. 41/3. P. 227–239.
- Bronk Ramsey 2009 — Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51/1. P. 337–360.
- Reimer et al. 2013 — Reimer P. J. et. al. Intcal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55/4. P. 1869–1887.

A THYMIATERION FROM THE OXUS CIVILISATION GRAVEYARD OF ADJI KUI IN MARGIANA

*Gian Luca Bonora¹, Gabriele Rossi Osmida (†), ** Anna Cengia²

*International Association for Mediterranean and East Studies, Rome, Italy

**Independent Researcher

КУРИЛЬНИЦА ИЗ МОГИЛЬНИКА АДЖИ-КУИ (ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОКСА) В МАРГИАНЕ

*Ж. Л. Бонора, Г. Росси Осмида (†), ** А. Ченжа

*Международная ассоциация средиземноморских и восточных исследований, Рим, Италия

**Независимый исследователь

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-130-133

Keywords: Oxus Civilisation (BMAC), Margiana, Bronze Age, burial ground, censer.

Ключевые слова: цивилизация Окса (БМАК), Маргиана, бронзовый век, могильник, курительница.

It is with great pleasure that we contribute to this volume commemorating the work of archaeologist I. N. Khlopin, a central figure in the preservation and scientific diffusion of South

¹ ORCID: 0000-0001-5170-206X; e-mail: eclglbonora@gmail.com.

² E-mail: anna.cengia@gmail.com.

Turkmenistan's ancient heritage. Khlopin's work on proto-historic architecture and settlements along the piedmont plain north of the Kopet Dag mountain chain, in the delta of the Tedjen river (the so-called Geoksyur oasis) as well as in the graveyards of the Sumbar valley has been instrumental in maintaining the vitality of Turkmenistan archaeology in the face of major political transitions over the last 40 years. In honor of his work, here we present for the first time a grave and its funerary inventory, from the burial ground of Adjı Kui, where a four-legged thymiaterion in chlorite has been recovered: this find brings to mind the numerous terracotta «altars» or censers found by I. N. Khlopin in the Bronze Age burials of the Parkhai II cemetery (Хлопин 2002).

The graveyard of Adjı Kui consisted of about 850 burials which have been excavated from 2001 to 2011 by an Italian and Turkmen team of archaeologists lead by G. Rossi Osmida, B. Udeumurodov and A. Orazov. Numerous burials have been looted in the past, as well as many have been either partially or ruinously damaged by agricultural works carried out in the sixties and seventies of the 20th century. Despite this, about 35–40 % of the excavated graves allowed to find funerary contexts and materials in fairly good or perfect conditions of preservation.

Grave ADJ120.AKR has been found in spring of 2010 in a room of the fortified village of Adjı Kui 1 (Fig. 1). The burial was represented by a rectangular cist with wall in mud bricks (120 × 53 × 33 cm). The major axis of the grave was oriented from N (355°) to S (175°). A female individual of adult age was here buried. The skeleton was lying in contracted position on its right side, with the arms in front of the chest and the legs bent at the knees so that the feet were close by the pelvis bone. Several artifacts composed the funerary inventory: three laurel-shaped arrowheads in bronze and eleven vessels in buff/red ware, of different shape and sizes. Moreover, a complete goat skeleton was in the south-eastern corner of the cist grave, while several osteological remains of goat and cows have been found around the human individual as well as amidst the vessels. A phial in bronze and an applicator with spherical top and pointed end, also in bronze, were near the hands of the deceased. The grave furniture was completed, as already stated, by a censer, or thymiaterion (ADJ120.AKR-5), of rectangular shape, with four feet, in chlorite (Fig. 2)¹. It is decorated on its four sides by an incised pattern consisting in a checkerboard alternating unfilled squares and squares etched by a net motive of two, three or four perpendicular lines.

Usually described as a type of censer or incense burner used for spiritual and religious purposes and especially in religious ceremonies, thymiateria could take a wide variety of form, ranging from simple earthenware pots to elaborate carved, moulded and cast items made from clay, stone or metal. In southern Central Asia, numerous thymiateria have been discovered in several Early and Middle Bronze Age burials of the Parkhay II graveyard. These latter differ from that from grave ADJ120.AKR for their material, terracotta instead of chlorite, and for their decoration. They were provided with applied snakes on their feet, bull (and goat) protomes on their short sides of the pool and small plates in the corners of the pool instead of an incised ornamentation of lines composing geometric figures. Two censers on four feet in chlorite come from the graveyard of Gonur-depe: the first from the grave 3310 of the sector 9 (Dubova et al. 2018: 237)², while the second from the grave 85 of the sector 1 (Gass, Masanz 2018: 161–162)³. Both items are decorated with carved geometric patterns on their sides, as the thymiaterion from ADJ120-AKR. The close similarity between the finds from Gonur and Adjı Kui confirms the chronological attribution of the censer from Adjı Kui to the late 3rd — early 2nd millennium BC. The grave ADJ120-AKR belongs to the Oxus Civilisation or BMAC (Bactro-Margian Archaeological Complex). The exact function of such rectangular «tables» is unknown. Chlorite is heat-resistant, but since there are no traces of contact with fire, its use in the kitchen or in the course of rituals in which fire plays a role, can largely be ruled out. Like the flacons and phials made of terracotta and stone, these four-legged artefacts could have been used as make-up utensils.

¹ Length of the censer: 6 cm; width: 3,9 cm; height: 3,1 cm; depth of the pool: 1,35 cm.

² Length of the censer: 6,7 cm; width: 4,4 cm; height: 3,3 cm.

³ Length: 7,5 cm; width: 4,2 cm; height: 2,2 cm.

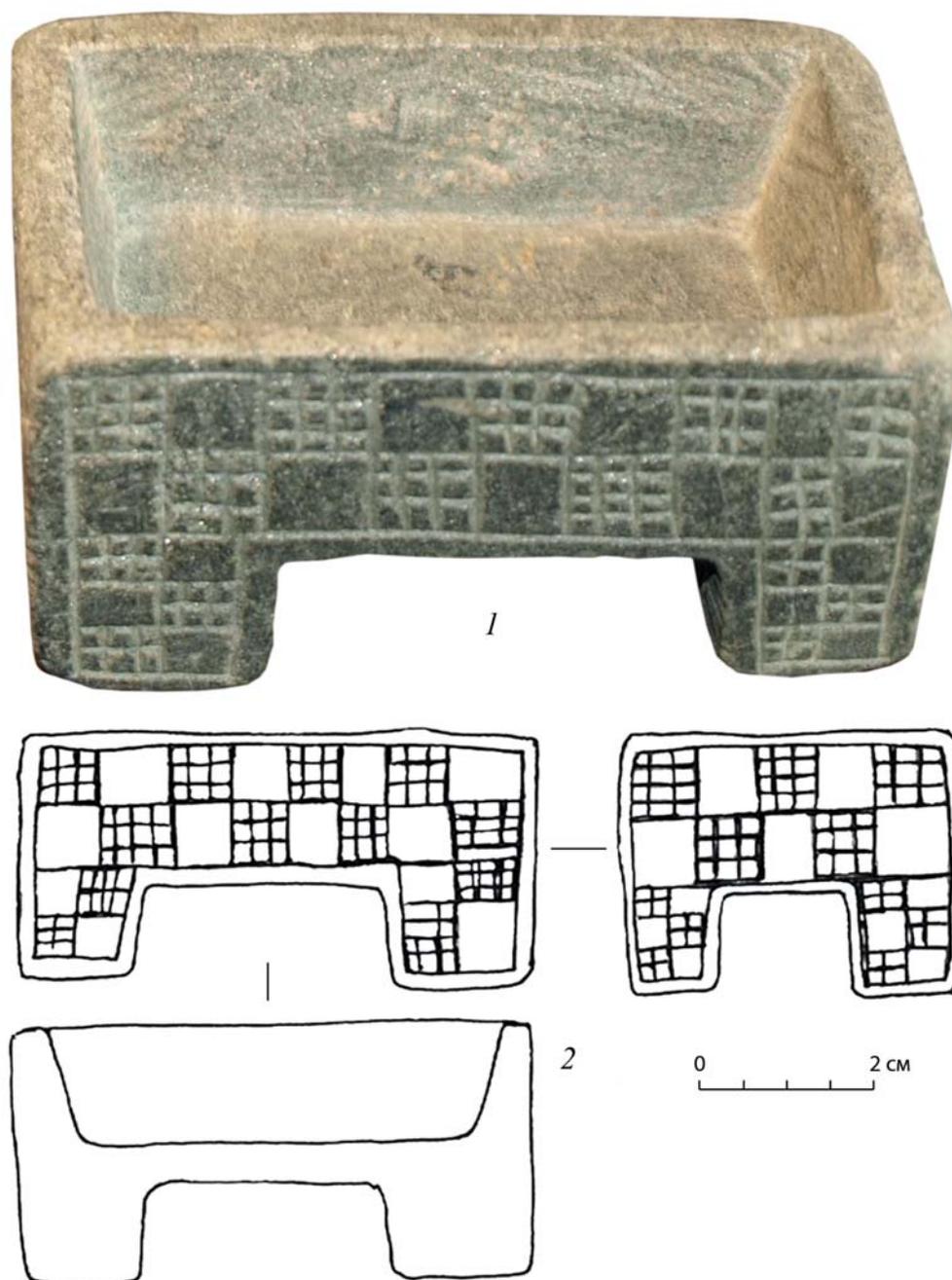

Fig. 1. Adji Kui, grave ADJ120-AKR
Рис. 1. Аджи-Куи, могила ADJ120-AKR

The presence of a bronze phial and applicator for cosmetic purposes in the funerary inventory of the grave ADJ120.AKR supports this hypothesis. However, it is also possible that they served — equipped with feet — as a base or stand for other objects, which are now lost.

References

Хлопин 2002 — Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002 (ТЮТАКЭ. Т. 21).

Fig. 2. Adji Kui, grave ADJ120-AKR, four-legged thymiaterion in chlorite, with sides decorated by geometric incised pattern: 1 — the photo; 2 — drawing

Рис. 2. Аджи-Куи, погребение ADJ120-AKR, четырехногая курильница из хлорита, по бокам декорированная прочерченным геометрическим узором: 1 — фото; 2 — прорисовка

Dubova et al. 2018 — *Dubova N. A., Grushin S. P., Sataev R. M., Fribus A. V.* Evidence of Funeral Rituals from the Bactria-Margiana Archaeological Complex in Turkmenistan: The Case of Gonur Depe // Horejs B. et al. (ed.). *Proceedings of the 10th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. 25–29 April 2016, Vienna. Wien, 2018. P. 235–246.*

Gass, Masanz 2018 — *Gass A., Masanz R.* Katalog der Ausgestellten Objekte / Unter Mitarbeit von C. von der Osten-Sacken // *Margiana: Ein Königreich der Bronzezeit in Turkmenistan. Berlin, 2018. S. 149–233.*

NEW STUDIES ON BRONZE AGE CERAMICS FROM NORTHERN KYRGYZSTAN¹

*Elise Luneau², **Veronica Martinez Ferreras³, ***Aida Abdykanova⁴,
****Kubatbek Tabaldiev⁵, *****Giedre Motuzaite Matuzeviciute⁶

**Deutsches Archäologisches Institut, Berlin, Germany*

***Universitat de Barcelona, Barcelona, Spain*

****American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyzstan*

*****Kyrgyz-Turkish Manas Üniversitesi, Bishkek Kyrgyzstan*

******Vilnius University, Vilnius, Lithuania*

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КЕРАМИКЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ СЕВЕРНОГО КЫРГЫЗСТАНА

*Э. Люно, **В. Мартинес Феррерас, ***А. Абдыканова, ****К. Табалдиев,
*****Г. Мотузайте Матузевичуте

**Германский археологический институт, Берлин, Германия*

***Барселонский университет, Барселона, Испания*

****Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан*

*****Кыргызско-турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан*

******Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-134-136

Keywords: *Kyrgyzstan, Bronze Age, Andronovo cultural community, ceramics.*

Ключевые слова: *Кыргызстан, бронзовый век, андроновская культурная общность, керамика.*

The pottery complexes related to the Bronze Age populations in northern Kyrgyzstan has been mostly attributed to the Andronovo and post Andronovo cultures (Табалдиев 2011), particularly due to the similarities in vessel shapes and decorative patterns with ceramics found at various coeval sites throughout central Eurasia (Галочкина 1996; Kuz'mina 2007). However, Bronze Age ceramic complexes have been little investigated and mostly according to a typo-chronological methodology.

New studies of pottery from Bronze Age sites in northern Kyrgyzstan have recently been initiated through the implementation of combined field-based and lab-based analyses. These investigations have been conducted with the aim of providing a detailed characterization of the pottery composition and production at Bronze Age sites from the central Tian Shan mountains, and re-fashioning the way the connections among the Bronze Age central Eurasian pottery are investigated.

The material studied here was recovered during recent excavations made at the sites of Uch Kurbu and Chap. Uch Kurbu is located 2,5 km south of Lake Issyk-Kul', in the foothills at 1750 m above sea level. The site, newly excavated in 2016–2017 by G. Motuzaite Matuzeviciute and A. Abdykanova, revealed various Bronze Age layers, whose nature — ritual, funerary or do-

¹ This research is funded by the European Social Fund (project No 09.3.3-LMT-K-712-01-0002) under grant agreement with the Research Council of Lithuania (LMTLT).

² ORCID: 0000-0003-3738-0142; e-mail: elise.luneau@dainst.de.

³ ORCID: 0000-0003-2911-4709; e-mail: vmartinez@ub.edu.

⁴ ORCID: 0000-0002-7238-9065; e-mail: abdykanova@gmail.com.

⁵ ORCID: 0000-0002-6679-8030; e-mail: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg.

⁶ ORCID: 0000-0001-9069-1551; giedre.motuzaite@gmail.com.

mestic — is not clearly defined (Motuzaitė Matuzeviciute et al. 2018). The excavations provided a corpus of 230 potsherds from layers dated to the Late and Final Bronze Age. Archaeometric analyses have been carried out on 19 samples.

The site of Chap is located in the southeastern Kochkor Valley, on the slope of a group of small hills at 2000 m above sea level. The excavations conducted in 2018 by G. Motuzaitė Matuzeviciute and K. Tabaldiev revealed various domestic areas (fireplaces, living spaces, pits and walls) interpreted as a farmstead and dated to the Final Bronze Age/Early Iron Age, between ca. 1065 and 825 BCE (Motuzaitė Matuzeviciute et al. 2019). Approximately 1000 potsherds were excavated. A selection of these are currently under archaeometric investigations.

All potsherds were macroscopically studied on-site, for a detailed description of the matrix and inclusions, a morphological study and a preliminary technological examination. Samples for further investigation using wavelength dispersive X-ray fluorescence (WD-XRF), X-ray diffraction (XRD) and thin-section Optical Microscopy (OM) have been selected on various criteria (typology, morphology, macroscopic characteristics of pastes, and stratigraphic context). The chemical analysis (WD-XRF) provides information on the homogeneity/heterogeneity of chemical signatures of different pottery productions at different scales. It also offers initial clues in differentiating local and exogenous types or productions. X-ray diffraction (XRD) is a useful technique in determining the mineralogical composition of the ceramic vessels, and allows the estimation of the firing temperature. Thin-section optical microscopy (OM) allows the identification of the petrographic composition of the pottery sherds. It can relate the raw materials identified with the geological areas, and thus, help identify the location of the raw material sources used in pottery manufacture and their local or non-local provenance. With additional data, the method may be used as an indicator of the provenance of the pottery sherds, the exchanges of pottery and the mobility of people. Moreover, this technique gives insight into some of the technological processes involved in pottery manufacture and contributes to an overall assessment of technical evolutions and permanencies over time. The analytical program for all the Kyrgyz ceramics used here was carried out at the CCiT-UB laboratory and in the Department of History and Archaeology of the University of Barcelona (UB).

This pilot study offered new information on the Bronze Age ceramic traditions in the central Tian Shan and its connections with the larger Andronovo and post Andronovo cultural community. The precise characterization of several pottery productions, apparently local in character, distributed among the various chronological levels revealed a variety of ways for making pots previously unexpected and opened further research on the local-scale production systems. At the same time, the results evidence the homogeneity and the diachronic stability of various technological aspects of the production through the Late and Final Bronze Age at Uch Kurbu, such as raw materials processing to get coarse pastes, prevalent handmade modelling and firing at low temperature in rather basic structures.

The investigation of the complexes from Uch Kurbu and Chap also points to a complex overlapping of local, regional and supra-regional features. Besides locally specific components, the existence of common patterns across Eurasia in terms of potting technologies and styles (paste preparation, fabrication techniques, firing conditions) appear as landmarks of long-established traditions, practices and symbolism. The present study claims thus that patterns of production and cultural connections between the various Andronovo groups are not definable only through stylistic typologies but are better investigated through an integrated approach based on the combination of archaeological and archaeometric analyses of potsherds. The increasing use of this approach and the acquisition of larger datasets will develop the conditions for deeper insights and comprehension of regional and supra-regional patterns in Andronovo ceramic production, in the recognition of the diffusion processes of technostylistic skills and practices between potters, and in the reconstruction of exchange patterns and networks between Bronze Age human groups in central Eurasia.

References

- Галочкина 1966 — Галочкина Н. Г. Связь памятников эпохи бронзы Кыргызстана с памятниками сопредельных территорий Средней Азии и Казахстана // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С. 33–41.
- Табалдиев 2011 — Табалдиев К. С. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек, 2011.
- Kuz'mina 2007 — Kuz'mina E. E. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden, 2007.
- Luneau et al. 2020 — Luneau E., Martinez Ferreras V., Abdykanova A., Tabaldiev K., Motuzaitė Matuzeviciute G. The First Combined Archaeological and Archaeometric Analyses on Bronze Age Pottery from Kyrgyzstan (Uch Kurbu site) // JASR. 2020. Vol. 31. P. 102–302.
- Motuzaitė Matuzeviciute et al. 2018 — Motuzaitė Matuzeviciute G., Abdykanova A., Kume S., Nishiaki Y., Tabaldiev K. The effect of geographical margins on cereal grain size variation: Case study for highlands of Kyrgyzstan // JASR. 2018. Vol. 20. P. 400–410.
- Motuzaitė Matuzeviciute et al. 2019 — Motuzaitė Matuzeviciute G., Tabaldiev K., Hermes T., Ananyevskaya E., Grippedis M., Luneau E., Merkyte I., Rouse L. M. High-Altitude Agro-Pastoralism in the Kyrgyz Tien Shan: New Excavations of the Chap Farmstead (1065–825 cal B.C.) // Journal of Field Archaeology. 2019. Vol. 45/1. P. 29–45.

SMALL CLAY PRODUCTS IN THE LEILATEPE CULTURE

Najaf Museibli¹

Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

МЕЛКИЕ ГЛИНЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. Мусейбли

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-136-139

Keywords: *Leilatepe culture, Eneolithic, clay products, figures, seals, wheel models.*

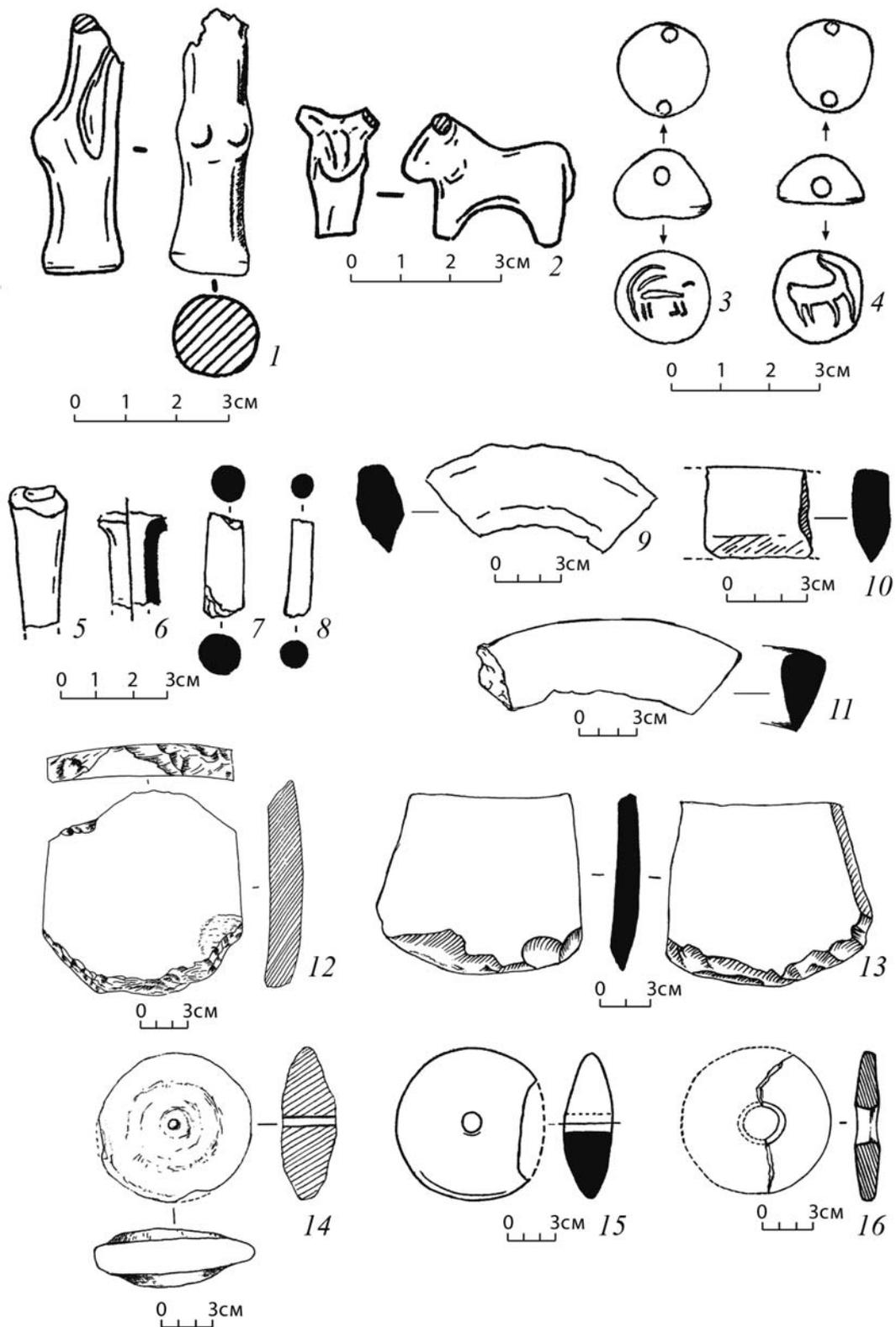
Ключевые слова: *Лейлатепинская культура, энеолит, глиняные изделия, фигурки, печати, модели колес.*

Clay tools and various items have been found at sites of Leilatepe archaeological culture that was spread in the end of the 5th millennium — the first half of the 4th millennium BC in the territory of Azerbaijan. These are mostly known from Leilatepe, Beyuk Kesik, Poylu, Galayeri settlements. Analogues of many such specific findings are found not in the Southern Caucasus, but in the Near Eastern sites.

An anthropomorphic figure (Fig. 1, 1). Only one such figure has been found in Beyuk Kesik I. This figure, a female idol with common features, was found in the same place as the clay seal. The broken head was not found. The lower part of the figure is slightly widened and the bottom is flat. The breasts are bulging in the middle. The height of the surviving part is 5.3 cm, and the diameter of the bottom is 1.7 cm. This figure differs fundamentally from the coeval figures of the Southern Caucasus in form and content. The figure from the Beyuk Kesik is closer in shape to the figures of Tepe Gawra (Tobler 1950).

A zoomorphic figure (Fig. 1, 2). Only one such figure has been found in Beyuk Kesik. The figure made of pure clay is of brown color. The figure is 3.4 cm long and 2.7 cm high. For all its

¹ ORCID: 0000-0002-4228-6364; e-mail: necef_museibli@mail.ru.

Fig. 1. Small clay products from Leilatepe culture sites: 1-4, 7-8, 16 — Beyuk Kesik; 5, 6, 9, 10, 12, 15 — Leilatepe; 11, 14 — Poylu

Рис. 1. Мелкие глиняные изделия из памятников Лейлатепинской культуры: 1-4, 7-8, 16 — Бюк Кесик; 5, 6, 9, 10, 12, 15 — Лейлатепе; 11, 14 — Пойлу

features, it can be considered a bull figure. Zoomorphic clay figures of this type have been discovered at Yarimtepe III monument related to the Northern Ubaid culture. Such figures have also been found in Ubaid and later layers of Tepe Gawra and Tell Arpachi. There are more such figures in the sites of the Kur-Araz (Kura-Araxes) culture of the Southern Caucasus, including Azerbaijan.

Seals (Fig. 1, 3–4). Two clay seals-amulets were found in Beyuk Kesik. On the working surface of both of them, a small horned animal was drawn by incision before cooking. Seals made of both stone and clay have been known in the Middle East since the Neolithic period. About 600 seals have been found in the Northern Ubaid layer of Tepe Gawra (Tobler 1950: 185–187). Numerous seals have been found from the 5th — 1st millennium BC sites of the Euphrates Basin of Eastern Anatolia. Seals and clay pastes on which they were pressed have also been revealed from the 7th layer of Arslantepe. These seals of Eneolithic sites of the region were used for the purpose of administrative control over production and consumption processes. Anthropomorphic, zoomorphic and geometric drawings were depicted on the working surface of the seals (Pittman 2019: 133–137). The seals of the Beyuk Kesik I are both typologically and descriptively similar to the seals discovered from the Ubaid and later layers of Tepe Gawra (layers XV–XI).

«*Nails*» (Fig. 1, 5–8). They were revealed from the Leilatepe and Beyuk Kesik settlements. No analogies of such items are known in the Southern Caucasus. Clay «nails» were found in the B₂ layer of the Hajinabi settlement (Stein 2001: 288). Such items were found in both Southern Ubaid and Northern Ubaid sites (Мерперт, Мунчаев 1982: 147–148).

Sickles (Fig. 1, 9–11). They were revealed in Leilatepe and Poylu. These tools were made of plant-mixed clay in an arched shape. They get thinner towards the working, cutting side. Pottery sickles are known from the Ubaid culture sites in Southern Mesopotamia. V. M. Masson connects the need for their preparation with the lack of ore deposits in the area (Массон 1989: 86). A fragment of a pottery sickle has been found from layer B₂ related to the first half of the 4th millennium BC of Hajinabi settlement in Northern Mesopotamia (Stein 2001: 288). This sickle is more similar to those from Leilatepe and Poylu II.

Spindle heads have been found in extensively studied settlements. There are more of them in Beyuk Kesik — 27 pieces. These weaving tools are reddish and dark grey in color and are made of pure, plant-included clay, and sometimes both plant-included and sand-mixed clay. Their maximum diameter is 3.5–4 cm. Spindle heads are biconical, hemispherical and conical.

Curry-combs (Fig. 1, 12–13) are made of fragments of thick-walled pottery made of clay with plant inclusion. The edges of the piece of pottery chosen to make the tool are oval-rectangular, slightly flattened to hold comfortably in the hand. Then a working blade was made by tearing off a piece of pottery on both sides, and sometimes only on one side. Pottery curry-combs have not been encountered in other Eneolithic sites of the Southern Caucasus. Such tools are typical for the sites of the Khalaf culture of the Middle East. More than 100 curry-combs made of pottery fragments have been discovered in Yarimtepe (Мерперт, Мунчаев 1982: 230). Trasological analysis of curry-combs made of pottery found in the Early Bronze Age settlements of Southern Turkmenistan showed that they were used to clean the skins of animals (Хлопина 1979: 248).

Wheel models (Fig. 1, 14–16). Such items have been found in Leilatepe, Beyuk Kesik and Poylu. They are made of pure clay or with vegetable inclusion. The surfaces are smooth. There is a hole in the center, which shows the axle (hub). These wheel models show that the population of Leilatepe culture used wheeled transport.

The analysis of clay tools and various objects found in the Leilatepe culture sites has shows that they are mainly associated with the Eneolithic traditions of Northern Mesopotamia-Eastern Anatolia.

References

- Мерперт, Мунчаев 1982 — *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Поселение убейдской культуры Ярым-тепе III в Северной Месопотамии // СА. 1982. № 4. С. 133–149.
- Массон 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
- Хлопина 1979 — *Хлопина Л. И.* Керамические орудия эпохи бронзы из Южной Туркмении // СА. 1979. № 1. С. 248–254.
- Pittman 2019 — *Pittman H.* Glyptic art from Arslantepe: interregional styles, imported seals and local seals // Arslantepe. Proceedings of the 1st International Archaeological Symposium. Malatya, 2019. P. 131–142.
- Stein 2001 — *Stein G.* Indigenous Social Complexity at Hacinebi (Turkey) and Organization of Uruk Colonial Contact // Uruk Mesopotamia and Its Neighbors: Cross-Cultural Interactions in the Era of State Formation. Santa Fe; Oxford, 2001. P. 265–305.
- Tobler 1950 — *Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. 2. Philadelphia, 1950.

РАЗДЕЛ III

**Центральная Азия и соседние регионы Евразии
в эпоху раннего железа и античное время**

PART III

**Central Asia and neighbouring regions of Eurasia
in the Early Iron Age and Antique times**

ЗА КРАЕМ ОЙКУМЕНЫ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

*А. Г. Акулов¹, **П. В. Ишутина²

*Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

**Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»», Красноярск, Россия

BEYOND THE EDGE OF THE OECUMENE: NEW PERSPECTIVES FOR RESEARCHING BARROWS OF THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

*Aleksei G. Akulov, **Polina V. Ishutina

*Independent researcher, St. Petersburg, Russia

**Private Limited Company «Scientific Production Association “Archaeological Designing and Investigation”», Krasnoyarsk, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-141-145

Ключевые слова: *Красноярская лесостепь, тагарская культура, тесинский этап, ранний железный век, курганный могильник, каменные конструкции.*

Keywords: *Krasnoyarsk forest steppe, Tagar culture, Tesin stage, Early Iron Age, mound burial, stone constructions.*

Периферическими областями Ойкумены всегда были земли варварских народов, связанные с центральными цивилизациями не только торговыми интересами, но и более прочным эмоциональным притяжением. В результате пределы Ойкумены как системной целостности практически совпадали с внешними границами Барбарикума. За границами был мир Хаоса — псоглавцы, исхиаподы и пигмеи, сражающиеся с журавлями.

Однако случались в истории сюжеты, когда люди Ойкумены оказывались за ее пределами по собственной воле или же в связи с неумолимым ходом событий. Гренландские викинги — яркий и точный исторический пример; феномены, известные исключительно по археологическим источникам, типа Усть-Полуя, допускают разные интерпретации. В любом случае связи пришельцев с далекой родиной слабеют с каждым поколением, горизонт их интересов сужается, а контакты с непосредственным окружением, напротив, становятся все важнее и важнее. В итоге пришельцы растворяются среди местных племен, передавая им часть своих умений и навыков. История строителей курганов Красноярской лесостепи, несмотря на их относительную близость к основному ареалу тагарских племен, была в чем-то схожей.

Отметим: лесостепи именно Красноярской, а не Красноярско-Канской. Последний термин вряд ли приемлем в археологии железного века, поскольку у этих двух островков

---

¹ ORCID: 0000-0001-8649-2381; e-mail: elteber@yandex.ru.

² ORCID: 0000-0002-5067-6768; e-mail: IshutinaPV@yandex.ru.

лесостепи, отделенных тайгой не только от степей Минусинской котловины и Чулыма, но и друг от друга, была совершенно разная историческая судьба. В Канской лесостепи курганов раннего железного века нет, есть следы торговых или, возможно, даннических связей с тагарской культурой, не сопровождавшихся колонизацией. Не то в Красноярье, где возникает полноценный тагарский анклав, существующий, как минимум, несколько веков.

Курганы Красноярья не столь эффектные, сколь минусинские, поэтому начало их раскопок восходит не к «отцам-основателям» сибирской науки XVIII в. — Мессершмидту, Миллеру, Палласу — но к «интеллигентному бугровщику» (Вадецкая, 1973: 102), енисейскому губернатору 1820-х гг. А. П. Степанову, внушительные коллекции древностей которого, к сожалению, «были потеряны из виду». Однако в дальнейшем археологические исследования здесь не сильно отстают от раскопок в «сибирской археологической Мекке» — минусинских степях. В 1859 г. Императорская Археологическая комиссия выдает первый открытый лист на раскопки И. В. Александрову, штудии которого продолжают более 10 лет. А в самом конце XIX в. начинаются подлинно научные исследования курганов Красноярья. В 1890-е гг. значительные разведки и раскопки нескольких курганов проводит П. С. Проскуряков (1897), небольшие работы предпринимают де Бай, Урусов и Анучин, чуть позже два кургана у Частоостровского раскапывает А. В. Адрианов (ОАК 1904: 117). Коллекции предметов из этих раскопок сохранились лишь частично (Эрмитаж, ГИМ, Красноярский краевой краеведческий музей). Никто из этих исследователей не занимался серьезным осмыслением и обобщением полученных результатов, что, конечно, было связано с тем, что научная археология в регионе делала еще только первые шаги.

Похоже, что первым такую попытку предпринял последний из работавших в Сибири великих немцев на русской службе — Геро фон Мерхарт, обособивший в своих построениях культурные феномены Красноярья от родственных минусинских и связавший миграцию сюда строителей курганов с приходом в Минусинскую котловину новых племен, удивительно точно датировав ее II–I вв. до н. э. (Merhart 1926: 171–182). При этом регион интересовал его не столько сам по себе, сколько в качестве точки опоры для развертывания масштабных построений в духе теории культурных кругов.

С. А. Теплоухов феномену красноярских курганов внимания почти не уделил, зато именно памятниками Красноярской лесостепи занялся В. Г. Карцов, прибывший в Красноярск в 1928 г. *Veni, vidi, vici*: в 1929 г. под скромным названием «Материалы к археологии Красноярского района» им уже был выпущен обобщающий труд по местным памятникам, остающийся по сию пору единственным в своем роде. Попытка оказалась довольно удачной, хотя, конечно, выделение «красноярской культуры», проходящей насквозь через все эпохи металла, невозможно объяснить ничем, кроме амбиций автора в сочетании с набирающей силу идеологической установкой на автохтонизм. Карцов присоединился к мнению фон Мерхарта о времени появления и культурной принадлежности курганов Красноярья и выдвинул идею о преимущественной роли аборигенов в их создании из-за малочисленности тагарских пришельцев (Карцов 1929: 40–43)

Кроме В. Г. Карцова, курганы Красноярья до войны исследовал лишь Г. П. Сосновский; затем, в 1947 г., сборы на разрушающихся курганах провел Э. Р. Рыгдылон. Относительно оживляются исследования в 1950-е гг.: несколько памятников раскапывает Р. В. Николаев, публикуя часть материала и обращая внимание на ряд находок, имеющих аналогии в более позднюю, таштыкскую эпоху. В это же время разведки проводит Г. А. Максименков; к сожалению, из-за трудностей с финансами ему пришлось отказаться от планов раскопок. Некоторое внимание красноярскому варианту тагарской культуры уделяет С. В. Киселев, резко выступая против концепции возникновения красноярского анклава тагарцев в результате бегства от хуннского нашествия и считая его результатом естественного расширения ареала культуры (Киселев 1951: 286–288).

В последующие десятилетия раскопок курганов в Красноярской степи не проводилось. Исследователи — Н. В. Нащокин, Л. В. Новых, В. П. Леонтьев, М. С. Баташев, С. М. Фокин,

Д. Н. Лысенко, В. Е. Матвеев, В. А. Данилейко, В. Д. Виноградов, а также (под эгидой ООО НПО АПИ) авторы этих строк — ограничивались разведками и инвентаризацией объектов. В это же время появились три весьма существенные работы, касающиеся курганных памятников Красноярья.

Для А. И. Мартынова (1979) красноярского варианта лесостепных памятников не существует в принципе. Даже на картах, сопровождающих книгу, ареал распространения памятников между Средним Чулымом и Красноярьем един, граница этого ареала проходит чуть восточнее Енисея. Соответственно, ничем красноярские курганы не выделяются, автор упоминает их вместе с памятниками западных лесостепных районов, обосновывая существование назаровского этапа культуры и связывая его начало с миграциями с Алтая в предхуннское время.

Напротив, Р. В. Николаев в своей статье, вышедшей в Кемерово (Николаев 1980: 239–247), подчеркивает своеобразие курганов Красноярья и, что ценно, впервые пытается выделить местные особенности их архитектурного оформления. Не встречается, по его мнению, в иных регионах распространения тагарской культуры и ряд приемов декора керамических сосудов. Усматривает он региональные особенности стиля и у местных оленных блях.

В целом подводит итог дискуссии в своей книге Д. Г. Савинов (2012: 38–44). По его мнению, своеобразный красноярский вариант тагарской культуры бесспорно существует и отличен от кемеровского лесостепного. Очень жаль, что данный тезис в работе не был проиллюстрирован на конкретных археологических материалах.

Наконец, недавно вышла интересная статья Д. А. Виноградова (Виноградов 2019: 61–72). К сожалению, автор ограничился изложением истории изучения курганов Красноярья, никак не обозначив собственного мнения об этих памятниках и их культурной специфике.

Подводя итог, надо сказать, что, пожалуй, никто из авторов, за исключением Р. В. Николаева и в какой-то мере В. Г. Карцова, специфику красноярских курганных памятников подробно не рассматривал. По умолчанию предполагался некий гомогенный массив «красноярских курганов»: различия между ними носили не закономерный, но стохастический характер. В результате не было возможности ни выделить различные типы памятников, ни проследить динамику их развития.

Однако наши, пусть самые предварительные, изыскания в этой области показывают, что дело обстоит, мягко говоря, не совсем так. Начнем с того, что интенсивность курганного строительства на различных участках лесостепи была весьма неоднородна. Явно выделялся центр расселения племен, закономерно находившийся на территории нынешнего Красноярска. Судя по описанию Проскурякова, насыщенность курганными памятниками в этом районе была вполне сопоставима с наблюдаемой южнее, в основном ареале тагарской культуры; вид насыпей отличался в зависимости от их местонахождения на верхних или нижних террасах, курганы на высотах часто имели внушительные камни по углам и достигали, по свидетельству Карцова, высоты до 5 м — классическая минусинская ситуация! Все это было уничтожено строительством, практически без исследований. Кое-что осталось в «предместьях» этого центра, также довольно насыщенных курганами — вниз по Енисею и вверх по Каче, в том числе группа из двух курганов у Дрокина, выделяющихся своими размерами.

Очевидно, ландшафт этого района был наиболее благоприятным для хозяйственной деятельности пришельцев из Минусинской котловины. Но не только: именно здесь они оказывались в абсолютно привычном для них окружении, почти не отличающемся от соответствующих ландшафтов севера котловины: широкие остепненные участки, рощицы на вершинах сопков, пойменные леса.

От этого центра шлейф памятников протянулся вниз по Енисею до Куваршино, а на некотором расстоянии от реки к западу — еще дальше, в северные лесостепные долины Минжуля и Бузимов вплоть до верховий Подъемной. Открытых пастбищ здесь было

меньше, а на таежные ресурсы наверняка претендовало и аборигенное население. Очевидно, что плотность курганных могильников здесь была невелика, к тому же хозяйственное освоение и в этих местах уничтожило большую часть курганов.

Однако именно здесь нами исследован целый микрорайон памятников, включающий 8 курганов в трех могильниках у села Татарское по реке Минжуль, — очевидно, последний относительно сохранившийся в Красноярской лесостепи. Именно эти памятники позволили констатировать, что даже сейчас можно ясно выделить два размерных класса курганов: меньший, довольно стандартный и наиболее распространенный (около 20 м по размерам сторон, высотой 1–1,5 м), и больший, встреченный нами только в двух курганных могильниках у Татарского на Минжуле и Дрокина на Каче. Размеры больших курганов — 30 м и более по стороне кургана, высота — 2–3 м. Все четыре больших кургана имеют каменные конструкции, у трех они вполне определимы. Встречаются как угловые стелы, так и горизонтальные кладки по периметру, очевидно, прямоугольные. В обоих случаях на расстоянии в два-три километра от могильников с большими курганами находятся могильники с курганами стандартного размера, что позволяет предположить, что в случае больших курганов Татарского и Дрокина мы имеем дело с мемориалами знатных родов. Это косвенно подтверждается тем, что крупные тесинские курганы в Минусинской котловине часто строятся именно парами.

Следовательно, сообщение Карцова о 5-метровом кургане у Торгашина, вероятно, соответствует истине. Этот курган по своим размерам относился к мемориалам правящих кланов котловины и был подобен курганам Троицкого, Черного Июса, Уйбатского поля и т. д. Второе допущение — эти мемориалы относятся к ранним этапам пребывания тагарского населения в Красноярье, так как их каменные конструкции еще мощные. Впрочем, ни один курган этого размерного ранга здесь раскопан не был, и это объясняет невнятность каменных конструкций курганов меньшего статуса, делавшихся без тщания.

Еще один интереснейший результат принесло обследование курганного поля у села Куваршино в долине Енисея. В северном направлении от одного из курганов на распаханном поле обнаружили небольшие понижения, напоминающие западины на тесинских грунтовых могильниках Минусинской котловины. Такие могильники характерны прежде всего для юга котловины, на севере их единицы. Тем не менее, раскопки Адрианова и Карцова показали, что подобный могильник, возможно, существовал вблизи села Частоостровское, в 7 км отсюда. Если наличие такого могильника подтвердится, это будет свидетельствовать об инкорпорации пришлого населения с Алтая и Тувы (саглынская и пазырыкская культуры) в среду тагарских племен вплоть до северных пределов их расселения, а заодно поставит вопрос: не являются ли округлые кладки вокруг некоторых могил курганов Красноярья следствием развития традиции подобных грунтовых могил, а вовсе не деградации тагарских курганных оград?

Наконец, совершенно очевидно отличие хронологического положения разных комплексов вещей из могил под курганами. В материалах раскопок встречаются изделия, характерные для сарагашенского этапа. Они могут быть пережиточными, но, так или иначе, сдвигают археологическую датировку памятника в сторону удревнения. О том же может говорить и наличие развитых каменных конструкций. С другой стороны, выявленные в других памятниках обряды — трепанация черепов, очистка скелетов от мышечной ткани, сосуды таштыкского типа, интенсивное использование огня в погребальных церемониях — заставляют предполагать их более молодой возраст.

На повестке дня стоит полноценное исследование культурного феномена, от которого до нас дошли курганы Красноярской лесостепи: его возникновения, существования и финала; племен, участвовавших в его формировании, их этнической принадлежности и социальной структуры; связей между ним и родственными культурными образованиями Минусинской котловины и Чулымской лесостепи. Огромный интерес для истории сибирского субконтинента представляет изучение взаимовлияний пришельцев и окружающих таежных культур, инкорпорации носителей этих культур в среду строителей курганов, заимствова-

ния ими инноваций в технологии и социальном устройстве и распространение этих новшеств в огромных пространствах сибирской тайги.

Начать же процесс предполагается с уточнения хронологии феномена курганов Красноярья с использованием как традиционных археологических, так и естественнонаучных методов, а также с углубленного анализа особенностей курганной архитектуры. Для этого, в частности, необходимо предпринять доисследования раскопанных некогда курганов и спасательные раскопки на разрушающихся и практически уже разрушенных памятниках. Что, надеемся, станет в недалеком будущем очередным этапом исследований авторов.

Литература

- Вадецкая 1973 — Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинской котловины // ИЛАИ. 1973. Вып. 6. С. 91–159.
- Виноградов 2019 — Виноградов Д. А. История изучения курганных могильников Красноярской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2019. Т. 26/2. С. 61–72.
- Карцов 1929 — Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929.
- Киселев 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- ОАК 1904 — Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 год. СПб., 1904.
- Николаев 1980 — Николаев Р. В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство: Материалы всесоюз. конф. Кемерово, 1980. С. 239–247.
- Проскуряков 1897 — Проскуряков П. С. Отчет П. С. Проскурякова о курганных раскопках его в Красноярском округе Енисейской губ. // Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб., 1897. С. 152–157.
- Савинов 2012 — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной Степи. СПб., 2012.
- Merhart 1926 — Merhart G. Bronzezeit am Yenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien, 1926.

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ НА ГРАНИЦАХ ХОРЕЗМА: МАССАГЕТЫ

А. С. Балахванцев¹

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

EARLY NOMADS ON THE BORDERS OF CHORASMIA: THE MASSAGETAE

Archil S. Balakhvantsev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-145-147

Ключевые слова: *массагеты, ранние кочевники, курганные погребения, Хорезм, Устюрт.*

Keywords: *Massagetae, early nomads, burial mounds, Chorasmia, Ustyurt.*

Анализ сохранившихся у греческих и латинских авторов сведений о массагетах VI–IV вв. до н. э. показывает, что наиболее обоснованным является представление об их локализации к северу от Узбоя, между Каспийским морем и Южным Приаральем (Балахванцев 2019: 260). Вместе с тем, историки Александра Македонского свидетельствуют о подчинении

¹ ORCID: 0000-0002-3028-0109; e-mail: balakhvantsev@gmail.com.

массагетов ахеменидскому сатрапу Бактрии Бессу и нахождении их на западных границах Бактрии и Согда (Curt. IV, 15, 2; VIII, 1, 3, 6; Arr. *Anab.* IV, 16, 4, 6; 17, 1, 4–7).

В археологическом плане массагетам может соответствовать население, оставившее датированные V–II вв. до н. э. захоронения в кург. 1 курганной группы 2 могильника Мешекли в Южном Хорезме (Баратов 2013: 35), на Юго-Восточном Устюрте (Ягодин и др. 1978: 188–189), на плато Дордуль на правом берегу Узбоя (Юсупов 1972: 122–124) и в могильнике Джанак II у восточного берега залива Кара-Богаз-Гол (Мандельштам 1976: 24–26). Они представляют собой курганы с каменными насыпями/конструкциями и индивидуальными погребениями на древнем горизонте внутри каменного кольца¹. Следует особо отметить, что они не имеют ничего общего с погребальным обрядом ранних саков Присарыкамышской дельты Амударьи (Яблонский 2015: 28–49) и низовьев Сырдарьи (Итина 1992: 37–39).

Ранее уже отмечалась (Баратов 2013: 47) близость памятников данного типа с открытыми в Южном Хорезме погребениями раннесакской эпохи: кург. 1 курганной группы 3 и кург. 1 курганной группы 4 могильника Мешекли, а также кург. 4 могильника Уч очак. Судя по находке в кург. 1 курганной группы 4 могильника Мешекли двух бронзовых наконечников стрел асимметрично-ромбической формы (Баратов 2013: 36, рис. 12)², которые по имеющимся аналогиям датируются не позднее третьей четверти VIII в. до н. э. (Дараган, Подобед 2009: 30), массагеты могли находиться на южной границе Хорезма уже в это время.

Тогда же, не позднее середины VIII в. до н. э., вопреки встречающимся иногда утверждениям (Ягодин 2011: 162), массагеты, совместно с исседонами вытеснившие скифов из Азии, должны были освоить и Арало-Каспийское междуморье (Балахванцев 2013: 354–356; 2019: 261). Казалось бы, этим выкладкам противоречит полное отсутствие археологических памятников VIII–VI вв. до н. э. на Арало-Каспийском междуморье. Однако находки являющихся характерным признаком раннескифской культуры стремечковидных бронзовых удил возле святилища Кайнар I (Самашев и др. 2011: 24, рис. 21) и двухлопастного бронзового листовидного наконечника со скрытой втулкой и очень узким пером³ в жертвенной яме святилища Акпан I на Устюрте, чинк Донызтау (Оңғар и др. 2012: 201, рис. 3а) свидетельствуют о присутствии в данном регионе кочевого населения. Поэтому в завершение я рискну высказать предположение, что обнаружение массагетских памятников VIII–VI вв. до н. э. на Устюрте и Мангышлаке является лишь вопросом времени.

Литература

- Балахванцев 2013 — Балахванцев А. С. К вопросу о времени и обстоятельствах появления скифов в Юго-Восточной Европе // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 352–357.
- Балахванцев 2019 — Балахванцев А. С. Массагеты Геродота и саки тиграхауда ахеменидских надписей: соотношение и локализация // ДВЕЦАЮС-1. 2019. С. 260–262.
- Баратов 2013 — Баратов С. Р. Новые данные по археологии южного Хорезма // O'zbekiston arxologiyasi. Археология Узбекистана. 2013. № 1. С. 27–59.
- Дараган, Подобед 2009 — Дараган М. Н., Подобед В. А. О датировке слоя разрушения (горизонт Жаботин II) на Жаботинском поселении начала раннего железного века // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Т. 15. С. 22–31.
- Итина 1992 — Итина М. А. Ранние саки Приаралья // СПАЧ. 1992. С. 31–46.

¹ Не вполне ясно, можно ли расширить приведенный выше список за счет могильника Гек-Даг II к югу от залива Кара-Богаз-Гол (Мандельштам 1976: 22–24, 25), где во внутренней камере сооружения 2 совершались многократные захоронения.

² По сообщению С. Р. Баратова, которому я выражаю свою искреннюю благодарность, размеры наконечников составляют 39 × 14 мм и 47 × 15 мм.

³ Аналогичные наконечники в Северном Тагискене датируются не позднее VIII в. до н. э. В Южном Тагискене и Уйгараке их уже нет (Итина 1992: 41–42).

- Мандельштам 1976 — *Мандельштам А. М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 21–26.
- Оңғар и др. 2012 — *Оңғар А., Чотбаев А., Қиясбек Ф.* Ақпан 1 үйігіндегі зерттеулердің алғашқы нәтижелері // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2012». Актобе, 2012. С. 194–202.
- Самашев и др. 2011 — *Самашев З., Оңғар А., Оралбай Е., Киязбек Г.* Храм-святилище Кызылуийк. Астана, 2011.
- Юсупов 1972 — *Юсупов Х.* Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кизыл-Арватом // КД. 1972. Вып. 4. С. 122–143.
- Яблонский 2015 — *Яблонский Л. Т.* Саки в дельте Окса (теория и практика этногенетического исследования). М., 2015.
- Ягодин 2011 — *Ягодин В. Н.* Саки-тиграхауда — массагеты Арало-Каспия // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы; Актобе, 2011. С. 160–163.
- Ягодин и др. 1978 — *Ягодин В. Н., Бежанов Е. Б., Манылов Ю. П., Юсупов Н. Ю.* Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

ДЛИННЫЕ СТЕНЫ В ФОРТИФИКАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

О. В. Бельш²

Институт археологии РАН, Москва, Россия

THE LONG WALLS IN THE FORTIFICATIONS OF CENTRAL ASIA

Oleg V. Be'ls'h

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-147-149

Ключевые слова: Бактрия, эллинизм, Селевкиды, фортификация, длинные стены.
Keywords: Bactria, Hellenism, Seleucids, fortification, long walls.

Еще с древних времен земледельческие общины в Средней Азии селились по оазисному принципу (Заднепровский 1981: 26). Отношения же с кочевым населением, зависящим от пастбищ и воды, не отличались стабильностью и миролюбием. Постоянная угроза со стороны кочевников диктовала необходимость обороны оазисов. Однако стоит заметить, что наиболее эффективный метод — возведение длинных стен — появился только в эллинистическое время, при первых Селевкидах (Абдуллаев 1997: 54). Антиох I Сотер велел обнести построенный им город Антиохию стенами в 1500 стадиев, чтобы обезопасить таким образом город и его плодородную округу от набегов кочевников (Абдуллаев 1997: 56).

На сегодняшний день длинные стены выявлены на северной и северо-западной границе Бактрии. Наиболее слабо изученной из них и известной лишь по краткому сообщению Г. А. Пугаченковой, открывшей ее в 1960 г., является крепостная стена близ горного кишлака Сина (в 30 км от Денау). Она сложена из рваного камня различных размеров и имеет протяженность 5 км при максимальной ширине 3 м. Стена перегораживала возможный проход между горами и ущельем. Точная датировка стены неизвестна, однако, основываясь на керамическом материале, поднятом во время разведок, Г. А. Пугаченкова была уверена, что стена существовала в эллинистическое время (Пугаченкова 1963: 52).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00227.

² ORCID: 0000-0003-0041-8645; e-mail: O.Belsh@yandex.ru.

Рис. 1. Остатки каменной стены у ущелья Иллалик
Fig. 1. Remnants of the stone wall near the gorge of Illalik

В 60 км к западу, в долине реки Шуруб расположена широко известная Дарбандская стена, общая протяженность которой составляет около 1,8 км, а высота — от 2 до 5 м. Стена частично сложена из необработанных камней. При зачистке стены открывший ее Э. В. Ртвеладзе выяснил, что ширина ее в основании составляла около 6,5 м, при сохранившейся высоте 2,7 м. С внешней и внутренней стороны стена сложена из квадратных сырцовых кирпичей ($32 \times 32 \times 11$ и $33 \times 33 \times 11$ см), на постелях которых имеются клейма в виде «альфы» и «пи» (Ртвеладзе 2003: 43). Скорее всего, стена была возведена в эллинистический период, но не утратила своей актуальности и в более поздние эпохи, так как постоянно ремонтировалась и перестраивалась.

В 13 км к югу от Дарбандской стены расположена открытая в 2017 г. Бактрийским отрядом Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН длинная стена Иллалик 1, протяженностью более чем 2,4 км. В конце XX в. стена Иллалик 1 до современной дневной поверхности была разобрана местными жителями на хозяйственные нужды. Фасы двухпанцирной стены были сложены из колотого камня, кладка постелистая, однорядная, пространство между панцирями забутовано мелким камнем. Сооружение лежит на глинисто-гравийной нивелировочной подсыпке. В 4 км к югу от стены Иллалик 1 находится конструктивно сходная стена протяженностью до 1740 м. Примечательно, что обе стены вписаны в стройную систему башен, стен и естественных преград таким образом, что образуется защищенная со всех сторон территория, которая включает в себя не только горный массив, но и плодородную землю (Двуреченская и др. [в печати]; Бельш 2020: 371). Однако весь участок является частью общей линии обороны, который удалось проследить на сегодняшний день от Дарбандской стены, перекрывающей долину между горами Сарымас и Сусизтаг до ущелья Парчсай (участок длиной в 16 км).

Обнаруженные недавно длинные стены не только дополнили список известных прежде сооружений, но могут также существенно расширить представления о природе и эволюции этого фортификационного приема на территории эллинистической Бактрии.

Литература

- Абдуллаев 1997 — *Абдуллаев К.* О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. 1997. № 4. С. 54–60
- Бельш 2020 — *Бельш О. В.* Фортификационная система на северо-западной границе Бактрии // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 371–385.
- Двуреченская и др. [в печати] — *Двуреченская Н. Д., Двуреченский О. В., Бельш О. В., Шейко К. А., Гладченков А. А.* Новые открытия фортификационных сооружений на северо-западе Бактрии // АО 2018 г. [в печати].
- Заднепровский 1981 — *Заднепровский Ю. А.* К истории оазисного расселения первобытной Средней Азии // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 23–28.
- Пугаченкова 1963 — *Пугаченкова Г. А.* К исторической топографии Чаганиана // ТТашГУ. НС. 1963. Вып. 200. Истор. науки. Кн. 41. С. 49–64.
- Ртвеладзе 2003 — *Ртвеладзе Э. В.* Дар-и Аханин — Дарбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Ташкент, 2003. Вып. 1. С. 13–22.

РЕЛЬЕФЫ ГРОБНИЦ ЭПОХИ ХАНЬ ИЗ ПРОВИНЦИИ ШАНЬДУН В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ ВОСТОК-ЗАПАД

***Чжичэн Би**¹, ****И. В. Палагута**²

**Харбинский технологический университет, Харбин, Китай*

***Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия*

TOMB RELIEFS OF THE HAN ERA FROM THE SHANDONG PROVINCE IN THE CONTEXT OF EAST-WEST RELATIONS

***Zhicheng Bi**, ****I'ya V. Palaguta**

**Harbin University of Technology, Harbin, China*

***St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-149-153

Ключевые слова: искусство Китая, эпоха Хань, рельефы по камню, композиция, сюжет, межкультурные связи.

Keywords: Chinese art, Han period, stone reliefs, composition, plot, intercultural ties.

История изобразительного искусства Китая, по сути, начинается с рельефов на камне и кирпиче эпохи Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.). Вопросы о происхождении этой традиции, не имеющей очевидных истоков в искусстве предыдущего периода, и о влиянии на ее сложение традиций других областей Евразии стали предметом широко обсуждения. Некоторые исследователи рассматривают ханьские рельефы в категории «закрытого», собственно китайского искусства, выросшего из «искусства этикета» эпох Шан и Чжоу (У 2006; Хуан 2011). Другие указывают на многочисленные примеры заимствований, свидетельствующих об инокультурном влиянии на китайское искусство каменных рельефов (Ростовцев 1993; Rawson 1999; Мяо 2007). Данная проблема требует комплексного исследования, учитывающего,

¹ ORCID: 0000-0001-6716-2109; e-mail: 835827891@qq.com.

² ORCID: 0000-0003-2308-7586; e-mail: kiik@ghpa.ru.

помимо отдельных проявлений «западных» влияний, социальные условия, идеологические установки и развитие технологий.

С началом династии Хань предпосылками для развития искусства резьбы по камню становятся: формирование провинциальных и чиновничьих элит, выступивших основными заказчиками; складывание идеологических установок, основанных на конфуцианских идеях «сыновней почтительности» и даосских представлениях о бессмертии души; прогресс в технологиях металлообработки и других ремесел. Наличие запасов камня, развитие ремесел и богатство провинции Шаньдун делают ее местом наибольшей концентрации гробниц, выстроенных из «вечного» материала.

Погребальные конструкции можно вывести из местных традиций. В их эволюции большую роль сыграли прототипы из дерева (на это указывают горизонтальная зональность, плоскостной характер резьбы, ее угловатые формы и т. д.). Возможно и воспроизведение рельефов досок, которые использовались при формовке кирпичей.

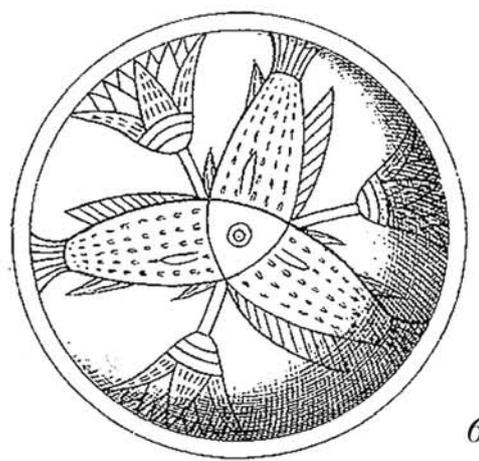
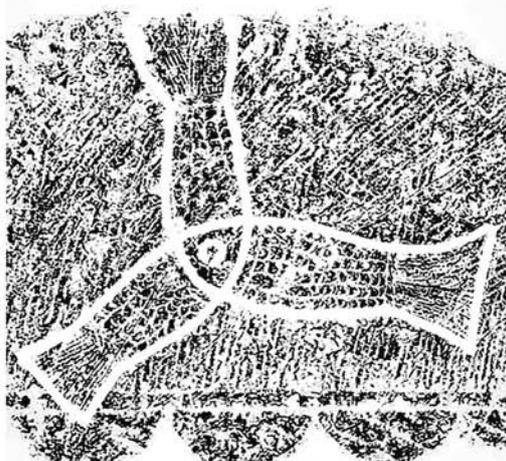
Композиция рельефов построена по пластически-плоскостному принципу. Использование того или иного построения соответствует представленным сюжетам (Ви 2019). Несмотря на очевидные инокультурные параллели, нельзя исключать, что сходные композиционные решения возникали независимо, соответственно специфике задач искусства древних цивилизаций, где происходит отход от абстрактно-орнаментальных форм, а основной целью становится изображение конкретных персон и событий с целью пропаганды государственных идей. Но в ханьских рельефах есть ряд специфических ракурсов и пространственно-перспективных построений, которые однозначно указывают на заимствования с Запада: например, смешанная и горизонтально-наклонная перспективы, а также изображения колесниц и всадников анфас (рис. 1, 1), которые повторяют прием, характерный для ахеменидских гемм, греческой вазописи, античных монет.

Инокультурные влияния отчетливо прослеживаются в иконографии изображений. Так, на рельефах из Шаньдуна в I–II вв. н. э. появляются фантастические животные с несколькими головами — прямая отсылка к образам Лернейской гидры или химеры (рис. 1, 2–4). Непосредственные параллели в искусстве Запада имеет образ рыбы с одной головой и тремя телами (рис. 1, 5, 6). В эпоху Хань получают распространение и специфические формы изображений-разверток кошачьего хищника, не имеющие ничего общего с китайской традицией построения разверток в «масках Тао-тэ» (рис. 2, 1). Прямую параллель с искусством Египта демонстрируют изображения птиц с человеческой головой (рис. 2, 2, 3), которые также могут изображать душу усопшего. Ближневосточные влияния определяют изменения в иконографии дракона, который ранее изображался ползающим, а в эпоху Хань уверенно «встал» на четыре лапы (рис. 2, 2).

⇒

Рис. 1. 1 — изображение всадника из храма предков семейства У в провинции Шаньдун, ок. 147 г. н. э.; 2 — животное с девятью головами, рельеф раннего периода династии Восточная Хань (25–88 гг.) из деревни Хуалинь; 3 — животное с двумя человеческими головами на рельефе эпохи Восточная Хань (25–220 гг.) из Илина в провинции Хубэй; 4 — изображение химеры на серебряном статере IV в. до н. э. из Сикиона, Пелопоннес; 5 — изображение рыб на рельефе из храма предков на горе Цзиньцзюэшань в Илине; 6 — изображение рыб на блюде из римского Египта (по: Ивановская 2009)

Fig. 1. 1 — representation of a horseman from the temple of the ancestors of the Wu family in the Shandong province, c. AD 147; 2 — animal with nine heads, relief of the early period of the Eastern Han Dynasty (AD 25–88) from the village of Hualin; 3 — animal with two human heads on a relief of the Eastern Han era (AD 25–220) from Ilin in the Hubei province; 4 — representation of the chimera on a silver stater of the 4th century BC from Sikyon, Peloponnese; 5 — representation of fishes on a relief from the temple of the ancestors on Mount Jinqueshan in Ilin; 6 — representation of fishes on a plate from Roman Egypt (after: Ивановская 2009)

1

2

3

4

Рис. 2. 1 — животное с двумя туловищами на рельефе из храма Мэн-цзы в Цзоучэне, 147–189 гг.; 2 — рельеф с изображениями фантастических животных и птицы с человеческой головой из храма предков на горе Лянчэншань в уезде Вэйшань, 89–189 гг.; 3 — изображение птицы с человеческой головой их храма предков на горе Лянчэншань; 4 — изображение орла, клюющего зайца («сцена терзания») на колонне в центральной камере гробницы в Илине

Fig. 2. 1 — animal with two bodies on a relief from the Mengzi temple in Zoucheng, AD 147–189; 2 — relief with representations of fantastic animals and a human-headed bird from the ancestral temple on Mount Lianchengshan in the Weishan County, AD 89–189; 3 — representation of a human-headed bird from the ancestral temple on Mount Lianchengshan; 4 — representation of an eagle pecking a hare («scene of torment») on a column in the central chamber of the tomb in Ilin

О связях с искусством «скифо-сибирского звериного стиля» красноречиво свидетельствует рельеф из гробницы Убайчжуан позднего периода Восточная Хань на котором воспроизведена характерная «сцена терзания» (рис. 2, 4), аналогичная изображению на ритоне из Семибратнего кургана V в. до н. э. Этот рельеф, выполненный на стене гробницы китайского военачальника II в. н. э., представляет «прямую цитату» из искусства степей. Возможно, основой для нее стал конкретный образец декоративно-прикладного искусства.

Анализируя ход процесса культурных связей и обмена, можно согласиться с позицией С. Псаррас, считающей, что именно во времена династии Хань осуществляется «вестернизация» китайского искусства, подготовленная более ранними контактами с западными и северными землями. Становление новой традиции в эпоху Хань было обусловлено преобразованием социальных структур, диктовавших художественные каноны китайского бронзового века. Это позволило ханьцам «свободно создавать новую визуальную культуру, что они сделали на основе как китайских традиций, так и иностранного влияния» (Psarras 2020: 75–76).

Литература

- Ивановская 2009 — *Ивановская В. И.* Орнаменты Древнего Египта и Месопотамии. М., 2009.
- Мяо 2007 — *Мяо Чжэ.* Заимствования в искусстве эпохи Хань на примере каменных рельефов: АКД. Нанкин, 2007 (на кит. яз).
- Ростовцев 1993 — *Ростовцев М. И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // ПАВ. 1993. № 5. С. 57–75.
- У 2006 — *У Хун.* Знания об открытости и закрытости // Чтение. 2006. С. 106–111 (на кит. яз).
- Хуан 2011 — *Хуан Яфэн.* Искусство рельефов на камне и на кирпиче эпохи Хань. Пекин, 2011. С. 34–38 (на кит. яз).
- Bi 2019 — *Bi Zhicheng.* Stone Reliefs of the Han Tombs in Shandong Province: Relationship Between Motifs and Composition // Proceedings of the 3rd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE 2019). 2019. P. 172–179 (Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 368).
- Psarras 2020 — *Psarras S.-K.* Sources of Han Décor: Foreign Influence on the Han Dynasty Chinese Iconography of Paradise (206 BC — AD 220). Oxford, 2020.
- Rawson 1999 — *Rawson J.* The Eternal Palaces of the Western Han: A New View of the Universe // ArtAs. 1999. Vol. 59/1–2. P. 5–58.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АЛАН ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ: СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ВЕРСИЯ

С. Б. Бурков¹

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ,
Россия*

ON THE ORIGIN OF THE ALANS OF THE CENTRAL CISCAUCASIA ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA: THE CENTRAL ASIAN HYPOTHESIS

Sergei B. Burkov

*The Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz,
Russia*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-154-156

Ключевые слова: *ранние аланы, среднесарматская культура, среднеазиатское влияние, антропология, генофонд.*

Keywords: *early Alans, Middle Sarmatian culture, Central Asian influence, anthropology, genofond.*

Проблема выделения археологического комплекса основных признаков т. н. аланской археологической культуры применительно к древностям Северного Кавказа (и Центрального Предкавказья как его составной части) еще далеко не решена. Основной, но не единственной версией пока признается среднеазиатская (М. П. Абрамова, М. Г. Мошкова, В. Ю. Малашев, Я. Б. Березин) — с различной локализацией точки исхода (В. Б. Виноградов, В. Б. Ковалевская, В. И. Кузнецов, Б. М. Керемов, И. М. Чеченов, Т. А. Габуев, А. А. Туаллагов и др.). При этом базовым этнокультурным признаком алан считается подкурганная катакомба Т-образной формы (с исключениями) (Мошкова 1983: 18–33). С выделением единственного признака для выделения этногруппы согласны, впрочем, далеко не все (М. П. Абрамова, В. Б. Ковалевская, С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов; см.: Абрамова 1978: 76; Ковалевская 2005: 9). Аланы — это этнокультурное образование с полноценным набором признаков, первоначально — наименование военизированной группы, в дальнейшем — социальный термин, закрепившийся как этноним за различными народами (Наглер, Чипирова 1985: 88, 90), по другой версии — термин, маркирующий социально-престижную доминанту (Туаллагов 2007: 195). С какой группой археологических памятников отождествить алан — с финалом среднесарматской или начальным этапом позднесарматской культуры? Если принять господствующую гипотезу, в составе погребального инвентаря должны присутствовать предметы среднеазиатского (центральноазиатского) происхождения. Первые упоминания алан письменными источниками хронологически совпадают с распространением памятников среднесарматской культуры, в которых такие предметы имеются. Отсюда делается вывод об аланах как носителях среднесарматской культуры (Туаллагов 2007: 194). И. Г. Семеновым на эту роль «назначены» гунны (Семенов 2017: 329–335). Начальная фаза позднесарматской культуры (вторая половина II — середина III в. н. э.) отождествляется большинством исследователей (кроме В. Ю. Малашева) с аланами — которые, однако, упоминаются уже в середине I в. н. э.

¹ ORCID: 0000-0001-7324-3618; e-mail: sergeyburkov59@yandex.ru.

Центральноазиатскую (Восточный Туркестан, Семиречье) версию отстаивает А. А. Туаллагов (Туаллагов 2007: 211). В. Б. Ковалевская и В. А. Кузнецов склоняются к мнению о приходе алан из Приаралья (Ковалевская, Кузнецов 2007: 119). Т. А. Габуев ссылается на материалы джеты-асарской культуры Нижней Сырдарьи. Он признает, однако, что связующих памятников между этим регионом и Северным Кавказом нет (Габуев, Малашев 2009: 113). Среднеазиатская версия была специально исследована В. Ю. Малашевым и А. И. Торговым. Авторы пришли к заключению, что в Средней Азии нет катакомб Т-образной формы, датирующихся ранее рубежа эр. Установлено полное отсутствие Т-образных катакомб от Средней Сырдарьи и Согда до Северного Кавказа для последних веков до н. э. — II в. н. э. (раннеаланский этап). В районе Нижнего Дона и Приазовья, где алан фиксирует Иосиф Флавий, во второй половине I в. н. э. полностью отсутствуют подкурганые Т-образные катакомбы в составе среднесарматских могильников (Малашев, Торгов 2012: 206, 208, 209; 2018: 39, 46, 47).

Обнаруженные на Зилгинском городище части сосудов (крышки, жаровни, сосуды с носиками-сливами), за которыми признается среднеазиатское происхождение, его исследователь — И. А. Аржанцева — объясняет влиянием Кавказа на Среднюю Азию. Ряд технических приемов возведения оборонительных сооружений также были признаны имеющими среднеазиатское происхождение, но их перечень не уточнен. Слой ранее середины II в. н. э. на городище не выявлен (Туаллагов 2007: 220–223; Arzhantseva et al. 2000: 213–215; Аржанцева, Деопик 2008: 453).

Изучение влияния иранцев на народы Северного Кавказа с точки зрения их генофонда привело исследователей к выводу, что генетическое влияние степных кочевников среднесарматского времени было здесь незначительно (Ковалевская и др. 2014: 156). Анализ антропологических данных из раннеаланских могильников Республики Северная Осетия-Алания показал, что ниже-джулатская серия является чужеродной для населения Северного Кавказа. Черепа из Беслана находятся в одном кластере с сериями из Чегема и Байтал-Чапкана. Второй кластер — это три серии из низовий Сырдарьи (джеты-асарская культура) и серия из Нижне-Джулатского могильника. Однако захоронения из Нижнего Джулата были произведены не в подкурганых катакомбах Т-образной формы, а в грунтовом могильнике (Герасимова и др. 2009: 332, 334–337).

Значимой связи между характеристиками среднесарматских и кангюйских образцов, с одной стороны, и образцов из северокавказской аланской коллекции (Г. Е. Афанасьев), с другой, нет. Сарматы не принимали участия в формировании аланского генофонда. Исследования палеодНК показали для алан Северного Кавказа и Среднего Дона преобладание гаплогруппы Y-хромосомы, характерной для северокавказского населения, при наличии определенного вклада носителей гаплогруппы, свойственной салтово-маяцкой культуре. Субстрат алан — носители кобанской культуры (Коробов 2019: 129, 131, 133, 134).

Результаты генетического анализа палеодНК по митохондриальным и Y-хромосомным гаплогруппам останков из могильников кобанской культуры (Клин-Яр-III — Кавминводы, комплекс у села Заюково — Кабардино-Балкария, IX и V вв. до н. э.) следующие. Основные гаплогруппы Y-хромосомы являются общими для Кавказа и Европы в период железного века: E1a2a, G2a1a, R1b и R1a. Гаплогруппа G2a1a широко представлена у осетин, балкарцев, карачаевцев и сванов. Ранее она уже была обнаружена при исследовании погребенных в Т-образных катакомбах, которые традиционно соотносятся с аланами. Это может говорить об их генетической связи с предшествующим населением кобанского мира (Boulygina et al. 2020).

На основании приведенных выше данных мы приходим к выводу, что версия о среднеазиатском происхождении аланской археологической культуры Центрального Предкавказья не имеет под собой достаточных оснований.

Литература

- Абрамова 1978 — *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // *СА.* 1978. № 1. С. 72–82.
- Аржанцева, Деопик 2008 — *Аржанцева И. А., Деопик Д. В.* Зилгинское городище в Северной Осетии. Исследования последних лет // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII (Крупновские чтения 1972–2006 гг.).* М.; Ставрополь, 2008. С. 452–453.
- Габуев, Малашев 2009 — *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009 (МИАР. Т. 11)
- Герасимова и др. 2009 — *Герасимова М. М., Суворова Н. А., Фризен С. Ю.* Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии — Алании // *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С. 324–340 (МИАР. Т. 11).
- Ковалевская 2005 — *Ковалевская В. Б.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы. М., 2005.
- Ковалевская, Кузнецов 2007 — *Ковалевская В. Б., Кузнецов В. А.* Памятники эпохи раннего средневековья (IV–XIII вв.) // *Археология Северной Осетии. Ч. 2.* Владикавказ, 2007. С. 109–248.
- Коробов 2019 — *Коробов Д. Е.* Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб., 2019.
- Малашев, Торгоев 2012 — *Малашев В. Ю., Торгоев А. И.* Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции.* Махачкала, 2012. С. 207–209.
- Малашев, Торгоев 2018 — *Малашев В. Ю., Торгоев А. И.* Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // *РА.* 2018. № 4. С. 36–52.
- Мошкова 1983 — *Мошкова М. Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // *История и культура сарматов. Межвузовский научный сборник, посвященный памяти К. Ф. Смирнова (1917–1980).* Саратов, 1983. С. 18–33.
- Наглер, Чипирова 1985 — *Наглер А. О., Чипирова Л. А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // *Античность и варварский мир.* Орджоникидзе, 1985. С. 87–91.
- Погребова 2011 — *Погребова М. Н.* История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н. э. (по данным археологии). М., 2011.
- Семенов 2017 — *Семенов И. Г.* К этнической интерпретации носителей позднесарматской культуры // *Археология евразийских степей.* Казань, 2017. № 1. С. 329–335.
- Туаллагов 2007 — *Туаллагов А. А.* Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ, 2007.
- Arzhantseva et al. 2000 — *Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V.* Zilgi: An Early Alan proto-city of the first Millennium AD on the boundary between steppe and hill country // *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age* Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 211–250 (Colloquia Pontica. Vol. 5).
- Boulygina et al. 2020 — *Boulygina E., Tsygankova S., Sharko F., Slobodova N., Gruzdeva N., Belinsky A., Härke H., Kadieva A., Demidenko S., Shvedchikova T., Dobrovolskaya M., Reshetova I., Korobov D., Nedoluzhko A.* Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus // *Journal of Archaeological Science: Reports.* Amsterdam, 2020. Vol. 31. P. 1–5.

ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЖ ИЗ МОГИЛЬНИКА АЙМЫРЛЫГ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)¹

В. С. Бусова²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

A STUDY OF THE COLLECTION OF ARCHAEOLOGICAL LEATHER FROM THE AYMYRLYG BURIAL GROUND (BASED ON MATERIALS FROM THE STATE HERMITAGE)

Varvara S. Busova

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-157-158

Ключевые слова: *Центральная Тува, ранний железный век, скифское время, Аймырлыг, археологическая кожа.*

Keywords: *Central Tuva, Early Iron Age, Scythian times, Aymyrylg, archaeological leather.*

Могильник Аймырлыг относится к эпохе раннего железного века (от скифского времени до средневековья) и располагается в Чаа-Хольском кожууне Республики Тыва, на левом берегу реки Чаа-Холь (правый приток Енисея), в 5 км севернее одноименного поселка. Могильник исследовался с 1968 по 1984 гг. вторым отрядом СТЭАН под руководством А. М. Мандельштама.

На сегодняшний день материалы раскопок хранятся в Государственном Эрмитаже³. В 2016–2019 гг. автором была изучена коллекция археологических кож из объектов скифского времени (срубов и каменных ящичков). Комплексное изучение технологий создания ножен, мешочков, ремней, колчанов и других аксессуаров из кожи позволило полнее охарактеризовать материалы могильника, а также дать общую характеристику кожаных изделий, проследить характерные особенности каждой группы, сравнив с аналогичными предметами из других памятников Саяно-Алтая. В тех случаях, когда сохранность предметов была достаточно хорошей, удалось определить техники дубления кожи и сырьевую базу, использовавшуюся для создания изделий из кожи.

Среди других кожаных изделий из могильника Аймырлыг преобладают ножны для ножей и кинжалов. А. М. Мандельштам разделял ножны для кинжалов по внешнему облику на два варианта: цельнокроеные и составные. В первом случае обойма и нижняя часть составляли единое целое. Во втором — обойма и нижняя часть кроились и выполнялись отдельно, а затем сшивались. Часть ножен служила для хранения не только кинжала, но и ножа. Ножны для ножей функционально были разделены на два вида: предназначенные только для ножей и снабженные специальным отделением для шила. Кожаные ножны для ножей однотипны: это выкроенный по определенной форме кусок кожи, который затем согнут пополам и сшит вдоль сомкнутых краев. Для подвешивания

¹ Исследование осуществляется при поддержке Королевского Общества древностей (Society of Antiquaries of London), Jane Arnold Award (2019).

² ORCID: 0000-0001-8964-3480; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com

³ Автор выражает благодарность хранителю коллекции К. В. Чугуну и Н. А. Жоговой за возможность работы с материалами.

ножен к поясам служили тонкие ремешки (от двух до четырех), концы которых вшивались в боковой стык. Частные различия прослеживаются во второстепенных деталях и наличии дополнительных частей, очевидно, сочетавших в себе конструктивные и декоративные функции. Некоторые ножны украшены орнаментом, нанесенным красной краской — встречаются полосы зигзагов. Кроме того встречается резной орнамент двух вариантов — шахматный и шевронообразный. Также в коллекции присутствуют кожанодеревянные ножны для ножей. Основу их составляет вытянутая четырехугольная деревянная планка с фигурным выступом на верхнем конце, снабженным отверстием. На планку-основу накладывалась кожаная часть той же формы, но без выступа в верхней части.

Цилиндрические по форме колчаны чаще всего не имели декора. Колчаны состояли из плотного толстого округлого дна и тонких кожаных стенок, которые крепились к деревянной вертикальной планке с помощью ремешков. Иногда друг к другу пришнуровывалось несколько цилиндров для разного типа стрел.

Фрагменты поясных ремней представлены в основном обрывками и узелками из ремешков, по которым можно проследить способы крепления портупей, но не конструкцию в целом. В основном встречаются полосы кожи, сложенные вдвое и прошитые сухожильными нитями через край, либо широкие полосы толстой однослойной кожи. Зафиксировано несколько случаев, когда ремешковые узелки как бы охватывают фрагменты женского текстильного пояса.

В могильнике Аймырлыг было найдено большое количество разнообразных по форме и назначению кожаных сумочек. Например, два кошелька для деревянных наборных гребешков аналогичны кошельку с гребешком внутри из кургана 83 могильника Холаш (Busova 2020). Нами были исследованы кошельки, созданные по типу переметных сум, с двумя отделениями одинакового размера и формы, а также различные сумочки-«мешочки» с пигментами внутри — как в курганах Юстыда (Кубарев 1991: 94–96).

На данном этапе можно сделать предварительные выводы о том, что основным методом обработки кожи служило жирование, в тех случаях, когда требовалась толстая и прочная кожа (как например, для поясных ремней, конской упряжи и дна колчана) в ход шла сыромять (автор выражает благодарность Т. Э. Кампер за консультацию).

Изучение коллекции археологических кож из могильника Аймырлыг, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, подтверждает важность возвращения к уже давно известным, но недостаточно исследованным материалам. На данный момент это самая сохранившаяся коллекция из курганов Тувы — в ней представлены почти все категории кожаных предметов создававшихся кочевыми народами I тыс. до н. э., кроме фляг и конского снаряжения. Таким образом, она стала референтной для нашего исследования и поможет в дальнейшем реконструировать технологии создания изделий из кожи с территории Саяно-Алтая.

Литература

- Кубарев 1991 — Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
Busova 2020 — Busova V. Red, floral appliqué leather purse-amulet from Southern Siberia, 4th–3rd centuries BC // The Archaeological Leather Group. London, 2020. Newsletter 51. P. 17–19.

ДАТИРОВКА И СЕМАНТИКА СЕЛЕНГИНСКИХ ПИСАНИЦ И ЕЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ НА ПОГРЕБАЛЬНЫХ РЕЛЬЕФАХ КИДАНЬСКИХ САРКОФАГОВ¹

А. В. Варенов²

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

DATING AND SEMANTICS OF THE SELENGA PETROGLYPHS AND ITS REMINISCENCES ON FUNERAL RELIEFS OF QIDAN SARCOPHAGI

Andrei V. Varenov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-159-162

Ключевые слова: *Селенгинские писаницы, птицы с распростертыми крыльями, наскальные изображения, бронзовые изделия, аналогии, датировка, семантика, киданьские погребальные рельефы.*

Keywords: *Selenga petroglyphs, birds with extended wings, rock paintings, bronzes, analogies, dating, semantics, Qidan funeral reliefs.*

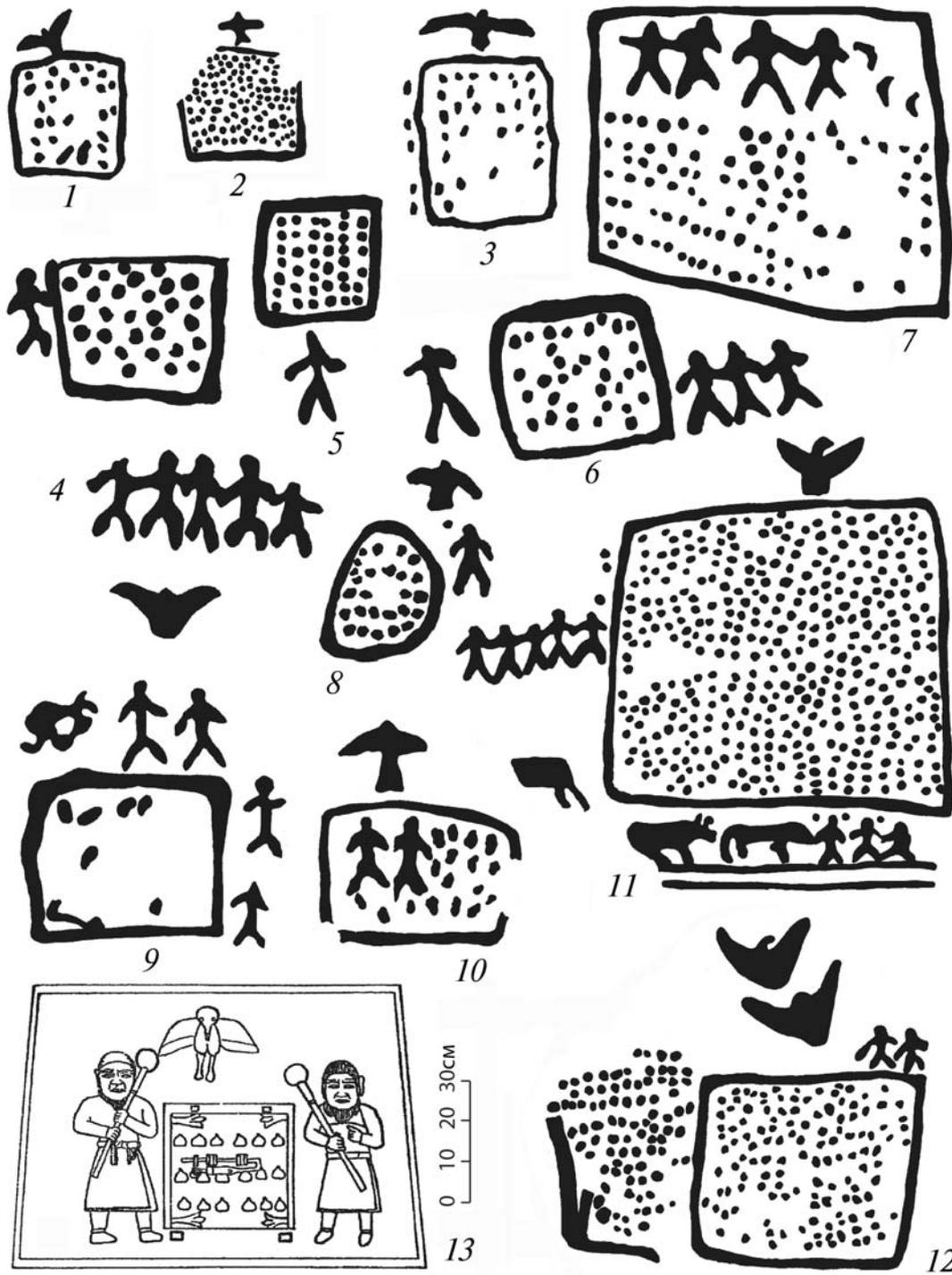
Селенгинские писаницы или писаницы «с оградками» — красочные наскальные изображения, состоящие из заполненной точками подквадратной (очень редко округлой) «оградки», над которой парит распростертая в полете птица и рядом с которой или внутри которой могут находиться несколько взявшихся за руки человеческих фигур (рис. 1, 1–12). А. П. Окладников датировал селенгинские писаницы путем сопоставления фигурок птиц с распростертыми крыльями и изображений, отлитых на рукоятках случайно найденных бронзовых ножей «тагарского облика» (рис. 2, 1–5). Предварительно он разделил птиц с распростертыми крыльями на «коршунов», «соколов», «ястребов» и «орлов», сравнивая их с силуэтами реальных пернатых хищников (рис. 2, 6–9). В результате исследователь пришел к выводу, что «писаницы селенгинской группы появляются в одно время с плиточными могилами Забайкалья и Монголии, по-видимому, еще во второй половине II тыс. до н. э., а затем продолжают бытовать в первой половине I тыс. до н. э., вплоть до гуннского времени» (Окладников, Запорожская 1970: 89).

В 1979 г. И. И. Кириллов выделяет в Восточном Забайкалье памятники «дворцовой» культуры, которую он отнес к карасукскому времени, предшествующему культуре плиточных могил (Кириллов 1979: 137). Одной из специфических черт новой культуры оказались бронзовые поясные бляхи с изображениями четырех птиц с распростертыми крыльями, которые автор сопоставил с наскальными рисунками «селенгинского» стиля (рис. 2, 10, 11). По мнению И. И. Кириллова, позже «в период существования культуры плиточных могил происходит отождествление (слияние) образа орла с образом оленя», получившее воплощение в изображениях на оленных камнях монголо-забайкальского стиля (Кириллов 1979: 139).

На тыльной стороне бронзового зеркала из погребения М1612 могильника царства Го Шанцуньлин в пров. Хэнань (КНР) отлита сцена, композиционно сходная с выбивкой на оленном камне № 15 из Ушкийн-Увэра в Монголии (рис. 1, 12, 13). Она изображает двух хищных зверей, готовых растерзать травоядного (или сцепиться из-за него), а ниже показана птица с распростертыми крыльями, что, на наш взгляд, свидетельствует о принципиальной

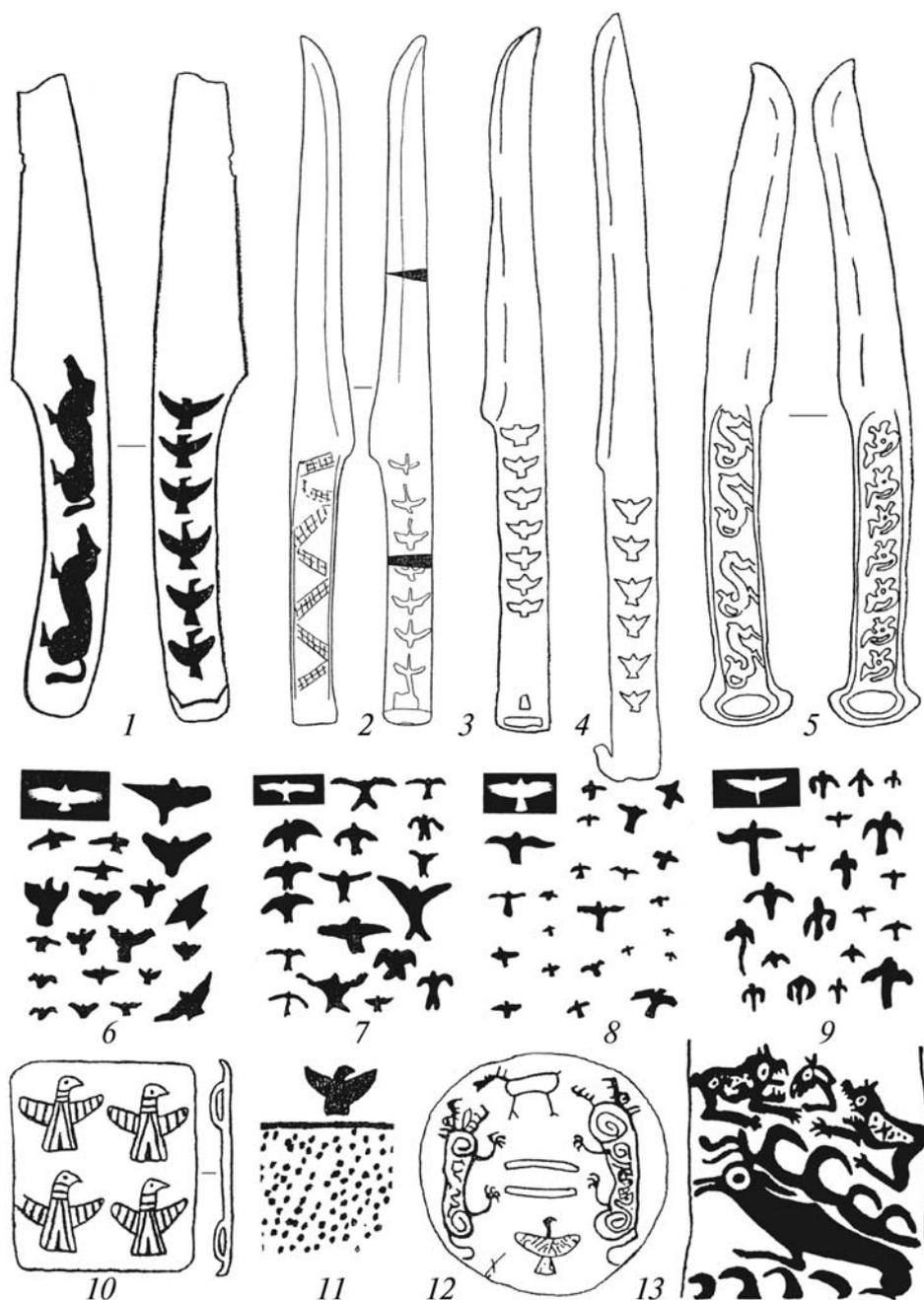
¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

² ORCID: 0000-0003-2145-8611; e-mail: avvarenov@mail.ru.

Рис. 1. Селенгинские писаницы «с оградками» и киданьский погребальный рельеф: 1–12 — селенгинские писаницы «с оградками»; 13 — рельеф на киданьском каменном саркофаге из Цзяньчуанхунь (все масштабы разные). Масштабирование и компоновка прорисовок выполнены А. В. Вареновым (1–12 — по: Окладников, Запорожская 1970: 172, 187, 189, 193, 203, 235–239; 13 — по: Цзинь Фэнъи 1980: 19, рис. 4)

Fig. 1. Selenga petroglyphs «with fences» and Qidan funeral relief: 1–12 — Selenga petroglyphs «with fences»; 13 — relief on the Qidan stone sarcophagus from Qianchuanghucun (all scales are different). Scaling and arranging of drawings are designed by A. V. Varenov (1–12 — after: Окладников, Запорожская 1970: 172, 187, 189, 193, 203, 235–239; 13 — after: Цзинь Фэнъи 1980: 19, рис. 4)

Рис. 2. Датирующие аналогии птицам с распростертыми крыльями селенгинских писаниц: 1-5 — ножи тагарского облика из случайных находок; 6-9 — классификация изображений птиц с распростертыми крыльями; 10, 11 — бляха с изображениями птиц и деталь писаницы; 12, 13 — зеркало из Шангцуньлина и деталь оленного камня № 15 из Ушкийн-Увэра (1-5, 10, 12 — бронза, 6-9, 11, 13 — наскальные изображения (все масштабы разные). Масштабирование и компоновка прорисовок выполнены А. В. Вареновым (1-9 — по: Окладников, Запорожская 1970: 69-71, 73, 80; 10, 11 — по: Кириллов 1979: 138; 12, 13 — по: Варенов 1984: 47)

Fig. 2. Dating analogies for birds with spread wings from the Selenga petroglyphs: 1-5 — Tagar-like knives from random finds; 6-9 — classification of birds with spread wings; 10, 11 — buckle with representations of birds and detail of the petroglyph; 12, 13 — mirror from Shangcunling and detail of the stag-stone No 15 from Ushkiin-Uver (1-5, 10, 12 — bronze, 6-9, 11, 13 — rock petroglyphs (all scales are different). Scaling and arranging of drawings are designed by A. V. Varenov (1-9 — after: Окладников, Запорожская 1970: 69-71, 73, 80; 10, 11 — after: Кириллов 1979: 138; 12, 13 — after: Варенов 1984: 47; 12, 13 — after: Varenov 1984: 47)

синхронности птиц с распростертыми крыльями и оленных камней монголо-забайкальского стиля (Варенов 1984: 47–48).

Могильник Шанцуньлин не моложе середины VII в. до н. э., а большинство его погребений датируется второй половиной IX — первой половиной VIII в. до н. э. (Шанцуньлин 1959: 27). Многочисленные аналогии птицам с распростертыми крыльями встречаются в культуре Верхнего слоя Сяцзядянь (она же — «тип Наньшаньгэнь»), которая также датируется IX–VIII/VII вв. до н. э. Это не только бронзовые бляшки или подвески в виде птиц с распростертыми крыльями, но и рельефные изображения таких птиц на поверхности бронзовых сосудов, и оформленные как птицы бронзовые распределители ремней конской узды (Сяохэйшигоу 2009).

По поводу семантики селенгинских писаниц А. П. Окладников отмечал, что нарисованные оградки в большинстве квадратные, как и плиточные могилы, а значит, отражают представления космического характера, культ неба и земли. В то же время, считал он, оградки символизируют не только Вселенную, но и род или племя, а помещенные внутри них человечки или пятна — членов этой общины, возможно, души людей и/или скота. Птицы, парящие над оградками, сопричастны небу, добрым силам вселенной, противодействующим силам зла (Окладников, Запорожская 1970: 91–92).

Позже А. В. Запорожченко и Д. В. Черемисин реконструировали общеиндоевропейскую мифологию, которая, на наш взгляд, хорошо объясняет возможный сюжет селенгинских писаниц: «На границе миров, в порубежном локусе, у входа в иной мир, который маркируется образом мировой горы <...> или мировой реки <...>, обитают тератологические существа — стражи подземных богатств и входа в “страну блаженных” (одноглазые великаны, безносые карлики...). В “тот” мир совершают путешествия только фантастические гигантские птицы, вступающие в жестокие схватки с его охранниками. Птицы доставляют туда души умерших <...>, а оттуда — новую жизнь, плодородие, души новорожденных...» (Запорожченко, Черемисин 1997: 89).

Неожиданную аналогию композиции и семантике селенгинских писаниц представляет рельеф на торцевой стенке каменного саркофага из киданьского погребения рубежа X–XI вв., исследованного в Цяньчуанхуцунь уезда Чаоян пров. Ляонин в КНР (Цзинь Фэнъи 1980). Он изображает двух гигантских стражников с дубинками по бокам от украшенной шляпками 18 гвоздей (?) и закрытой на замок двухстворчатой двери (что очень напоминает квадратную оградку с точками внутри), над которой парит распростертая в полете птица (рис. 1, 13).

Литература

- Варенов 1984 — Варенов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 42–51.
- Запорожченко, Черемисин 1997 — Запорожченко А. В., Черемисин Д. В. Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели // ВДИ. 1997. № 1. С. 83–90.
- Кириллов 1979 — Кириллов И. И. Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТД Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1979. С. 36–39.
- Окладников, Запорожская 1970 — Окладников А. П., Запорожская В. А. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970.
- Сяохэйшигоу 2009 — Сяохэйшигоу — Сяцзядянь шан цэн вэньхуа ичжи фацзюе баогао [Сяохэйшигоу — отчет о раскопках памятника культуры верхнего слоя Сяцзядянь]. Пекин, 2009.
- Цзинь Фэнъи 1980 — Цзинь Фэнъи. Ляонин Чаоян Цяньчуанхуцунь Ляо му. [Ляоское погребение из Цяньчуанхуцунь в уезде Чаоян пров. Ляонин] // Вэнью. 1980. № 12. С. 17–29.
- Шанцуньлин 1959 — Шанцуньлин Гого муди [Могильник царства Го в Шанцуньлине]. Пекин, 1959.

М. И. РОСТОВЦЕВ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ БОСПОРА С МИРОМ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

Ю. А. Виноградов²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

MIKHAIL I. ROSTOVITZEFF ABOUT THE INTERACTIONS OF THE BOSPORUS WITH THE NOMADIC WORLD OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Yurii A. Vinogradov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-163-165

Ключевые слова: историография, М. И. Ростовцев, греческие колонии, Боспор Киммерийский, скифский мир.

Keywords: historiography, M. I. Rostovtzeff, Greek colonies, Cimmerian Bosphorus, Scythian world.

В огромном научном наследии М. И. Ростовцева нет работ, которые были бы специально посвящены обозначенной теме, однако во многих его исследованиях проблемы контактов греческих государств региона с номадами обозначена вполне отчетливо. Нет сомнения в том, что он, как и многие историки того времени, прекрасно понимал своеобразие демографической ситуации, в которой оказались греческие колонии на северном берегу Черного моря, — их соседство с миром кочевников, приспособиться к которому и наладить взаимовыгодные связи с которым было отнюдь не просто. Более того, Ростовцев особо подчеркивал, что по степному коридору с востока на запад периодически передвигались новые и новые скотоводческие этносы, ломавшие устоявшуюся систему греко-варварских взаимоотношений в регионе (Ростовцев 1918: 4; Rostovtzeff 1922: 8–9; ср.: Виноградов 2009: 23 сл., 65–66). Из античных государств Северного Причерноморья Боспор был самым восточным, т. е. располагался первым на пути переселений номадов, и его роль во взаимоотношениях с кочевниками была особенно значительной. Эта идея прекрасно выражена названием монографии «Скифия и Боспор», работу над которой М. И. Ростовцев закончил в 1918 г. (Ростовцев 1925). Скифию он рассматривал не в обычно понимаемом «узком» смысле, а выходил за ее территориальные и хронологические границы, по существу описывая весь варварский мир региона.

Исследователь, с одной стороны, считал, что греческие города Северного Причерноморья стояли к скифскому царству в таких же вассальных отношениях, что и города Малой Азии к Персии (Ростовцев 1989: 184); он указывал при этом, что именно существование стабильных кочевнических государств гарантировало грекам «свободу контактов с народами по берегам великих рек», способствовало быстрому развитию их экономики (Rostovtzeff 1922: 12). С другой стороны, нарисованная Ростовцевым картина была далека от идиллической, в частности, он признавал, что фактор скифской угрозы стал стимулом консолидации боспорских колоний и создания единого Боспорского государства (Ростовцев 1989: 186).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² ORCID: 0000-0002-4447-5679; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

Одной из важнейших заслуг Ростовцева в этой сфере надо признать то, что он первым обратил внимание на однородность и синхронность расцвета культуры в античном Северном Причерноморье. Исследователь правильно указывал, что на эти эпохи расцвета приходится «огромное большинство наиболее богатых и характерных погребений как в окрестностях <греческих> городов, так и в безбрежных степях нашего Юга» (Ростовцев 1912: 104). Иными словами, он вполне осознал тот факт, что мир эллинов и мир варваров в известном смысле представляли взаимосвязанную систему, функционировавшую в едином ритме. Этот вывод, безусловно, имеет огромное значение для современной науки. Периодически повторяющиеся периоды культурного расцвета и сменяющего их упадка, конечно, требуют научного объяснения.

Вместе с тем нельзя оставить без внимания тот факт, что М. И. Ростовцев на практике не всегда следовал своим теоретическими построениям. В частности, абсолютно верно заключая, что IV в. до н. э. был «золотым веком» эллинства на северном берегу Черного моря (Ростовцев 1918: 93), он никак не отметил, что это был и «золотой век» скифства. В такой же мере нельзя признать удачным его заключение, что отсутствие «больших степных царств» было выгодно Пантикапею (Ростовцев 1912: 115). Напротив, консолидированная Скифия IV в. до н. э. стала гарантом стабильности в регионе, что обеспечило расцвет всех греческих государств северного Понта и прежде всего Боспора. А вот смутные времена, связанные с продвижением на запад новых кочевнических этносов, приводили к крушению устоявшейся системы греко-варварских взаимоотношений и кризису эллинства на северном берегу Черного моря.

В этом отношении Ростовцев справедливо писал, что в первой половине II в. до н. э. культура Боспорского царства переживала своего рода возрождение (Rostovtzeff 1930: 581; 1932: 227). Это возрождение, как представляется, в немалой степени было вызвано стабилизацией военно-политической обстановки в Прикубанье, начавшейся там после сарматского передвижения.

Огромным вкладом Ростовцева в археологическую науку стало его фундаментальное исследование «Античная декоративная живопись на Юге России» (Ростовцев 1913; 1914). Основное внимание в нем сосредоточено на боспорских расписных склепах. Одним из памятников такого рода, сооруженных в первых веках н. э., является склеп Анфестерия (Ростовцев 1913: табл. LI; 1914: 170–182). Анализируя фигуративные композиции, представленные на его стенах, Ростовцев писал: «Перед нами земледелец и коневод степного типа, конный помещик и воитель, с оружием в руках охраняющий свои табуны и, вероятно, свои запашки. Живет он в степи в кибитке или юрте, очевидно, не весь год, а только в хозяйственный сезон; в юрте с ним в это время и вся семья, — жена и дети, рабы и оруженосцы, всегда сопровождающие своего конного хозяина» (Ростовцев 1912: 117). Все-таки трудно поверить, что боспорские аристократы в римское время стали своего рода полукочевниками, на летний сезон уходившими в степи Северного Причерноморья. В лучшем случае это могло относиться к представителям варварской знати, вошедшим в состав элиты Боспорского царства. Однако нет сомнения в том, что кочевой быт был прекрасно известен на Боспоре, и его картины в росписях боспорских склепов появились совсем не случайно.

М. И. Ростовцев правильно указывал, что связи с кочевым миром имели для Боспора огромное значение на протяжении всей его тысячелетней истории. Многие его выводы полностью сохранили свою значимость, и современным исследователям не следует о них забывать.

Литература

Виноградов 2009 — Виноградов Ю. А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2009. Вып. 22. С. 5–90.

- Ростовцев 1912 — *Ростовцев М. И.* Боспорское царство и южно-русские курганы // Вестник Европы. 1912. Июнь. С. 101–120.
- Ростовцев 1913 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. Табл. I–CXII. СПб., 1913.
- Ростовцев 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Текст. Т. 1. Описание и исследование памятников. СПб., 1914.
- Ростовцев 1918 — *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Ростовцев 1989 — *Ростовцев М. И.* Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. № 2. С. 183–197.
- Rostovtzeff 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Rostovtzeff 1930 — *Rostovtzeff M.* The Bosphoran Kingdom // CAHist. 1930. Vol. VIII. P. 561–589.
- Rostovtzeff 1932 — *Rostovtzeff M.* Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // CAHist. 1932. Vol. IX. P. 211–260.

ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУВЫ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ: АНАЛИЗ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

А. В. Громов¹, Е. Н. Учанева²

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

HISTORY OF THE POPULATION OF TUVA IN SCYTHIAN TIMES: AN ANALYSIS OF CRANIOLOGICAL DATA

A. V. Gromov, E. N. Uchaneva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-165-167

Ключевые слова: Тува, скифское время, палеоантропология, краниометрия, Аймырлыг, алды-бельская культура, уюкско-саглынская культура.

Keywords: Tuva, Scythian times, paleoanthropology, craniometry, Aymyrlyg, Aldy-Bel culture, Uyuk-Saglynsk culture.

Публикация посвящена результатам изучения краниологического материала скифского времени с территории Тувы. Авторами были привлечены опубликованные краниологические серии (Громов и др. 2015; Козинцев, Селезнева 2011; Учанева 2014; Чикишева 2012), а также собственные неопубликованные краниометрические данные и измерения В. И. Селезневой.

Подбор групп для статистического анализа производился с учетом современных представлений о периодизации археологических культур скифского круга в Центральной Азии. Деление по хронологическому принципу было также проведено и для большой краниологической серии скифского времени из могильника Аймырлыг. Кроме культурной принадлежности для группировки отдельных мелких могильников в суммарные серии был использован географический критерий.

¹ ORCID: 0000-0002-3263-3801; e-mail: andrey.v.gromov@mail.ru.

² ORCID: 0000-0002-5170-3107; e-mail: ucha.89@mail.ru.

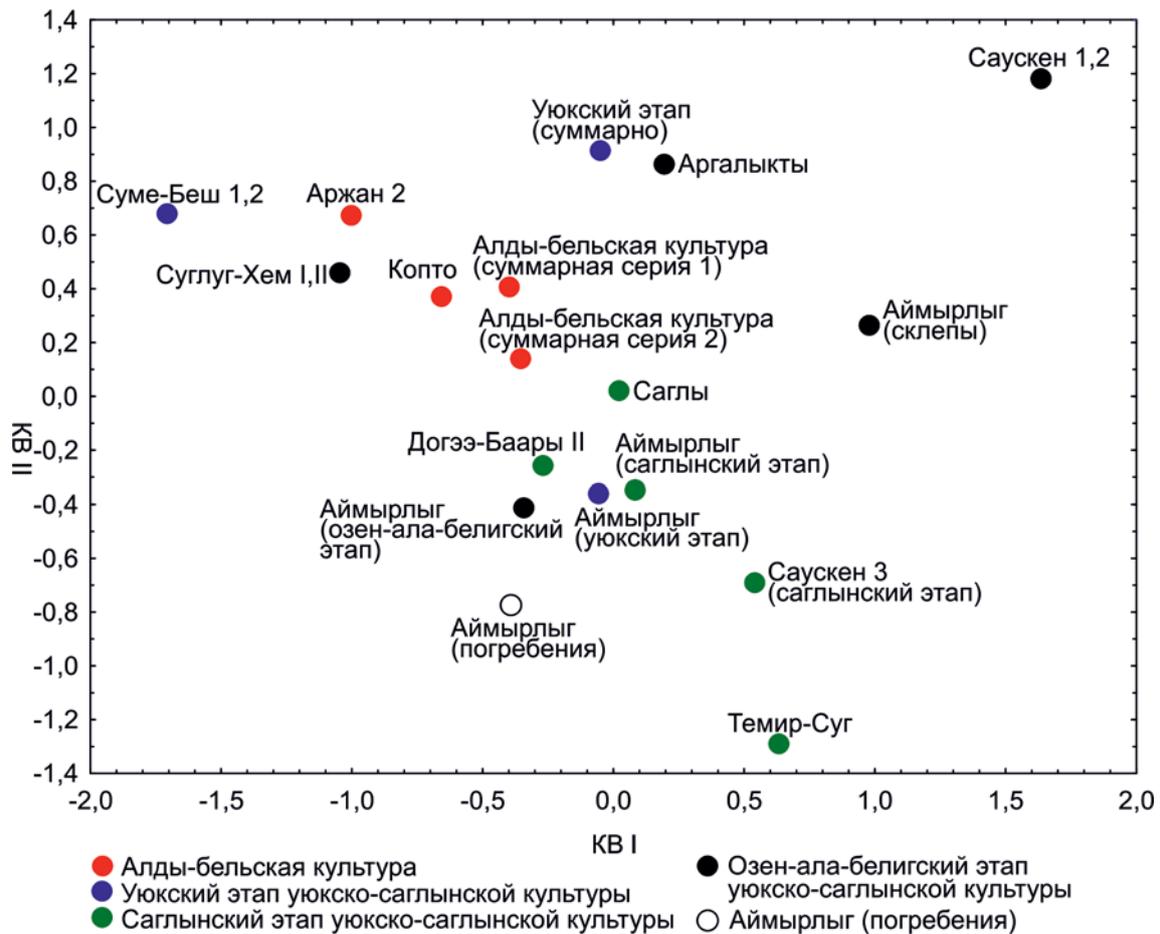

Рис. 1. Положение мужских краниологических серий скифского времени из Тувы в пространстве первого и второго канонических векторов

Fig. 1. Position of the male cranial series of Scythian times from Tuva in the space of the first and second canonical vectors

Алды-бельская культура представлена суммарными сериями и отдельными памятниками: Копто, Аржан 2. Суммарная серия № 1 включает в себя могильники долины реки Ээрбек и правого берега р. Улуг-Хем: Ангор-Хову, Бай-Даг 6, 8, Ээрбек 1, Ак-Даг 1. Суммарная серия № 2 включает в себя памятники, расположенные в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища: Хемчик-Бом III, Алды-бель I, Чинге, Суме-Беш I.

Уюкско-саглынская культура представлена следующими краниологическими сериями. Уюкский этап: могильник Суме-Беш II, серия из могильника Аймырлыг и суммарная серия из долины реки Ээрбек — Эки-Оттут 1, Саускен 3, Эки-Оттут 2, Бай-Даг 5. Саглынский этап: серия из могильника Аймырлыг, могильники Саглы, Догээ-Баары II, Саускен 3, Темир-Суг. Озен-ала-белигский этап: могильники Саускен 1, 2, Аргалыкты, Суглуг-Хем I, II, серии из могильника Аймырлыг — суммарная без склепов и серия из склепов (группы XXIII, XXVII).

Анализ межгрупповой изменчивости проводился с помощью дискриминантного канонического анализа в программе STATISTICA 12.0 с использованием индивидуальных данных по 15 краниометрическим признакам.

По результатам канонического анализа мужских серий первые два канонических вектора (KB) описывают 38,7 % изменчивости. Максимальные нагрузки в KB I при-

ходятся на симотическую ширину и ширину носа. Во втором векторе определяющими являются назомаллярный угол и, как и в первом векторе, симотическая ширина. Таким образом, дифференциация мужских серий происходит за счет различий лицевых размеров.

В графических результатах анализа (рис. 1) наиболее ярко проявляется отличие алдыбельских и саглыньских серий, области расположения которых не пересекаются. Для черепов саглыньского этапа уюкско-саглыньской культуры в среднем характерна умеренная степень уплощенности лицевого скелета на верхнем уровне по сравнению с другими группами. В области крайних положительных значений по первым двум векторам на графике оказывается серия, на черепах которой присутствует сочетание больших значений двух признаков — ширины носа и назомаллярного угла — серия из могильников Саускен 1, 2. Отдельно необходимо отметить, что большая часть серий из могильника Аймырлыг сосредоточена в центре графика (за исключением группы из склепов, которая отличается среди них самым широким переносом и носом). Это говорит о преимуществах населения в конкретных регионах Тувы.

Для анализа женских серий пришлось сократить число групп из-за отсутствия достаточного количества черепов из отдельных могильников, что связано с сохранностью палеоантропологического материала. Суммирование проводилось по территориальному принципу с сохранением культурно-хронологической разбивки. Общий процент изменчивости, который пришелся на первые два КВ, составил 40,1 %, но характер изменчивости в данном случае определяется другими признаками — шириной мозговой коробки в обоих векторах, а в первом векторе также шириной носа. Таким образом, дифференциация женских серий определяется другими закономерностями, в том числе изменчивостью признаков мозговой части черепа. Несмотря на это, два основных результата, полученных по мужским группам, повторяются: четко различаются алдыбельские и саглыньские серии, а группы из могильника Аймырлыг сходны независимо от культурно-хронологической принадлежности.

Уюкские серии обоих полов малочисленны и в целом можно отметить трансгрессию с алдыбельскими и саглыньскими областями графического представления КВ I и II, что соответствует положению данных групп на хронологической шкале. Серии озен-ала-белигского этапа немногочисленны, по сравнению с саглыньскими, и проявляют сходство скорее не с ними, а с более ранними группами. Эта тенденция также имеет место в анализе краниологических серий обоих полов и заслуживает дальнейшего изучения после увеличения источниковой базы.

Литература

- Громов и др. 2015 — Громов А. В., Селезнева В. И., Учанева Е. Н. Антропологические материалы из могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II (Центральная Тува) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб., 2015. С. 379–388.
- Козинцев, Селезнева 2011 — Козинцев А. Г., Селезнева В. И. Краниометрические особенности населения Тувы эпохи железа: Черепа из могильника Саглы // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 217–222.
- Учанева 2014 — Учанева Е. Н. Новые краниологические материалы скифского времени из Центральной Тувы // Труды IV (XX) ВАС в Казани. Казань, 2014. Т. IV. С. 413–416.
- Чикишева 2012 — Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск, 2012.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БАКТРИИ СЕЛЕВКИДСКОГО ПЕРИОДА¹

Н. Д. Двуреченская²

Институт археологии РАН, Москва, Россия

BACTRIAN CERAMIC COMPLEX OF THE SELEUCID PERIOD

Nigora D. Dvurechenskaya

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-168-170

Ключевые слова: *Бактрия, эллинизм, Селевкидская империя, керамический комплекс, крепость Узундара.*

Keywords: *Bactria, Hellenism, Seleucid Empire, ceramic complex, Uzundara fortress.*

В XX в. ключевым памятником для изучения эллинистического керамического комплекса стало уникальное городище Ай-Ханум. Благодаря усилиям Французской археологической делегации в Афганистане (DAFA) был получен колоссальный по объему и богатейший по разнообразию материал с северо-восточной окраины эллинистического мира (Лионне 2019: 137–138). Однако даже он не позволил разработать непротиворечивую дробную хронологическую керамическую шкалу. И полтора столетия эллинистической эпохи в Средней Азии практически не поддаются разделению хотя бы на несколько, четко и бесспорно разграничиваемых, хронологических этапов.

За вторую половину XX в. археологами был накоплен многочисленный, но фрагментарный материал из десятков памятников, которые содержали слои IV–II вв. до н. э. Проблема разработки дробной керамической шкалы еще острее встала в XXI в.: появились вновь открытые эллинистические памятники, доступные, как Ай-Ханум, для раскопок на широкой площади, однако меньшего масштаба и расположенные теперь уже в Северной Бактрии (Двуреченская 2019: 105–106).

Среди них стоит отметить небольшую крепость Курганзол, полностью вскрытую в 2003–2008 гг. (Сверчков 2013); крепость Кампыртепа, где эллинистические слои были перекрыты только слоями кушанского времени, и был раскопан один из первых ранне-эллинистических архитектурных комплексов в Северной Бактрии (Ртвеладзе 2019: 248–287; Болелов 2013: 106–131); наконец, горная крепость Узундара (Ртвеладзе, Двуреченская 2015: 37–46). Последний памятник площадью около 2 га, с мощной фортификационной системой был доступен для раскопок на всей своей площади и не содержал поздних напластований. В отличие от городища Ай-Ханум, все его стратиграфические слои хорошо датированы многочисленным нумизматическим материалом.

Ввод в научный оборот комплексов керамики с цитадели крепости Узундара, которые стратиграфически и нумизматически датированы первой половиной III в. до н. э. исключительно важен для создания керамической шкалы эллинистического времени и, в частности, для выделения одного из наиболее ранних этапов — селевкидского периода.

Самый первый обзор представленного материала уже позволяет отметить некоторые его особенности. Керамика в подавляющем большинстве хорошего качества, изготовлена на гончарном круге. Типовой и наиболее массовый набор форм включает чаши, кубки, «рыбные блюда», узкогорлые кувшины, тагора, фляги, хумы и хумчи.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00227.

² ORCID 0000-0001-5269-396X; e-mail: nigoradvur@mail.ru.

Среди чаш наибольшее количество представлено чашами II типа с загнутым внутрь краем. Представлены и чаши, обожженные в режиме восстановительного обжига и покрытые черным ангобом. Среди кубков имеются крупные экземпляры (до 17–20 см в диаметре) горшковидного типа. Среди кувшинов необходимо отметить как возможный хронологический индикатор сосуды на очень толстых днищах. Среди фляг фиксируются как устойчивая форма среднеразмерные односторонние с хорошим ангобным покрытием, как правило, красно-коричневого цвета. Тагора глубокие, крупных размеров. Среди хумов выделяется группа с орнаментальными поясками, как под венчиком, так и у днища сосудов, сформованными пальцевыми вдавлениями. Аналогичные признаки наблюдаются в «закрытом комплексе» крепости Кампыртепа и у посуды с Курганзола (Двуреченская 2015: 216, 217, рис. 8). В качестве рудимента, но устойчивого, встречаются фрагменты днищ с подкосами.

Ранее на материалах закрытого комплекса из террасного дома Кампыртепа, а также помещения 7 крепости Курганзол был предложен ряд характеристик для выделения комплексов последней трети IV — первой половины III в. до н. э.:

— большой процент лепной керамики (более 10 %). Для сравнения упомянем, что в керамическом комплексе раннекушанского времени лепная керамика составляет, как правило, не более 4 %. Напротив, для комплексов позднеахеменидского времени, как раз характерно приблизительно такое соотношение лепной и станковой посуды. В качестве примера можно привести материалы Кызылтапа:

— набор форм, где численно преобладают чаши, кубки, «рыбные блюда», кувшины, а также банковидные горшки, котелки с ручками-выступами, тагора, хумы и хумчи, сковороды.

— сохранение гончарных традиций позднеахеменидского времени. Это отразилось в наборе «перекочевавших» форм, таких как кубки I типа, лепные котелки с ручками в виде шишечек, банковидные горшки, сковороды, а также в сохранении отдельных морфологических элементов — подкосов, округлых днищ. Из приемов декорирования сосудов V–IV вв. до н. э. продолжают бытовать высветление и использование орнаментальных поясков из пальцевых вдавлений.

— в состав керамического комплекса раннеэллинистического периода входит набор таких греческих форм, как кратеры, чаши II–IV типов, «рыбные блюда», леканы, канфары, албастры, аски, ойнохойи и др. Как правило, суммарно посуда этих форм составляет от 10 % до трети всего комплекса.

Предварительная обработка керамики из нижних слоев цитадели крепости Узундара показывает, что основные признаки керамических комплексов вполне согласуются с ранее выделенными характеристиками, однако обладают и своей спецификой, дальнейшее исследование которой, возможно, позволит более предметно отделить керамику периода Александра и диадохов от посуды новой волны эллинизации времен ранних Селевкидов (первая половина III в. до н. э.).

Литература

- Болелов 2013 — Болелов С. Б. Кампыртепа — античная крепость на Оксе: стратиграфия, периодизация, хронология // *SAnt*. 2013. Т. 3. С. 75–132.
- Двуреченская 2015 — Двуреченская Н. Д. К вопросу о раннеэллинистической керамике Бактрии (по материалам закрытого комплекса из террасного дома Кампыртепа) // *ЗВОРАО*. НС. 2015. Т. 3. С. 197–227.
- Двуреченская 2019 — Двуреченская Н. Д. К вопросу о северной границе Бактрии // *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура: Материалы международной конференции, посвященной памяти Б. А. Литвинского*. Москва, 16–18 апреля 2018 г. М., 2019. С. 99–113.

- Лионне 2019 — Лионе Б. Эллинистическая керамика из героона Киня в Ай-Ханум (Афганистан) // Там же. С. 137–152.
- Ртвеладзе 2019 — Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Трансоксиане: Походы, историческая география. СПб., 2019.
- Ртвеладзе, Двуреченская 2015 — Ртвеладзе Э. В., Двуреченская Н. Д. Узундара — эллинистическая крепость в Бактрии (материалы рекогносцировочно-разведывательных работ 2013 г.) // Археология Узбекистана. 2015. № 2. С. 37–46.
- Сверчков 2013 — Сверчков Л. М. Курганзол. Крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент, 2013.
- Dvurechenskaya 2019 — Dvurechenskaya N. D. The Hellenistic Fortress of Uzundara // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries: Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern, 4–6 February 2016. Wiesbaden, 2019. P. 153–162.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ИЗ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА¹

Т. О. Двуреченская²

Институт археологии РАН, Москва, Россия

HANDMADE POTTERY FROM THE FORTRESS OF UZUNDARA

Taisiya O. Dvurechenskaya

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-170-171

Ключевые слова: Северная Бактрия, эллинизм, крепость Узундара, лепная керамика.

Keywords: Northern Bactria, Hellenism, Uzundara fortress, handmade pottery.

С момента изобретения гончарного круга лепная керамика постепенно и неумолимо вытесняется круговой посудой. Преимущества круговой керамики очевидны: это эстетичный вид, равномерный обжиг и, как следствие, высокое качество самих изделий. Однако на протяжении всей истории человечества — вплоть до индустриальной революции — лепная керамика продолжала существовать и составляла значительный процент от общего числа керамической посуды.

Существует справедливое мнение, распространенное в среде археологов, о примитивности лепной керамики и использовании ее как дешевой и простой замены гончарной. В свете этого мнения интересно рассмотреть лепную керамику с памятника Узундара: горная крепость, обеспечиваемая всем необходимым для длительного проживания военного гарнизона, в силу своей функциональной специфики, а также лимита воды представляет собой уникальный случай, где не было не только необходимости, но и возможности заменять гончарную керамику «более дешевой» лепной.

В настоящее время с полностью раскопанной цитадели крепости Узундара было получено свыше 10 тыс. формообразующих фрагментов керамики, где процент лепной посуды достаточно высок (более 10 %). Наряду с другими характеристиками количество лепной керамики в общей статистике керамических комплексов со всего памятника или со значи-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00227.

² ORCID: 0000-0002-7757-9589; e-mail: tasydvur@mail.ru

тельной его части, исключая функциональные особенности отдельно взятых помещений, выступает как проверяемый показатель, маркирующий ту или иную эпоху (Двуреченская 2015: 224).

Вариативность типов лепной керамики велика: она встречается практически во всех функциональных группах керамических комплексов крепости Узундара. Из кухонной посуды — это котелки, горшки, сковороды; из хозяйственной — тагора, светильники; в тарной — хумы, хумчи, фляги, кувшины; из столовой посуды — это миниатюрные сосуды, солонки; отметим, наконец, лепные керамические ванны (Шишкина, Болелов 2010: 36). Обозначенные типы разнятся как по своему назначению, так и по качеству изготовления. Обжиг лепных котелков и горшков низкотемпературный, черепок легко крошится и не переносит влаги, в то время как хумы, хумчи, тагора отличаются высоким качеством теста и обжига.

Стоит отметить наличие комбинированной техники изготовления сосудов, когда какую-либо часть изготавливали на гончарном круге (венчик, горло и т. д.), а другую лепили вручную. В основном эта техника применялась при изготовлении больших по объему сосудов, таких как хумы, хумчи, фляги.

Таким образом, лепная керамика занимает значительную часть керамического комплекса с цитадели Узундара. Кроме того, только на лепных котелках и горшках встречаются обильные слои копоти, тогда как иной посуды использовавшейся для приготовления пищи не найдено — что говорит о быте военного гарнизона крепости.

Литература

- Двуреченская 2015 — Двуреченская Н. Д. К вопросу о раннеэллинистической керамике Бактрии (по материалам закрытого комплекса из террасного дома Кампыртепа) // ЗВОРАО. НС. 2015. Т. 3. С. 197–227.
- Шишкина, Болелов 2010 — Шишкина Г. В., Болелов С. Б. Опыт классификационного описания Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного Музея Востока) // МКВ. 2010. Вып. 5. С. 27–41.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ЗАЩИТНИКОВ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА¹

О. В. Двуреченский²

Институт археологии РАН, Москва, Россия

WEAPONRY COMPLEX OF THE DEFENDERS OF THE FORTRESS OF UZUNDARA

Oleg V. Dvurechenskii

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-171-173

Ключевые слова: древняя Бактрия, восточный эллинизм, крепость Узундара, наконечники стрел, греко-бактрийское вооружение.

Keywords: ancient Bactria, eastern Hellenism, fortress of Uzundara, arrowheads, Greco-Bactrian weapons.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00227.

² ORCID: 0000-0003-0200-493X; e-mail: nigoraoleg@mail.ru.

Комплекс наступательного вооружения античной Средней Азии не раз рассматривался в работах отечественных исследователей. Анализу подвергались преимущественно материальная культура среднеазиатских кочевников или отдельные виды наступательного вооружения, охватывающие широкие хронологические и территориальные рамки. Здесь отдельно следует отметить публикацию Б. А. Литвинским всего комплекса, происходящего из т. н. Храма Окса в Тахти-Сангине, где дана блестящая историографическая подборка, затрагивающая эволюцию вооружения древней Бактрии в его генезисе и развитии. Однако комплекс предметов с Тахти-Сангина не имеет, как правило, четкой стратиграфии, что не позволяет рассматривать его как эталонный для выстраивания четкой хронологии древнебактрийского оружия. Выгодно отличается в этом отношении комплекс вооружения, происходящий с территории пограничной крепости Узундара: он обладает уникальными свойствами хорошо датированной серии, где находки имеют ясный стратиграфический и планиграфический контекст. Особенностью данного комплекса также является то, что перед нами предметы, иллюстрирующие военный быт гарнизона селевкидской и грекобактрийской крепости, что позволяет рассматривать эту серию предметов в рамках четкого функционального контекста.

Как показали исследования памятника, проводившиеся в 2013–2017 гг., крепость Узундара являлась опорным пунктом (погранзаставой) северо-западной линии обороны Бактрии, функционировавшим с конца IV по середину II в. до н. э. По всей видимости, гарнизон крепости должен был контролировать прилегающие линии крепостных стен, перекрывавших проходы через ущелья горы Сусизтаг в долинские районы Северной Бактрии. Основная опасность, по мнению Н. Д. Двуреченской, исходила именно с северо-запада, где обитали кочевнические племена.

На конец полевого сезона 2019 г. комплекс вооружения, происходящий с территории памятника, насчитывал 580 наконечников стрел, более 200 каменных ядер для пращи, серию втоков и наконечников дротиков (11 экз.), целый образец и фрагмент нащечника от шлема, несколько фрагментов бронзовых и железных пластин, которые можно отнести к деталям защитного снаряжения, и предметы конской упряжи.

Вся серия предметов вооружения и конского снаряжения из Узундары по характеру обнаружения может быть разделена на две группы. Первая группа происходит непосредственно из слоев крепости и имеет четкую стратиграфическую и планиграфическую привязку (около 350 находок). Вторая группа получена при сплошных планшетных сборах, проводившихся преимущественно за пределами крепостных стен, и также имеет четкую топографическую и планиграфическую привязку. К этой группе принадлежат главным образом наконечники стрел, которые могли относиться как к боеприпасам защитников крепости, так и к снаряжению их противников. Многочисленные наконечники стрел, обнаруженные за пределами стен, имеют характерную деформацию в виде согнутого кончика острия, которая могла образоваться при попадании наконечника в каменные стены укреплений в ходе их обстрела. Вполне вероятно, что это следы боевых столкновений, происходивших в период функционирования Узундары.

Отметим также, что предметы, обнаруженные при планшетном сборе за пределами крепости, могут быть разделены на три хронологических этапа по составу наконечников стрел. К первому этапу следует отнести бронзовые наконечники VI–IV вв. до н. э., хорошо известные по аналогиям древних среднеазиатских историко-культурных областей степного круга. Они иллюстрируют военную активность на этой территории в период до возведения крепостных стен, изученных нашей экспедицией. Вторым периодом представлен материальной культурой, синхронной крепости Узундара. Это преимущественно мелкие черешковые железные наконечники стрел и фрагменты дротиков, которые обнаружены как на территории самой крепости, так и в ее окрестностях при планшетных сборах. Третья группа предметов вооружения относится к средневеко-

вью и характеризуется наконечниками стрел IX–XIII вв. н. э. Как видим, и ущелье Узундара, и непосредственно территория самой крепости на протяжении столетий воспринимались как ключевой пункт обороны долины Сурхандарьи и периодически превращались в зону боевых действий. В этой связи хочется отметить, что среди предметов, обнаруженных при планшетных сборах, были найдены также многочисленные гильзы и пули конца XIX и первой трети XX в. от гладкоствольного и нарезного огнестрельного оружия.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что возведение крепости в ущелье Узундара было абсолютно закономерно в силу его стратегического положения, что и доказывается характером воинской материальной культуры, обнаруженной на этой территории.

На территории крепости и в прилегающей зоне обнаружено 580 наконечников стрел и арбалетных болтов. По материалу наконечники делятся на бронзовые (25 экз.) и железные (555 экз.). Среди железных выделяется 50 средневековых наконечников. Из 555 железных наконечников стрел, обнаруженных в полевые сезоны 2013–2019 гг. и относящихся ко времени бытования крепости, только 410 были включены в типологию. Один наконечник был заготовкой, а 141 экз. представляли собой плохо сохранившиеся аморфные фрагменты.

Вторым оружием дистанционного боя для гарнизона Узундара (по всей видимости, более дальнобойным и весомым) являлась праща, столь характерная для греческого военного дела в рассматриваемый период. Ядра для пращи, обнаруженные в башнях и стрелковых галереях крепости — одна из частых находок в филактерии Узундара (295 экз.).

На территории крепости Узундара было обнаружено 11 целых и сильно фрагментированных наконечников дротиков. Они достигают в длину до 17 см и изготовлены из железа. Все наконечники втульчатые и отличаются по форме боевой части. Нами выделено четыре разновидности, к которым отнесено всего 9 экз. Остальные наконечники представлены обломками боевых частей или втулок и не подлежат систематизации.

В отличие от наконечников дротиков, находки втоков или подтоков в культурных слоях цитадели крепости Узундара представлены значительно лучше — в количестве 28 экз. При этом за семь лет исследований не было обнаружено ни одного втока, размеры которого подходили бы под размеры полноценных копий, как и не было найдено и самих наконечников копий. Последнее может говорить о том, что воины гарнизона крепости Узундара были легковооруженными. Наступательное оружие их включало лук и стрелы, пращу и дротики. Все датированные дротики и втоки от них, а также скопления ядер для пращи относятся к греко-бактрийскому периоду и датируются второй половиной III–II вв. до н. э.

Единственными элементами защитного снаряжения воинов Узундара являются нащечники (2 экз.), представленные как в целом, так и во фрагментированном виде. Они происходили из стрелковой секции 2 юго-западной крепостной стены цитадели.

Обобщая эмпирический материал, можно сказать, что по характеру вооружения защитники крепости Узундара были наиболее близки к древнегреческим гимнетам и пельтастам. Основными видами их наступательного оружия были праща, лук и дротики. Специфика вооружения объясняется характером службы гарнизона, основной задачей которого было обеспечение охраны границы путем посылки нарядов на отдельно стоящие от Узундара укрепленные объекты, а также патрулирования, наблюдения за противником и подачи условленных сигналов в случае обнаружения крупных вражеских воинских контингентов. Мощные фортификационные сооружения крепости позволяли выдержать атаки сравнительно небольших сил противника в дистанционном бою. Крепость Узундара простояла более 150 лет, функционируя как пограничный и таможенный пункт.

ДЕТАЛИ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ ОТ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПАРАДНОГО ОРУЖИЯ ИЗ ХРАМА ОКСА¹

А. В. Дедюлькин²

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

IVORY PARTS OF HELLENISTIC PARADE WEAPONS FROM THE OXUS TEMPLE

Anton V. Dedyul'kin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-174-176

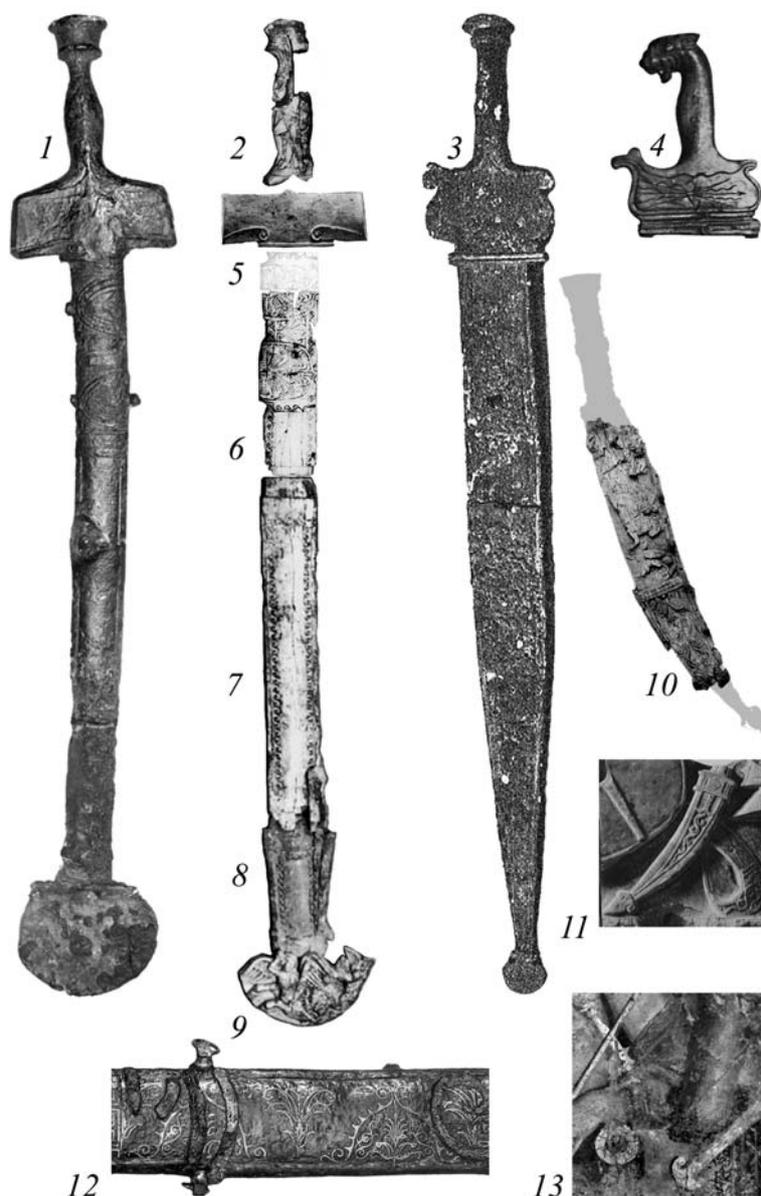
Ключевые слова: Греко-Бактрийское царство, Храм Окса, эллинистическое оружие, эллинистическое искусство.

Keywords: Greco-Bactrian kingdom, Oxus Temple, Hellenistic arms, Hellenistic art.

Прекрасные образцы эллинистического вооружения были найдены в храме Окса (Тахти-Сангин). Много внимания им уделил неутомимый исследователь этого яркого памятника И. Р. Пичикян, как в собственных работах (Пичикян 1980; 1986; 1991: 172–180), так и в совместных публикациях с Б. А. Литвинским (Litvinskij, Pičikjan 1999). Фундаментальная монография, посвященная вооружению из храма Окса (Литвинский 2001), была издана Б. А. Литвинским уже после скорострительной смерти И. Р. Пичикяна. Отдавая должное памяти выдающихся исследователей, я хотел бы вновь обратиться к некоторым из ярких находок храма Окса. Среди многочисленных устьев ножен и бутеролей из слоновой кости, найденных в храме, выделяются несколько роскошно украшенных образцов. Это фрагменты резных пеналов ножен и фигурная бутероль с изображением ихтиокентаврессы (рис. 1, б–10). Этим предметам не уступает пышностью декора резная рукоять ксифоса со сценой борьбы Геракла и Ахелоя (рис. 1, 2). Долгое время эти предметы рассматривались по отдельности, лишь в одной публикации имелась фотография, где фрагменты нижней части пенала ножен были соединены с бутеролью с ихтиокентаврессой и другим фрагментом пенала, — без каких-либо комментариев в тексте (Litvinskij, Pičikjan 1999: fig. 48–50). В монографии Б. А. Литвинского (Литвинский 2001) длинный сегмент пенала не был учтен, а нижняя часть ножен и резная бутероль рассмотрены по отдельности. Украшенный резными арками фрагмент пенала (рис. 1, б) во всех публикациях рассматривался как часть ножен махайры. Безусловно, на ножнах махайр такой декор возможен (рис. 1, 12). Но подобным образом украшены и ножны ксифоса статуи из кораблекрушения у Антикиферы (рис. 1, 1). Обрамление в виде бегущей волны идентично декору нижней и средней части пенала ножен, соединявшихся с бутеролью в форме ихтиокентаврессы. Это набор одних пышно украшенных ножен. Не вызывает сомнений, что у меча с такой нарядной бутеролью и пеналом была резная рукоять. И. Р. Пичикян полагал, что резная рукоять ксифоса датируется IV в. до н. э., а фигурная бутероль — первой половиной II в. до н. э. (Пичикян 1991: 173, 180), эти датировки принял и Б. А. Литвинский. Однако орнамент и профиль навершия, оформление верхней части рукояти каннелюрами находят аналогии в декоре ксифосов второй половины III — первой половины II в. до н. э. (рис. 1, 1). Важно, что рукоять с Гераклом монтируется на узкий хвостовик, как было принято в кельтской и италийской традиции. Основы рукоятей ксифосов архаики, классики и раннего эллинизма — широкие. У меча IV в. до н. э. такая

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00456.

² ORCID: 0000-0003-0100-8007; e-mail: donrumata@inbox.ru.

Рис. 1: 1 — меч статуи из кораблекрушения у Антикиферы (Vlachogianni 2012), 2 — рукоять меча из храма Окса (Litvinskij, Pičikjan 1999), 3 — меч статуи из Пергама (Winter 1908), 4 — рукоять махайры статуи из Додоны (Пичикян 1980), 5 — устье ножен из храма Окса (Пичикян 1986), 6–8 — фрагменты пенала ножен меча из храма Окса (Litvinskij, Pičikjan 1999), 9 — бутероль из храма Окса (Litvinskij, Pičikjan 1999), 10 — пенал ножен изогнутого ножа или кинжала из храма Окса (Литвинский 2001), 11 — фрагмент рельефа пропилеев святилища Афины Nikeфоры в Пергаме (Rustoiu 2007), 12 — фрагмент ножен махайры из кургана Голямата Косматка (Dimitrova 2015), 13 — ксифосы на фреске из Дома Трагического поэта в Помпеях (Wikimedia Commons)

Fig. 1: 1 — sword of a statue from the Antikythera shipwreck (Vlachogianni 2012), 2 — handle of a sword from the Oxus temple (Litvinskij, Pičikjan 1999), 3 — sword of a statue from Pergamon (Winter 1908), 4 — handle of a makhaira of a statue from Dodona (Пичикян 1980), 5 — mouth of a scabbard from the Oxus temple (Пичикян 1986), 6–8 — fragments of a scabbard from the Oxus temple (Litvinskij, Pičikjan 1999), 9 — bouterolle from the Oxus temple (Litvinskij, Pičikjan 1999), 10 — scabbard of a curved knife or dagger from the Oxus temple (Литвинский 2001), 11 — fragment of a propylaeon relief from the sanctuary of Athena Nikephoros at Pergamon (Rustoiu 2007), 12 — fragment of a scabbard of a makhaira from the Golyamata Kosmatka barrow (Dimitrova 2015), 13 — xiphoi on a fresco from the House of the Tragic Poet at Pompeii (Wikimedia Commons)

рукоять была бы невозможна: было бы две резных накладки. Поэтому рукоять со сценой борьбы Геракла с Ахелоем синхронна бутероли и, вероятно, относится к тому же мечу. Сложно сказать, какой формы было перекрестье и устье ножен. В III–II вв. до н. э. известны изображения махайр с перекрестьем (рис. 1, 4) и с рукоятями, как у ксифосов (рис. 1, 3). Реконструкция меча из Тахти-Сангина в качестве ксифоса представляется предпочтительной, поскольку резная бутероль достаточно массивна, а у махайр этот элемент обычно небольшой. Можно предположить, что перекрестье было стандартной формы, как у обычного ксифоса (рис. 1, 5). И. Н. Коровчинский предположил, что мечи, к которым относились рукоять со сценой борьбы Геракла с Ахелоем, и бутероль с ихтиокентаврессой, были изготовлены специально для посвящения в храм (Коровчинский 2010: 312). Но пышно украшенные ксифосы белого цвета (т. е. в покрытых костяными пластинами ножнах) представлены на помпейских фресках (рис. 1, 13). Вполне возможно, что парадный ксифос из Тахти-Сангина не был исключительно votivным оружием.

Небольшой пенал, украшенный батальной сценой (рис. 1, 10), прежде интерпретировался как ножны небольшой махайры. Декор этих ножен выполнен в эллинистической традиции, но сами ножны не могут принадлежать махайре, поскольку изогнуты вверх. Ножны же махайр обычно либо практически прямые, либо слабо загнуты вниз, в сторону лезвия. По форме и размерам этот пенал можно сопоставить с коротким кривым кинжалом на рельефе пропилеев святилища Афины Nikephory в Пергаме (рис. 1, 11). Растительные побеги в нижней части пенала ножен из Тахти-Сангина трактованы аналогично декору портупей кинжала на рельефе из Пергама. Пергамский кинжал соотносят с фракийскими кривыми ножами (Rustoiu 2007: 69). Ножны подобного оружия известны и в храме Окса, и среди материалов Старой Нисы.

Итак, в храме Окса были найдены набор ножен и рукояти парадного ксифоса и ножны изогнутого кинжала — возможно, выполненные в одной мастерской. Эти прекрасные образцы парадного вооружения эллинистической традиции можно датировать II в. до н. э.

Литература

- Коровчинский 2010 — Коровчинский И. Н. Резьба на ножнах из Тахти-Сангина в свете сравнительной индоевропейской мифологии // Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова. М., 2010. С. 312–318.
- Литвинский 2001 — Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Пичикян 1980 — Пичикян И. Р. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. 1980. № 4. С. 202–212.
- Пичикян 1986 — Пичикян И. Р. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Пичикян 1991 — Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991.
- Dimitrova 2015 — Dimitrova D. Le tumulus de Golyama Kosmatka // L'Épopée des rois thraces: Des guerres médiques aux invasions celtes (479–278 avant J.-C.). Découvertes archéologiques en Bulgarie. Paris, 2015. P. 118–143.
- Litvinskij, Pičikjan 1999 — Litvinskij B. A., Pičikjan I. R. Handles and Ceremonial Scabbards of Greek Swords from the Temple of the Oxus in Northern Bactria // EW. 1999. Vol. 49/1–4. P. 47–104.
- Rustoiu 2007 — Rustoiu A. Thracian sica and Dacian falx. The history of a «national» weapon // Dacia Felix: studia Michaeli Bărbulescu oblata. Cluj-Napoca, 2007. P. 67–82.
- Vlachogianni 2012 — Vlachogianni E. Sculpture // The Antikythera Shipwreck: The Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition Catalogue, National Archaeological Museum. Athens, 2012. P. 62–115.
- Winter 1908 — Winter F. Altertümer von Pergamon. Bd. VII. Text 2: Die Skulpturen mit Ausnahme der Altarreliefs. Berlin, 1908.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНИХ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Б. Джумаев¹

Союз композиторов Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

ON THE PROBLEM OF INTERPRETING ANCIENT AND EARLY MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL SOURCES IN THE STUDIES ON THE HISTORY OF THE MUSICAL CULTURE OF CENTRAL ASIA

Aleksandr B. Djumaev

The Union of Composers of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-177-178

Ключевые слова: *Средняя Азия, музыкальная археология, музыкальные инструменты, национальные музыкальные традиции, советские исследователи.*

Keywords: *Central Asia, musical archeology, musical instruments, national music tradition, Soviet researchers.*

В советский период сложились различные типы интерпретаций археологических источников, связанных с музыкальной культурой древней и раннесредневековой Центральной Азии. Их становлению способствовал рост «музыкальных» находок, вызванный раскопками на территории Средней Азии в конце 1920-х–1930-е гг. Применяемые археологами и музыковедами методы были взаимосвязаны, сочетали в себе археологические и музыковедческие принципы. Преобладал основной метод археологии — типологический. При исследовании артефактов с изображением музыкальных инструментов и самих древних инструментов музыковедами, археологами и историками советского и постсоветского периодов уделялось внимание поиску сходства и аналогий с объектами других культур и цивилизаций. Назовем имена исследователей: О. А. Бочкарева, Т. С. Вызго, Т. М. Джани-заде, Н. В. Дьяконова, В. А. Завьялов, С. Кибирова, Б. А. Литвинский, А. А. Малькеева, А. М. Мандельштам, М. Е. Массон, В. М. Массон, В. А. Мешкерис, Т. К. Мкртычев, А. В. Омельченко, Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе, Р. Л. Садоков, Б. Я. Ставиский, С. П. Толстов, К. В. Тревер и другие. Особого внимания в этом плане заслуживают публикации музыковеда Т. С. Вызго и историка В. А. Мешкерис.

Археологический подход не предполагает выявления связей с современными национальными музыкальными традициями, бытующими на территории расположения археологических объектов. Установление таких связей затруднительно по причине отсутствия образцов звучащей музыки и древних систем нотной записи. Этот «пробел» компенсировался детальным описанием находки, чаще всего музыканта и его музыкального инструмента. Письменные и историко-этнографические источники позволяли расширить интерпретацию артефакта, определить его место в господствующей идеологии, культах, обрядах, в культурной жизни общества. Показательный пример — включение терракотовой обезьянки-музыкантши в «устойчивое сочетание артефактов» «кушанского культурного комплекса» (Массон 1990: Рис. 11, 35).

При наличии достаточно разработанной типологии среднеазиатских хордофонов, идиофонов, мембранофонов, аэрофонов, существенной проблемой музыкального порядка

¹ ORCID: 0000-0003-0528-2564; e-mail: adjumaev@yahoo.com.

остается выяснение характера исполняемой музыки, звуковой и ладовой систем и т. п. Отсутствие таких параметров ограничивает возможности проведения сравнений с современной традиционной музыкой в странах Средней Азии.

Попытку разрешения возникшей проблемы предпринял в начале 1940-х гг. советский музыковед В. М. Беляев (1888–1968). В качестве основного объекта исследования им был выбран Айртамский фриз. Введенный в обиход науки М. Е. Массоном (Массон 1933), фриз был многократно описан и получил разнообразные интерпретации. Последняя по времени принадлежит Э. В. Ртвеладзе (Ртвеладзе 2018: 7). В основе предложенной В. М. Беляевым музыковедческой интерпретации — выявление прямых аналогий между отдельными инструментами Айртамского фриза и современного Узбекистана (Беляев 1943: 16–28). Беляев предложил свою реконструкцию ладовой системы греко-бактрийских лютневых инструментов в виде звукоряда (в современном нотном письме), опираясь на аппликатуры трехструнной арабской лютни и современных узбекских лютневых инструментов. Он же отметил, что продольные и поперечные флейты в греко-бактрийскую эпоху достигли «уже того законченного развития, в котором они существуют в Узбекистане и в настоящее время» (Беляев 1943: 21–22). Метод В. М. Беляева, основанный на идее стадильности в развитии звуковых систем, остается весьма спорным. С ним перекликаются современные попытки атрибуции древних инструментов и привязки их к собственной национальной традиции в республиках Средней Азии.

В середине 1960-х гг. в СССР стало оформляться новое направление исследований — музыкальная археология. «Старая проблема» была переосмыслена одним из основоположников музыкальной археологии, участником Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР Р. Л. Садоковым. Ученый был весьма озабочен «неразрешимой проблемой» восстановления звучащей в прошлом музыки. Находясь под впечатлением уникальных археологических артефактов, он обращается к поискам аналогий в богатой традиционной музыке Хорезма. Возможные параллели Р. Л. Садоков обнаруживает в кульминационных частях хорезмских *макомов* — *ауджах*, принимая во внимание совпадение поз музыкантов на фресках и современных исполнителей макомов (Дорошева 1967). В своих исследованиях древних музыкальных артефактов Р. Л. Садоков стремился учитывать контекст традиционной музыкальной культуры Хорезма (Садоков 1970).

Очевидно, что развитие междисциплинарного взаимодействия археологических и музыковедческих исследований, дополненное другими знаниями, остается насущной проблемой при рассмотрении обозначенной нами темы. Равно как и дальнейшая разработка подхода, акцентирующего внимание на преемственности музыкальных традиций. В осмыслении нуждается и проблема возможных границ интерпретации археологических источников в контексте современных национальных музыкальных культур.

Литература

- Беляев 1943 — Беляев В. М. Очерки развития музыкальной культуры на территории Узбекистана с древнейших времен (в 4-х частях). Ташкент, 1943 Ч. II: Согд, Бактрия и Хорезм в эллинистический период (330 до н. э. — 226 н. э.). Рукопись Института искусствознания АН РУз, шифр МИ, Б-44, инв. 149, № 25.
- Дорошева 1967 — Дорошева А. «Ищу обломки музыки». Интервью с Рюриком Леонидовичем Садоковым // Правда Востока. 1967. 27 августа.
- Массон 1933 — Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933 (Материалы Узкомстариса. Вып. 1).
- Массон 1990 — Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.
- Ртвеладзе 2018 — Ртвеладзе Э. В. Династийный храм царя Хувишки // Правда Востока. 2018. 27 апреля. С. 7.
- Садоков 1970 — Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В 360–370-Е ГГ. Н. Э.

В. А. Дмитриев¹

Псковский государственный университет, Псков, Россия

ON THE GEOPOLITICAL SITUATION IN THE MIDDLE EAST DURING THE 360S — 370S AD

Vladimir A. Dmitriev

Pskov State University, Pskov, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-179-180

Ключевые слова: *сасанидский Иран, Римская империя, Бактрия-Тохаристан, Кушаншахр, хиониты, кидариты.*

Key words: *Sasanian Iran, Roman Empire, Bactria-Tokharistan, Kushanshahr, Chionites, Kidarites.*

В 363 г. в результате неудачной для римлян Персидской экспедиции был заключен Нисибисский мирный договор, подведший итог очередному этапу противостояния Римской империи и сасанидского Ирана. Одним из условий этого соглашения стал отказ римлян от покровительства Великой Армении. На протяжении нескольких лет римско-персидские отношения не подвергались каким-либо серьезным потрясениям, поскольку обе стороны старались соблюдать условия недавно заключенного мира. Однако на рубеже 360–370-х гг. во взаимоотношениях двух держав наметилось новое обострение: в ответ на предпринимавшиеся с 363 г. попытки персов превратить Армению в персидский протекторат Рим в 370 г. ввел на ее территорию свои войска, что явным образом нарушало условия Нисибисского мира.

Естественным образом возникает вопрос: что же могло подтолкнуть Рим к столь враждебным по отношению к Персии шагам, явно нарушающим подписанный всего лишь несколько лет назад под диктовку персов мирный договор? Представляется, что ответ кроется в новом обострении обстановки на северо-востоке Ирана, о чем повествуют, прежде всего, армянские источники, а именно Фавст Бузанд, который неоднократно сообщает о войнах персов с «кушанами» (Фав. Буз. V. 7, 37).

Очевидно, что под старым этнонимом «кушаны» у армянского историка явно фигурирует какой-то другой народ. Проще всего было бы предположить, что «кушанами» Фавста Бузанда являлись хиониты, появившиеся здесь два десятилетия назад, о войнах персов с которыми сообщает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XIV.3.1; XV.13.4 etc.), однако вряд ли это возможно, поскольку после 359 г. о хионитах источники ничего не сообщают. Зато, судя по всему, именно в последней трети IV в. на исторической арене возникает новое этнополитическое объединение, сыгравшее ключевую роль в процессах, происходивших на восточной окраине Ирана, условно именуемое в историографии кидаритами.

При всем разнообразии существующих на сегодняшний день трактовок происхождения и истории кидаритов наиболее убедительной кажется точка зрения, согласно которой новое политическое образование складывается в иранско-среднеазиатском приграничье во второй половине IV в. (Ghirshman 1948: 74; Мандельштам 1958: 68–70; Bivar 1983: 212; Frye 1984:

¹ ORCID: 0000-0001-8710-9495; e-mail: dva_psk@mail.ru.

345–346; Carter 1985: 216, 261–265; Cribb 1990: 171). Как известно, ранняя история кидаритов нашла некоторое отражение в китайской историографии. Так, из содержащихся в хронике «Бэйши» данных (Бичурин 1950: 264–265) можно предположить, что кидаритское государство сложилось где-то к востоку от Балха приблизительно в последней трети IV в., а затем столица кидаритов была перенесена на запад, в Балх, где она располагалась во время описанных Фавстом Бузандом войн Шапура II с «кушанами» (т. е. не позднее середины 370-х гг.) (Дмитриев 2019: 57–58). Если при этом учесть, что до конца 350-х гг. Кушаншахр находился под контролем хионитов, а о появлении здесь в это или ближайшее время других народов источники ничего не сообщают, то сам собой напрашивается вывод, что кидариты являлись не новым этносом, пришедшим в Бактрию извне, а представителями той же этнической общности, что и хиониты, первоначально проживавшими на восточной периферии данного региона.

В сочетании с нумизматическими данными, показывающими, что на протяжении середины — второй половины IV в. на территориях и к югу, и к северу от Гиндукуша чеканились монеты, идентифицируемые как кидаритские (Cribb 2010: 101, 108, 113 etc.; 2018: 29; Neelis 2011: 160), сведения письменных источников позволяют утверждать, что в правление Шапура II Бактрия-Тохаристан была окончательно потеряна Сасанидами, и контроль над ней перешел к кидаритам.

О возникших у Шапура проблемах на востоке римляне, конечно же, были осведомлены, а потому на обострение отношений с сасанидским Ираном они шли вполне сознательно, прекрасно понимая, что ресурсы, которыми Шапур располагал на границе с Империей, весьма ограничены из-за отвлечения основных сил персов на борьбу с агрессией кидаритов и явно недостаточны для эффективного противодействия Риму.

Литература

- Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950.
- Дмитриев 2019 — *Дмитриев В. А.* Восточные кампании Шапура II // Восток. 2019. Вып. 2. С. 49–63.
- Мандельштам 1958 — *Мандельштам А. М.* К вопросу о кидаритах // КСИЭ. 1958. Вып. 30. С. 66–72.
- Bivar 1983 — *Bivar A. D. H.* The History of Eastern Iran // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge; etc., 1983. P. 181–231.
- Carter 1985 — *Carter M. L.* A Numismatic Reconstruction of Kushano-Sasanian History // American Numismatic Society Museum Notes. New York, 1985. Vol. 30. P. 215–281.
- Cribb 1990 — *Cribb J.* Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // *Studia Iranica*. Paris, 1990. Vol. 19. P. 151–193.
- Cribb 2010 — *Cribb J.* The Kidarites, the Numismatic Evidence // *Coins, Art, and Chronology. II: the First Millennium in the Indo-Iranian Borderlands*. Wien, 2010. P. 91–146 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 412; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission. Bd. 50).
- Cribb 2018 — *Cribb J.* Numismatic Evidence and the Date of Kaniška I. Problems of Chronology in Gandhāran Art // *Proceedings of the First International Workshop of the Gandhāra Connections Project*, University of Oxford, 23rd — 24th March, 2017. Oxford, 2018. P. 7–34.
- Frye 1984 — *Frye R. N.* The History of Ancient Iran. München, 1984 (Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 3. T. 7).
- Ghirshman 1948 — *Ghirshman R.* Les Chionites-Hephtalites. Caire, 1948 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'archéologie orientale du Caire. T. LXXX; MDAFA. T. XIII).
- Neelis 2011 — *Neelis J.* Early Buddhist Transmission and Trade Networks. Mobility and Exchange within and beyond the Northwestern Borderlands of South Asia. Leiden, 2011 (Dynamics in the History of Religion. Vol. 2).

ПОЛЬЦЕВСКАЯ КУЛЬТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ФОРМИРОВАНИЕ И ГЕНЕЗИС

О. В. Дьякова¹

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

POŁ'TSE CULTURE IN THE FAR EAST: ITS FORMATION AND GENESIS

Olga V. Dyakova

*Institute for the history, archaeology and ethnography of the Far Eastern Peoples, Far Eastern
branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-181-182

Ключевые слова: польцевская культура, кроуновская культура, мохэская культура.

Keywords: Poł'tse culture, Krounovka culture, Mohe culture.

География памятников польцевской культуры включает территорию Приамурья, Приморья России, северо-восток Китая, северо-восток Корейского полуострова. Динамика развития польцевской культуры от раннего железного века до средневековья разработана только для Приамурья. А. П. Деревянко выделены три этапа развития польцевской культуры: желтоярковский (VII–VI вв. до н. э.), польцевский (VI–I вв. до н. э.) и кукелевский (I–IV вв. н. э.) (Деревянко 1976: 161). О. В. Дьяковой прослежен контакт польцевцев с носителями мохэской культуры в раннем средневековье и выделены две локально-хронологические группы памятников с синкретичными польцевско-мохэскими традициями — благословеннинская и найфельдская (IV–IX вв. н. э.) (Дьякова 1984: 86–91).

Китайские археологи в провинции Хэйлуцзян выделили три культуры с польцевскими традициями: ваньянхэ (II в. до н. э. — II в. н. э.) — идентична польцевской амурской; гунтулин (II в. до н. э. — II в. н. э.); фэнлинь (III–IV вв. н. э.) (Хон Хё У 2008: 24–25).

В Приморье начало изучению польцевской культуры положил А. П. Окладников, проследивший миграции польцевского населения из Приамурья в Приморье в IV–III вв. до н. э. и их контакт с кроуновцами (Окладников 1959: 158–178). Археологически этот процесс подтверждается появлением у польцевцев конических чаш на поддоне, пароварок и отопительной системы кан (Коломиец 2005: 381–393). На восточном побережье Приморья относительная изоляция региона способствовала длительному сохранению первоначального облика археологической культуры — вплоть до средневековья включительно. Подтверждением этому являются раскопки автором в 2019 г. Михайловского городища, датированного VI в. н. э. (Ле-12102: 1520 ± 40). В то же время следы экспансии тунгусо-маньчжурских племен мохэ в Приморье и их контакты с польцевцами в виде синкретичных традиций зафиксированы в южной части края (бухта Троицы), Приханкайской низменности (Куркуниха), континентальном Приморье (Абрамовка 3), восточном и северо-восточном побережье (Усть-Зеркальная 4, Мыс Тёплый) (Дьякова 1998: 188–190).

Литература

Деревянко 1976 — Деревянко А. П. Приамурье (I тысячелетие до н. э.). Новосибирск, 1976.
Дьякова 1984 — Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (IV–X вв.). М., 1984.

¹ ORCID: 0000-0002-5306-2390; e-mail: emelianova49@mail.ru.

- Дьякова 1998 — Дьякова О. В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток, 1998.
- Коломиец 2005 — Коломиец С. А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 381–393.
- Окладников 1959 — Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959.
- Хон Хён У 2008 — Хон Хён У. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н. э. — IV в. н. э.): АКД. Новосибирск, 2008.

КУРГАНЫ С ДРОМОСАМИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ТУВЕ¹

М. Е. Килуновская²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

THE BARROWS WITH DROMOI OF THE SCYTHIAN PERIOD IN TUVA

Marina E. Kilunovskaya

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-182-186

Ключевые слова: Тува, позднескифское время, озен-ала-белигский этап уюкско-саглынской культуры, могильники, курганы, срубы, дромосы, погребальный инвентарь.

Keywords: Tuva, late Scythian times, Ozen-Ala-Belig stage of the Uyuk-Saglyn culture, burial grounds, barrows, blockhouses, dromoi, grave goods.

В 2014 г. при раскопках по трассе железной дороги Кызыл–Курагино на могильнике Саускен 2 в долине реки Ээрбек был изучен новый тип погребальных памятников, ранее не исследованных нами в Туве, — курганы с дромосами, ведущими в погребальную камеру, представляющую собой сруб из массивных бревен, поставленный в яму глубиной до 2 м (Килуновская и др. 2015: 217). На следующий год в ходе работ на могильнике Красная Горка 2 на левом берегу Енисея около поселка Усть-Элегест был раскопан целый комплекс подобных захоронений — объекты 4, 11-1, 11-2 и 12 (Килуновская и др. 2017: 172–175), а в 2016 г. на могильнике Саускен 1 на реке Ээрбек исследованы еще три кургана — № 10, 1 и 23. Таким образом сформировался корпус данных по памятникам подобного типа. Все они по обряду погребения и инвентарю относятся к позднему озен-ала-белигскому этапу уюкско-саглынской культуры (III–I вв. до н. э.), чему не противоречат данные ¹⁴C.

Для них характерно плоское, округлой формы наземное сооружение, сложенное из камней средней величины с неглубокой западиной в центре, окруженное кольцом из более крупных пород. Захоронение совершено в срубке, сложенном из массивных бревен в четыре венца (т. е. высота сруба достигала более 1 м), ориентированном углами по странам света. Перекрытие состояло из толстых бревен, положенных перпендикулярно полу. Отличительной особенностью кургана 11-1 Красная Горка 2 является довольно большая глубина ямы и параллельное расположение бревен перекрытия и пола, что встречается в более ранних

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² ORCID: 0000-0001-6458-9166; e-mail: kilunmar@mail.ru.

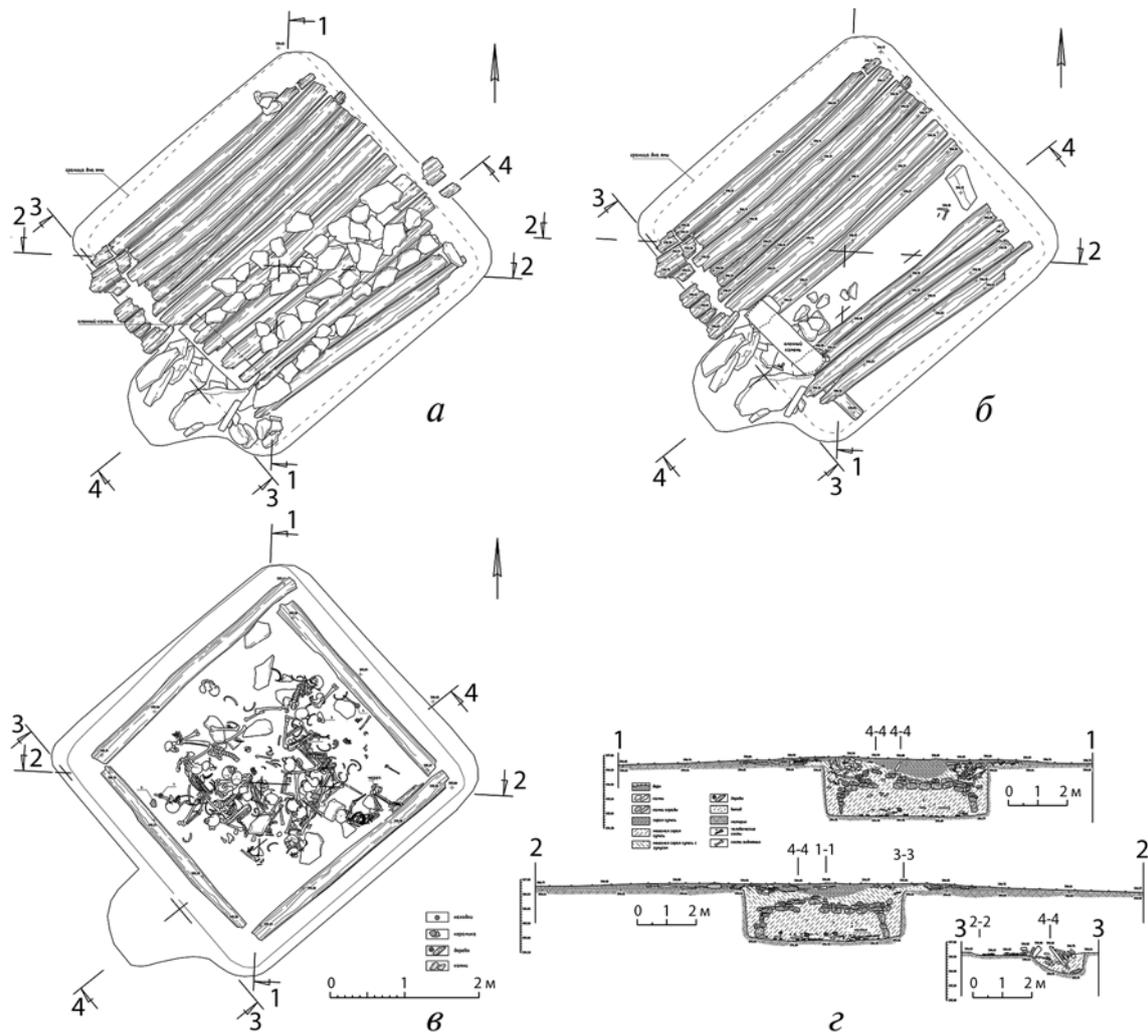
курганах (уюкского типа). В могиле находятся останки от 2 до 14 человек, уложенных скорченно на правом и левом боку и головой в западный сектор (голова покоится на каменной «подушке»). У некоторых скелетов прослеживаются отверстия в черепе — следы от оружия, которым были они убиты. По-видимому, в конце скифского времени в верховьях Енисея, как и на Саяно-Алтае в целом, происходила борьба населения с пришельцами с востока и юго-востока (Забайкалья, Монголии и Внутренней Монголии), которые были связаны с культурой сюнну. Все курганы ограблены в древности, поэтому установить положение погребенных не всегда возможно. Ограбление происходило через грабительский лаз, сделанный в основном в центре кургана. В погребальный инвентарь обязательно входила керамика — узкогорлые сосуды, украшенные каннелюрами, налепами и росписями.

В общих чертах погребальный обряд (захоронение в высоком срубе, в яме глубиной менее 2 м, перекрытие сруба лежит перпендикулярно доскам пола, под головами положены небольшие плиты — «каменные подушки», кости животных на полу) и инвентарь (красноглиняные вазы с наlepным орнаментом, поставленные в углу сруба и в головах погребенных; костяные и бронзовые пряжки с неподвижным язычком; бронзовые пятиколычатые пряжки и ажурные колоколовидные подвески; бронзовые наконечники ремней в виде головок лани; костяные втульчатые наконечники стрел; железные шпильки с навершием из фаланги и др.) находят прямые аналогии на могильнике Суглуг-Хем, который датируется III–II вв. до н. э. (Семенов 2003: 7–42). Однако на Суглуг-Хеме все погребения были грунтовыми, т. е. без наземных признаков, а также не было дромосов.

Под курганом сразу на уровне древней дневной поверхности и могильного пятна появляются две вертикальные плиты и, в некоторых случаях, плиты перекрытия дромоса. В конструкции дромоса наблюдаются различия. Он узким коридором спускается вниз под углом от 15° до 25°, обложен и перекрыт крупными плитами. В конце обычно стоят две более крупные плиты, образующие как бы вход. Дно также выстлано плитами. Дромос имеет длину от 1,1 до 3 м, ширину от 0,8 до 1,1 м. На Саускене 2 и Красной Горке 2 дромосы доходят до перекрытия сруба и у входа в могилу перекрыты вертикальной плитой. На могильнике Саускен 1 он ведет в могилу, где в стенке сруба сделан специальный проруб (между вторым и третьим венцом). На Саускене 2 дромос сделан с юго-восточной стороны сруба, на остальных могильниках — с юго-западной. В заполнении коридора находятся обломки скал (в основном от разрушенного перекрытия), разрозненные мелкие человеческие кости и фрагменты красноглиняных сосудов. В дромосе кургана 2 Саускен 2 находились останки умершего мужчины (интересно, что в самом срубе были погребены только два человека — мужчина с ребенком). В тех случаях, когда дромос ведет к перекрытию сруба, между срубом и дромосом, в могильной яме вырыта ступенька шириной около 50 см, перед которой стоит плоская плита (в некоторых случаях упавшая), закрывающая вход в могилу. У основания этой плиты, на уровне перекрытия сруба находятся дополнительные плахи, лежащие вдоль стенки.

В кургане 4 Красная Горка 2 на уровне перекрытия сруба дромос замыкал олений камень размерами 1,25 × 35 × 20 см (рис. 1). Олений камень покоился на небольших плитах и двух несущих бревнах, ограничивающих коридор (тот, в свою очередь, был перекрыт шестью бревнами, лежащими на краю ямы и опирающимися на олений камень). Он лежал лицевой стороной вниз. На ней было выбито три полосы, а под ожерельем — знак в виде развилки с утолщениями на конце. Справа и слева на камне показаны круги-серьги. В выбивке прослеживаются следы красной охры. Камень относится к общеевразийскому типу и датируется раннескифским временем. Он был переиспользован в этом кургане. Интересно, что в кургане 2 Саускен 2 в юго-восточном секторе обнаружена обработанная стела с изображением оленя в скифо-сибирском стиле, которая могла выполнять функцию оленьего камня.

В Туве подобные объекты были раскопаны В. А. Киселем на могильнике Догээ-Баары на правом берегу Бий-Хема в 7 км от Кызыла (Кисель и др. 2003: 22–25; 2005: 84–85).

Рис. 1. Могильник Красная Горка 2, объект 4 — курган с дромосом, который завершается оленным камнем: а — верхний уровень с каменным перекрытием дромоса и каменной выкладкой на перекрытии сруба; б — второй уровень после удаления камней и части деревянного перекрытия сруба; в — остатки погребения в срубe; г — разрезы

Fig. 1. Burial ground of Krasnaya Gorka 2, object 4 — the barrow with the dromos locked with a deer stone: a — the upper level with a stone overlapping of the dromos and a stone facing on the blockhouse's overlapping; б — the second level after removing stones and a part of the blockhouses' wooden overlapping; в — remains of the burial in the blockhouse; г — sections

В южной цепочке, состоящей из семи курганов, были изучены захоронения позднескифского времени, в одном из которых был коридор-дромос длиной около 3 м и шириной 1 м, спускавшийся от площадки, на которой был возведен курган, в могилу. У входа дромоса в сруб было прорублено небольшое окно. Во всех курганах перекрытия срубов были обожжены (в кургане 12 Красная Горка 2 сруб также имеет следы обильного горения перекрытия). В срубe был погребен мужчина с подростком. Несмотря на то, что курган был ограблен, можно говорить, что инвентарь погребенных был достаточно богатым — остатки китайского лака, войлока, стеклянных и свинцовых бусин, золотой фольги и т. д. Это позволило предположить, что захороненный пожилой человек обладал высоким социальным статусом и, видимо, возглавлял родоплеменную группу, кочевавшую в районе Догээ-Баары (Кисель 2010).

Курганы с дромосами известны довольно широко и, как правило, связываются с захоронениями элиты. Так, в элитных курганах у горы Кош-Пей в Туве, которые относятся

к уюкской культуре V–IV вв. до н. э., также прослеживаются коридоры-дромосы, вырытые в земле, но имеющие скорее символическое значение — они очень узкие и невысокие. Ведут эти коридоры также на перекрытие сруба.

Самые близкие аналогии тувинским памятникам находятся во Внутреннем Тянь-Шане — это могильник Кеден в Нарынском районе Кыргызстана, исследованный К. Ташбаевой. Здесь было раскопано 8 крупных курганов, расположенных цепочкой. Они содержали захоронения в срубах, в которые с восточной стороны вел вход и дромос. Вход имел порог, образованный обрубком дерева, края проема также были обложены деревом. Коридор был забутован камнем. Длина дромоса — 4–6 м, ширина — от 0,6 до 1 м. Он шел наклонно вниз к срубу и полностью оставался под насыпью (Ташбаева 2016). Все погребения были сильно ограблены, но по оставшемуся инвентарю (узкогорлым сосудам, украшенным наклепным орнаментом и росписями, костяным пряжкам, пятикольчатым пряжкам) могут быть соотнесены с раскопанными в Туве памятниками заключительного этапа скифской культуры. Автор раскопок датирует их в широких пределах — VII–III вв. до н. э. — и говорит об их сакральной функции, так как они не могли служить реальными входами в могилу.

Курганы с дромосами есть в тесинской культуре Хакасско-Минусинской котловины, но там они имеют совершенно иную конструкцию, чем в Туве, и функционировали, скорее всего, именно как входы в могилы. Тувинские же дромосы, вероятно, выполняли ритуальную функцию. Они слишком узкие и короткие, чтобы через них совершать какие-либо погребальные манипуляции. Их связь с особым социальным статусом погребенных также не прослеживается.

Дромосные курганы широко распространены во всех районах Казахстана, где датируются раннесакским временем и связаны в основном с погребениями элиты (Бейсенов 2016а: 88–90; 2016б: 85–86). Особенно много дромосов исследовано в памятниках тасмолинской культуры, где они вырывались в земле и обкладывались плитами. На концах делали небольшую башенку с куполом из глины, завершавшимся вертикальными камнями. Фиксируются дромосы разных типов — с перекрытием и без перекрытия. С VI в. до н. э. они появляются в савроматских памятниках Западного Казахстана, откуда, скорее всего, распространяются на Южный Урал и далее. В Казахстане традиция дромосных могил формируется в начале раннего железного века и, как отмечает А. З. Бейсенов, имеет свои корни в культурах бронзового века (Бейсенов 2016а: 86; 2016б: 88). Эта традиция связана с формированием нового мировоззрения у степного населения, которое могло воспринимать могильные сооружения как имитацию жилищ. В Туву эти традиции могли прийти, как и многие другие заимствования в материальной культуре, с какой-то новой волной переселенцев из Казахстана.

Литература

- Бейсенов 2016а — Бейсенов А. З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // СамНВ. 2016. № 1. С. 77–86.
- Бейсенов 2016б — Бейсенов А. З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) // СамНВестник. 2016. № 3. С. 84–93.
- Килуновская и др. 2015 — Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садьков Т. Р., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине реки Ээрбек в 2014 г. // БИИМК. 2015. № 5. С. 193–224.
- Килуновская и др. 2017 — Килуновская М. Е., Боковенко Н. А., Лазаревская Н. А., Садьков Т. Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н. Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // БИИМК. 2017. № 6. С. 151–182.
- Кисель 2010 — Кисель В. А. Закат скифской эпохи в Туве: единство и противоборство культур // Новые исследования Тувы. Электронный журнал. 2010. № 1. Интернет-ресурс: https://www.tuva.asia/journal/issue_5/1434-kisel.html (дата обращения: 15.10.2020).

- Кисель и др. 2003 — *Кисель В. А., Николаев Н. Н., Хаврин С. В.* Работы Кызыльского отряда Тувинской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия за 2002 год. СПб., 2003. С. 22–25.
- Кисель и др. 2005 — *Кисель В. А., Николаев Н. Н., Хаврин С. В.* Некоторые исследования средневековых захоронений могильника Догэ-Баары в Туве // Археологические экспедиции за 2004 год. СПб., 2005. С. 84–95.
- Семенов 2003 — *Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центральнo-Тувинской котловине. СПб., 2003.
- Ташбаева 2016 — *Ташбаева К. И.* К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня // Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей: Материалы конф. 2016. Интернет ресурс: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli/zasedanie-2015-g/tashbaeva-k.i.-k-semantike-vhodov-i-dromosov-v-srubnyh-konstrukciyah-rannih-kochevnikov-vnutrennego-tyan-shanya> (дата обращения: 15.10.2020).

О ДАТИРОВКЕ ЧЕРНОГОРОВСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ И СТЕЛЫ ИЗ КУРГАНА ЦЕЛИННОЕ 16 В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

С. Г. Колтухов¹

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

ON THE DATING OF THE CHERNOGOROVKA-CULTURE BURIAL AND STELE FROM THE TSELINNOE 16 BARROW IN THE CONTEXT OF PRE-SCYTHIAN ANTIQUITIES OF THE BLACK SEA REGION

Sergei G. Koltukhov

Institute of archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-186-189

Ключевые слова: Причерноморье, Крым, ранний железный век, черногоровское погребение, каменная стела, корчага, клинок, подвески.

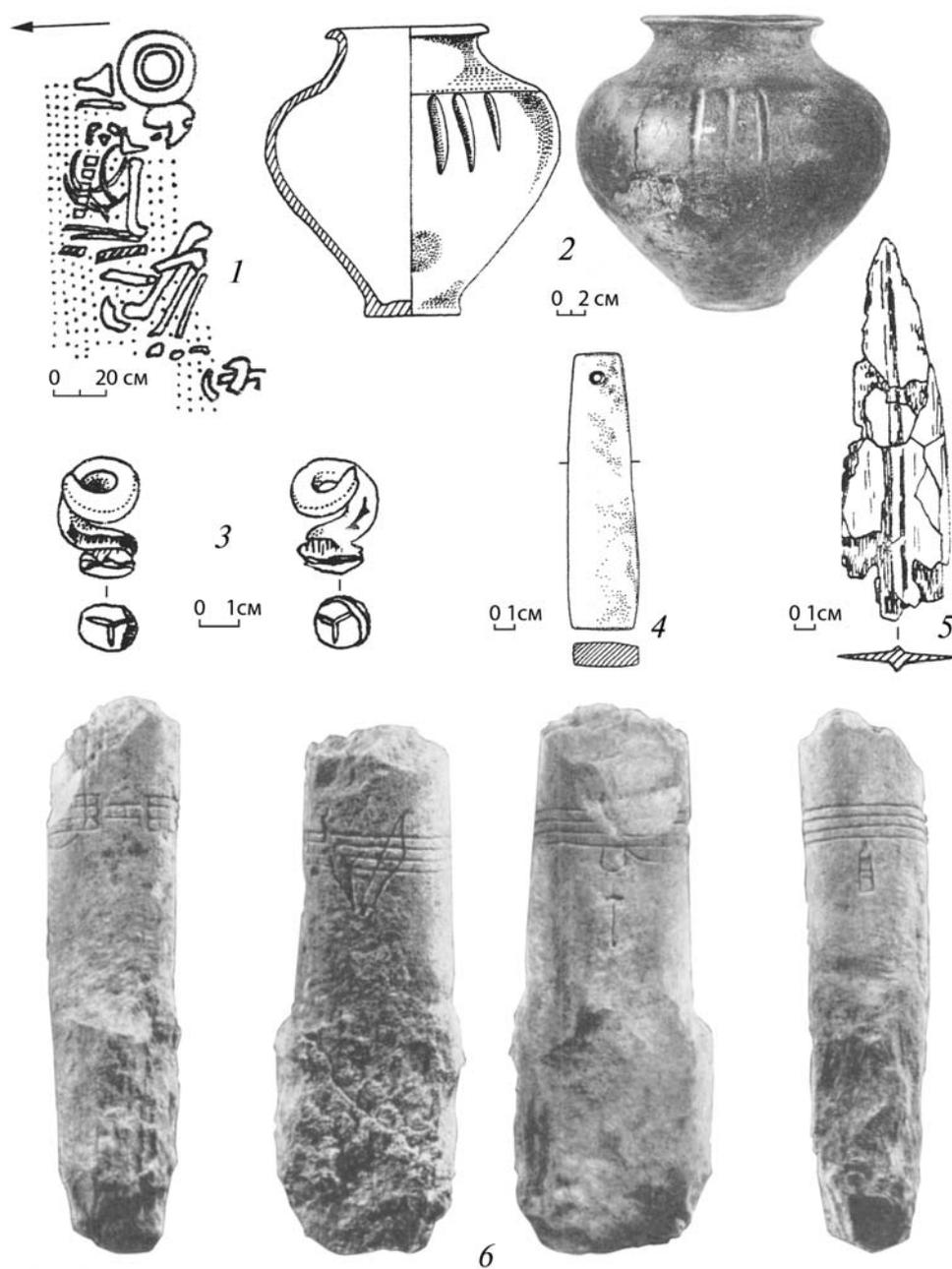
Keywords: Black Sea Region, Crimea, Early Iron Age, Chernogorovka burial, stone stela, korchaga, blade, pendants.

В 1977 г. при раскопках кургана эпохи бронзы в Крымском Присивашье, близ села Целинное, было обнаружено погребение и каменная стела, относящиеся к черногоровской группе памятников (Корпусова, Белозор 1980; Корпусова 1984: 97–99, 241; Махортых 2005: 365; Ольховский 2005: 38).

Погребальное сооружение не прослежено, вокруг скелета отмечалась меловая подсыпка. Захоронение взрослого человека было совершено в скорченном положении, на левом боку, головой на восток (рис. 1, 1). Под черепом находились две бронзовые плакированные подвески, на правом боку — фрагмент железного клинка, в левой руке — каменный оселок, в головах стояла лепная корчага. В ногах лежали кости барана, на корчаге — кости животного.

Чернолощеная корчага (рис. 1, 2) орнаментирована тремя группами вертикальных вдавленных черт, расположенных по три, на плечиках имеется выраженный уступ. Н. А. Гав-

¹ ORCID: 0000-0002-6151-174X; e-mail: skoltukhov@mail.ru.

Рис. 1. Курган Целинное 16, погребение 3: 1 — план погребения; 2 — корчага, прорисовка и фотография; 3 — височные кольца; 4 — оселок; 5 — обломок железного клинка; 6 — изваяние из кургана Целинное 16 (слева направо: лицевой фас, левая сторона, правая сторона, тыльный фас) (по: Корпусова 1984)

Fig. 1. Tselinnoye 16 barrow, burial 3: 1 — plan of the burial; 2 — vessel-korchaga, drawing and photo; 3 — pendants; 4 — whetstone; 5 — fragment of an iron blade; 6 — statue from the Tselinnoye 16 barrow (from left to right: front face, left side, right side, back face) (after: Корпусова 1984)

рилюк датирует сосуд IX–VIII вв. до н. э. (Гаврилюк 2017: 105). Уступ присутствует и на лощеной неорнаментированной корчаге из погребения 10 в кургане 1 могильника Зольное (Щепинский 1962: 59, рис. 2, 2) второй половины VIII в. до н. э. Подобная композиция декора, известна на небольших лощеных сосудах кизил-кобинской культуры (Сенаторов 2002: 21, группа 8; Колотухин 1996: 125, рис. 25; 129, рис. 29, 3) младшего дотаврского периода второй половины IX — первой половины VIII в. до н. э. (Кравченко 2011: 93–95).

Поздние корчаги с аналогичным профилем характеризуются резным декором. Сосуд из погребения 1 в кургане 7 могильника Симферопольское водохранилище относится ко второй половине VIII–VII вв. до н. э., корчага из погребения 1 в кургане 6 могильника Клуниково датирована началом VII в. до н. э. (ср.: Махортых 2005: 91, 131, рис. 35, 12). Профиль и ранний декор позволяют отнести сосуд из Целинного ко второй половине/концу IX — первой половине VIII в. до н. э.

Два бронзовых плакированные золотом височных кольца (рис. 1, 3) в полтора оборота декорированы на шляпках трехлучевым орнаментом. Аналогичные украшения с тем же составом металла и плакировкой обнаружены в погребении кургана Львово 14 первой половины IX в. до н. э. (Махортых 2005: 255). Однако корчага из Львово отнесена Н. А. Гаврилюк к IX–VIII вв. до н. э. (Гаврилюк 2017: 73, Кат. 81).

Обломок широкого железного клинка с выделенной при ковке нервюрой (рис. 1, 5) мог принадлежать кинжалу или наконечнику копья. Его верхняя часть не сохранилась. Датировка находки возможна в пределах IX–VIII вв. до н. э.

Трапецевидный сланцевый оселок (рис. 1, 4), близок оселкам из погребений 2 и 5 Высокой могилы (Махортых 2005: 169, 265, рис. 71, 3; 72, 5). Характер обработки окончаний точила неизвестен, соответственно, его датировка — IX–VIII вв. до н. э.

С. В. Махортых отнес погребение из Целинного к первой половине IX в. до н. э. (Махортых 2005: 255). В представлении автора, погребальный инвентарь позволяет отнести погребение ко второй половине/концу IX — первой половине VIII в. до н. э.

В пользу предложенной хронологической позиции свидетельствует и каменное изваяние. Стела синхронна погребению и первоначально была установлена над ним (Корпусова 1984: 99). Верхняя часть изваяния утрачена, сохранился обломок нижней части, овальный в сечении. Размеры фрагмента $0,9 \times 0,21 \times 0,33-0,25$ м. Лицевой фас расположен на узкой стороне овала, гравированные изображения нанесены на всех сторонах стелы (рис. 1, 6). Трехжелобчатый пояс кавказского типа соединен на лицевой стороне замком с округлой бляхой. С левой стороны на пояс наложены изображения кинжала и лука в горите. По мнению А. А. Ковалева, «карасукская» форма кинжала связана с тем, что он изображен в ножнах, а его кольцевое навершие представляет собой часть другого предмета (Ковалев 2000: 146). Сегментовидный предмет — сумочка или свободная подвеска — свисает из-под пояса, переходя на лицевую сторону изваяния. На тыльной стороне к поясу подвешен трапецевидный оселок, помещенный в футляр.

Целинновской стеле близки два изваяния: стела из кургана 13 Новоалександровки (Ольховский 2005: 36–37) и первая ольвийская стела (Ольховский 2005: 43). Изваяния Северного Причерноморья предскифского времени представляют собой развитие антропоморфной ипостаси неантропоморфного образа (Ольховский 2005: 55). Общей датировкой для европейских стел являлся VIII — первая половина VII в. до н. э., либо же середина — третья четверть VIII в. до н. э. (Ольховский 2005: 92–93).

Исследователи кургана датировали стелу IX в. до н. э. (Корпусова, Белозор 1980: 291). А. А. Ковалев отнес ее ко второй половине IX–VIII в. до н. э. (Ковалев 2000: 161), а И. В. Бруяко датировал второй половиной VIII в. до н. э., но до 714 г. до н. э. (Бруяко 2005: 95). По мнению этого автора, стелу из Целинного, также как и погр. 3, в настоящее время можно датировать второй половиной/концом IX — первой половиной VIII в. до н. э.

Литература

- Бруяко 1977 — Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинев, 2005.
Гаврилюк 1977 — Гаврилюк Н. А. Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX — первая половина VII в. до н. э.). Киев, 2017.
Ковалев 2000 — Ковалев А. А. О происхождении оленних камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 138–179.

- Колотухин 1996 — *Колотухин В. А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века (Этнокультурные процессы). Киев, 1996.
- Корпусова 1984 — *Корпусова В. Н.* Курганы у с. Целинное // Курганы Степного Крыма. Киев, 1984. С. 69–106.
- Корпусова, Белозор 1980 — *Корпусова В. Н., Белозор В. П.* Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. 1980. № 3. С. 238–246.
- Кравченко 2011 — *Кравченко Є. А.* Кизил-кобинська культура у західному Криму. Київ; Луцьк, 2011.
- Махортых 2005 — *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Ольховский 2005 — *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- Сенаторов 2002 — *Сенаторов С. Н.* Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология: АКД. СПб., 2002.
- Щепинский 1962 — *Щепинский А. А.* Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12. С. 57–65.

ПРЯЖКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ИЛЬИНСКОГО МУЗЕЯ (ПЕРМСКИЙ КРАЙ) И ЕЕ КОНТЕКСТ

А. А. Красноперов¹

Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия

BUCKLE FROM THE COLLECTION OF THE ILYINSKY MUSEUM (THE PERM REGION) AND ITS CONTEXT

Aleksandr A. Krasnoperov

Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-189-191

Ключевые слова: Пермский край, Причерноморье, пряжка, всадник, иконография, иранское влияние.

Keywords: Perm region, Black Sea area, buckle, rider, iconography, Iranian influence.

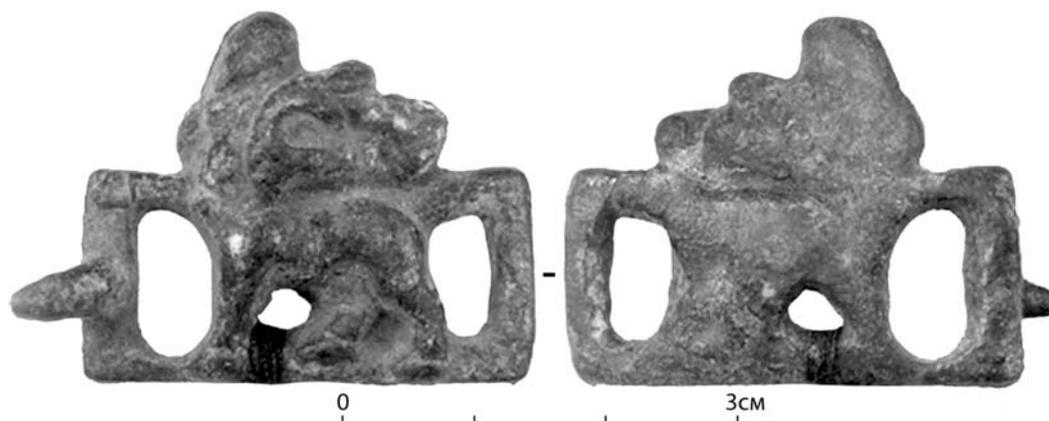
При подготовке реэкспозиции Ильинского музея нам представилась возможность поработать² с находками, предполагавшимися к постоянной выставке. В ходе ознакомления с коллекцией, в ней была выявлена пряжка, не связанная с местными древностями.

Это пряжка (О. Ф. 5074/A233) из медного сплава, рамчатая, прямоугольная, с неподвижным крючком на передней части рамки. В поле не полностью сохранившееся (нет головы животного) изображение персонажа (голова затерта) в развевающемся плаще (?), верхом на животном (лошади?) (рис. 1).

Пряжки разных форм с неподвижным крючком характерны для сарматского времени. Пряжки с прямоугольной рамкой, с крючком на передней стороне и кнопкой для крепления ремня на задней по орнаментации можно разделить на геометрические и сюжетные. Среди

¹ ORCID: 0000-0001-7931-4536; e-mail: khaa@udm.ru.

² Вместе с М. Л. Перескоковым и при содействии А. Ф. Мельничука. Материалы фондов периодически вводятся в оборот (Коренюк и др. 2014: прим. 2).

Рис. 1. Пряжка из коллекции Ильинского музея, лицевая и оборотная стороны
Fig. 1. Buckle from the collection of the Ilyinsky Museum, obverse and reverse

последних большие серии образуют предметы со сценами борьбы/терзания и с парой верблюдов, кусающих друг друга. Ранние экземпляры встречены на Востоке (см., например: Миняев 1995: 123, рис. 1; Килуновская, Леус 2018: 136–141) и постепенно распространяются вместе с носителями в западном направлении (Скрипкин 2000: 24–25).

Первое обобщение группы пряжек с человеческой фигурой, сидящей на животном, принадлежит З. А. Билимович, определившей, что на пряжках изображена Афродита Пандемос верхом на козле или баране, и датировавшей их по сопровождающим находкам концом II — началом III в. н. э. (Билимович 1962: 44). Отличительные характеристики группы — отсутствие крепежной кнопки и наличие петель под рамкой — подчеркнул М. Ю. Трейстер, указавший на ее компактное северопонтийское происхождение при несомненных парфянских истоках (Treister 2003: 249), и согласившийся с ее датировкой позднепарфянским временем, предложенной В. Куртис (Curtis 2001: 307, 311).

Положение всадника в развевающемся плаще на животном — очень распространенная иконографическая схема (Митра на быке, ковер из Пазырыка и т. п.), но так или иначе связанная и с ираноязычным, и с эллинистическим миром. Отметим и различия. Так, Афродита Пандемос изображается сидящей боком, «по-женски», одной рукой придерживая развевающийся велум, другой обнимая шею барана; животное показано в движении. Митра в коротком развевающемся плаще коленом опирается на спину быка с запрокинутой головой и поджатыми на земле ногами; обычно он изображен с собакой, змеей, скорпионом и парой фланкирующих фигур справа и слева. Всадник с пазырыцкого ковра полностью верхом, животное в спокойном движении, но одежда с плащом не типична для Алтая (Баркова 1998: 139). Утраты (голова животного и стертость головы человека) на пряжке из Ильинского музея не позволяют остановиться только на одной версии.

С Востоком (в широком понимании) связана и прямоугольная форма пряжки. Но также очевидна компактность ареала распространения образцов с известным происхождением: Северное Причерноморье — Восточный Крым. Прояснить провенанс предмета в фондах музея пока не удалось, но сама коллекция ведет свое начало из собрания управляющих пермскими имениями Строгановых — Теплоуховых. Находки из Причерноморья в пермском Прикамье представлены, как правило, различными бусами. Из относящихся к этому времени предметов можно указать на римскую «эмалевую» фибулу со щитком в виде голубя¹ из дореволюционных раскопок на Гляденовском костыще. Таким образом, вероятность того, что находка описываемой пряжки была сделана на каких-то местных памятниках, а не привезена в качестве сувенира в позднее время, сохраняется.

¹ Ее, среди многочисленных чисто местных предметов, случайно увидел И. О. Гавритухин на планшете в экспозиции Пермского краевого музея.

Литература

- Баркова 1998 — Баркова Л. Л. Большой войлочный ковёр из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 года. СПб., 1998. С. 137–142.
- Билимович 1962 — Билимович З. А. Бронзовая пряжка из Нимфея // СГЭ. 1962. Вып. XXIII. С. 43–45.
- Килуновская, Леус 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Коренюк и др. 2014 — Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Малоизвестные предметы культовой металлопластики из собрания Ильинского музея Пермского края // Вопросы истории Сибири. Омск, 2014. Вып. 9: Сборник научных статей памяти В. А. Могильникова. С. 182–185.
- Миняев 1995 — Миняев С. С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования геометрического стиля в искусстве сюнну // АВ. 1995. № 4. С. 123–136.
- Скрипкин 2000 — Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 17–40.
- Curtis 2001 — Curtis V. S. Parthian Belts and Belt Plaques // IA. 2001. Vol. XXXVI. P. 299–327.
- Treister 2003 — Treister M. Further Thoughts about Parthian and Related Belt and Belt Plaques // IA. 2003. Vol. XXXVIII. P. 247–257.

О МЕСТЕ БУДДИЗМА В КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Т. К. Мкртычев¹

Государственный музей искусства народов Востока, Москва, Россия

CONCERNING THE PLACE OF BUDDHISM IN KUSHAN BACTRIA

Tigran K. Mkrtychev

State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-191-193

Ключевые слова: Бактрия, Кушанская империя, буддизм, зороастризм, буддийский монастырь, ступа, храм, династийный культ.

Keywords: Bactria, Kushan Empire, Buddhism, Zoroastrianism, Buddhist monastery (vihara), stupa, temple (chaitya), dynastic cult.

Считается, что буддизм получил широкое распространение в кушанской Бактрии (I–III вв. н. э). Археологическими исследованиями было выявлено более 15 сооружений, относящихся к различным типам: монастырям (vihara), ступам (stupa), святилищам (chaitya) (Ставиский 1998; Литвинский, Зеймаль 2010; Fussmann 2016). Буддийские монастыри кушанского времени представляли собой отдельно стоящие сооружения с центральным двором, которые, как правило, располагались в небольшом удалении от городов (Фаяз-тепе, Уштур-мулло, Кундуз/Ангуртепа), но могли находиться и в черте города (юго-восточный угол городища Зартепа). Существовали буддийские монастыри, состоящие из нескольких разновременных сооружений (sangharama), включающие как наземные, так и наземно-пещерные постройки (Каратепа). Как правило, в комплекс монастырских сооружений входила ступа

¹ ORCID: 0000-0001-6763-5818; e-mail: mkrtiga@gmail.com.

(монументальная ступа строилась за пределами монастыря, внутри монастырских построек располагались святилища со ступами). Вместе с тем выявлены монументальные ступы, вокруг которых не зафиксированы постройки, что, вероятно, восходит к первоначальной традиции расположения ступ на перекрестках дорог («башня» Зурмалла, ступы на Айртаме, Зартепа, Топи-Рустам, Шахри-Фолак, Тахти-Рустам и, возможно, ступа на Каратепа) (Ставиский 1977: 183–186; Зеймаль 1987: 150–151). Известен ряд сооружений, которые на основании наличия материалов, связанных с буддизмом (как правило, это фрагменты буддийской скульптуры), принято считать буддийскими храмами (святилищами). Они могли быть отдельно стоящими загородными сооружениями (храм в Айртаме; Дт-1 на Дальверзинтепе, т. н. буддийская келья в Старом Термезе, «платформа статуй» рядом с Сурх-Коталом), так и постройками внутри города (Дт-25 на Дальверзинтепе; «святилище» на Зартепе). Исследователи считают, что существовали и домашние буддийские святилища (помещение Шша на цитадели Тепаи-шах) (Литвинский, Седов 1983: 17–18, 146).

В то же время большинство сооружений, относящихся к категории буддийских святилищ/храмов, имеют планировку, которая не находит аналогий в традиционной буддийской архитектуре (Дт-1 и Дт-25 на Дальверзинтепе, айртамский храм, «святилище» на Зартепа, Чакалактепа). В этих случаях их интерпретация целиком зависит от найденного на объекте материала. Если на некоторых сооружениях количество скульптуры и настенной живописи, имеющей буддийскую иконографию, не оставляет сомнений в их интерпретации (Дт-1 и Дт-25 на Дальверзинтепе), то известны святилища, где находки буддийской скульптуры связаны с периодом разрушения и могли быть случайно занесены туда («святилище» на Зартепа, сооружение на Чакалактепа) (Мкртычев 2002: 94–95). Появляются альтернативные интерпретации памятников, принятых как буддийские храмы. В частности, Э. В. Ртвеладзе предложил считать айртамский храм династийным кушанским храмом (Ртвеладзе 2018: 386).

Вместе с тем исследователи единодушны в том, что буддизм не был государственной религией Кушанской империи, а являлся одной из частей сложной конфессиональной картины, которая различалась в зависимости от региона империи (Bracey 2012).

В настоящее время в Бактрии выявлено несколько династийных храмов (Сурх-Котал, Чингизтепа, Халчаян, «храм Диоскуров» на Дильберджине), а также храмы местных бактрийских богов, которые пока не идентифицируются: раскоп 10 и «святилище Геракла» на Дильберджине, храм в квартале керамистов (Дт-9) и храм в северной части Дальверзинтепе (Дт-7), раскоп 5 (блок 5) на Кампыртепа. В кушанское время продолжал функционировать храм огня (?) на городище Тахти-Сангин. Показательно, что большинство открытых погребальных сооружений Бактрии исследователи связывают с местной разновидностью зороастризма (наусы Тепаи-шах, погребальные сооружения на Кампыртепа, наусы на городище Старый Термез) (Литвинский, Седов 1983; Ртвеладзе 2001: 65–94).

Дополнительной характеристикой сложной религиозной картины кушанской Бактрии служит бактрийская терракота, в составе которой буддийские образы занимают незначительное место (Мкртычев 2002: 188–191).

Такое сочетание монументальных буддийских сооружений и небольшого количества буддийской терракоты, а также имеющиеся эпиграфические материалы с буддийских памятников дают основание заключить, что буддизм в кушанской Бактрии поддерживали правители и часть верхушки общества: по данным эпиграфики — казначеи, военачальники и проч. (Вертоградова 1995: 44), выделявшие средства на строительство буддийских объектов.

Очевидно, что в сложной конфессиональной картине кушанской Бактрии существовала официальная царская религия, которая обозначается в литературе как «династийный культ»; основная же часть населения, скорее всего, исповедовала местную разновидность зороастризма (Grenet 2016) и локальные культы, тогда как буддизм был религией привилегированных слоев бактрийского общества.

Литература

- Вертоградова 1995 — *Вертоградова В. В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1995.
- Зеймаль 1987 — *Зеймаль Т. И.* Буддийская ступа у Верблюжьей Горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана) // *Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография)*. Душанбе, 1987. С. 70–78.
- Литвинский, Седов 1983 — *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский, Зеймаль 2010 — *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Буддийский монастырь Аджина-Тепа (Таджикистан). Раскопки, архитектура, искусство. СПб., 2010.
- Мкртычев 2002 — *Мкртычев Т. К.* Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.
- Ртвеладзе 2001 — *Ртвеладзе Э. В.* Погребально-культурные сооружения Кампыртепа // *МТЭ*. 2001. Вып. 2. С. 65–94.
- Ртвеладзе 2018 — *Ртвеладзе Э. В.* Айртам — династийный храм царя Хувишки // *ВДИ*. 2018. № 2. С. 365–388.
- Ставиский 1977 — *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Ставиский 1998 — *Ставиский Б. Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии: по данным археологии. М., 1998.
- Bracey 2012 — *Bracey R.* Policy, Patronage, and the Shrinking Pantheon of the Kushans // *Glory of the Kushans: Recent Discoveries and Interpretations*. New Delhi, 2012. P. 197–217.
- Fussman 2016 — *Fussman G.* Kushan Power and the Expansion of Buddhism beyond the Soleiman Mountains // *Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013*. Bremen, 2016. P. 153–202.
- Grenet 2016 — *Grenet Fr.* Zoroastrianism among the Kushans // *Ibid*. P. 203–239.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И МАТЕРИАЛЫ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

В. В. Мокроробородов¹

Институт археологии РАН, Москва, Россия

BUILDING TECHNIQUES AND MATERIALS OF CENTRAL ASIAN SETTLEMENTS IN THE MID-1ST MILLENNIUM BC

Viktor V. Mokroborodov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-193-195

Ключевые слова: *Средняя Азия, ранний железный век, строительство и архитектура, типы застройки, конструктивные элементы.*

Keywords: *Central Asia, Early Iron Age, construction and architecture, types of settlements, building construction elements.*

В истории оседло-земледельческого населения Средней Азии ранний железный век и начало античной эпохи отмечены появлением первых письменных источников. Однако их немногочисленность и слабая достоверность ведут к тому, что при реконструкции материальной культуры периода фактически абсолютизируются данные археологических комплексов,

¹ ORCID: 0000-0002-0016-7690; e-mail: mokroborodov@yahoo.com.

в целом неплохо известных специалистам благодаря весьма характерным керамическим наборам (типа Яз III) — для раннего этапа рассматриваемого периода, а также своеобразной керамике с отчетливыми эллинистическими признаками — для этапа позднего. Вместе с тем тотальное преобладание керамики среди находок с объектов того времени зачастую не способствует должному рассмотрению иных составляющих археологических комплексов — в частности, такого важного компонента, как строительные материалы и приемы¹. Попытаемся частично восполнить данный пробел (на примере анализа наиболее показательных моментов).

Автору уже доводилось обращаться к данной теме для решения узкоспециальной хронологической проблемы. Анализ массива данных по параметрическим характеристикам сырцового кирпича (одного из ведущих, наряду с пахсой, строительных материалов, выявляемых при раскопках поселений середины I тыс. до н. э.) позволил сделать следующие выводы: 1) для памятников юга Средней Азии рассматриваемого времени наиболее характерным строительным материалом является прямоугольный сырцовый кирпич; 2) для памятников раннего этапа (ориентировочно VII–V вв. до н. э.) типичен кирпич формата 60 × 30 × 10–12 см, для позднего этапа (V–IV вв. до н. э.) — сырец формата 44–50 × 28–30 × 10–12, 45–46 × 32–36 × 10–12 см; 3) квадратный кирпич начинает преобладать на большинстве территорий в эллинистическое время, причем сначала он отличается более значительными размерами сторон (45–50 см) (Мокробродов 2013: 18). Показательно, что за редчайшим исключением совпадения непосредственно с иранскими комплексами по данным критериям не наблюдается, несмотря на то что при желании среднеазиатским материалам можно усмотреть соответствия в метрологической системе Ахеменидской державы.

Дальнейшее изучение совокупности археологических данных показало верность ранее высказанного тезиса о преобладании на поселениях легких построек каркасного типа (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 28). В пользу этого свидетельствуют значительные территории с подъемным материалом, но без строительных остатков и фиксирующихся четких уровней полов, выявленные при исследовании таких приамударьинских памятников эпохи раннего железа как Джандавляттепа, Шортепа, Бандыхан II, Кизылтепа² и др. В то же время особых признаков широкого распространения жилищ типа землянок на юге Средней Азии не выявлено. По мнению автора, ямы не являются характерными для строительной традиции региона вплоть до эллинизации среднеазиатской культуры, а вскрытые на застроенных (либо с признаками обживания) участках доантичных поселений ямы можно считать культовыми, оборонительными, крайне редко — хозяйственными, но отнюдь не жилыми³.

Несмотря на важность информации, заключенной в особенностях застройки периферии поселений, фиксируемой к тому же лишь косвенным образом, основным источником по рассматриваемой проблеме являются остатки монументальных зданий различного назначения. Раскопки последних лет, приведшие к вскрытию только на территории современного Узбекистана таких ранних объектов как Сангиртепа (Рапен, Хасанов 2013), Киндыктепа (Мокробродов 2018), цитадель Кизылтепа (Сверчков, У Син 2019)⁴, существенно дополнили сложившуюся в результате исследований прошлого века картину, особенно в отношении общности планов культовых зданий, пропорциональности расположения значимых частей, использования пандусов, ниш, колонн. В отношении последних следует отметить отсутствие

¹ Даже наличие ряда специальных работ (напр., Воронина 1953; Пугаченкова 1963) не меняет общей картины: традиционно они слабо освещены.

² В последних двух случаях, представляющих собой крупнейшие поселения правобережья Амударьи раннежелезного века, соотношение территорий с указанными характеристиками застройки к укрепленному ядру поселения (слабо застроенному) составляет соответственно min 6 к 1 и min 30 к 1.

³ Подробнее по последнему вопросу см. Мокробродов 2015: 15–16.

⁴ Ввиду тезисного характера публикации здесь не рассматриваются как раскопки фортификационных систем, так и объекты раннеантичного периода, хотя за последние годы и в этом отношении сделано немало.

оформленных баз¹ приблизительно до III в. до н. э. (Тахти-Сангин, Ай-Ханум, Халчаян, Ниса), при том, что таковые были характерны не только для центра, но и кавказской периферии Ахеменидской империи.

При анализе всех связанных со строительством составляющих рассматриваемых комплексов вырисовывается весьма стандартизированная, редко встречающаяся вне региона, многообразная система использования материалов и техник, претерпевающая значительные изменения в конце IV–III вв. до н. э. — т. е. в момент начала широкого распространения западной культуры на Востоке.

Литература

- Воронина 1953 — Воронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. М., 1953. № 3. С. 3–35.
- Мокробродов 2013 — Мокробродов В. В. Формат сырцового кирпича как дополнительный источник по хронологии памятников раннежелезного века // Археология Узбекистана. Самарканд, 2013. № 1. С. 12–20.
- Мокробродов 2015 — Мокробродов В. В. Новые археологические свидетельства об одном из зороастрийских обрядов // Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье. СПб., 2015. С. 13–22.
- Пугаченкова 1963 — Пугаченкова Г. А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана // СА. 1963. № 4. С. 72–84.
- Пугаченкова, Ртвеладзе 1990 — Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.
- Рапен, Хасанов 2013 — Рапен К., Хасанов М. Сакральная архитектура Центральной Азии с ахеменидского периода по эллинистическую эпоху: между локальными традициями и культурным трансфером // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж; Самарканд, 2013. С. 42–58.
- Сверчков, У Син 2019 — Сверчков Л. М., У Син. Храм огня V–IV вв. до н. э. Кизылтепа // SAnt. 2019. Т. 8. С. 96–128.
- Mokroborodov 2018 — Mokroborodov V. V. Kindyktepa: a temple of the mid-first millennium BC in Southern Uzbekistan // A Millennium of History: The Iron Age in Central Asia (2nd and 1st millennia BC). Berlin, 2018. P. 343–353.

ВЕЩЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО СОГДА И БАКТРИИ В I В. ДО Н. Э. — II В. Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУЛЬТОВЫХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)

А. В. Омельченко²

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

NOMADIC MATERIAL COMPLEXES OF WESTERN SOGDIA AND BACTRIA IN THE 1ST CENTURY BC — 2ND CENTURY AD (ACCORDING TO THE EXCAVATIONS OF CULTIC AND FUNERAL SITES)

Andrei V. Omel'chenko

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-195-199

¹ Региональной особенностью можно считать и их преимущественно сырцовые стволы.

² ORCID 0000-0003-0349-543; e-mail: andrey27_2000@mail.ru.

Ключевые слова: Бухарский Согд, Бактрия, Пайкенд, Тахти-Сангин, храм Окса, храм огня, курганы, кочевники, хунно-сарматский период, оружие и амуниция.

Keywords: Bukharan Sogdia, Bactria, Paykend, Takht-i Sangin, Oxus temple, fire temple, barrows, nomads, Hun-Sarmatian period, armament and equipment.

Раскопки А. М. Мандельштама — выдающегося археолога, работавшего в Средней Азии во второй половине XX в., впервые открыли памятники кочевых племен Северной Бактрии античной поры (Мандельштам 1966; 1975). В это же время, в 1950–1960-х гг., О. В. Обельченко проводил широкомасштабные раскопки курганов номадов, расположенных на периферии Бухарского оазиса Узбекистана, в Западном Согде (Обельченко 1992). Исследователи пришли к различным выводам о происхождении племен, пришедших в Среднюю Азию во II в. до н. э. и упразднивших власть эллинистических правителей: первый связывал их с юэчжами-тохарами, второй — с сарматами. В дискуссии об исторической интерпретации этих памятников участвовали также Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон, Б. А. Литвинский, Е. В. Зеймаль, Н. Г. Горбунова, Г. А. Пугаченкова, позднее — Е. П. Денисов, К. Рапэн и др.

В 1976–1991 гг. отряд Южнотаджикской археологической экспедиции (Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян) исследовал храм Окса на городище Тахти-Сангин у слияния Вахша и Пянджа. Эти раскопки открыли одно из самых значительных культовых сооружений региона античной поры. В специальных ямах-ботросах и выгородках-фависсах были обнаружены многочисленные предметы вооружения и амуниции юэчжийского и кушанского периодов истории Бактрии (Литвинский 2001; 2010).

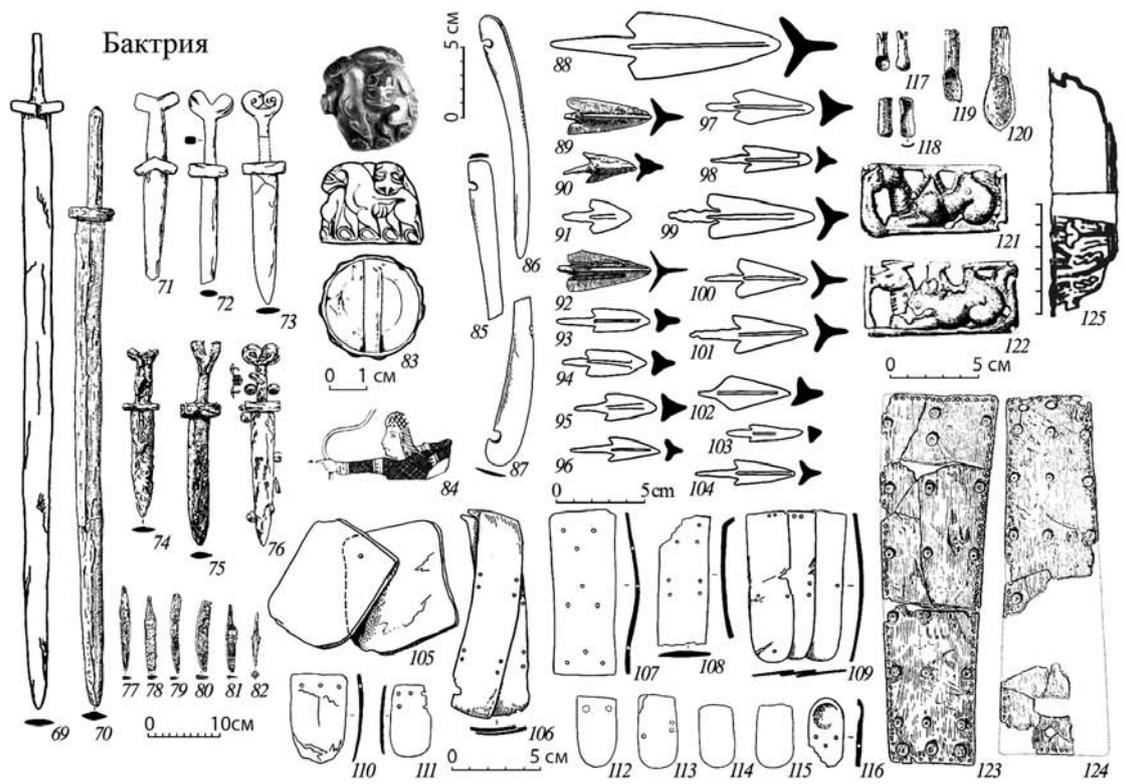
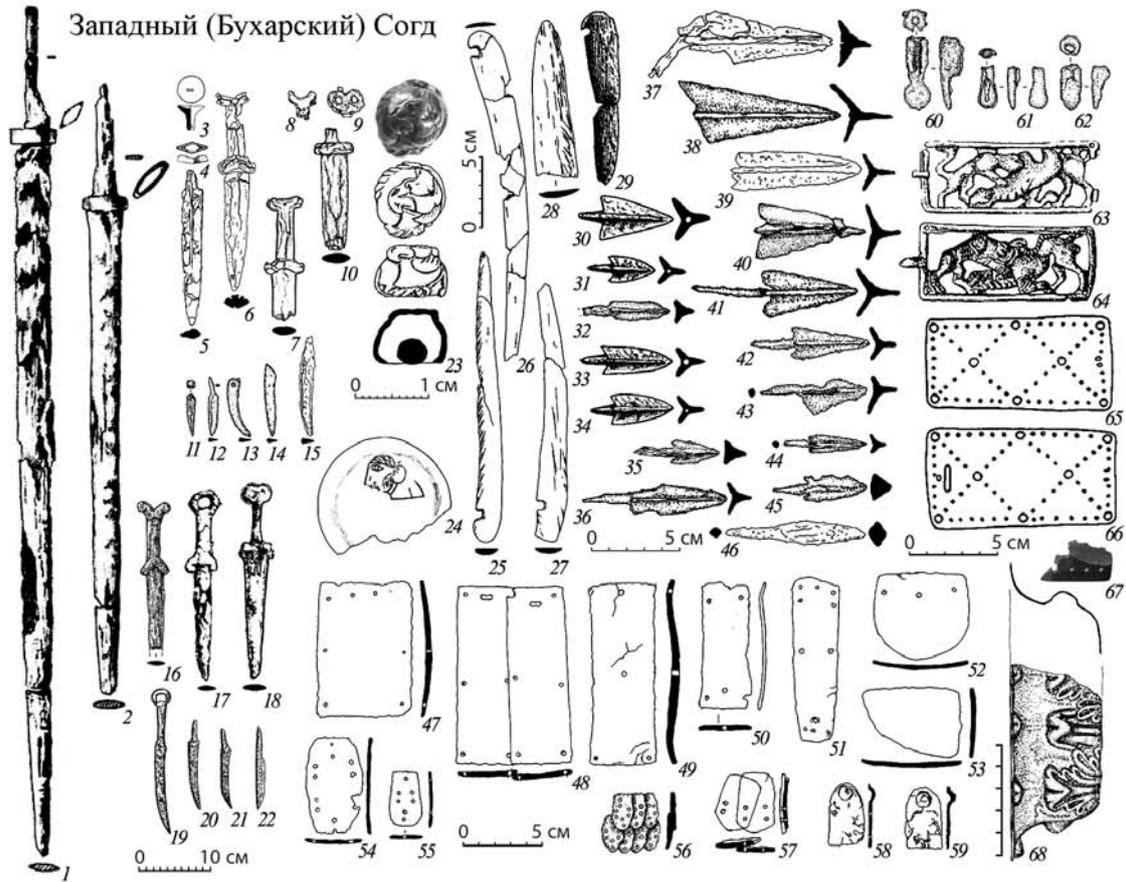
В 1981 г. Бухарская археологическая экспедиция приступила к планомерным раскопкам городища Пайкенд, расположенного на юго-западе Бухарского оазиса. Одними из результатов работ стали открытие на цитадели храма огня (Семенов 1995: 171–178) и находка значительного количества вещей первых веков до н. э. — первых веков н. э., связанных с экипировкой тяжеловооруженных воинов. По мнению исследователей, они долго хранились и были спрятаны в момент взятия города арабами в 705/706 г. (Семенов, Адылов 2006: 36–43, 140–145).

В 2011 г. Бухарская экспедиция возобновила изучение древнейших периодов обживания цитадели. Повсеместно: в стрелковых коридорах, снаружи крепостных стен, в пепельных отложениях в коридорах и дворах зороастрийского храма и т. д. — встречалось железное

⇒

Рис. 1. Вооружение и снаряжение кочевников Западного Согда и Бактрии (I в. до н. э. — II в. н. э.): 1, 2, 16–22, 29–34, 63–66, 69, 70, 74–82, 89, 90, 92, 117–124 — из курганов; 3–15, 23–28, 35–62, 67, 68 — из храма огня Пайкенда; 71–73, 83–88, 91, 93–116, 125 — из храма Окса (1, 2, 16–18 — по: Обельченко 1978: рис. 2; 19–22, 30, 31, 33, 34 — по: СПАЧ: табл. 42; 63–66 — по: Обельченко 1992; 69, 76 — БМ-V, по: Медведская 1979: рис. 2, 3; 70, 74, 75, 77–82, 89, 90, 92, 117–120, 123, 124 — по: Мандельштам 1966: табл. XXXIX, XL, XLI, XLV–L; 121, 122 — по: Мандельштам 1975: табл. XXXVI; 71–73, 85–88, 91, 92–116 — по: Литвинский 2001: табл. 22–25, 58, 84–88; 83, 84, 125 — по: Литвинский 2010: рис. 62, 74, 76). 1, 69, 76 — железо, бронза; 2, 5–22, 30–60, 62, 70–75, 77–82, 88–116, 119, 120 — железо; 3, 4, 24, 61, 63, 64, 68, 117, 118, 125 — медь (бронза, латунь); 23 — золото, свинец; 83 — золото, железо; 25–29, 84–87 — кость; 65, 66 — гишер, бирюза; 67 — рог (носорога?), золото; 123, 124 — рог, серебро

Fig. 1. Nomadic armament and equipment from Western Sogdia and Bactria (1st cent. BC–2nd cent. AD): 1, 2, 16–22, 29–34, 63–66, 69, 70, 74–82, 89, 90, 92, 117–124 — from barrows; 3–15, 23–28, 47–62, 67, 68 — from Paykend fire temple; 71–73, 83–88, 91, 93–116, 125 — from the Oxus temple (1, 2, 16–18 — after: Обельченко 1978: рис. 2; 19–22, 30, 31, 33, 34 — after: СПАЧ: табл. 42; 63–66 — after: Обельченко 1992; 69, 76 — БМ-V, after: Медведская 1979: рис. 2, 3; 70, 74, 75, 77–82, 89, 90, 92, 117–120, 123, 124 — after: Мандельштам 1966: табл. XXXIX, XL, XLI, XLV–L; 121, 122 — after: Мандельштам 1975: табл. XXXVI; 71–73, 85–88, 91, 92–116 — after: Литвинский 2001: табл. 22–25, 58, 84–88; 83, 84, 125 — after: Литвинский 2010: рис. 62, 74, 76). 1, 69, 76 — iron, bronze; 2, 5–22, 30–60, 62, 70–75, 77–82, 88–116, 119, 120 — iron; 3, 4, 24, 61, 63, 64, 68, 117, 118, 125 — copper (bronze, brass); 23 — gold, lead; 83 — gold, iron; 25–29, 84–87 — bone; 65, 66 — jet, turquoise; 67 — horn (of a rhinoceros?), gold; 123, 124 — horn, silver

оружие. Более всего предметов вооружения и амуниции нашли в ямах-ботросах южного обводного коридора и прилегающем помещении с сырцовым ящиком-фависсой.

Таким образом, практика выноса и сокрытия предметов из переполненных, очевидно, храмовых хранилищ в Пайкенде была аналогичной той, что зафиксирована раскопками храма Окса. Интересно, что принципиально близки и планировки храмов — например, такая деталь, как наличие двух алтарей в центральном зале (залах). В целом, вся цитадель Пайкенда, по крайней мере, с первых веков н. э. и вплоть до арабского нашествия представляла собой храмовый комплекс с культовыми постройками в восточной части и с жилищно-хозяйственными сооружениями для obsługi и охраны — в западной.

Номенклатура находок из ботросов и фависс согдийского и бактрийского храмов также похожа (рис. 1). Это указывает на общие принципы формирования храмовых сокровищниц в этот период. Не исключено, что и в Средней Азии, как это было на Древнем Востоке или в античной Греции, в таких комплексах хранилось снаряжение для воинских контингентов. Повторяется не только состав находок, но и их типы и формы (вплоть до деталей): у кинжалов (акинаков), черешковых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел, костяных накладок на лук «гуннского типа» и т. д.

Дополняют комплекс согдийско-бактрийского вооружения длинные мечи из курганов обеих областей. В Бухарском оазисе отмечены отдельные бронзовые перекрестия и воронковидные навершия — детали, характерные для китайских мечей, начиная с периода Восточное Чжоу. На одном из пайкендских наверший процарапано изображение, напоминающее портрет на монетах согдийского царя Гиркода.

К деталям крепления и украшения ножен кинжала с лопастями, видимо, относятся золотые бляшки (колпачки) с рельефными изображениями: в Пайкендском храме — свернувшегося орлиноголового грифона, в храме Окса — шествия пантер. Такие же предметы были в Тиля-тепе (Северный Афганистан), Дачах (низовья Дона), Исаковке (Западная Сибирь) (Мордвинцева 2003: рис. 5, 13–15; 31; 45, 4) — все после рубежа эр.

Панцирные пластины из ботросов Пайкенда, возможно, были покрыты золотой плакировкой, как это отмечено у сарматов (Симоненко 2015: 113–126), а их размеры и формы близки происходящим из храма Окса (Литвинский 2001: 304–306). В свою очередь, согдийско-бактрийские панцири обнаруживают близкую аналогию в комбинированном доспехе кенкольской культуры (Кожомбердиев, Худяков 1987: 92–97) и в китайской паноплии периода Западная Хань (Dien 1981: Fig. 15).

Обычны для античного археологического комплекса Северной Бактрии и Западного Согда железные перстни и ложечковидные наконечники ремней. Знаковыми находками в обеих областях являются крупные поясные пластины из кости и рога, украшенные гвоздиками из драгоценных металлов или вставками, — тип изделия, характерного для комплексов хунну.

Таким образом, несмотря на то, что оружие и предметы амуниции из Западного Согда и Бактрии похожи на сарматские, очевидны многочисленные восточные элементы. Выделенный Н. Г. Горбуновой согдийско-бактрийский комплекс вооружений, который она относила к II в. до н. э. — I в. н. э. (Горбунова 2000: 48–49), на наш взгляд, действительно имел «восточно-сарматское» происхождение, т. е. попал в Среднюю Азию в результате продвижения кочевников (юэчжей и пришедших с ними племен) из пограничных с Ханьским государством областей Евразийской степи, как и полагал А. М. Мандельштам.

Литература

- Горбунова 2000 — Горбунова Н. Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н. э. — V в. н. э.) // РА. 2000. № 2. С. 40–51.
- Кожомбердиев, Худяков 1987 — Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.

- Литвинский 2001 — *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Литвинский 2010 — *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010.
- Мандельштам 1966 — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966 (ГТАЭ. Т. V; МИА. № 136).
- Мандельштам 1975 — *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975 (ГТАЭ. Т. VII).
- Медведская 1979 — *Медведская И. Н.* Раскопки в Шаартузе в 1974 г. // АРТ. 1979. Вып. XIV (1974 г.). С. 110–122.
- Мордвинцева 2003 — *Мордвинцева В. И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
- Обельченко 1978 — *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.
- Обельченко 1992 — *Обельченко О. В.* Культура античного Согда. М., 1992.
- Семенов 1995 — *Семенов Г. Л.* Святылище в Пайкенде // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Лукокина 1986–1994 гг. СПб., 1995. С. 171–177.
- Семенов, Адылов 2006 — *Семенов Г. Л., Адылов Ш. Т.* Арсенал на цитадели Пайкенда // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд; Рим, 2006. С. 36–43, 140–145.
- Симоненко 2015 — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. Изд. 2-е. Киев, 2015.
- Dien 1981 — *Dien A.* A Study of Early Chinese Armor // ArtAs. 1981. Vol. 43/1–2. P. 5–66.

ВОРСОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА ТАРИМА I ТЫС. ДО Н. Э.: ОБЗОР НАХОДОК

С. В. Панкова¹

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

PILE OBJECTS FROM THE TARIM BASIN SITES OF THE 1ST MILLENNIUM BC: AN OVERVIEW OF FINDS

Svetlana V. Pankova

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-199-204

Ключевые слова: Центральная Азия, раннескифское время, текстиль, шерсть, ковры, ворс, узлы, петли.

Keywords: Central Asia, early Scythian period, textile, wool, rugs, pile, knots, loops.

Знаменитый ковер из пятого Пазырыкского кургана III в. до н. э. традиционно называют древнейшим из сохранившихся узорных ворсовых узелковых ковров. Он изготовлен с использованием симметричных (*ghiorde* или турецких) узлов, имеет исключительно коротко стриженный ворс и по сохранности, сложности композиции и технике исполнения не имеет равных среди известных ранних находок. Фрагмент из второго Башадарского кургана конца VI — начала V в. до н. э. фигурирует как древнейший сохранившийся пример ковра, выполненного в иной технике — с использованием асимметричных (*senne* или

¹ ORCID: 0000-0001-9528-4525; e-mail: svpankova@gmail.com.

персидских) узлов (Руденко 1968: 41–62; Баркова 2012). В больших курганах Пазырыка и Башадара присутствуют изделия, отражающие еще одну разновидность ворсовой техники — т. н. петельчатые или петлевые ткани/ковры (Руденко 1968: рис. 45; Царева 2006: 250–255). В кургане 1 Верх-Кальджина 2 обнаружена ткань, технологически являющаяся подражанием пазырыкским петельчатым изделиям: петли по отдельности вводились в уже готовое полотно, а не вытягивалась из утков по ходу ткачества (Глушкова 2005: 190–191). Проблема происхождения ворсовых изделий из Больших Пазырыкских курганов пока не решена, причем для разных их видов она может решаться по-разному (библиографию по древнейшему ворсовому текстилю из памятников Средиземноморья, Ближнего Востока и Центральной Азии см.: Царева 2012; 2015, Европы: Grömer 2016).

Недавние публикации материалов из могильников Загунлук и Янхай в Синьцзяне позволяют представить центральноазиатский контекст алтайского ворсового текстиля, включая более ранние документированные находки (табл. 1).

Два крупных фрагмента происходят из могилы 2, Загунлук II (96 QZ II M2) и могилы 124, Загунлук I (98 QZ I M124). В обоих случаях для создания ворса использованы варианты асимметричного узла. Приведенные схемы и подробные описания дают хорошее представление об этих находках (Schorta, Wang 2016: 220–221, 330–331 [no. 29, 72]). Оба погребения отнесены к поздней фазе 2-го этапа существования могильника, т. е. III в. до н. э. — III в. н. э. (Schorta, Wang 2016: 71), однако сопутствующие материалы позволяют сузить эту датировку. Могила 2 Загунлука II может быть датирована III–I вв. до н. э. (Wang 2008: 9). Могила 124 Загунлука I содержала два полихромных шелка *jìn* и шерстяную ткань с вышивкой ромбами (Schorta, Wang 2016: no. 69–71): аналогии в памятниках Дуньхуан-лимеса, захоронениях Ноин-Улы и кладбища LC в Лоулане (Лубо-Лесниченко 1994: рис. 33, 41, 43; Zhao 2015: fig. 2.14) позволяют относить погребение 124 к периоду, близкому к рубежу эр. В более ранних памятниках бассейна Тарима ворсовые изделия с асимметричным узлом мне не известны.

Семь проанализированных из девяти найденных ворсовых фрагментов из могильника Янхай I выполнены с использованием иного, симметричного, узла, причем эта технология названа характерной для всех ранних ковров в Синьцзяне. Большинство находок имеют геометрический орнамент из ромбов, треугольников, возможно квадратов (Рис. 1). Фрагменты из могил 8, 87, 90, 95 названы седельными ковриками (Report 2019: vol. II, p. 921–922, fig. 19)¹.

Погребения могильника Янхай, по мнению авторов публикации, разделяются на четыре этапа, а кладбище Янхай I включает захоронения, производившиеся на 1–3 этапах. Содержащие ворсовые изделия могилы 8, 87, 90, 91, 95 и 138 отнесены к этапу 2 (X–VIII вв. до н. э.), а могилы 164 и 189 — к этапу 3 (VII–IV вв. до н. э.) (Report 2019: vol. II, p. 606–617; 977–979). Неоднократно отмечалось, что предложенная китайскими исследователями хронология могильника Янхай 1 нуждается в корректировке. Еще в 2010 г. П. И. Шульга отметил необоснованность ранней датировки захоронений 1 и 2 этапов и пришел к заключению, что большая часть могил Янхай 1 относится к раннескифскому времени (Шульга 2010: 56–57).

В нескольких погребениях с ковровыми изделиями присутствуют хронологически показательные предметы: в могилах 91, 95, 164, 189 — роговые трехдырчатые псалии, в том числе с фигурным навершием (Report 2019: vol. III, tabl. 162, 3; 185, 10; 186, 5), а в могиле 189 — стремеvidные удила (Ibid.: tabl. 201, 8). В могиле 87 найден деревянный гребень с геометрическим узором (Ibid.: tabl. 148, 3). Узор из рядов треугольников и отверстие в верхней части сближает его с находками из Тувы раннескифского времени (Жогова 2014: 132, 137; рис. 4, 1, 2аб, 5а). В целом понятно, что фрагменты янхайских ковров действительно происходят из погребений, относящихся к раннескифскому времени по периодизации памятников Саяно-Алтая.

¹ Приношу самую искреннюю благодарность В. Б. Трубниковой (Институт истории материальной культуры РАН) за перевод китайского текста.

Таблица 1

Ворсовые изделия из могильников бассейна Тарима

Table 1

Pile fragments from burial grounds of the Tarim basin

№	Памятник, № могилы	Размер основа/ уток, см	Узел	Число базовых утков между ворсовыми	Базовое переплетение	Публикация
1	Загунлук II, м. 2	84 × 73	Асимметричный	6	Саржа 2:2	Schorta, Wang 2016: № 29
2	Загунлук I, м. 124	10 × 18,5	Асимметричный	2	Полотняное	Schorta, Wang 2016: № 72
3	Янхай I м. 8	31,8 × 19,5	Симметричный	8	Полотняное	Report 2019: vol. II, tabl. 233, 1
4	Янхай I м. 87	40 × 78	Симметричный	8–12	Полотняное	Report 2019: vol. II, tabl. 245, 8
5	Янхай I м. 90	30 × 20	Симметричный	12–15	Полотняное	Report 2019: vol. II, tabl. 248, 2
6	Янхай I м. 91	Около 10 × 16 (по фото)	Симметричный	Нет данных	Нет данных	Report 2019: vol. II, tabl. 248, 5
7	Янхай I м. 95	17 × 33	Симметричный	Плохо сохра- нился, нет данных	Полотняное	Report 2019: vol. II, tabl. 260, 3
8	Янхай I м. 138	43 × 53	Симметричный	4–6	Полотняное	Report 2019: vol. II, tabl. 253, 4
9	Янхай I м. 164	13 × 13	Симметричный	4	Полотняное	Report 2019: vol. II, tabl. 257, 5
10	Янхай I м. 189	53 × 49,5	Симметричный	Нет данных	Полотняное	Report 2019: vol. II, tabl. 262, 1

Заслуживает внимания сходство декора двух янхайских ковров с узорами шерстяных поясов из Аржана-2 (вторая половина VII в. до н. э.). Крупный фрагмент из могилы 189 Янхай I отличается волнообразным криволинейным узором, элементы которого можно описать как диагонально расположенные ленты с прорезными утолщениями-завитками (рис. 1, 7). Ближайшая аналогия такому узору — на трубчатом поясе неясной пока технологии из сопроводительной могилы 13А Аржана-2 (Stauffer 2010: 203, Abb. 198–199; Царева 2010: цв. вкл., рис. 11).

Седелный коврик из янхайской могилы 87 имеет геометрический узор из взаимовписанных цепочек ромбов (рис. 1, 2). Этот декор подобен узору пояса в гобеленовой технике, найденного в той же аржанской могиле (Stauffer 2010: 204, Abb. 200, 204).

В могиле 13А Аржана-2 находился застилавший пол килим с узором, напоминающим шкуру тигра (Stauffer 2010: 205, Abb. 205; Царева 2010: 579, цв. вкл., рис. 10). Тигровый узор той же цветовой гаммы представлен на неопубликованном ворсовом ковре из собрания The Phoebus Foundation (ранее — Katoen Natie) (Антверпен), KTN Inv. 1378. Этот ковер (по имеющимся сообщениям, синьцзянского происхождения) выполнен с использованием симметричных узлов¹ и датирован в пределах третьей — второй четверти I тыс. до н. э. (KIA-26249: 2450+/-30BP и EТН-24739: 2400+/-45)².

¹ Определение Крис Верхекек-Ламменс (Chris Verhecken-Lammens) из Katoen Natie.

² Благодаря Данаю Вермёлен (Danaë Vermeulen) из Katoen Natie за любезно предоставленную информацию.

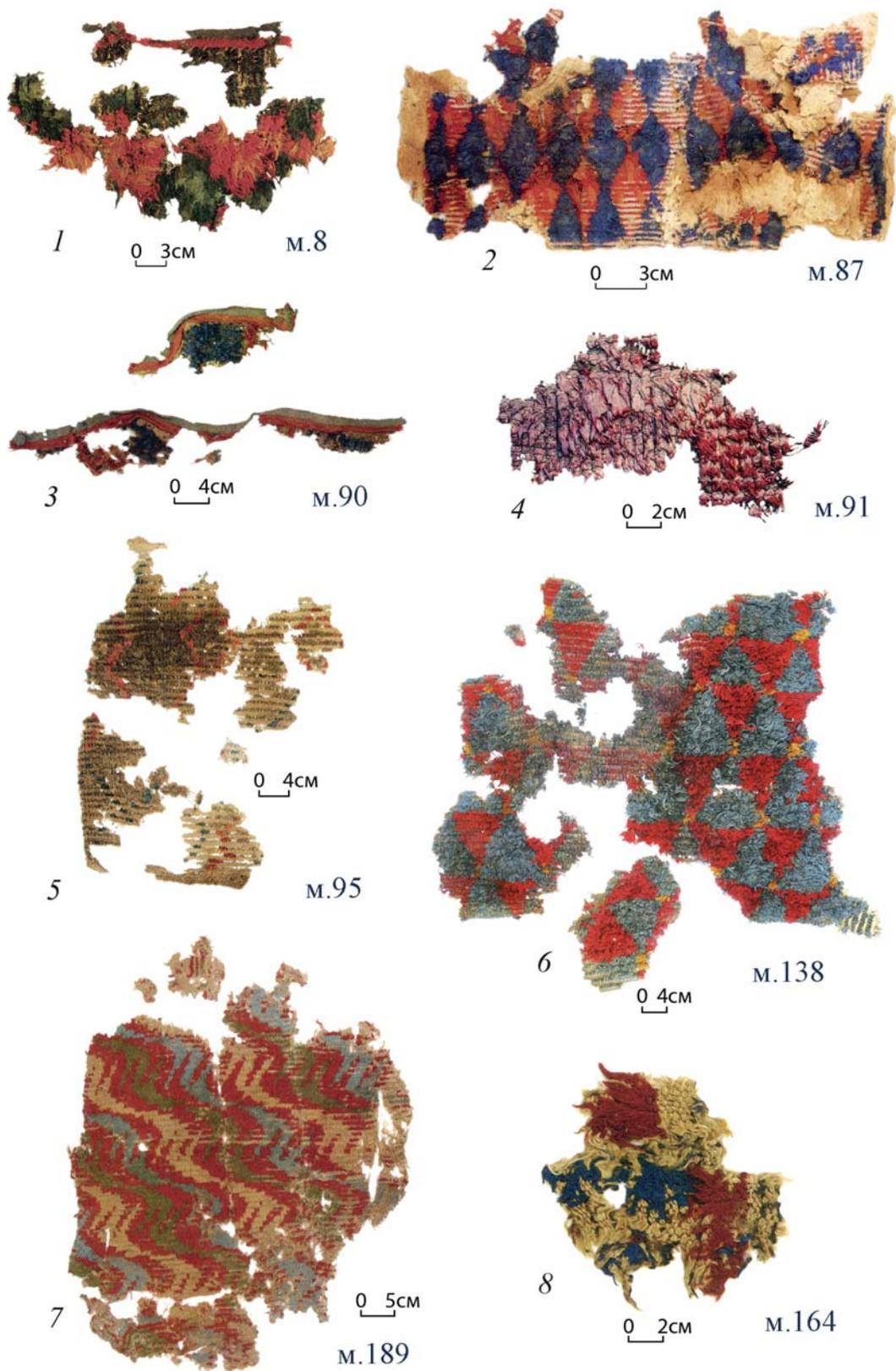

Рис. 1. Фрагменты ворсовых изделий из могильника Янхай 1
 Fig. 1. Pile fragments from the Yanghai I burial ground

По-видимому, одни и те же узоры могли создаваться на текстильных предметах разного назначения и технологий. В Аржане-2 ворсовые изделия не обнаружены, что, впрочем, может быть связано с плохой сохранностью органики животного происхождения в «царской» могиле 5.

Рассмотренные материалы показывают, что ворсовые изделия использовались в центрах Таримского бассейна, по крайней мере, с раннескифского времени (около VII в. до н. э.), причем тогда они делались с помощью симметричных узлов. Параллели в материалах кургана Аржан-2 позволяют предполагать, что подобные изделия могли появляться и у элиты кочевников Саяно-Алтая. Несмотря на формально сходную технику изготовления (симметричный узел), рассмотренные таримские находки отличаются от ковра из пятого Пазырыкского кургана не только простотой и нефигуративным характером декора, но и значительно меньшей плотностью и большей длиной ворса, поэтому их вряд ли можно рассматривать в числе его прототипов.

Ворсовые изделия, изготовленные с использованием асимметричных узлов, фиксируются в памятниках Таримского бассейна только с III в. до н. э., при этом экземпляры из Загунлука технологически сходны с ворсовым фрагментом из второго Башадарского кургана, остающимся наиболее ранним из известных.

Петельчатые ткани в опубликованных материалах из памятников Синьцзяна I тыс. до н. э. мне не известны. Пока ближайшими «предшественниками» пазырыкского петельчатого текстиля оказываются находки конца IX в. до н. э. в Гордионе (Holzman 2019: fig. 4) и Хасанлу (Schauensee 2011: pl. 2, 7; 3, 2; appendix 2).

Литература

- Баркова 2012 — Баркова Л. Л. Красота, сотканная из тайн. Древнейшие в мире ковры. СПб., 2012.
- Глушкова 2005 — Глушкова Т. Н. Технологическая характеристика пазырыкского текстиля с плато Укок // Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск. 2005. С. 170–193.
- Жогова 2014 — Жогова (Кушакова) Н. А. Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая // АВ. 2014. Вып. 20. С. 116–142.
- Лубо-Лесниченко 1994 — Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М., 1994.
- Руденко 1968 — Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Алтая. М., 1968.
- Царева 2006 — Царева Е. Г. Каталог тканей из Пазырыкских курганов из собрания Государственного Эрмитажа // Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Балакина Г. Г., Маматюк В. И., Васильев В. Г., Карпова Е. В., Малахов В. В., Власов А. А., Краевская И. Л., Довлитова Л. С., Королук Е. А., Царева Е. Г. Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования). Новосибирск, 2006. С. 232–261 (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 5).
- Царева 2010 — Царева Е. Г. Килимы ранних кочевников Тувы и Алтая: к истории сложения и развития килимной техники в Евразии // ТМАЭ. 2010. Т. 3. С. 566–591.
- Царева 2012 — Царева Е. Г. Филикли: к истории узелкового ткачества в Центральной Азии (по материалам Месопотамии и Туркменистана) // ТМАЭ. 2012. Т. 4. С. 240–249.
- Царева 2015 — Царева Е. Г. История формирования и распространения ворсовых техник (Евразийская традиция) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб., 2015. С. 67–80.
- Шульга 2010 — Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010.
- Grömer 2016 — Grömer K. The Art of Prehistoric Textile Making: The development of craft traditions and clothing in Central Europe / With contributions of R. Hofmann-de Keijzer (Dyeing) and H. Rösel-Mautendorfer (Sewing and tailoring). Vienna, 2016 (Veröffentlichungen der Prähistorischen Abteilung [VPA]. 5).

- Holzman 2019 — *Holzman S.* Unfolding a Geometric Textile from 9th-Century Gordion // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. Princeton, 2019. Vol. 88/3. P. 527–556.
- Report 2019 — Report of Archaeological Excavation at Yanghai Cemetery. Vol. II, III. Beijing, 2019 (in Chinese).
- Schauensee 2011 — *Schauensee M. de (ed.)*. Peoples and Crafts in Period IVB at Hasanlu, Iran. Philadelphia, 2011 (Hasanlu Special Studies. IV).
- Schorta, Wang 2016 — *Schorta R., Wang D.-N. (ed.)* Textile Treasures of Zaghunluq. Riggisberg; Beijing, 2016.
- Stauffer 2010 — *Stauffer A.* Textilfunde aus Aržan 2 // Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010. S. 199–211 (Archäologie in Eurasien. 26; Steppenvölker Eurasiens. 3).
- Wang 2008 — *Wang B.* Wollen and Cotton Fabrics excavated from Cemetery II in Zaganluq // Zhao F. (ed.). *Western Imprints: Textiles from Han and Jin Dynasties in China*. Hong Kong, 2008. P. 9–17.
- Zhao 2016 — *Zhao F. (ed.)*. Silks from the Silk Road: Origin, Transmission and Exchange. Hangzhou, 2016.

КАМПЫРТЕПА — АЛЕКСАНДРИЯ ОКСИАНСКАЯ — ПАНДОХЕЙОН: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРИСУТСТВИИ ПАРФЯН В ДОЛИНЕ ОКСА

Э. В. Ртвеладзе¹

Институт искусствознания АН Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

KAMPYRTEPA — ALEXANDRIA OXIANA — PANDOKHEION: NEW DATA ON THE PARTHIANS' PRESENCE IN THE OXUS VALLEY

Edvard V. Rtveldze

Institute of Art Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-204-206

Ключевые слова: *Александрия Оксианская, Кампыртепа, парфяне, статуэтка, бактрийская надпись.*

Keywords: *Alexandria Oxiana, Kampyrtepa, Parthians, statuette, Bactrian inscription.*

В 2018–2019 гг. исследования Тохаристанской археологической экспедиции Института искусствознания АН Республики Узбекистан на городище Кампыртепа проводились в юго-восточной части цитадели-фруриона на месте главных ворот. Здесь, вдоль юго-восточной стены фруриона и порта, было выявлено несколько квадратных в плане башен с верхним рядом стрелковых бойниц, а также внешние и внутренние ворота фруриона с ведущей к ним дорогой-улицей, начинающейся от подъема на лессовый останец со стороны Окса (Амударьи).

Верхний культурный горизонт в этом месте представляет собой сбросовые мусорные слои и прослойки, достигающие порой 1,5–2 м толщины. Эти слои и прослойки образовались после разрушения фортификационной системы Александрии Оксианской в конце II в. до н. э. в результате нашествия племен номадов, что подтверждается находками

¹ ORCID: 0000-0001-5463-148X; e-mail: archcircle@gmail.com.

в этих слоях: это юечжийское подражание монетам Гелиокла первого раннего типа с Зевсом на реверсе, относящееся к концу II в. до н. э. — началу I в. н. э., а также трехперый черенковый наконечник стрелы, фрагменты псевдомегарских чаш и керамика, характерные для этого же периода.

Не исключено, что в это время Александрия Оксианская меняет свое название на Пандохейон (греч. «гостиница»): на месте прежней крепости-фруриона возникает комплекс жилых и хозяйственных помещений с большим количеством хумов (сосуды для хранения зерна и жидкостей), главная функция которых заключалась в обслуживании торговых караванов, сходящихся на переправе через Окс.

Среди находок в этих слоях особый интерес представляет керамический диск диаметром 15 см с невысоким бортиком и горельефным изображением головы мужчины в высоком коническом головном уборе, совмещенном с диадемой. Нижнюю часть лица покрывают усы и округлая подтреугольная борода. Из-под головного убора ниспадают короткие пряди волос, спускающиеся на уши (рис. 1, 1).

Примечательно, что это не первая находка изображения данного персонажа на Кампыртепа. Совершенно аналогичный образ, но в поясном изображении, с округлым предметом в руках, интерпретируемым нами как нагрудная бляха — символ власти, воплощен и в терракотовой статуэтке (рис. 1, 2), обнаруженной в 1980-х гг. на цитадели Кампыртепа, в слое I в. до н. э. На основании некоторых аналогий, происходящих из Хатры, мы заключили, что данный персонаж имеет парфянского происхождения. В то же время головной убор и общий облик сближают изображение из Кампыртепа с головой каменной

Рис. 1. Кампыртепа: 1 — керамический диск с горельефным изображением головы знатного парфянина; 2 — терракота с изображением знатного парфянина (не в масштабе)

Fig. 1. Kamprtepa: 1 — ceramic disc with a high-relief representation of the head of a noble Parthian; 2 — terracotta with the image of a noble Parthian (not to scale)

Рис. 2. Фаязтепа: надпись (не в масштабе)
Fig. 2. Fayaztepa: the inscription (not to scale)

долины Окса от Парфянского царства во второй половине II в. до н. э. — начале I в. н. э.

Археологические данные и сведения письменных источников о завоеваниях парфян в Западной Бактрии в целом и долине Окса в частности уже проанализированы нами ранее в ряде статей и книг на английском и русском языках. В последнее время к ним добавился важный эпиграфический источник — бактрийская надпись на каменной плите (рис. 2), обнаруженной Л. И. Альбаумом при раскопках Фаязтепа в Старом Термезе. Надпись сохранилась очень плохо, фактически только два слова. В одном из них достаточно четко читается $\epsilon\mu\beta\omicron$, что, по всей вероятности, является частью или сокращенной формой греческого термина $\epsilon\mu\beta\omicron\lambda\upsilon\omicron\varsigma$ («вводный, дополнительный»), применявшегося в сочетании с названием македонского месяца.

Широкое употребление термина $\epsilon\mu\beta\omicron\lambda\upsilon\omicron\varsigma$ зафиксировано на территории Парфянского царства во второй половине I в. до н. э. — начале второй половины I в. н. э., в частности, на монетах парфянских царей Орода II, Фраата IV, Орода III, Готарза II и др. К востоку от Парфии имеется пример более позднего употребления этого слова — это надпись кхароштки на т. н. «Traşaka reliquary» из Гандхары, впервые опубликованном Ж. Фюссманом. Отметим, что для Гандхары (и Индии в целом) это единственная надпись, в которой употреблено слово $\epsilon\mu\beta\omicron\lambda\upsilon\omicron\varsigma$. На территории Бактрии данный термин, за исключением надписи из Фаязтепа, нигде более не встречался. Наличие же его в надписи из Фаязтепа может указывать, в частности, на возможное парфянское участие в строительстве этого буддийского монастыря.

Мы полагаем, основываясь на археологических и нумизматических находках, а также на сведениях Истории Старшего Дома Хань, что парфяне захватили долину Окса (вероятно, вплоть до Термеза включительно) уже при Ороде II (57–38 гг. до н. э.), а, возможно, и ранее, тогда как кушаны завоевали эту часть долины Амударьи, как и всю Северную Бактрию, только при Сотере Мегасе (Виме Такто) — самые ранние монеты, обнаруженные на Фаязтепа, относятся к чекану этого кушанского царя.

статуи, изображающей царственный персонаж в высоком головном уборе из святилища Антиоха I Коммагенского (69–34 гг. до н. э.) из Немрут-Дага. К тому же и датировка их аналогична — I в. до н. э., тогда как изображения из Хатры датируются II в. н. э.

Горделивый взор, высокий головной убор, диадема и нагрудная бляха позволяют видеть в статуэтке из Кампыртепа человека, занимавшего в иерархии общества высокое социальное положение, — возможно, начальника крепости в парфянское время.

Отметим, что Кампыртепа — единственный населенный пункт в Бактрии, где обнаружены бронзовые, а не серебряные парфянские монеты, что само по себе весьма показательно. Не исключая возможности торговых операций с ними, мы все же предполагаем, что их находки здесь отражают определенную форму политической зависимости этой части

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ РЕКИ ЧАА-ХОЛЬ В ТУВЕ¹

Вл. А. Семенов²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE CHAA-KHOL' RIVER VALLEY IN TUVA

Vladimir A. Semenov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-207-209

Ключевые слова: Саянское водохранилище, Чаа-Хольский залив, Аймырлыг, эпоха бронзы, памятники окуневского типа, скифские курганы.

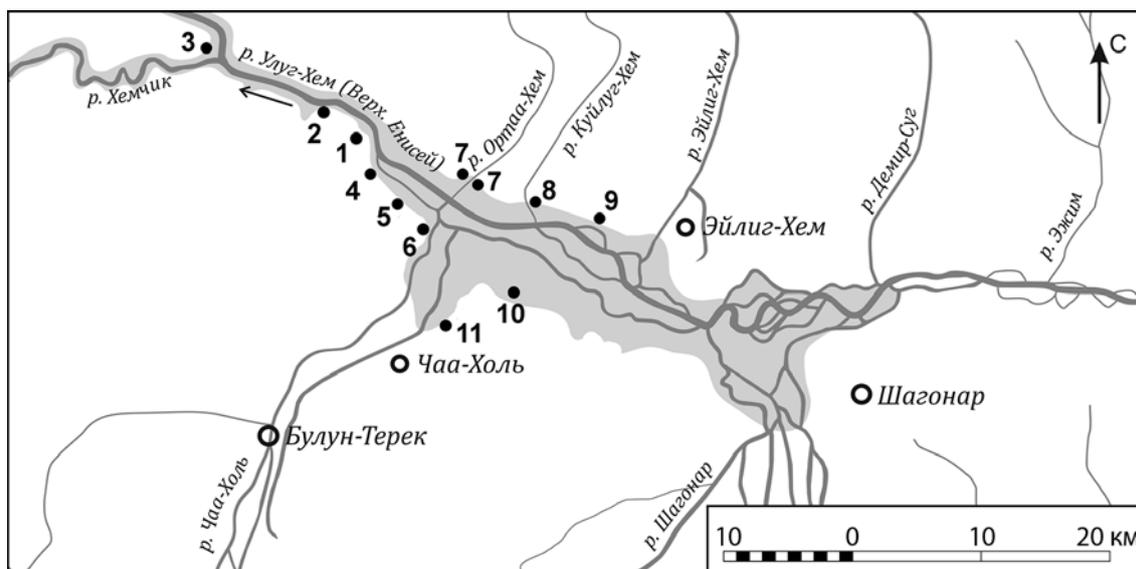
Keywords: *Sayan reservoir, Chaa-Khol' bay, Aymyrlyg, Bronze Age, Okunev-type sites, Scythian barrows.*

В результате строительства и эксплуатации крупнейшего в России гидроэлектростанции было создано водохранилище протяженностью 250 км. Его воды заполнили Саянский каньон Енисея и поднялись по его притокам — рекам Кантегир, Ус, Хемчик и десяткам более мелких рек, из которых особое значение имеет река Чаа-Холь и ее остепненная долина, где зеркало водохранилища увеличивается в десятки раз, образуя озеровидное расширение или т. н. Тувинский плёс протяженностью 52 км. Площадь его акватории 262 км², площадь мелководий (до 1 м глубиной) — 7,5 км² и максимальная ширина 7 и 12 км, максимальная глубина — 20 м (Килуновская и др. 2010: 189–198). Зимой вода сбрасывается, и до начала лета Енисей течет практически в своем старом русле. В это время возможно исследование памятников, находящихся полгода под водой и разрушающихся в результате колебания уровня воды и береговой абразии.

Самым крупным памятником в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС является могильное поле Аймырлыг протяженностью свыше 10 км, на котором было выявлено более 40 отдельных групп курганов и других погребальных сооружений, образующих вытянутую с юга на север полосу на левобережной террасе реки Чаа-Холь. В ходе крупномасштабных ежегодных раскопок (1968–1983), проводимых под руководством А. М. Мандельштама, здесь было исследовано более 300 погребальных памятников, большинство из которых относились к скифскому времени (Мандельштам 1983а: 5–14). А. М. Мандельштам подчеркивал именно такой термин, поскольку многие сооружения курганами не являлись (Мандельштам 1983б: 25–33). Многообразие археологических объектов, выявленных на могильном поле Аймырлыг, заслуживает особенного внимания, поскольку существуют лакуны в культурной секвенции археологии Тувы. На Аймырлыге такие лакуны были частично закрыты. Например, в Туве много петроглифов, которые относятся к эпохе бронзы, а погребений этого периода ничтожно мало — тем не менее на Аймырлыге был выявлен некрополь, погребения в котором могут быть отнесены к культуре, близкой окуневской (Стамбульник, Чугунов 2006: 293–302).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² ORCID: 0000-0002-1487-9277; e-mail: kilunmar@mail.ru.

Рис. 1. Карта памятников в зоне Тувинского плёса на Верхнем Енисее: 1 — Чирик-Даш; 2 — Каравей; 3 — Хемчик-Бом; 4 — Урбюн; 5 — Суме-Беш; 6 — Аймырлыг; 7 — Орта-Хем; 8 — Куйлуг-Хем; 9 — Алды-Бель; 10 — комплекс памятников под горой Ала-Тей; 11 — Терезин

Fig. 1. Map of sites in the Tuva reach zone on the Upper Yenisey: 1 — Chirik-Dash; 2 — Karavei; 3 — Khemchik-Bom; 4 — Urbyun; 5 — Sume-Besh; 6 — Aymyrylg, 7 — Orta-Khem; 8 — Kuilug-Khem; 9 — Aldy-Bel; 10 — complex of sites under the Ala-Tei mountain; 11 — Terezin

Несмотря на впечатляющие объемы проделанной в зоне затопления работы, по оценке участников работ Саяно-Тувинской экспедиции, было исследовано около 15 % подлежащих затоплению памятников, но «возможно, это чересчур оптимистическая оценка» (Длужневская, Савинов 2007: 7).

С 1998 г. Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН ежегодно проводит обследование берегов в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС в Республике Тыва. В результате были выявлены многочисленные разрушающиеся памятники и проведены аварийно-спасательные раскопки. Ввиду ничтожного финансирования данных работ первоначально приходилось проводить мониторинг многих археологических памятников в зонах размыва. Попутно в 2000–2001 и 2004 гг. шли спасательные раскопки восьми объектов эпохи поздней бронзы и скифского времени на левом берегу реки Куйлуг-Хем и на плато Алды-Бель (Куйлуг-Хем II), которые находились в зоне береговой абразии.

В 2006–2010 гг. под горой Сямэ на левом берегу реки Чаа-Холь на могильниках Суме-Беш 1 и 2 раскопано 20 объектов скифского времени (Килуновская, Семенов 2013: 332–335). В 2010 г. здесь было обнаружено уникальное захоронение: необычны были конструкция, поза погребенного и сопроводительный инвентарь (Семенов 2012: 432–435). Под курганом № 14 высотой 1,5 м и диаметром 8 м, который напоминал высокое оваа, находилось погребение в прямоугольной яме глубиной 1,5 м, перекрытой несколькими слоями очень больших плит. Под курганом зафиксированы многочисленные кости различных животных. На дне могилы в деревянной раме, перекрытой пятью поперечными плашками, был захоронен мужчина мощного телосложения и высокого роста со множественными следами ранений на костях. Рубцы были на длинных костях, на ребрах и на основании черепа. Он имел ярко выраженный европеоидный облик. Погребенный лежал на спине, головой на ВСВ. Под головой была каменная плита-«подушка», длина которой соответствовала ширине могильной ямы. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища. У левого

плеча лежала лопатка коровы или быка. Между этой лопаткой и стенкой ямы на краю могилы находились фрагменты кожаного колчана. В колчаный набор входило 30 стрел с бронзовыми и костяными наконечниками, которые позволяют датировать это памятник VIII–VII вв. до н. э., но вытянутая поза погребенного и ориентация головой на восток необычна для скифского времени Тувы, хотя А. М. Мандельштам отмечал наличие на могильном поле Аймырлыг захоронений с восточной ориентацией, совершенных в ямах с уступами, в которых находились черепа и кости конечностей лошади и черепа коз (как и в нашем кургане). В сопроводительный инвентарь входили наконечники стрел, аналогий которым в кургане № 14 на могильнике Суме-Беш 1 нет (Мандельштам 1992: 183, табл. 71, 16–17).

С 2015 г. Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводит спасательные работы на правом берегу реки Чаа-Холь, где также находятся многочисленные нераскопанные археологические памятники, которые подвергаются разрушительному воздействию воды. Здесь исследуются могильники Терезин и Ала-Тей 1 эпохи хунну, Ала-Тей 4 и Ыттыг-Аттыг-Ала-Тей скифского времени, Ала-Тей 2 эпохи средневековья, в которых получены очень интересные материалы, дополняющие историю кочевых народов Центральной Азии.

Литература

- Длужневская, Савинов 2007 — Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.
- Килуновская и др. 2010 — Килуновская М. Е., Аюнова О. Д., Кальная О. И., Семёнов Вл. А. Влияние разрушения береговой линии Саяно-Шушенского водохранилища на состояние памятников истории и культуры в районе Чаа-Хольского залива // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества. Кызыл, 2010. Вып. 10, 11. С. 189–198.
- Килуновская, Семенов 2013 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Итоги работ Тувинской экспедиции // АО 2009 г. М., 2013. С. 332–335.
- Мандельштам 1983а — Мандельштам А. М. О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // ИБМАИКЦА. 1983. Вып. 4. С. 5–14.
- Мандельштам 1983б — Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 25–33.
- Мандельштам 1992 — Мандельштам А. М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // СПАЧ. 1992. С. 178–196.
- Семенов 2012 — Семенов Вл. А. Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры Степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012. С. 432–435.
- Стамбульник, Чугунов 2006 — Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник. 2. СПб., 2006. С. 292–302.

**КАМЕНЬ *CALLAINA* И «НАРОДЫ КАВКАЗСКИХ ГОР»:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СПОРНОГО ПАССАЖА
ИЗ «ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ» ПЛИНИЯ СТАРШЕГО¹**

Е. О. Стоянов²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

**THE STONE *CALLAINA* AND THE «PEOPLES OF THE CAUCASUS
MOUNTAINS»: ON THE INTERPRETATION OF A CONTROVERSIAL
PASSAGE FROM THE «NATURAL HISTORY» BY PLINY THE ELDER**

Evgenii O. Stoyanov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-210-212

Ключевые слова: *Плиний Старший, античная традиция, бирюза, тохары.*

Keywords: *Plinius the Elder, classical tradition, turquoise, Tocharians.*

В 37-й книге «Естествознания» Плиния Старшего, посвященной драгоценным камням, автор сообщает, помимо прочего, о камне *callaina* (Plin. NH. XXXVII. 110), который «родится по ту сторону Индии, у народов Кавказских гор» (*nascitur post aversa Indiae apud incolas Caucasi montis*). Перечень этих народов в разных вариантах рукописной традиции выглядит как *phycaros/phicaros/pirachos, satas/acas, datas* (Saint-Denis 1972: 81).

Идентификация камня *callaina* — даже с поправкой на донаучный характер плиниевой классификации минералов (Новгородова 2019: 797–805) и некритическую компилятивность текста «Естествознания» — почти не вызывает сомнений. Его описание (Plin. NH. XXXVII. 110–112): иззелена-белый (*e viridi pallens*), примечательный величиной, но пористый, с инородными включениями (*fistulosa ac sordium plena*), портящийся под воздействием влаги (масла, благовония, вино), легко поддающийся подделке и т. д. — довольно точно соответствует характеристикам бирюзы (Менчинская 1989: 29–47; Андерсон 1996: 271–273)³. Не противоречит этому и этимология названия *callaina* (от др.греч. κα(λ)λάϊνος — «сине-зеленый, голубоватый»; André 1949: 192–193; Chantraine 1970: 483). Указание на «обратную сторону Индии» и «Кавказские горы» (в терминологии Плиния — широтный трансзиатский хребет, являющийся в т. ч. северной границей Индии) позволяет предположить, что речь идет о широко известных восточноиранских и/или среднеазиатских месторождениях бирюзы.

Сложнее обстоит дело с отождествлением перечисленных народов. Традиционная конъектура, принятая во всех изданиях Плиния, выглядит как *Hyrmanos, Sacas, Dahas* — «гирканы, саки, дахи» (см., например: Saint-Denis 1972: 82). Однако такое чтение, текстологически вполне допустимое, кажется сомнительным как в контексте античной традиции о северо-востоке ойкумены, так и в соотнесении с историческими реалиями.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0001-9407-4286; e-mail: eostoyanov@mail.ru.

³ Попытки определить *callaina* как аквамарин (Chantraine 1970: 483) или нефрит (Tomaschek 1901: 1945; Пьянков 1987: 267) нельзя признать убедительными.

Более правдоподобной кажется конъектура *Thocaros/Tocharos*¹, *Sacas, Dardas*, т. е. «тохары, саки, дарды», предложенная В. Томашеком и поддержанная И. В. Пьянковым (Tomaschek 1883: 205; Пьянков 1987: 261)². Наибольший интерес среди перечисленных народов представляют тохары, сыгравшие выдающуюся роль в истории постэллинистической Центральной Азии. Их точная локализация (в данном случае) и датировка этого свидетельства напрямую зависят от определения источника, использованного Плинием. Этот вопрос пока далек от разрешения, но ряд важных замечаний сделать все же можно.

Пассаж о камне *callaina* и «народах Кавказа» не имеет прямых и очевидных аналогий в наличном корпусе античных минералогических сочинений. Основным источником 37-й книги Плиния принято считать трактат его современника Ксенократа Эфесского, дошедший лишь в эксцерптах (Kroll 1951: 374). Но даже если Плиний действительно цитирует Ксенократа, вопроса о первоисточнике информации это не снимает. Вероятнее всего, это свидетельство так или иначе должно восходить к авторам эллинистической эпохи, причем круг возможных претендентов очертить несложно — сложнее выбрать верный вариант³.

Особого внимания заслуживает «индийский» пласт информации в данном фрагменте: речь не только об оптике взгляда (*post avera Indiae*), но и о любопытных соответствиях в индийской классической традиции, где и тохары (*тукхара/тушара*), и саки (*шака*), и дарды (*дарада*) традиционно фигурируют как северные соседи индийцев (см., например: Сабхапарва 1962: 96–97, 216–217; Араньякапарва 1987: 115, 357).

С учетом индийских параллелей интересной представляется еще одна возможная конъектура — никем пока, кажется, не предложенная: в рукописном *satas* можно увидеть сетов (*Saetae*), известных и индийской традиции, и, что важнее, самому Плинию: характерно, что в VI книге они упомянуты вместе с дардами (Plin. NH. VI. 67; о сетах и проблеме их идентификации см.: Вигасин 1999: 29; 2011: 81).

«Индийский» источник свидетельства Плиния может восходить к достаточно ранней эпохе (см. датировку описания Индии в VI книге серединой III в. до н. э.: Вигасин 1999: 36–40), но может, напротив, не слишком отстоять хронологически от времени жизни автора «Естествознания». Показательны в этом отношении параллели различным свидетельствам Плиния, отмеченные в «Перипле Эритрейского моря» (Бухарин 2007: 239–243), в т. ч. упоминание среди индийских товаров камня *καλλεανός λίθος*, традиционно отождествляемого с *callaina* (Peripl. Mar. Erythr. 39)⁴. Все эти сведения обязаны своим происхождением развивавшейся торговле Рима со странами бассейна Индийского океана. Принятие поздней датировки, соответственно, помещает упомянутых здесь тохар в совершенно иной исторический контекст, связанный со становлением и укреплением Кушанской державы.

Литература

- Андерсон 1996 — Андерсон Б. У. Определение драгоценных камней. М., 1996.
 Араньякапарва 1987 — Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987 (Памятники письменности Востока. LXXX).
 Балахванцев 1998 — Балахванцев А. С. Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.

¹ Ср. *phycari / phicari* с рукописным *phocari* в географической части «Естествознания» (Plin. NH. VI. 55) — последние несомненно соответствуют тохарам.

² Томашек впоследствии стал склоняться к чтению *Dahas* для третьего этнонима (Tomaschek 1901: 1945). Вариант «тохары, саки, дахи» был также поддержан А. С. Балахванцевым (Балахванцев 1998: 156–157). Но присутствие дахов среди «народов Кавказских гор» мало правдоподобно.

³ И. В. Пьянков, например, видел здесь традицию Мегасфена (Пьянков 1987: 262), что превращало этот фрагмент в самое раннее античное упоминание тохар.

⁴ Однако идентичность последнего камню *callaina* небесспорна. Еще Б. Лауфер (Laufer 1913: 3) выводил *καλλεανός* из скр. *kalyāna* — «хороший, прекрасный».

- Бухарин 2007 — *Бухарин М. Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». Текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.
- Вигасин 1999 — *Вигасин А. А.* Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего // ВДИ. 1999. № 1. С. 20–41.
- Вигасин 2011 — *Вигасин А. А.* Возвращаясь к Плинию (Несколько индийских названий в *Naturalis Historia*) // ВДИ. 2011. № 4. С. 77–83.
- Менчинская 1989 — *Менчинская Т. И.* Бирюза. 2-е изд. М., 1989.
- Новгородова 2019 — *Новгородова Д. Д.* «У Плиния и хризопраз не хризопраз, и топаз не топаз, и сапфир не сапфир» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIII: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2019. 2-й полутом. С. 796–822.
- Пьянков 1987 — *Пьянков И. В.* Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987. С. 261–267.
- Сабхапарва 1962 — Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва, или Книга о собрании / Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова. М.; Л., 1962.
- André 1949 — *André J.* Étude sur les termes de couleur dans la langue latine. Paris, 1949.
- Chantraine 1970 — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 2: E–K. Paris, 1970.
- Kroll 1951 — *Kroll W.* Plinius Secundus der Ältere // RE. 1951. Bd. 21. Hlbd. XLI. Sp. 271–429.
- Laufer 1913 — *Laufer B.* Notes on Turquoise in the East. Chicago, 1913 (Field Museum of Natural History. Publication 169. Anthropological ser. Vol. 13/1).
- Saint-Denis 1972 — *Pline l'Ancien.* Histoire naturelle. Livre XXXVII / Texte établi, traduit et commenté par E. de Saint-Denis. Paris, 1972.
- Tomaschek 1883 — *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Persien. I. Die Strassenzüge der Tabula Peutingeriana // SKAW. Phil.-hist. Cl. 1883. Bd. 102. S. 145–231.
- Tomaschek 1901 — *Tomaschek W.* Daai // RE. 1901. Bd. 4. Hlbd. 8. Sp. 1945–1946.

ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ТАГАРСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ НАЗАРОВСКОЙ КОТЛОВИНЫ¹

А. В. Субботин²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

STAGES OF THE SETTLEMENT OF THE NAZAROVO HOLLOW BY THE TAGAR TRIBES

Andrei V. Subbotin

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-212-216

Ключевые слова: Назаровская котловина, тагарская культура, могильники, демографический рост, картографирование, племенные объединения, этапы освоения, расселение.

Keywords: Nazarovo Hollow, Tagar culture, burial grounds, demographic growth, cartographing, tribal units, stages of settlement, spread of population.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004: «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² ORCID: 0000-0002-3028-0109: asubbotin@mail.ru.

Назаровская котловина в археологическом отношении изучена крайне неравномерно. Административно территория котловины разделена между тремя районами Красноярского края: Шарыповским, Назаровским и Ужурским. Археологическая изученность каждого из них представляет собой своего рода шкалу, на которой максимальные показатели отражают ситуацию в Шарыповском районе, а минимальные — в Назаровском. С 1960-х гг. в течение многих лет, преимущественно в Шарыповском районе, работали специалисты Кемеровского педагогического института. Ими были проведены первые значительные разведки и раскопки. В 1970-е и в 1980-е гг. масштабные раскопки и разведки проводили ученые Ленинграда и Кемерова. Итогом тотальных разведок района и паспортизации памятников вплоть до 1990-х гг. явилась первичная учетная документация на более чем 300 памятников, большую часть которых составляли вновь выявленные (Красниенко, Субботин 1997: 113). На территории Назаровского района археологами Красноярского и Кемеровского педагогических институтов было разведано около 20 памятников (Мартынов 1973: 3–89), из которых впоследствии поставлено на учет всего 11 объектов. В Ужурском районе учтены практически все курганные могильники и одиночные курганы. База данных составляет более 230 комплектов первичной учетной документации (Красниенко, Субботин 2013: 191).

На карте Назаровской котловины, скомпонованной из археологических карт этих трех районов, точками красного цвета показано расположение около 550 археологических объектов, большинство которых (свыше 400) представлено разновременными тагарскими курганными могильниками и одиночными курганами. Преобладающее их количество находится в южной части котловины, в пределах крайних северных отрогов Кузнецкого Алатау и Восточного Саяна. Они расположены очень плотно друг к другу на открытых пространствах пологих склонов межгорных речных и озерных долин. Расстояние между курганными группами зачастую не превышает 200–300 м. По внешним признакам к подгорновскому времени относится не более 10 % этих могильников. Остальные курганные группы, судя по их внешнему виду и характерным деталям, в подавляющем большинстве датируются сарагашенским временем. Встречаются также, но уже главным образом в северной холмисто-увалистой части котловины, и большие земляные курганы без видимых в полах насыпей угловых камней. Эти курганы преимущественно стоят поодиночке, могильники — единичны.

Все это позволяет утверждать, что заселение тагарцами Назаровской котловины и начало расширения границ культуры на север проходило в три этапа. Данная территория начала осваиваться не ранее VI в. до н. э., т. е. в позднеподгорновское время. Так как практически все подгорновские кладбища располагаются очень близко к каменистым обнажениям крутых склонов гряд и куэст, можно полагать, что соблюдение традиций возведения характерных для подгорновцев массивных каменных конструкций над местом захоронения, для раннетагарского социума являлось вопросом достаточно принципиальным, и они не могли выйти далеко за пределы удобных местонахождений песчаниковых обнажений.

Количество раскопанных памятников этого времени здесь пока очень невелико. К этому этапу (преимущественно по количеству погребенных и метрическим данным курганов) относят погребения могильников Большое Пичугино, (Мартынов 1967: 15–38), Изыкчуль (Членова 1964: 119–126), три кургана могильника Ужур (Красниенко, Субботин 2013: 25–26, 126–134), частично раскопанные могильники Объюл III, Орак и Орак III (Вадецкая 1986: 102, 106). Большинство курганов содержат под насыпью каменные ограды и угловые камни¹. Примечательно, что все эти памятники находятся на одной линии

¹ Лишь в могильнике у с. Большое Пичугино оград не зафиксировано, что, возможно, объясняется местоположением памятника — среди построек и на улицах села. Камни из насыпей могли быть просто вывернуты русскими жителями для удобства коммуникации и сельскохозяйственных работ, а также для вторичного использования в строительстве.

протяженностью около 90 км, проходящей по крайним северным отрогам горных систем Кузнецкого Алатау и Восточного Саяна.

Вторым этапом освоения данной территории, начиная с раннесарагашенского времени, явилось резкое, почти на порядок, увеличение количества курганных могильников, которые со временем занимают все более или менее пологие террасы речных и озерных долин. Особенностью их надкурганной архитектуры можно назвать уменьшение размеров и высоты угловых, а также простеночных камней. Сами ограды составлены из более мелких песчаниковых плиток и часто уже не видны под полами насыпей. Нередко курганы имеют вытянутые очертания, что свидетельствует о возведении дополнительных пристроек.

Столь значительный рост тагарского населения в сарагашенское время был обусловлен не только увеличением миграционных потоков из трех перенаселенных южных котловин, но также и встречным движением с запада (Бобров 1978: 33–42), откуда в Назаровскую котловину и, безусловно, южнее массово вливались мигранты иного, нежели подгорновские племена, антропологического типа (Учанева и др. 2017: 84).

Западные пришельцы, смешиваясь с тагарцами, несомненно, повлияли на трансформацию тагарских погребальных традиций, однако на раннесарагашенском этапе обычай сооружать каменные ограды, пусть в редуцированном виде, сохранялся. Но плотность населения была столь велика, что строители курганов уже не могли не выйти за пределы межгорных долин. Решая данную проблему, тагарцы пошли двумя путями. Первый из них состоял в том, что могильники начали располагать на большем (до 3–5 км) расстоянии от крайних северных гряд и куэст, нежели в подгорновское время, и заготавливать более мелкие камни, размеры которых позволяли перемещать их на приемлемое расстояние с меньшими трудозатратами. Второй путь состоял в том, что для возведения каменных оград использовали не столь монолитные песчаниковые обнажения береговых обрывов рек, состоящие, как правило, из сильно трещиноватого и неглубоко залегающего слоя осадочной породы. Таких мест в Назаровской котловине немало и как раз многие из них оказались заняты сарагашенскими могильниками¹. Совокупно эти два пути позволили, с одной стороны, соблюсти пока еще привычную традицию погребального ритуала, а с другой — расширить зону жизненно необходимых тагарцам новых территорий.

Третий этап освоения котловины приходится на позднесарагашенский, или лепешкинский (Савинов 2011: 208–217), и тесинский этапы существования тагарской археологической общности. Именно в это время во всей Назаровской котловине, а за ее пределами — на всей территории Томско-Енисейской лесостепи, начинают возводить большие земляные курганы. Они известны больше как одиночные крупные насыпи, но нередко встречаются рядом с курганными группами или непосредственно в составе сарагашенских курганных могильников. В лесостепной, холмисто-увалистой части котловины и далее — на север, восток и запад — иных, т. е. более ранних курганов нет. Раскопки самых поздних курганов показали, что в это время продолжает усложняться внутримогильная деревянная архитектура, почти полностью, особенно на тесинском этапе, деградирует практика строительства каменных оград и установки угловых камней, а также продолжает увеличиваться количество погребенных в одной могиле индивидов; меняются и другие составляющие обряда.

По сравнению с количеством курганов в почти четырехстах сарагашенских могильниках Назаровской котловины, число выявленных здесь крупных земляных насыпей меньше примерно на порядок. Однако это вряд ли говорит о сокращении тагарского населения

¹ Раскопанные Сибирской экспедицией сарагашенские могильники Ашпыл, Березовский, Кадат располагались на краях высоких надпойменных террас рек Кадат и Береш. В могильнике Ашпыл раскопано 30 курганов с 74 могилами, где суммарно было захоронено более 500 человек. В могильнике Березовский исследовано 29 курганов с 43 могилами. Количество погребенных — около 950 человек. В могильнике Кадат вскрыто всего четыре кургана — семь могил, в которых находилось около 250 захороненных.

в постсарагашенскую эпоху, поскольку в погребениях этих курганов захоронены до нескольких десятков и более человек в одной могиле или, точнее, — в склепе.

Картографирование более чем 400 тагарских могильников, содержащих почти 3000 курганов, выявленных в результате широких разведочных работ в Шарыповском и Ужурском районах, позволило, помимо установления этапов освоения тагарцами Назаровской котловины, обозначить еще одну проблему. Это вопрос расселения тагарского социума и границ территорий, осваиваемых отдельными коллективами — группой племен, племенем, родом, общиной. Применительно к тагарской культуре этот вопрос, основываясь на данных археологических разведок в лесостепном регионе 1960–1970-х гг., впервые затронул А. И. Мартынов. Исходя из топографических особенностей расположения курганных могильников в относительно изолированных друг от друга, рельефно ограниченных долинах, он высказал в целом интересную идею бытования в каждой из них родственных племенных групп. С точки зрения А. И. Мартынова, каждое из таких объединений оставило по шесть-семь отстоящих друг от друга на 12–18 км могильников, принадлежавших одному племенному объединению тагарцев (Мартынов 1979: 149–150). Исходя из того, что в лесостепной зоне Ачинско-Мариинского района разведками выявлены практически все курганные могильники, Мартынов насчитал четыре таких племенных объединения: кийское, сертинско-тисульское, урюпское, шарыповское. Безусловно, идея перспективна и научное решение этой проблемы может и должно быть реализовано на уровне отдельных могильников или микро-районов, т. е. локальных групп типологически близких могильников (Матющенко 1997: 29–43). Однако очерченные А. И. Мартыновым на основе разведок и раскопок небольшого количества памятников границы расселения отдельных тагарских сообществ оказались весьма условными. Выделенная по итогам разведки в крайней восточной части региона шарыповская племенная группа состояла всего из семи тагарских коллективов, оставивших по могильнику. В действительности на этой территории, занимающей значительную часть Шарыповского района, сосредоточена не одна сотня могильников, насчитывающих суммарно не одну тысячу курганов, поэтому возле каждого указанного на карте А. И. Мартынова населенного пункта находится не один, а порой до 10 и более могильников.

На полной археологической карте Назаровской котловины на топографически изолированных территориях речных и озерных долин, ограниченных естественными природными границами в виде гор, холмов и протяженных, но явственно выделяющихся увалов, действительно отчетливо фиксируется несколько мест концентрации тагарских курганных некрополей. Сам этот факт уже подтверждает логичную гипотезу о системе расселения тагарцев по удобным для ведения хозяйственной деятельности участкам. Учитывая приведенные выше подсчеты числа захороненных лишь в трех, полностью раскопанных в том же районе могильниках, можно утверждать, что количество тагарского населения той или иной долины могло значительно превышать в какую-то единицу времени (в первую очередь, сарагашенского) возможности биологической продуктивности конкретного ландшафта. Данное обстоятельство отнюдь не исключает саму идею анализа расселения тагарцев и определения границ отдельных родовых коллективов, племен и племенных объединений по имеющимся в нашем распоряжении данным, но заставляет искать иные пути приемлемого решения и научного объяснения одного из важных факторов динамики тагарской археологической общности. Эти задачи выходят за рамки данной работы и формируют вопросы, которые предстоит выяснить в процессе будущих исследований.

Литература

- Бобров 1978 — Бобров В. В. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Сибири. Томск, 1978. С. 33–42.
- Вадецкая 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

- Красниенко 1997 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997.
- Красниенко, Субботин 2013 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013.
- Мартынов 1967 — *Мартынов А. И.* К вопросу о происхождении тагарской культуры // ИЛАИ. 1967. Вып. 1. С. 15–38.
- Мартынов 1973 — *Мартынов А. И.* Ягуня: Учебное пособие. Кемерово, 1973.
- Мартынов 1979 — *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Матющенко 1997 — *Матющенко В. И.* Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997. С. 29–43.
- Савинов 2011 — *Савинов Д. Г.* Проблемы хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 2011. С. 208–217.
- Учанева и др. 2017 — *Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Громов А. В., Лазаретова Н. И.* Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1. С. 78–87.
- Членова 1964 — *Членова Н. Л.* Тагарский курган на р. Изыкчуль // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 119–126.

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Р. Х. Сулейманов¹

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

EARLY NOMADS AND CENTRAL ASIA

Rustam Kh. Suleimanov

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-216-218

Ключевые слова: кочевники, дахи, массагеты, маскуты, миграции, акватическая богиня.
Key words: nomads, Dahae, Massagetae, Maskuts, migrations, aquatic goddess.

Миграции древних кочевников на юг Средней Азии из степей средних широт фиксируются историческими источниками на протяжении около тысячи лет: с 500-х гг. до н. э. до 500-х гг. н. э. При этом кочевникам, оккупирующим территорию урбанизированной оседло-земледельческой культуры юга, приходилось испытывать глубокую этнокультурную трансформацию в связи с переходом к иному образу жизни в чуждой для себя среде. Факторы, приводившие к миграциям древних народов, различны. Важнейшими из них являлись климатические, но имели место и локальные факторы, как, например, изменение русла нижнего течения Сырдарьи в III в. до н. э.

Известно, что в середине I тыс. до н. э. (вскоре после разгрома Кира армией кочевых племен) на базе древних дельтовых протоков Сырдарьи складываются чирикратская и джетыасарская археологические культуры. Но после двух веков успешного развития чирикратская культура переживает кризис из-за того, что Сырдарья в нижнем своем течении

¹ ORCID: 0000-0002-5279-8769; e-mail: sr39@mail.ru.

поменяла русло (уклон рельефа Восточного Приаралья изменился вследствие тектонических подвижек) и начала течь севернее старой дельты, впадая в Арал с северо-востока. Старые дельтовые протоки реки — Акча-Дарья, Куван-Дарья, Инкар-Дарья — пересохли и освоенный оазис дахов оказался обезвожен. Дахи были вынуждены мигрировать.

Часть дахов, парны, в III в. до н. э. захватывают Парфию, в течение века расширив свои границы до Месопотамии. Но основная часть дахов пошла на юго-восток, вверх по течением Сырдарьи, Зеравшана и Амударьи. Они сметаю наследников Александра и, перевалив через Гиндукуш, оккупируют земли до среднего течения Инда.

Последние группы дахов, покинувшие свой оазис в низовьях Сырдарьи и привыкших к земледелию и оседлой жизни, продвигаются во II в. до н. э. вверх по Сырдарье. Именно тогда были заложены такие города и городки как Сыгнак, Сауран, Ясси (Туркестан), Отрар, Чимкент, Ташкент, Тараз — эти и более мелкие поселения возникают во II–I вв. до н. э. Во II в. до н. э. в Каршинском оазисе (Древний Нахшаб) возводится грандиозный укрепленный город крепостного типа Калаи Захаки Морон («Крепость змеиноного Захака или Дахака»). Эта крепость в увеличенных масштабах повторяет планировочную схему более ранней — Бабиш-Мулла в низовьях Сырдарьи. Имя Захака или Дахака связано с этнонимом «даха». Судя по грандиозным размерам этой крепости, власть правителей новой резиденции дахов в Нахшабе простиралась далеко за пределы самого Нахшаба. Крепостей такого масштаба не было ни в Согде, ни в Бактрии.

Дахи на оккупированных ими землях строят монументальные культово-мемориальные сооружения, представлявшие собой высокое крестообразное строение в центре, окруженное снаружи круглой или квадратной в плане стеной. Они отмечены в Ташкенте, Туркестане, Ферганской долине, Бухарском оазисе, а также в Северо-Восточном Иране и близ Кабула.

С этого же времени в Хорезме, Согде, Бактрии и других оазисах распространяется культ женского божества. Это было влияние культуры дахов, савроматов и сарматов: зороастрийский пантеон, как нам известно, носил патриархальный характер. Культ женского божества в Средней Азии преобладал вплоть до прихода арабов. Характерной чертой этой акватической богини было присутствие ее спутников в виде змей, драконов, лягушки, представителей водной фауны. Дракон-Аждар, популярный в культовом изобразительном искусстве доисламской Средней Азии, был основным спутником великой женской богини, дающей жизнь. Э. Д. Х. Бивар генезис Аждара возводит к осетру — крупнейшему водному хищнику Арало-Каспийского бассейна. Это была священная рыба дахов и сармат. Астрахань или Аштрахан на севере Каспия и Астрабад на юге Каспия были местами поклонения священной рыбе. По мере продвижения дахов в засушливые районы осетр превратился в мифологического змея Аждара. В Шахрисабзе до XX в. существовал культ могилы святого Малика Аждара или Аштара.

Долго оставались неясными происхождение и позднейшие судьбы массагетов. Согласно Геродоту, именно они во главе с царицей Томирис сыграли ведущую роль в разгроме великого завоевателя Кира. По Ктесию, Киру противостояли дербики. По Бероссу, Кир погиб в войне с даями, т. е. дахами Геродота. Полагаем, что в борьбе против Кира сплотились все кочевые племена и народы севера Средней Азии, но главенствующую роль, видимо, играли массагеты.

О местоположении массагетов Геродот пишет, что они занимали большую часть необозримой равнины к востоку от Каспия. При Александре массагеты упоминаются к западу от Самарканда: у них укрывался основной противник Александра Спитамен. Александр планировал поход на земли массагетов; отмечается, что к ним можно было попасть, пройдя пустыню массагетов. Мы считаем, что ранние массагеты были носителями тасмолинской археологической культуры раннежелезного века Казахстана. Их курганы с «усами» распространены от Семиречья до Нижнего Поволжья, а на юге — до границ Средней Сырдарьи. О массагетах Геродот замечал, что это воинственные кочевники, которые не пашут и не

сеют, а занимаются только скотоводством. Они поклонялись Солнцу и приносили ему в жертву коней. После разгрома Кира они осваивают верхнюю часть дельты Сырдарьи с VI–V вв. до н. э.

Через тысячу лет о маскутской ветви парфянских правителей и о царстве маскутов сообщает армянский историк Агафангел, который упоминает о четырех царствах династии Аршакидов: Персидском, Кушанском, Армянском и Маскутском. Приводится имя царя маскутов Санесана, который в IV в. был союзником Аршакида Хосрова II Младшего. М. Е. Массон считал маскутов наследниками массагетов Геродота, а царство маскутов локализовал в древнем Нахшабе на городище Еркурган. Основанием для его выводов послужили монеты Каршинского оазиса III–VI вв., находившие близкие соответствия в монетной системе мервских представителей династии Аршакидов. О гибели царства маскутов сообщает армянский историк Себеос. Он пишет, что сасанидский полководец Бахрам Чубин «...вел войну с великим царем маскутов, жившим по ту сторону великой реки (Окс/Амударья), разбил его многочисленное войско, самого царя убил в битве, захватил и похитил всю казну того царства».

Таким образом, археологические памятники и редкие отрывочные сведения письменных источников позволяют нам проследить не столько миграции, сколько медленное проникновение древних кочевников в южные оазисы Средней Азии, что сопровождалось ассимиляцией их местным населением.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНУТРЕННЕГО УБРАНСТВА НОИН-УЛИНСКИХ ГРОБНИЦ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)¹

Н. А. Сутягина²

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

RECONSTRUCTION OF THE INTERIOR DECORATION OF THE NOIN-ULA TOMBS (BASED ON MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF THE MONGOLIAN-TIBETAN EXPEDITION)

Natal'ya A. Sutyagina

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-218-223

Ключевые слова: хунну, Ноин-Ула, погребальный обряд, реконструкция.

Keywords: *Xiongnu, Noin-Ula, funeral rite, reconstruction.*

Археологический комплекс, расположенный в горах Ноин-Ула на севере Монголии, является одним из опорных памятников для изучения истории и культуры кочевников хунну. В отделе Востока Государственного Эрмитажа хранится коллекция находок, происходящая из курганов, раскопанных Монголо-Тибетской экспедицией (1923–1926 гг.). Длительное время она являлась основным источником для изучения погребального обряда дромосных гробниц хунну. В исследованиях К. В. Тревер, С. И. Руденко, С. Умэхары пред-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ, проект № 20–59–44005.

² ORCID: 0000-0001-9516-7281; e-mail: na.sutyagina@gmail.com.

ставлено краткое описание конструкций и упоминается о находках ковров и вышитых полотен, а в каталоге Ю. И. Елихиной даны только аннотации к предметам коллекции (Trever 1935: 9–11; Umehara 1960: XI, XV–XVI; Руденко 1962: 8–22; Елихина 2017: *passim*).

Реконструировать детали внутреннего убранства деревянных гробниц ноин-улинских курганов позволяет комплексный анализ археологических (погребальные конструкции и предметы сопроводительного инвентаря), письменных (полевая и учетно-хранительская документация) и изобразительных (чертежи, рисунки, фотографии) источников. В экспедиционных документах содержится информация о зафиксированных *in situ* тканях и декоративных элементах, которые украшали внешний сруб, внутреннюю камеру и гроб (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102, 231; НАИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г. Д. 202). Сопоставление данных описей с музейными маркировками на вещах дает возможность выявить предметы коллекции, которые использовались для украшения стен, пола и потолка погребальных сооружений, гробов и подгробных досок, опорных столбов и продольных несущих балок.

В результате проведенного анализа были выявлены общие принципы и индивидуальные особенности оформления гробниц. В большинстве раскопанных курганов на полу внутренней камеры лежал войлочный ковер, стены были задрапированы шелковыми и шерстяными тканями, гроб оформлялся с помощью золотых декоративных лент и четырехлистников. Благодаря тщательной фиксации находок в настоящее время удалось выяснить, что ковры с аппликациями не всегда занимали всю площадь внутренней камеры. В курганах № 1 и № 6 в «коридорах» внешнего сруба найдено по второму изделию. В последнем он был использован древними грабителями в качестве мягких носилок, на которых лежала большая часть собранных и подготовленных для извлечения вещей (рис. 1)¹ (НАИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г.

Рис. 1. Фрагмент войлочного ковра из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (МР-1957)
Fig. 1. Fragment of the felt carpet from Barrow no. 6 of the Noin-Ula burial ground (MR-1957)

¹ Фрагмент второго войлочного ковра находится на постоянной экспозиции отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Д. 202). При сохранении общей схемы оформления ковров различаются детали: цвет и материал оформленной спиралью центральной части и борта, стилистические особенности исполнения фигур животных и дерева в аппликациях. В кургане № 25 периметр изделия был обшит не полихромным шелком, а грубой однотонной тканью полотняного переплетения; в кургане № 1 центральная часть ковра выполнена из полихромного шелка¹.

Стены гробниц были украшены китайским шелком и вышитыми шерстяными полотнами. В курганах № 6 и № 23 фрагменты орнаментированного шелка зафиксированы *in situ* на внутренней поверхности стен камеры. На опорных колоннах и продольных матицах в кургане № 6 сохранились фрагменты однотонного шелка и украшенные фестонами образцы. Вышитое полотно с изображением фигур всадников и лошадей (рис. 2; 3)² висело в южном «коридоре» на внешней стороне внутренней камеры, а отдельные фрагменты были собраны здесь же на полу. Аналогичная вышивка обнаружена в северном «коридоре» между северной стеной и колонной, что обеспечило ее сохранность.

Гробы в курганах хунну устанавливались на доски, которые покрывались красочным слоем (Кондратьевский курган) или оформлялись шелком (курган № 6). Традиционно считается, что хунну использовали гробы, украшенные росписью или золотом поверх шелковой ткани, однако подробности их оформления практически не известны. Золотые ленты и четырехлистники, типологически разделяющиеся на простые плоские, объемные и объемные с рельефным орнаментом детали, как правило, лежали вокруг гробов. В кургане № 25 и в Кондратьевском кургане они сохранились *in situ* на досках гроба. В курганах № 23 и № 24 детали разных типов использовались одновременно. Крышка и стенки украшались вышитым шелком, треугольные и четырехугольные фрагменты которого обнаружены во внутренней камере курганов вокруг гроба или внутри него. На некоторых образцах сохранились вырезанные прямоугольные отверстия, по форме и размерам совпадающие с соединительными шипами. На этом основании можно предположить, что оббивались стенки или доски, которые затем собирались в готовое изделие. Неясными остаются вопросы: какая из поверхностей украшалась шелком и каким образом сочетались лаковая роспись и украшение золотом? Например, в кургане № 1 сохранился покрытый красочной росписью фрагмент северной части (пола?) гроба, а вокруг него собраны золотые ленты и четырехлистники.

Отдельного внимания заслуживает шерстяной ковер³, который был частью многослойного покрывала, зафиксированного на перекрытии внешнего сруба в кургане № 6. С восточной, западной и северной сторон он не доходил до краев перекрытия; южный край поврежден грабителями. Несмотря на сильные утраты и разрывы ткани, ковер был восстановлен на основании маркировок отдельных фрагментов и схемы их расположения, подготовленных сотрудниками экспедиции (Краткие отчеты... 1925: Табл. 9). Современный вид изделия позволяет говорить о том, что для изготовителя ни сложный орнамент, ни его содержание не представляли ценности. Вероятно, основная задача заключалась в достижении необходимого размера, для чего соединили и сшили вместе совершенно разные ткани.

Таким образом, изучение предметов музейных коллекций и архивных собраний как единого информационного источника позволило выявить ранее неизвестные детали оформления гробниц и погребального обряда хунну. В этом контексте представляет интерес гипотеза С. Умэхары об использовании текстиля в ноин-улинских погребениях как имитации

¹ С. И. Руденко атрибутировал этот ковер как часть комплекса Кондратьевского кургана (Руденко 1962: табл. XL). Подпись к архивным фотографиям предмета позволяет утверждать, что он был найден в кургане № 1 (НАИИМК. ФО. О. 241-1).

² В процессе реставрации фрагменты, собранные в разных частях гробницы, были закреплены на одной основе (фрагмент с номером КП ГАИМК 14397 обнаружен в северном «коридоре»). Первоначальный вид предмета восстанавливается на основании архивных фотографий (рис. 3), а современный вид вышивки требует корректировки (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12; Д. 231. Л. 45; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1934 г. Д. 1789 (78). Л. 85, 123; НАИИМК. ФО. О. 241-7).

³ Находится на постоянной экспозиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Рис. 2. Шерстяная вышивка с изображением фигур всадников и лошадей из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (МР-1953)

Fig. 2. Woolen embroidery with the representations of horsemen and horses from Barrow no. 6 of the Noin-Ula burial ground (MR-1953)

Рис. 3. Первоначальный вид обнаруженного фрагмента вышивки из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (НАИИМК. ФО. Neg. II 16400)

Fig. 3. Initial view of the woolen embroidery from Barrow no. 6 of the Noin-Ula burial ground (Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Foto department. Negative II 16400)

росписей китайских захоронений (Umehara 1960: XI, XII). Результаты археологических раскопок подтверждают существование обеих практик в древнем Китае. Исследование и интерпретация этого явления в культуре хунну напрямую связаны с изучением механизмов трансляции и адаптации китайских традиций в кочевой среде.

Архивные источники и литература

- АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1934 г. Д. 1789 (78): Акты и переписка о поступлении в Эрмитаж музейных предметов на постоянное хранение. Т. 1.
- АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102: П. К. Козлов. Предварительный отчет об археологических работах Тибетской экспедиции в горной местности «Ноин-Ула», Южный Хэнтей, Монголия. (Улан-Батор, 1924); Д. 231: П. К. Козлов. Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг. Археологические материалы.
- Елихина 2017 — Елихина Ю. И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П. К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926. Улаанбаатар, 2017.
- Краткие отчеты... 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.
- НАИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г. Д. 202: О передаче в Академию коллекций, добытых экспедицией П. К. Козлова в Монголии. Описи вещей, отчеты С. А. Кондратьева.
- НАИИМК. ФО. О. 241 (Фотографии предметов).
- Руденко 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
- Trever 1932 — Trever K. Excavations in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad, 1932.
- Umehara 1960 — Umehara S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo, 1960 (на япон. яз).

ГОРОДИЩЕ ШАМШИ III — СТАВКА ПЛЕМЕН КЕНКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ

*А. И. Торгоев¹, *А. В. Кулиш², **М. К. Борсунбаев³

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

**Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан

ANCIENT SETTLEMENT OF SHAMSI III — THE HEADQUARTERS OF KENKOL-CULTURE TRIBES IN THE CHU VALLEY

*Asan I. Torgoev, *Aleksei V. Kulish, **Marsbek K. Borsunbaev

*State Hermitage, St. Petersburg, Russia

**Begimaly Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-223-226

Ключевые слова: кенкольская культура, Тянь-Шань, Чуйская долина, городище Шамши III, фортификация, ставка кочевников.

Keywords: Kenkol culture, Tian Shan, Chu valley, hillfort Shamshi III, fortification, nomadic headquarters.

В последние годы стало ясно, что на больших городищах Чуйской долины нахождение слоя VII в. возможно только для городища Ак-Бешик, а на остальных памятниках, включая огромное городище Красная речка, не будет слоев ранее VIII в. Сложившаяся ситуация заставила искать в регионе ранние поселения, которые теоретически могли бы быть связаны с населением кенкольской культуры.

¹ ORCID: 0000-0002-6403-8046; e-mail: torgoevasan@mail.ru.

² ORCID: 0000-0002-7193-6485; e-mail: alexei-1985@bk.ru.

³ ORCID: 0000-0001-9081-3053; e-mail: mars4588@gmail.com.

Под кенкольской археологической культурой сейчас подразумевается культура кочевого (точнее — полукочевого) населения Северного Притяньшанья, Центрального Тянь-Шаня, Алая, а также отчасти восточных предгорий Ферганы III — первой половины VI в. н. э. Эта культура напрямую связана с родственными культурами Средней Сырдарьи — каунчинской и отрарско-каратауской. Однако по сравнению с последними кенкольская культура появляется позже и существует вплоть до древнетюркского времени. Памятники кенкольской культуры представлены преимущественно подкурганскими погребениями. Ведущим типом погребального сооружения являются катакомбы Т-образной схемы. Погребения по хронологии делятся на три группы. В первую (раннюю) группу объединяются захоронения III–IV вв., известные главным образом в Таласской и Чуйской долинах. Вторая группа представлена погребениями IV–V вв., хорошо известными в месте наибольшей концентрации курганов культуры — долине Кетмень-Тюбе во внутреннем Тянь-Шане. Памятники третьей группы, относящиеся к заключительному этапу (V — первая половина VI в.), также известны преимущественно в долине Кетмень-Тюбе, к этой группе относится и самое богатое погребение культуры, найденное в ущелье Шамши в Чуйской долине. Отдельные погребения с присущими кенкольской культуре чертами встречаются до VII в.

Поселения кенкольской культуры пока достаточно редки и недостаточно исследованы. В долине Кетмень-Тюбе при масштабных работах И. К. Кожомбердиева 1960–1970-х гг. удалось выявить лишь несколько местонахождений керамики, указывающих на наличие поселений с тонким культурным слоем.

Городище Шамши III расположено в одноименном ущелье в восточной части Чуйской долины — в 24 км к югу от города Токмак. Вход в ущелье занят многочисленными разновременными курганными могильниками, образующими, в сущности, единое могильное поле — самое большое в Чуйской долине. Памятники ущелья были известны еще до революции 1917 г. Само городище Шамши III и два соседних (Шамши I и II), которые ныне полностью распаханы, исследовал П. Н. Кожемяко. В 1950-х гг. он закладывал шурфы на всех трех городищах. Лепная керамика, полученная из шурфа на городище Шамши III, внешне не имела явных отличий от керамики соседних поселений караханидского времени и поэтому небольшое городище не рассматривалось как перспективное для исследований.

Однако топография городища, о которой будет сказано ниже, имела ряд существенных отличий от небольших поселений (типа Торткуль) караханидского периода. Необычные особенности рельефа и обратили наше внимание на этот памятник. Также до начала рекогносцировочных работ на городище в 2015 г. было известно о находке на нем лишь нескольких китайских монет у-шу при полном отсутствии монет последующих эпох. Немаловажным был факт нахождения рядом уже упомянутого погребения «Чуйской царицы».

Городище стоит на высоком правом берегу реки Шамши, почти в центре широкого входа в одноименное ущелье, по которому можно верхом добраться до Кочкорской долины. Его основу представляет укрепление неправильной четырехугольной формы размером 290 × 100 м. Укрепление имеет отчетливо видные на поверхности восточную и южную стены. На расстоянии 15–25 м от стен расположены глубокие рвы поселения, которые не строго параллельны стенам. Как показал разрез и вскрытие внешнего фасада восточной крепостной стены, она была сложена из камня на глиняном растворе. На внешний фасад стены выходит кладка целиком из блочной пахсы. Наполовину была раскопана одна из монолитных башен, построенная вместе со стеной. Башня имела прямоугольную форму и выступала за линию фасада стены на 5 м. Крепостные стены были поставлены во второй период существования поселения. Первоначально оборона городища осуществлялась только с помощью рвов и низких насыпных валов перед ними.

В центре городища, рядом с обрывом находится отделенный широким и глубоким рвом участок размером 70 × 50 м, условно названный «цитадель». Именно наличие огороженного

Рис. 1. 1–3 — городище Шамши III, кувшин со сливом в виде головы барана: 1 — слив кувшина; 2 — левая половина тулова кувшина; 3 — правая половина и графическая реконструкция кувшина; 4, 5 — могильник Торкен, курган 17, кувшин со сливом в виде головы барана (высота 25 см). Раскопки И. К. Кожомбердиева в 1961 г., фото из его архива. Масштаб действителен только для № 5

Fig. 1. 1–3 — ancient settlement of Shamshi III, jug with a drain in the form of a ram's head: 1 — drain; 2 — left half of the jug body; 3 — right half and graphic reconstruction of the jug; 4, 5 — burial ground of Torken, barrow 17, jug with a drain in the form of a ram's head (25 cm height). Excavations by I. K. Kozhombardiev in 1961, photo from his archives. The scale is valid only for no. 5

рвом участка в центре городища было крайне нехарактерно для городищ типа «торткуль». На цитадели были целиком раскопаны каменные фундаменты трех построек, которые состояли из одного четырехугольного помещения и привходового коридора. Две постройки имели общую стену и скорее всего являлись жилыми. В одном из помещений найдено основание печи. Вероятно, стены построек были деревянными, их фундаменты сохранились на полную высоту (один или несколько рядов камней). Третья постройка, видимо, хозяйственного назначения, имела форму неправильной трапеции. Ее фундаменты были сложены менее аккуратно, в центре находилась яма со спуском вытянутой овальной формы. Постройки занимали самую высокую часть площадки цитадели. В двух случаях фиксировались подпорные стенки искусственных террас.

Керамический комплекс довольно типичен для позднего этапа кенкольской культуры и может быть датирован V — первой половиной VI в. Практически вся керамика лепная, местная; найден единственный фрагмент станкового кувшина, изготовленного на Средней Сырдарье. Преобладают в комплексе обломки водоносных кувшинов с оттянутым сливом и петлевидной ручкой, довольно много обломков хумов. Обращает внимание очень малый процент кухонной керамики, в частности, котлов или горшков для варки пищи. Найденные горшки имеют вытянутую подшаровидную или яйцевидную форму тулова и безусловно родственны кухонным горшкам синхронных культур бассейна средней Сырдарьи. Традиционный для Тянь-Шаньского региона малый процент столовой посуды можно объяснить тем, что в быту отдавали предпочтение посуде из дерева. Отдельно стоит отметить находку фрагментов чугунного котелка с ручкой, который использовали для приготовления пищи. Из редких форм сосудов можно выделить целиком реконструированную из фрагментов большую вьючную флягу с орнаментом и кувшин со сливом в виде головы барана (рис. 1, 1–3). Ранее подобный сосуд был известен только в одном из катакомбных погребений могильника Торкен в долине Кетмень-Тюбе (рис. 1, 4–5).

В раннем горизонте поселения, который соотносится со временем устройства рвов, в одном из полуземляночных жилищ была открыта косторезная мастерская. Наличие большого количества рудотерок, пестов и молотов в слоях поселения свидетельствует о том, что его жители занимались горнорудным промыслом и металлургией.

Судя по тому, что поселение было хорошо укреплено даже по меркам последующей эпохи, оно являлось, скорее всего, центральным для Чуйской долины, возможно, ставкой элиты Северного Притяньшанья в V–VI вв. Место для ставки было выбрано практически идеально. В районе Токмака стыкуется несколько стратегически важных дорог. Горы надежно защищают вход в ущелье Шамши от зимних ветров, летом в ущелье нет жары. Наличие воды и верхнего слоя плодородной глинистой почвы удобны для земледелия.

Между современным городом Токмак и ущельем Шамши расположены две средневековые столицы: столица Западнотюркского каганата Суяб (надежно отождествляется с городищем Ак-Бешим) и Баласагун (центральная часть которого, без сомнения, соответствует городищу Бурана) — одна из столиц Караханидского каганата. После работ на городище Шамши III стало ясно, что этот район был местом расположения ставки правителя, своеобразной «столицей» кочевников Притяньшанья уже в дотюркское время.

ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП СЯНЬБЭЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

В. Б. Трубникова²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

AN ATTEMPT OF IDENTIFYING THE LOCAL-CHRONOLOGICAL GROUPS OF XIANBEI CULTURE

Varvara B. Trubnikova

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-227-228

Ключевые слова: сяньбэй, хунно-сяньбэйское время, северо-восточный Китай, тоба, мужун.

Keywords: Xianbei, Xiongnu-Xianbei times, Northeastern China, Tuoba, Murong.

Сяньбэй (сяньби) — кочевая общность, ставшая наследницей Хуннской империи. В конце I в. до н. э. сяньбэй начали активную внешнюю политику, что привело к упадку хунну. Понимание материальной культуры сяньбэй на сегодняшний день достаточно расплывчато, из-за чего складывается представление о наличии единого сяньбэйского культурного пласта. Систематические археологические изучения сяньбэй начались в середине 1950-х гг. и продолжаются до наших дней. За это время было раскопано больше 50 памятников, атрибутированных как сяньбэйские. Почти все памятники — погребальные, за исключением нескольких поселений и пещеры Гаксиан, содержащей письменные свидетельства, относящиеся к раннему наследию сяньбэй. Помимо этого, зафиксировано некоторое количество одиночных находок характерных фигурных бронз или керамики.

По мере накопления археологической базы были предприняты попытки проанализировать данные с точки зрения соотношения их с письменными источниками. Китайские археологи Чэнь Вэй и Цяо Лянь рассматривают археологические материалы в аспекте определения их этнической принадлежности (Чэнь Вэй 2009: 357–364). Такой подход к материалу зависит от доступности и полноты письменных источников, используемых в качестве прикладного инструмента для работы с археологическими данными. Их анализ позволяет определить территориальные границы племен и соотнести эту информацию с археологическими памятниками. Другие исследователи предлагают в первую очередь определять временные рамки погребений: в таком случае сяньбэйская культурная общность представляется единым явлением, имеющим лишь отдельные характерные черты на определенных этапах своего развития. Однако наиболее перспективна идея разделения материала одновременно по этническому и хронологическому принципу (Сан Вэй 2007: 1–17). Такой подход предполагает большее внимание соотношению археологической культуры с соседними синхронными культурами и позволяет определить степень их взаимосвязи.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² ORCID: 0000-0001-6584-5563; e-mail: barbarera@gmail.com.

Данный подход первым применил в своих работах профессор Су Бэй (Су Бэй 1977: 50–54). В своей сводной ключевой статье 1977 г. «Сяньбэйские памятники на территории Северо-востока Китая и Внутренней Монголии» Су Бэй использовал метод картографирования, в результате чего близкие по материальной культуре и обряду памятники сформировали на карте компактные группы. В итоге автор выделил следующие типы погребений: памятники мужун-сяньбэй в провинции Ляонин, тоба-сяньбэй — в верховьях Амура на реке Аргунь, памятники тоба-сяньбэй периода династии Северная Вэй — в провинции Шаньси и Хэнань. Картирование памятников позволило представить первую археологическую реконструкцию пути миграции тоба-сяньбэй из гор Большого Хингана — по долине реки Хайлар — мимо озера Хулун-Нур — Хошун Байрин-Цзойцзи — юго-центральный регион Внутренней Монголии — Датун. Данный подход к материалу с того времени кардинальным образом не менялся, однако по мере открытия новых памятников концепция трансформировалась.

Сегодня большинство исследователей выделяет четыре группы сяньбэйских памятников. Первая группа локализуется в северной части провинции Внутренняя Монголия в городском округе Хулун-Буир. Эта группа представлена 10 могильниками, расположенными в бассейне водной системы Хайлар-Аргунь: непосредственно на этих реках, а также на их притоках Иминьхэ и Гэньхэ. Это самая северная группа памятников, представляющая раннюю сяньбэйскую традицию. В ней синтез новых, уникальных для региона Дунбэя традиций, совмещается с частичными заимствованиями из кочевых культур, в первую очередь, хуннской. Датируется эта группа вплоть до II в. н. э. Вторая группа — переходный этап, когда в самобытной сяньбэйской культуре появляются новые элитные элементы. Распространение этой группы на территории современных провинций Хэйлуцзян и Ляонин свидетельствует об активной интеграции сяньбэйских племен и ханьского государства. Сам культурный пласт может идентифицироваться с периодом создания кратковременного союза племен под руководством легендарного Таньшихуая. Памятники третьей и четвертой групп относятся к периоду падения Восточной Хань (220 г. н. э.), дальнейшему периоду Троецарствия (220–280) и правлению династий Цзинь (265–420) и Восточная Цзинь (317–420). Третья группа, сконцентрированная в районе Ляодуна, отражает поздний этап исторического развития сяньбэй: шахтные погребения, выполненные в китайской традиции, а также китайские предметы быта и роскоши вытесняют самобытную сяньбэйскую культуру, что также подтверждается письменными источниками. Эта группа памятников принадлежит племени сяньбэй-мужун. Четвертая группа на границе провинций Внутренняя Монголия и Шаньси в большей степени, нежели третья, сохранила сяньбэйское наследие — она плавно развивается из второй группы. Ко времени своего существования ее создатели уже назывались сяньбэй-тоба. Однако памятники и этой группы в конечном итоге приняли китайские стандарты.

Выделение четырех групп сяньбэйской культуры позволяет проследить ее поэтапную трансформацию в процессе взаимодействия с другими общностями и культурами, а также перейти к решению вопросов хронологии.

Литература

- Сан Вэй 2007 — *Сан Вэй*. Сяньбэй каогу сюэ вэньхуа янцзю [Изучение археологической культуры сяньбэй]. Пекин, 2007. (на кит. яз.)
- Су Бэй 1977 — *Су Бэй*. Донбэй, нейменгу дицью дэ сяньбэй ицзы — сяньбэй ицзи цзилу чжи и [Памятники сяньбэй во Внутренней Монголии, Северо-Восточный Китай. Вып. 1] // *Вэнью*. 1977. № 5. С. 42–54. (на кит. яз.)
- Чэнь Вэй 2009 — *Чэнь Вэй*. Сяньбэй музанг янцзю [Изучение гробниц сяньбэй] // *Каогу Сюэбао*. 2009. № 3. С. 349–378. (на кит. яз.)

МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГОРИЗОНТОВ РАНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В АЗИАТСКОЙ ЗОНЕ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ — ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ

К. В. Чугунов¹

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

MARKERS OF CULTURAL-CHRONOLOGICAL HORIZONS OF EARLY SCYTHIAN TIMES IN THE ASIAN ZONE OF THE EURASIAN STEPPES — AN ATTEMPT OF IDENTIFICATION

Konstantin V. Chugunov

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-229-231

Ключевые слова: *культурно-хронологический горизонт, раннескифское время, маркеры горизонта.*

Key words: *cultural-chronological horizon, early Scythian time, horizon markers.*

Объединение археологических материалов в культурно-хронологический горизонт, имеющий последовательные фазы развития, является инструментом для их сравнения и синхронизации на высоком таксономическом уровне. Такое объединение должно сопровождаться выявлением общих элементов, присущих только этому горизонту, которые предложено именовать «маркерами горизонтов» (Яблонский 2008: 310). Выделить такие маркеры чрезвычайно непросто по многим причинам, одна из которых — консервативность культур в некоторых замкнутых регионах, где многие традиции существовали, почти не изменяясь, длительное время. Затрудняет определение общих элементов на высоком таксономическом уровне горизонта неразработанность и противоречивость абсолютной хронологии, для уточнения которой в азиатских степях не так уж много реперных дат. Широкое использование радиоуглеродного датирования не в полной мере снимает проблему, поскольку трудности соотнесения полученного радиоуглеродного возраста образца с календарным временем для раннескифской эпохи не раз отмечались (Евразия в скифскую эпоху... 2005: 64–66). Тем не менее для ряда ключевых памятников удалось это сделать при помощи метода согласования датировок дендрообразцов (Евразия в скифскую эпоху... 2005: 70–92). Особенно узкий календарный интервал был получен при радиоуглеродном датировании образцов из кургана Аржан-1. Наиболее вероятная дата его сооружения определена 788 г. до н. э., а при 95%-ом доверительном интервале — от 807 до 772 г. до н. э. Этот период хорошо согласуется с результатами калибровки — 806–786 гг. до н. э. (Зайцева и др. 2007). Такая дата практически совпадает с датировкой падения династии Западного Чжоу в Китае (770 г. до н. э.), на что впервые указал Д. Г. Савинов (Савинов 2002: 76).

Опираясь на материалы Аржана-1, можно выделить маркеры для первого культурно-исторического горизонта. В погребальном обряде таковыми могут являться признаки традиций эпохи бронзы (они могут быть различными для каждого конкретного региона). Из материального комплекса следует особо указать на предметы, связанные со снаряжением коня: псалии «аржано-черногоровского» типа, пряжки особого вида, двучастные (бабочковидные) пронизи. Комплекс вооружения может выступать маркером только с учетом того, что он стоит в начале типологического ряда изделий соответствующих категорий. Особо

¹ ORCID: 0000-0003-1977-7189; e-mail: chugunovk@mail.ru.

выделяются кинжалы со специфическими гардами, аналогии которым известны в ранне-тагарских памятниках. В стрелковом наборе абсолютно господствуют втульчатые двухлопастные наконечники, которые в Казахстане и Приаралье соседствуют с двухлопастными черешковыми. Бронзовые навершия с фигурами животных также могут являться маркером, за исключением ареала тагарской культуры, где фиксируется их длительное существование в сарагашенских комплексах. Здесь необходимо учитывать признаки ранней стилистики искусства, обозначенные Я. А. Шером (Шер 1980: 243–247). Это же относится и к образу свернувшейся пантеры на знаменитой бляхе. Предметы, выполненные в зверином стиле, чрезвычайно редки в памятниках первого горизонта, а те, которые присутствуют, чрезвычайно архаичны и всегда передают образ реального зверя.

Второй культурно-хронологический горизонт, очевидно, связан в Туве с появлением алды-бельской культуры. Выделить маркеры в этом регионе затруднительно, поскольку ранний ее этап пока уверенно не вычлняется из всего массива памятников. «Царский» курган этой культуры Аржан-2, датированный второй половиной VII в. до н.э., безусловно, относится к завершающей фазе горизонта. Но именно комплекс Аржана-2 позволяет выявить памятники второго горизонта в других регионах. Анализ прикладного искусства показывает, что таковыми являются исследованные большие курганы в Восточном (Чиликты, Елеке Сазы) и Центральном Казахстане (курган 2 могильника Талды-2), где найдены значительные серии золотых украшений в зверином стиле (Чугунов 2015). Маркерами начала этого горизонта могут являться некоторые специфические образы в искусстве, трактовка деталей и ювелирные приемы, присутствующие на ранней фазе и отсутствующие на поздней. Вероятно, колчаные наборы, включающие двухлопастные втульчатые наконечники наряду с черешковыми примерно в равной пропорции (типа набора в Большом Гумаровском кургане) также могут маркировать начальную фазу этого горизонта. Завершающая фаза, вероятно, может считаться фазой расцвета культуры ранних номадов, так как именно к ней, помимо Аржана-2, относятся курган 3 могильника Кичигино на Южном Урале, большинство комплексов Приаралья и Центрального Казахстана.

Третий культурно-хронологический горизонт — время ломки традиций раннескифского времени. Как правило, смена культур в различных регионах датируется серединой VI в. до н. э., но традиции предшествующего периода могли существовать и в новой культурной среде в трансформированном виде. Одним из маркеров этого горизонта для степей Евразии можно считать находки узды с пропускным сопряжением удила со стремевидными окончаниями и двухдырчатых псалиев. Возможно, еще один маркер для восточной зоны — появление наборных парадных поясов с X-видными очертаниями обойм. При отсутствии в культуре региона этих категорий вещей или обычая помещать их в погребальные комплексы, соотнести с третьим горизонтом памятники возможно лишь по каким-то инновационным проявлениям, характерным для последующего этапа культуры.

Границы горизонтов, как правило, очень размыты, поэтому между ними должны быть обозначены переходные фазы, отражающие реальную культурно-историческую ситуацию, когда в процессе смены доминант новые и старые традиции сосуществуют. Именно так нужно понимать баиновский этап на Среднем Енисее для начала раннескифского времени и уюкский тип памятников в Туве для его окончания.

Литература

- Евразия в скифскую эпоху... 2005 — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
- Зайцева и др. 2007 — Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Васильев С. С., Семенов А. А., Кук Г. Т., Скотт Е. М., ван дер Плихт Й., Боковенко Н. А., Кулькова М. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических

- исследованиях: Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г. СПб., 2007. С. 251–262.
- Савинов 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.
- Чугунов 2015 — Чугунов К. В. Искусство раннесакского времени Тувы и Казахстана: опыт сравнительного анализа и хронология // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 389–404.
- Шер 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Яблонский 2008 — Яблонский Л. Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 302–315.

ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ У СЕЛА ТАРАКТАШ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ¹

О. В. Шаров²

Институт археологии РАН, Москва, Россия

CHRONOLOGY OF THE CULT COMPLEXES NEAR THE VILLAGE OF TARAKTASH IN THE EASTERN CRIMEA

Oleg V. Sharov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-231-233

Ключевые слова: *Восточный Крым, культовый комплекс, римское время, поздние скифы, краснолаковая керамика.*

Keywords: *Eastern Crimea, cult complex, Roman time, late Scythians, red-slip ware.*

Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах одноимённого горного хребта в 3 км к северу от города Судак, на юго-восточном побережье Крыма. Место у подножья западной вершины Таракташского хребта имело выгодное стратегическое положение: это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины — Бакаташ (тюрк. «Гора-лягушка») и Таракташ (тюрк. «Гора-зуб»). Отсюда полностью просматривается Судакская бухта и контролируется главная дорога, ведущая вглубь Крымского полуострова.

В 1995 и 2002–2008 гг. на Таракташе были открыты 3 культовых комплекса и поселение римской эпохи. В 1995 г. на южном склоне Таракташской было открыто и исследовано культовое сооружение из двух святилищ, получившее название Таракташ-I (далее — КСТ-I). В 2002 г. прямо под гребнем горы Таракташ открыто и исследовано еще одно культовое сооружение, получившее название Таракташ-II (далее — КСТ-II). В 2006 г. открыто третье культовое сооружение в центре поселения, на западном склоне горы Таракташ, которое получило название Таракташ-III (далее — КСТ-III). Во всех культовых сооружениях были найдены антропоморфные идола (рис. 1).

КСТ-I. *Святилище 1.* Большинство из 270-и краснолаковых сосудов святилища № 1 представлены мисками с загнутым внутрь краем форм 14 и 17 «Понтийской сигилляты А»

¹ Исследование проведено по индивидуальной плановой теме ИА РАН 2019–2022 гг. «Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму».

² ORCID: 0000-0002-0151-2265, e-mail: olegsharov@mail.ru.

(по Д. В. Журавлеву) и могут датироваться концом I — первой половиной III в. н. э. В комплексе присутствуют редкие формы поздней понтийской краснолаковой керамики «Pontic red slip ware», представленные фрагментами тарелок, украшенных линейно-волнистым декором «Медуза» в центре дна в виде «пятнадцатилучевой звезды» и вписанной в него розеттой. Подобные блюда из Танаиса относятся (по К. Домжалскому и Т. М. Арсеньевой) к форме 3 «понтийской краснолаковой» керамики и датируются концом IV — серединой V в. н. э. (Arsen'eva, Domzalski 2002: 426–427). Также в слое III постройки 1 встречены высокие чашки с вертикальными бортиками, украшенные по бортику зигзагом. О. С. Иванова выделила такие кубки в форму 14 и датировала их IV–V вв. (Иванова 2009: 49–50, рис. 13, 77). *Святылище 2*. Краснолаковые сосуды, происходящие из заполнения святилища 2 относятся к формам 14.3, 14.4 и 17.1 (по Д. В. Журавлеву) и могут датироваться концом I — первой половиной III в. н. э. (Журавлев 2010: 54–55, таб. 23–24, № 155–157, 166, 170). Выделяется два периода функционирования КСТ-I: 1) середина I — середина III в. н. э. — период функционирования святилищ 1 и 2; 2) вторая половина IV — первая половина V в. н. э. — период функционирования только святилища 1. Антропоморфные идолы найдены в святилище 2.

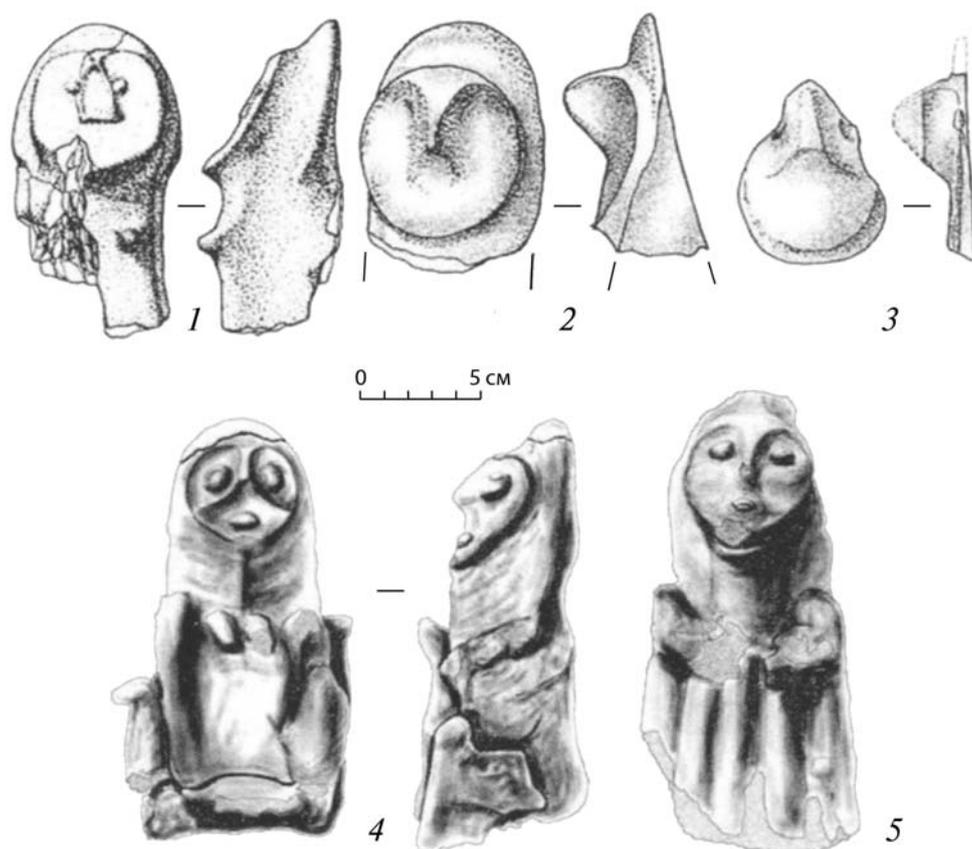
КСТ-II. Керамический материал относится к концу II — первой половине III в. н. э., это понтийская сигиллята форм I, IV, V, VI по Дж. Хейсу (Hayes 1985: Tav. XXII, 5). Отдельные типы сосудов, имитирующие форму V понтийской сигилляты (по Дж. Хейсу) морфологически близки керамике херсонесского производства второй половины III — IV в. н. э. (Ушаков 2010: рис. 1, 2; 11, 1, 6, 8). Таким образом, материал КСТ-II дает нам при преобладании материалов конца II — первой половины III в. н. э. редкие находки, которые можно отнести к IV в. н. э.

КСТ-III. Краснолаковая посуда данного комплекса представлена керамикой группы «Понтийская сигиллята А». Это тарелки формы 4.1 и 4.2 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2010: 46–47, таб. 18), миски типов 14.1–14.3, 16.1 и 19 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2010: 54–56, таб. 23–25), чаши типа 30 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2010: 60–61, таб. 27), кубки типов 31 и 33 (Журавлев 2010: 61–63, таб. 28–31) и канфары типа 34 (Журавлев 2010: 64–65, таб. 32–33). Все типы посуды характерны для конца I — первой половины II в. н. э., но тарелки типа 4.3, миски типа 16.1, чаши типа 30, канфары типа 34 могли бытовать до конца II в. н. э. На дне постройки найдена миска группы «Восточная сигиллята С» формы Чандарли 2 по Дж. Хейсу (Hayes 1972: 318–319), которая могла бытовать до конца II в. н. э. (Журавлев 2010: 32–33, таб. 4). Эту дату подтверждают также ряд сосудов, которые относятся к форме VI по Дж. Хейсу (Hayes 1985: Tav. XXII, VI). Это миски с высоким бортиком, украшенные псевдоручками, которые относятся к форме S-5a по Э. Кюнелю и датируются второй половиной II в. н. э. (Kühnelt 2008: 126, Kat.-Nr. 245–246).

Таким образом, на основании хронологии керамики антропоморфные статуэтки из КСТ-I и КСТ-II (рис. 1, 1–3) датируются II — первой половиной III в. н. э., а статуэтки из КСТ-III (рис. 1, 4, 5) — только II в. н. э.

Литература

- Журавлев 2010 — Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. Симферополь, 2010 (МАИЭТ. Suppl. 9).
- Иванова 2009 — Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алма-лык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 26–88.
- Ушаков 2010 — Ушаков С. В. Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г.») // МАИАСП. 2010. Вып. 2. С. 7–26.
- Arsen'eva, Domzalski 2002 — Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // EAnt. 2002. Bd. 8. S. 415–491.
- Hayes 1985 — Hayes J. W. Sigillate Orientali // Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Atlante delle forme ceramiche II: Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo Impero). Roma, 1985. P. 9–48.

Рис. 1. Антропоморфные идолы Таракташа: 1 — КСТ-I; 2, 3 — КСТ-II; 4, 5 — КСТ-III
Fig. 1. Anthropomorphic idols from Taraktash: 1 — Taraktash-I; 2, 3 — Taraktash-II; 4, 5 — Taraktash-III

Hayes 1972 — *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. London, 1972.

Kühnelt 2008 — *Kühnelt E.* Terra Sigillata aus Alma-Kermen, Südwest-Krim: Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Zur Erlangung des Doktorgrades eingereicht am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin im April 2008. Berlin, 2008.

ГОЛОВНОЙ УБОР ИЗ I МОРДВИНОВСКОГО КУРГАНА И ЕГО СИБИРСКИЕ АНАЛОГИ¹

И. Ю. Шауб²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

HEADGEAR FROM THE 1ST MORDVINOVSKIY BARROW AND ITS SIBERIAN ANALOGIES

Igor' Yu. Schaub

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² ORCID: 0000-0001-9205-381X; e-mail: schaubigor@mail.ru.

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-233-236

Ключевые слова: скифы, курганы, жречество, шаманизм, образ птицы, мировое дерево, головной убор.

Keywords: Scythians, barrows, priesthood, shamanism, image of bird, world tree, headgear.

Головной убор девушки, погребенной в неразграбленном склепе I Мордвиновского кургана (Херсонская обл. Украины), «по-видимому» имел коническую форму и был «покрыт круглыми золотыми бляшками», — это все, что стало известно об этом интереснейшем предмете из единственной публикации о раскопках памятника — краткой статьи Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916: 271). Гораздо более оригинальным, чем бляшки, украшением головного убора (скорее всего, кожаного) являлось не упомянутое Н. Е. Макаренко золотое скульптурное изображение птички, которое явно венчало эту «шапку» (см. Ростовцев 1925: 423; Лесков 1974: 53, рис. 41; Клочко 1993: 31, рис. 1)¹. Птичка, по определению орнитологов, — представительница хищной породы пернатых — первоначально была изображена сидящей на овальном предмете, от основания которого отходили четыре отростка, на конце каждого из которых висел диск. В основании имелись отверстия, через которые оно соединялось с материалом головного убора. Нет сомнений в том, что этот колпак с хищной птицей, сидящей на цветке с плодами (что противоречит ее природе и свидетельствует о символичности композиции), и бородатыми головами явно хтонических мужских персонажей на бляшках воплощал образ мирового древа².

Возможно, в оформлении этого головного убора подразумевался и распространенный вариант мирового древа — дерево жизни, поскольку «в отличие от тех разновидностей мирового дерева, которые прежде всего моделируют космическое устройство <...> дерево жизни актуализирует мифологический образ жизни во всей полноте ее смыслов», причем «в восходящей линии жизни особенно выделяется максимальная стадия роста — цветение и плодоношение» (Топоров 2010: 315–316). Как известно, в переднеазиатском искусстве, оказавшем воздействие на формирование искусства скифского мира, дерево жизни ассоциировалось с богиней плодородия и выражало идею возрождения жизни (Кузьмина, Сариниди 1982: 23).

Следует отметить, что образ дерева в традиционной системе мировоззрений народов Сибири полисемантичен и «раскрывается в трех основных смысловых сегментах: 1) Мировое дерево как основной структурообразующий элемент космической модели; 2) дерево жизни, воплощающее концепцию мироздания как животворного начала; 3) шаманское дерево как центральный символ шаманской идеологии, раскрывающий идеи шаманского дара, шаманского посвящения и шаманского пути» (Нам 2016: 95). Кроме того, «единый образ Мирового дерева мог дробиться на отдельные сегменты, соответствующие сферам мироздания» (Нам 2016: 90).

Мордвиновский головной убор, наряду с другими драгоценными украшениями погребенной (золотым ожерельем с мультиплицированным изображением мужского аналога змееной богини, бляшками с изображением сидящей богини с зеркалом и предстоящего скифа с рогом и др.), свидетельствует, что при жизни эта представительница высшей скифской аристократии³ была жрицей⁴. В связи с этим предположением отметим, что Лукиан (Lucian.

¹ Драгоценные находки из Мордвиновского кургана (за исключением 27 золотых бляшек, о чём нам любезно сообщил Л. И. Бабенко) исчезли во время Великой Отечественной войны, но их фотографии хранятся в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН.

² А. С. Клочко предположила такую возможность, однако без должной аргументации и недопустимо считать хищную птицу символом плодородия. Усмотрев в этом колпаке головной убора невесты, исследовательница в то же время отнесла его к категории детских вещей (Клочко 1993: 31).

³ Кроме разнообразных золотых украшений, о статусе мордвиновской девушки свидетельствует погребенная в ее ногах (перпендикулярно к ней) служанка.

⁴ О критериях выделения жреческих погребений см. Шауб 2017: 295–299.

Skyth. 1) назвал скифских жрецов «носящими священную шапку», а у индоиранцев атрибутами жрецов был специальный головной убор (Смирнов, Кузьмина 1977: 57). Ритуальный головной убор, несомненно, являлся и главным атрибутом скифских жриц (Шауб 2017: 296).

Мордвиновский «колпак» уникален для мира европейской Скифии. Правда, изображения хищных птиц украшали головные уборы боспорянок, нашедших упокоение в курганах Большая Близница, Карагодеуашх, I Трехбратний. Эти представительницы местной знати явно были жрицами (Шауб 2007: 101, 378–382; 2011: 85, 320–322; 2017: 302, 312–315, 318–321). Но упомянутые изображения оттиснуты на золотых бляшках и украшали они «шапки» иного типа, чем мордвиновская.

Гораздо более схожи с мордвиновским колпаком головные уборы с объемными украшениями в виде птиц, найденные в погребениях горноалтайских кочевников (Полосьмак 2001: 143 след.). Скульптурная птица украшала и ритуальный головной убор саргатской жрицы, похороненной в Шикаевском кургане IV–III вв. до н. э. (Потемкина 2007: 146 след.).

Образ птицы играет исключительно важную роль в шаманизме. У многих народов Сибири шаманское облачение даже является олицетворением птицы и имеет целый ряд орнитоморфных черт. Изображения птиц, считавшихся воплощениями духов-помощников шамана, часто украшали его головной убор (Элиаде 2014: 112–113 и др.). Что касается головного убора, то его исключительно важное значение подтверждается также древними наскальными рисунками эпохи бронзы, где на шамана надет явно различимый колпак, тогда как остальные атрибуты шаманского достоинства могут отсутствовать (Элиаде 2014: 345).

Поэтому для определения функции мордвиновского колпака особый интерес представляют наиболее близкие ему аналогии — головные уборы эвенкийских шаманов, украшавшиеся не только изображениями птиц (из меди), но и металлическими «масочками» (Прокофьева 1971: 34–36, рис. 25). Это сходство позволяет предполагать, что головной убор из I Мордвиновского кургана принадлежал не просто жрице, но шаманке (о скифском шаманизме см. Шауб 2007: 146–153; 2011: 123–132).

Литература

- Клочко 1993 — Клочко А. С. Скифський дитячий костюм // Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва із колекцій Музею історичних коштовностей України. Тематичний збірник наукових праць. Київ, 1993. С. 28–50.
- Кузьмина, Сарияниди 1982 — Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. И. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 19–27.
- Лесков 1974 — Лесков О. Скарби курганів Херсонщини. Киев, 1974.
- Макаренко 1916 — Макаренко Н. Е. Первый Мордвиновский курган // Гермес. 1916. № 12. С. 167–172.
- Нам 2016 — Нам Е. В. К вопросу о полисемантической образе дерева в системе мировоззрения сибирского шаманизма // ВТГУ. 2016. № 402. С. 88–98.
- Полосьмак 2001 — Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Потемкина 2007 — Потемкина Т. М. Ритуальный головной убор IV–III вв. до н. э. (по материалам Шикаевского кургана на р. Суерь) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной). Курган, 2007. С. 146–157.
- Прокофьева 1971 — Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири. Л., 1971. С. 3–100 (СМАЭ. Т. 27).
- Ростовцев 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Смирнов, Кузьмина 1977 — Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Топоров 1980 — Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 398–406.
- Топоров 2010 — Топоров В. Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М., 2010.

Шауб 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.

Шауб 2011 — Шауб И. Ю. Эллинические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Саарбрюккен, 2011.

Шауб 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // БИ. Вып. 34. 2017. С. 288–324.

Элиаде 2014 — Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. М., 2014.

MULTIDISCIPLINARY APPROACHES TO THE DZHETY-ASAR ARCHAEOLOGICAL LANDSCAPE: EARLY STATE FORMATION IN THE EASTERN ARAL SEA REGION?

*Irina A. Arzhantseva¹, **Martin Goffriller², ***Heinrich Haerke³

¹*Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Institute for Oriental and Classical Studies of the Higher School of Economics, Moscow, Russia*

²*University of Liverpool School of Architecture, Liverpool, Great Britain;
China University of Mining and Technology, Xuzhou, China*

³*Tubingen University, Tubingen, Germany; Institute for Oriental and Classical Studies of the Higher School of Economics, Moscow, Russia*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ЛАНДШАФТУ ДЖЕТЫ-АСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: РАННЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВОСТОЧНОМ ПРИАРАЛЬЕ?

*И. А. Аржанцева, **М. Гоффриллер, ***Г. Херке

¹*Институт этнологии и антропологии РАН; Институт классического Востока и античности Высшей Школы Экономики, Москва, Россия*

²*Университет Ливерпульской школы архитектуры, Ливерпуль, Великобритания;
Китайский горно-технологический университет, Сюйчжоу, Китай*

³*Университет Тюбингена, Тюбинген, Германия; Институт классического Востока и античности Высшей Школы Экономики, Москва, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-236-237

Keywords: *Aral Sea region, Dzhety-Asar culture, state formation, settlements, multidisciplinary approaches.*

Ключевые слова: *Восточное Приаралье, джеты-асарская культура, государственное образование, поселения, междисциплинарные методы.*

Since prehistory, the ancient delta of the Syr-Darya (eastern Aral Sea region) had been a zone of intensive contacts between farmers inhabiting the oases of Central Asia, and pastoralists of the Eurasian steppe zone. Due to its physical, geographical and climatic conditions, as well as the fluvial patterns of the ancient delta channels, conditions for the coexistence of different economic and cultural types and ethnic groups have existed here for millennia. The Dzhety-Asar Culture which existed there from (approximately) the 2nd century BC to the 8th century AD seems to have played a special role in the relationship between the civilizations of Central Asia and the steppe zone of

¹ ORCID 0000-0001-9213-5583; arzhantseva@rambler.ru.

² ORCID: 0000-0003-2081-2420; msgoffriller@gmail.com.

³ ORCID: 0000-0002-2226-618X; heinrich.haerke@uni-tuebingen.de.

Eurasia. Its sites were discovered, recorded and studied from the late 1940s until the beginning of the 1990s by the Khorezmian Archaeological and Ethnographic Expedition (hereinafter — KhAEE) which conducted a large number of landscape surveys, excavations and detailed typological analyses of the material culture. The records of this work have been stored for the most part in the archives of the Institute of Ethnology and Anthropology at the Russian Academy of Sciences, Moscow, and have become more widely available to international scholarship only from the 1990s onwards.

It is to members of the exceptional KhAEE team, and in particular to its founder and outstanding director Sergei P. Tolstov, that we owe the first basic studies of Dzhety-Asari remains and monuments, and the initial hypotheses to explain its origin and character. The unique features of the culture which differ markedly from contemporaneous archaeological cultures of Central Asia and Kazakhstan led Tolstov to trace its origin to the Early Iron Age of distant Asia Minor and the Northern Black Sea region. But this question is by no means resolved, and even today, Dzhety-Asari origins, political structure and ethnic makeup are still uncertain and very much a matter of debate. The socio-political structure of the society is completely unknown, though probably a product of the patchily understood agro-pastoral settlement dynamics which characterise the oasis economies of the Syr-Darya delta. Even many fundamental lacunae remain to be addressed, in particular the chronology which is based on L. Levina's typological study of the ceramic assemblage and most commonly stated as spanning from the 2nd century BC to the 7th/8th centuries AD.

In a first step of a new project, the documentation and survey of the Dzhety-Asar settlements was conducted over the course of two five-week fieldwork seasons in the summers of 2018 and 2019 conducting site visits to all the known Dzhetyasar locations, including a number of previously unidentified ones. The aerial survey of each site was conducted with a commercial drone of the type 'DJI Mavic Pro' in conjunction with the DroneDeploy® flight planning application in order to create systematic and repeatable flight plans. A preliminary typology of sites, based partially upon the hypothetical assumptions regarding the tribal nature of the Dzhety-Asar population, and the general morphological features and layout of the sites, has yielded six broadly identifiable types of settlement. We hypothesize that this type of settlement pattern may be representative of a period of social and political integration in the region.

The increasing socio-political complexity observable in the settlement record may conceivably reflect the formation of the Dzhety-Asar proto-state that functioned either independently or as a tributary to a larger polity. This suggestion raises the question if the necessary conditions for early state formation (after H. J. M. Claessen) were given, and if a cause to trigger state formation can be identified. The composition of Dzhety-Asar communities should indicate socio-economic structures, but a modern re-study of skeletal evidence from their cemeteries has begun only recently. Concerning economic factors, it has to be assumed that the Dzhety-Asar culture, given its more than 50 settlements of various sizes, played a pivotal role in the economic network of Central Asia, perhaps even in the formation of the Northern Silk Road. In addition to being mercantile middlemen, the location of the Dzhety-Asari on the interface of the steppe world and the urban civilizations of Iran, Khorezmia and China positioned them in their final period at the fulcrum of several of the period's great geopolitical events of the Early Middle Ages.

This chronological and geographical pattern calls for investigation and debate of the reasons for the eventual disappearance of the Dzhety-Asar Culture which are likely to be found in a combination of environmental calamities such as changes in the riverine environment and associated drought or flooding events, as well as changes in the greater geopolitical context of the early to mid-8th century. Research on these wider questions would rely, in turn, on an absolute chronology for the Dzhety-Asar sites and finds. Therefore, the next step in the project has to be scientific dating (^{14}C and OSL) of samples obtained by systematic coring in settlement sites and their associated rivers. In this way, it should be possible to trace the diachronic growth and evolution of the sites, while also establishing the extent to which the change in the riverine environment may have been responsible for the eventual abandonment of the *asari*. Thus, the future work of the project has to be based on a close cooperation of experts in archaeology, anthropology, hydrology, geography and geophysics.

UNDERSTANDING LATE ANTIQUE DEHISTAN

Aydogdy Kurbanov¹*Freie Universität Berlin, Institute of Near Eastern Archaeology, Berlin, Germany*

К ПОНИМАНИЮ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ДАХИСТАНА

А. Курбанов

Свободный университет Берлина, Институт ближневосточной археологии, Берлин, Германия

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-238-239

Keywords: *Central Asia, Turkmenistan, Dehistan, Late Antique, Parthians, Sasanians.***Ключевые слова:** *Центральная Азия, Туркменистан, Дахистан, поздняя античность, парфяне, Сасаниды.*

In the territory of Southwestern Turkmenistan (administratively, the modern Balkan welayat, or province, of Turkmenistan) the largest possession had come into being in Dehistan, the centre of which was located on the place of present-day ruins of Mashhad-Misrian. This region was in Antiquity a cultural and sometimes administrative entity known in the historical periods as Vehrkana (or as Hyrcania in the Greco-Roman west) (Хлопин 1983: 69). The Gorgan plain constituted its southern part, whereas the plain of Misrian, or Dehistan, — its northern one. In Parthian times, Hyrcania was not well controlled by the Arsacids and, moreover, was seriously threatened by nomadic populations. These nomads proved to be so serious a menace that the Parthians were forced to split Hyrcania in two parts: Gorgan remained to be attached to the Arsacid empire, while Dehistan was isolated (Хлопин 1983: 98–99; Lecomte 2007: 295–299). Such a situation continued to be in the Sasanian period as well. Several Sasanian rulers made use of the Gorgan plain as a staging area for launching military expeditions against the Chionites, Hephthalites and Kidarites²; besides, they constructed walls there to protect their northeast domains from these nomads. Probably, Dehistan was part of the Sasanian province of Khorasan (Herzfeld 1924: 37).

In Dehistan in the Sasanian period, probably in the 3rd — 5th centuries AD, the sites moved to the north-west and were mostly established along irrigation canals requiring regular maintenance. Some of them, like Shahdiz-kala, were situated on extensions of the ancient system from the main canal. The main canal — the Shahdiz one — draws its waters from the Etrek, then runs along the eastern edge of the plain before crossing it partially, and finishes west of the medieval site of Mashhad-Misrian located 75 km from the mouth of the canal. Compared to the Iron Age, the number of sites increased. In most cases there were small heavily fortified towns and farms. Certain groups of buildings had an obvious military aspect. They may have been defended with a double wall and ditch, and the most important, such as Khanly-depe or Uly Kizylli, may have had a citadel dominating a lower city (Lecomte 1999: 146).

V. M. Masson, describing the pottery of Dehistan during the period in question, has noted that it was mostly red-fired, although light-brown ceramics were also utilized. The vessels are presented by large pitchers with a high direct spout and with one handle. On the shoulders they had crested ornaments. There were also bowl-shaped vessels with a low neck, phials with flat bottoms, bottle-shaped vessels with narrow throats, and hand-made spherical cauldrons with flat bottoms and handles (Массон 1961: 39). Data for the Parthian period in the Gorgan plain differ from those of Dehistan.

¹ ORCID: 0000-0002-1032-7213; e-mail: aydogdy.kurbanov@fu-berlin.de.

² Among the peoples who provoked these defensive measures most active were the Chionites/Chols, who settled in the territory of Dehistan.

Numerous sites have been recognized in the Gorgan plain, which are characterized by a distinctive material culture. For example, pottery consists of four categories: simple ware, grey or black ware, red burnished ware and *clinky* ware. As for Dehistan, the only site, Orta Depeslik, had produced pottery datable to the Parthian period, if to proceed from its comparison with that of Gorgan. O. Lecomte has noted that this is a problem of recognizing the material remains. Such was the case of the Early Iron Age assemblages belonging to the Archaic Dehistan culture, which have only recently been recognized as having been in use even later — in the Achaemenid period (Lecomte 1999: 145; 2007: 301).

This border region of the Sasanian power has recently been investigated within the bounds of a major project in the Gorgan plain by the joint Iranian and UK-based team under E. Sauer's direction, which carried out surveys and soundings within these confines of the Sasanian empire (Sauer et al 2013).

The region of Dehistan is a frontier zone that had a very different fate than the Gorgan plain did. For the better understanding of Late Antique Dehistan, our research goal is to realize the archaeological survey of Dehistan, which will consist, above all, in confronting the available historical knowledge for the Parthian, Sasanian and early Islamic periods with the archaeological sites and related landscape features in the Dehistan region.

References

- Массон 1961 — Массон В. М. К истории парфянского и раннесредневекового Дахистана // ИАН-ТуркмССР. СОН. 1961. № 2. С. 36–43.
- Хлопин 1983 — Хлопин И. Н. Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад, 1983.
- Herzfeld 1924 — Herzfeld E. Paikuli: Monument and Inscriptions of the Early History of the Sasanian Empire. Vol. 1. Berlin, 1924 (Forschungen zur islamischen Kunst. 3).
- Lecomte 1999 — Lecomte O. Vehrkanâ and Dehistan: Late Farming Communities of South-West Turkmenistan from the Iron Age to the Islamic Period // Parthica. 1999. Vol. 1. P. 135–170.
- Lecomte 2007 — Lecomte O. Gorgân and Dehistan: The North-East Frontier of the Iranian Empire // After Alexander: Central Asia before Islam. Oxford, 2007. P. 295–312 (PBritA. Vol. 133).
- Sauer et al. 2013 — Sauer E. W., Omrani Rekavandi H., Wilkinson T. J., Nokandeh J., Hopper K., Ali Abbasi Gh., Ainslie R., Roustaei K, MacDonald E., Safari Tamak E., Ratcliffe J., Mahmoudi M., Oatley Chr., Ershadi M., Usher-Wilson L. St., Nazifi A., Griffiths S., Shabani B., Parker D., Mousavi M., Galiatsatos N., Tolouei H. et al. Persia's Imperial Power in Late Antiquity: The Great Wall of Gorgân and Frontier Landscapes of Sasanian Iran. Oxford, 2013 (British Institute of Persian Studies Archaeological Monographs Series. 2).

THE ROCK RELIEF AT RAG-I BIBI: CAN IT BE CONSIDERED AS SASANIAN?

Katarzyna Maksymiuk¹, Adam Kubik², Patryk Skupniewicz³
University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

НАСКАЛЬНЫЙ РЕЛЬЕФ В РАГ-И БИБИ: МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ЕГО САСАНИДСКИМ?

К. Максимюк, А. Кубик, П. Скупневич
Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша

¹ ORCID: 0000-0001-8709-0333; e-mail: szapur2@poczta.onet.pl.

² ORCID: 0000-0002-3112-0043; e-mail: atakan-al-vefa@wp.pl.

³ ORCID: 0000-0002-8119-5449; e-mail: patryk.skupniewicz@olamnet.com.

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-239-243

Keywords: *Rag-i Bibi, Sasanian reliefs, Kushan art, hunting scene, composition.*

Ключевые слова: *Раг-и Биби, сасанидские рельефы, кушанское искусство, сцена охоты, композиция.*

The rock relief at Rag-i Bibi located near the village of Shamarq in Northern Afghanistan had scientifically been discovered in 2002 (but local inhabitants were aware of it before) and was shortly published — initially and very briefly by F. Grenet (2006) and then, in much greater detail, by F. Grenet together with J. Lee, Ph. Martinez and F. Ory (Grenet et al. 2007). Without much ado and strong argumentation F. Grenet attributed it as Sasanian, and later this opinion was sustained by several scholars. The current paper aims both to offer an alternative attribution based on analyzing the iconography of the monument and to link it with another historical events.

The relief (fig. 1) is approximately 6,5 m wide and up to 4,9 m high. It depicts the hunt of two galloping riders, turned right, for rhinoceroses. The main personage is placed close to the center and shoots a bow. He is followed by another rider depicted to the left. On the right side there are two rhinoceroses, one is dying and another is already dead under the mango tree. Between a tree crown and the main personage's torso there is a smaller standing figure.

Iconographic analysis. Execution — deep relief, almost full sculpture. The early Sasanian reliefs are representing graphical valour and are relatively shallow. There are only few examples of full sculpture in the early Sasanian period — the Bishapur colossus and decorations from the «palace» in Hâjiâbâd. They all indicate the inability to use the three-dimensionness in full. The powerful statue of Shapur I at Bishapur seems rigid, with the graphical value. It, being a strong declaration of the king's power remains stiff, even incompetent (compare with the late antique colossus of Barletta, which, although technically inferior to the sculpture of mature antiquity, and against their background seems stiff and sluggish, but is much more dynamic than the Shapur colossus). Early Sasanian art did not seek such qualities as body, depth, space. The decoration of the «ayvan» at Taq-i Bostan is a unique monument in this respect, but it belongs to the later period and one cannot exclude a specific reception of the «Eastern» tradition, however it is full of Western borrowings. The «full», almost three-dimensional, elements remain majestically immobile, while the flat, graphic representations on the walls of the «ayvan» are dynamic. It is justified to risk a statement that depth and body were not the features particularly valued in Sasanian art, but when they appeared, they were marked by a majestic weight, excluding dynamics.

The pursuit of the full body and the ability to use it as a valour (whether dynamic or immobility) is a feature of Gandharan art. The difference in the scale of performance is important, but the concept of developing a deep relief into a dynamic, multifigured scene brings Rag-i Bibi closer to Gandharan rather than to Sasanian aesthetics. The other works of art perfectly showing the ability to operate the mass as an aesthetic value in the monumental art, related to the ideology of power, are the reliefs at Khalchayan and the remains of the sculpture from Dalverzin Tepe. The difference in the technology of execution can be claimed, but in the aesthetic concept both the Khalchayan and later Kushan monuments indicate an interest in spatial effects and a tendency to three-dimensional, dynamic treatment. It is also visible on the «Bactrian/Hephtalite» silver vessel with the hunt scene from the Hermitage, where the upper parts of the characters were developed in much deeper relief (almost three-dimensional) than in Sasanian or Kushano-Sasanian silver, which corresponds to the method of constructing the Khalchayan reliefs. It might suggest that the aesthetic principles were transferrable between the media. It should be also remembered that the monumental, gigantic, almost full Buddhist sculptures indicate the knowledge of this visual technique in Late Antique Bactria, despite their majestically immobile character.

It should be noted that both the Kushan stone and clay sculptures and late Bactrian silver followed similar aesthetic principles that were not shared in Sasanian Iran. The presence of full sculpture in Arsacid Iran is confirmed by fragments of statues preserved in the Old Nisa. The full

Fig. 1. Rock relief at Rag-i Bibi (Northern Afghanistan) (photo by F. Ory, after: Grenet et al 2007: pl. 6)

Рис. 1. Наскальный рельеф в Раг-и Биби (Северный Афганистан) (фото Ф. Ори, по: Grenet et al. 2007: pl. 6)

sculpture was popular in Hatra and Palmyra, however, reliefs of more or less graphic valour were also made there. It is possible that the reluctance to operate the three-dimensional masses smoothly and dynamically may have resulted not only from technical difficulties but also from ideological needs to refer to the monumental pre-Parthian art. This would be further fueled by the inability to differentiate between Achaemenid and Assyrian art. It should be remembered, however, that in majority the Parthian rock reliefs are characterized by graphical rigidity, most likely resulting from technical imperfections. It seems that due to their relatively small size and local character, the Parthian reliefs may not have posed an aesthetic challenge unlike the sculptures of Hatra and Old Nisa.

Composition. The relief in question refers to older, pre-Hellenistic, conventions of showing violence, passing from the subject of fighting between warriors to hunting for dangerous, life-threatening beasts. Both the themes emphasize the heroic character of the protagonist, therefore, it is easy to use common compositional formulas. In the Roman world, battle violence was depicted in the state, in monumental art, in crowds, without separating individual «heroic moments», although the motif of the victorious rider survived in the provincial tombstones of cavalry officers.

Numerous examples of «heroic horsemen» in pre-Hellenic, Hellenistic and Roman iconography show the main personage with an accompanying assistant, whether running after him or following him on horseback. The popularity in the East of the motif of the assistant following the main personage can be observed on the reliefs from Yemen and Tang-i Sarvak, but also on the Sasanian reliefs with the scenes of mounted duels at Naqsh-i Rostam, where the warrior

running after the victorious rider was replaced by the horseman. It seems that the placement of the second rider could jeopardize the central role of the hero. However, in Iran, where horseback riding was even carried out at short distances, it was a step towards adding realism to the convention, as it was unlikely if the warrior of the royal class would be accompanied by the attendant on foot.

Also, the placement of the tree in the scene at Rag-i Bibi, one of the permanent elements of post-Hellenistic «icons of violence», could have a conventional character. It should be noted that in the discussed formulas the tree usually closes the composition on the right side and is usually placed behind the victim. An outstanding exception is naturally the famous «Mosaic of Alexander» from Pompeii.

The relief at Rag-i Bibi is an example of the convergence of the popular formula to show the victorious warrior fighting mighty beasts. Undoubtedly, Sasanian toreutics is an example of the adaptation of these old formulas, but in the compact formats of the Sasanian plates, the presentation of the followers of the victorious personages was completely abandoned. It should, therefore, be concluded that the relief at Rag-i Bibi was designed before the formation of the «royal or princely hunting» model in Sasanian art. It seems that the relief is a direct reference to post-Hellenistic traditions and certainly does not derive from any models of Sasanian toreutics. It may rather be an intermediate step in their development. It should also be added that an uncertain dating of Sasanian silver does not allow to consider it as a model for the relief. On the contrary, models like the one on the relief could, after simplification and modification of the format from horizontal rectangle to circle, become an inspiration for decorations in toreutics.

It is difficult to find direct compositional analogies for the figure standing between the torso of the protagonist and the tree, as it seems to have been intentionally placed behind him. However, one can think of the investiture scenes with Fortune's figures, Tychai, the eagles with a diadem in their claws (often replaced by a putti in Sasanian iconography) flying before or above the ruler. Despite the fact that in Sasanian art they were most frequently placed on the triumphant reliefs and, it seems, they were adopted to the scenes of fighting the beasts came relatively late, it should be remembered that on the Palmyrean «Odaenathus mosaic», the tiger-hunting rider, shown in a mature and complete formula popular in Sasanian toreutics, is accompanied by a bird of prey carrying a diadem in his beak. The bird is placed behind the figure, but there was no other place in the compact, tightly packed composition. The personage standing behind, above or in front of the protagonist disturbs the perception of his heroic character, making his confrontation with the beast less individual and therefore less heroic. The companions following him are shown at a distance that prevents from doubting as regards who is the central figure; they follow him in the direction he chose, but they are not participating in the heroic act of killing the beast. Meanwhile, placed on the axis of the format, the smaller standing personage is closer to the beast than to the protagonist and, therefore, cannot take part in the hunt because it would raise doubts about the independence of the act performed. It is worth reminding that according to «Karnamag of Ardashir Papakan», the first conflict between Artaban and Ardashir arose about who hit and killed the game. Similar doubts would have not been shown in art. Of course, the function of «realistic» participation in the hunt of the standing figure is denied by his immobility, lack of visible weapons or even the position suggesting their use. He is not a participant but a symbolic figure.

The horse's movement. In contrast to the iconography of the Arsacid period, galloping mounts in early Sasanian art were presented only in «flying gallop». Over time, it seems that the horses depicted with their hind legs on the ground while galloping reappeared, however, the «flying gallop» as a stylistic feature remained in use until the end of the Sasanian rule. In early Sasanian art the «flying gallop» was an «obligatory» stylization differentiating from aesthetics of the earlier dynasty. Besides, the horse at Rag-i Bibi is not depicted in the stylization characteristic of Sasanian art.

The quivers. Archery was not in Iran a neutral matter. The quivers, or rather the elaborate *gorytoi* consisted of the quiver and two arrow cases, which are depicted on the relief at Rag-i Bibi, find analogies in Bosporan, Sarmatian and Central Asian art. They were a popular form of the archer's equipment of the steppe peoples, but never appeared in properly Sasanian art. Again, it is to be expected that avoiding to show such a common form of armament was intentional in nature. On all the royal reliefs the Sasanian kings had long, tube-like quivers, which, if not insignia *sensu stricto*, had to be of quasi-insignial nature. The quivers were meticulously cast in silver, even when the ruler did not use a bow. In a word, the quivers at Rag-i Bibi vary from the royal Sasanian archery equipment. They might have been in use in the third — fourth century, but they were not presented in royal Sasanian iconography.

The horse's equipment. Horse saddles fixed by a girth, breast strap and tail-strap are known in Gandharan, Parthian and Sarmatian art. The phalerae decorated with floral motifs are the most common finds that were associated with luxury horse decorations, both in Arsacid Iran and among the Sarmatians. One can risk to propose a hypothesis that the Sarmatian phalerae included more figural decorations, but the floral ornaments were not inferior to their popularity. Horse phalerae are also known from the Roman milieu.

The rhinoceroses. The hunted beasts are very stylized. They must be important from a semantic point of view, but they are not realistic as there are no species of the rhinoceroses covered with scales and having spiky, triangular teeth of predators. The beasts represented on the relief at Rag-i Bibi are greatly stylized and reveal the sculptor's unfamiliarity with the actual rhinoceroses.

Discussion. Why not Sasanian? The fact is that none of the characteristics of the monument in question speaks unequivocally in favour of its Sasanian attribution, which has been accepted just arbitrarily, without any in-depth analysis, on the basis of a cursory similarity with the motifs from later Sasanian toreutics.

Style. The only known Sasanian rock relief made in the borders of the country is the one at Salmas, which was made in crude, simplified way, by a local workshop as evidenced by its low artistic quality. Nevertheless, despite its provincial character, this monument preserved all the iconographic features of Sasanian royal relief art. The relief at Salmas as sponsored by the Sasanian kings had to follow the principles found suitable for royal message.

Composition. The composition of the relief at Rag-i Bibi relates to the same source as the «Royal and princely hunting iconography» of Sasanian Iran, but it cannot be influenced by the latter, as it contains the elements absent there.

Identification and meaning. The relief at Rag-i Bibi seems to have come from the period of the Kushan Empire and celebrated Kushan victories in India. Apparently, the figure at the center of the composition could hold some attribute of power, perhaps a diadem, which is given by him to the hunting ruler. He could also make a gesture of blessing*.

References

- Grenet 2006 — Grenet F. Le relief sassanide de Rag-i Bibi en Afghanistan // Les Perses sassanides. Fastes d'un empire oublié (224-642): Musée Cernuschi, Musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris, 15 septembre — 30 décembre 2006. Paris; Suilly-la-Tour, 2006. P. 39.
- Grenet et al. 2007 — Grenet F., Lee J., Martinez Ph., Ory F. The Sasanian relief at Rag-i Bibi (Northern Afghanistan) // After Alexander: Central Asia before Islam. Oxford, 2007. P. 243–267 (PBritA. Vol. 133).

---

* From the editors: the text is mainly presented in the authors' version with some editorial amendments.

От отв. редакторов: текст в основном представлен в авторской версии с некоторыми редакторскими поправками.

LIFE AND DEATH IN THE SCYTHIAN WORLD OF SOUTHERN SIBERIA: A SOCIAL BIOARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE MOBILE PASTORALISTS FROM AYMYRLYG

Eileen M. Murphy¹

Queen's University Belfast, Belfast, United Kingdom

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В СКИФСКОМ МИРЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ: СОЦИАЛЬНО-БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ СКОТОВОДОВ ИЗ АЙМЫРЛЫГА

Э. М. Мерфи

Университет Королевы в Белфасте, Белфаста, Белфаст, Великобритания

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-244-247

Keywords: *Early Iron Age, South Siberia, Aymyrlyg burial ground, nomads, bioarchaeology, diet, health, trauma, violence, care.*

Ключевые слова: *ранний железный век, Южная Сибирь, могильник Аймырлыг, кочевники, биоархеология, питание, здоровье, травма, насилие, лечение.*

The cemetery complex of Aymyrlyg is located in the Ulug-Khem region of Tuva deep in south Siberia near the border with Mongolia (Fig. 1). It spanned a vast distance of some 10 km and was located alongside a tributary of the mighty Yenisey River. It was excavated over a 16-year period between the 1960s and 1980s by Dr. Anatolii M. Mandelstam, one of the two great Russian archaeologists commemorated in this conference, and E. U. Stambulnik of the Sayan-Tuva expedition team from the Institute of the History of Material Culture in Leningrad. The excavations were necessary because the entire zone was scheduled to be flooded as part of the workings of a hydroelectric power station. The human skeletal remains were brought to the Department of Physical Anthropology of the Kunstkamera Museum. A detailed osteoarchaeological and palaeopathological analysis was undertaken of the population for PhD research and this study has formed the basis for additional and ongoing projects (see Murphy, Chistov 2020). Approximately 800 individuals were recovered from the burial ground — most of the earlier 607 interments dated to between the 5th and 2nd centuries BC and were attributed to the Uyuk Culture of the later Scythian period (Мандельштам 1992: 185). The remainder of the population were derived from the Shurmak Culture of the early Hunno-Sarmatian period and was associated with the expansion of the Xiongnu Empire into Tuva (Стамбульник 1983: 34). This abstract will focus on the Scythian people.

The Aymyrlyg burial ground has yielded one of the most substantial and thoroughly analysed populations of the later Scythian World. In Book IV of his *Histories*, the 5th century BC historian Herodotus led us to believe that Iron Age populations of Scythia were highly nomadic and extremely violent. Modern bioarchaeological research on the human skeletons from Aymyrlyg has somewhat corroborated aspects of his writings. The scientific evidence derived from the remains, however, has enabled more nuanced understandings to be gained about the lives of these people, including diet and subsistence strategies, attitudes towards physically impaired individuals, weaponry and the nature of violent death, as well as funerary practices. Unlike the Scythian people buried in the spectacular royal tombs at Pazyryk in the Altai region of southern Siberia those interred at Aymyrlyg would have been the ordinary members of society

¹ ORCID: 0000-0003-0109-5817; e-mail: Eileen.murphy@qub.ac.uk.

Fig. 1. Map showing the location of Amyrlyg (drawn by Libby Mulqueeny)
Рис. 1. Местоположение могильника Аймырлыг на карте (рис. Л. Малквини)

and their study has enabled us to learn more about the lives and deaths of these men, women and children.

The Scythian burials at Amyrlyg were located at the edge of the river terrace and were distributed in chains which ran along the riverside. The exterior of each tomb generally comprised a low, rectangular-shaped wall composed of stone slabs sunk edgewise into the ground. A rectangular log house tomb placed within a deep pit dug into the ground formed the subterranean features of most tombs. This was a community burial ground used by these Iron Age semi-nomadic people; during the summer they probably spent their time roaming the steppes with their livestock, returning to the Amyrlyg environs during the colder months. We know this because some of the bodies had been treated in a way that suggested processing for their long-term storage; they had been reduced to small parcels and in some cases the soft tissues had been deliberately removed. These were the bodies of those who had died far from the cemetery during the summer months and required storage before the autumn journey down to the valley.

Herodotus gives the impression that the Scythians were a blood thirsty society who spent much of the time marauding in bands across the steppe lands. Among the Amyrlyg population there were clearly those who had suffered a violent death, particularly from the lethal blow of a battle axe (Fig. 2). While most of those who had died violently were adult males, some females and teenagers also displayed weapon injuries and presumably would also have been involved

Fig. 2. Battle-axe injuries in the skull of a 35–50-year-old man from Aymyrlyg (burial 8, skull 1). No evidence for healing was visible and it is probable the man died as a result of these blows (photo: Eileen Murphy)

Рис. 2. Раны от ударов боевого топора на черепе 35–50-летнего мужчины из Аймырлыга (погребение 8, череп 1). Видимых следов заживления нет — скорее всего, мужчина умер в результате этих ударов (фото: Э. Мерфи)

in warfaring practices. The involvement of women should be no surprise since Herodotus described in detail the Amazons; a tribe of female warriors. While the evidence for violent death is compelling only a small proportion of the Scythian people buried at Aymyrlyg had died in this manner; around 3 % of the adults.

Evidence of care and community support was also evident within the graves at Aymyrlyg that does not quite fit with the stereotypical image we have of Scythians and enables a more rounded understanding to be gained of these people. Some individuals displayed serious physical impairments that would have made it very difficult for them to have carried out daily tasks necessary for survival. One young woman, for example, displayed severe scoliosis or lateral curvature of the spine. Others must have invested life support measures in her, probably from when she was a relatively young age. Her bones were very light and delicate, suggesting she was largely immobile.

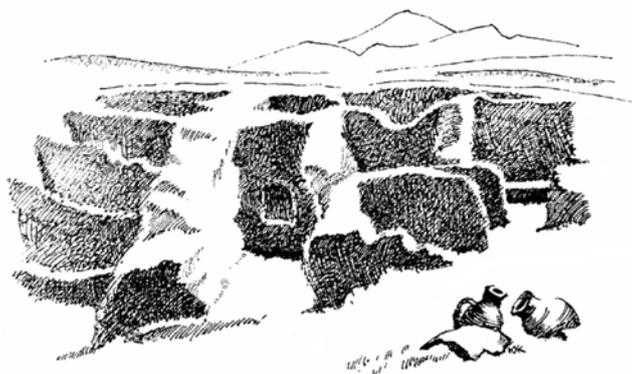
The important excavations of Anatolii M. Mandelshtam at Aymyrlyg have enabled the stories of these people to be told some 2500 years since they roamed the steppe.

References

- Мандельштам 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // СПАЧ. 1992. С. 178–196.
- Стамбульник 1983 — *Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве: некоторые итоги работ // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 34–41.
- Murphy, Chistov 2020 — *Murphy E., Chistov Yu.* Life and death in the Scythian world of southern Siberia: a social bioarchaeological study of the mobile pastoralists from Aymyrlyg // Pankova S., Simpson St J. (ed.). *Masters of the Steppe: The Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia. Proceedings of a Conference held at the British Museum, 27–29 October 2017.* London, 2020. P. 355–366.

РАЗДЕЛ IV

Центральная Азия и соседние регионы Евразии в Средние века

PART IV

Central Asia and neighbouring regions of Eurasia in the Middle Ages

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ МЕДНЫХ ПУЛОВ ЧЕКАНКИ СОЛХАТА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)¹

*А. В. Антипенко², *Д. Э. Сейдалиева³, **Э. И. Сейдалиев⁴

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

**Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Я. Якубова, Симферополь, Россия

ELEMENTAL COMPOSITION OF COPPER PÜLS MINTED IN SOLKHAT (PRELIMINARY RESULTS)

*Anna V. Antipenko, *Djemile E. Seidalieva, **Emil' I. Seidaliev

*Vladimir I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

**Fevzi Ya. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-249-253

Ключевые слова: Крым, Золотая Орда, Солхат, монеты, элементный состав.

Keywords: Crimea, Golden Horde, Solkhat, coins, elemental composition.

Разнообразные аспекты монетного дела различных регионов Золотой Орды на современном этапе развития отечественной исторической науки являются предметом тщательных изысканий как отдельных исследователей, так и научных коллективов. Благодаря обнаруженным в результате археологических работ монетам икладам, появляется возможность проследить торгово-экономические связи изучаемых территорий, определить ареал распространения политического влияния, составить хронологию правления тех или иных политических лидеров, уровень социально-экономического развития государств и т. д. При этом, как правило, данные о параметрах чеканившихся монет в письменных источниках либо отсутствуют, либо нуждаются в объективной проверке путем натуральных исследований. Преимущественно исследователи вынуждены обращаться к наиболее доступному арсеналу методов, в числе которых анализ штемпельных связей, метрологический анализ размерных и весовых характеристик. Элементный состав металла исследуемых монет зачастую ограничивается определением пробы изделий из драгоценных металлов. Данные о качественном составе металла мелких разменных монет, изготовленных из медных сплавов, к сожалению, традиционно остаются невостребованными. Данный пробел

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке внутривузовского гранта Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского для молодых ученых и обучающихся «Исследование монет Золотой Орды из собрания крымских музеев методом рентгенофлуоресцентного анализа».

² ORCID: 0000-0002-8699-3132; e-mail: an.antipenko@yandex.ru.

³ ORCID: 0000-0001-9860-4432; e-mail: Djemka65@gmail.com.

⁴ ORCID: 0000-0002-2822-3930; e-mail: codexcummanicus@gmail.com.

Рис. 1. Монеты из раскопок городища Солхата в 2019 г.: 1–4, 11, 16, 17, 21–23 — раскоп 47, дюрбе (1 — анонимный пул, правление хана Менгу-Тимура; 2, 3 — анонимный пул, правление хана Тохты; 4 — пул, правление хана Узбека; 11 — анонимный пул, правление хана Джанибека; 16, 17 — анонимный пул, правление хана Тохтамыш; 21–23 — анонимный пул); 5 — шурф 6, анонимный анепиграфический пул, правление хана Узбека; 6–10, 12–15, 18, 19 — шурф 5 (6, 7, 9, 10 — пул, правление хана Узбека; 8 — анонимный пул, правление хана Узбека; 12–15 — анонимный пул, правление хана Джанибека; 18, 19 — анонимный пул, правление хана Тохтамыш); 20 — шурф 4, анонимный пул, правление хана Тохтамыш

Fig. 1. Coins from the excavations at the site of Solkhat in 2019: 1–4, 11, 16, 17, 21–23 — excavation area 47, mausoleum (1 — anonymous pül, reign of Khan Mengu-Timur; 2, 3 — anonymous pül, reign of Khan Tokhta; 4 — pül, reign of Khan Uzbek; 11 — anonymous pül, reign of Khan Janibek; 16, 17 — anonymous pül, reign of Khan Tokhtamysh; 21–23 — anonymous pül); 5 — Pit 6, anonymous unepigraph pül, reign of Khan Uzbek; 6–10, 12–15, 18, 19 — Pit 5 (6, 7, 9, 10 — pül, reign of Khan Uzbek; 8 — anonymous pül, reign of Khan Uzbek; 12–15 — anonymous pül, reign of Khan Janibek; 18, 19 — anonymous pül, reign of Khan Tokhtamysh); 20 — pit 4, anonymous pül, reign of Khan Tokhtamysh

можно заполнить лишь благодаря системному изучению качественного и количественного состава монетных сплавов.

Впервые на основе крымского материала периода Золотой Орды было проведено исследование элементного состава монетного сплава неразрушающим методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии. Измерения проводились с помощью рентгеновского спектрометра M1 Mistral (Bruker). Определение элементного состава осуществлялось

в нескольких точках на лицевой и оборотной поверхности монеты. В таблицу вносились осредненные данные для каждой изучаемой монеты. Данные содержания в сплаве основных элементов (Cu, Sn, Pb, Ag, Ni, Zn, Fe, As, Sb) вносились в общую базу данных.

Крымский полуостров входил в правое крыло Золотой Орды. Его политическим, военным, экономическим и культурным центром стал город Солхат-Крым, основанный ордынцами во второй половине XIII в. (ныне на месте городища расположен город Старый Крым, Кировский район) (Крамаровский 2003: 506). В Солхате как административном центре джучидского Крыма осуществлялась чеканка монет. Первые крымские серебряные и медные монеты выпускались с именем правителей Улуса Джучи и указанием монетного двора «Крым» (Федоров-Давыдов 2003: 11–13).

В работе представлен материал из раскопок совместной Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, Крымского инженерно-педагогического университета и Института археологии Крыма РАН в 2019 г.¹ Изучаемые монеты происходят из комплексов *дюрбе* (мавзолея), расположенного в юго-восточном секторе городища, шурфа 4, который был заложен на территории мечети Куршун-Джами («Свинцовая мечеть»), шурфов 5 и 6 на территории архитектурного комплекса медресе-мечети хана Узбека.

В исследуемом материале присутствуют мелкие медные номиналы монет, начиная от пулов хана Менгу-Тимура (1266–1282) до хана Тохтамышша (1380–1395). Наибольшим количеством экземпляров представлена чеканка первой половины — середины XIV в. — пулы хана Узбека (1313–1341) и хана Джанибека (1342–1357).

Исходя из представленных результатов (табл. 1), следует, что чеканка мелких номиналов на монетном дворе Солхата осуществлялась из чистой меди. В отдельных случаях отмечается наличие свинца, свыше порога легирования (1 %), однако, в очень незначительном количестве (в пределах 2 %). Только один анонимный пул (табл. 1, 29–30) с изображением стилизованного двуглавого орла времени правления хана Джанибека имеет содержание свинца в концентрации 3,75 %. Необходимо отметить, что свинец встречается в составе всех без исключения исследуемых экземпляров, и в силу этого можно предположить рудный характер этого компонента. В составе материала ордынских монет также присутствует микропримеси серебра (Ag до 0,39 %), сурьмы (Sb до 1,16 %), железа (Fe до 1,69 %) и значительно реже — олова (Sn до 0,14 %) и цинка (Zn до 0,08 %). В составе анонимного анэпиграфного пула времени правления Узбека зафиксировано присутствие мышьяка (As до 1,27 %).

Анализируя полученные данные, можно предположить, что монетный двор Солхата для чеканки использовал рафинированную медь, на что указывают очень низкие концентрации примесей и микропримесей в составе изделий. Элементный состав изученного нумизматического материала демонстрирует, что при создании заготовок для монет в плавку не шел лом и вторичное сырье. Этот факт, вероятно, свидетельствует о существовании административного контроля за качеством материала на монетном дворе, который исключал возможность порчи металла и использование некачественного сырья.

Литература

- Крамаровский 2003 — Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 506–532.
Федоров-Давыдов 2003 — Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

¹ Авторы выражают признательность руководителю экспедиции д. и. н. М. Г. Крамаровскому за консультации, а также независимому исследователю А. Козлову за выполненные определения монет.

Elemental composition of the púls minted in Solkhat from the excavations of the Staryi Krym State Hermitage archaeological expedition in 2019

№ п/п	№ КО	Определение	Размеры, мм	Элементный состав									
				Cu	Ni	Zn	Fe	Ag	As	Pb	Sb		
1	10	Анонимный пул. Правление Менгу-Тимура	15 × 16,5	Л	98,82	0	0,05	0,1	0,26	0	0,69	0,08	
2	10			О	97,86	0	0,08	0,04	0,3	0	1,48	0,09	
3	89	Анонимный пул. Правление хана Тохты	15 × 16	Л	98,61	0	0	0	0,2	0	1,11	0,07	
4	89			О	98,08	0	0,08	1,69	0,14	0	0	0	
5	97	Анонимный пул (690 г. х.). Правление хана Тохты	D = 16	Л	98,15	0	0	0	0,33	0	1,46	0,06	
6	97			О	98,66	0	0	0	0,32	0	0,99	0,04	
7	52	Пул. Правление хана Узбека.	17,5 × 18	Л	99,2	0	0	0	0,11	0	0,59	0,1	
8	52			О	99,12	0	0	0	0,09	0	0,68	0,11	
9	2	Анонимный анэпиграфный пул. Правление хана Узбека	15,5 × 14	Л	98,05	0	0	0,18	0,19	0,63	0,89	0,06	
10	2			О	97,3	0	0	0,15	0,24	1,27	0,96	0,08	
11	32	Именной пул хана Узбека (725 г. х.).	20 × 18,5	Л	97,81	0	0	0	0,09	0	1,84	0,26	
12	32			О	97,94	0	0	0	0,08	0	1,74	0,24	
13	37	Именной пул хана Узбека (725 г. х.)	18 × 18,5	Л	98,57	0	0	0	0,11	0	1,07	0,25	
14	37			О	98,42	0	0	0	0,12	0	1,16	0,3	
15	46	Анонимный пул. Правление хана Узбека	16 × 14,5	Л	98,33	0	0	0	0,08	0	1,46	0,14	
16	46			О	97,58	0	0	0	0,07	0	2,15	0,2	
17	48	Именной пул хана Узбека (725 г. х.)	17,5 × 17	Л	98,27	0	0	0	0,12	0	1,38	0,2	
18	48			О	98,25	0	0	0	0,11	0	1,41	0,24	
19	53	Именной пул хана Узбека (725 г. х.)	17,1 × 16,5	Л	98,2	0,1	0	0	0,11	0	0,47	1,12	
20	53			О	98,05	0,09	0	0	0,11	0	0,59	1,16	
21	74	Анонимный пул. Правление хана Джанибека (743 г. х.)	13 × 16,2	Л	97,18	0	0	0	0,19	0,26	1,93	0,44	

№ п/п	№ КО	Определение	Размеры, мм	Элементный состав									
				Cu	Ni	Zn	Fe	Ag	As	Pb	Sb		
22	74			О	97,54	0	0	0	0	0,19	0	1,88	0,39
23	51	Анонимный пул. Правление хана Джанибека (743 г. х.)	D = 17	Л	98,3	0	0	0	0	0,19	0	0,98	0,53
24	51			О	98,12	0	0	0	0	0,19	0	1,22	0,47
25	52	Анонимный пул. Правление хана Джанибека (743 г. х.)	16 × 17	Л	98,67	0	0	0	0	0,15	0	0,9	0,29
26	52			О	99,26	0	0	0	0	0,11	0	0,45	0,19
27	55	Анонимный пул. Правление хана Джанибека (743 г. х.)	16,5 × 16	Л	99,28	0	0	0	0	0,1	0	0,55	0,08
28	55			О	99,35	0	0,07	0	0	0,12	0	0,36	0,1
29	66	Анонимный пул. Правление хана Джанибека (743 г. х.)	16 × 16,2	Л	95,93	0	0	0	0	0,09	0	3,75	0,23
30	66			О	100	0	0	0	0	0	0	0	0
31	9	Анонимный пул. Правление хана Тохтамыш	18,5 × 17	Л	98,88	0	0	0	0	0,21	0	0,63	0,25
32	9			О	98,77	0	0	0	0	0,22	0	0,7	0,27
33	84	Анонимный пул. Правление хана Тохтамыш	18,5 × 17,5	Л	98,73	0	0	0	0	0,24	0	0,84	0,2
34	84			О	99,47	0	0	0	0,04	0,21	0	0,17	0,12
27	27	Анонимный пул. Правление хана Тохтамыш	17,1 × 17,8	Л	99,09	0	0,06	0,04	0,17	0	0	0,41	0,18
35	27			О	99,21	0	0	0	0	0,16	0	0,41	0,19
36	30	Анонимный пул. Правление хана Тохтамыш (782 г. х.)	17 × 15,5	Л	99,8	0	0	0	0,11	0,05	0	0,1	0
37	30			О	99,83	0	0	0	0	0,07	0	0,1	0
38	57	Анонимный пул. Правление хана Тохтамыш (782 г. х.)	15,2 × 16,8	Л	99,32	0,05	0	0	0	0	0	0,63	0
39	57			О	99,49	0	0	0	0	0	0	0,51	0
40	77	Анонимный пул конца XIII в.	19 × 21,5	Л	99,32	0	0	0	0	0,39	0	0,29	0
41	77			О	99,21	0	0	0	0	0,39	0	0,37	0,04
42	86	Анонимный пул конца XIII в.	18 × 18,5	Л	98,76	0	0	0	0	0,24	0	1	0
43	86			О	99,3	0	0	0	0	0,28	0	0,42	0
44	34	Анонимный анаэпиграфный пул	13,8 × 17	Л	98,56	0	0	0	0	0,16	0	0,62	0,56
45	34			О	98,67	0	0	0	0	0,16	0	0,56	0,54

ИРРИГАЦИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XV В.

Т. К. Арзыбаев¹

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан

THE IRRIGATION OF CENTRAL ASIA IN THE 15TH CENTURY

Tynystan K. Arzybaev

Begimaly Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-254-255

Ключевые слова: *Тимуриды, сельское хозяйство, ирригация, арык, Мавераннахр, Мерв, Хорезм, Фергана.*

Keywords: *Timurids, agriculture, irrigation, aryk, Mawarannahr, Merv, Khwarazm, Fergana.*

Общеизвестна роль искусственного орошения для развития земледелия в Средней Азии, где основу феодальных производственных отношений составляла собственность феодалов на главные средства сельскохозяйственного производства — землю и воду. История орошения Средней Азии уже освещалась в ряде работ, среди которых особо следует отметить «К истории орошения Туркестана» В. В. Бартольда и «Историю орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней» Я. Г. Гулямова.

Для времени Тимуридов общий запас сведений, к сожалению, весьма ограничен, и дать полную картину состояния ирригации не представляется возможным — даже для наиболее крупных областей Средней Азии. Тем не менее, и эти разрозненные данные свидетельствуют, что при Тимуре и его преемниках массово воздвигались новые оросительные сооружения или восстанавливались прежде существовавшие, разрушенные при монголах ирригационные системы. Водоснабжение охватывало крупные города (Баласагун, Узген, Самарканд) и должно было пользоваться особым вниманием тимуридских правителей. Для орошения земель Средней Азии, в особенности Самарканда, при Тимуридах, как и теперь, главное значение имела р. Зеравшан. У Варагсера (голова плотины) брали начало три главных арыка: Даргам, Аббас и Караунас, которыми орошалась местность к югу от Самарканда. Самым крупным из этих арыков был Даргам. «Длина всего пространства от Варагсера до крайних пределов Даргама составляла 10 фарсахов» (Бартольд 1914: 105–106).

Самарканд получал воду из Даргама (Бартольд 1914: 108). Северные и восточные предместья города орошались ключевыми арыками, главным из которых был Сиаб, у Бабура названный Оби-Ракмат (Бартольд 1914: 107). Арыки Аббас и Караунас протекали несколько южнее арыка Даргам и оба оканчивались у построенного Тимуром селения Миср. Впоследствии первый из них получил название Янги-арык или по-персидски Джу-и Нау, второй — Казан-арык (Бартольд 1914: 105). До нашего времени в Ферганской долине сохранились Шыдыр-арык и Джаны-арык, существовавшие еще до эпохи Тимуридов.

Одним из значительных в средневековье считался также Иски-Ангарский канал. На основании археологических наблюдений С. К. Кабанов разделяет трассу Иски-Ангарского канала на три части: 1) участок Зеравшанской долины или верхний участок, длина которого от головного сооружения до Кескен-Джара составляет 45 км; 2) горный или средний участок, длина которого от Кескен-Джара до Кара-Тепе — около 75 км; 3) участок долины Кашка-Дарьи длиной около 60 км (Кабанов 1959: 173). Придаргамская степь орошалась еще

¹ ORCID: 0000-0001-8416-8799; e-mail: arsybaevt@mail.ru.

в древности. Горный участок канала, начиная от Кескен-Джара, был прорыт при Тимуре. Низовой участок канала от Кара-Тепе до р. Кашка-Дарья еще не изучен (Кабанов 1959: 173–174). Водой Зеравшана орошалась и Бухара, хотя, по словам Бабура, «летом по три-четыре месяца воды для Бухары даже не хватает».

Большие работы по восстановлению ирригационной системы были проведены при Шахрухе. В 1409 г. началось восстановление плотины (Султан-бенд) и очистка занесенных каналов. По описанию Хафизии Абури, «ширина главного канала плотины достигала 20 аршин, потом уменьшалась до 15; глубина в том месте, где на пути встречались холмы (которые приходилось уничтожать), доходила до 30 аршин, на ровном месте нигде не была меньше пяти. Все пространство от плотины до ворот домонгольского Мерва равнялось 12 фарсахам» (Бартольд 1914: 50). Некоторые меры по орошению и заселению пустыющих земель Мерва были проведены и Султаном Хусейном. По словам Исфизари, «Султан Хусейн мирза отличался необыкновенной заботливостью в отношении народа, пониманием его нужд, которые он всячески старался облегчить. Поэтому в его время подданные с необыкновенным рвением занимались земледелием, так что на местах солончаковых и каменистых не осталось точки, которая не была бы превращена в поля и сады; сколько бы в пустынях ни было мертвых, бесплодных земель, все были вызваны к жизни проведением каналов и водопроводов. Между прочим, от Мургаба до Мерв-Шахиджана было около тридцати фарсахов бесплодной пустыни и от Сарахса до Мерва около двадцати пяти фарсахов; эти полосы были засеяны и заселены, так что слились в одну» (Азимджанова 1957: 123).

В то же время в Хорезме, по определению Я. Г. Гулямова, во время владычества Тимуридов не было проведено «ни одного мероприятия по расширению оросительной сети хотя бы в пределах домонгольского оазиса» (Гулямов 1957: 176).

В сборнике «Тарассул» Абд Аллаха Марвариди имеется копия указа об орошении пустыющих земель в окрестностях Мерва. Указ обращен к везирам, эмирам, сидрам, знатным людям, а также ко всему населению страны. В нем говорится, что лица, желающие орошать и заселять пустыющие земли, освобождаются от взимания налогов мал, хараджат и прочих ливанских повинностей, а также от взимания ихраджати сана (букв. «годовой ихраджат»).

В рассматриваемом указе, как и во многих других в названном сборнике, имени правителя, издавшего его, не содержится. Однако исходя из того, что в основном в этот сборник включены документы времени правления Султана Хусейна, а сведения нашего документа находят себе подтверждение в упомянутом выше сообщении Исфизари, можно предположить, что этот указ был издан Султаном Хусейном (Мухаммад Хайдар Дулати 1996: 60). Важность этого указа в том, что мы из него узнаем, что пустыющие земли в окрестностях Мерва, о которых сообщает Исфизари (или только часть их), орошались и заселялись силами и средствами частных лиц. Может быть, некоторые оросительные сооружения в этом районе были построены и самим Султаном Хусейном, потому что сообщение Исфизари относится к довольно большим территориям, а в нашем документе упоминается только часть этих земель. Были ли эти орошаемые земли навсегда освобождены от податей и повинностей на правах обеленных земель, сказать трудно, но вообще это маловероятно.

Литература

- Азимджанова 1957 — Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957.
- Бартольд 1914 — Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.
- Гулямов 1957 — Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
- Кабанов 1959 — Кабанов С. К. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала // ИМКУ. 1959. Вып. 1. С. 154–175.
- Мухаммад Хайдар Дулати 1996 — Мухаммад Хайдар Дулати. Тарихи-и-Рашиди. Ташкент, 1996.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОАЗИСОВ
И УРБАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ БАССЕЙНА СРЕДНЕЙ АМУДАРЫИ
С КОЧЕВЫМИ КУЛЬТУРАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕВРАЗИИ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (В ПРЕДЕЛАХ ЛЕБАПСКОГО
ВЕЛАЯТА ВОСТОЧНОГО ТУРКМЕНИСТАНА)**

А. А. Бурханов¹

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

**INTERACTION OF THE SEDENTARY-AGRICULTURAL OASES
AND URBANISTIC CENTERS OF THE MIDDLE AMU DARYA BASIN
WITH THE NOMADIC CULTURES OF CENTRAL ASIA AND EURASIA
IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES (WITHIN THE LEBAP
VELAYAT OF EASTERN TURKMENISTAN)**

Al'bert A. Burkhanov

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-256-259

Ключевые слова: *Средняя Амударья, оазисы, кочевники, городища, крепости, замки, керамика, коропластика, монеты.*

Keywords: *Middle Amu Darya, oases, nomads, ancient settlements, fortresses, castles, pottery, coroplastics, coins.*

К Средней Амударье относится основная часть Лебапского вейлята Туркменистана, т. е. историко-культурные области Земма, Амуля и Южного Хорезма с прилегающими землями по течению Амударьи и историческим центром в Амуде-Чарджуе.

Археологические данные позволяют выделить на территории региона четыре крупных историко-культурных оазиса: Керкинско-Мирзабекский (южный), Карабекаульский и Чарджоуский (центральные), а также примыкающие с севера земли Дарганского оазиса (Южного Хорезма). Эти оазисы разделены пустынными зонами. В сочинениях авторов IX–X вв. побережье Средней Амударьи делилось на две историко-культурные области: Земм, соответствующий южной, керкинско-мирзабекской группе памятников, и Амудь, включавший Чарджоуский и Карабекаульский оазисы.

Историко-археологические исследования последних десятилетий XX — начала XXI в. (В. Н. Пилипко, Г. Г. Гутлыев, А. А. Бурханов) дали представление о характере заселения и основных чертах культуры оазисов Лебапского региона в древности и средневековье. Археологические материалы позволили говорить о том, что побережье Амударьи интенсивно обживалось с древнейших времен до позднего средневековья. В настоящее время в Лебапском вейляте Туркменистана в среднем течении Амударьи сохранилось более 180 крупнейших городищ и крепостей.

Наиболее интенсивное обживание этих земель приходится на кушанский период, что подтверждается археологическими и нумизматическими находками. Долина Амударьи в это время осваивается земледельческим населением: строятся крепости и сельские поселения, расширяются земледельческие площади, сооружаются оросительные системы, развиваются торговля и культура. Большинство поселений располагалось на левом берегу, где проходила трасса торгово-караванных путей. Близлежащие пастбища тогда же заселяются кочевниками-скотоводами.

¹ ORCID: 0000-0002-9405-5621; e-mail: albert_burhan@list.ru.

В конце V — VI в. регион, ранее входивший в состав Сасанидской империи, включен в состав государства эфталитов, а в дальнейшем на базе устоявшихся историко-культурных оазисов образуются самостоятельные владения (Ставиский, Вайнберг 1972: 185–190).

В IV–VII вв. регион чувствует в культурном отношении влияние Согда и кочевого мира, что ярко выражено в материалах Чарджоуского оазиса (Бурханов 1991: 44–46; 2005: 88–89). В связи с межэтническими конфликтами усиливаются оборонительные функции крепостей, укрепляются храмы и цитадели средних поселений, превращаясь в мощные замки, способные противостоять осадам и атакам врага (Арапхана, Ак-кала). Крупные городские поселения переживают упадок, и замок становится характерным явлением в жизни населенных пунктов области Амуля, Согда и Бактрии (Аннаев 1986: 9–11; 1988: 12–13; Семенов 1990: 58–61).

Керамический комплекс IV–V вв. с поселений Средней Амударьи демонстрирует влияние регионов средней и нижней Сырдарьи и Бухарского Согда (Мухамеджанов и др., 1983). Керамика рассматриваемого региона VII–XIII вв. показывает связь областей Амуля и Земма с Южным Согдом, Ферганой и Тохаристаном (Кабанов 1981: 32).

Активное влияние кочевого (тюркского) мира в раннем средневековье видно по материалам коропластики. В Битык-кале и Бешир-кале встречены терракотовые фигурки-бюсты воина тюркского типа (Бурханов 2005: 36, 125). Важны терракотовые фигурки т. н. всадников-идольчиков (всадников-уродцев). Образ всадника-уродца был широко распространен в искусстве раннесредневековой Средней Азии. Среди находок из поселений Средней Амударьи имеются терракотовые фигурки лошадок: в Средней Азии с ее полиэтничным оседлым и кочевым населением конь был особо почитаем, а коневодство издревле являлось составной частью хозяйственной жизни, в частности, проводилась селекция пород боевых коней.

Среди предметов вооружения Средней Амударьи отмечены наконечники копий и трехлопастные стрелы. Появление таких стрел в Согде связывается с вторжением тюрков и арабов, но имеются данные о местном варианте этой формы (Беленицкий и др. 1973: 76–78; Пугаченкова 1989: 143–145). Найденные в Арапхане железные трехлопастные наконечники на основе сопровождающего материала (монеты и керамика) датированы V–VII вв. Укрупнение наконечников стрел обусловлено совершенствованием защитного вооружения (пластинчатый панцирь, кольчужная рубаха, шлем с кольчужной бармицей, защищавшей лицо).

Основные направления контактов и связей областей Средней Амударьи прослеживаются и в средневековье. Контакты с другими регионами Центральной Азии, в частности, с Мервом и Согдом, усиливаются в связи с арабским завоеванием и включением в единый историко-культурный регион — Хорасан. В IX в. Мерв, области Амуля и Хорезм входят в удел Тахиридов.

Частые находки саманидских монет в поселениях средней Амударьи (Навидах, Гебёклы, Линг-Лингдепе, Кекрели, Шамбе-Базар) подтверждают вхождение оазисов региона в государство Саманидов и усиление контактов с Бухарой (Бурханов 2002: 35–42; Пилипко 1980: 70–97).

В IX–X вв. на Средней Амударье пересекаются торговые магистрали из Хорезма в Мавераннахр и Тохаристан. Развитие караванной торговли на трассе «Великого шелкового пути» способствует заметному росту Амуля и целого ряда населенных пунктов. Данные Макдиси и других авторов, а также историко-археологические материалы, говорят о высокой культуре населенных пунктов региона.

В XI в. регион входит в состав государства Великих Сельджуков, а Амуль становится важным и сильным укреплением. В XII — начале XIII в. область Амуля продолжает в этнокультурном отношении тяготеть к Бухарскому оазису, но административно она входит в состав государства Хорезмшахов. Это подтверждается археологическими находками хорезмийской керамики и монетами Алла ад-Дина Мухаммеда II (1200–1220 гг.). Материалы наших раскопок (находки железных ассиметрично-ромбических наконечников черешкового типа) в Кыз-кале и терракотовых фигурок в Амуде, Халачжи-кале позволяют допустить,

что в хорезмийских гарнизонах Средней Амударьи могли служить воины-кыпчаки из Приаралья, которые играли важную роль в укреплении обороноспособности и мощи Хорезма (Бурханов 1998: 44–46). Они же могли в составе войска хорезмшаха Мухаммеда участвовать в походах в Мавераннахр.

После монгольского вторжения оазисы Средней Амударьи временно замирают. Раскопки показывают, что в Карабекаульском оазисе из 31 известного памятника единственным, где выявлены материалы XIII–XIV вв., является Линг-Линг-депе (Бурханов 1994: 59–60; 2002: 486). Правившие в значительной части Средней Азии Чагатаиды по достоинству оценили стратегическую важность города-переправы Амуля на скрещении дорог и уже во второй половине XIII в. его восстановили.

В XV в. Амуль, как и многие амударьинские поселения, входит в состав государства Тимуридов и играет важную военно-стратегическую роль. Раскопки 1990–1993 гг. на городище Амуль-Чарджуй свидетельствуют о высокой материальной культуре города в этот период (поливная керамика, остатки построек, монеты, изделия из металла, стекла, камня).

В конце XV — начале XVI в. Амуль-Чарджуй сохраняет значение важнейшей переправы через Амударью на трассе Мерв–Бухара. Здесь действовала важная лодочная переправа. Функционировали переправы у Керки и Навидаха (Кешк Зухра-Тахир). После 1504 г., после походов Шейбани-хана, Чарджуй входит в состав узбекского государства, а позже — во владения бухарских эмиров.

Начиная с 1740-х гг. население региона было втянуто в войну против правителя Ирана Надир-шаха, который решил завоевать Бухару и Хиву. В ходе боев против персов местные жители укрепляют свои крепости, особенно южнее Чарджуя, в Карабекаульском оазисе. В частности, туркмены-эрсари, прибывшие из Мангышлака, начинают оседать в средне-амударьинском регионе еще в XVI в. Для них характерно рассредоточенное расселение и строительство крупных крепостей, для сооружения которых использовались остатки кушанских и средневековых городищ (Бурханов 2005: 50–54; Пилипко 1982: 83–84). Эрсаринские крепости были воздвигнуты на месте городищ Чишлен-кала, Кутнам-кала, Ходжа-Идат-кала, Султан-нияз-бий-каласы, Халачжи-кала и других. Эрсаринские крепости строились на базе кушанских поселений, повторяя конфигурацию оборонительных сооружений того времени, новые стены возводились из комьев и сырцового кирпича.

Приход туркменских племен на Амударью в XVI — начале XVII в. был связан с поворотом этой реки и опустошением территорий на Мангышлаке и на берегах Узбоя. Их переселение продолжалось до XIX в. Существенное влияние туркменских племен Мангышлака и Сарыкамышы связано с набегами ногайцев в XVI в., калмыков в XVII в. и казахов в XVII–XIX вв., а также с политическими событиями XVI в. — образованием в Средней Азии государств Хивы и Бухары.

Литература

- Аннаев 1986 — Аннаев Т. Д. Культура раннесредневекового Тохаристана в свете исследований памятников Сурхандарьи // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н. э. — VIII в. н. э. ТД советско-французского коллоквиума (Самарканд, август 1986 г.). Ташкент, 1986. С. 9–10.
- Аннаев 1988 — Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
- Беленицкий и др. 1973 — Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город в Средней Азии. М., 1973.
- Бурханов 1994 — Бурханов А. А. Древний Лебап. Памятники Гарабекевнелского оазиса. Черджев, 1994.
- Бурханов 1998 — Бурханов А. А. Изображения животных в коропластике и на керамической посуде Средней Амударьи // Известия АН Туркменистана. Гуманитарные науки. 1998. № 5. С. 44–46.

- Бурханов 2002 — Бурханов А. А. Этнокультурная ситуация в Среднеамударьинском регионе в эпоху средневековья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 35–42.
- Бурханов 2005 — Бурханов А. А. Древний Лебап. Ч. 2. Культура поселений области Амуля. Казань, 2005.
- Кабанов 1981 — Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент, 1981.
- Мухаметжанов и др. 1983 — Мухаметжанов А. Р., Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Культура древне-бухарского оазиса III–VI вв. н. э. Ташкент, 1983.
- Пилипко 1980 — Пилипко В. Н. Средневековые памятники северной части Чарджоуской области // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 70–97.
- Пилипко 1982 — Пилипко В. Н. Археологическая разведка в Карабекаульском оазисе // Новые археологические открытия. Ашхабад, 1982. С. 71–86.
- Пугаченкова 1989 — Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствovedческой экспедиции. Ташкент, 1989.
- Семенов 1990 — Семенов Г. Л. Город и замок в раннесредневековом Согде // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990. С. 58–61.
- Ставиский, Вайнберг 1972 — Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И. Сасаниды в правобережной Бактрии (Тохаристан) в IV–VI вв. // ВДИ. 1972. № 3. С. 185–190.

ВОСТОЧНОЕ ЗАКАМЬЕ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И ЕВРАЗИИ (К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

*А. А. Бурханов¹, **Л. Ш. Ахметова²

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

**Средняя школа, с. Зай-Каратай, Россия

EASTERN TRANS-KAMA REGION IN THE SYSTEM OF CULTURES AND CIVILIZATIONS OF THE VOLGA-URAL REGION AND EURASIA (ON THE INTERACTION OF THE NOMADIC AND SEDENTARY CULTURES OF EURASIA IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES)

*A'bert A. Burkhanov, **Leysa Sh. Akhmetova

*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

**Secondary school, Village of Zay-Karatay, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-259-262

Ключевые слова: Восточное Закамье, Восточный и Юго-Восточный Татарстан, археологическая культура, археологический памятник, могильник, поселение.

Keywords: Eastern Transkama region, Eastern and South-Eastern Tatarstan, archaeological culture, archaeological site, burial ground, settlement.

Следы древних культур в степных и лесостепных зонах Восточного Закамья в пределах Татарстана, а также примыкающих территорий Башкортостана, Оренбургской и Самарской

¹ ORCID: 0000-0002-9405-5621; e-mail: albert_burhan@list.ru.

² E-mail: zai-karataishcola@yandex.ru.

областях, указывают на важное место региона в системе евразийских культур и цивилизаций древности и средневековья. С древнейших времен на этих благоприятных землях заселялись этнические группы и племена с различным хозяйственным укладом, оседлой и кочевой формой деятельности, оставившие немало объектов историко-культурного наследия — стоянок, селищ, городищ, кладов, местонахождений, могильников, курганов...

В природно-географическом отношении Восточное Закамье представляет собой холмистое Бугульминское плато, изрезанное речными долинами рек Шешма, Зай, Ик, Белая и их притоков. В природно-зональном отношении регион занимает лесостепные земли, переходящие на юге в степь. С севера регион ограничен Камой, левый берег которой представляет собой припойменную неизменяемую дельта рек Ик и Белая. Разнообразие ландшафтов предопределило становление здесь особой контактной зоны этносов и культур.

С возникновением и развитием государственности в Волго-Камском регионе Восточное Закамье, находясь на окраинных землях сначала Волжской Болгарии, затем Улуса Джучи (Золотой Орды), а позже — Казанского ханства и Ногайской Орды, продолжало играть роль территории, связующей значение перечисленные государства с соседними племенами.

Восточное Закамье, с учетом природно-географических особенностей, исторически (с раннего железного века) развивалось как пограничная зона между оседлым населением, заселявшим долины левых притоков Камы, и кочевниками, занимающими пространства в зонах водоразделов этих рек. Земли между реками Шешма (на западе) и Белая (на востоке) были зоной активных контактов между этими группами населения в средневековье. Пограничность рассматриваемой территории (с наличием в ней нейтральных земель, межевых пустошей и приграничных зон безопасности) определяла слабую ее заселенность в определенные периоды, в частности, в X–XIII вв.

Из древнейших объектов в регионе известны памятники эпохи мезолита: Меллятамакский и Миннияровский могильники (X–VI тыс. до н. э.). Неолитические памятники (V–IV тыс. до н. э.) располагаются в бассейнах рек Ик, Зай и Белая (Меллятамакский могильник, Новокаразерикская стоянка). Первые данные о выплавке меди из местных медистых песчаников содержатся в материалах памятников Икско-Бельского междуречья (Татаро-Азевейское поселение). В районах Восточного Татарстана выявлены памятники эпохи бронзы, относящиеся к срубной и черкаскульской культурам. Так, в Азнакаевском районе Татарстана бронзовым веком датируются 34 объекта, Сармановском — 5, Ютазинском — 12, Альметьевском — 35.

Интерес представляют данные, полученные в ходе изучения срубных памятников, в частности, поселения у деревни Зай-Чишма и могильника у села Верхний Акташ в Альметьевском районе. Находки зернотерок, каменных пестов, бронзовых серпов, расположение самих поселений позволяют говорить о наличии примитивного земледелия и комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве. Срубники разводили крупный рогатый скот, коз, овец, лошадей; из металлических слитков отливали бронзовые изделия.

В Восточном Закамье период раннего железа представлен памятниками ананьинской и пьяноборской культур. Для этой эпохи характерны укрепленные городища, от которых сохранились валы и рвы. Ныне в регионе известны более 30 ананьинских селищ и городищ. В бассейнах рек Ик и Белая выявлено 78 селищ, 15 городищ, 8 могильников, относящиеся к пьяноборской культуре (III в. до н. э. — III в. н. э.). Пьяноборское население занималось скотоводством и мотыжным земледелием, а также охотой, рыболовством и собирательством.

Одновременно в раннем железном веке получает мощное развитие кочевое скотоводство. Основную часть Восточного Закамья осваивают савроматские племена, оставившие курганные могильники. В IV–III вв. до н. э. и до начала гуннской эпохи (III–IV вв. н. э.) восточные районы Татарстана (как и все евразийские степи) заселяются родственными

ми савроматам племенами сарматов, что отмечено курганными могильниками и отдельными находками (могильник у поселка Нижняя Мактама, находки в Бугульме и селе Чалпы).

Этнокультурную ситуацию, сложившуюся в степных просторах Евразии в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э., можно охарактеризовать как сосуществование и постепенное смешение ирано- и тюркоязычных кочевников, подтвержденное археологическими данными. Междуречье Шешмы и Белой являлось контактной зоной оседлого населения и кочевых племен. Великое переселение народов в II–VII вв. затронуло и восточные районы Татарстана, и сопредельные территории, куда приходили и где оседали разбитые кочевые племена. В VI в. в низовьях рек Шешма и Зай из районов Верхнего и Среднего Прикамья проникают группы предков приуральских угров (Е. П. Казаков).

Кардинальные изменения в составе населения Восточного Закамья произошли в тюркскую эпоху. Археологические исследования в бассейнах рек Шешма, Ик, Зай и левобережья Камы зафиксировали более 50 памятников именьковской (восточно-буртасской) культуры: городища, селища и местонахождения. В VII — начале VIII в. именьковские племена активно контактировали, а затем были частично ассимилированы и вытеснены из Восточного Закамья племенами т. н. кушнаренковской культуры. Последние появились в Приуралье в середине VI в. н. э., в ходе образования Первого Тюркского каганата, и к IX в. заняли просторы между Уралом и Волгой. В Восточном Закамье исследован ряд сезонных поселений и могильников, оставленных кушнаренковцами (Такталачукский, Меллятамакский, Иманлейский и др.).

В конце VII в. в Среднее Поволжье активно проникают раннеболгарские племена, объединившие вокруг себя тюркские, угорские и восточно-финские этнические группы. В Закамье появляются памятники нового типа, а на ряде именьковских селищ зафиксирована посуда салтовского типа, что показывает контакты закамских, приуральских и верхнекамских культур с салтовско-маяцкой (болгаро-хазарской). Восточное Закамье, судя по археологическим данным, становится восточной границей контактов южного степного населения — болгар и хазар, с местными жителями.

Первая четверть X в. — время создания Болгарского государства и становления мусульманской цивилизации в Волго-Уралье. Археологически это подтверждается мусульманским обрядом захоронения, развитием ремесла, городскими поселениями, обширными торговыми связями и т. д. Письменные и археологические данные показывают вхождение земель Закамья и Южного Урала в состав Волжской Болгарии. Бассейн реки Шешма становится пограничьем между Волжской Болгарией и степными территориями, в той или иной степени зависимыми от нее. Восточнее реки Шешма выявлены три болгарских городища и 20 селищ. Интерес представляют материалы комплекса Саклык в правобережье Шешмы (работы З. С. Рафиковой и А. А. Бурханова). Раскопки показали, что важной крепостью болгар было городище Тубылгытау в нижнем течении Шешмы (А. А. Бурханов).

Юго-восточнее располагались кочевья тюркских кочевников — печенегов, кыпчаков и кимаков, занимавших степи Заволжья, Южного Урала и Южной Сибири. Они использовали Бугульминское плато и Южный Урал в качестве летних пастбищ (жайлау), а зимовать (кышлау) перекочевывали со своими стадами в Приуралье, низовья Сырдарьи и Волги. Этот способ кочевания у кочевников заволжских и южноуральских степей сохранялся до XVIII в. О присутствии кочевых групп в бассейнах рек Ик и Белая свидетельствуют селища Миллятамак, Миннияр и др., а также целый ряд групповых могильников. Присутствие кыпчаков подтверждают также каменные изваяния (балбалы) на берегу рек Шешма и Ик у сел Нижнее Абдуллово и Старое Уруссу.

Через Приуралье и Среднее Поволжье проходил трансъевропейский магистральный Волго-Балтийский путь, который смыкался с торговым путем из Центральной и Средней Азии в Восточную Европу — северным ответвлением Великого Шелкового пути, отрезок

которого, проходящий через Шешминско-Черемшанский водораздел, описал Ахмед ибн-Фадлан. Этот путь из бассейна Амударьи на Волгу принято называть «серебряным путем». Свидетельством его функционирования является Репьевский клад из серебряных блюдов (Бугульминский район Татарстана) и клады серебряных дирхемов в Волго-Камье.

События, связанные с вхождением Волго-Камья в состав Улуса Джучи, археологически подтверждаются формированием золотоордынской археологической культуры и ее локальных вариантов. Увеличивается количество селищ со слоями болгаро-золотоордынского типа (круговая керамика, ювелирные изделия, оружие и т. д.) в левобережье Камы, вдоль рек Ик и Белая. Здесь обнаружены кладбища с мусульманскими надгробиями. Яркий пример — надгробные плиты в Старо-Урсаевском кладбище на правом берегу Ика, зафиксированные нами в 2010 г. Тамги и рисунки на камнях рядом с арабскими буквами — показатели соприкосновения двух традиций: древнетюркской и мусульманской, одну из которых принесли кыпчаки и ногайцы, а другую — исламизированные татары.

В это же время чересполосно с типично оседлыми золотоордынскими поселениями встречаются памятники т. н. чияликской культуры — селища со своеобразной лепной круглодонной посудой (поселения Чияликское, Меллятамакское, Старо-Урсаевское и др.) и грунтовые могильники (Такталачукский и Азметьевский), которые содержат погребения по мусульманскому обряду, но с некоторыми отклонениями от традиций. На юго-востоке Татарстана появляются курганы золотоордынского населения. Яркий пример — Байряко-Тамакский могильник с находками бронзовых зеркал, серебряной накладки и т. д. (Е. П. Казаков). Такие зеркала найдены у села Сарлы (А. А. Бурханов). Интерес представляют находки предметов золотоордынского времени у деревни Тайсуганово (З. С. Рафикова).

Письменные источники, прежде всего русские летописи и татарские генеалогии, позволяют утверждать, что в XV–XVI вв. Закамье входило в состав Казанского ханства в пределах Ногайской даруги, а юго-восточная и восточная часть региона находилась в сфере влияния Ногайской Орды.

Археологические памятники XV–XVI вв. исследованы пока слабо. Известные на сегодня памятники относятся к археологической культуре населения Казанского ханства и Ногайской Орды. Достаточно хорошо изучены кладбища с татаро-мусульманскими надгробиями и селища с круговой керамикой. По сравнению с золотоордынским временем, количество памятников уменьшилось, но ареал их распространения стал шире.

Среди выявленных находок в поселениях XVI–XVIII вв. — огромное количество гончарных сосудов с глазурью, железные орудия и предметы труда, изделия из меди и стекла, медные и серебряные монеты. О заселении края в этот период говорят и эпитафии XVI–XVIII вв. Остаются актуальным выявление могильников кочевого населения юго-восточных районов Татарстана, которое находилось под властью Ногайской Орды (М. И. Ахметзянов, Ф. С. Хакимзянов).

Во второй половине XVI — начале XVII в., после завоевания Казанского ханства и Южного Приуралья, изменилась политическая и этнокультурная ситуация в регионе, где утверждается власть Российского государства. Памятники этого периода в закамских землях представлены в разных районах современных Татарстана, Башкортостана и сопредельных областях Волго-Уралья. Селища располагаются по берегам рек Белая, Ик, Шешма и тянутся вплоть до их верховий.

Неизученность памятников XV–XVII вв. в археологическом отношении традиционно объяснялась наличием комплекса письменных источников, а также тем, что локальная (региональная) история регионов не считалась в историографии «исторической темой». Опыт наших исследований показывает, что только комплексное изучение историко-археологических и эпиграфических объектов, а также данных по истории населенных пунктов, может дать возможность для полного, детального и объективного изучения и реконструкции исторического прошлого регионов.

СЛЕДЫ НЕСТОРИАНСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПИСАНИЦЕ УЦЗЯЧУАНЬ В ПРОВИНЦИИ ГАНЬСУ (КИТАЙ)¹

* А. В. Варенов², ** М. А. Кудинова³

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

**Пекинский университет, Пекин, Китай

TRACES OF NESTORIAN INFLUENCE AT THE WUJIACHUAN PETROGLYPH SITE IN THE GANSU PROVINCE (CHINA)

* Andrei V. Varenov, ** Mariya A. Kudinova

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

**Peking University, Beijing, China

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-263-266

Ключевые слова: Северо-Западный Китай, провинция Ганьсу, наскальное искусство, петроглифы, памятник Уцзячуань, древние тюрки, несторианство.

Keywords: Northwestern China, Gansu province, rock art, petroglyphs, Wujiachuan site, ancient Turks, Nestorianism.

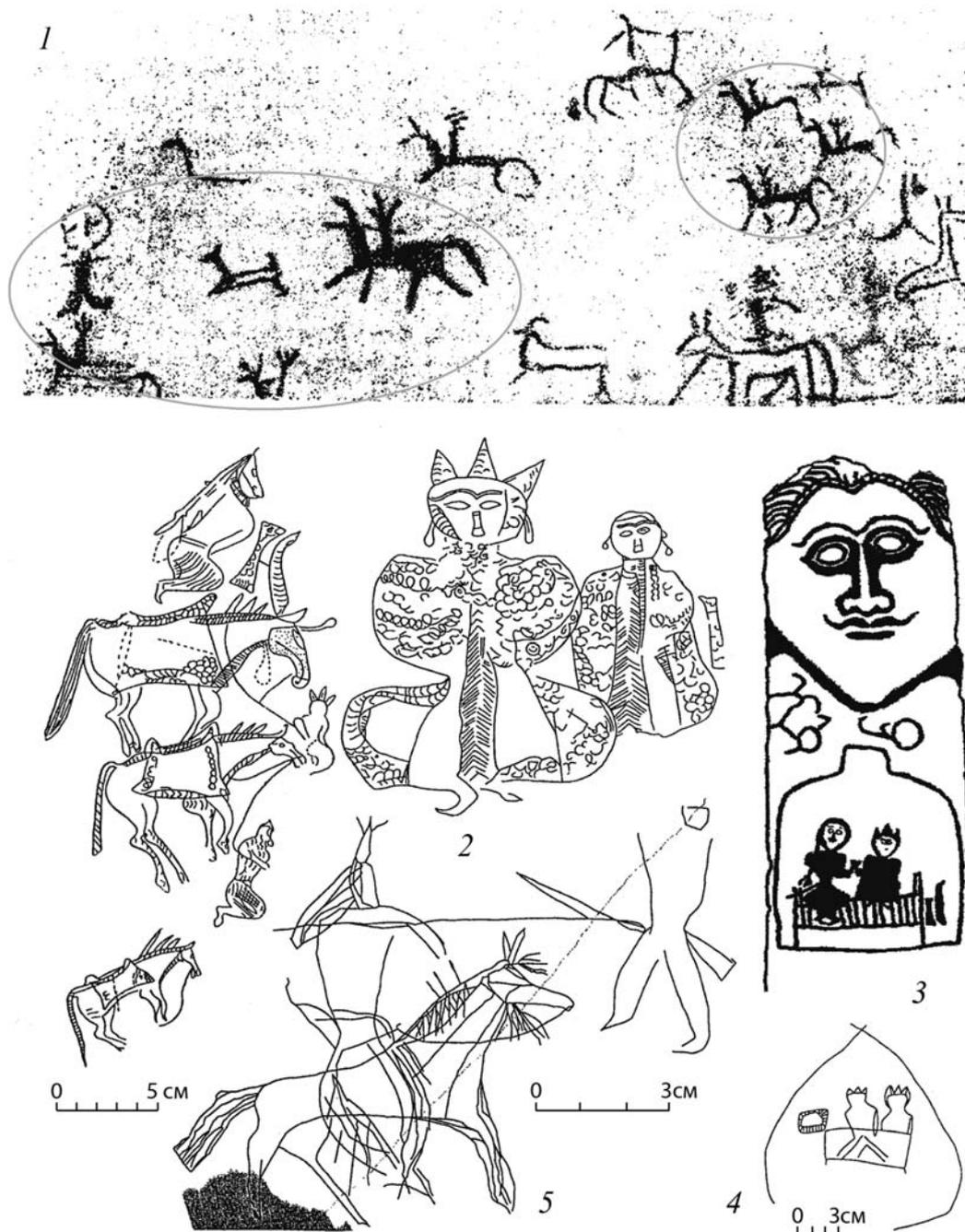
Памятник Уцзячуань в уезде Цзинъюань провинции Ганьсу (КНР) обнаружен в 1976 г. Изображения в технике выбивки нанесены на естественную поверхность невысокого останца красного песчаника, возвышающегося над лессовым холмом. Памятник невелик — только две плоскости с рисунками (Чжан Баоси 1983: 46–47). На восточной плоскости присутствуют изображения оленей, козлов и современные иероглифические надписи (Варенов, Кудинова 2019: 12, рис. 3, 1, 2). На западной плоскости, помимо оленей и козлов, выбиты восемь всадников, а также несколько антропоморфных фигур. Из них не менее шести всадников (выделены на нашем рис. 2 красными овалами) и один стоящий (или сидящий) человек показаны в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами (рис. 1, 1). Наиболее четко выбитый и выглядящий свежее остальных (возможно, за счет подновления рисунка) всадник, расположенный в центральной части плоскости, «скачет» в левую сторону (рис. 2, 1). Три других всадника выбиты правее него, в правом верхнем углу западной плоскости, и тоже «скачут» влево (рис. 2, 2). Пятый всадник в трехрогом головном уборе, также едущий влево, находится в левой части западной плоскости, ниже антропоморфного персонажа с большой круглой головой (рис. 2, 4). Шестой всадник в трехрогом головном уборе расположен правее пятого, в самом низу западной плоскости, ниже фигурки горного козла (рис. 2, 4). Изображения пятого и шестого всадников сохранились плохо, но на фотографии 1983 г. они видны вполне отчетливо (рис. 1, 1). Фигура стоящего человека в трехрогом головном уборе находится в нижней части левой оконечности западной плоскости, левее и чуть ниже круглоголового персонажа (рис. 2, 3, 4).

Впрочем, эту фигуру можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния, а то, что передано выбивкой внутри него, — руками и подогнутыми ногами. Такая трактовка находит соответствие в древнетюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. В погребении 16 могильника

¹ Поездка авторов в КНР и написание данной работы осуществлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

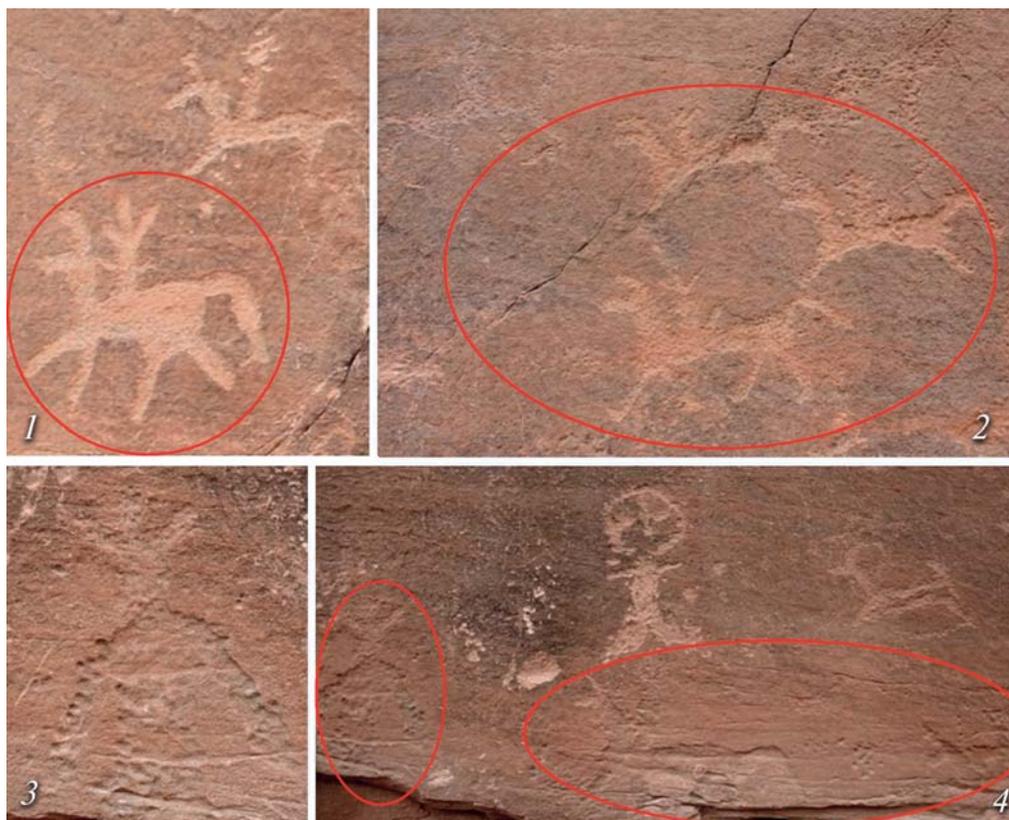
² ORCID: 0000-0003-2145-8611; e-mail: avvarenov@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0001-8369-2089; e-mail: maria-kudinova@yandex.ru.

Рис. 1. Писаница Уцзячуань и аналогии его «трехрогим» персонажам: 1 — западная плоскость; 2 — «сцена коленопреклонения» на валуне из погребения 16 могильника Кудыргэ; 3 — сцена, выбитая на изваянии из Когалы; 4 — изображение на Сулекской писанице; 5 — наскальная гравировка из урочища Дялбак (все масштабы разные). Масштабирование и компоновка прорисовок выполнены А. В. Вареновым (1 — по: Чжан Баоси 1983: 47, рис. 4; 2 — по: Гаврилова 1965: табл. VI, 2; 3 — по: Рогожинский 2010: рис. 8, 2; 4 — по: Кызласов 1998: 42, рис. 5; 5 — по: Константинов, Урбушев 2018: 271)

Fig. 1. Wujiachuan petroglyph site and analogies to its «three-horned» personages: 1 — western surface; 2 — «knee-bending scene» carved on a pebble from the burial no. 16 of the Kudyrgé burial ground; 3 — scene carved on the statue from Kogaly; 4 — representation on the Sulek petroglyph site; 5 — rock carving from the tract of Dyalbak (all scales are different). Scaling and arranging of drawings are designed by A. V. Varenov (1 — after: Чжан Баоси 1983: 47, рис. 4; 2 — after: Гаврилова 1965: табл. VI, 2; 3 — after: Рогожинский 2010: рис. 8, 2; 4 — after: Кызласов 1998: 42, рис. 5; 5 — after: Константинов, Урбушев 2018: 271)

Рис. 2. Детали западной плоскости писаницы Уцзячуань: 1 — всадник в трехрогом головном уборе в ее центре; 2 — три всадника в рогатых головных уборах в ее правой части; 3 — стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе в ее левой части плоскости; 4 — ее левая нижняя часть (слева направо): стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе, круглоголовый персонаж, горный козел; внизу по центру и справа, у границы плоскости: всадники № 5 и № 6 в рогатых головных уборах (1–3 — фото А. В. Варенова, 4 — фото М. А. Кудиновой)

Fig. 2. Details of the western surface of the Wujiachuan petroglyph site: 1 — rider with a three-horned headdress in its center; 2 — three riders with horned headdresses in its right part; 3 — standing (sitting) personage with a horned headdress in its left part; 4 — its left lower part (from left to right): standing (sitting) personage with a horned headdress, round-headed personage, ibex; below in the center and to the right, at the surface border: riders No. 5 and No. 6 with horned headdresses (1–3 — photo by A. V. Varenov, 4 — photo by M. A. Kudinova)

Кудыргэ встречен валун-изваяние, на двух сторонах которого выгравирована т. н. сцена колено-преклонения (Гаврилова 1965: 19–20). Изображена фигура сидящей с ребенком женщины в трехрогом головном уборе, перед которой склонились три спешившихся всадника. Гораздо меньших по размеру. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе (рис. 1, 2). Женщина в трехрогом головном уборе, сидящая на тахте рядом с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита на поверхности древнетюркского изваяния № 2 из Когалы в Чу-Илийском междуречье (рис. 1, 3) (Рогожинский 2010: 339–342). Аналогичный рисунок есть и среди гравировок Сулекской писаницы на севере Хакасии (рис. 1, 4) (Кызласов 1998: 40–44). Ю. С. Худяков, рассмотрев выдвигавшиеся ранее версии, что так выглядели древнетюркские божества Умай и Йер-Су, все же пришел к выводу, что «трехрогие» изображения передавали «головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами», которые «определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата» (Худяков 2010: 101). Среди открытых 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае раннесредневековых гравировок есть фигура сидящего на коне воина в трехрогом головном уборе с копьем в руках (рис. 1, 5) (Константинов, Урбушев 2018: 271–272).

П. П. Азбелев, рассмотревший и проанализировавший время и обстоятельства создания кудыргинского валуна, «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов (Азбелев 2010: 48–49). Можно предположить, что всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое в левой и в правой частях западной плоскости (рис. 1, 1), также спешат на поклонение к стоящему (или, скорее, сидящему) слева от них персонажу в трехрогом головном уборе. Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней (рис. 2, 4). Судя по степени их сохранности, правая группа «рогатых» всадников чуть младше левой.

Литература

- Азбелев 2010 — Азбелев П. П. Кудыргинский сюжет. СПб., 2010.
- Варенов, Кудинова 2019 — Варенов А. В., Кудинова М. А. Петроглифы Уцзячуань в провинции Ганьсу: проблемы датировки и интерпретации // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культуры стран Востока: Международная конференция. Новосибирск, 2019. С. 8–19.
- Гаврилова 1965 — Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Константинов, Урбушев 2018 — Константинов Н. А., Урбушев А. У. Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 270–272.
- Кызласов 1998 — Кызласов И. Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // ЭО. 1998. № 4. С. 49–52.
- Рогожинский 2010 — Рогожинский А. Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы, 2010. С. 329–344.
- Худяков 2010 — Худяков Ю. С. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. № 3. С. 93–103.
- Чжан Баоси 1983 — Чжан Баоси. Ганьсу шэн Цзинъюань сянь Уцзячуань фасыань яньхуа [Петроглифы, обнаруженные в Уцзячуань, уезда Цзинъюань провинции Ганьсу] // Вэньу. 1983. № 2. С. 46–47.

ИЗОБРАЖЕНИЯ СЭНМУРВОВ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ, СИБИРИ И КИТАЯ¹

*А. В. Варенов², **Д. В. Черемисин³

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

**Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

IMAGES OF SENMURW IN THE ROCK ART OF CENTRAL ASIA, SIBERIA AND CHINA

*Andrei V. Varenov, **Dmitrii V. Cheremisin

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

**Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

² ORCID: 0000-0003-2145-8611; e-mail: avvarenov@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0002-1184-4044; e-mail: topsya@bk.ru.

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-266-269

Ключевые слова: *сэнмурв, Китай, Киргизия, Сибирь, раннее средневековье, согдийцы, Великий шелковый путь, наскальное искусство, петроглифы, погребальные росписи.*

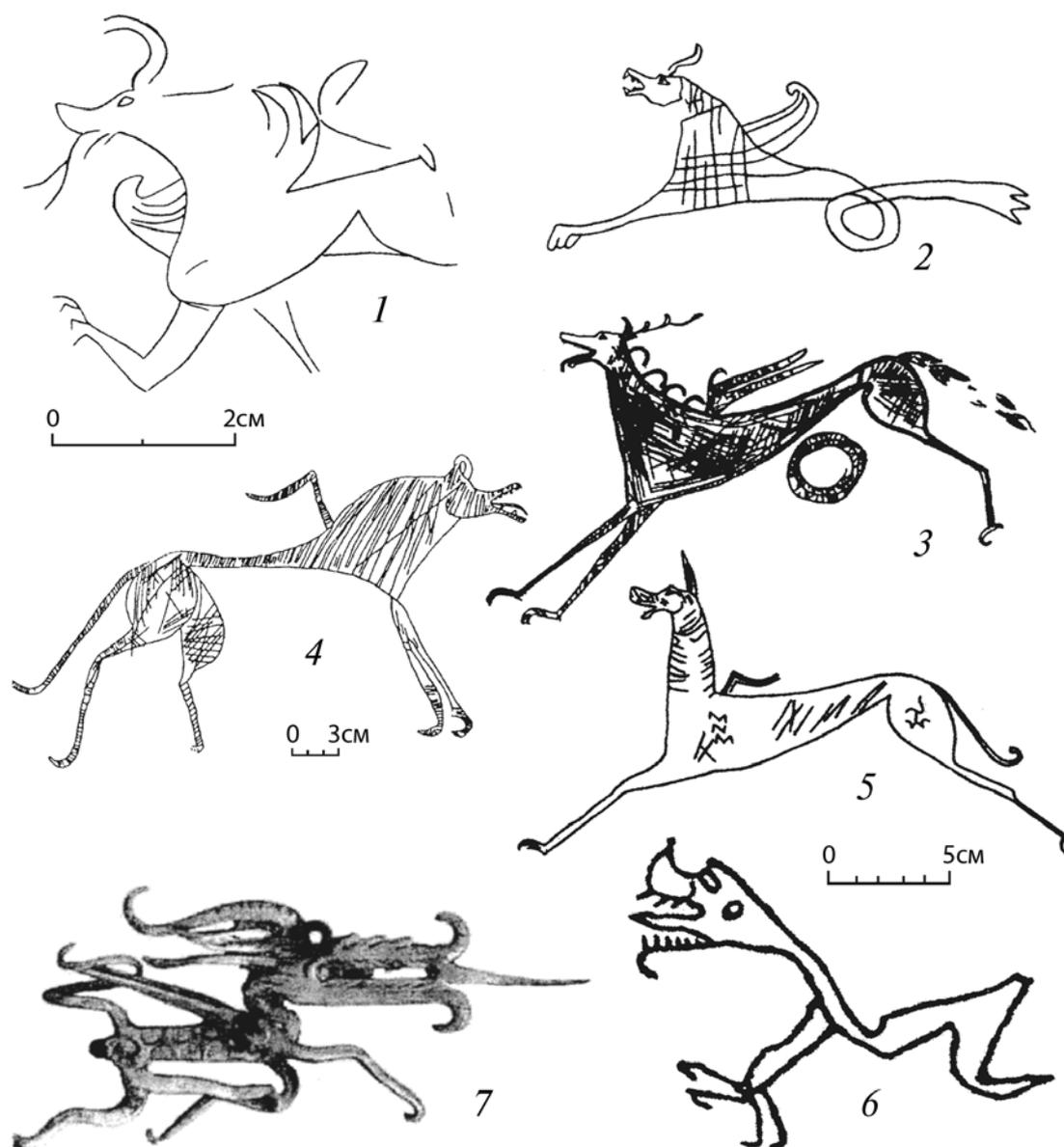
Keywords: *Senmurw, China, Kyrgyzstan, Siberia, Early Middle Ages, Sogdians, Great Silk Roads, rock art, petroglyphs, funeral paintings.*

Среди петроглифов местонахождения Жалтырак-Таш (левый берег реки Каман-Су, Таласский хребет, Тянь-Шань, Киргизия) известно около десяти фигур синкретических животных персонажей, сочетающих черты собаки и птицы. Исследователями памятника они интерпретированы как сэнмурвы (Шер и др. 1987: 75; Шер и др. 1995: 81–85). Все изображения сэнмурвов нанесены на скальную поверхность в технике тонкой гравировки. Иконографически выделяется несколько вариантов: «натуралистический» — полная фигура хищника (собаки) с крыльями, в том числе с воспроизведением двух (рис. 1, 5), четырех (рис. 1, 4) и трех лап (рис. 1, 3), а также более «фантастические» фигуры с передними лапами и задней частью в виде закрученного рыбьего (?) хвоста (рис. 1, 2). Все персонажи изображены с приподнятой мордой, раскрытой пастью, с рогами разных типов.

Другим петроглифическим памятником, на котором обнаружено изображение сэнмурва, является Калбак-Таш в нижнем течении реки Чуя на российском Алтае (Кубарев 1992: 94–97). Здесь в технике тонкой гравировки воспроизведен образ крылатого хищника с открытой пастью, высунутым раздвоенным языком и направленными вперед рогами (рис. 1, 1). Характерным иконографическим стандартом в передаче образа собако-птицы в восточной торовитике, воспроизведенным и в Калбак-Таше, является поднятая вверх передняя лапа с когтями. Появление необычного персонажа среди петроглифов Тянь-Шаня и Алтая исследователи связывали с иранской мифологической традицией и ее носителями — ираноязычными согдийцами, развивавшими и поддерживавшими торговые связи на просторах Евразии. Изучение восточной торовитики, а также росписей, рельефов и тканей еще в 1930-х гг. дало основание идентифицировать изображения собако-птиц с образом сэнмурва, известного по памятникам древнеиранской письменной традиции (Тревер 1937: 34–63).

Наскальный рисунок, который мы считаем одним из вариантов изображения сэнмурва, обнаружен в городском округе (ранее — уезде) Чжунвэй Нинся-Хуэйского автономного района КНР на памятнике Дамайди. По принятой китайскими археологами классификации, он относится к пункту 1 этого местонахождения и составляет 12-ю группу изображений (Сю Чэн, Вэй Чжун 1993: 317). Рисунок расположен на высоте 12 м от дна ущелья. Плоскость с рисунком имеет южную экспозицию, ее высота составляет 16 см, а ширина — 30 см. На поверхности камня неглубокой контурной выбивкой изображен, по мнению китайских археологов, «хищный зверь» (рис. 1, б). У него обозначены два глаза, морда с разинутой пастью, длинный и острый треугольный язык высунут между зубастыми верхней и нижней челюстями, зубы выгнуты наружу, нос курносый, нижняя челюсть с крючком (?), голову венчает что-то вроде рогов (рис. 2). Тело у зверя из Дамайди длинное и очень тощее, зигзагообразно изломано, возможно, за счет того, что у него слились воедино («срослись») характерные для «настоящих» сэнмурвов крыло и хвост. Изображена только одна прямая нога (лапа?) с четырьмя «птичьими» когтями, причем два из них смотрят вперед, а два других — назад. Впрочем, передних лап может быть и две, если каждая из них обозначена одной выбитой линией. В таком случае, у правой лапы когти направлены назад, а у левой — вперед.

Среди настенных погребальных росписей датируемой периодом Вэй-Цзинь (III–IV вв. н. э.) гробницы М4 могильника Дигэнпо, что в уезде Гаотай провинции Ганьсу, встречено изображение странного существа с коротким телом, бегущего иноходью на четырех

Рис. 1. Изображения сэнмурвов в наскальном искусстве и в погребальных росписях: 1 — из Калбак-Таша, Горный Алтай, Россия; 2–5 — из Жалтырак-Таша, Киргизия; 6 — из Дамайди, провинция Нинся, Китай; 7 — из Дигэнпо, провинция Ганьсу, Китай (все масштабы разные). Масштабирование и компоновка прорисовок выполнены А. В. Вареновым (1 — по: Кубарев 1992: 95; 2, 3, 5 — по: Шер и др. 1987: 76; 4 — по: Шер и др. 1995: 85; 6 — по: Сю Чэн, Вэй Чжун 1993: 320; 7 — У Хун 2008: 87)

Fig. 1. Images of Senmurw in the rock art and funeral paintings: 1 — from Kalbak-Tash, Altai, Russia; 2–5 — from Zhaltyrak-Tash, Kyrgyzstan; 6 — from Damaidi, Ningxia province, China; 7 — from Digengpo, Gansu province, China (all scales are different). Scaling and arranging of drawings are designed by A. V. Varenov (1 — after: Кубарев 1992: 95; 2, 3, 5 — after: Шер и др. 1987: 76; 4 — after: Шер и др. 1995: 85; 6 — after: Сю Чэн, Вэй Чжун 1993: 320; 7 — after: У Хун 2008: 87)

довольно длинных, заканчивающихся крючками ногах, которое тоже можно считать сэнмурвом (рис. 1, 7). У него вытянутая морда с круглым выпученным глазом и выгибающимися на концах наружу челюстями, между которыми высунут острый треугольный язык. На затылке длинные уши, рога антилопы, вырастающие из лопатки прямые узкие крылья и зигзагообразно задранный вверх хвост (У Хун 2008: 84–91). Монстр из Дигэнпо

Рис. 2. Наскальное изображение сэнмурва из Дамаиди (по: Сю Чэн, Вэй Чжун 1993: рис. XL, 3)
Fig. 2. Rock image of Senmurw from Damaidi (after: Сю Чэн, Вэй Чжун 1993: рис. XL, 3)

сочетает в себе черты, характерные и для драконов китайских погребальных росписей раннего средневековья (место одного из которых он занимает), и наскальных изображений сэнмурвов из Жалтырак-Таша и Дамаиди.

Стоит отметить, что в наскальном искусстве с территории современного Китая нет изображений фантастических персонажей типа единорога-цилиндра или дракона-лун и других синкретических монстров, хорошо известных по древнекитайской письменной мифологической традиции, в бронзовых отливках и в резьбе по камню (нефриту). Они встречаются лишь в составе погребальных настенных росписей и рельефов китайской поздней древности и раннего средневековья. Таким образом, можно с определенной долей уверенности интерпретировать изображения сэнмурвов из Дамаиди и Дигэнпо как отражение культурной активности согдийцев на Шелковом Пути и датировать их эпохой раннего средневековья.

Литература

- Кубарев 1992 — Кубарев В. Д. Сенмурв из Калбак-Таша // Первобытное искусство. Новосибирск, 1992. С. 94–97.
- Тревер 1937 — Тревер К. В. Сэнмурв-Паскудж — собака-птица. Л., 1937.
- Сю Чэн, Вэй Чжун 1993 — Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа [Петроглифы гор Хэланьшань]. Пекин, 1993.
- У Хун 2008 — У Хун. Ганьсу Гаотай Дигэнпо Вэй-Цзинь му [Вэйско-Цзиньское погребение в Дигэнпо уезда Гаотай пров. Ганьсу] // 2007 Чжунго чжунъяо каогу фсянь [Важнейшие археологические открытия 2007 г. в Китае]. Пекин, 2008. С. 84–91.
- Шер и др. 1987 — Шер Я. А., Миклашевич Е. А., Самашев З. С., Советова О. С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 70–78.
- Шер и др. 1995 — Шер Я. А., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Исследование петроглифов Жалтырак-Таша (Киргизия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 81–85.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ХЭРМЭН ДЭНЖ (МОНГОЛИЯ) КАК ПРИМЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

С. А. Васютин²

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия; Институт монголо-ведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

THE ARCHEOLOGICAL COMPLEX OF KHERMEN DENZH (MONGOLIA) AS AN EXAMPLE OF THE INTERACTION BETWEEN THE NOMADIC AND SEDENTARY POPULATION

Sergei A. Vasyutin

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-270-271

Ключевые слова: Монголия, Хэрмэн дэнж, уйгуры, согдийцы, китайцы, кидани, бохайцы, культурное взаимодействие.

Keywords: Mongolia, Khermen Denzh, Uighurs, Sogdians, Chinese, Khitan, Bohai, cultural interaction.

В 994 г. империя Ляо начала создание анклава в Монголии в бассейне реки Тола. Уйгурский город Кэдунь (Кэдучен, Хотун, Хатун-хот и др.) на правом берегу Толы был перестроен в киданьский укрепленный город (городище Хэрмэн дэнж). Так источники по истории Ляо зафиксировали существование на одном и том же месте городов уйгурского и ляоского периодов и преемственность между ними. Есть основание полагать, что с Кэдунем (Хотуном) связан город Тогу-балык на «реке Тоглу», упоминаемый в надписях в честь Бильгекагана (БКб, 30) и Кюль-тегина (КТб, 44–45) (Малов 1951: 42; 1959: 21). Таким образом, можно говорить о существовании на территории Хэрмэн дэнжа городов в тюркский, уйгурский и киданьский периоды. Для тюркского периода эти предположения археологически подтверждаются территориальной привязкой к городищу Хэрмэн дэнж элитного погребения VII в. Шороон-Дов (Шороон Бумбагар I), для уйгурского периода — наличием фрагментов керамики с «уйгурским» орнаментом, строительными материалами, сделанными по канонам танского времени (Васютин 2011: 64–70; Крадин и др. 2011: 55–57; 2012: 168–171; Ивлиев и др. 2017: 140).

В состав археологического комплекса Хэрмэн дэнж входит город-крепость Хэрмен дэнж с большим посадом, а также укрепленные и неукрепленные городища уйгурского и киданьского времени (Крадин и др. 2012: 168; Kradin et al. 2015: 95–97, fig. 6; Ивлиев и др. 2017: 136). Памятник расположен на территории Замар сомона Тув аймака.

Взаимодействие кочевого и оседлого населения в первую очередь выражалось в строительстве во владениях номадов городских стен и зданий. Показательно, что слово «балык» в названии города Тогу на Толе означает глинобитные стены. В период Уйгурского каганата хорошо известно сооружение городов согдийцами и китайцами. На городище Хэрмэн дэнж в 2017–2019 гг. частично исследовано общественное здание уйгурского периода, стены которого до высоты около 1 м были сооружены по китайской технологии хан-ту (Эрдэнэболд

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства РФ, проект № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

² ORCID: 0000-0001-8707-0586; e-mail: vasutin2012@list.ru.

и др. 2019: 390). Эта же технология использовалась для строительства городских стен при уйгурах и киданях. Кидани только восстановили фортификационные сооружения уйгурского времени, поскольку городские укрепления Хэрмэн дэнжа очень характерны для уйгурских городов (Васютин 2011: 69–70). Среди строительных материалов представлены также концевые черепичные диски с жемчужником, получившие распространение в Китае в эпоху Тан (Ивлиев и др. 2017: 139–140).

В киданьское время для обеспечения кочевников, которые несли военную службу в анклав на Толе, туда были отправлены китайцы, чжурчжени и бохайцы. Их присутствие в составе населения Хэрмэн дэнжа находит отражение в посуде, инвентаре и строительстве отопительных каналов, характерных для культуры Бохая (Крадин и др. 2012: 168–171). Оседлое население Хэрмэн дэнжа способствовало развитию земледелия. Прямым подтверждением земледельческих практик здешних жителей стали находки лемехов, фрагмента серпа и остатков зерна. В ходе раскопок было выявлено значительное количество некарбонизированных цветковых чешуй проса обыкновенного (Сергушева 2019: 173, 180).

Таким образом, месторасположение археологического комплекса Хэрмэ дэнж было на протяжении тюркского, уйгурского и киданьского времени одним из центров длительного взаимодействия кочевников и оседлых жителей в средневековой Монголии.

Литература

- Васютин 2011 — *Васютин С. А.* Киданьское городище Хэрмэн дэнж и Тогу-балык кошо-цайдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 4. С. 63–71.
- Ивлиев и др. 2017 — *Ивлиев А. Л., Крадин Н. Н., Эрдэнэболд Л.* О доляском комплексе в материалах городища Хэрмэн-Дэнж (Монголия) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй: III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток, 2017. С. 135–141.
- Крадин и др. 2011 — *Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А.* Раскопки городища Хэрмэн дэнж в Монголии и проблема локализация города Кэдунчэна // Труды XIX ВАС (Великий Новгород — Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.). Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 55–57.
- Крадин и др. 2012 — *Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Очир А., Саранцева С. Е., Васютин С. А., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л.* Результаты исследований городища Хэрмэн дэнж в Монголии 2010–2011 гг. // История и культура средневековых народов степной Евразии: Материалы II Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (Барнаул, 5–8 сентября 2012). Барнаул, 2012. С. 168–171.
- Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Малов 1959 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Сергушева 2019 — *Сергушева Е. А.* Междисциплинарное изучение киданьских городищ на территории центральной Монголии: опыт применения археоботанического подхода // ПАрх. 2019. № 4. С. 171–183.
- Эрдэнэболд и др. 2019 — *Эрдэнэболд Л., Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А., Төгссайхан Р., Очирнүрэг Д.* Хэрмэн дэнж балгасны 2019 оны матлага судалгааны урьдчилсан үр дүн // Монголын археологи-2019. Улаанбаатар, 2019. Т. 387–394.
- Kradin et al. 2015 — *Kradin N. N., Ivliev A. L., Ochir A., Erdenebold L., Vasiutin S. A., Sarantseva S. E., Kovychev E. V.* Khermen Denzh Town in Mongolia // The Silk Road. Saratoga, 2015. Vol. 13. P. 95–103.

СОГДИЙЦЫ И ТЮРКИ: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ)

Л. М. Ведутова¹

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан

THE SOGDIANS AND THE TURKS: A CLASH OF THE CIVILIZATIONS (IN THE CONDITIONS OF THE GREAT SILK ROAD)

Lyubov' M. Vedutova

Begimaly Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-272-274

Ключевые слова: цивилизация, культура, согдийцы, тюрки, Великий шелковый путь.
Keywords: civilization, culture, Sogdians, Turks, Great Silk Road.

Глобализм Великого шелкового пути (далее — ВШП) породил на пространствах Центральной Азии различного рода межцивилизационные связи и коммуникации, которые в эпоху раннего средневековья активно влияли на все сферы жизни взаимодействующих обществ. Однако эти взаимодействия носили весьма сложный, многовекторный, конкурирующий, а часто — и скрытый глубинный характер.

В этот период на территории нынешнего Кыргызстана складывается ситуация, когда ведущими этносами, обеспечивающими функционирование торговых путей, становятся проживавшие в этом этногеографическом пространстве тюрки-кочевники и мигранты-согдийцы. Результатом их совместных действий является отчетливо выраженная тенденция на практике решать сложные задачи как собственного жизнеустройства, так и поддержания транзитной торговли.

На первом (VI–VIII вв.) этапе взаимодействия в сфере организации международной торговли тюрки и согдийцы проявлялись как однопорядковые субъекты системы, как звенья одной функциональной цепи. Так, например, согдийцы, будучи оседло-земледельческим этносом, подошли к решению этой задачи, заложив здесь основы градообразования. Они построили вдоль трасс торговые фактории — укрепленные монументальные замки, часто двухэтажные, где первый этаж предназначался для складирования товаров, а на втором размещались жилые помещения.

Согдийцы стали своего рода операторами ВШП, разместив торговые фактории друг от друга на расстояние дневного перехода (25–30 км) и создав таким образом целесообразную систему конкретных условий и надежный алгоритм движения груженого каравана.

Деятельность же тюрков-кочевников на трассах ВШП как знатоков сложнейших особенностей ландшафта Тянь-Шаня была, в свою очередь, адекватна средствам, предмету и окружающим условиям высокогорья. Не менее важной задачей для них стала охрана караванов. Степень организации и ответственности тюрков в этой сфере должна была характеризоваться высоким творчески-интеллектуальным потенциалом, так как в отдельных случаях приходилось срочно принимать решения в реальных нестандартных ситуациях.

Основываясь на принципе совместного хозяйственно-практического комплекса в условиях формального действия ВШП, советская историография решала проблему формирования типов межэтнических взаимоотношений в виде упрощенной механисти-

¹ ORCID: 0000-0002-4023-2004; e-mail: vedutova_ljybov@mail.ru.

ческой концепции взаимодействия двух цивилизаций — кочевой и оседло-земледельческой. Приоритет при этом отдавался городской цивилизации, а ремесленный способ производства противопоставлялся сельскохозяйственному, дискредитируя последний. Таким образом, исследователи опускали такой основополагающий цивилизационный критерий, как наличие прогресса и отражение этого прогресса в материальной и духовной культуре этноса.

Однако в определенной временной точке на линии взаимодействия двух различных цивилизаций, когда уже были усовершенствованы системы коммуникаций, социальные структуры каждой из них, отражающие власть, идеологию и, главное, культуру, возникает угроза поглощения одной цивилизации другой и, соответственно, гибели одной из этнических культур.

Эволюционные процессы в направлении поступательного развития у совместно взаимодействующих на ВШП тюрков и согдийцев на втором этапе (IX—начало X в.), сложились в прогрессивную социально-культурную, духовную и политическую систему, но у каждого этноса в отдельности. В результате создалась конфликтная ситуация, выразившаяся в столкновении — сначала на когнитивном уровне, а в дальнейшем и социально-политическом противостоянии. Речь в данном случае может идти о когнитивном мировосприятии тюрков и согдийцев в цивилизационном контексте.

Этой фундаментальной проблеме — взаимодействию кочевых и оседло-земледельческих обществ — посвящены многие научные труды А. М. Манделъштама. Следует особо отметить такую смелую для 1960-х гг. работу, как «Кочевники на пути в Индию» (Манделъштам 1966). Здесь Анатолий Максимилианович рассматривал в исторической ретроспективе кочевые общества в контексте их собственной этнокультурной идентичности, при этом акцентировал внимание на их активном участии в создании ранних городских цивилизаций в Центральной Азии.

Интеллектуальный потенциал тюрков-кочевников и согдийцев-земледельцев в системе их взаимодействия осмыслялся в данном случае через материальную сферу, отраженную в бытовых предметах с раннесредневековых городищ Северного Кыргызстана. Комплекс терракотовых предметов — подставки под кухонные котлы, крышки для котлов, светильники-аташданы и др., имеющие черты согдийской коропластики, — на гносеологическом уровне связан с огнем и жертвоприношением, информационно присущ зороастрийским представлениям согдийско-иранских этносов.

Скульптурные подставки под котел изображают обычно реалистически или схематически быка: изготовление и продажа таких фигурок связаны с ежегодными однодневными ярмарками в Согде, приуроченными к празднику Нооруз в начале марта. Попытки ценностной реанимации согдийцами-иммигрантами древних культов эпохи бронзы, связанных с новогодними ритуалами периода нахождения Солнца в дни весеннего равноденствия в созвездии Быка, не привели к действенным результатам и были окончательно утрачены.

В VI–X вв. новые волны кочевников-тюрков, подвижных в своем образе жизни, обладавших многоязычием, столь необходимым на ВШП, несли новую, современную для той эпохи идеологию мировосприятия. Они знали, что прошел не только час Быка, но и час Овна и уже более 500 лет длится эра Рыбы. И не случайно на тюркских каменных изваяниях, на поясах, пряжках и других предметах поясной фурнитуры, пластинах на луках и упряжи лошадей царствует небесная Рыба. На обширной территории тюркской культуры I тыс. н. э. в Центральной Азии бесчисленны находки металлических предметов, украшенных символикой рыбы.

Именно эти когнитивные мировосприятия двух этносов — ираноязычного согдийского, имперско-политически ориентированного на былое величие и тюркско-тюркешского, ориентированного на будущее, — столкнулись в пределах городов Семиречья, при этом без каких-либо попыток к симбиозу в области культуры в пределах собственных цивилизаций.

В результате монументальные постройки согдийцев — замки и другие здания, утратившие свое идеологическое главенство, — были разрушены. На их развалинах, как на платформах, были возведены тюркские, хотя не столь идеальные в плане строительной техники, но свои, отвечающие глобальным, но уже новым, веяниям открытости, контактам со всем миром и многоязычию.

Литература

Мандельштам 1966 — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966 (МИА. № 136; ТТАЭ. Т. V).

БУДДИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИКОНОГРАФИЮ ИЗВАЯНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ: ГИПОТЕЗЫ, ДОМЫСЛЫ И РЕАЛИИ

А. В. Евглевский¹

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина

THE BUDDHIST INFLUENCE ON THE ICONOGRAPHY OF STATUES OF THE MEDIEVAL NOMADS OF EURASIA: HYPOTHESES, GUESSWORKS AND REALITY

Aleksandr V. Yevglevskii

Donetsk National University, Donetsk, Ukraine

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-274-276

Ключевые слова: *средневековые кочевники, изваяния, иконография, шаманизм, буддизм, тэнгрианство.*

Keywords: *medieval nomads, statues, iconography, shamanism, Buddhism, Tengrism.*

Соавторы двух статей (Гераськова, Пыслару 2017а; 2017б) не сомневаются в значительном влиянии буддизма на иконографию изваяний средневековых кочевников Евразии, причем его проникновение они относят к довольно раннему времени — VIII–X вв. Этому, по их мнению, способствовала неорганизованная религия кочевников, которая представляла собой смесь шаманизма с тэнгрианством. Едва ли не всем типам тюркских и монгольских скульптур исследователи нашли соответствия среди персонажей буддийского пантеона. На первый взгляд может показаться, что в сравниваемых авторами образах действительно присутствуют многие сходные признаки. Но при углубленном анализе становится понятно, что все подобранные ими «иконографические аналогии» — это не что иное, как поверхностный взгляд на явления совершенно разного порядка, не говоря уже об анахронизмах в предложенной авторами трактовке взаимосвязей тэнгрианства, шаманизма и буддизма.

Например, явным проявлением непрофессионализма является использование ими рисунка несуществующего изваяния, опубликованного в Трудах I Археологического съезда (Труды ... 1871: табл. III; Гераськова, Пыслару 2017б: рис. 10, 1). Этот рисунок — полная выдумка безымянного художника, где в разной степени искажены едва ли не все иконографические реалии. Здесь показан сидящий на постаменте «младенец» (так он назван инфор-

¹ ORCID: 0000-0001-8419-9392; e-mail: a.yevglevsky@gmail.com.

матором) с внушительными половыми органами, которые никогда не изображались на мужских половецких изваяниях. И этот карикатурный образ авторы сравнивают со скульптурами кочевников XIII–XIV вв. из Дариганги (Монголия), действительно изображающими сидящих в кресле обнаженных мужчин.

Опуская все остальные «аргументы» авторов о буддийском влиянии на кочевников, процитирую их необоснованно уверенный вывод: «в своих религиозных воззрениях тюрки отдавали предпочтение буддизму, а не шаманизму и культу предка. <...> Для нас уже очевидно, что изготовителями каменных и деревянных скульптур, которые приписываются половецам, были буддийские миссионеры монахи-ремесленники, обладавшие знаниями и умениями по обработке камня и дерева, воспринятыми от гандхарской греко-буддийской школы [I в. до н. э. — VII в. н. э. — А. Е.]» (Гераськова, Пыслару 2017б: 117–119).

Определенное влияние буддизма на мировоззрение и искусство кочевников (как и обратный процесс), учитывая их многовековое взаимодействие, отрицать, естественно, нельзя. Это было обусловлено некоторыми общими представлениями, восходящими к древнейшим религиозным пластам, в равной степени присущим как шаманизму, так и той родственной ему древнеиндийской религиозной системе, в рамках которой развивался и буддизм; таковы, в частности, представления о перерождении и воплощении души. Однако уже многократно доказано, что буддизм проникал в кочевую среду лишь в определенные периоды имперских амбиций степных каганатов, но, главное, это проникновение затронуло только элиту. Да и всегда при принятии инородных религий кочевники поступали прагматически, не отказываясь от собственной религиозной практики. И это было непременно так, пока они оставались кочевниками.

Л. С. Гераськова и И. Пыслару связывают появление буддизма в восточноевропейских степях с монгольским влиянием. В действительности же в Монголии тэнгрианство и шаманизм соприкасались с буддизмом дважды — в XIII и XVI вв. (не считая более ранних эпизодов проникновения буддизма в кочевые государства). В конце XII — начале XIII в. монголы познакомились с тибетским буддизмом махаяны красношапочного толка школы сакьяпа во времена завоевательных походов Чигисхана, но лишь поверхностно. Не прижился буддизм и в Золотой Орде. А в империи Юань его влияние, в сущности, ограничивалось правящей монгольской элитой, в то время как среди населения фактически процветал шаманизм: даже хаганы участвовали в традиционных обрядах с участием шаманов. Наконец, при маньчжурской династии Цин в Китае за формальным конфуцианством по сути стоял государственный шаманизм. Только ближе к концу XVI в. началось реальное и быстрое распространение буддизма в монгольских кочевьях, однако с шаманством там, в целом, было покончено лишь к началу XIX в.

Что касается тюркских каганатов, то буддизм имел среди кочевников (прежде всего, уйгуров) некоторое распространение, но поиск новых идеологических форм для закрепления складывающихся новых общественных отношений не привел у них к массовому внедрению буддизма.

Несмотря на поздние вплетения буддизма в традиционное мировоззрение кочевников (реально отразившиеся) в XVI в., все же теоретически можно увязать его влияние на иконографию половецких скульптур сидящего типа второй половины XII–XIII вв. — «подходящих» для такого сравнения с точки зрения концепции Л. С. Гераськовой и И. Пыслару. Однако в иконографии половецких изваяний нет сугубо буддийской символики: лотоса, спирали, креста-свастики и т. д. Присутствует только сосуд, но в буддийской скульптуре это, как правило, пышно украшенная ваза с гораздо более многоплановой смысловой нагрузкой, чем сосуды в руках изваяний средневековых кочевников.

Как убедительно показал в серии своих работ Д. Баяр, несмотря на некоторое сходство иконографии скульптуры кочевников с буддийской символикой (чётки в руке), эти изваяния изображают не буддийских персонажей, а монгольскую элиту XIII–XIV вв. (Баяр 1985: 57–58).

Литература

- Баяр 1985 — Баяр Д. К проблеме датировки каменных изваяний Дариганги // ИБМАИКЦА. 1985. Вып. 8. С. 52–58.
- Гераськова, Пыслару 2017а — Гераськова Л. С., Пыслару И. Буддийские черты в монументальной скульптуре средневековых тюркоязычных кочевников // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. С. 103–113.
- Гераськова, Пыслару 2017б — Гераськова Л. С., Пыслару И. А. Х. Маргулан и проблемы изучения монументальной скульптуры древних тюрков, кыпчаков и половцев // Там же. С. 114–124.
- Труды ... 1871 — Труды I Археологического съезда в Москве. Т. 1. М., 1871.

СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА ТЮРКСКОГО МИРА В ОТРАЖЕНИИ ПЕРСИДСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТРАКТАТА X В. «ХУДУД АЛ-‘АЛАМ»¹

Вяч. С. Кулешов²

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия; Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция

THE NORTHERN PERIPHERY OF THE TURKIC WORLD AS REFLECTED BY THE 10th-CENTURY PERSIAN GEOGRAPHICAL TREATISE «ḤUDŪD AL-‘ĀLAM»

Vyacheslav S. Kuleshov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; University of Tyumen, Tyumen, Russia; Stockholm University, Stockholm, Sweden

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-276-278

Ключевые слова: средневековые тюрки, географическая литература, «Худуд ал-‘алам».
Keywords: medieval Turks, geographical literature, «Ḥudūd al-‘ālam».

Трактат X в. «Книга о регионах мира с востока на запад» (араб. *Kitāb ḥudūd al-‘ālam minā l-mašriq ‘ilā l-mağrib*), дошедший до наших дней в единственном списке середины XIII в. — т. н. «рукописи Туманского» (Туманский 1897; Бартольд 1930), представляет огромный интерес как самый ранний протяженный географический текст на доклассическом новоперсидском языке³ и как часть корпуса памятников арабо-мусульманской географической литературы IX–X вв. Непреходящую ценность этому сочинению придает, в частности, то, что оно содержит историко-этнографическую информацию о народах, городах и государствах Европы, Центральной Азии и Южной Сибири. К сожалению, стратегия анонимного автора-составителя нигде не подразумевала ссылок на источники, которые он несколько раз глухо называет ‘книгами предшественников’ (*kitāb hā ī pēšīnagān, kutūb ī pēšīnagān*).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-59-23006 «Проблема трансформаций культуры мадьяр на пути обретения родины».

² ORCID: 0000-0002-0355-8531; e-mail: viacheslav.kuleshov@gmail.com.

³ Текст памятника доступен в виде факсимиле рукописи (Бартольд 1930), в арабографическом наборе (Mir Hossain Shah, Mir-Ahmadi, Warahram 1372 h), в таджикской кириллической транслитерации (Қосимов 1983) и в комментированном английском переводе В. Ф. Минорского (Minorsky 1970).

Установлено, однако, что фактографические «слои» сочинения находят соответствия в арабоязычных литературных памятниках второй половины IX — середины X в., наиболее ранние из которых отражают реальность VIII–IX вв. Таким образом, можно говорить об «амальгамировании» в тексте «Худуд ал-‘алам» сведений, восходящих к широкому диапазону VIII — первой половины X в., и фиксировать существенные противоречия в локализации тех народов, которые на протяжении VIII–X вв. меняли места своего обитания, отражаясь в разных хронологических срезах разных первоисточников. В несколько меньшей степени сказанное касается описательно-картографического «слоя» трактата, посвященного взаимной локализации описываемых в сочинении объектов (народов, областей, городов, морей, островов, гор, рек и пустынь) в том виде, какой эти объекты имели на круглой карте мира, служившей автору единственным источником собственно географической информации.

В разделе, посвященном перечислению областей мира (*nāḥiyat ḥā ī jahān*), анонимный автор перечисляет среди «сорока пяти областей, находящихся в направлении севера на четверти обитаемой части мира», двадцать один народ (от алан до хирхизов), из которых, по его прямому и совершенно определенному указанию, «тюрками» являются тугузгузы, йагма, хирхизы, халлухи, чигили, тухсы, кимаки, гузы, тюркские печенеги (*raṣṣanāk* в одном месте текста, *turkān ī raṣṣanākī* в другом месте; *raṣṣanāk ī turk* в фихристе, принадлежащем редактору XIII в.; про эту общность сказано, что она «во всем подобна кимакам»), хифчахи и маджгарийцы (*maǰǰarī*). Прочие северные народы квалифицируются автором как проживающие в «остальных странах неверных, расположенных в западных частях», т. е. вне контекстов тюркского мира: это саклабы, росы, внутренние булгары (про которых сказано, что они «подобны тюркам, живущим около страны хазар»), мирваты (resp. причерноморские хорваты; про них сказано, что они «в дружбе с тюрками и с Румом»), хазарские печенеги (про которых сказано, что «раньше они были частью тюркских печенегов»), аланы, население области Сарир (Горного Дагестана), хазары, бургасы, б(а)радасы и ванандары. Отметим, что из последних народов только про землю росов говорится, что «на север от нее находится необитаемая земля севера» (*wa šimāl ī way wayrānī ī šimāl ast*).

Именно эта последняя формула, интерпретируемая как маркер предельно северной локализации — близко к краю карты, выше которого уже нет никаких других подписей, используется автором «Худуд ал-‘алам» для локализации трех тюркских народов. Это хирхизы (он отмечает про их область, что «на запад от нее находятся отчасти окраины кимаков и [отчасти] северная необитаемая земля»), кимаки («на восток от [их области] находится [особый] род¹ хирхизов, на юг от нее находятся река Уртуш (Артуш) и река Атил, на запад от нее находятся отчасти хифчахи, отчасти северная необитаемая земля, на север от нее находятся те же места северной необитаемой земли») и хифчахи («[область] хифчахов примыкает на юге к [тюркским] печенегам, а также примыкает [на севере] ко всей северной необитаемой земле, в которой нет ничего живого»). Что касается рек Уртуш (Артуш) и Атил, то под первой из следует понимать Иртыш, а под второй (тюрк. *ātil ‘очень большая река’) «амальгаму» Оби и Волги, поскольку про этот Атил в разделе о реках одновременно сказано, что в нее впадает Уртуш (Артуш), что ее исток находится в горах к северу от истока Уртуша (т. е. на Алтае) и что она течет до города Булгара, после чего поворачивает к югу и впадает в Хазарское море.

Таким образом, в северном полукружии карты, территориально соответствующем Южной Сибири и Приуралью, на северной периферии тюркского мира с востока на запад были последовательно подписаны хирхизы, кимаки и хифчахи. В зоне, соответствующей Среднему и Нижнему Поволжью, хифчахи локализуются автором-составителем «Худуд ал-‘алам» севернее печенегов и квалифицируются как ответвление кимаков, отделившееся от этих последних и поселившееся к западу от них. Отметим также, что панхроничная карта «Худуд ал-‘алам» не предполагает территориального соприкосновения хифчахов с мад-

¹ В тексте: *ǰins*.

жгарийцами и не знает маджгарийцев в Поволжье: согласно ей, к востоку от маджгарийцев были подписаны только тюркские печенеги.

Литература

- Бартольд 1930 — Худūd ал-‘āлем: рукопись Туманского / С введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.
- Қосимов 1983 — Худуд-ул-олам / Тахиягари матн Н. Қосимов. Муҳаррири масуъл ва муаллифи пешгуфтор А. Мухторов. Душанбе, 1983.
- Туманский 1897 — Туманский А. Новооткрытый персидский географ X-го столетия и известия его о славянах и руссах // ЗВОРАО. 1897. Т. X. С. 121–137.
- Minorsky 1970 — Hudūd al-‘Ālam, «The Regions of the World»: A Persian Geography, 372 A.H. — 982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. 2nd edition, ed. by C. E. Bosworth. Cambridge, 1970 (E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series. XI).
- Mir Hossain Shah, Mir-Ahmadi, Warahram 1372 h — Hudud al-‘Ālam, «The Regions of the World»: A Persian Geography, 372 A.H. — 982 A.D. / Explained by V. Minorsky; transl. by Mir Hossain Shah; ed. by M. Mir-Ahmadi and Gh.-R. Warahram. Tehran, 1372 h.

ТЮРКО-СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ И ИХ НАХОДКИ В ПЕНДЖИКЕНТЕ

П. Б. Лурье¹

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

TURKO-SOGDIAN COINS AND THEIR FINDS IN PANJAKENT

Pavel B. Lurje

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-278-281

Ключевые слова: древний Пенджикент, тюрко-согдийские монеты, монеты доисламского Чача, монеты западно-тюркского каганата, монеты Семиречья, становление денежной экономики, тюрко-согдийский симбиоз, монеты и даты.

Keywords: ancient Panjakent, Turko-Sogdian coins, pre-Islamic coins of Chach, coins of Western Turkic Kaghanate, coins of Semirechie, emergence of monetary economy, Turko-Sogdian symbiosis, coins and dates.

Многие труды А. М. Мандельштама были посвящены взаимодействию оседлого и кочевого населения Средней Азии. Одним из характерных проявлений этого взаимодействия был т. н. тюрко-согдийский симбиоз. Этот симбиоз выразился, в том числе в пространстве «тюрко-согдийской нумизматики». Речь идет о выпусках медной (чеканной и литой) монеты с согдийскими надписями, выполненных явно согдийцами, с тюркскими именами и титулами правителей и/или характерными изображениями древних тюрков. Распространены они были в первую очередь в северо-восточных землях, относившихся к согдийскому культурному кругу: в Чаче (Ташкентская область и земли по Сырдарье в Южно-Казахстанской области), Фергане, Семиречье — т. е. в зонах самого интенсивного

¹ ORCID: 0000-0001-9931-1498; e-mail: pavlsvlvria@gmail.com.

контакта тюрков и согдийцев, но встречаются и далеко за его пределами. В целом верное прочтение Ф. В. К. Мюллером в 1910 г. легенды тюркешской монеты, найденной Второй германской турфанской экспедицией в руине К в Хочо, явилось первым шагом в развитии согдийской нумизматики.

Можно предположить, что причиной появления тюрко-согдийских монет были, с одной стороны, известные связи между двумя народами, роль согдийцев в качестве культуртрегеров ранних тюрков. Монета (уже чаще медная) к VI в. прочно вошла в быт согдийцев и стала — наряду с письмом, торговыми связями, образом жизни — распространяться среди тюрков. С другой стороны, отсутствие централизованной власти в Согде, являвшемся конфедерацией своего рода полисов, наличие многих центров, производивших монету по собственной модели, облегчало появление новых эмитентов.

В течение последних 20 лет объем наших знаний об этих монетах сильно увеличился, появилось множество новых образцов (добытых, по большей части, увы, кладоискателями). Ташкентские нумизматы определили наличие в Чаче монет каганов (западных) тюрков: Тарду-қағана (599–603), Тон-джабғу-қағана (618–630), возможно, Ирби Ышбарақағана (651–656), ряд других монет с тюркскими именами и титулами. Их нужно относить к самым ранним (и еще очень ограниченным) проявлениям денежного обращения у тюрков, возникшим в смешанной тюрко-согдийской среде. Известные тюркские элементы в ранней литой монете Самарканда относятся к тому же, если не более раннему времени. На одной из монет такого типа можно читать «правитель каган Тобзен» и сравнивать с монетами Тобазини из «гуннских» правителей Тохаристана. Большинство рассматриваемых тюрко-согдийских типов имеют изображения, монеты, как правило, небольшие, литые или чеканные. Среди чачских, отрарских и ферганских выпусков появляются и типы с квадратным отверстием по китайской модели, воспринятой согдийцами в VII в.

Тюрко-согдийская нумизматика в дальнейшем перемещается на северо-восток, в Семиречье, где льются монеты тюркешей (с начала VIII в.; наиболее ходовая монета среди всех рассматриваемых выпусков), яглакаров, карлуков, возможно, т. н. тухусов. Таласские монеты Арслан Күл Иркина, судя по орфографии, поздние и относятся к X в. Все эти типы сделаны по китайской модели, их качество и размер очень сильно разнятся.

Вместе с тем многие монетные типы из Чача и Ферганы, эмитенты которых неизвестны, не имеют сколько-нибудь точной датировки. Приблизиться к хронологической привязке этих выпусков позволяют зачастую не принимаемые во внимание нумизматами стратифицированные находки монет на археологических раскопках.

В первую очередь это слои городища древнего Пенджикента, памятника, тесно связанного с работами А. М. Мандельштама, давшие миру не менее 5000 монетных находок. Облегчают работу не только «Каталог монет с городища Пенджикент» О. И. Смирновой (Смирнова 1963), охватывающий материалы 1949–1956 гг., ее же «Сводный каталог согдийских монет» (Смирнова 1981) с материалами до 1963 г. и приложение к диссертации ученика Смирновой Д. Давудова с каталогом находок до 1974 г. (Давудов 1982), но и ежегодные таблицы монет, сгруппированных по комплексам, дополняющие отчеты 1970–2010-х гг., а так же ряд научных статей. Датировки нескольких типов, приведенные А. М. Беленицким и В. И. Распоповой (Беленицкий, Распопова 1981: 14), в целом подтверждаются позднейшими находками (см. табл. 1). Чачские, ферганские, тюркешские монеты, выпуски «Хатун» не так редко встречаются в Пенджикенте в хорошо датированных слоях VII–VIII вв., что позволяет понять дату *ante quem* многих тюрко-согдийских типов. Монеты тюркешей из раскопок Пенджикента все крупные, хорошего качества, не имеют дополнительных знаков и встречаются в слоях после 722 г. Очевидно, они должны относиться к выпускам грозного Сулу-кагана/Абу Музахима (719–738).

Опубликованные тюрко-согдийские монеты из Пенджикента

Таблица 1

Published Turko-Sogdian coins from Panjakent

Table 1

№	Регион	Тип, вариант	№ по каталогам*	Краткое описание	Кол-во из Пенджикента	Датировка по слоям города (при достаточных основаниях)
1.	Чач	II/7 **	№ 791	Av: Всадник вправо; луна. Rev: лирообразная тамга с отростком, надпись Джабгу-Каган	1	
2.		V/1	Д, 760	Av: Двойной портрет. Rev: симметричная лирообразная тамга, топорик?, надпись Тон-кагана	3	
3.		VI/2	№776	Av: Портрет в диадеме с луной, свастика справа. Rev: Вилообразная тамга, надпись «правитель Чача»	1	
4.		VI/3	№1563	Av: Портрет в короне, звезда справа Rev: Вилообразная тамга, надпись «Тудун Сатчак правитель Чача»	1	
5.		VI/6-7	№782-3, 775 (?)	Av: Лев влево (?); Rev: вилообразная тамга, надпись «правитель Сатчак» (или Сатчачари)	4	Не позднее 740-х гг.
6.		VI/8	№747-774	Av: Лев вправо. Rev: Вилообразная тамга, надпись «правитель тегин»	не менее 100	С рубежа VII-VIII в. до конца жизни города
7.		VI/14	№777-781	Av: Надпись «правитель тудун», Rev: вилообразная тамга, надпись	Более 20	С рубежа VII-VIII в. до конца жизни города
8.		VIII	Д, 752-754	Av: Изображение верблюда; Rev: ромбический знак, надпись «деньга господина кагана»	3	В слое до 722 г.
9.		IX	Отчет 2001	Av: Надпись «Каган» Rev: якоревидный знак, надпись «Тарду»	1	
10.	Фергана	II-a	786-7	Av: Женское лицо в византийском стиле, слева крест или цветок; Rev: Лирообразная тамга, надпись «слава; господин»	9	С рубежа VII-VIII в.; после 722 года не встречаются
11.		II-b	788-89	Av: упрощенное изображение лица, без знаков; Rev: тот же	5	
12.		II-d	790	Av: длинноволосое лицо в фас; Rev: тамга напоминает рака, надпись (едва ли верно чтение «халладж»)	10?	До 722 г.?, Все находки в храме II, из них 9 вместе
13.	Самаркандский Согд		792-796	Av: Парный портрет; Rev: Знак в виде стилизованного алтаря, надпись со словом «Хатун», есть много подтипов	16	С конца VII в. до конца жизни города
14.	Тюргеши		693-4	Av: Надпись «монета господина кагана тюргешей»; Rev: Тамга в виде полумесяца на половину кружка, без дополнительных знаков	12	В слоях после пожара 722 г. до конца жизни города

* Номера ниже 1000 по: Смирнова 1963; 1000 и выше по: Смирнова 1981; с префиксом Д по: Довудов 1982: Приложение.

** Типология чачских выпусков по: Шагалов, Кузнецов 2006.

Литература

- Беленицкий, Распопова 1981 — *Беленицкий А. М., Распопова В. И.* К вопросу об уточнении датировок согдийских монет // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 11–15.
- Довудов 1982 — *Довудов Д.* Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента: АКД. Л., 1982.
- Смирнова 1963 — *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
- Смирнова 1981 — *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
- Шагалов, Кузнецов 2006 — *Шагалов В. Д., Кузнецов А. В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент, 2006.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХРИСТИАНСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ (ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ)

А. А. Михеева¹

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF CHRISTIANITY IN CENTRAL ASIA AND SOUTHERN KAZAKHSTAN (HISTORY OF DISCOVERIES AND RESEARCH)

Anna A. Mikheeva

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-281-283

Ключевые слова: *Средняя Азия, восточное христианство, среднеазиатское христианство, христианская археология, христианский погребальный обряд.*

Keywords: *Central Asia, Eastern Christianity, Central Asian Christianity, Christian archaeology, Christian burial rite.*

История исследования памятников материальной культуры христиан Средней Азии и (частично) Южного Казахстана начинается в 1885 г. в Семиречье, где Ф. В. Поярковым и В. А. Андреевым были впервые открыты христианские средневековые кладбища с намогильными камнями (Хроника 1885: 3–4; Пантусов 1887). Это стало отправной точкой для дальнейшего археологического изучения христианства в регионе.

В целом, конец XIX — начало XX в. в истории изучения христианских древностей Средней Азии ознаменован открытием и изучением несторианских надгробных камней с сиротюркскими эпитафиями. Это открытие вызвало огромный интерес у лингвистов и семитологов, уделявших основное внимание чтению и комментированию надписей; сами камни рассматривались скорее как эпиграфический и лингвистический источник, нежели археологический (Кольченко 2018: 48).

Второй этап археологического изучения среднеазиатского христианства следует отсчитывать с начала 1950-х гг., когда в Туркмении был открыта церковь V в. Хароба-Кошук (Пугаченкова 1954), сооружение монастырского типа — т. н. «Овальное» здание (Дресвянская 1974) — и некрополь в древнем Мерве (Ершов 1959). Одновременно в Киргизии

¹ ORCID: 0000-0002-4056-5810; e-mail: hmunter666@mail.ru.

Чуйским отрядом Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции на городище Ак-Бешим была открыта церковь VIII в. (объект IV) с 24 погребениями при ней, совершенными по всем канонам христианского захоронения. Последние, на мой взгляд, и в настоящее время являются эталонными для изучения христианского погребального обряда начиная с VIII в. (Кызласов 1959). Кроме этого, по всей территории Средней Азии были открыты единичные захоронения христиан: на Краснореченском городище, на некрополе древнего Тараза, на площади Регистан в Самарканде, на могильнике Дашти-Урдакон в Таджикистане и городском некрополе Дурмен-тепа в Узбекистане. В 2019 г. на городище Иланбалык (Южный Казахстан) был обнаружен камень с высеченным на нем крестом и захоронения XIII–XIV вв. с характерными признаками погребальной практики христиан, прослеженными как на ак-бешимском памятнике (объект IV), так и на кладбищах XIII–XIV вв. около Токмака и Пишпека (Михеева 2020 [в печати]). Как правило, христианские погребения обнаруживались на городских зороастрийских кладбищах. Для периода с VII в. до начала XIII в. (Михеева (Китаева) 2017: 303), за исключением ак-бешимских погребений, на территории Средней Азии исключительно христианские кладбища неизвестны. И даже в церкви на городище Ак-Бешим (объект IV) в верхних слоях памятника были прослежены впускные мусульманские захоронения.

Конец 1990-х — начало 2000-х гг. знаменуется новыми открытиями в среднеазиатской христианской археологии. В 1996 и 1997 гг. Отделом Востока Государственного Эрмитажа и специалистами из Киргизии был обследован юго-восточный угол шахристана городища Ак-Бешим (Суяб... 2002). В результате проведенных работ был открыт комплекс церквей X–XI вв. (объект VIII), который стал третьим надежно интерпретируемым христианским церковным сооружением на территории Средней Азии. Четвертым можно назвать исследованный примерно в это же время Ургутский монастырь конца VII — начала XIII в., представленный двухнефной церковью с трапезной (Savchenko, Dickens 2009).

Помимо церковных сооружений и некрополей, за практически 120-летнюю историю изучения христианства на территории Средней Азии специалистами были найдены и исследованы различные предметы христианского культа: бронзовое кадило из Ургута (Залеская 1972), керамическая плитка с изображением креста (Гяур-кала, Туркменистан: Пилипко 1968), форма для отливки равноконечного креста и подвески (цитадель древнего Мерва: Simpson 1996). Бронзовый нательный крест был обнаружен в 1946 г. при раскопках городища Афрасиаб (Тереножкин 1950: 166) и погребения девочки на могильнике Дашти-Урдакон (Распопова 2014). Большая часть крестов и их фрагментов, конечно, прослеживается в области Семиречья. Часть их опубликована (Ротт 2005: 44–51), другая остается в частных коллекциях или запасниках музеев. Была собрана небольшая, но очень важная подборка монет с крестами (Мусакаева 1994), которая постепенно дополняется новыми нумизматическими находками.

Продолжилась традиция эпиграфического изучения христианства на территории Средней Азии: помимо сиро-тюркских эпитафий, археологами были найдены фрагменты сирийского письма (Пенджикент: Пайкова, Маршак 1976) и фрагменты надписей на сирийском языке на скалах рядом с Ургутским монастырём (Savchenko, Dickens 2009: 302). Заметим, что за время изучения христианских археологических памятников, по данной теме было защищено всего две диссертации: в 1968 г. Г. Я. Дресвянской (Дресвянская 1968) и В. Кляйном (Klein 1998).

В целом историографию археологического изучения христианства на территории Средней Азии условно можно разделить на три периода. Первый — период археолого-эпиграфического изучения христианских памятников в Семиречье и на границе Южного Казахстана (конец XIX — начало XX в.). Второй период — исследования досоветского и советского периодов, когда во всех областях Средней Азии постепенно начинаются широкомасштабные археологические работы, итогом которых стало открытие новых

памятников и отдельных находок. Для третьего, постсоветского периода археологического изучения христианства Средней Азии в большей степени характерны публикации обобщающего характера, переосмысление уже опубликованного материала и тщательная архивная работа с полевыми документами раскопок прошлых лет.

Литература

- Дресвянская 1968 — *Дресвянская Г. Я.* Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: АКД. Ташкент, 1968.
- Дресвянская 1974 — *Дресвянская Г. Я.* «Овальный» дом христианской общины // ТЮТАКЭ. 1974. Т. 15. С. 155–181.
- Ершов 1959 — *Ершов С. А.* Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.) // ТИИАЭ АН Туркменской ССР. 1959. Т. V. С. 160–204.
- Залеская 1972 — *Залеская В. Н.* Сирийское бронзовое кадило из Ургута // Средняя Азия и Иран. Л., 1972. С. 57–60.
- Кольченко 2018 — *Кольченко В. А.* Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд, 2018. С. 48–103.
- Кызласов 1959 — *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. 1959. Т. II. С. 155–242.
- Михеева (Китаева) 2017 — *Михеева (Китаева) А. А.* К вопросу об интерпретации захоронений некрополя Древнего Мерва: история взглядов и комплексный подход к изучению памятника // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 296–313.
- Михеева 2020 [в печати] — *Михеева А. А.* Погребальный обряд христиан Средней Азии и Южного Казахстана по археологическим источникам (IV — нач. XIII в.) // Христианский Восток. СПб., 2020 [в печати].
- Мусакаева 1994 — *Мусакаева А. А.* О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным) // Из истории древних культов. Христианство. Ташкент, 1994. С. 42–55.
- Пайкова, Маршак 1976 — *Пайкова А. В., Маршак Б. И.* Сирийская надпись из Пенджикента // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 34–38.
- Пантусов 1887 — *Пантусов Н. Н.* Христианское кладбище близ Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // ЗВОРАО. 1887. Т. I. С. 74–83.
- Пилипко 1968 — *Пилипко В. Н.* Плитка, подтверждающая предания // ПТ. 1968. № 1. С. 25.
- Пугаченкова 1954 — *Пугаченкова Г. А.* Хароба-Кошук // ИАНТуркмССР. 1954. № 3. С. 15–19.
- Распопова 2014 — *Распопова В. И.* Христиане в Пенджикенте в VIII в. // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона (03.05.1929 — 19.02.2010). СПб., 2014. С. 154–160 (ТИИМК. Т. XLII).
- Ротт 2005 — *Ротт Ф. Г.* Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы по истории и археологии Кыргызстана. Бишкек, 2005. Вып. 1. С. 44–51.
- Суяб... 2002 — Суяб. Ак-Бешим. СПб., 2002. С. 44–115.
- Тереножкин 1950 — *Тереножкин А. И.* Согд и Чач (Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 28 апреля 1948 г.) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 152–169.
- Хроника 1885 — Хроника // Восточное обозрение. СПб., 1885. № 44. С. 3–5.
- Klein 1998 — *Klein W.* Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh. Turnhout, 1998 (Silk Road Studies. 3).
- Savchenko, Dickens 2009 — *Savchenko A., Dickens M.* Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan // The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq I–V Seminar Days. Piscataway, 2009. P. 121–302.
- Simpson 1996 — *Simpson St J.* Digging on Iran's Doorstep // The British Museum Magazine. London, 1996. Issue 24. P. 30–32.

К ВОПРОСУ О «ЗОЛОТЫХ ПЕРСИКАХ» МАДРУШКАТА

Н. В. Семенов¹

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ON THE «GOLDEN PEACHES» OF MADRUSHKAT

Nikita V. Semenov

State Hermitage, St. Petersburg, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-284-285

Ключевые слова: *Пенджикентская экспедиция, Согдиана, Зеравшан, городище Хисорак, керамика.*

Keywords: *Penjikent expedition, Sogdiana, Zarafshan, Khisorak hillfort, pottery.*

Анатолий Максимилианович Мандельштам начал свою деятельность полевого археолога в Таджикистане. В начале 1950-х гг., будучи учеником А. Ю. Якубовского, он возглавил Каратегинский отряд, а позже — Кафирниганский. Им были сделаны важные открытия о расселении кушан и других кочевников в горных областях — на Памире, в Бишкентской долине. Работал он также и в верховьях Зеравшана, причем интересовала его не только археология: в частности, в 1956 г. им было сделано сообщение о петроглифах в окрестностях кишлаков Фатмовут и Шамтюч (Мандельштам 1956). Наше сообщение посвящено городищу Хисорак — археологическому памятнику, также расположенному в верховьях Зеравшана.

Городище Хисорак имеет хорошие естественные укрепления: с севера и запада — река Зеравшан (обрывы местами до 70–100 м), с востока — обрывы сая Волгун. С южной стороны также, возможно, имелись естественные обрывы, позднее превращенные в рвы (вода из Волгуна) и дополненные кладками стен из камня и сырцового кирпича.

Городище Хисорак известно с 1948 г. (Лурье 2011). В 1950-е гг. его изучением занималась О. И. Смирнова. Активно велись раскопки два сезона под руководством Б. Я. Ставиского (Ставиский и др. 2000а; 2000б). Пенджикентская экспедиция начала исследование памятника в 2008 г.

В ходе полевых сезонов 2010–2019 гг. получены определенные данные о самом городище и прилегающей территории. Исследовано несколько объектов на периферии городища, где были выявлены места обживания, например, остатки хауса, небольшой некрополь. Также на одной из террас к юго-западу от городища были зафиксированы скопления раннесредневековой керамики. Как и на городище, среди них есть качественные, правленные на круге формы, которые, как правило, соотносятся с более ранними образцами, чем основная масса посуды, которая вряд ли старше середины VIII в.

Стоит отметить, что ситуация с датировкой городища Хисорак не проста, так как памятники горных районов дают материала в разы меньше, чем равнинные. Так, за все годы изучения этого монументального и крупнейшего в верховьях Зеравшана комплекса сооружений монетных находок почти не было — первая случилась в 2011 г. (фельс халифа аль-Валида найден в заполнении захоронения в восточной части некрополя), а вторая — в 2018 г. («бухархудатская» драхма Ал-Махди в заполнении позднего пола в помещении 9 на цитадели I городища).

Какая-то часть чаш, кувшинов и других категорий столовой посуды — вероятно, привозная, как, например, и найденная в помещении 8 раковина каури. Из таких ранних форм назовем несколько, происходящих частично из раскопок, частично из подъемного материала. Подъемный материал разведки 2008 г. включает: фрагмент сделанной на круге красно-

¹ ORCID: 0000-0001-8893-389X; e-mail: nikitasmnv@gmail.com.

ангобированной чаши с Г-образно отогнутым венчиком. Чаша обработана горизонтальным лощением. Это характерная форма для периода III в. до н. э. — первых веков н. э. Также есть фрагмент боковой части кругового сосуда типа кувшина с валиком при переходе к горлу, покрытого светло-коричневым ангобом. В 2018 г. на шахристане был найден фрагмент чаши с кольцевым поддоном и лощением по черному ангобу, возможно, также относящийся к эпохе поздней древности. Следует отметить, что на цитадели I в заполнении разных слоев также зафиксированы обломки аналогичной посуды: в заполнении помещения 9 был обнаружен фрагмент венчика чаши, покрытого черным ангобом поверх красного, с продольными бороздками на плечике и лощением, отсюда же происходит фрагмент другого венчика чаши с ангобом и лощением и еще один фрагмент стенки чаши в заполнении конструктивного пола помещения I.

Однако текущие раскопки на цитаделях I и II и шахристане городища не выявили никаких сооружений античного времени. Что касается цитадели I, то серия шурфов (в помещении 5 под крепостной стеной, снаружи помещения 10, также под крепостной стеной и во внутренних помещениях 1 и 9) показала, что все постройки возводили на новой или заново выровненной площадке с использованием песчаных и зольных подсыпок для отвода влаги, этой же цели служили и массивные каменные цоколи в основании кирпичных кладок. Использование строителями Хисорака дренажной системы отчасти объясняет удивительную сохранность органического материала, как то: остатки конструкций деревянных перекрытий, желоб для беспрепятственного попадания воды по арыку сквозь крепостную стену, сено, солома, абрикосовые и персиковые косточки, кости и следы жизнедеятельности домашних животных (в том числе скелет собаки с частично сохранившейся шкурой). Среди органики есть и настоящие произведения декоративно-прикладного искусства — деревянные блоки и балки с сохранившейся фигурной и орнаментальной резьбой и краской. Ряд других находок также свидетельствуют о богатом убранстве и масштабно-сти обеих цитаделей. Прежде всего, к ним относится живопись, зафиксированная в завалах помещений цитадели II и на стенах помещений 2, 8 и 9 цитадели I (Lurje et al. 2017). Также неоднократно были найдены элементы архитектурного декора: сырцовые блоки с рельефным орнаментом, фигурные кирпичи разной формы со следами охры и без; в 2019 г. были открыты сохранившиеся на внешнем фасаде цитадели I гофры и смоделированная в стене помещения 10 ниша. На лессовой штукатурке сохранились следы не только монументального искусства, но и напоминающее петроглифы процарапанное изображение козла на стене помещения 4 цитадели I и аналогичные граффити в помещении цитадели II.

Городище, по-видимому, частично обживалось и после этого периода: поднят фрагмент лепного сосуда с двуствольной ручкой — типа, широко распространенного в наборах среднеазиатской керамики X в.

Литература

- Мандельштам 1956 — Мандельштам А. М. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верхнего Зеравшана // ТИИАЭ АН Таджикской ССР. 1956. Т. 42. С. 195–201.
- Лурье 2011 — Лурье П. Б. Мартшкат в согдийских документах с горы Мут // МПАЭ. 2011. Вып. 13. С. 45–47.
- Ставиский и др. 2000а — Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я., Гарифуллина З. А., Давутов Д. Д. Использование глины (лесса) в убранстве интерьера домусульманского дворца в Хисораке // Средняя Азия. Археология, история, культура: Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000. С. 239–244.
- Ставиский и др. 2000б — Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я., Гарифуллина З. А., Давутов Д. Д. Отчет о раскопках Российско-Таджикской археологической экспедиции (РТАЭ) на верхнем Зеравшане в 1998 г. // АРТ. 2000. Вып. 27. С. 59–70.
- Lurje et al. 2017 — Lurje P. B., Semenov N. V., Stepanov A. Ju. Mural painting from Hisorak // Bulletin of the Miho Museum. 2017. Vol. 17. P. 61–80.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МОНГОЛИИ ПРЕДТЮРКСКОГО ПЕРИОДА И НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА КУЛЬТУРЫ ТЮРОК: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Н. Н. Серегин²

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF MONGOLIA OF THE PRE-TURKIC PERIOD AND EARLY STAGE OF TURKIC CULTURE: RESULTS AND PERSPECTIVES OF RESEARCH

Nikolai N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russia

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-286-288

Ключевые слова: Монголия, ранние тюрки, жужанское время, погребения, «поминальные» объекты, хронология, этнокультурные процессы.

Keywords: Mongolia, early Turks, Rouran times, burials, «memorial» objects, chronology, ethno-cultural processes.

Одним из наиболее слабо исследованных периодов в истории Монголии остается предтюркское и раннетюркское время (вторая половина IV — первая половина VI в. н. э.). Этнокультурные и социально-политические процессы, происходившие на обозначенной территории на протяжении этих двух столетий, до сих пор рассматриваются главным образом на основе сведений письменных источников. Вместе с тем в последние десятилетия в ходе работ в различных частях страны получен определенный объем археологических материалов данного периода. В тезисах доклада отражены некоторые результаты анализа этих пока еще немногочисленных сведений, а также обозначены перспективы дальнейших исследований.

Археология Монголии жужанского времени на сегодняшний день представлена небольшой серией захоронений, раскопанных в западной, северной, центральной и восточной частях страны (Цэвэндорж и др. 2003; 2008; Очир, Анхбаяр 2016; Төрбат и др. 2016а; Баярсайхан, Түвшинжаргал 2018). Датировка этих комплексов определяется IV–VI вв. н. э. с возможностью дальнейшей детализации хронологического положения каждого объекта при условии накопления материалов. Имеющиеся результаты радиоуглеродного анализа подтверждают сделанные выводы.

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе исследования памятников Монголии жужанского времени, демонстрирует высокую степень варибельности показателей, учитывая единичный характер известных объектов. Так, единственное скальное захоронение, судя по имеющимся сведениям, представляет собой один из наиболее ранних комплексов подобного типа. Этнокультурная интерпретация таких объектов остается дискуссионной. Захоронения по обряду одиночной ингумации (вытянуто на спине, головой на запад и северо-запад, в простых ямах без внутримогильных конструкций) получили распространение в погребальной практике сяньби Внутренней Монголии и Маньчжурии. То же самое можно сказать по поводу выявленных погребений в деревянных гробах с труположением

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование».

² ORCID: 0000-0002-8051-7127; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru.

по западному сектору с отклонением к северу. Захоронение умерших вытянуто на спине, головой на север в простых ямах без дополнительных сооружений (Хох нуур) может рассматриваться в рамках сяньбийской традиции погребения в деревянных гробах.

Предметный комплекс, обнаруженный в рассматриваемых погребениях, отражает весьма широкие контакты населения Монголии жужанского времени в различных направлениях. Многочисленные аналогии имеются в памятниках кочевников Саяно-Алтайского региона и Забайкалья, а также комплексах сяньби и Когурё Восточной Азии. Кроме того, отчетливо выделяются западные связи, очевидно демонстрирующие сложные миграционные процессы эпохи Великого переселения народов.

В целом, немногочисленные памятники Монголии жужанского времени отражают известный исторический контекст этого периода. Можно предположить, что общество жужаней представляло собой неоднородный социум, включавший различные группы населения, характеризовавшиеся вариативностью материальной и духовной культуры и на непродолжительное время объединенные в составе каганата.

Археологические комплексы, демонстрирующие начальный этап культуры тюрок, пока достоверно известны только в Западной Монголии. Эта немногочисленная группа объектов представлена «поминальными» оградками, раскопанными на памятниках Бургастын гол, Хужирт-I, Хурээ зуслан-I и др. (Төрбат и др. 2016б; Идэрхангай и др. 2019; Тишкин и др. 2019 и т. д.). Хронология сооружений второй половины V–VI вв. н. э. подтверждается фиксацией характерных элементов конструкций, единичными показательными находками, а также имеющимися результатами радиоуглеродного анализа. Эти материалы позволяют уверенно рассматривать Западную Монголию наряду с Алтаем, где раскопан основной объем «ранних» тюркских комплексов, как территорию формирования обозначенной общности кочевников. В других частях страны подобные объекты неизвестны. Кроме того на территории Монголии не выявлены также погребения начального этапа культуры тюрок.

Нет сомнений в том, что дальнейшие полевые исследования в разных частях Монголии позволят существенно расширить источниковую базу истории этого региона в предтюркское и раннетюркское время. Очень перспективна программа радиоуглеродного датирования получаемых материалов, имеющих принципиальное значение для детализации представлений о сложных этнокультурных и социально-политических явлениях эпохи Великого переселения народов, а также для реконструкции процессов сложения кочевых империй раннего средневековья.

Литература

- Баярсайхан, Түвшинжаргал 2018 — *Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т.* Ховд аймгийн Мянгяд сумын нутаг «Урд Улаан Унээт» уулын дурсгал // Сяньби, Жужаны үеийн түүх, соёлын судалгаа. Улаанбаатар, 2018. Т. 106–117.
- Идэрхангай и др. 2019 — *Идэрхангай Т., Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н., Өнөрбаяр Б., Цэнд Д., Батчимэг Б., Эрдэнэпүрэв П.* Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ-2» хээрийн шин-жилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Алтай сумын нутагт ажилласан малтлага судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи-2018: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2019. Т. 231–236.
- Очир, Анхбаяр 2016 — *Очир А., Анхбаяр Б.* Жужаны үеийн булш // Монгол эртний булш оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Т. 3. Т. 190–195.
- Тишкин и др. 2019 — *Тишкин А. А., Идэрхангай Т., Пластеева Н. А., Серегин Н. Н., Горбунов В. В.* Захоронение лошади в тюркской оградке №5 памятника Хужирт-I (Монгольский Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. 25. С. 290–297.
- Төрбат и др. 2016а — *Төрбат Ц., Баярхүү Н., Ленец С., Бернгард В.* «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи — 2015. Улаанбаатар, 2016. Т. 172–176.

- Төрбат и др. 2016б — Төрбат Ц., Эрдэнэ-Очир Н., Батсүх Д., Энхбаяр Г. «Монголчуудын угсаатны бүрэлдэхүүн ба монголчуудын угсаа гарлын цогц судалгаа» төслийн хүрээнд эрдэнэ уул ба Хөх нуурт малтлага хийсэн тухай // Монголын археологи — 2015. Улаанбаатар, 2016. Т. 95–96.
- Цэвэндорж и др. 2003 — Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргуй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгүүл. Улаанбаатар, 2003. Т. IV/2. Т. 23–28.
- Цэвэндорж и др. 2008 — Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008.

КЕРАМИКА СЕЛЕНИЯ САРИ КУПРУК

*В. С. Соловьев¹, **Т. Г. Филимонова²

¹Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия

²Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан

CERAMICS OF THE VILLAGE OF SARI KUPRUK

*Viktor S. Solov'ov, **Tat'yana G. Filimonova

¹Ivan A. Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

²Akhmad Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-288-293

Ключевые слова: Сари Купрук, кушанское и раннесредневековое время, керамика Средней Азии, энохоевидные кувшины.

Keywords: Sari Kupruk, Kushan and Early Medieval times, Central Asian ceramics, oenochoe-shaped jugs.

В 2006 г. в среднем течении реки Вахш (Таджикистан), в зоне строительства Сангтундинской ГЭС, под руководством Т. Г. Филимоновой были проведены раскопки поселения Сари Купрук (Филимонова, Ахметзянов 2016). Это поселение являлось важной крепостью и было возведено в кушанское время на скалистом останце-острове, в том месте, где русло реки Вахш сужается до 10 м. Остров имеет 230 м в длину, 20–90 м в ширину, 15 м в высоту. Небольшой поперечной ложбиной он разделен на две части — северную и южную. Для строений использовались площадки останца, выровненные водами реки. Судя по рельефу, цитадель располагалась в северной части поселения. Само оно, видимо, контролировало одну из переправ через реку Вахш (Филимонова, Ахметзянов 2016: 263).

Известно, что Кушанское царство существовало на территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии, а период его расцвета приходится приблизительно на 105–250 гг. н. э. (Боровкова 2005). По всей вероятности, Кушанское царство было основано кочевым ираноязычным народом тохаров, пришедшим с территории нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Это государство достигло высокого уровня развития и поддерживало связи с Римом, Ираном и Китаем (Боровкова 2005; Шеркова 1991). Впоследствии Кушанское царство было за-

¹ ORCID: 0000-0002-3283-1752; e-mail: tohar.arh@mail.ru.

² ORCID: 0000-0002-7126-8325; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru.

воевано Сасанидами, на место которых пришли эфталиты (в целом продолжившие кушанские традиции в культуре) и тюрки, а затем эту территорию заняли арабы (VIII в.).

Изучение поселения Сари Купрук начал в 1991 г. И. Маслов, но его результаты остались неопубликованными. К 2006 г. оно было почти полностью разрушено при строительстве ГЭС. Душанбинские археологи изучали участок цитадели, служивший для сброса мусора. Ими было выделено четыре мусорных горизонта. Большую часть находок, преимущественно фрагментов керамики, дал второй горизонт. Он датирован VII–VIII вв.

В одном из мусорных горизонтов была найдена кушанская монета II в. н. э., т. е. времени основания поселения. К этому периоду относится и часть керамики, а самая поздняя гончарная продукция датируется IX в.

В данной работе публикуются материалы, которые относятся к позднему периоду существования поселения — VIII–IX вв., т. е. времени арабского завоевания. Прежде всего, нами была изучена серия лепных миниатюрных горшочков (рис. 1, 4), высота самого крупного из них составляет 7,5 см, диаметр тулова — 8 см; самого маленького — соответственно 4,5 см и 5,5 см. Такие горшочки служили для приготовления небольшого количества пищи, возможно, для маленьких детей. Аналогичные сосудики найдены в кроющем слое Калаи Кафирниган. Датированы они VIII в. (Соловьев 1996: рис. 31, 15, 18).

К этому же времени относятся энохоевидные кувшины (3 экз.). У двух из них отбиты венчики, но ясно, что они имели слив. Два сосуда однотипны: у них грушевидное, вытянутое тулово, одна ручка, которая крепилась одним концом к плечу, другим — к венчику. У третьего сосуда тулово округлое, ручка крепилась к тулову и плечу. Все они станковой выделки. Эти сосуды генетически связаны с греческими энохойями — служили для розлива вина. Все они относятся к простому виду керамических изделий: у них нет валика на горле, поверхность стенок не ангобирована (Соловьев 1996: 49–52, рис. 2).

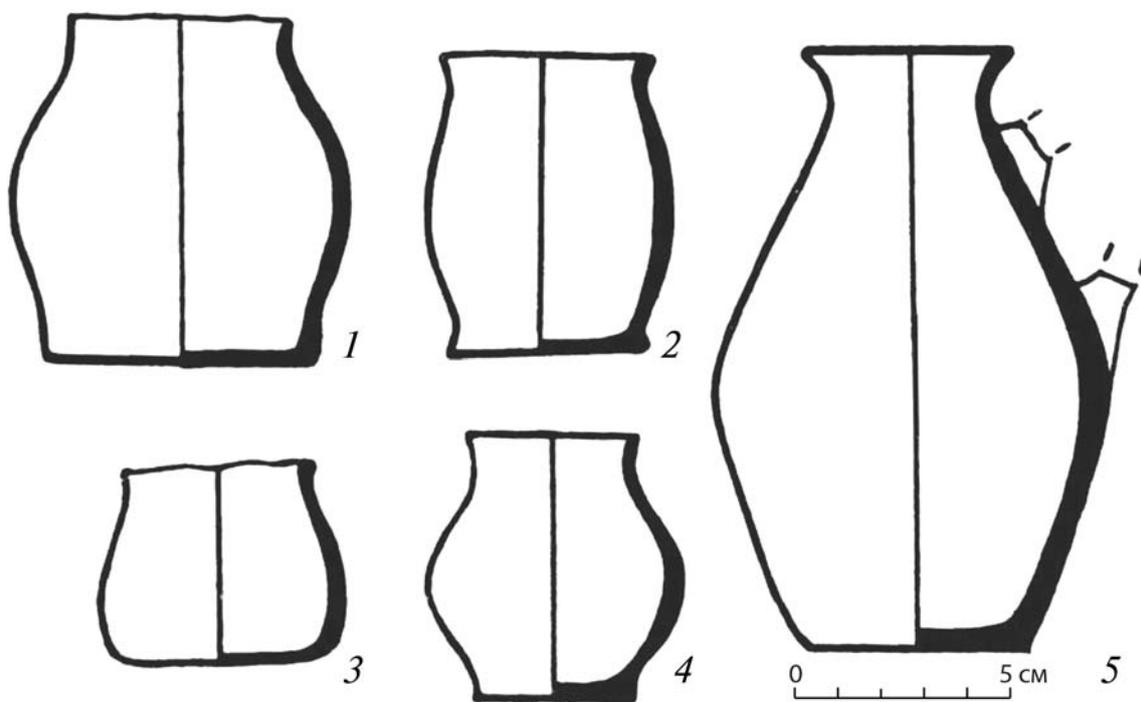

Рис. 1. Сари Купрук. Лепная керамика
Fig. 1. Sari Kupruk. Handmade pottery

Лепной кувшинчик (рис. 1, 5) имеет высоту тулова 13,5 см и диаметр тулова 9 см. Снабжен одной ручкой, прикрепленной одним концом к плечу сосуда, другим — к тулову. Прямые аналогии ему есть в керамике Калаи Кафирниган.

Лепная чашечка (рис. 5, 1) имеет конический резервуар высотой 4,5 см, диаметр устья — 5,5 см. Заканчивается он округлым дном.

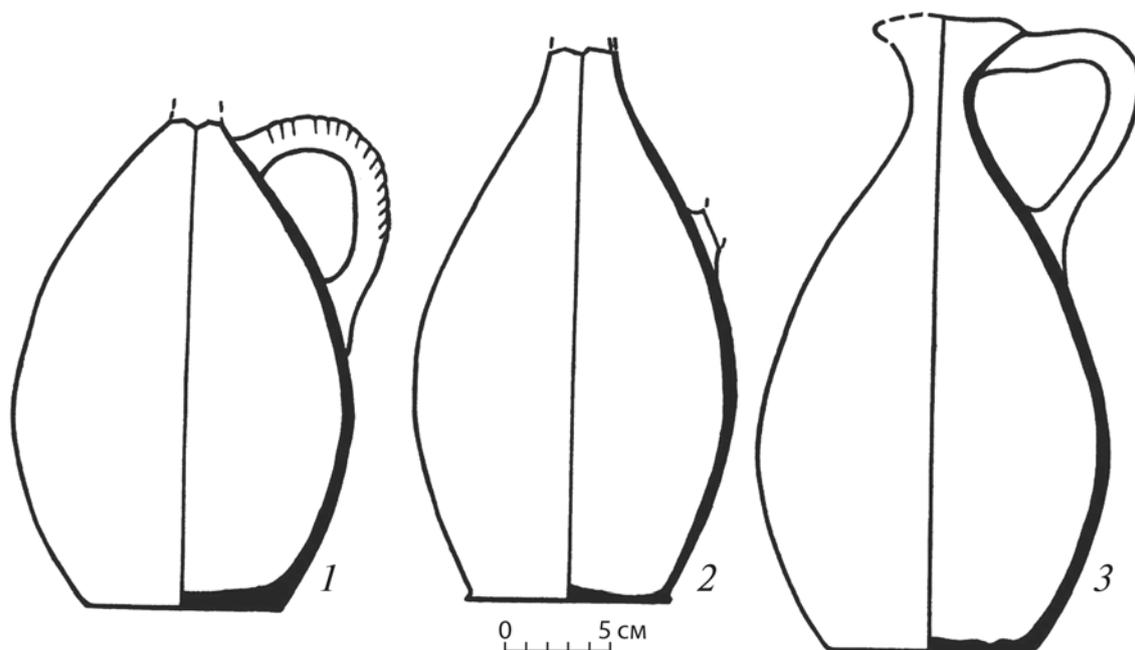

Рис. 2. Сари Купрук. Энохоевидные кувшины
Fig. 2. Sari Kupruk. Oenochoe-shaped jugs

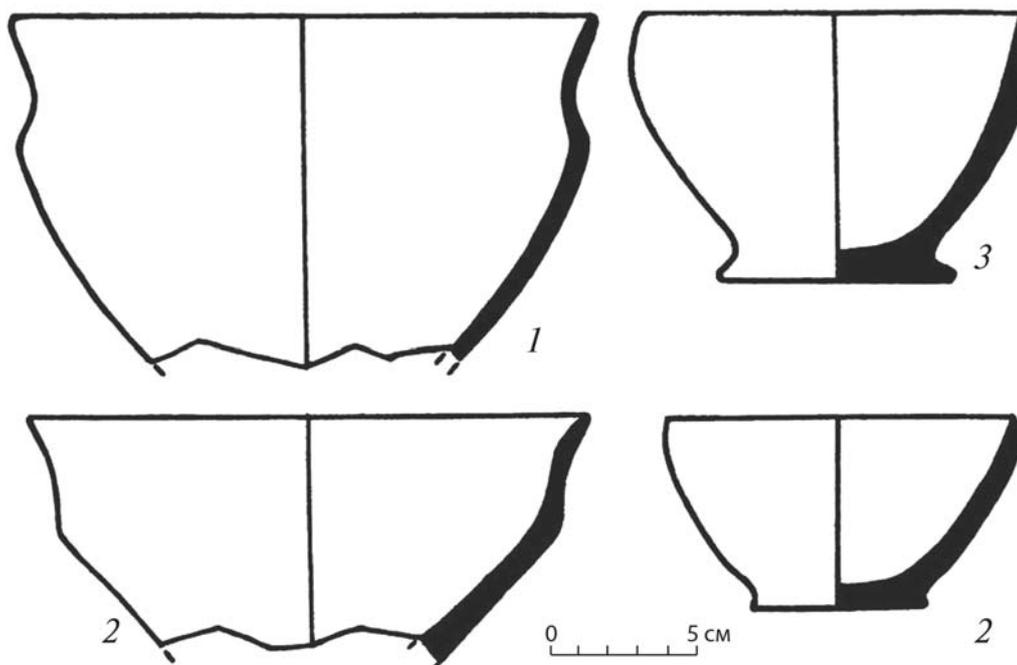

Рис. 3. Сари Купрук. Тарелки и кубки
Fig. 3. Sari Kupruk. Plates and cups

Глубокие тарелки (рис. 3, 1, 2) имеют стенки конической формы, венчик выделенный и немного отогнутый наружу. При этом у них широкое устье — 19–20 см. Эти сосуды характерны только для Кулябского района, найдены они в кроющих слоях Хульбака. В других регионах Тохаристана они не встречены.

Интерес представляют кубки (рис. 3, 3, 4). Они имеют округлый резервуар, плавно расширяющийся кверху, и приостренный венчик. Опираются кубки на широкий плоский поддон. Своей формой эти сосуды напоминают женские кубки, изображенные в сцене свадебного пира в живописи Балалыктепа, только у последних изящнее выполнена ножка (Альбаум 1960: 179, рис. 132). Сарикупрукские кубки, как и глубокие тарелки, видимо, имели локальное распространение.

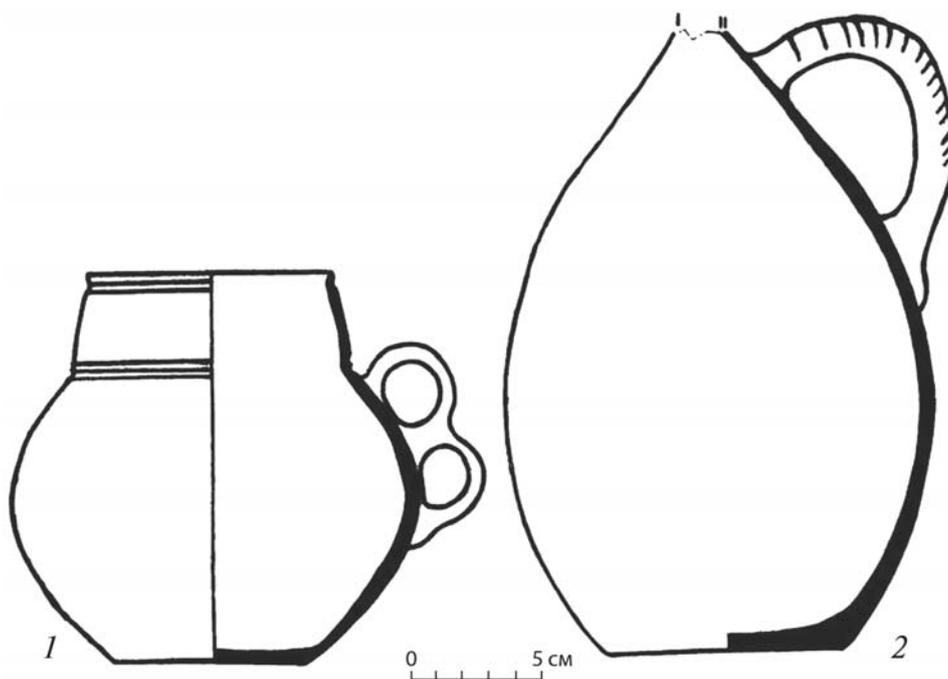

Рис. 4. Сари Купрук. Привозные сосуды
Fig. 4. Sari Kupruk. Imported vessels

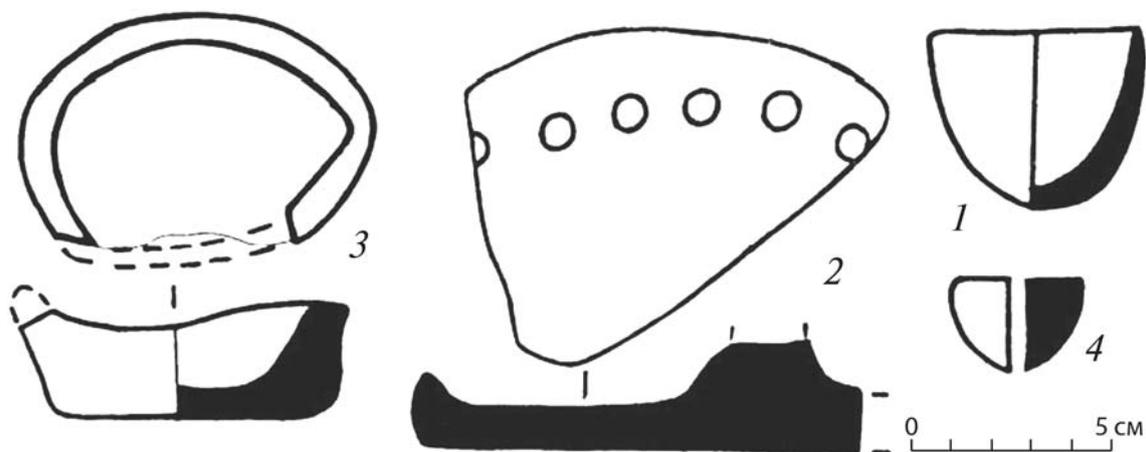

Рис. 5. Сари Купрук. Керамика IX в.
Fig. 5. Sari Kupruk. Pottery of the 9th century

Выделяются техникой изготовления и качеством два сосуда — энохоевидный кувшин и кружка с двумя кольцевидными ручками; они тщательно формованы на гончарном круге, покрыты красным плотным ангобом (рис. 4). Кружки подобного рода были распространены в быту у жителей регионов Сурхандарьи в VI–VIII вв. (Аннаев 1988: табл. XIII). Сосуды, видимо, являются привозными из какого-нибудь владения этой долины.

К IX в. относятся два фрагмента — светильника и крышки от котла. Светильник лепной, толстостенный, резервуар у него вытянутый — 6,5 см и глубиной 1,5 см. Носик-слив выделен слабо (рис. 5, 3). Крышка имела диаметр 20 см, толщина ее — 9–10 мм (рис. 5, 2). На фрагменте сохранились следы дугообразной ручки. Вдоль края крышки идет концентрическая цепочка, состоящая из пальцевых вмятин. Орнамент из цепочки, сделанный трубочкой, есть на фрагменте крышки из Дабилькургона (Соловьев 2016: рис. 19, 5).

Керамическое пряслице — лепное. Высота его равна 2,5 см, диаметр — 2,9 см, диаметр отверстия — 4 мм (рис. 5, 4). Коллекция керамики из Сари Купрука небольшая, но интересная; она характеризует отчасти гончарное производство раннесредневекового Хутталя, которое известно еще мало (Ртвеладзе 2012; 2013; Ходжаев 2011; 2015). Хутталь — одна из исторических областей Тохаристана, существовавшая приблизительно в 690–948 гг.

Таким образом, керамика селения Сари Купрук представляет большой научный интерес, так как отражает историю материальной культуры значительного периода времени. Особенно важным представляется дальнейшее изучение керамики рассматриваемого региона, в результате чего можно было бы получить общую картину керамического производства поселений, расположенных на торговых путях Средней Азии.

Литература

- Альбаум 1960 — *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
- Аннаев 1988 — *Аннаев Т. Д.* Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
- Боровкова 2005 — *Боровкова Л. А.* Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005.
- Ртвеладзе 2012 — *Ртвеладзе Э. В.* Великий индийский путь: из истории важнейших дорог Евразии. СПб., 2012.
- Ртвеладзе 2013 — *Ртвеладзе Э. В.* Историко-географический и археологический обзор Пашхурдской долины // МТЭ. 2013. Вып. 9. С. 5–32.
- Соловьев 1996 — *Соловьев В. С.* Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.
- Соловьев 2016 — *Соловьев В. С.* Керамика и стекло Северного Тохаристана (конец VIII — первая половина IX в.). Елец, 2016.
- Филимонова, Ахметзянов 2016 — *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Отчет о работах в Бальджуанском районе (2012 г.) // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII. С. 261–263.
- Ходжаев 2011 — *Ходжаев Ш. Р.* Сфероконические сосуды из Хульбука (к проблеме их функционального назначения) // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. Душанбе, 2011. № 33. С. 121–129.
- Ходжаев 2015 — *Ходжаев Ш. Р.* Хулбак — столица раннесредневекового Хутталя // Вестник Таджикского национального университета. Душанбе, 2015. № 3–8. С. 39–44.
- Шеркова 1991 — *Шеркова Т. А.* Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М., 1991.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АЛАНСКИХ МАТЕРИАЛОВ В КОЛЛЕКЦИИ МЕТРОПОЛИТЕН-МУЗЕЯ

Б. Хенселлек¹

*Институт археологии и материальных исследований, Корнеллский университет,
Итака, штат Нью-Йорк, США*

ON THE PROVENANCE OF THE ALANIC MATERIALS IN THE COLLECTION OF THE METROPOLITAN MUSEUM OF ART

Betty Hensellek

Institute of Archaeology and Material Studies, Cornell University, Ithaca, New York, USA

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-293

Ключевые слова: *Метрополитен-музей, Северный Кавказ, аланы, материальная культура, происхождение, арт-рынок.*

Keywords: *Metropolitan Museum of Art, Northwestern Caucasus, Alans, material culture, provenance, art market.*

В этом докладе представлены результаты архивных и устных разысканий о происхождении 45 аланских артефактов VI–IX вв. с Северо-Западного Кавказа. Сейчас все они находятся в Отделе древнего искусства Ближнего Востока в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. Музей приобрел фрагменты кафтана (кафтанов?) (инв. № 1996.78.1) и чулки (инв. № 1996.78.2) у аукционного дома Росси и Росси Лтд., Лондон (Rossi & Rossi Ltd., London) в 1996 г. Затем, в 1999 г. Жаклин Симкок (Jacqueline Simcox) подарила музею еще 43 предмета: от полотняной одежды и деревянных коробочек до бронзовых косметических принадлежностей и золотого брактеата (инв. № 1999.153.1–43). Два набора предметов впервые поступили на арт-рынок как часть лотов аукциона, проданных Штутгартским художественным аукционным домом имени доктора Фрица Нагеля (Stuttgarter Kunst-Auktionshaus Dr. Fritz Nagel), соответственно в 1994 и 1996 гг. (Stuttgarter Kunstauktionshaus... 1994; 1996). Оба лота представила аукционному дому Андреа Ульрих фон Эрцен (Andrea Ulrich von Oertzen) из Штутгарта. Ее отец, известный немецкий физик Ханс-Юрген фон Эртцен (Hans Jürgen von Oertzen), передал ей эти предметы в середине XX в. Говорят, что он приобрел их во время экспедиции на Северный Кавказ в 1920-х гг. В докладе обсуждается последующая история вышеупомянутых предметов аланской материальной культуры, предпринята попытка реконструкции кафтанов, а также выясняется, где находятся в настоящее время другие предметы из коллекции фон Эрцена, отсутствующие в Метрополитен-музее.

Литература

- Stuttgarter Kunstauktionshaus... 1994 -- Stuttgarter Kunstauktionshaus Dr. Fritz Nagel. Außergewöhnliches Fragment Einer Robe, Kat. Nr. 18 // Asiatische Kunst: Stuttgarter Kunstauktionshaus Dr. Fritz Nagel. May 1994 Volume.
- Stuttgarter Kunstauktionshaus... 1996 -- Stuttgarter Kunstauktionshaus Dr. Fritz Nagel. Robenfragmente und Grabungsfunde, Kat. Nr. 262 // Spezialauktion 27T «Sammlerteppiche» und 1. Spezialauktion «Sammlertextilien»: Stuttgarter Kunstauktionshaus Dr. Fritz Nagel. November 1996 Volume.

¹ ORCID: 0000-0002-9873-5384; e-mail: betty.hensellek@gmail.com.

ОБРАЗЦЫ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ XIV в. АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО (ШИРВАНСКОГО) ПРОИЗВОДСТВА ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА

*Н. И. Юдин¹, *А. Н. Масловский², **М. Каземпур³

**Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Азов, Россия*

***Табризский университет исламского искусства, Табриз, Иран*

14th-CENTURY GLAZED POTTERY PATTERNS OF THE AZERBAIJANI (SHIRVANI) ORIGIN FROM EXCAVATIONS AT AZAK, THE GOLDEN HORDE SITE

*Nikita I. Yudin, *Andrei N. Maslovskii, **Mehdi Kazempour

**Azov Historico-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, Azov, Russia*

***Tabriz Islamic Art University, Tabriz, Iran*

DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-294-296

Ключевые слова: Азак, Золотая Орда, Ширван, глазурованная керамика, персидская эпиграфика.

Keywords: Azak, Golden Horde, Shirvan, glazed pottery, Persian epigraphy.

В 2000 г. в ходе раскопок в городе Азове, на участке по адресу: ул. Толстого, д. 41, в яме 5 были найдены несколько фрагментов большой орнаментированной поливной чаши (Белинский, Масловский 2001). Сосуд изготовлен по донно-емкостной программе конструирования полого тела, на этапе РФК-7 (развитие функций круга), с использованием формовочной массы без визуально определяемых примесей (Бобринский 1978). Особенностью техники его изготовления является тонкий слой светлой желто-зеленой глазури, покрывающий всю внутреннюю и часть внешней поверхности сосуда. Сложная орнаментация на фрагментах сочетает в себе сграффито с полихромной росписью и резервом. Отличительной особенностью декора являются множественные надписи, покрывающие плоскость горизонтально отогнутого венчика, а также внутреннее поле чаши (рис. 1, 1).

Сохранившиеся фрагменты позволяют реконструировать форму и отдельные морфологические параметры чаши (Масловский 2006): диаметр венчика — 34,8 см, максимальный диаметр тулова — 30 см, сохранившаяся высота сосуда — 10,0 см. И. В. Волков определил происхождение чаши как азербайджанское (Ширван) (Волков 2000), добавив, что совокупность ее характеристик, перечисленных выше, фиксируется в Азербайджане этнографически. Данная версия о происхождении подобной керамики была поддержана российскими исследователями — А. Н. Масловским (Масловский 2006) и, с оговорками, В. Ю. Ковалем (Коваль 2010), С. Г. Бочаровым и А. Г. Ситдиковым (Бочаров, Ситдиков 2018).

Находка, рассматриваемая в работе, — не единственная из раскопок в Азаке. Из наиболее примечательных фрагментов, обнаруженных ранее, — два дна с клеймами, нанесенными на внутреннюю полость поддона (Гудименко 1993; Масловский 2006). Фрагменты ширванских глазурованных сосудов встречены в керамике Царевского (Юдин 2011), Водянского (Лапшин, Мыськов 2013) и Селитренного городищ (Валиев и др. 2013), Болгара (Ситдиков и др. 2015; 2016), Маджара (Волков 2016), Увека (Кубанкин, Масловский 2013) а также Самосдельского городища (Волков 2000) (рис. 1, 2).

¹ ORCID: 0000-0001-6224-6880; e-mail: niarchaeologist@gmail.com.

² ORCID: 0000-0002-2452-4306; e-mail: maslovskiazak@mail.ru.

³ ORCID: 0000-0001-9734-6961; e-mail: M.kazempur63@gmail.com.

На последней находке следует остановиться отдельно, так как она имеет определяющее значение для нашего исследования. Находки из Самосдельского городища и Азака являются полными аналогиями, — это касается и текста стихов, нанесенных на них.

В мае 2020 г. в рамках проекта о сотрудничестве между Азовским музеем-заповедником и Тебризским университетом исламского искусства (Тебриз, Иран) и при непосредственном участии иранских коллег удалось перевести содержание сохранившейся части надписей на находках из Азова-Азака и Самосдельского городища.

Орнамент на обеих чашах разделен на три зоны. Внешняя орнаментальная зона содержит надписи, выполненные почерком, очень близким почерку «куфи», и состоящие из непрерывно повторяющегося имени «Аллах». Средняя орнаментальная зона обеих чаш включает надписи, являющиеся строками из поэмы.

Ниже приводится перевод текста на чаше из Азака:

محمود بن يوسف كاسه گر	Махмуд Ибн Юсуф гончар.
....آنرا در میان باد	[...] находясь между
سبزه و آب روان باد	Зеленью трав и бегущей водой
بلبلان و من. [...] در قفس	Вместе с соловьями я[...] в клетке.
از قضا آرد مکان یادآور من	Порой мне кажется, что здесь
... آدم محبوس را در قفس	[...] как узник в темнице.
... آن شب جاودان یادآور من	Эта бесконечная ночь напоминает мне [...]
دال(نم که یا)د کند یار آخر	Уверен, мой единственный друг не забудет меня
دل بر نکند زمن یار آخر	И не уйдет вплоть до последнего дня
دانم که مرا به دست غم نسپاری	Я знаю, ты не причинишь мне грусть
روزی بمراد میکند کار آخر	И однажды все пройдет так, как начертан путь
کاتب محی الدین علی الناصر	Сочинил Мохи Ал Дин Али Олнасер

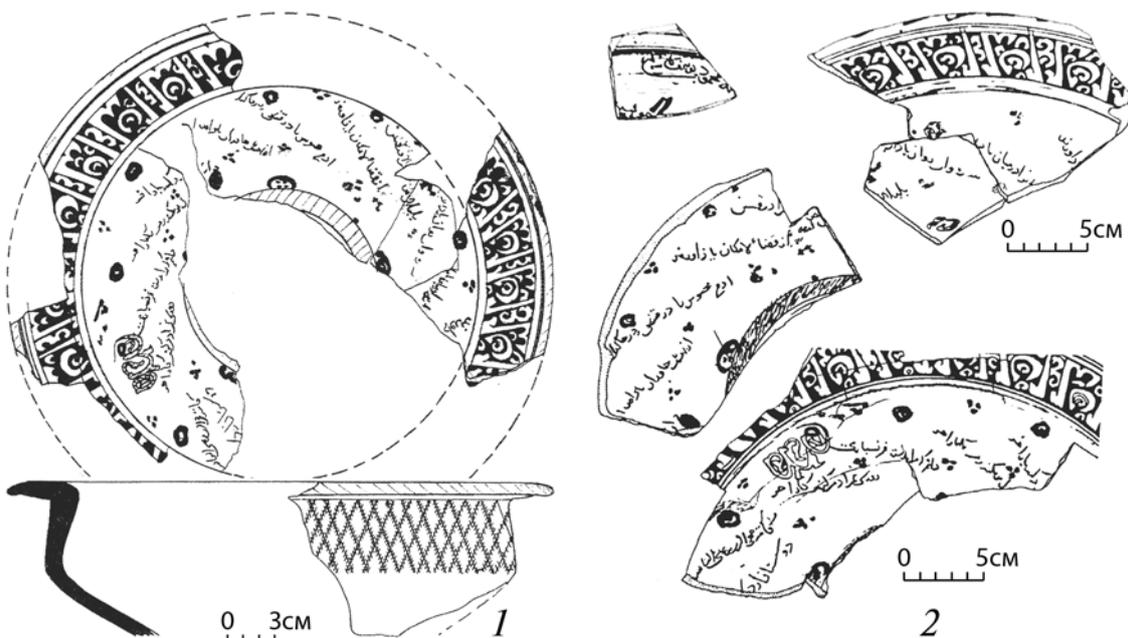

Рис. 1. Фрагменты поливных чаш ширванского производства: 1 — городище Азак, раскопки 2001 г.; 2 — Самосдельское городище

Fig. 1. Fragments of glazed bowls produced in Shirvan: 1 — site of Azak, excavation season 2001; 2 — site of Samosdel'skoe

Факт сходства рассматриваемых чаш (технология изготовления, почерк, которым нанесены надписи на обоих фрагментах), позволяет предположить их очень близкое родство, а места обнаружения показывают географию распространения продукции отдельно взятого мастера-гончара, руке которого вполне могут принадлежать обе сравниваемые чаши.

Стихотворный текст, нанесенный на чашу из Азака, дает нам еще один прекрасный письменный источник времен Золотой Орды и является важным дополнением к характеристике духовного и культурного облика ее жителей.

Время бытования азербайджанской керамики в Азаке приходится на середину XIV в. (Кравченко 2017). В эти же хронологические рамки попадает и азакская чаша с надписями (Масловский, Белинский 2001).

Литература

- Бобринский 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978.
- Белинский, Масловский 2001 — Белинский И. В., Масловский А. Н. Раскопки в г. Азове по ул. Толстого в 2000 году // ИАИАИАНД в 1999–2000 гг. 2001. Вып. 17. С. 38–47.
- Бочаров, Ситдииков 2018 — Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. Исторические связи Ширвана и Золотой Орды в XIII–XIV вв., на примере распространения поливной керамики // Археология Азербайджана. Баку, 2018. Т. 21/2. С. 84–93.
- Волков 2000 — Волков И. В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия. Археология. История. Культура: Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000. С. 45–50.
- Волков 2016 — Волков И. В. Керамика золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск — Будённовск — 2012 год. Казань, 2016. С. 139–222 (Археология Евразийских степей. Вып. 23).
- Гудименко 1993 — Гудименко И. В. Итоги раскопок III Азовского археологического отряда и отряда «Дельта» в 1991 году // ИАИАИАНД в 1991 г. 1993. Вып. 11. С. 12–19.
- Коваль 2010 — Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси: IX–XVII века. М., 2010.
- Кубанкин, Масловский 2013 — Кубанкин Д. А., Масловский А. Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // ПАрх. 2013. № 4. С. 130–154.
- Кравченко 2017 — Кравченко С. А. Парадная керамика из раскопок Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань; Кишинев, 2017.
- Лапшин, Мыськов 2013 — Лапшин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. Волгоград, 2013.
- Масловский 2006 — Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАИАНД в 2004 г. 2006. Вып. 21. С. 308–473.
- Масловский, Белинский 2001 — Масловский А. Н., Белинский И. В. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Толстого, 41 в 2000 году (Раскоп I–II) // Архив Азовского музея краеведения. 2001. Б/н. С. 1–12.
- Мицишвили 1992 — Мицишвили М. Н. Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII–XIV вв. // Bulgaria Pontica Medii Aevi. III. Nessebre, 27–31 mai 1985. София, 1992. С. 281–294.
- Ситдииков и др. 2015 — Ситдииков А. Г., Бочаров С. Г., Масюта Д. А., Иожица Д. В., Куликов А. В., Лесная Е. С., Яворская Л. В. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск. Казань, 2015. С. 16–18.
- Ситдииков и др. 2016 — Ситдииков А. Г., Бочаров С. Г., Масюта Д. А., Иожица Д. В., Куликов А. В., Лесная Е. С., Яворская Л. В., Данильченко А. И. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск. Казань, 2016. С. 13–15.
- Юдин 2011 — Юдин Н. И. Фрагмент красноглиняной поливной чаши из материалов Царевского городища // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: МТД. Оренбург, 1–3 февраля 2011 г. Оренбург, 2011. С. 114–116.
- Якобсон 1959 — Якобсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала): По материалам раскопок 1953–1955 гг. // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 1: 1953–1955 гг. М.; Л., 1959. С. 228–302 (МИА. № 67).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

LIST OF ABBREVIATIONS

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа. СПб.
- АДД — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.
- АИ — Археологические изыскания. СПб.
- АКД — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
- АН — Академия наук.
- АО — Археологические открытия. М.
- АРГО — Архив Русского географического общества. СПб.
- АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад/Душанбе.
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
- БИИМК — Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. СПб.
- ВAAЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
- ВАС — Всероссийский археологический съезд.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВКУ — Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово.
- ВНсбГУ — Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск.
- Восток — Восток (Oriens): Афро-азиатские общества: история и современность. М.
- ВТГУ — Вестник Томского государственного университета. Томск.
- ДАНТаджССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад.
- ДБ — Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М.
- ДВЕЦАЮС-1 — Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб., 2019.
- ЗВОРАО — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. СПб.
- ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
- ИАИАИАНД — Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
- ИАИАНТуркмССР — Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад
- ИБМАИКЦА — Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.

- ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН. СПб.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КД — Каракумские древности. Ашхабад.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
Л. — Ленинград.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР. Л.
М. — Москва.
МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. М.; Нижний Новгород; Тюмень.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России. М.
МКВ — Материальная культура Востока. М.
МПАЭ — Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб.
МТД — Материалы и тезисы докладов.
МТЭ — Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец.
МФАЭ — Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе.
МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. СПб.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАИИМК — Научный архив ИИМК РАН. СПб.
НАН — Национальная Академия наук.
НС — Новая серия.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАрх — Поволжская археология. Казань.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. Л.
ПТ — Памятники Туркменистана. Ашхабад.
РА — Российская археология. М.
РАН — Российская Академия наук.
РО — Рукописный отдел.
СА — Советская археология. М.
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников. М.
СамНВ — Самарский научный вестник. Самара.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л.
СНВ — Страны и народы Востока. М.
СО — Сибирское отделение РАН.
СОГН — Серия общественных и гуманитарных наук.
СОН — Серия общественных наук.
СПАЧ — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. [Т. 11]).

- СПб. — Санкт-Петербург.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.
СРИКМ — Сообщения Государственного республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств. Душанбе.
СТЭАН — Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР.
ТАНТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Сталинабад.
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
ТД — Тезисы докладов.
ТДС — Тезисы докладов и сообщений.
ТИИАЭ — Труды института истории, археологии и этнографии.
ТИИМК — Труды ИИМК РАН. СПб.
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТМАЭ — Труды Маргианской археологической экспедиции. М.; СПб.
ТТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Ташкент.
ТТАЭ — Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. М.; Л.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л./СПб.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ФО — Фотоотдел.
ЦАКЭ — Центральная Азия в кушанскую эпоху: Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г.). Т. I–II. М., 1974–1975.
ЭВ — Эпиграфика Востока. М.; Л.
ЭО — Этнографическое обозрение. М.
ЮЗТ — Юго-Западный Туркменистан [сокращенное наименование периодов первобытной истории].
AIT — Archäologie in Iran und Turan. Berlin.
AMIT — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
AoF — Altorientalische Forschungen. Berlin.
AOр — Archiv Orientální. Praha.
ArtAs — Artibus Asiae. Ascona.
CAHist — The Cambridge Ancient History. [1st ed.] Cambridge.
EAnt — Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archeologie Eurasiens. Berlin; Mainz.
EW — East and West. Rome.
IA — Iranica Antiqua. Leiden; Gent.
JASR — Journal of Archaeological Science: Reports. Amsterdam.
Klio — Klio: Beiträge zur alten Geschichte. Berlin.
MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris.
OLP — Orientalia Lovaniensia Periodica. Leuven.
Parthica — Parthica: Incontri di culture nel mondo antico. Pisa; Roma.
PBritA — Proceedings of the British Academy. London.
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Kroll und K. Mittelhaus, unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen hrsg. von K. Ziegler. Stuttgart.
SAnt — Scripta Antiqua. М.
SKAW — Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien.
SWT — Southwestern Turkmenistan [abbreviated designation of Prehistoric periods].

СОДЕРЖАНИЕ

От Оргкомитета конференции	5
----------------------------------	---

РАЗДЕЛ I

Вклад А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина в изучение археологии и древней истории Центральной Азии

Ю. Г. Кутимов. Анатолий Максимилианович Мандельштам (1920–1983).....	7
В. А. Алёкишин. Игорь Николаевич Хлопин и первобытная археология Центральной Азии.	10
Б. Б. Овчинникова. Из воспоминаний об Анатолии Максимилиановиче Мандельштаме	14
Я. В. Васильков. Вспоминая аймырлыгские разговоры с А. М. Мандельштамом.	19
Ю. Г. Кутимов. Археологические исследования А. М. Мандельштама в Бишкентской долине Таджикистана.	22
К. И. Ташбаева. А. М. Мандельштам об истории усуней в Центральной Азии (к проблеме хронологии и взаимоотношений сакской и усуньской культур).	24
В. П. Никоноров. Средняя Азия античной эпохи в трудах А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина	26

РАЗДЕЛ II

Центральная Азия и соседние регионы Евразии в первобытную эпоху (неолит — бронзовый век)

В. А. Алёкишин. Культурные контакты Юго-Западного Туркменистана, Северо- Восточного Ирана и Юго-Восточного Туркменистана в период ЮЗТ-II (по результатам раскопок И. Н. Хлопина на могильнике Пархай II).....	33
В. А. Алёкишин. Металлические косметические стержни из могильника Заманбаба (Южный Узбекистан)	37
Ф. Ш. Аминов, Е. К. Блохин, Н. Ф. Соловьёва. Керамика периода перехода от раннего к развитому энеолиту в подгорной полосе Копетдага — новые свидетельства из раскопок Ёылгынлы-депе	41
В. Б. Бахшалиев. Связи неолитической культуры Нахичевани со Средним Востоком ...	44
Э. В. Бахшалиев. Связи культур периода среднего энеолита Нахичевани со Средним Востоком	47
Ю. Е. Березкин. Миф о ныряльщике за землей в евразийских степях?	49
Н. М. Виноградова, Ш. Ф. Курбанов, С. Бобомуллоев. Предварительные результаты исследования могильника Мустафотепа в верховьях реки Зеравшан.	52
Т. С. Гашимова. Связи полихромной расписной керамики поселения Кызкала с Ближним Востоком	55
Е. А. Гордеева. Миграционные процессы и сложение идеологического мировоззрения общества Средней Азии в древности.	57

А. А. Горячев, Т. А. Егорова. Погребальные традиции племен эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора	59
А. В. Громов. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху энеолита и бронзы . . .	65
А. В. Громов, Н. И. Лазаретова. Население окуневской культуры Минусинской котловины по данным остеометрии	68
С. П. Грушин, Н. А. Дубова, А. В. Фрибус. Миниатюрные колонки БМАК: их морфологические особенности и возможное назначение	70
Н. А. Дубова, А. А. Тишкин. Рентгенофлюоресцентный анализ сплавов двух статусных предметов с Гонур-депе (Туркменистан)	74
Л. Б. Кирчо. Контакты населения Алтын-депе и Юго-Западного Туркменистана в конце IV–III тыс. до н. э.	77
А. В. Кияшко. Распространение катакомбного погребального обряда в процессе взаимодействия оседлого и кочевого населения Евразии в бронзовом веке	83
Е. В. Кузина, Е. К. Блохин, Н. Ф. Соловьева. Пряслица и «навершия» периода позднего Намазга I из раскопок Йылгынлы-депе	85
З. К. Кулиева. Связи энеолитической культуры Нахичевани с Ближним Востоком	89
Э. А. Мурадова. К проблеме взаимодействия культур (в свете новых данных)	92
А. В. Поляков. К вопросу об особенностях памятников окуневского типа Верхнего Енисея	93
Е. Н. Сава, Т. Г. Сорочяну. Западная граница распространения клепаных котлов эпохи бронзы в Евразии	96
И. А. Савко. К вопросу о формировании памятников андроновской (федоровской) культуры на территории Восточного Казахстана	99
Р. М. Сатаев, Л. В. Сатаева, Н. А. Дубова. Природные условия древней Маргианы	101
С.-Дж. Симпсон. Новая идентификация каменного конического сосуда из раскопок И. Н. Хлопина в Пархае II (погребение 19)	103
Н. Н. Скакун, В. В. Терехина. Типологическая классификация каменных колонок из Гонур-депе (Южная Туркмения)	106
Н. Ф. Соловьева, Е. К. Блохин. «Тумбы» и печи Йылгынлы-депе	109
Е. Г. Старкова. Симметрический анализ как один из методов изучения орнаментов древней керамики	116
К. И. Ташбаева. Сюжетные линии в петроглифах Саймалы-Таша	119
А. В. Фрибус, С. П. Грушин, Р. М. Сатаев, Н. А. Дубова. Рисунки и знаки на керамике из Гонур-депе (Туркменистан): техника нанесения, иконография, семантика	121
И. Хейт. Жилища Монджуклы-депе в контексте организации жилого пространства неолита и раннего энеолита Южного Туркменистана: анализ преемственных черт	124
Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода. Хронология изделий Сосново-Мазинского клада	127
G. L. Bonora, G. Rossi Osmida (†), A. Cengia. A thymiaterion from the Oxus Civilisation Graveyard of Adjı Kui in Margiana	130
E. Luneau, V. Martinez Ferreras, A. Abdykanova, K. Tabaldiev, G. Motuzaitė Matuzeviciute. New studies on Bronze Age ceramics from Northern Kyrgyzstan	134
N. Museibli. Small clay products in the Leilatepe culture	136

РАЗДЕЛ III

Центральная Азия и соседние регионы Евразии в эпоху раннего железа и античное время

А. Г. Акулов, П. В. Ишутина. За краем Ойкумены: новые перспективы исследований курганов Красноярской лесостепи	141
А. С. Балахванцев. Ранние кочевники на границах Хорезма: массагеты	145

О. В. Бельш. Длинные стены в фортификации Средней Азии	147
Чжичэн Би, И. В. Палагута. Рельефы гробниц эпохи Хань из провинции Шаньдун в контексте связей Восток-Запад.	149
С. Б. Бурков. К вопросу о происхождении алан Центрального Предкавказья по данным археологии: среднеазиатская версия	154
В. С. Бусова. Изучение коллекции археологических кож из могильника Аймырлыг (по материалам Государственного Эрмитажа).	157
А. В. Варенов. Датировка и семантика селенгинских писаниц и ее реминисценции на погребальных рельефах киданьских саркофагов.	159
Ю. А. Виноградов, М. И. Ростовцев о взаимоотношениях Боспора с миром кочевников Северного Причерноморья	163
А. В. Громов, Е. Н. Учанева. История населения Тувы в скифское время: анализ краниологических данных.	165
Н. Д. Двуреченская. Керамический комплекс Бактрии селевкидского периода	168
Т. О. Двуреченская. Лепная керамика из крепости Узундара	170
О. В. Двуреченский. Комплекс вооружения защитников крепости Узундара	171
А. В. Дедюлькин. Детали из слоновой кости от эллинистического парадного оружия из Храма Окса	174
А. Б. Джумаев. К проблеме интерпретации древних и раннесредневековых археологических источников в исследованиях по истории музыкальной культуры Центральной Азии	177
В. А. Дмитриев. К вопросу о геополитической ситуации на Среднем Востоке в 360–370-е гг. н. э.	179
О. В. Дьякова. Польцевская культура Дальнего Востока: формирование и генезис	181
М. Е. Килуновская. Курганы с дромосами скифского времени в Туве	182
С. Г. Колтухов. О датировке черногооровского погребения и стелы из кургана Целинное 16 в контексте предскифских древностей Причерноморья	186
А. А. Красноперов. Пряжка из коллекции Ильинского музея (Пермский край) и ее контекст	189
Т. К. Мкртычев. О месте буддизма в кушанской Бактрии	191
В. В. Мокробородов. Строительная техника и материалы среднеазиатских поселений в середине I тыс. до н. э.	193
А. В. Омельченко. Вещевые комплексы кочевников Западного Согда и Бактрии в I в. до н. э. — II в. н. э. (по материалам раскопок культовых и погребальных памятников)	195
С. В. Панкова. Ворсовые изделия из памятников бассейна Тарима I тыс. до н. э.: обзор находок	199
Э. В. Ртвеладзе. Кампыртепа — Александрия Оксианская — Пандохейон: новые данные о присутствии парфян в долине Окса.	204
Вл. А. Семенов. Археологические памятники долины реки Чаа-Холь в Туве	207
Е. О. Стоянов. Камень <i>callaina</i> и «народы Кавказских гор»: к интерпретации спорного пассажа из «Естествознания» Плиния Старшего	210
А. В. Субботин. Этапы освоения тагарскими племенами Назаровской котловины.	212
Р. Х. Сулейманов. Ранние кочевники и Средняя Азия	216
Н. А. Сулягина. Реконструкция внутреннего убранства ноин-улинских гробниц (по материалам раскопок Монголо-Тибетской экспедиции)	218
А. И. Торгоев, А. В. Кулиш, М. К. Борсунбаев. Городище Шамши III — ставка племен кенкольской культуры в Чуйской долине	223
В. Б. Трубникова. Опыт выделения локально-хронологических групп сянбэйской культуры.	227
К. В. Чугунов. Маркеры культурно-хронологических горизонтов раннескифского времени в азиатской зоне степей Евразии — опыт выделения	229

<i>О. В. Шаров.</i> Хронология культовых комплексов у села Таракташ в восточном Крыму	231
<i>И. Ю. Шайб.</i> Головной убор из I Мордвиновского кургана и его сибирские аналоги	233
<i>I. A. Arzhantseva, M. Goffriller, H. Haerke.</i> Multidisciplinary approaches to the Dzhety-Asar archaeological landscape: early state formation in the Eastern Aral Sea region?	236
<i>A. Kurbanov.</i> Understanding Late Antique Dehistan	238
<i>K. Maksymiuk, A. Kubik, P. Skupniewicz.</i> The relief at Rag-i Bibi: can it be considered as Sasanian?	239
<i>E. M. Murphy.</i> Life and death in the Scythian world of Southern Siberia: a social bioarchaeological study of the mobile pastoralists from Aymyrlyg	244

РАЗДЕЛ IV

Центральная Азия и соседние регионы Евразии в Средние века

<i>А. В. Антипенко, Д. Э. Сейдалиева, Э. И. Сейдалиев.</i> Элементный состав медных пулов чеканки Солхата (предварительные результаты)	249
<i>Т. К. Арзыбаев.</i> Ирригация Средней Азии в XV в.	254
<i>А. А. Бурханов.</i> Взаимодействие оседло-земледельческих оазисов и урбанистических центров бассейна Средней Амударьи с кочевыми культурами Средней Азии и Евразии в древности и средневековье (в пределах Лебапского вelayа Восточного Туркменистана)	256
<i>А. А. Бурханов, Л. Ш. Ахметова.</i> Восточное Закамье в системе культур и цивилизаций Волго-Уральского региона и Евразии (к вопросу о взаимодействии кочевых и оседлых культур Евразии в древности и средневековье)	259
<i>А. В. Варенов, М. А. Кудинова.</i> Следы несторианского влияния на писанице Уцзячуань в провинции Ганьсу (Китай)	263
<i>А. В. Варенов, Д. В. Черемисин.</i> Изображения сэнмурвов в наскальном искусстве Средней Азии, Сибири и Китая	266
<i>С. А. Васютин.</i> Археологический комплекс Хэрмэн дэнж (Монголия) как пример взаимодействия кочевого и оседлого населения	270
<i>Л. М. Ведутова.</i> Согдийцы и тюрки: столкновение цивилизаций (в условиях Великого шелкового пути)	272
<i>А. В. Евглевский.</i> Буддийское влияние на иконографию изваяний средневековых кочевников Евразии: Гипотезы, домыслы и реалии	274
<i>Вяч. С. Кулешов.</i> Северная окраина тюркского мира в отражении персидского географического трактата X в. «Худуд ал-'алам»	276
<i>П. Б. Лурье.</i> Тюрко-согдийские монеты и их находки в Пенджикенте	278
<i>А. А. Михеева.</i> Археологическое наследие христианства в Средней Азии и Южном Казахстане (история открытий и исследований)	281
<i>Н. В. Семенов.</i> К вопросу о «золотых персиках» Мадрушката	284
<i>Н. Н. Серегин.</i> Археологические комплексы Монголии предтюркского периода и начального этапа культуры тюрков: итоги и перспективы исследований	286
<i>В. С. Соловьев, Т. Г. Филимонова.</i> Керамика селения Сари Купрук	288
<i>Б. Хенселлек.</i> О происхождении аланских материалов в коллекции Метрополитен-музея	293
<i>Н. И. Юдин, А. Н. Масловский, М. Каземпур.</i> Образцы глазурованной керамики XIV в. азербайджанского (ширванского) производства из раскопок золотоордынского Азака	294
Список сокращений	297

CONTENTS

From the Organizing Committee of the conference	5
---	---

PART I

Contributions of Anatolii M. Mandel'shtam and Igor' N. Khlopin to the study of archeology and ancient history of Central Asia

<i>Yu. G. Kutimov.</i> Anatolii M. Mandel'shtam (1920–1983)	7
<i>V. A. Alyokshin.</i> Igor' N. Khlopin and the prehistoric archeology of Central Asia	10
<i>B. B. Ovchinnikova.</i> From reminiscences about Anatolii M. Mandel'shtam	14
<i>Ya. V. Vassilkov.</i> Remembering the Aymyrlyg talks with Anatolii M. Mandel'shtam	19
<i>Yu. G. Kutimov.</i> Archaeological investigations by Anatolii M. Mandel'shtam in the Bishkent valley of Tajikistan	22
<i>K. I. Tashbaeva.</i> Anatolii M. Mandel'shtam about the history of the Wusun in Central Asia (on the problem of the chronology and interrelations of the Saka and Wusun cultures)	24
<i>V. P. Nikonorov.</i> Western Central Asia of the Antique epoch in the works by Anatolii M. Mandel'shtam and Igor' N. Khlopin	26

PART II

Central Asia and neighbouring regions of Eurasia in the Prehistoric era (Neolithic — Bronze Age)

<i>V. A. Alyokshin.</i> Cultural contacts of Southwestern Turkmenistan, Northeastern Iran and Southeastern Turkmenistan in the SWT-II period (according to the results of Igor' N. Khlopin's excavations at the Parkhay II burial ground)	33
<i>V. A. Alyokshin.</i> Cosmetic metal bars from the Zamanbaba burial ground (Southern Uzbekistan)	37
<i>F. Sh. Aminov, Egor K. Blokhin, Natal'ya F. Solov'yova.</i> Ceramics of the transition period from the early to the developed Eneolithic in the Kopet Dagh piedmont — new evidence from excavations at Ilgynly-Depe	41
<i>V. B. Bakhshaliyev.</i> Relations of the Neolithic culture of Nakhichtvan with the Middle East ...	44
<i>E. V. Bakhshaliyev.</i> Relations of the Middle Chalcolithic cultures of Nakhichevan with the Middle East.	47
<i>Yu. E. Beryozkin.</i> The myth about a driver for the dry land in the Eurasian steppes?	49
<i>N. M. Vinogradova, Sh. F. Kurbanov, S. Bobomulloev.</i> Preliminary results of the study of the Mustafotepe burial ground in the upper reaches of the Zeravshan river	52
<i>T. S. Hashimova.</i> Relations of polychrome painted ceramics from the settlement of Kizkala with the Near East	55
<i>E. A. Gordeeva.</i> Migration processes and the formation of the ideological worldview of the Central Asian society in Antiquity.	57
<i>A. A. Goryachev, T. A. Egorova.</i> Funeral traditions of the Bronze Age tribes of the Khantau transit corridor	59

<i>A. V. Gromov</i> . Populations of Southwestern Turkmenistan in the Eneolithic and Bronze Ages	65
<i>A. V. Gromov, N. I. Lazaretova</i> . The Okunev culture population of the Minusinsk basin according to osteometric data	68
<i>S. P. Grushin, N. A. Dubova, A. V. Fribus</i> . Miniature columns of BMAC: their morphological peculiarities and possible purpose.	70
<i>N. A. Dubova, A. A. Tishkin</i> . X-ray fluorescence analysis of alloys of two status items from Gonur-Depe (Turkmenistan)	74
<i>L. B. Kircho</i> . Contacts of the population of Altyn-Depe and Southwestern Turkmenistan in the late 4th — 3rd millennium BC	77
<i>A. V. Kiyashko</i> . The spread of the catacomb funeral rite in the process of interaction between the sedentary and nomadic populations of Eurasia in the Bronze Age	83
<i>E. V. Kuzina, E. K. Blokhin, N. F. Solov'yova</i> . Spindle whorls and «pommels» of the late Namazga I period from excavations at Ilgynly-Depe	85
<i>Z. K. Quliyeva</i> . Relations of the Eneolithic Culture of Nakhichevan with the Near East	89
<i>E. A. Muradova</i> . On the problem of the interaction of cultures (in the light of new data)	92
<i>A. V. Polyakov</i> . On the peculiarities of Okunev-type monuments of the Upper Yenisei	93
<i>E. N. Sava, T. G. Soroceanu</i> . The western border of the distribution of riveted cauldrons in Bronze Age Eurasia	96
<i>I. A. Savko</i> . On the formation of Andronovo (Fedorovo) culture monuments in Eastern Kazakhstan	99
<i>R. M. Sataev, L. V. Sataeva, N. A. Dubova</i> . The natural conditions of Ancient Margiana	101
<i>St J. Simpson</i> . A new identification for the conical stone container from the excavations by Igor N. Khlopin at Parkhai II (Grave 19)	103
<i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina</i> . Typological classification of stone columns from Gonur-Depe (Southern Turkmenistan)	106
<i>N. F. Solov'yova, E. K. Blokhin</i> . «Cupboards» and ovens of Ilgynly-Depe	109
<i>E. G. Starkova</i> . Symmetric analysis as one of the methods to study ancient ceramic ornaments	116
<i>K. I. Tashbaeva</i> . Subject lines in the petroglyphs of Saimaly-Tash	119
<i>A. V. Fribus, S. P. Grushin, R. M. Sataev, N. A. Dubova</i> . Drawings and signs on the ceramics from Gonur-Depe (Turkmenistan): application technique, iconography, semantics	121
<i>I. Heit</i> . Domestic architecture at Monjukly-Depe in the context of Neolithic and early Eneolithic built space of Southern Turkmenistan: an analysis of successive traits	124
<i>N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda</i> . Chronology of the artefacts from the Sosnovaya Maza Hoard	127
<i>G. L. Bonora, G. Rossi Osmida (†), A. Cengia</i> . A thymiaterion from the Oxus Civilisation Graveyard of Adji Kui in Margiana	130
<i>E. Luneau, V. Martinez Ferreras, A. Abdykanova, K. Tabaldiev, G. Motuzaitė Matuzeviciute</i> . New studies on Bronze Age ceramics from Northern Kyrgyzstan	134
<i>N. Museibli</i> . Small clay products in the Leilatepe culture	136

PART III

Central Asia and neighbouring regions of Eurasia in the Early Iron Age and Antique times

<i>A. G. Akulov, P. V. Ishutina</i> . Beyond the edge of the Oecumene: new perspectives for researching barrows of the Krasnoyarsk forest-steppe	141
<i>A. S. Balakhvantsev</i> . Early Nomads on the Borders of Chorasmia: the Massagetae	145
<i>O. V. Be'lsh</i> . The long walls in the fortifications of Central Asia	147
<i>Zhicheng Bi, I. V. Palaguta</i> . Tomb reliefs of the Han Era from the Shandong Province in the context of East-West relations	149

S. B. <i>Burkov</i> . On the origin of the Alans of the Central Ciscaucasia according to archeological data: the Central Asian hypothesis	154
V. S. <i>Busova</i> . A study of the collection of archaeological leather from the Aymyrlyg burial ground (based on materials from the State Hermitage)	157
A. V. <i>Varenov</i> . Dating and semantics of the Selenga petroglyphs and its reminiscences on funeral reliefs of the Qidan sarcophagi	159
Yu. A. <i>Vinogradov</i> , Mikhail I. Rostovtzeff about the interactions of the Bosphorus with the nomadic world of the Northern Black Sea region	163
A. V. <i>Gromov</i> , E. N. <i>Uchaneva</i> . History of the population of Tuva in Scythian times: an analysis of craniological data.	165
N. D. <i>Dvurechenskaya</i> . Bactrian ceramic complex of the Seleucid period	168
T. O. <i>Dvurechenskaya</i> . Handmade pottery from the fortress of Uzundara	170
O. V. <i>Dvurechenskii</i> . Weaponry complex of the defenders of the fortress of Uzundara	171
A. V. <i>Dedyul'kin</i> . Ivory parts of Hellenistic parade weapons from the Oxus Temple	174
A. B. <i>Djumaev</i> . On the problem of interpreting ancient and early medieval archaeological sources in the studies on the history of the musical culture of Central Asia.	177
V. A. <i>Dmitriev</i> . On the geopolitical situation in the Middle East during the 360s — 370s AD	179
O. V. <i>Dyakova</i> . Pol'tse culture in the Far East: its formation and genesis	181
M. E. <i>Kilunovskaya</i> . The barrows with dromoi of the Scythian period in Tuva	182
S. G. <i>Koltukhov</i> . On the dating of the Chernogorovka-culture burial and stele from the Tselinnoe 16 barrow in the context of pre-Scythian antiquities of the Black Sea region.	186
A. A. <i>Krasnoperov</i> . Buckle from the collection of the Ilyinsky Museum (the Perm Region) and its context.	189
T. K. <i>Mkrtychev</i> . Concerning the place of Buddhism in Kushan Bactria	191
V. V. <i>Mokrobodov</i> . Building techniques and materials of Central Asian settlements in the mid-1st millennium BC.	193
A. V. <i>Omel'chenko</i> . Nomadic material complexes of Western Sogdia and Bactria in the 1st century BC — 2nd century AD (according to the excavations of cultic and funeral sites)	195
S. V. <i>Pankova</i> . Pile objects from the Tarim basin sites of the 1st millennium BC: an overview of finds.	199
E. V. <i>Rtveladze</i> . Kampyrtepa — Alexandria Oxiana — Pandokheion: new data on the Parthians' presence in the Oxus valley	204
Vl. A. <i>Semenov</i> . Archaeological sites of the Chaa-Khol' river valley in Tuva	207
E. O. <i>Stoyanov</i> . The stone <i>callaina</i> and the «peoples of the Caucasus mountains»: on the interpretation of a controversial passage from the «Natural history» by Pliny the Elder.	210
A. V. <i>Subbotin</i> . Stages of the settlement of the Nazarov Hollow by the Tagar tribes	212
R. Kh. <i>Suleimanov</i> . Early nomads and Central Asia.	216
N. A. <i>Sutyagina</i> . Reconstruction of the interior decoration of the Noin-Ula tombs (based on materials from the excavations of the Mongolian-Tibetan expedition).	218
A. I. <i>Torgoev</i> , A. V. <i>Kulish</i> , M. K. <i>Borsunbaev</i> . Ancient settlement of Shamsi III — the headquarters of Kenkol-culture tribes in the Chu valley.	223
V. B. <i>Trubnikova</i> . An attempt of identifying the local-chronological groups of Xianbei culture	227
K. V. <i>Chugunov</i> . Markers of cultural-chronological horizons of Early Scythian times in the Asian zone of the Eurasian steppes — an attempt of identification.	229
O. V. <i>Sharov</i> . Chronology of the cult complexes near the village of Taraktash in the Eastern Crimea	231
I. Yu. <i>Schaub</i> . Headgear from the 1st Mordvinovskiy barrow and its Siberian analogies.	233

<i>I. A. Arzhantseva, M. Goffriller, H. Haerke.</i> Multidisciplinary approaches to the Dzhety-Asar archaeological landscape: early state formation in the Eastern Aral Sea region?	236
<i>A. Kurbanov.</i> Understanding Late Antique Dehistan	238
<i>K. Maksymiuk, A. Kubik, P. Skupniewicz.</i> The relief at Rag-i Bibi: can it be considered as Sasanian?	239
<i>E. M. Murphy.</i> Life and death in the Scythian world of Southern Siberia: a social bioarchaeological study of the mobile pastoralists from Aymyrlyg	244

PART IV

Central Asia and neighbouring regions of Eurasia in the Middle Ages

<i>A. V. Antipenko, Dj. E. Seidalieva, E. I. Seidaliev.</i> Elemental composition of copper pūls minted in Solkhat (preliminary results)	249
<i>T. K. Arzybaev.</i> The irrigation of Central Asia in the 15th century	254
<i>A. A. Burkhanov.</i> Interaction of the sedentary-agricultural oases and urbanistic centers of the Middle Amu Darya basin with the nomadic cultures of Central Asia and Eurasia in Antiquity and the Middle Ages (within the Lebap velayat of Eastern Turkmenistan)	256
<i>A. A. Burkhanov, L. Sh. Akhmetova.</i> Eastern Trans-Kama region in the system of cultures and civilizations of the Volga-Ural region and Eurasia (on the interaction of the nomadic and sedentary cultures of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages)	259
<i>A. V. Varenov, M. A. Kudinova.</i> Traces of Nestorian influence at the Wujiachuan petroglyph site in the Gansu province (China)	263
<i>A. V. Varenov, D. V. Cheremisin.</i> Images of Senmurw in the rock art of Central Asia, Siberia and China	266
<i>S. A. Vasyutin.</i> The archeological complex of Khermen Denzh (Mongolia) as an example of the interaction between the nomadic and sedentary population	270
<i>L. M. Vedutova.</i> The Sogdians and the Turks: a clash of the civilizations (in the conditions of the Great Silk Road)	272
<i>A. V. Yevglevskii.</i> The Buddhist influence on the iconography of statues of the medieval nomads of Eurasia: Hypotheses, guessworks and reality	274
<i>V. S. Kuleshov.</i> The Northern periphery of the Turkic world as reflected by the 10th-century Persian geographical treatise «Ḥudūd al-‘Ālam»	276
<i>P. B. Lurje.</i> Turko-Sogdian coins and their finds in Panjakent	278
<i>A. A. Mikheeva.</i> Archaeological heritage of Christianity in Central Asia and Southern Kazakhstan (history of discoveries and research)	281
<i>N. V. Semenov.</i> On the «golden peaches» of Madrushkat	284
<i>N. N. Seregin.</i> Archaeological complexes of Mongolia of the pre-Turkic period and early stage of Turkic culture: results and perspectives of research	286
<i>V. S. Solov'ov, T. G. Filimonova.</i> Ceramics of the village of Sari Kupruk	288
<i>B. Hensellek.</i> On the provenance of the Alanic materials in the collection of the Metropolitan Museum of Art	293
<i>N. I. Yudin, A. N. Maslovskii, M. Kazempour.</i> 14th-century glazed pottery patterns of the Azerbaijani (Shirvani) origin from excavations at Azak, the Golden Horde site . . .	294
List of abbreviations	297

Научное издание

**Древние и средневековые культуры Центральной Азии
(становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и
скотоводческих обществ):**

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама
и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина
10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург*

Ответственные научные редакторы
В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов

Верстка *Е. М. Денисовой*
Дизайн обложки и обработка иллюстраций *С. В. Лебединского*
Корректор *В. Б. Трубникова*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 02.11.2020. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,5. Тираж 300 экз. Заказ № 1105

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в типографии ООО «Невская Типография».
197198, город Санкт-Петербург, Ропшинская улица,
дом 1/32, литер А, помещение 4Н, офис 9
тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru